

МАРТИН ЛИПСЕТ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЧЕЛОВЕК

СОЦИАЛЬНЫЕ
ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКИ

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Seymour Martin LIPSET

POLITICAL
MAN
The Social Bases
of Politics

Expanded edition

The Johns Hopkins University Press
Baltimore, Maryland

Мартин ЛИПСЕТ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЧЕЛОВЕК
Социальные
основания политики

Расширенное издание

·МЫСЛЬ·

Москва

УДК 32.001:316.334.3

ББК 66.0+60.561.3

Л61

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Перевод с английского: Е. Г. Гендель (гл. 1–8)
В. П. Гайдамака (гл. 9, 10, 13, 15)
А. В. Матешук (гл. 11, 12, 14)

Липсет, Мартин

Л61 **Политический человек : социальные основания политики /**
М. Липсет ; пер. с англ. Е. Г. Генделя, В. П. Гайдамака, А. В. Матешук. –
Москва : Мысль, 2016. – 612 с.

ISBN 978-5-244-01177-7

Мартин Липсет (1922–2006) – один из крупнейших политических социологов США. Всемирную известность ему принесли работы по сравнительной политологии и социологии демократии, теория связи между уровнем экономического развития и демократией, заложившая помимо прочего основы теории модернизации. «Политический человек» – классическое и одно из наиболее цитируемых сочинений по политической социологии, переведенное на 20 языков. Центральная тема книги – социальные основы демократии и авторитаризма (в том числе разных форм фашизма) – исследуется не только на примере политики и выборов, но и применительно к случаю «частного правительства» – профсоюзов. Отдельная глава посвящена роли интеллектуалов в демократическом обществе.

УДК 32.001:316.334.3

ББК 66.0+60.561.3

Все права сохранены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме с помощью каких-либо электронных или механических средств, включая изготовление фотокопий, запись, поиск и хранение информации, без письменного разрешения издателя.

25 мая 2015 года Фонд «Либеральная Миссия» внесен Министерством юстиции РФ в реестр «Некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента».

All rights reserved. Published by arrangement with The Johns Hopkins University Press, Baltimore, Maryland

ISBN 978-5-244-01177-7

© Мысль, 2015

© 1959, 1960, 1981 by

Seymour Martin Lipset

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	13
Предисловие к изданию 1981 г.	19
ГЛАВА 1. СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ	23
Интеллектуальные истоки	25
Классовый конфликт и консенсус:	
Маркс и Токвиль	27
Бюрократия и демократия: Вебер и Михельс	31
Современные исследования	34
ЧАСТЬ I. УСЛОВИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СТРОЯ	49
ГЛАВА 2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ДЕМОКРАТИЯ	51
Экономическое развитие	
в Европе и двух Америках	55
Экономическое развитие и классовая борьба	68
Политика быстрого экономического развития	77
Методологическое приложение	82
ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ,	
ЛЕГИТИМНОСТЬ И ДЕМОКРАТИЯ	89
Легитимность и эффективность	89
Легитимность и конфликт	96
Системы правления	106
Современные вызовы: коммунизм и национализм	108
ГЛАВА 4. АВТОРИТАРИЗМ РАБОЧЕГО КЛАССА	115
Демократия и низшие классы	120
Экстремистские религии и низшие классы	126
Социальная ситуация низших классов	129
Перспективы низшего класса	137
Как становятся авторитарными	144
Экстремизм как альтернатива: тестирование гипотезы	146
Исторические модели и демократические действия	151

Глава 5. «Фашизм» — левый, правый и центристский	157
«Фашизм» и средний класс	161
Германия	168
Австрия.	183
Франция.	186
Италия	197
США: маккартизм как популистский экстремизм	201
Перонизм — «фашизм» низших классов	205
Социальные основания фашизма	209
ЧАСТЬ II. ГОЛОСОВАНИЕ В ЗАПАДНЫХ ДЕМОКРАТИЯХ	213
Глава 6. Выборы: кто голосует и кто этого не делает?	215
Релевантность правительственной политики	224
Доступ к информации	229
Групповое давление в пользу голосования	241
Перекрестное давление	245
Заключительные соображения	261
Глава 7. Выборы: выражение демократической классовой борьбы	265
Левое голосование: реакция на групповые потребности.	279
Воздействие социальных условий на голосование за левых	298
Глава 8. Выборы: выражение демократической классовой борьбы — непрерывность и изменения	317
Поколения и политическое поведение	317
Историческое прошлое разных моделей голосования	325
Заключительные замечания	336
ЧАСТЬ III. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В АМЕРИКАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ	341
Глава 9. Классы и партии в американской политической жизни	343

Партийная политика, определяемая сторонниками партии	352
Либерализм высшего класса	357
Эффект однопартийных штатов	361
Национализация политики	363
Глава 10. АМЕРИКАНСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ: ИХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС	371
Историческая левизна американских интеллектуалов.	374
Источники либерализма	379
Подлинный статус интеллектуалов.	385
Интеллектуалы и интеллигенция	388
Проблема численности	392
Интеллектуалы в политике	398
Антиинтеллектуализм и американские ценности.	399
Сдвиг вправо.	403
Глава 11. Возникновение однопартийного Юга — выборы 1860 года.	409
ЧАСТЬ IV. ПОЛИТИКА ЧАСТНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА: НА ПРИМЕРЕ ПРОФСОЮЗОВ	421
Глава 12. Политические процессы в профсоюзах	423
Необходимость бюрократии	425
Каналы коммуникации в профсоюзах	430
Монополия на политические навыки	432
Социальный статус профсоюзных лидеров	435
Участие рядовых членов	441
Временные факторы.	446
Выводы.	463
Методологическое дополнение	468
ЧАСТЬ V. ЛИЧНЫЙ ПОСТСКРИПТУМ.	471
Глава 13. Конец идеологии?	473

Глава 14. Уточнение позиций и новые выводы	489
Экономический и классовый анализ	490
Социальные предпосылки демократии	498
Поддержка авторитаризма рабочим классом	504
Фашизм и бунт против современности	515
Голосование и демократическая классовая борьба в постиндустриальном обществе.	529
Заключение	547
Глава 15. «Конец идеологии»: понятие и его история	549
Происхождение понятия конца идеологии	551
Современные формулировки	555
Реакции на студенческие волнения	560
Формулировка Кеннеди	567
Предвосхищения Новой политики	568
Идеология конца идеологии	575
Эмпирический анализ	579
Заключение	583
Предметный указатель	586
Указатель имен	597

«Человек по природе своей есть существо политическое¹» (Книга третья, IV 2; англ. изд., 1129²).

«Общественный инстинкт встроен природой во всех людей, и тем не менее тот, кто первым основал государство, был величайшим из благодетелей. Ибо человек, когда он безупречен, есть наилучшее из животных, но когда он обособляется от закона и справедливости, то делается наихудшим из всех, поскольку хорошо вооруженная несправедливость наиболее опасна, а человек с рождения оснащен оружием, которое предназначено для его использования разумом и храбростью, но которое он может применять для достижения наихудших целей. Посему, ежели человек не обладает добродетельностью, то становится самым нечестивым, злобным и самым диким из животных и его переполняют вожделения и ненасытность. Но справедливость есть обязанность всех людей в государствах, ибо отправление правосудия, задача которого состоит в установлении того, что справедливо, является принципом порядка в политическом обществе» (англ. изд., 1130).

«Если же взять любого [из совокупности]³ в отдельности, то он, возможно, окажется хуже [мудрого человека]; но ведь государство состоит из многих, и, подобно тому как пиршество в складчину бывает лучше обеда простого, на одного человека, так точно и толпа о многих вещах судит лучше, нежели один человек, кто бы он ни был. Сверх того, масса менее подвержена порче [чем совокупность немногих], подобно большому количеству воды, масса менее поддается порче, чем немногие» (Книга третья, X 5–6; англ. изд., 1200).

«Неизбежно следует, что государство, состоящее из средних людей, будет иметь и наилучший государственный строй [причем хорошо будут, скорее всего, управляться те государства, в которых среднее сословие велико]. <...> Поэтому величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане

* На полях под чертой указано начало страницы по английскому оригиналу. См. указатели.

¹ Нередко переводят «есть политическое животное», и именно так сказано в английском тексте. — *Прим. перев.*

² Там, где это возможно, здесь и далее даются ссылки вначале на традиционный русский перевод Аристотеля (если он доступен), а затем и на использованный в оригинале этой монографии его английский перевод. — *Прим. перев.*

³ В цитатах из традиционного русского перевода Аристотеля здесь и далее в квадратных скобки заключены дополнения и уточнения, заимствованные из английского перевода. — *Прим. перев.*

обладали собственностью средней, но достаточной; а в тех случаях, когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, [может] возникать либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания, именно под влиянием [каждой из этих] противоположных крайностей. Ведь тирания образуется как из чрезвычайно распушенной демократии, так и из олигархии, [но] значительно реже — из средних видов государственного строя и тех, что сродни им. <...> Демократии пользуются большей в сравнении с олигархиями безопасностью; существование их более долговечно благодаря наличию в них средних граждан (их больше, и они более причастны к почетным правам [и больше участвуют в управлении] в демократиях, нежели в олигархиях). Но когда за отсутствием средних граждан неимущие подавляют своей многочисленностью, [возникают трудности и беспорядки] государство оказывается в злополучном состоянии и быстро идет к гибели» (Книга третья, IX 1; англ. изд., 1221—1222).

viii

«<...> В тех демократических государствах, где решающее значение имеет закон, демагогам нет места, там на первом месте стоят лучшие граждане; но там, где верховная власть основана не на законах, появляются демагоги. Народ становится тогда единодержавным, как единича, составленная из многих: верховная власть принадлежит многим, не каждому в отдельности, но всем вместе. <...> В этом случае простой народ, являясь [теперь] монархом, стремится и управлять по-монаршему (ибо в этом случае закон им не управляет) и становится деспотом (почему и льстецы у него в [большом] почете)» (Книга четвертая, IV 4—5; англ. пер., 1212).

«Наличие нескольких видов государственного строя объясняется множественностью частей, из которых слагается всякое государство. Прежде всего мы видим, что все государства состоят из семей, затем из этой массы семей одни семьи, конечно, бывают состоятельными, другие — бедными, третьи имеют средний достаток. <...> Простой народ составляют, в свою очередь, земледельцы, торговцы, ремесленники; знатные опять-таки различаются по степени своего богатства и по размерам принадлежащей им собственности. <...> К отличиям, обусловливаемым богатством, присоединяются еще отличия по происхождению, по добродетели, а также по иным подобного рода преимуществам. <...> Таким образом, ясна неизбежность существования нескольких видов государственного строя, по характеру своему отличающихся один от другого, так как и составные части государства различаются между собой. Государственный строй есть порядок в области должностей [распределяемых

всеми гражданами между собой в соответствии с могуществом, которым обладают различные группы]; при нем все части находят себе место либо на основании свойств, присущих им, либо в силу того или иного правила, обуславливающего их равенство с общей точки зрения; например, правило, уравнивающее либо неимущих, либо состоятельных, либо общее для тех и других» (Книга четвертая, III 1–3; англ. изд., 1208).

«Универсальная и главная причина... бунтарского чувства... — это желание равенства, когда люди думают, что они равны другим, которые имеют больше, нежели они сами; или, опять же, это желание неравенства и превосходства, когда, считая себя выше иных, они думают, что имеют ничуть не более, чем стоящие ниже их, а, напротив, столько же или даже меньше. <...> Ныне в олигархиях массы учиняют бунты, исходя из идеи, что к ним относятся несправедливо, потому что, как я уже говорил ранее, они — ровня прочим, но не получают равную долю, а в демократиях восстают знатные особы, потому что и они не ровня прочим, а получают тем не менее всего только равную долю» (англ. изд., 1236–1237).

Все цитаты из сочинения Аристотеля «Политика». См.: *Аристотель*. Соч. : в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 376–644; пер. с древнегреч. С. А. Жебелева (М., 1911), сверенный и в ряде мест уточненный издательством «Мысль». Поскольку для второй и последней из приведенных цитат в вышеуказанном русском переводе не удалось найти надежные эквиваленты, они были переведены с того английского текста, которые приводит в своей монографии С. Липсет (Aristotle. «Politica», translated by Benjamin Jowett, in *The Basic Works of Aristotle*, edited by Richard McKeon (New York: Random House, 1941).

ВВЕДЕНИЕ

С тех пор как термин «социология» был впервые применен к систематическому исследованию общественных отношений, анализ политических процессов и институтов сделался одним из самых важных предметов заинтересованности вышеуказанной науки. Никакой социолог не может представить себе такого исследования общества, которое бы не включало политическую систему в качестве существенной части этого анализа. И многие из политологов, государствоведов и других ученых, работающих в сфере политических наук, спорили, особенно в последние годы, причем иной раз с другими специалистами из их собственной научной дисциплины, доказывая, что невозможно изучать политические процессы иначе, чем как частные случаи более общих социологических и психологических взаимоотношений и зависимостей. Растущее сотрудничество среди тех, кто изучает политическое поведение в рамках тех или иных отраслей политической науки, социологии, психологии и антропологии (причем в каждой из трех последних дисциплин теперь существуют общепризнанные подразделы, имеющие дело с политикой и политической жизнью), равно как и принятие всеми этими специалистами общих концепций и методов являет собой новое свидетельство основополагающего единства всех общественных наук. Изучение человека в обществе невозможно плодотворно разделить на фрагменты и разложить по разным полочкам согласно независимым понятиям и сферам заинтересованности.

Эта книга предназначена для самых разных аудиторий, в частности для людей, проявляющих общий интерес к политике и политической жизни, для академических аналитиков, для ученых с узкой специализацией и, наконец, для практиков. Некоторые читатели будут в первую очередь озабочены причинами и последствиями того или иного политического поведения, другие — теоретическими и методологическими проблемами данной академической дисциплины. Полагаю, что обе эти группы будут удовлетворены совокупностью представленных здесь материалов; при этом некоторые из методологических обсуждений вынесены в приложения к главам (см. главы 2 и 12), чтобы лица, менее заинтересованные подобными вопросами, могли безболезненно пропустить их рассмотрение.

Главная проблема, с которой имеет дело данная книга, — демократия как особенность или характеристика общественных систем.

х Основные обсуждаемые в ней темы — это условия, необходимые для демократии в обществах и организациях; факторы, которые воздействуют на участие людей в политической жизни, в особенности на их поведение как избирателей; далее источники поддержания ценностей и, наконец, политические движения, придающие силу демократическим институтам или же угрожающие им.

Публикуемые здесь исследования в области социологии политической жизни не были задуманы изначально в качестве некоего сборника эссе, которые — так уж случилось — были написаны одним и тем же человеком. Скорее я пытался выбрать из различных моих статей такие, что наилучшим образом иллюстрировали бы тот вклад, который социолог может внести в понимание демократических политических систем. В процессе этих занятий мне стало ясно, что книга, составленная исключительно из уже существующих статей, создала бы трудности для читателя, потому что она обошла бы вниманием многие проблемы и вопросы, которые из логических соображений непременно следовало бы подвергнуть обсуждению. Я попытался устранить данный дефект, написав целый ряд эссе специально для этого тома и подвергнув другие интенсивной переработке. С помощью таких переделок я старался создать цельную книгу.

Так как данная книга иллюстрирует мои основные интеллектуальные интересы и личные ценности более полно, нежели любые предшествующие мои публикации, то считаю уместным выразить здесь признательность хотя бы некоторым из тех, кому я обязан более всего. В их числе прежде всего трое моих учителей и бывших коллег по Колумбийскому университету: Пауль Лазарсфельд, Роберт Линд и Роберт Мертон. Роберту Линду я признателен, среди многих иных вещей, за поддержку и укрепление моей веры в то, что исследования в области социологии и других общественных наук не могут не быть социально значимыми. Роберт Мертон помог мне и многим другим понять реальную мощь социологических концепций как инструментов анализа и как дефиниций тех захватывающих интеллектуальных границ, до которых простирается социология. От Пауля Лазарсфельда, этого самого блистательного логика в области общественных наук, я научился видеть разницу между анализом и иллюстрацией — разницу столь фундаментальную и важную, что для ее подробного изложения понадобилось бы много книг, которые он, к счастью, написал сам или же побудил к их написанию других.

Мне хотелось бы также упомянуть и прочих моих друзей, которые в разное время сыграли не менее важные роли в стимулировании моих интересов. Возможно, в интеллектуальном смысле я боль-

ше, чем любому другому человеку, обязан Хуану Линцу, вместе с которым проработал много лет. Рейнхард Бендикс давал мне мудрые советы по многим разнообразным темам, не самая малозначимая из которых касалась того, каким образом скомпоновать эту книгу. Мой коллега и бывший студент Роберт Олфорд сильно помог мне в просмотре и доработке эссе, образующих данную книгу. Энни Фридгуд из издательства Doubleday очень способствовала их логичности и улучшению стиля их изложения. В числе других, кому я обязан, Дэниел Белл, Натан Глейзер, Роберт Даль, Алекс Инкельс, Уильям Корнхаузер, Джеймс С. Коулман, Лео Лёвенталь, Дэниел Миллер, Филип Селзник, Мартин Трой, Дэвид Трумэн, Герберт Хаймен и Ричард Хофстедтер.

Три главы: 6, 7 и 8 — заслуживают здесь особого упоминания, потому что они были первоначально написаны как часть совместной работы Пауля Лазарсфельда, Аллена Бартона и Хуана Линца с факультета социологии Колумбийского университета, которые вместе со мной были соавторами главы *The Psychology of Voting* («Психология голосования») в сборнике *Handbook of Social Psychology* под редакцией Гарднера Линдзи, том II (Кембридж: Addison-Wesley, 1954). Я, однако, внес в эти материалы крупные изменения, в частности удалил некоторые разделы и добавил другие. Поскольку мои соавторы не были привлечены к этим решениям, у меня нет ощущения, что было бы правильным попросить их разделить ответственность за вышеупомянутые изменения, которые отражают мои личные интересы и потребности данной книги, а вовсе не их собственные нужды. Важно, однако, отметить, что в перечисленных главах основная часть их теоретического обоснования, равно как и сбор данных для них, является результатом указанного выше сотрудничества.

Многие из эмпирических обобщений, о которых здесь сообщается, основаны на анализе опросов общественного мнения, выполненных исследовательскими организациями самых разных стран. Целый ряд таких учреждений сотрудничал со мною в моих интересах, сделав доступными для меня дубликаты тех комплектов перфокарт, которые они получили в ходе своих исследований, а также предоставив мне результаты табулирования неопубликованных данных из своих картотек и архивов*. Я хотел бы выразить при-

* Напомним российскому читателю, что первое издание этой книги вышло в 1960 г., а готовилось еще раньше, когда для массового сбора данных служили картонные перфокарты, а для их обработки — особые счетно-перфорационные машины, или табуляторы. Указанную выше дату (как и 1981 г., когда вышло данное расширенное издание, с которого делался настоящий перевод) нужно постоянно иметь в виду при рассмотрении представленных в книге политических реалий, в том числе различных событий и организаций, а также их участников или лидеров. — *Прим. перев.*

знательность за такую помощь. Среди лиц и учреждений, которые сотрудничали со мной в указанных вопросах, — профессор Эрик Аллардт из Хельсинкского университета и финский Центр опросов общественного мнения «Социальные исследования (опросы Гэл-лапа)»; профессор П. Луццатто Фегиц и институт DOXA в Милане, Италия; д-р Ален Жирар и французский Национальный институт демографических исследований; Жан Стотцель и Луи Анжельби из французского Института исследования общественного мнения; Рой Морган из Австралийского центра опросов общественного мнения; д-р Эрих Райгротцки и Научно-исследовательский институт ЮНЕСКО из Кельна, Германия; д-р Стейн Роккан и Институт социальных исследований университета в Осло, Норвегия; проф. Итиэль де Сола Пул из Центра международных исследований при Массачусетском институте технологии и д-р Иэн Стейпел из Нидерландского института исследования общественного мнения.

xii

В этой книге сообщается лишь о малой части доступных материалов. Намного больше информации содержится в работе S. M. Lipset and Juan Linz, *The Social Bases of Diversity in Western Democracy* (Stanford: Center for Advanced Study in the Behavioral Sciences, 1956, напечатано на ротаторе). Пересмотренная версия этой рукописи будет в значительной степени иметь дело с компаративным политическим поведением.

Более ранние версии значительной части представленных здесь работ появлялись в различных журналах и сборниках статей. Я благодарен их издателям и редакторам за разрешения перепечатать или переработать эти публикации для данной книги. Вот список соответствующих статей:

«Political Sociology», *Sociology Today*, Robert K. Merton, Leonard Broom, and Leonard Cottrell, eds. (New York: Basic Books, 1959), pp. 81–114;

«Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy», *American Political Science Review*, 53 (1959), pp. 69–105;

«American Intellectuals: Their Politics and Status», *Daedalus*, 88 (Summer 1959), pp. 460–486;

«Democracy and Working-Class Authoritarianism», *American Sociological Review*, 24 (1959), pp. 482–502;

«Socialism — Left and Right — East and West», *Confluence*, 7 (Summer 1958), pp. 173–192;

«The American Voter», *Encounter*, 7 (August 1956), pp. 55–62;

«The State of Democratic Politics», *Canadian Forum*, 35 (1955), pp. 170–171;

(With Paul F. Lazarsfeld, Allen Barton, and Juan Linz) «The Psychology of Voting: An Analysis of Political Behavior», в сб. *Handbook of Social Psychology*, G. Lindzey, ed., Vol. II (Cambridge: Addison-Wesley, 1954), pp. 1124–1170;

«The Political Process in Trade Unions: A Theoretical Statement», в сб. *Freedom and Control in Modern Society*, Morroe Berger, Charles Page, and Theodore Abel, eds. (New York: D. Van Nostrand Co., 1954), pp. 82–124.

Две научно-исследовательские организации, членом которых я состоял, очень облегчили мою работу ученого, обеспечивая научную и административно-канцелярскую помощь, а также ту благоприятную для исследователя среду, которая побуждала меня к научной работе: в прошлом это было Бюро прикладных социальных исследований (Bureau of Applied Social Research) Колумбийского университета, которым в то время, когда я находился в этом университете, руководил профессор Чарльз Глок (в настоящее время он директор Исследовательского центра опросов Калифорнийского университета), а позже – Институт индустриальных отношений Калифорнийского университета в Беркли, который возглавляют профессор Артур Росс, директор, и д-р Маргарет Гордон, заместитель директора. Первая из этих организаций проявляла особый интерес к проблемам теории и методов кодификации в общественных науках, и значительная часть работы, о которой сообщается в главах 1, 6, 7, 8 и 9, была проделана под ее эгидой и с поддержкой в виде гранта, предоставленного Отделением бихевиористических наук Фонда Форда для целой совокупности исследований в области политического поведения¹. (Этот грант получила целая междисциплинарная группа, в состав которой входили Ричард Хофстедтер, Герберт Хаймен и Дэвид Трумэн, а я сам состоял ее председателем.)

Институт индустриальных отношений в Беркли был заинтересован, среди прочего, воздействием индустриализации и различающихся систем стратификации на состояние рабочего движения, на межклассовую и внутриклассовую напряженность, а также на политическое поведение профессиональных страт в различных странах. Большая часть работ, лежащих в основе первоначальной формы публикации остальных глав настоящей книги, была выполнена

¹ Помимо моих работ другими публикациями из этой совокупности были книги: Herbert Hyman, *Political Socialization* (Glencoe: The Free Press, 1959), и William Kornhauser, *The Politics of Mass Society* (Glencoe: The Free Press, 1959).

благодаря субсидиям и спонсорству этого института, а также с поддержкой в виде дополнительных грантов от Отделения бихевиористических наук Фонда Форда и от Комитета по компаративной политике Совета по исследованиям в области социальных наук. Я должен также с благодарностью отметить те без малого 12 месяцев, которые _____ провел в 1955–1956 гг. как член Центра продвинутых исследований в области бихевиористских наук, когда я был свободен от всех обязанностей, кроме моих собственных научных интересов.

xiv

В числе моих помощников в научной работе над проектами, результаты которых частично излагаются в настоящей книге, — Роберт Блонер, Рена Кацнельсон, Карлос Круйтбош и Амитай Этциони.

Сеймур Мартин Липсет
Беркли, Калифорния
15 мая 1959 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1981 г.

Переиздание книги спустя два десятилетия после ее первого появления на свет требует некоторого оправдания. В данном случае главное обоснование состоит в том, что эта книга оказалась хорошо принятой в момент своей первой публикации в 1960 г. и у нее, по-видимому, и сейчас есть немалая аудитория. Хотя какая-то часть научно-исследовательской литературы, о которой сообщается в данной работе, была за истекшее время вытеснена из научного оборота и заменена более актуальными публикациями, основные идеи и подходы, использованные в этом исследовании сравнительного политического поведения, и сейчас, в начале 1980-х годов, не потеряли своей значимости для тех, кто интересуется политической жизнью.

Когда университетское издательство The Johns Hopkins University Press впервые предложило опубликовать новое издание книги «Политический человек», моя первоначальная реакция заключалась в том, чтобы полностью ее переработать или, еще лучше, написать новую книгу, заново рассмотрев в ней многие из тех вопросов, которые освещались в ее первоначальном варианте. Однако ранее взятые мною на себя обязательства исключали такую возможность — по крайней мере на ближайшие несколько лет. Но просто дать разрешение опять напечатать книгу «Политический человек» без хотя бы какого-то обсуждения релевантности более свежих работ и критического рассмотрения их содержания казалось мне слишком самонадеянным.

По этим причинам я добавил к первоначальному изданию две главы, которые фигурируют здесь под номерами 14 и 15. Глава 14 уточняет и углубляет рассмотрение следующих четырех областей: «Экономическое развитие и демократия» (глава 2), «Авторитаризм рабочего класса» (глава 4), «Фашизм» (глава 5) и «Классовая политика» (главы 7, 8 и 9). Обсуждение темы «Конец идеологии?» (глава 13) усилено включением — в качестве заключительной главы — расширенной версии моей ранее опубликованной статьи, в которой этот вопрос трактуется комплексно и всесторонне¹.

¹ Целый ряд рассматриваемых здесь тем подвергался также углубленной проработке в моем сборнике статей Seymour Martin Lipset, *Revolution and Counterrevolution: Change and Persistence in Social Structures* (Garden City, N. Y.: Doubleday-Anchor Books,

Темы, трактовка которых не расширена в новых главах, в частности вопросы, рассматриваемые в главе 3 «Социальный конфликт, легитимность и демократия» или в главе 12 «Политический процесс в профсоюзах», проигнорированы, потому что в настоящий момент мне, по правде говоря, практически нечего особенно добавить к их первоначальному содержанию. Еще одна область, в которой за прошедшие два десятилетия было проделано много работы, — это политическое участие, обсуждавшееся в главе 6, но здесь эмпирические данные, полученные за минувшие годы, по существу лишь дополняют выводы и заключения, предложенные ранее в первом издании данной книги².

Политическая жизнь интеллектуалов (глава 10) — это область, в которой я проделал значительную работу с тех пор, как книга «Политический человек» впервые вышла в свет. Я просто отсылаю читателя к моим публикациям по данной проблематике³.

 ххi

1968), особенно часть 3 «Social Stratification and Politics» и часть 4 «Political Cleavages in Comparative Perspective», а также в написанных мною разделах книги Louis Horowitz and Seymour Martin Lipset, *Dialogues on American Politics* (New York: Oxford University Press, 1978).

² William H. Flanigan, *Political Behavior of the American Electorate*, 2d ed. (Boston: Allyn & Bacon, 1972); Bruno S. Frey, «Why Do High Income People Participate More in Politics?», *Public Choice* 11 (Fall 1971): 101–105; Norval D. Glenn and Michael Grimes, «Aging, Voting, and Political Interest», *American Sociological Review*, 33 (August 1968), pp. 563–575; Lester W. Milbrath and M. V. Goel, *Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics?*, 2d ed. (Chicago: Rand McNally, 1977); Sidney Verba and Norman H. Nie, *Participation in America*, (New York: Harper & Row, 1972); Sidney Verba, Norman H. Nie, and Jae-on Kim, *Participation and Political Equality* (New York: Cambridge University Press, 1968); Raymond E. Wolfinger and Steven J. Rosenstone, *Who Votes?* (New Haven: Yale University Press, 1980); John F. Zipp and Joel Smith, «The Structure of Electoral Political Participation», *American Journal of Sociology* 85 (July 1979), pp. 167–177; Jurg Steiner, *Bürger und Politik: Empirisch-theoretische Befunde über die politische Partizipation der Bürger in Demokratien unter besonderer Berücksichtigung der Schweiz und der Bundesrepublik Deutschland*, Vol. 4 of *Politik und Wähler* (Meisenheim am Glan: Verlag Anton Hain, 1969).

³ Seymour Martin Lipset, «The Politics of Academia», в сб. David C. Nichols, ed., *Perspectives on Campus Tensions* (Washington, D.C.: American Council on Education, 1970), pp. 85–118; Lipset, «Academia and Politics in America», в сб. T. J. Nossiter *et al.*, eds., *Imagination and Precision in the Social Sciences* (London: Faber & Faber, 1972), pp. 211–289; Lipset and Richard Dobson, «The Intellectual Rebel: With Special Reference to the United States and the Soviet Union», *Daedalus* 101 (Summer 1972), pp. 137–197; Lipset, *Rebellion in the University* (Chicago: University of Chicago Press, Phoenix edition, 1976); Lipset «Political Controversies at Harvard, 1636–1974», в сб. Lipset and David Riesman, *Education and Politics at Harvard* (New York: McGraw-Hill Book Co., 1975), pp. 2–278; Everett C. Ladd, Jr., and Lipset, «The Politics of American Political Scientists», *PS* 4 (Spring 1971), pp. 135–149; Lipset and Everett C. Ladd, Jr., «The Politics of American Sociologists», *American Journal of Sociology* 78 (July 1972), pp. 67–104; Everett C. Ladd, Jr., and Lipset, *The Divided Academy: Professors and Politics* (New York: W.W. Norton & Co., 1976).

За те два десятилетия, что прошли с момента первого издания данной книги, я продолжал заниматься исследованиями и публикациями о развитии политических событий — как в сравнительном, так и в американском контекстах. Об этой моей работе сообщается в различных книгах и статьях. Дополнительные материалы, представленные в части VI настоящей книги, основаны на какой-то части данной деятельности.

Мне хотелось бы выразить признательность за помощь и penetrating замечания всем тем ученым, с которыми я сотрудничал в течение указанного периода. В частности, это Стейн Роккан, который до его безвременной кончины в 1979 г. являл собой пример выдающегося политолога и социолога; Ирвинг Горовиц, Эверетт Лэдд, Эрл Рааб и Уильям Шнайдер. Я также многому научился у трех своих аспирантов, Ларри Даймонда, Гэри Маркса и Стива Стэдмена, которые помогали формулировать идеи, включенные в часть VI настоящей книги. Бренда Маклин также внесла заметный вклад в подготовку этого издания к публикации. Я хотел бы также поблагодарить издательство University of Chicago Press за предоставленное разрешение включить в качестве главы 15 этой книги мою статью, которая первоначально появилась в 1977 г. в сборнике Joseph Ben-David and Terry N. Clark, eds., *Culture and Its Creators*.

Сеймур Мартин Липсет
Стэнфорд, Калифорния
Январь 1981 г.

ГЛАВА 1

СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ¹

1

Одним из основных предметов интереса политической социологии является анализ социальных условий, способствующих демократии. Как ни удивительно это может звучать, но стабильная демократия требует манифестировать конфликт или раскол таким образом, чтобы шла борьба за ведущие позиции, чтобы кто-то бросал вызов партиям, стоящим у власти, и ставил под сомнение правомерность их пребывания там, чтобы происходили смены правящих партий. Однако без консенсуса — политической системы, позволяющей вести мирную игру с властью, без приверженности «чужих» таким решениям, которые приняты «своими», и без признания «своими» законным прав «чужих»* — не может быть никакой демократии. Поэтому исследование условий, способствующих демократии и поощряющих ее укрепление, должно сконцентрироваться на источниках как раскола, так и консенсуса.

Раскол — там, где он легитимен, — вносит свой вклад в интеграцию различных обществ и организаций. Профессиональные союзы, или тред-юнионы, например, помогают интегрировать своих членов в более крупное политическое образование (*body politic***)

¹ Здесь может представлять интерес целый ряд библиографических отчетов, посвященных исследованиям в области политической социологии и политического поведения. В числе нескольких недавних библиографических отчетов, имеющих дело с политикой и политической жизнью: R. Bendix and S. M. Lipset, *Political Sociology — A Trend Report and Bibliography*, *Current Sociology*, 6 (1957), pp. 79–169; Joseph R. Gusfield, «The Sociology of Politics», в сб.: Joseph B. Gittler, ed., *Review of Sociology* (New York: John Wiley & Sons, 1957), pp. 520–530. Краткими, но исчерпывающими руководствами, резюмирующими многие важные исследования, являются следующие книги: Robert E. Lane, *Political Life* (Glencoe: The Free Press, 1959) и Heinz Eulau, Samuel J. Eldersveld, and Morris Janowitz, eds., *Political Behavior* (Glencoe: The Free Press, 1956).

* На американском политическом жаргоне «свои» и «чужие» (*ins and outs*, прошедшие и ушедшие, иногда их еще называют «члены клуба» и «аутсайдеры») — это в двухпартийной системе соответственно члены партии, находящейся в данный момент у власти, и той партии, которая утратила власть в стране и пребывает сейчас в оппозиции. — *Прим. перев.*

** Этот американский политический термин, который можно также переводить как «политическое пространство» или «политическое целое», представляет собой собирательное понятие, охватывающее народ политически организованного

2

и давать им основания для проявления лояльности к системе. Сфокусированность Карла Маркса на союзах и партиях рабочих как локомотивах революционной напряженности была неверной. Как это ясно показывают главы 2 и 3, именно в тех странах, где рабочие оказались в состоянии сформировать сильные профессиональные союзы и получить представительство в политической жизни, наименее вероятно обнаружение дезинтегративных форм политического раскола. И разнообразные исследования убедительно показали, что члены тех профсоюзов, где разрешается легитимная внутренняя оппозиция, питают к ним заметно больше лояльности, нежели к более диктаторским и, казалось бы, более тесно объединенным, сплоченным и унифицированным профсоюзным организациям. Консенсус по поводу тех норм толерантности, которые общество или организация признаёт в настоящее время, зачастую вырабатывался только как результат фундаментального конфликта, и для поддержания этого консенсуса требуется, чтобы такой конфликт продолжался.

Данная книга стремится внести свой вклад в понимание демократических политических систем, и для этого в ней обсуждается целый ряд проблемных областей — это и социальные требования, предъявляемые к демократическим системам и к различным типам политического конфликта в США и других демократических обществах, особенно в связи с электоральным расколом; это и некоторые из конкретных причин возникновения антидемократических тенденций; это источники участия в политической жизни; это социальные базы, обеспечивающие поддержку тех или иных партий в США и других странах; и это, наконец, условия, которые определяют политическую жизнь профессиональных союзов. Чтобы понимать социологические обоснования, на которые опираются исследования вышеперечисленных тем, необходимо сначала рассмотреть эволюцию идей о современном обществе.

государства и всю общенациональную политическую систему. Оно восходит к эпохе позднего Средневековья, когда во избежание кризиса власти была разработана теория, согласно которой король существует в двух лицах: «лице физическом» (body natural) и «лице юридическом» (body politic), причем последнее продолжает жить даже после смерти первого. Данное выражение широко употреблялось многими американскими политическими деятелями, в том числе президентами Дж. Гарфилдом, Ф. Д. Рузвельтом, а также Д. Эйзенхауэром. Если учесть, что последний занимал свой пост в 1953–1961 гг., т.е. как раз в тот период, когда писалась первая, основная версия данной книги, то привязанность Эйзенхауэра к указанному понятию могла способствовать достаточно широкому употреблению термина body politic в этой книге. — *Прим. перев.*

Интеллектуальные истоки

Кризисы Реформации и промышленной революции, которые возвестили о рождении современного общества, послужили также основанием и для зарождения социологии политической жизни. Ломка традиционного общества в первый раз выставила на всеобщее обозрение различие между обществом и государством. Этот процесс поставил также следующую проблему: каким образом общество может стоять перед лицом непрерывных конфликтов среди отдельных его членов и различных групп и тем не менее все равно поддерживать социальное единство и легитимность государственной власти?

Раскол между абсолютистскими правителями XVII столетия и зарождающейся буржуазией сделал различия между человеком и гражданином, между обществом и государством совершенно ясными. Названные различия были одновременно и причиной, и следствием кризиса в вопросе о легитимности государства, которую некоторые мыслящие люди начинали ставить под сомнение, а другие — полностью отрицать. Боден в XVI в. впервые сформулировал принцип суверенитета государства по отношению к другим институтам в границах страны, чтобы тем самым оправдать верховенство государства, особенно в эпоху религиозных конфликтов. Многие философы — в их числе Гоббс, Локк и Руссо — пытались, каждый по-своему, решить такую основополагающую проблему, как потребность в светском консенсусе, который мог бы заменить собой религиозное решение Средневековья и перебросить мост, ликвидирующий разрыв между обществом и государством.

Жившие в XIX в. отцы политической социологии занимали в споре по поводу этой проблемы совершенно разные позиции. Такие ученые, как Сен-Симон, Прудон и Маркс, стали на сторону общества: для них именно оно было той тканью, которую надлежало усиливать и укреплять, тогда как государство следовало ограничивать, подвергать контролю со стороны общества или вообще отменить. По другую сторону располагались Гегель и его последователи, вроде Лоренца фон Штейна и других, которые полагали, что решение лежит в подчинении разнообразных и в корне различных элементов общества доминирующему суверенитету государства.

Социология политической жизни, как представляется, переросла это противоречие и решает более фундаментальную проблему. Разрешение той прежней дилеммы, подобно решению столь многих других альтернатив, напоминает поиски ответа на вопрос,

с самого начала поставленный неправильно. Ошибка состоит в том, что государством и обществом оперируют как двумя независимыми организмами и задаются вопросом, какой из них более важен или предпочтителен. Политические социологи теперь доказывают, что государство всего лишь один из многих политических институтов и что политические институты являются всего лишь одним из многих кластеров общественных институтов, а также что взаимоотношения и зависимости между этими институтами и кластерами других институтов — это предмет социологии в целом и что взаимоотношения и зависимости между политическими и иными институтами — это особая сфера социологии политической жизни. Социологи в своих дебатах о полномочиях политической социологии с политологами и другими специалистами по политическим наукам настаивали, что независимое исследование государства и других политических институтов не имеет теоретического смысла. Например, Толкотт Парсонс (Talcott Parsons), этот, возможно, самый крупный современный теоретик социологии, утверждал, что исследование политической жизни нельзя «трактовать в терминах четко специализированной концептуальной схемы... ровно по той причине, что политическая проблема социальной или общественной системы — это средоточие для интеграции всех ее аналитически различных компонентов, а не какого-то специально дифференцируемого класса этих компонентов»².

С точки зрения современной социологии всякие дебаты между «сторонниками» государства и, напротив, общества завершены. Но хотя предметы этого разногласия больше не именуются терминами «государство» и «общество», лежащая в его основе проблема достижения надлежащего баланса между конфликтом и консенсусом продолжает существовать. Это и есть центральная проблема, с которой имеет дело данная книга.

Социологи до сравнительно недавнего времени были намного активнее вовлечены в изучение условий, порождающих раскол, чем в установление необходимых предпосылок для политического консенсуса. Вытекающие отсюда последствия и осложнения становятся яснее, если мы рассмотрим четырех великих европейцев, чьи идеи — в большей или меньшей степени — образуют фундамент политической социологии: Маркса, Токвиля, Вебера и Михельса.

² Talcott Parsons, *The Social System* (Glencoe: The Free Press, 1951), pp. 126–127.

Классовый конфликт и консенсус: Маркс и Токвиль

Случилось так, что проблемы противопоставления «конфликт – консенсус» попали в центр внимания после Великой французской революции. Революционеры были, естественно, в первую очередь заинтересованы в раздувании конфликта, консерваторы – в поддержании социальной стабильности. Но на протяжении многих лет лишь узкий круг людей анализировал условия, при которых конфликт и консенсус оставались или могли оставаться сбалансированными.

Самым внятным провозвестником мнения о необходимости рассматривать конфликт в качестве центрального объекта интереса при исследовании политической жизни был Карл Маркс, и, как показывает значительная часть того анализа, который представлен далее в данной книге, у него было много плодотворных прозрений в вопросе о понимании фундаментальных причин конфликта. Алексис де Токвиль, с другой стороны, явился первым крупным выразителем мысли о том, что демократия включает в себя баланс между силами конфликта и консенсуса.

Для Маркса сложное общество может характеризоваться *либо* постоянным конфликтом (даже если он подавлен), *либо* консенсусом, но никак не их сочетанием. Он видел конфликт и консенсус как альтернативы, а не как расходящиеся тенденции, которые могут быть сбалансированы. С одной стороны, он проецировал консенсус, гармонию и интеграцию на коммунистическое будущее (и до некоторой степени – на коммунистическое прошлое); с другой стороны, он рассматривал конфликт и абсолютизм как великий факт истории в эпоху между древним первобытным коммунизмом и предстоящим успехом пролетарской революции.

Марксова концепция будущего гармоничного общества оказала существенное воздействие на его социологический кругозор и мировоззрение. Политическая система, которую он проектировал, была не институционализированной демократией, а анархией. Это означало, в частности, конец всякого разделения труда, поскольку устранение дифференциации ролей в экономических сферах жизни должно было, согласно Марксу, устранить главный источник социального конфликта: «...в коммунистическом обществе, где никто не ограничен исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность делать сегодня одно, а завтра – другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу,

вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике, — как моей душе угодно, — не делая меня, в силу этого, охотником, рыбаком, пастухом или критиком»³.

Это утверждение не просто греза Маркса об утопическом будущем. Оно описывает одно из основных обстоятельств коммунистического общества, поскольку коммунизм «есть истинное разрешение антагонизма между человеком и природой, [и] между человеком и человеком...»⁴. Он означает устранение всех социальных источников различий, ликвидируя даже различие между городом и деревней⁵.

6 Так как в стратифицированном обществе, где доминирует эксплуататорский класс, консенсус невозможен, Маркс не мог себе вообразить источники солидарности в докоммунистическом обществе. В первую очередь его интересовал анализ факторов, способствующих 6 мощи борющихся между собой сил. Он, однако, никогда не проявлял реальной заинтересованности в том, чтобы понять психологические механизмы, через посредство которых интересы людей дисциплинируются, — даже с целью увеличения классовой силы. В одном любопытном пассаже, написанном, когда он был молод, Маркс поставил эту проблему в гегелевских терминах: «Каким образом получается, что личные интересы всегда развиваются против воли личностей в классовые интересы, в общие интересы, которые приобретают самостоятельность по отношению к отдельным лицам, принимают при этом в своем обособлении форму всеобщих интересов, в качестве таковых вступают в противоречие с действительными индивидами и в этом противоречии, будучи определены как всеобщие интересы, могут представляться сознанием как идеальные и даже как религиозные, святые интересы?»⁶

Но сам Маркс никогда не пробовал ответить на этот вопрос⁷. В принципе, его не беспокоила потребность общества в поддержании тех институтов и ценностей, которые облегчают сохранение стабильности и сплоченности. Для Маркса социальные ограничения

³ Karl Marx, *The German Ideology* (New York: International Publishers, 1939), p. 22. [К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 32.]

⁴ Цитируется по французскому изданию «Святого семейства» в книге: G. Gurvitch, «La Sociologie du jeune Marx», *Cahiers internationaux de sociologie*, 4 (1948), p. 25.

⁵ Karl Marx, *op. cit.*, p. 44.

⁶ Karl Marx, «Ideology — “Saint Max”»), *Gesamtausgabe*, I, 5, p. 226, цит. в: *The German Ideology*, p. 203. [К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 234.]

⁷ Наилучшее марксистское обсуждение проблемы развития классового единства и фактического отказа от личных интересов в пользу интересов классовых можно найти в: Georg Lukacs, *Geschichte und Klassenbewusstsein* (Berlin: Malik, 1923).

не выполняли никаких общественно необходимых функций, а скорее поддерживали правящий класс и его господство.

В теории Маркса совершенно нет места для демократии в условиях коммунизма. В ней существуют только два взаимно исключающих социальных типа: общество конфликта и общество гармонии. Согласно Марксу, первый тип является в своей основе деструктивным для человеческого достоинства и должен быть уничтожен. Второй избавлен от источников конфликта, и, следовательно, в нем нет никакой потребности в таких демократических институтах, как гарантии и защитные механизмы против государственной власти, как разделение властей, защита юридических гарантий, конституция или «билль о правах»⁸. История российской революции уже продемонстрировала некоторые из чудовищных последствий применения подобной теории, которая имеет дело только с несуществующими идеальными типами — иначе говоря, с обществами, где царит полная гармония, а также обществами с постоянным и незатиhaющим конфликтом.

На первый взгляд теория Токвиля выглядит похожей на Марксову, поскольку они оба делают упор на солидарность внутри социальных единиц и на необходимость конфликта между этими единицами. (Для Маркса указанные единицы были классами; для Токвиля они представляли собой местные сообщества и добровольные организации.) Однако Токвиль в отличие от Маркса предпочел делать акцент на тех аспектах социальных единиц, которые могли бы в одно и то же время поддерживать как политический раскол, так и политический консенсус. Он не проецировал свое гармоничное общество в будущее и не разделял во времени источники социальной интеграции и источники раскола. Одни и те же единицы — в США это, например, федеральное и штатные правительства, конгресс и президент, — которые функционируют независимо друг от друга и поэтому обязательно находятся в состоянии напряженности, вместе с тем зависят друг от друга и связаны через политические партии. Частные ассоциации, которые являются источниками ограничений, налагаемых на правительство, служат также важными каналами вовлечения людей в политическую жизнь. Короче говоря, они представляют со-

⁸ См. нападки Маркса на аналог билля о правах во Второй французской республике как на обман в его работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» в сб.: V. Adoratsky, ed., *Selected Works of Karl Marx* (Moscow: Cooperative Publishing Society of Foreign Workers in the USSR [Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР], 1935), pp. 328–329.

бой механизмы по созданию и поддержанию консенсуса, необходимого для демократического общества.

Заинтересованное отношение Токвиля к плюралистической политической системе было результатом его интерпретации трендов современного ему общества. Индустриализация, бюрократизация и национализм, которые приводили низшие классы в политику и политическую жизнь, вместе с тем подрывали менее значимые местные центры полномочий и концентрировали власть в государственном левиафане. Токвиль боялся, что социальный конфликт исчезнет, поскольку будет существовать только один центр власти – государство, которому никакая другая группировка не сможет противостоять из-за недостатка сил⁹. Больше не будет никакой политической конкуренции, потому что не будет никаких общественных или социальных баз, которые бы поддерживали ее, не давая угаснуть. Кроме того, Токвиль также опасался, что в массовом обществе и консенсус тоже будет подрываться. У атомизированного индивида, оставшегося в одиночестве без членства в какой-нибудь политически значимой социальной единице, недоставало бы должного интереса к участию в политической жизни или даже просто к тому, чтобы принимать существующий режим. Политическая жизнь стала бы не только безнадежной, но и бессмысленной. Апатия подрывает консенсус, а ведь именно апатия была установкой масс по отношению к тому государству, которое Токвиль видел в качестве итогового результата функционирования индустриального бюрократического общества.

Его исследование Америки подсказало ему два института, которые могли бы сражаться с новым левиафаном: местное самоуправление и добровольные ассоциации. Вовлеченность в подобные институты казалась ему условием стабильности демократической системы. Распространяя различные идеи и создавая консенсус среди своих членов, названные только что институты становятся основой для конфликта между одной организацией и другой. И в процессе осуществления всего этого указанные институты, кроме всего, еще и ограничивают центральную власть, создают новые и автономные центры власти, призванные конкурировать с ней, и помогают

⁹ Alexis de Tocqueville, *Democracy in America*, Vol. I (New York: Vintage Books, 1954), pp. 9–11. [См.: А. де Токвиль. Демократия в Америке. М.: Весь Мир, 2000.] Анализ дрейфа в направлении массового общества посредством устранения местных групп и промежуточных центров власти между индивидом и национальным государством см. в: Robert Nisbet, *The Quest for Community* (New York: Oxford University Press, 1953).

обучать потенциальных лидеров оппозиции политическим навыкам и умениям¹⁰.

Подходы Токвиля и Маркса не приводили в результате к взаимно противоречащим анализам функций различных общественных институтов, хотя в своих оценках они действительно сильно расходились. Утверждение Маркса, что религия — это «опиум для народа», является признанием ее интегративной функции. Токвиль тоже признавал «опиумное» свойство религии: «Таким образом, религия представляет собой [попросту] особую форму надежды»¹¹. Марксу религия виделась источником заблуждений для низших слоев, механизмом, призванным приспособить эти слои к уготованной им в жизни участи и воспрепятствовать распознаванию ими своих подлинных классовых интересов. Токвиль, напротив, видел, что потребность в религиозной вере росла прямо пропорционально политической свободе. Чем менее насильственными и диктаторскими становились политические институты общества, тем больше оно нуждалось в системе святой веры, дабы помочь ограничению действий как правителей, так и управляемых.

Бюрократия и демократия: Вебер и Михельс

Если один из неизменных предметов заинтересованности политической социологии — раскол и консенсус — связывался с именами Маркса и Токвиля, то другой — изучение бюрократии — отождествляется с трудами Макса Вебера и Роберта Михельса. Названные две проблемы, конечно же, тесно связаны, так как бюрократия есть одно из главных средств создания и поддержания консенсуса и в то же самое время один из крупных источников тех сил, которые подрывают интеграцию.

Различие между Марксом и Токвилем с их акцентом на классовый конфликт и консенсус — и Вебером и Михельсом с их обеспокоенностью тем, соответствует ли бюрократия исповедуемым ценностям или же предает их, представляет собой приспособление общественной мысли к последующим стадиям промышленной революции. Многих социальных философов XIX в. волновали разрушительные воздействия промышленной революции на общество, а также возможность реального достижения демократических политических структур. По-

¹⁰ Подробную проработку этих идей см. в: S. M. Lipset, M. Trow, and J. S. Coleman, *Union Democracy* (Glencoe: The Free Press, 1956).

¹¹ Tocqueville, *op. cit.*, p. 321. [*А. де Токвиль. Демократия в Америке. С. 225.*]

добно Марксу, некоторые из них верили или надеялись, что в урбанизированном индустриальном обществе, характеризующемся экономической конкуренцией и заботой о прибыли, всякая политическая и социальная стабильность была по самой своей сути невозможна, и они искали новую, более стабильную и более высоконравственную систему. В противоположность им целый ряд мыслителей XX столетия, самыми значимыми из которых являются как раз Вебер и Михельс, ушли от проблемы зависимости между экономической системой (как она определяется в терминах собственности и контроля над средствами производства) и другими общественными институтами. Для них проблема уже состояла не в изменениях, необходимых для модификации или разрушения институтов капитализма, а в социальных и политических обстоятельствах бюрократизированного общества. Поскольку лишь немногие люди верят сегодня в осуществимость возврата к общинам мелких производителей, то вопрос формулируется следующим образом: какие институциональные меры возможны в рамках бюрократического общества?

Многие из оппонентов марксизма давным-давно сказали, что социализм не покончит с большинством тех зол, на которые он нападает. Однако именно Вебер и Михельс были в числе первых, кто всерьез занялся исследованием важного допущения, что проблемой современной политической жизни является не капитализм или социализм, а отношения и зависимости между бюрократией и демократией. Вебер видел бюрократизацию как институциональную форму, неотъемлемо присущую всем современным обществам¹². В глазах Михельса олигархия – правление небольшой группы людей, которые кооптируют своих преемников, – была процессом, обычным для всех крупных организаций. Оба ученых пытались продемонстрировать, что социалистические организации и общества неминуемо были или будут столь же бюрократическими и олигархическими, как капиталистические.

Интерес Вебера к бюрократии первоначально не носил политического характера. Его убежденность в том, что рост бюрократических институтов был необходимой предпосылкой существования высокоиндустриализированного общества, привела к тому, что на бюрократизацию он смотрел как на самый важный из источников институциональных изменений и, следовательно, как на угрозу су-

¹² См.: Max Weber, «Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland», *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 22 (1906), pp. 234–353; «Der Sozialismus», в *Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik* (Tübingen: Mohr, 1924), pp. 492–518; Carlo Antoni, *From History to Sociology: The Transition in German Historical Thinking*, пер. Hayden V. White (Detroit: Wayne State University Press, 1959), pp. 145–146.

ществующим силам сплочения. В этой связи Парсонс подчеркивал: «Грубо говоря, для Вебера бюрократия играет ту же самую роль, которую классовая борьба играла для Маркса и конкуренция — для Зомбарта»¹³. Однако Вебер придавал большое значение интегративным аспектам бюрократизации в демократическом обществе — таким, как перенесение на все общество бюрократических стандартов равной трактовки перед лицом закона и перед лицом власти, а также использование критерия личных достижений для отбора, поощрения и продвижения вверх.

Анализируя фактическое функционирование демократического общества, Вебер рассматривал контроль над выполнением и соблюдением законов как самую крупную проблему, с которой сталкиваются политические деятели, опирающиеся на доверие электората: «Повседневное осуществление власти находилось в руках бюрократии, и даже успех в борьбе за голоса и в парламентских дебатах, а также в принятии решений сведется к нулю, если он не будет претворен в эффективный контроль над административным внедрением и конкретной реализацией»¹⁴. И он был настроен довольно-таки пессимистически по поводу окончательных результатов воздействия растущей бюрократизации на демократию и свободу. Подобно Токвилю, Вебер опасался, что рост супергосударства в конечном счете приведет к краху понятия надлежащей правовой процедуры* и принципа верховенства права. Социализм означает для него расширение бюрократической власти и ее распространение на все общество, результатом чего становится «диктатура бюрократов», а во все не пролетариата. Это был бы мир, «не заполненный ничем другим, кроме как только теми крошечными винтиками, маленькими, мелкими людишками, цепляющимися за свои маленькие рабочие места и борющимися за продвижение к чуточку большим. И великий вопрос состоит, следовательно, отнюдь не в том, каким путем мы

¹³ Talcott Parsons, *The Structure of Social Action* (New York: McGraw-Hill Book Co., 1937), p. 509. См. также: C. Wright Mills and Hans Gerth, «Introduction: The Man and His Work», in Max Weber, *Essays in Sociology* (New York: Oxford University Press, 1946), p. 49.

¹⁴ Reinhard Bendix, *Max Weber: An Intellectual Portrait* (New York: Doubleday & Co., Inc., 1960), p. 433.

* В США этот термин (due process [of law]) означает конституционное положение, заложенное в Пятой и Четырнадцатой поправках к конституции, которые запрещают федеральному правительству (Пятая поправка) и правительствам штатов (Четырнадцатая поправка) лишать любое лицо «жизни, свободы и собственности без надлежащей правовой процедуры». Данное понятие можно толковать и как «права, гарантированные подсудимому». Вряд ли М. Вебер опасался чего-либо подобного, но С. Липсет, наверняка знавший этот американский термин, использовал в этом месте именно его. — *Прим. перев.*

можем споспешествовать этому продвижению и ускорять его [(это ситуация бюрократического доминирования)], но что именно мы сможем противопоставить подобной машинерии, дабы позволить какой-то части человечества освободиться от этого дробления души на мелкие кусочки, от этого беспредельного господства бюрократического образа жизни»¹⁵.

Кроме того, Михельс проявлял интерес к факторам, которые поддерживают или, напротив, подрывают демократию. В своем анализе политических партий и профсоюзов он отмечал те элементы, неотъемлемо свойственные крупным разветвленным организациям, которые делают контроль над ними со стороны большой массы их членов технически почти неосуществимым и невозможным¹⁶. Михельс указал на преимущества контроля над организациями со стороны лидеров, которые являются должностными лицами, занимающими соответствующий пост, а также на политическую неспособностью рядовых, неприметных членов, на причины их апатии и на формы давления со стороны лидеров, преследующих цель навсегда сохранять свою должность. При этом он видел, что олигархическая модель, действующая внутри бюрократических социалистических партий, распространяется на общество, которым управляют такие партии. Обсуждение внутренней политики профсоюзов, содержащееся в главе 12 данной книги, — это, по существу, попытка систематизировать некоторые из идей Михельса.

Теории Вебера и Михельса о бюрократии и демократии вместе с теориями Маркса и Токвиля о конфликте и консенсусе поставили основные проблемы и основные предметы заинтересованности современной политической социологии. Вторая часть данной главы посвящена некоторым из современных работ, вдохновленных этими проблемами.

Современные исследования

ГОЛОСОВАНИЕ

Голосование — ключевой механизм консенсуса в демократическом обществе. Однако исследования выборов в США и других странах редко проектировались и проводились как исследования консенсуса.

¹⁵ Цит. по: J. P. Mayer, *Max Weber and German Politics* (London: Faber & Faber, 1943), p. 128.

¹⁶ Robert Michels, *Political Parties* (Glencoe: The Free Press, 1949). Эта книга была первоначально опубликована в Германии в 1913 г. и затем в США в 1915 г.

Ученые, специализировавшиеся в области выборов, по большей части проявляли интерес к зависимостям и отношениям между одним типом раскола — политическими партиями — и такими из остальных его типов, как классовая принадлежность, занятие или профессия, исповедуемая религия, этническая группа и регион проживания, причем они рассматривали перечисленные факторы прежде всего применительно к их роли в качестве социальной базы скорее политической борьбы, чем политического консенсуса.

Предлагаемое здесь исследование интегративных аспектов электорального поведения заполняет важные лакуны в нашем понимании демократии как системы. Поскольку при рассмотрении под этим углом зрения такие типы, как рабочий-тори* или социалист, принадлежащий к среднему классу, — это не просто девиантные фигуры, отклоняющиеся от традиционных классовых трафаретов, но базовые требования для поддержания существующей политической системы¹⁷. Стабильная демократия требует такой ситуации, в которой все крупные политические партии обладают сторонниками из многих сегментов населения. Система, в которой поддержка различных партий слишком тесно привязана к основным социальным разделением, не может продолжать свое существование на демократических основаниях, поскольку она отражает состояние конфликта, причем настолько интенсивного и четко выраженного, что какой-либо компромисс исключается. Там, где партии отрезаны от получения поддержки среди членов одной из крупных страт, они утрачивают серьезную причину для достижения компромисса. Важно также, чтобы партии имели лидеров из разнообразных кругов с целью символически демонстрировать свою обеспокоенность судьбами многих групп и группировок, даже если они получают от части этих групп совсем небольшую поддержку. Тот факт, что в США республиканцы выставляли негров и евреев в качестве кандидатов на выборах даже невзирая на тот факт, что в последние годы большинство членов

13

* В Великобритании тори — это либо член партии тори (она возникла в конце 70-х — начале 80-х годов XVII в. и выражала интересы наиболее консервативной части земельной аристократии и высшего духовенства англиканской церкви, а в 30-х годах XIX в. была преобразована в существующую до сих пор Консервативную партию), либо член или сторонник нынешней Консервативной партии, а также вообще человек консервативных убеждений. — *Прим. перев.*

¹⁷ Важно вести отдельный анализ различных функциональных систем: общества в целом, структурных групп и отдельных личностей. Голосование какого-то сегмента работников физического труда за тори может расцениваться как дисфункциональное для Лейбористской партии или какой-нибудь классовой организации, как функциональное или дисфункциональное для отдельной личности и как функциональное для всего общества в целом.

обеих этих групп населения голосовали за Демократическую партию, несомненно, оказал важное объединяющее воздействие на общество в целом и сократил шансы на то, что партийное разделение по расовым или религиозным границам могло бы стать постоянным. Аналогично присутствие Гарримана или Дилворта среди лидеров американских демократов либо Криппса или Шоукросса среди лидеров британской Лейбористской партии может побудить консервативные высшие сословия принять правительство, в котором доминирует партия, ориентирующаяся на низшие классы (см. главу 3). Михельс, обсуждая положение социал-демократов в Германии перед Первой мировой войной, предположил, что именно отсутствие в этой партии лидеров из высшего класса частично объясняло, почему большинство представителей среднего класса не принимали ее в качестве легитимной оппозиции¹⁸.

Достойна исследования и проблема согласия по вопросам, «пересекающим» как границы между разными группами населения, так и линии партийных расколов. Исследование электорального поведения, результаты которого анализируются в главе 7, показало, что проявления перекрестного давления (*cross-pressure*), являющегося итогом принадлежности ко многим разным группам или лояльности по отношению к ним, объясняют значительную часть девиаций (отклонений) от шаблона, доминирующего в данной группе. Индивиды, которые подвергаются давлению, толкающим их в разных политических направлениях, должны либо отклоняться от этого трафаретного шаблона, либо уходить от реальности, «сбегая в апатию». Эффектом самоотождествления со многими группами является сокращение степени эмоциональности при осуществлении того или иного политического выбора. Скажем, в США и Великобритании работники физического труда (в том числе рабочие, занятые ручным трудом), которые голосуют, соответственно, за республиканцев или консерваторов, менее либеральны по отношению к экономическим проблемам, чем рабочие, которые поддерживают Демократическую или же Лейбористскую партию, но более либеральны, чем те сторонники их собственной партии, которые принадлежат к среднему классу¹⁹. Тот факт, что значительный сегмент избирателей каждой из крупных партий отождествляет себя с ценностями, ассоции-

¹⁸ R. Michels, *Sozialismus und Fascismus in Italien* (München: Meyer & Jessen, 1925), Vol. 1.

¹⁹ Bernard Berelson, Paul F. Lazarsfeld, and William McPhee, *Voting* (Chicago: University of Chicago Press, 1954), p. 27; M. Benney, A. P. Gray, and R. H. Pear, *How People Vote* (London: Routledge and Kegan Paul, 1956), p. 194.

рующимися с другими партиями, вынуждает лидеров каждой из них делать уступки другой партии, когда они стоят у власти, и дает им надежду на столь необходимую поддержку от оппонентов, когда они сами оказываются в оппозиции.

Аналогично проблема политического участия может рассматриваться под разными углами в зависимости от того, что является предметом заинтересованности: раскол или консенсус. Убежденность, что для демократии очень высокий уровень участия – это всегда хорошо, неправомерна²⁰. Как продемонстрировали события 1930-х годов в Германии (см. главу 5), увеличение уровня участия может отражать *падение* социальной сплоченности и развал демократического процесса, тогда как стабильная демократия может опираться на общую убежденность в том, что результат выборов не вызовет слишком больших расхождений и потрясений в обществе. Основная проблема для теории демократических систем такова: при каких условиях общество может характеризоваться участием, достаточным для того, чтобы поддерживать существование демократической системы, но не приводящим к такому расколу, который подорвет сплоченность²¹?

15

В этом месте я мог бы высказать следующее утверждение: чем сплоченнее и стабильнее демократическая система, тем с большей вероятностью оказывается, что все сегменты населения будут реагировать на сильные стимулы в одном и том же направлении; иными словами, если условия способствуют росту левых настроений, то социалисты получат больше голосов как среди зажиточного населе-

²⁰ Аргументы в пользу того, что политическая апатия может отражать здоровое состояние демократии, см. в: Herbert Tingsten, *Political Behavior: Studies in Election Statistics* (London: P. S. King & Son, 1937), pp. 225–226; W. H. Morris Jones, «In Defense of Political Apathy», *Political Studies*, 2 (1954), pp. 25–37. Данные из различных американских исследований показывают, что лица, не участвующие в голосовании, с намного большей вероятностью, чем голосующие, выступают против демократических ценностей, желают сильного лидерства и не согласны с предоставлением гражданских свобод всяческим радикалам и другим политическим меньшинствам. См.: Samuel A. Stouffer, *Communism, Conformity, and Civil Liberties* (New York: Doubleday & Co., Inc., 1955), pp. 83–86; H. H. Field, «The Non-Voter – Who He Is, What He Thinks», *Public Opinion Quarterly*, 8 (1944.), pp. 175–187; Robert E. Lane, «Political Personality and Electoral Choice», *American Political Science Review*, 49 (1955), pp. 178–179; F. H. Sanford, *Authoritarianism and Leadership* (Philadelphia: Stephenson Brothers, 1950), p. 168.

²¹ Серьезную попытку увязать исследования в области голосования с общей проблемой социальной сплоченности можно найти в: Talcott Parsons, «Voting and the Equilibrium of the American Political System», in E. Burdick and A. Brodbeck, eds., *American Voting Behavior* (Glencoe: The Free Press, 1959), pp. 80–120. В этой статье содержится множество заставляющих задуматься гипотез и интерпретаций, которые связаны с американской избирательной системой.

ния, так и среди рабочих, хотя они все-таки останутся относительно более слабыми в верхних стратах. Точно таким же образом в период доминирующего влияния правых взглядов даже среди более бедных групп увеличится голосование за консерваторов. Наоборот, индикатором низкого консенсуса стала бы ситуация, когда некоторая политическая тенденция усиливается только среди тех групп, к которым она в первую очередь апеллирует, — например, левые набирают силу среди рабочих, в то время как в других стратах растет противоположная тенденция, т.е. среди представителей среднего класса укрепляется положение правых идей и партий. Это в точности та самая ситуация, которую марксисты называют революционной и которая, как указывается в главе 5, имела место в Германии перед 1933 г., а в Москве и Петрограде — в 1917 г.²² Исследования исторических вариаций в электоральном поведении американских штатов можно суммировать в следующей сентенции: «Как поступает твой штат, так поступает и вся страна», и эти вариации демонстрируют фундаментальную сплоченность американского общества²³. Можно изучать относительную степень политической сплоченности в разных странах или в одной и той же стране за какой-то период времени, анализируя, в какой степени электоральное поведение среди различных страт и регионов изменяется в одном и том же направлении.

Недавно появившаяся важная историческая работа, посвященная консенсусу: книга Мэннинга Дауэра «Федералисты

²² В Германии между 1929 и 1933 гг., по мере того как нацисты росли и из маленькой партии превращались в такую, которая уверенно набирала на любых выборах больше одной трети голосов, основная масса центристских партий среднего класса резко теряла сторонников; голосование за коммунистов в этот период также увеличивалось, в то время как процентная доля социал-демократов уменьшалась. Исследования выборов, которые проводились в России между Февральской и Октябрьской революциями, ясно показывают, как в двух главных городах, Петрограде и Москве, шло раздвоение классовой поддержки. Большевики, которые в феврале были маленькой группировкой, получили к октябрю большинство голосов рабочего класса, тогда как кадеты получили большинство от средних классов. См.: Oliver Radkey, *The Election to the Russian Constituent Assembly of 1917* (Cambridge: Harvard University Press, 1950).

²³ См.: Louis Bean, *Ballot Behavior: A Study of Presidential Election* (Washington: Public Affairs Press, 1940); *How to Predict Elections* (New York: Alfred A. Knopf, 1948). Анализ данных из обзорных исследований различных американских избирательных кампаний начиная с 1936 г. показал похожие картины для разных классов. Исследование британских избирательных кампаний также показывает, что общее увеличение числа голосов, поданных за тори, означает прирост голосов за консерваторов среди рабочих, а также в рядах среднего класса, равно как и общий прирост голосов за Лейбористскую партию приводит к увеличению ее популярности и в высших сословиях, и в тех регионах, где много простых тружеников, а позиция лейбористов традиционно сильна. См.: John Bonham, *The Middle Class Vote* (London: Faber & Faber, 1954).

Адамса»²⁴, — представляет собой экологическое исследование* упадка федералистской партии и триумфа Джефферсона на выборах, которые происходили где-то около 1800 г. Хотя Дауэр документирует тогдашние линии разделения между партиями, не они являются центральным объектом его увлеченности. Скорее он интересуется тем, почему двухпартийная система того периода потерпела крах. Автор утверждает, как это детально проработано в главе 9 его монографии, что упадок федералистской партии объяснялся следующим: Гамильтон и правое крыло данной партии оказались не в состоянии понять правила игры в условиях демократической политической жизни, а именно что если они хотят оставаться крупной партией, то должны обращаться ко всем слоям населения. Слишком узко ориентируясь на служение потребностям городского торгового сословия, федералисты отвращали от себя своих потенциальных сельских сторонников, и в стране, которая тогда являлась в основном аграрной, они неизбежно переставали быть влиятельной партией.

При исследовании расхождений и социальных различий в США между демократическими и республиканскими избирателями в 1948 г. три социолога из Колумбийского университета²⁵ отметили общее согласие среди избирателей обеих главных американских партий по целому ряду основополагающих проблем, стоявших перед страной. В частности, близкими оказались позиции по некоторым из этих проблем, особенно по вопросам интернационализма и гражданских прав; ожиданий в сфере таких важных событий, как война и депрессия; легитимных критериев для справедливой оценки баллотирующихся кандидатов; важности самих выборов; наконец, правил игры, которыми руководствуется демократический процесс²⁶.

²⁴ Manning Dauer, *The Adams Federalists* (Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1953).

* Термин «экологическое исследование» широко применяется в данной монографии и в ее контексте восходит к термину *human ecology*, означающему отрасль социологии, которая оперирует по преимуществу пространственными и временными взаимозависимостями между людьми и их экономической, социальной и политической организацией. — *Прим. перев.*

²⁵ Bernard Berelson, Paul F. Lazarsfeld, and William McPhee, *op. cit.*

²⁶ Исследование Яновица и Марвика, посвященное общей проблематике консенсуса и выборов, представляет собой анализ президентских выборов 1952 г. в США, который сосредоточен на «оценке процесса выборов в терминах требований, необходимых для поддержания демократического общества... [и ставит следующий вопрос:] «До какой степени эти выборы представляли собой процесс согласия?». Авторы сформулировали целый ряд условий, которые необходимо соблюсти, если выборы должны породить «процесс согласия», и проанализировали доступные данные опросов, чтобы посмотреть, отвечали ли выборы 1952 г. требованиям, логически выведенным из теории. Их открытие, что «выборы 1952 г. можно оценить как процесс согласия»,

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

Исследование реформистских и экстремистских движений составляет вторую по величине самостоятельную область американской политической социологии, и в главах 4 и 5 этой книги излагаются наши знания о некоторых из таких группировок. Это может показаться странным, но американские социологи, равно как и их европейские коллеги, намного больше интересовались реформистскими и экстремистскими движениями, чем обычными и консервативными партиями²⁷. В библиотечных каталогах присутствует намного больше позиций по разделу «Британская лейбористская партия», чем по разделу «Консервативная партия». Многие американцы изучали в различных частях Британского Содружества лейбористские и иные рабочие партии; но лишь немногие написали книги или статьи о консерваторах. Легко убедиться, что Социал-демократическая партия и кооперативные движения в Швеции и других частях Скандинавии вызвали большой интерес среди американских ученых; однако лишь немногие из этих специалистов, если таковые вообще имеются, коснулись проблематики скандинавских несоциалистических партий. Вплоть до сравнительно недавнего времени консервативными движениями и силами, равно как консервативными политическими философами вроде Бёрка, Бональда или де Ме-

менее важно, чем продемонстрированный ими пример того, что данные из интервью, проведенных в ходе упомянутых опросов, могут плодотворно использоваться для рассмотрения некоторых из числа самых сложных проблем политического анализа. См.: Morris Janowitz and Dwaine Marvick, *Competitive Pressure and Democratic Consent*, Michigan Governmental Studies, No. 32 (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1956), p. 96. Роберт Даль высказал на теоретическом уровне много важных соображений по поводу условий, необходимых для демократической избирательной системы. Многие из его выводов сформулированы как суждения, которые поддаются эмпирическому тестированию. Его книга особенно важна по той причине, что она направляет внимание исследователей на общую проблему зависимости между интенсивностью эмоций и стабильностью системы, особенно в тех случаях, когда меньшинство испытывает намного более сильные чувства, нежели большинство. См.: Robert A. Dahl, *A Preface to Democratic Theory* (Chicago: University of Chicago Press, 1956), особенно глава 4, с. 90–123. Недавняя работа политолога Дэвида Истона также представляет социологический интерес: David Easton, «An Approach to the Analysis of Political Systems», *World Politics*, 9 (1957), pp. 383–400.

²⁷ S. M. Lipset, «Political Sociology, 1945–1955», в сб.: H. Zetterberg, ed., *Sociology in the United States of America* (Paris: UNESCO, 1956), pp. 43–55. Этот комментарий настолько же применим к моей собственной работе, насколько и к работам любых других социологов. Для обсуждения идеологических предпосылок, лежащих в основе заинтересованности конфликтом (радикальным) или консенсусом (консервативным), см.: Bendix and Lipset, *op. cit.* Стоит отметить, что Рудольф Хеберле (Rudolf Heberle) снабдил свою книгу о социальных движениях подзаголовком *An Introduction to Political Sociology* («Введение в политическую социологию»).

стра, а также проблемами интеграции и сплоченности фактически пренебрегали.

Аналогично большинство исследований, посвященных фашистским и коммунистическим движениям, делает упор скорее на факторы, которые создают и поддерживают экстремизм в стабильных демократиях, нежели на те, что сдерживают его. В Америке мы располагаем исследованиями как источников угроз гражданским свободам, так и социальных корней маккартизма или символов и призывов, использовавшихся фашистскими группировками в 1930-х годах и сенатором Маккарти в 1950-х, а также исследованиями опасностей для «надлежащей правовой процедуры», неотъемлемо присущих всякой популистской идеологии²⁸. Но почти никакого внимания не было уделено выявлению источников американского сопротивления крайностям правых и левых движений в период Великой депрессии, которая затронула США, вероятно, сильнее — по отношению к их предыдущей экономической ситуации, — чем любую другую из западных стран, за исключением Германии. В некоторых материалах, представленных в частях I и III данной книги, эти проблемы рассматриваются достаточно подробно.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ БЮРОКРАТИИ

Сфокусированность Вебера на бюрократии и власти как элементах крупномасштабных формальных структур, а также проведенная им систематизация основных черт, неотъемлемо присущих бюрократической организации, получила развитие в большом количестве дальнейших исследований²⁹. Но политическая социология обра- 19
тила минимум внимания на выполненный им анализ зависимости между усилением власти централизованного бюрократического государства и упадком демократии. Лишь немногие из его основополагающих трудов о бюрократии и демократии были хотя бы переведены на английский язык. Ученые, которые явно или неявно шли по следам гипотез Вебера, отделили исследование бюрократии от исследования политической организации в узкоспециальном смысле этого термина и охватили все разновидности других организаций:

²⁸ См.: Samuel A. Stouffer, *op. cit.*; Daniel Bell, ed., *The New American Right* (New York: Criterion Books, 1955); Leo Lowenthal and Norbert Guterman, *Prophets of Deceit: A Study of the Techniques of the American Agitator* (New York: Harper & Bros., 1949); and Edward Shils, *The Torment of Secrecy* (Glencoe: The Free Press, 1956).

²⁹ Анализ и краткое изложение различных американских исследований, выполненных в русле данной традиции, см.: Peter Blau, *Bureaucracy in Modern Society* (New York: Random House, 1956).

больницы, деловые конторы, фабрики, заводы, церкви и профсоюзы. Эти исследования показали, как признавал сам Вебер, что внутри бюрократических организаций существуют постоянные, систематически возникающие напряженные отношения и конфликты, результатами которых становятся отклонения от бюрократических идеалов «рациональной эффективности», «иерархии» и «нейтральности». Другими словами, напряженность между потребностями власти и бюрократизацией существует не только во взаимоотношениях между политической организацией и обществом, но и в рамках *всех* организаций *per se*. Примеры проявлений такой напряженности неисчислимы: это столкновения между врачами и администраторами больниц, между журналистами и газетными редакторами, университетскими профессорами и администраторами вузов, между служебно-административным и линейным персоналом в промышленности и в правительстве, а также в иных органах власти. Конфликты по вопросам о целях и процедурах — это фактически интегральная часть всех организаций, будь то Государственный департамент США, Красный Крест, Коммунистическая партия Советского Союза или отдел продаж какой-нибудь корпорации.

Проделанный Вебером анализ бюрократической политической нейтральности, т.е. нормы, гласящей, что лицо, принадлежащее к бюрократии, является беспристрастным экспертом, а не заинтересованной стороной, проводился с точки зрения потребностей демократической политической системы. Эта норма делает возможным поддержание непрерывности демократической правительственной власти во время смены караула в политических кабинетах. Позволяя проводить разделение между персоналом правительственных органов и иных властных структур, с одной стороны, и личностными качествами и политическими взглядами тех политических деятелей, которые временно пришли к власти, с другой стороны, бюрократия, присутствующая в правительстве и прочих органах власти, уменьшает напряженность партийной борьбы. В бюрократические структуры неотъемлемо встроена тенденция ослаблять конфликты, переводя их из политической плоскости в административную. Неизменный акцент на потребность в объективных критериях как основы для улаживания конфликтов позволяет бюрократическим институтам играть важные посреднические роли³⁰. Тем самым разные виды

³⁰ Недавно появилась работа в области политической социологии, которая посвящена роли бюрократии в социальном сплочении: Philip Selznick, *TVA and the Grass Roots* (Berkeley: University of California Press, 1949). Селзник не игнорирует существующий конфликт — он показывает, каким образом те же самые процессы, результатом

давления, имеющего целью расширить бюрократические нормы и практики, несомненно укрепляют демократический консенсус³¹.

ВНУТРЕННИЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ В ДОБРОВОЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Михельс в отличие от Вебера послужил вдохновителем ограниченного числа последующих исследований. Его идеи использовались по большей части в описательных целях либо в полемических высказываниях для осуждения тех или иных организаций как недемократических. Ни один из американских социологов не посчитал разумным и стоящим делом заняться изучением общей обоснованности его теории олигархии в свете, скажем, различий между партийной жизнью немецких социал-демократов, как она описана Михельсом в его работе «Политические партии»*, и жизнью двух ведущих американских политических партий. Ясно, что в отличие от Социал-демократической партии в Германии перед Первой мировой войной американские партии характеризуются постоянной фракционной борьбой, довольно частой и быстрой сменой лидеров, а также отсутствием центральной властной структуры. В Америке только организации, объединенные общностью интересов, вроде профсоюзов или профессиональных сообществ обладают внутренними структу-

21

которых становится сотрудничество между некоторыми группами, приводят к отчужденности и конфликту с другими группами. Но в первую очередь его интересуют механизмы, которые примиряют и сводят воедино организации и группы, преследующие разные цели, причем он подчеркивает роль идеологии и самовоспитания тех, кто сотрудничает в достижении данной цели. В другой своей книге, *Leadership in Administration* (Evanston: Row, Peterson and Co., 1957), Селзник формализовал многие из идей, первоначально выдвинутых и разработанных в вышеупомянутом исследовании TVA (администрации долины Теннесси), и установил исчерпывающие социологические рамки для изучения зависимости между конфликтом и интеграцией внутри организаций, сконцентрировав внимание на смысле и процессе институционализации, а также на роли и важности правил игры в жизни разных организаций. Его суждения о таком развитии ценностей и процедур, которое увеличивает компетентность конкретных организаций, могли бы также использоваться и в исследованиях более крупных систем.

³¹ Та школа индустриальной социологии, которая ставит во главу угла человеческие отношения, проявляла интерес к сплоченности и консенсусу внутри самих бюрократических структур. Однако ученые, принадлежащие к этому направлению, рассматривают конфликт в качестве явления, которое всегда ненормально и дисфункционально как для конкретных организаций, так и для общества в целом. Библиографию трудов этой школы и некоторых из многочисленных критических дискуссий вокруг нее можно найти в работе Louis Kriesberg, «Industrial Sociology, 1945–1955», в сб.: Н. Zetterberg, ed., *op. cit.*, pp. 71–77.

* Имеется в виду главный труд Михельса — «Социология политической партии в условиях современной демократии» («Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie», 1911). — *Прим. перев.*

рами, напоминающими те, которые Михельс описал как необходимые в политических партиях³².

Существование олигархии в крупномасштабных организациях ставит следующую проблему: до какой степени тот факт, что различные добровольные ассоциации являются или, напротив, не являются демократическими, влияет на их эффективность как инструментов социального и политического сплочения? Токвиль писал о вкладе различных олигархически организованных ассоциаций в поддержание демократических напряженностей и консенсуса, а некоторые последующие авторы довольно аргументированно утверждали, что отсутствие внутренней демократии не имеет значения, поскольку добровольные организации, дабы выживать, принудительно ограничены необходимостью выполнять, по существу, представительскую функцию. Указывалось, например, что, хотя Джон Льюис, глава Объединенного профсоюза шахтеров, является диктатором в своей организации и республиканцем по политическим взглядам, в вопросах забастовочной тактики и в политике переговоров с предпринимателями об условиях труда и о положениях коллективного договора он руководил этим профсоюзом столь же воинственно, как действовали настоящие левые лидеры рабочего движения в других частях мира. С другой стороны, есть много свидетельств того, что члены частных ассоциаций зачастую делают очень немного для реального противостояния тем политическим методам, к которым они питают отвращение. Это справедливо для контролируемых коммунистами профсоюзов и для Британской медицинской ассоциации, при опросе членов которой в 1944 г. обнаружилось, что большинство из них отдают предпочтение различным аспектам специализированной медицины, против которой энергично возражали лидеры указанной ассоциации³³.

Основные оправдания, приводимые для олигархического правления в добровольных организациях, состоят в следующем: (1) оно позволяет этим организациям лучше выполнять их специфические боевые роли в генеральном социальном конфликте с другими группировками или же добиваться уступок от властей и правительства и (2) не существует никаких структурных оснований для конфликта внутри них (как в случае профсоюзов, которые представляют одну-

³² См. главу 12 настоящей книги, где представлена попытка разработать теорию олигархии в контексте анализа американского рабочего движения.

³³ Harry H. Eckstein, «The Politics of the British Medical Association», *The Political Quarterly*, 26 (1955), pp. 345–359; см. также: Oliver Garceau, *The Political Life of the American Medical Association* (Cambridge: Harvard University Press, 1941), где анализируется проблема олигархии и представительства в Американской медицинской ассоциации.

единственную группу интересов). Однако недавнее исследование профсоюзов говорит о том, что демократия и конфликт внутри организаций могут, как и демократия и конфликт в более крупном обществе или даже во всем обществе, внести свой вклад в сплоченность и солидарность³⁴, поскольку при однопартийной системе как в гражданском обществе, так и в профсоюзе омерзение по отношению к политике администрации часто приводит к отторжению и неприятию всей системы в целом, потому что становится трудно проводить различие между несменяемыми правителями и самой организацией. И наоборот, в демократической системе, где имеет место неизбежная сменяемость ее чиновников и официальных лиц, члены такой системы и обычные граждане могут возлагать ответственность за любое конкретное зло на тех, кто занимает сейчас руководящие посты, и оставаться при этом полностью лояльными к организации как таковой. Вследствие этого в профсоюзе или же в государстве с легитимной многопартийной системой существует больше лояльности и меньше предательства, чем в диктаторской системе.

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ИНСТИТУТЫ

Если одной из ключевых задач политической социологии является исследование демократии как формы общественной системы, то имеется, безусловно и много других ясно выраженных тем, которые нуждаются в дальнейшей углубленной проработке и изучении. Возможно, самой важной из них является легитимность политической системы — т.е. та степень, в которой она в общем и целом принимается своими гражданами, — обсуждаемая в главе 3. Большинство социологов согласились бы с тем, что стабильное правление — это власть плюс легитимность. Тем не менее до сих пор мало работ, в которых при анализе политических систем используется концепция легитимности.

Даже такая основополагающая взаимозависимость, как та, что существует между религией и общенациональным консенсусом, обычно молчаливо предполагается или же принимается на веру, а не проверяется и подтверждается. Токвиль заявил сто с лишним лет назад, что Америка более религиозная страна, нежели основная масса европейских стран, и высказал предположение о наличии причинной связи между ее религиозностью и существующими в ней демократическими институтами. На сегодняшний день многие из американских интеллектуалов, завершая длительный период приверженности секуляризму, антиклерикализму и отрицанию религии,

³⁴ S. M. Lipset, M. Trow, and J. S. Coleman, *op. cit.*

23 заново открывают для себя силу последней. Некоторые из них теперь готовы принять предположение, что именно религия является серьезным источником стабильности и демократии. Однако эта тенденция некритически приветствовать и восхвалять социальные функции религии потенциально столь же неплодотворна для понимания ее роли, как и предшествующий антагонизм по отношению к ней. Существуют свидетельства (см. главу 4), что религия, особенно в форме сект, служила функциональной альтернативой политическому экстремизму. В период Великой депрессии, когда организованный радикализм не добился сколько-нибудь значительного успеха в США и не снискал в этой стране особых лавров, там быстро росли мелкие религиозные секты³⁵. С другой стороны, более свежие данные указывают, что людям с сильно выраженной религиозностью присуща тенденция быть в рядах тех, у кого весьма высок уровень политической нетерпимости³⁶. Ясно, что есть место для дальнейших, намного более широких исследований зависимости между религией и относительной силой демократических институтов, равно как и для продолжения более традиционного анализа религии как источника раскола в случае публичных разногласий.

Возникает вопрос, можно ли проранжировать и проанализировать социальные институты согласно их интегративному и неинтегративному характеру³⁷. Если мы посмотрим на разнообразные крупные институты, то становится ясно, что, хотя экономические институты представляют собой первоочередной источник общественной интеграции, поскольку «процессы производства... требуют «сотрудничества», иначе говоря, интеграции большого числа самых разных органов»³⁸, они являются также наиболее разрушительными и центробежными.

Очевидно, что в сложных обществах самым важным источником всякого конфликта интересов является распределение богатства. На противоположном полюсе располагается институт семьи — интегратор *par excellence* (в чистом виде). Как уже указывалось, в качестве второй по мощности из интегрирующих сил часто рассматривается религия, которая предположительно «окультуривает» и улучшает ситуацию с напряжениями, возникающими как результат существую-

³⁵ См.: Elmer T. Clark, *The Small Sects in America* (New York: Abingdon Press, 1949).

³⁶ Samuel A. Stouffer, *op. cit.*, pp. 140–149.

³⁷ Однако никакой институт никогда не бывает чисто одним или другим. Неявно в любой институциональной структуре присутствуют интегративные и дезинтегративные элементы. Как отмечал Дюркгейм, даже такие экстремально разрушительные модели поведения, как преступление, косвенным образом вносят какой-то вклад в социальную интеграцию.

³⁸ T. Parsons, *The Social System*, *op. cit.*, p. 139.

шей системы стратификации, поскольку религия отвлекает от них внимание и помогает людям приспособливаться к той участи, которая выпала на их долю в этой жизни. Однако во многих обществах религия выступала также источником значительной накаленности отношений. Институты, которые организованы в соответствии с линиями разделения на классы, вносят свой вклад как в раскол, так и в интеграцию. Вообще говоря, система стратификации создает недовольство среди тех, кто находится на нижних ее этажах и, следовательно, выступает как источник раскола, но она же является вместе с тем основным средством для того, чтобы помещать людей в различные позиции и мотивировать их к исполнению своих ролей. Например, когда группы людей, которые принадлежат к рабочему классу, организуются в профсоюзы или в трудовую (рабочую, лейбористскую) партию, тем самым создается механизм для явного выражения конфликта, но вместе с тем — и это, возможно, даже важнее — рабочие интегрируются в более крупное политическое образование или политическое пространство (*body politic*) благодаря тому, что в их распоряжение поступают легитимные средства для получения желаемого.

Необходимы также исследования меняющейся функции интеллигента в политической жизни, особенно его отношения к другим элитам и к властным группировкам, а также его роли в качестве того, кто ставит проблемы и дает им дефиниции³⁹. Слишком долго профессура, дипломированные специалисты, разнообразные профессионалы и креативные представители творческих профессий недооценивали свою роль в политической сфере и даже выступали против нее, причем в США это суждение не разделялось различными комиссиями конгресса и многими лидерами делового мира. Как я пробую показать в главе 10, те ценности, которые исповедуются преподавательским составом страны и ее интеллигентами, образуют важный политический ресурс.

В сущности, эта книга предлагает, чтобы социология политической жизни возвратилась к проблеме, поставленной Токвилем: каковы общественные, социальные потребности и последствия демократии? И на мой взгляд, в ней показывается, что любая попытка адекватным образом разобраться в такого рода проблеме вынуждает нас прибегнуть к методу, который столь успешно использовал сам Токвиль, а именно к сравнительному (компаративному) анализу.

³⁹ См. прежде всего: Theodore Geiger, *Aufgaben und Stellung der Intelligenz in der Gesellschaft* (Stuttgart: F. Enke, 1949); Karl Mannheim, *Ideology and Utopia* (New York: Harcourt, Brace & Co., 1936), особенно pp. 136–146; Joseph Schumpeter, *Capitalism, Socialism and Democracy* (New York: Harper & Bros., 1947), pp. 145–155.

ЧАСТЬ I

**УСЛОВИЯ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО
СТРОЯ**

ГЛАВА 2

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ДЕМОКРАТИЯ

Демократия в сложном обществе может быть определена как политическая система, предоставляющая регулярные конституционные возможности для смены официально управляющих лиц, а также предоставляющая социальный механизм, который позволяет наибольшей возможной части населения влиять на основные решения благодаря возможности делать выбор между соперниками, претендующими на занятие политических постов.

Это определение, извлеченное и резюмированное в значительной степени из работ Йозефа Шумпетера и Макса Вебера¹, неявно подразумевает целый ряд специфических условий: 1) «политическую формулу», или центральный корпус представлений и убеждений, устанавливающих, какие именно институты: политические партии, свободная пресса и так далее — считаются легитимными (принимаются всеми как нечто должное); 2) наличие одного набора политических лидеров, находящихся сейчас у власти и занимающих определенные посты; 3) наличие одного или нескольких наборов признанных лидеров, которые пытаются прийти к власти.

Потребность в указанных условиях очевидна. *Во-первых*, если политическая система не характеризуется системой ценностей, позволяющей вести мирную «игру» властных сил, то демократия становится хаотической. Именно в этом заключается проблема, перед лицом которой стоят многие из латиноамериканских государств. *Во-вторых*, если исходом политической игры не будет периодическое присуждение какой-либо одной группе вознаграждения в виде эффективных властных полномочий, то результатом этого станет скорее нестабильное и безответственное правление, а вовсе не демократия. Такое положение дел существовало в дофашистской Италии, а также на протяжении значительной части истории Третьей и Чет-

¹ Joseph Schumpeter, *Capitalism, Socialism and Democracy* (New York: Harper & Bros., 1947), pp. 252–302, особенно p. 269; Max Weber, *Essays in Sociology* (New York: Oxford University Press, 1946), p. 226; см. также блестящее обсуждение смысла демократии, которое дает Джон Пламенац (John Plamenatz) в своей главе из сборника: Richard McKean, ed., *Democracy in a World of Tensions* (Chicago: University of Chicago Press, 1951), pp. 302–327.

8 вертой республик во Франции — эти государственные образования характеризовались слабыми коалиционными правительствами, зачастую формировавшимися такими партиями, каждая из которых имела с другими и крупные конфликты интересов, и ценностные конфликты. В-третьих, если не существует условий для систематического воспроизведения действенной оппозиции, то полномочия и амбиции чиновников, стоящих у власти, станут постоянно увеличиваться, а влияние народа на проводимую политику будет сводиться к минимуму. Именно такова ситуация во всех однопартийных государствах, и в соответствии с общепринятым — по крайней мере на Западе — соглашением все они являются диктатурами.

Эта и последующая глава будут посвящены рассмотрению двух характеристик общества, которые в очень большой степени влияют на проблему стабильной демократии: экономического развития и легитимности, иными словами того, в какой мере соответствующие институты ценятся сами по себе и рассматриваются как правильные и надлежащие. Так как большинство стран, в которых отсутствуют длительные и прочные традиции политической демократии, располагаются в слаборазвитых областях планеты, Вебер, возможно, был прав, когда высказал предположение, что современная демократия в ее наиболее ясно выраженных формах может существовать только в условиях капиталистической индустриализации². Однако в любом данном обществе особенно высокая корреляция между такими факторами, как доход, образование и религия, с одной стороны, и демократия — с другой, не должна ожидаться даже на чисто теоретических основаниях, потому что до той степени, до которой политическая подсистема общества функционирует автономно, политическая форма может сохраняться при условиях, в нормальном случае неблагоприятных для появления этой формы. Или же политическая форма может развиваться вследствие синдрома уникальных исторических факторов — даже невзирая на то, что основные социальные характеристики данного общества благоприятствуют другой форме. Германия являет собой пример страны, где растущая индустриализация, урбанизация, благосостояние и образование, казалось бы, способствовали установлению демократической системы, но целая серия неблагоприятных исторических событий воспрепятствовала демократии, не позволила ей защитить свою легитимность и тем самым ослабила ее способность противостоять кризису.

² См.: Max Weber, «Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland», *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 22 (1906), pp. 346 ff.

В любом обществе какие-то ключевые исторические события могут являться причиной *либо* сохранения, *либо* провала демократии, запуская процесс, который увеличивает (или уменьшает) вероятность того, что в следующей критической точке на историческом пути данной страны демократия снова преодолет все трудности и добьется успеха. Будучи однажды установленной, демократическая политическая система набирает темп и дает толчок к созданию средств (институтов) социальной поддержки, которые бы гарантировали ей длительное существование³. Таким образом, «преждевременная», «недоношенная» демократия, которая все-таки выживает, добивается этого тем, что (среди прочего) облегчает рост других способствующих демократии условий вроде всеобщей грамотности или образования автономных частных организаций⁴. В этой главе меня прежде всего интересуют социальные условия вроде образования, которые служат для *поддержания* демократических политических систем, и я не буду подробно разбираться с теми внутренними механизмами — типа однозначных правил политической игры, — которые предназначены для их *обслуживания и сохранения*⁵.

Сравнительное исследование сложных социальных систем неминуемо должно иметь дело, причем скорее суммарно, со специфическими историческими особенностями любого отдельно взятого общества⁶. Однако отклонение данной страны от какого-либо кон-

³ См.: S. M. Lipset, «A Sociologist Looks at History», *Pacific Sociological Review*, 1 (1958), pp. 13–17.

⁴ Уолтер Галенсон указывает, что демократия может, кроме всего прочего, подвергать экономическое развитие опасности, позволяя общественному давлению в пользу потребления отвлекать ресурсы от инвестиций. Проникающий из этого конфликт между интенсивной преданностью высших классов индустриализации и общенародным спросом на немедленное создание системы социального обеспечения и разных ее служб, в свою очередь, подрывает демократическое государство. Таким образом, даже если слаборазвитой стране удастся достигнуть демократии, последняя находится под постоянным давлением со стороны конфликтов, неотъемлемо присущих процессу ее развития. См.: Walter Galenson, ed., *Labor and Economic Development* (New York: John Wiley & Sons, 1959), pp. 16 и сл.

⁵ См.: Morris Janowitz and Dwaine Marvick, *Competitive Pressure and Democratic Consent*, Michigan Governmental Studies, No. 32 (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1956); и Robert A. Dahl, *A Preface to Democratic Theory* (Chicago: University of Chicago Press, 1956), особ. Chap. 4, pp. 90–123, где излагаются результаты недавних систематических усилий по установлению некоторых из внутренних механизмов демократии. Обсуждение проблем внутреннего анализа политических систем см. в: David Easton, «An Approach to the Analysis of Political Systems», *World Politics*, 9 (1957), pp. 383–400.

⁶ Никакого детального изучения политической истории отдельных стран здесь предприниматься не будет, поскольку относительная степень демократии или ее социальное содержание в разных странах не принадлежат к числу проблем, исследуемых в настоящей главе.

кретного аспекта демократии не слишком важно до тех пор, пока используемые дефиниции покрывают значительное большинство стран, которые считаются демократическими или же недемократическими. Точная разделительная линия между «более демократическими» и «менее демократическими» странами также не есть нечто фиксированное и основополагающее, поскольку демократия предположительно является не каким-то унитарным качеством общественной системы, а целым комплексом характеристик, которые можно проранжировать многими различными способами. По этой причине я разделил рассматриваемые страны на несколько обобщенных категорий, вместо того чтобы пытаться выстраивать их в каком-то порядке, хотя даже при таком подходе страны вроде Мексики вызывают вопросы.

Усилия, имеющие целью классифицировать все страны, породили целый ряд проблем. Чтобы уменьшить воздействие некоторых осложнений, вызываемых резкими вариациями политической практики в разных частях земного шара, я сконцентрировал внимание на отличиях между странами, принадлежащими к одним и тем же зонам политической культуры. Двумя наилучшими зонами для такого внутреннего сравнения являются, во-первых, Латинская Америка и, во-вторых, Европа вкупе с англоязычными странами. Более ограниченные сравнения могут быть также проведены среди азиатских государств и среди арабских стран.

Основные критерии, использованные для распознавания европейских демократий, — это ни разу не прерывавшееся воспроизведение политической демократии после Первой мировой войны и отсутствие на протяжении последних двадцати пяти лет крупного политического движения, противостоящего демократическим правилам игры⁷. Несколько менее строгий критерий для Латинской Америки был сформулирован следующим образом: обладала ли данная страна историей более или менее свободных выборов в течение преобладающей части периода после Первой мировой войны?⁸

⁷ Последнее означает, что никакое тоталитарное движение, будь то фашистское или коммунистическое, не набирало в этот период времени 20% голосов. Фактически во всех европейских странах, попадающих на демократическую сторону указанного континуума, имелись свои тоталитарные движения, которые, однако, обеспечивали себе менее 7% голосов.

⁸ Историк Артур Уитекер суммировал суждения экспертов по Латинской Америке, констатируя, что «странами, которые ближе всего подошли к демократическому идеалу, были... Аргентина, Бразилия, Чили, Колумбия, Коста-Рика и Уругвай». См.: Arthur P. Whitaker, «The Pathology of Democracy in Latin America: A Historian's Point of View», *American Political Science Review*, 44 (1950), pp. 101–118. К этой группе стран я добавил Мексику. Она разрешила у себя свободу прессы, собраний и организации оп-

В то время как в Европе мы ищем стабильные демократии, в Южной Америке нас интересуют страны, где не существовало постоянного диктаторского правления (см. табл. I).

Экономическое развитие в Европе и двух Америках

Пожалуй, самое распространенное обобщение, связывающее политические системы с другими аспектами общества, состоит в том, что демократия соотносится с состоянием экономического развития. Чем зажиточнее страна, чем выше ее благосостояние, тем больше шансов, что в ней будет поддерживаться демократия. Со времен Аристотеля и вплоть до наших дней люди утверждали, что только в процветающем обществе, где в состоянии подлинной бедности живут лишь относительно немногие из граждан, может сложиться ситуация, при которой основная масса населения разумно участвует в политической жизни и вырабатывает в себе сдержанность и умение самоограничиваться, необходимые для того, чтобы избежать искушений и не поддаваться призывам безответственных демагогов. Общество, где существует разделение на многочисленные обездоленные массы и маленькую привилегированную элиту, заканчивает в результате либо олигархией (диктаторским правлением небольшого верхнего слоя), либо тиранией (диктатурой, опирающейся на основную часть населения). Если навесить на две указанные политические формы современные ярлыки, то сегодня лицом тирании является коммунизм или перонизм, тогда как олигархия проявляет себя в виде тех традиционалистских диктатур, которые можно най-

позиционных партий, хотя есть много достоверных свидетельств того, что это не дает последним возможность выигрывать выборы, поскольку избирательные бюллетени подсчитываются теми должностными лицами, которые находятся у власти. Однако существование в Мексике оппозиционных групп, конкурентных выборов и договоренностей между различными фракциями правящей *Partido Revolucionario Institucional* (институционно-революционной партии) реально вносит в эту систему значительный элемент общенародного влияния. Интересная попытка Расселла Фитцгиббона дать надежную «статистическую оценку латиноамериканской демократии», основанную на мнениях разных экспертов, бесполезна для целей данной книги. Оценщиков, участвовавших в этом опросе, просили не только проанжировать страны как демократические на основе чисто политических критериев, но и принимать во внимание «уровень жизни» и «образовательный уровень». Эти последние факторы могут быть условиями для демократии, но они не являются аспектами демократии как таковой. См.: Russell H. Fitzgibbon, «A Statistical Evaluation of Latin American Democracy», *Western Political Quarterly*, 9 (1956), pp. 607–619.

ти в разных частях Латинской Америки, а также в Таиланде, Испании или Португалии.

33 Для предметной проверки этой гипотезы я использовал различные индексы экономического развития – уровни благосостояния, индустриализации, урбанизации и образования, – после чего вычислил усредненные значения (на самом деле средние арифметические) для тех стран англосаксонского мира, а также Европы и Латинской Америки, которые были классифицированы как более или менее демократические.

Таблица I

32 **Классификация европейских, англоязычных
и латиноамериканских стран по степени развития стабильной демократии**

<i>Европейские и англоязычные страны</i>		<i>Латиноамериканские страны</i>	
<i>Стабильные демократии</i>	<i>Нестабильные демократии и диктатуры</i>	<i>Демократии и нестабильные диктатуры</i>	<i>Стабильные диктатуры</i>
Австралия	Албания	Аргентина	Боливия
Бельгия	Австрия	Бразилия	Венесуэла
Великобритания	Болгария	Колумбия	Гаити
Дания	Венгрия	Коста-Рика	Гватемала
Ирландия	Германия	Мексика	Гондурас
Канада	Греция	Уругвай	Доминиканская Республика
Люксембург	Исландия	Чили	Куба
Нидерланды	Испания		Никарагуа
Новая Зеландия	Италия		Панама
Норвегия	Польша		Парагвай
США	Португалия		Перу
Швеция	Румыния		Сальвадор
Швейцария	СССР		Эквадор
	Финляндия		
	Франция		
	Чехословакия		
	Югославия		

32 Как свидетельствуют данные, приведенные в табл. II, для более демократических стран в каждом случае средний уровень благосостояния, степень индустриализации и урбанизации, а также уровень образования оказываются намного выше. Если бы я объединил Ла-

тинскую Америку и Европу в одну таблицу, то различия были бы еще разительнее⁹.

Главными из использованных индексов *благополучия* служили доход на душу населения, количество жителей, приходящихся на одну автомашину, и количество тысяч жителей, приходящихся на одного врача, а также количество радиоприемников, телефонов и газет в расчете на тысячу жителей. Для каждого из этих показателей различия поразительны (см. табл. II). В более демократических европейских странах на одну автомашину приходится 17 человек по сравнению со 143 в менее демократических. В менее диктаторских из латиноамериканских стран на одну автомашину приходится 99 человек, тогда как в более диктаторских этот показатель составляет 274¹⁰. Различия в доходах для выбранных групп также очень велики, падая от среднедушевого дохода в 695 долл. для более демократических стран Европы до 308 долл. для менее демократических; соответствующие различия для Латинской Америки составляют от 171 до

34

⁹ Лайл Шеннон (Lyle W. Shannon) устанавливал корреляцию индексов экономического развития с тем, является ли страна самоуправляющейся или нет, и его выводы, по существу, оказались точно такими же. Поскольку Шеннон не приводит подробностей по поводу стран, отнесенных им к категориям самоуправляющихся и несамостоявляющихся, то не существует никакого прямого измерителя зависимости между «демократическими» и «самоуправляющимися» странами. Все страны, анализируемые в данной главе, выбирались, однако, в предположении, что их характеристика как «демократических» лишена смысла для любой несамостоявляющейся страны и, следовательно, все они, как демократические, так и диктаторские, предположительно попадали бы в категорию, которую Шеннон назвал «самоуправляющиеся». Шеннон показывает, что экономическая отсталость связана с отсутствием самоуправления; мои данные говорят о том, что и после того, как самоуправляемость достигнута, экономическое развитие все равно остается связанным с характером политической системы. См. книгу, вышедшую под его редакцией: Shannon, *Underdeveloped Areas* (New York: Harper & Bros., 1957), а также его статью: Shannon, «Is Level of Development Related to Capacity for Self-Government?», *American Journal of Economics and Sociology*, 17 (1958), pp. 367–382. В этой последней публикации Шеннон строит композитный индекс развития, используя некоторые из тех же самых индексов, что и прежде, в частности количество жителей, приходящихся на одного врача, причем полученные из тех же самых источников Организации Объединенных Наций, как это видно в приводимых далее таблицах. Работа Шеннона не попадала в сферу моего внимания вплоть до того момента, когда эта глава была уже первоначально подготовлена, так что эти два аналитических исследования можно рассматривать как отдельные тесты сопоставимых гипотез.

¹⁰ Нужно помнить, что эти показатели являются средними значениями, вычисленными на основании результатов переписей для разных стран. По своей точности полученные при этом данные меняются в широком диапазоне, и нет никакого способа измерить достоверность таких комплексно вычисляемых показателей, как те, что представлены здесь. Главным индикатором достоверности являются устойчивая единая направленность всех наблюдающихся различий и их большая магнитуда.

119 долл. Диапазоны в равной мере единообразны, причем самый низкий доход на душу населения в каждой группе приходится на категорию «менее демократические», а самый высокий – на «более демократические» страны.

Индустриализация, с которой индексы благосостояния, конечно же, отчетливым образом соотносятся, измеряется процентной долей занятых мужчин, которые работают в сельском хозяйстве, и количеством коммерчески производимой «энергии» на душу населения, которая потребляется в данной стране (она измеряется в тоннах угля, приходящихся в год на одного человека). Оба эти показателя демонстрируют в равной мере устойчивые и единообразные результаты. Средняя процентная доля занятых мужчин, которые трудятся в сельском хозяйстве, смежных с ним отраслях и на связанных с ним рабочих местах, составила 21% в «более демократических» европейских странах и 41% в «менее демократических»; соответственно, эти показатели составляют 52% в «менее диктаторских» латиноамериканских странах и 67% в «более диктаторских». Различия в количестве энергии, потребляемой на душу населения, столь же велики.

Степень *урбанизации* также связана с существованием демократии¹¹. На основании данных, сведенных воедино Центром международных урбанистических исследований (International Urban Research, Беркли, Калифорния), доступны три различных индекса урбанизации: процентная доля населения, проживающего в общинах численностью 20 тыс. человек и выше, процентная доля населения в общинах численностью 100 тыс. человек и выше и процентная доля населения, проживающего в стандартных столичных районах, агломерациях и крупнейших городах. По всем трем названным индексам более демократические страны набирают более высокие показатели, чем менее демократические, причем для всех изучаемых регионов.

¹¹ Политические теоретики часто связывали урбанизацию с демократией. Гарольд Ласки утверждал, что «организованная демократия – это продукт городской жизни» и что вследствие этого было естественным «ее первое эффективное проявление» в греческих городах-государствах, где она ограничивалась существовавшим там определением «гражданина». См. его статью «Democracy» в *Encyclopedia of the Social Sciences* (New York: Macmillan, 1937), Vol. V, pp. 76–85. Макс Вебер настаивал, что город как определенный тип политического сообщества безусловно является чисто западным явлением, и прослеживал появление понятий «гражданство» и «гражданственность» от социальных событий, тесно соотносящихся с урбанизацией. Для частичного изложения его точки зрения см. главу на тему *Citizenship* («Гражданственность») в его книге «General Economic History» (Glencoe: The Free Press, 1950, pp. 315–338). [См.: М. Вебер. История хозяйства. Город. М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. С. 286–305.]

Таблица II 35

Сравнение европейских, англоязычных и латиноамериканских стран, разделенных на две группы: «более демократические» и «менее демократические», — по индексам благосостояния, индустриализации, образования и урбанизации¹⁾, *

А. Индексы благосостояния

<i>Средние значения</i>	<i>Доход на душу населения, U.S. \$²⁾</i>	<i>Тысяч человек на одного врача³⁾</i>	<i>Количество лиц на один автомобиль⁴⁾</i>
Европейские и англоязычные стабильные демократии	695	0,86	17
Европейские и англоязычные нестабильные демократии и диктатуры	308	1,4	143
Латиноамериканские демократии и нестабильные диктатуры	171	2,1	999
	119	4,4	274
<i>Диапазоны</i>			
Европейские стабильные демократии	420—1452	0,7—1,2	3—62
Европейские диктатуры	128—482	0,6—4	10—538
Латиноамериканские демократии	112—346	0,8—3,3	31—174
Латиноамериканские стабильные диктатуры	40—331	1,0—10,8	38—428
<i>Средние значения</i>	<i>Телефонов на 1000 чел.⁵⁾</i>	<i>Радиоприемников на 1000 чел.⁶⁾</i>	<i>Экземпляров газет на 1000 чел.⁷⁾</i>
Европейские и англоязычные стабильные демократии	205	350	341
Европейские и англоязычные нестабильные демократии и диктатуры	58	160	167
Латиноамериканские демократии и нестабильные диктатуры	25	85	102
Латиноамериканские стабильные диктатуры	10	43	43
<i>Диапазоны</i>			
Европейские стабильные демократии	43—400	160—995	242—570
Европейские диктатуры	7—196	42—307	46—390
Латиноамериканские демократии	12—58	38—148	51—233
Латиноамериканские стабильные диктатуры	1—24	4—154	4—111

* Примечания 1)–16) см. на с. 86–87.

Б. Индексы индустриализации

<i>Средние значения</i>	<i>Доля мужчин в сельском хозяйстве, %⁸⁾</i>	<i>Потребляемая энергия на душу населения⁹⁾</i>
Европейские стабильные демократии	21	3,6
Европейские диктатуры	41	1,4
Латиноамериканские демократии	52	0,6
Латиноамериканские стабильные диктатуры	67	0,25
<i>Диапазоны</i>		
Европейские стабильные демократии	6–46	1,4–7,8
Европейские диктатуры	16–60	0,27–3,2
Латиноамериканские демократии	30–63	0,30–0,9
Латиноамериканские стабильные диктатуры	46–87	0,02–1,27

37

В. Индексы образования

<i>Средние значения</i>	<i>Доля грамотных, %¹⁰⁾</i>	<i>Количество учащихся, принятых для получения начального образования, на 1000 чел.¹¹⁾</i>	<i>Количество учащихся, принятых для получения образования выше начального на 1000 чел.¹²⁾</i>	<i>Количество учащихся, принятых для получения высшего образования, на 1000 чел.¹³⁾</i>
Европейские стабильные демократии	96	134	44	4,2
Европейские диктатуры	85	121	22	3,5
Латиноамериканские демократии	74	101	13	2,0
Латиноамериканские стабильные диктатуры	46	72	8	1,3
<i>Диапазоны</i>				
Европейские стабильные демократии	95–100	96–179	19–83	1,7–17,83
Европейские диктатуры	55–98	61–165	8–37	1,6–6,1
Латиноамериканские демократии	48–87	75–137	7–27	0,7–4,6
Латиноамериканские стабильные диктатуры	11–76	11–149	3–24	0,2–3,1

Г. Индексы урбанизации

<i>Средние значения</i>	<i>Доля в городах с населением выше 20 000 чел., %¹⁴⁾</i>	<i>Доля в городах с населением выше 100 000 чел., %¹⁵⁾</i>	<i>Доля в столичных и других крупных городах, %¹⁶⁾</i>
Европейские стабильные демократии	43	28	38
Европейские диктатуры	24	16	23
Латиноамериканские демократии	28	22	26
Латиноамериканские стабильные диктатуры	17	12	15
<i>Диапазоны</i>	<i>Доля в городах с населением выше 20 000 чел., %¹⁴⁾</i>	<i>Доля в городах с населением выше 100 000 чел., %¹⁵⁾</i>	<i>Доля в столичных и других крупных городах, %¹⁶⁾</i>
Европейские стабильные демократии	28–54	17–51	22–56
Европейские диктатуры	12–44	6–33	7–49
Латиноамериканские демократии	11–48	13–37	17–44
Латиноамериканские стабильные диктатуры	5–36	4–22	7–26

38

Многие специалисты высказывали предположение, что чем выше уровень образования у населения какой-либо страны, тем больше в ней шансов для демократии; и, надо признать, доступные сравнительные данные подтверждают это суждение. «Более демократические» страны Европы характеризуются почти поголовной грамотностью: в стране с самым низким ее уровнем этот показатель составляет 96%, в то время как для «менее демократических» стран средняя доля грамотных равна 85%. В Латинской Америке разница между средними показателями грамотности – 74% для «менее диктаторских» стран и 46% для «более диктаторских»¹². Количество учащихся в расчете на тысячу жителей, принятых для получения

¹² Картина, которую показывает сравнение средних значений для каждой группы стран, подтверждается диапазонами размаха (от максимально высокого до максимально низкого показателя) для каждого из индексов. Большинство этих диапазонов частично перекрываются; иначе говоря, некоторые из стран, принадлежащих к категории «менее демократических», по любому данному индексу располагаются выше, чем некоторые из считающихся «более демократическими». Примечательно, что и в Европе, и в Латинской Америке те страны, которые занимают самые низкие места по любому из индексов, представленных в данной таблице, принадлежат также к категории «менее демократических». И наоборот, почти все страны, которые занимают места близ вершины любого из индексов, попадают в категорию «более демократических».

образования на трех различных его уровнях: начальном, среднем и высшем, — в равной мере устойчиво и единообразно связано со степенью демократии. Огромное расхождение показателей демонстрируют предельные случаи Гаити и США. В Гаити заметно меньше детей посещают школы в начальных классах (11 на тысячу жителей), чем в США молодые люди посещают колледжи (почти 18 на тысячу).

Зависимость между образованием и демократией заслуживает более широкого и подробного рассмотрения, потому что вся философия демократического правления трактовала более глубокую образованность в качестве основополагающего требования демократии¹³. Как писал Джеймс Брайс, обращая особое внимание на Южную Америку, «если образование и не делает людей хорошими гражданами, то оно, по крайней мере, облегчает им превращение в таковых»¹⁴. Образование, по всей видимости, расширяет кругозор человека, позволяет ему понять потребность в нормах толерантности, удерживает его от приверженности экстремистским доктринам и повышает его способность раз за разом делать рациональный электоральный выбор.

Свидетельства безусловного вклада образования в демократию выглядят еще более непосредственно наблюдаемыми и убедительными на уровне индивидуального поведения *внутри* стран, чем при рассмотрении перекрестных межстрановых корреляций. Данные, собранные агентствами по изучению общественного мнения, которые в разных странах проводили опросы жителей об их убеждениях по поводу терпимости к оппозиции, об установках по отношению к эт-

¹³ См.: John Dewey, *Democracy and Education* (New York: Macmillan, 1916).

¹⁴ James Bryce, *South America: Observations and Impressions* (New York: Macmillan, 1912), p. 546. Дж. Брайс рассматривал в Южной Америке несколько категорий тех условий, которые воздействовали на шансы для демократии, причем часть из них, по существу, не отличается от представленных здесь. Физические условия в стране определяют, насколько легко осуществляются коммуникации между разными ее регионами и тем самым насколько легко может там формироваться «широкое общественное мнение». Под «расовыми» условиями Брайс в действительности имел в виду, существовала ли в данной стране этническая однородность или нет, причем наличие различных этнических или языковых групп препятствовало «однородности и солидарности сообщества, которые являются почти неизменными условиями для успеха демократического правления». Экономические и социальные условия включали экономическое развитие, широкую распространённость политического участия и грамотность. Кроме того, Брайс детально охарактеризовал специфические исторические факторы, которые срабатывают в каждой из южноамериканских стран как дополнение к этим «общим» факторам, иногда даже перекрывая их по своей важности. См.: James Bryce, *op. cit.*, pp. 527–533, 580 и далее. См. также: Karl Mannheim, *Freedom, Power and Democratic Planning* (New York: Oxford University Press, 1950).

ническим или расовым меньшинствам, а также об их чувствах применительно к многопартийным системам по сравнению с однопартийными показали, что самым важным отдельным фактором, дифференцирующим тех, кто дает демократические ответы, от других лиц, было образование. Чем выше уровень чьего-либо образования, тем более вероятно, что этот человек должен верить в демократические ценности и поддерживать разные виды демократической практики¹⁵. Все релевантные исследования указывают, что образование в этом смысле заметно более существенно, чем доход, род занятий либо профессия.

Эти результаты должны привести нас к прогнозированию намного более высокой корреляции между уровнями образования в разных странах и существующей там политической практикой, чем мы фактически обнаруживаем. Германия и Франция принадлежали к числу наиболее образованных стран Европы, но это само по себе не привело к стабилизации их демократических систем¹⁶. Однако вполне может быть, что их высокий образовательный уровень все-таки поспособствовал воспрещению или сдерживанию активной деятельности там других антидемократических сил.

Если мы не в состоянии сказать, что высокий уровень образования представляет собой *достаточное* условие для демократии, то все доступные свидетельства говорят о том, что этот фактор близок к тому, чтобы выступать в качестве *необходимого* условия. В Латинской Америке, где до сих пор все еще существует и даже широко распространена неграмотность, только одна из всех стран, где больше половины населения неграмотно, а именно Бразилия, может быть включена в группу «более демократических».

¹⁵ См.: G. H. Smith, «Liberalism and Level of Information», *Journal of Educational Psychology*, 39 (1948), pp. 65–82; Martin A. Trow, *Right Wing Radicalism and Political Intolerance* (Ph. D. thesis, Department of Sociology, Columbia University, 1957), p. 17; Samuel A. Stouffer, *Communism, Conformity, and Civil Liberties* (New York: Doubleday & Co., Inc., 1955); Kotaro Kido and Masataka Sugi, «A Report of Research on Social Stratification and Mobility in Tokyo» (III), *Japanese Sociological Review*, 4 (1954), pp. 74–100. Этот вопрос обсуждается также в главе 4.

¹⁶ Дьюи предположил, что характер образовательной системы будет влиять на то, каким образом она воздействует на демократию, и что это могло бы частично пролить свет на источники нестабильности в Германии. Предназначение немецкого образования, согласно Дьюи, писавшему об этом в 1916 г., заключалось в «дисциплинарной выучке, а не в личностном развитии». Главная цель состояла в том, чтобы добиться «полного усвоения целей, смысла и значения существующих институтов», а также «скрупулезного подчинения» им. Это соображение поднимает проблемы, к которым мы не имеем возможности обратиться здесь, но вместе с тем указывает на сложный характер зависимости между демократией и таким тесно связанным с ней фактором, как образование. См.: John Dewey, *op. cit.*, pp. 108–110.

Ливан, единственный член Лиги арабских стран, который начиная с завершения Второй мировой войны сохранял и поддерживал у себя демократические институты, является также, бесспорно, самым высокообразованным членом этой Лиги (в Ливане более чем 80-процентная грамотность). К востоку от арабского мира только два государства, Филиппины и Япония, с 1945 г. обеспечивали существование демократических режимов, причем там отсутствовали сколько-нибудь крупные антидемократические партии. И хотя по уровню дохода на душу населения эти две страны уступают большинству европейских государств, по своим образовательным достижениям они принадлежат к числу мировых лидеров. Филиппины фактически стоят на втором месте после США по пропорции людей, посещающих средние школы и университеты, тогда как Япония имеет более высокий уровень образовательных достижений, чем любая европейская страна¹⁷.

Хотя свидетельства влияния различных аспектов экономического развития: индустриализации, урбанизации, благосостояния и образования – были представлены нами по отдельности, на самом деле все эти аспекты столь тесно взаимосвязаны, что совокупно образуют единый крупный фактор, который политически коррелирует с демократией¹⁸. Недавние исследования Ближнего Востока дают дальнейшие доказательства, подтверждающие это соображение. В 1951–1952 гг. опросы, которые Дэниел Лернер и Бюро прикладных социальных исследований (Bureau of Applied Social Research) Колумбийского университета провели в Турции, Ливане, Египте, Сирии, Иордании и Иране, обнаружили тесную связь между urba-

¹⁷ Цейлон (ныне Шри-Ланка. – *Перев.*), который разделяет с Филиппинами и Японией высокую честь быть единственными в Южной Азии и на Дальнем Востоке демократическими странами, где коммунисты не играют сколько-нибудь важной электоральной роли, разделяет также с ними другой почетный отличительный признак: они являются единственными странами в этом регионе, где *большинство* населения грамотно. Следует, однако, отметить, что на Цейлоне в действительности функционирует довольно крупная троцкистская партия, которая в данный момент образует собой официальную оппозицию, и что, хотя для Азии образовательный уровень в этой стране высок, он намного ниже, чем в Японии или на Филиппинах.

¹⁸ Данное утверждение представляет собой утверждение «статистическое», а это с неизбежностью означает, что будет существовать много исключений из указанной корреляции. Так, нам известно, что в США и Великобритании беднейшая часть граждан будет с большей вероятностью голосовать соответственно за Демократическую или Лейбористскую партии. Тот факт, что крупное меньшинство из более низких страт населения голосует в этих странах за более консервативную из двух действующих там крупных партий, не ставит под сомнение общее суждение, гласящее, что при выборе каким-то лицом той или иной политической партии главной детерминантой является его позиция в системе стратификации.

низацией, грамотностью, уровнем участия в голосовании, потреблением средств массовой информации и их производством, а также образованием¹⁹. По всем странам, для которых были доступны статистические данные ООН (в данном случае таковых оказалось 54), были вычислены простые и множественные корреляции между вышеназванными четырьмя базовыми переменными, и это принесло следующие результаты²⁰:

<i>Зависимая переменная</i>	<i>Коэффициент множественной корреляции</i>
Урбанизация	0,61
Грамотность	0,91
Участие в СМИ	0,84
Политическое участие	0,82

На Ближнем Востоке Турция и Ливан набирают по основной части вышеуказанных индексов более высокие показатели, чем другие четыре проанализированные страны, и Дэниел Лернер в своем сообщении об упомянутом исследовании подчеркивает, что «важные послевоенные события в Египте, Сирии, Иордании и Иране были проявлениями ожесточенной борьбы за контроль над властью — борьбы, которая на удивление отсутствовала [до самого недавнего времени] в Турции и Ливане, где вопрос о контроле над властью решался путем выборов»²¹.

Далее Лернер обращает особое внимание на то, каким образом непропорциональное развитие того или иного региона воздейст-

¹⁹ Об указанном исследовании сообщается в работе Daniel Lerner, *The Passing of Traditional Society* (Glencoe: The Free Press, 1958). Эти корреляционные зависимости выведены из данных переписи; главные разделы упомянутого опроса имели дело с реакциями на средства массовой информации и с мнениями о них, а также с гипотетическими умозаключениями относительно типов личности, лучше всего подходящих для современного и традиционного обществ.

²⁰ *Ibid.*, p. 63. Индекс политического участия равнялся процентной доле лиц, участвовавших в голосовании на последних пяти выборах. Приведенные результаты не могут рассматриваться в качестве независимой проверки соотношений и зависимостей, представленных в этой статье, поскольку данные и переменные были, в принципе, одним и тем же (как это имеет место с ними и в работе Лайла Шеннона, *op. cit.*), но идентичные результаты, полученные при использовании трех совершенно разных методов: коэффициента среднеквадратической сопряженности признаков, метода множественных корреляций, а также средних арифметических значений и диапазонов, убедительно демонстрируют, что указанные зависимости не могут быть приписаны искажениям, привнесенным процедурами вычислений. Следует также отметить, что все эти три аналитических исследования были выполнены автономно, и те, кто их проводил, ничего не знали ни друг о друге, ни о своей параллельной работе.

²¹ *Ibid.*, pp. 84–85.

вует на итоговую стабильность, и говорит о необходимости скоординированных изменений во всех перечисленных переменных. Так, сравнивая урбанизацию и грамотность в Египте и Турции, он приходит к выводу, что, хотя Египет урбанизирован намного сильнее, чем Турция, в действительности он несколько не «модернизирован» и там даже нет адекватного фундамента для модернизации, потому что грамотность не поспевает за остальными факторами. В Турции все имеющиеся индексы модернизации росли примерно в одинаковом темпе, так что увеличивающееся участие в выборах (36% в 1950 г.) уравнивается повышением грамотности, ростом урбанизации и т.д. В Египте, напротив, города полны «бездомных неграмотных», которые представляют собой готовую аудиторию для политической мобилизации в поддержку экстремистских идеологий. По шкале Лернера Египет должен иметь вдвое более высокую грамотность, чем Турция, так как он вдвое сильнее урбанизирован. Тот факт, что на самом деле уровень грамотности в нем составляет лишь половину турецкого, для Лернера служит объяснением тех «дисбалансов», которые «имеют тенденцию образовывать порочный круг и ускорять социальную дезорганизацию» — как политическую, так и экономическую²².

Лернер вводит одно важное теоретическое дополнение, а именно предложение рассматривать эти ключевые — для процесса модернизации — переменные как исторические фазы, а демократическую часть самых последних событий трактовать как «венчающий институт участвующего (партиципантного) общества» (таков один из его терминов для обозначения современного индустриального общества). Точка зрения Лернера на взаимоотношения между названными переменными, рассматриваемыми как стадии, достойна

²² *Ibid.*, pp. 87–89. Другие теории по поводу слаборазвитых регионов также подчеркивали тупиковый и замкнутый в порочный круг характер тех сил, которые поддерживают данный уровень экономического и социального развития, и в определенном смысле эту мою работу можно расценивать как усилие, имеющее целью распространить анализ комплекса разных институтов, образующих собой «модернизированное» общество, на политическую сферу. Монография Leo Schnore, *Economic Development and Urbanization: An Ecological Approach*, которая вскоре должна выйти в свет, соотносит технологические, демографические и организационные (включая грамотность и доход на душу населения) переменные как взаимозависимый комплекс. В недавно опубликованном томе Harvey Leibenstein, *Economic Backwardness and Economic Growth* (New York: John Wiley & Sons, 1957) «экономическая отсталость» (economic backwardness) рассматривается в рамках экономической теории «квазиравновесия» как комплекс связанных между собой и взаимно поддерживающих друг друга аспектов общества, и как элементы этого комплекса в него включаются культурные и политические характеристики — неграмотность, неразвитость (или полное отсутствие) среднего класса, а также весьма сырая, примитивная система коммуникаций (см. с. 62–64.).

того, чтобы процитировать ее достаточно подробно: «Секулярная эволюция партиципантного общества участия, как представляется, включает в себя регулярную последовательность из трех фаз. В начале приходит урбанизация, поскольку именно города и только они выработали тот комплекс умений, навыков и ресурсов, которые характеризуют современную индустриальную экономику. В рамках этой городской матрицы развиваются оба атрибута, которые отличают последующие две фазы, — грамотность и рост СМИ. Между ними существует тесная взаимная зависимость, потому что грамотность помогает развитию средств массовой информации, которые, в свою очередь, способствуют распространению грамотности. Но именно грамотность выполняет во второй фазе ключевую функцию. Способность читать, приобретенная поначалу относительно немногими, оснащает этих лиц для реализации разнообразных задач, требуемых в модернизирующемся обществе. И только в третьей фазе, когда в результате рывка сложная, детально продуманная технология индустриального развития уже продвинута достаточно далеко, общество начинает по-настоящему, в массовом масштабе производить газеты, сети радиовещания и кинофильмы. Они, в свою очередь, ускоряют распространение грамотности. И в конечном итоге из этого взаимодействия развиваются те институты участия (например, голосование), которые мы находим во всех продвинутых современных обществах»²³.

²³ Lerner, *op. cit.*, p. 60. Лернер сосредоточивает также свое внимание на определенных личностных требованиях современного общества, которые могут быть еще и соотнесены с личностными требованиями демократии. Согласно его точке зрения, физическая и социальная мобильность, характерная для современного общества, требует мобильной личности, способной адаптироваться к быстрым изменениям. Серьезным достижением XX в. было развитие «мобильной восприимчивости, настолько адаптивной по отношению к изменениям, что ее отличительным режимом становится перекомпоновка я-системы». Ее главным качеством является *эмпатия*, означающая «общую способность видеть себя в ситуации другого человека, причем независимо от того, благоприятна она или же неблагоприятна» (см. с. 49 и сл.). Остается открытым вопрос, влечет ли в результате за собой такая психологическая характеристика некую предрасположенность к демократии (подразумевающую готовность принять точку зрения других) или она скорее ассоциируется с антидемократическими тенденциями того типа личности, который присущ «массовому обществу» (подразумевающими отсутствие любых сколько-нибудь прочных личностных ценностей, укорененных в полезном и вознаграждающем участии). Возможно, эмпатия (как более или менее «космополитическое» мировоззрение) представляет собой общую личностную характеристику современных обществ, тогда как другие особые условия определяют, что именно она за собой влечет либо не влечет в качестве социальных последствий: толерантность и демократические установки или же отсутствие укорененности, неустроенность и аномию.

Тезис Лернера о функциональной взаимозависимости ранее перечисленных элементов модернизации никоим образом не вытекает из его данных. Но материал, представленный в этой главе, предоставляет возможность провести исследования по указанным направлениям. Девиантные случаи вроде Египта, где «отстающая» грамотность ассоциируется с серьезными напряжениями и потенциальными потрясениями, можно также обнаружить в Европе и Латинской Америке, и их анализ — задача, которую я здесь не пытаюсь решать, — позволит еще отчетливее прояснить базовую динамику модернизации и проблему социальной стабильности в разгар институциональных изменений.

Экономическое развитие и классовая борьба

Экономическое развитие, порождая увеличенный доход, растущую экономическую безопасность и широкое распространение более высокого образования, в значительной мере определяет форму «классовой борьбы», позволяя тем, кто принадлежит к низшим слоям, видеть перед собой более благоприятные долговременные перспективы и вырабатывать более сложные и градуалистские* взгляды на политическую жизнь. Вера в секулярный реформистский градуализм может быть идеологией только относительно обеспеченного и зажиточного низшего класса. Поразительное свидетельство в пользу данного тезиса можно обнаружить в той зависимости, которая наблюдается между моделями политических действий рабочего класса в различных странах и национальным доходом в них, и эта корреляция вызывает едва ли не изумление в свете многочисленных прочих культурных, исторических и юридических факторов, воздействующих на политическую жизнь разных стран и народов.

В двух самых богатых странах, США и Канаде, не только практически почти не существуют коммунистические партии, но и социалистические партии никогда не были в состоянии утвердиться в качестве сколько-нибудь крупных политических сил. Если взять восемь следующих стран по уровню благосостояния: Новую Зеландию, Швейцарию, Швецию, Великобританию, Данию, Австралию, Норвегию, Бельгию, Люксембург и Нидерланды (все они в 1949 г. — последнем, для которого существует стандартизированная статистика

* Градуалист («постепеновец») — сторонник постепенного проведения реформ; противник быстрых радикальных перемен. — *Прим. перев.*

Организации Объединенных Наций, — имели доход на душу населения свыше 500 долл. в год), то там в качестве формы левой политики преобладает умеренный социализм. Ни в одной из вышеперечисленных стран коммунисты не смогли обеспечить себе на выборах больше 7% голосов, а фактический средний электоральный показатель коммунистических партий составил в них приблизительно 4%. Если взять восемь европейских стран, где в 1949 г. доход на душу населения был ниже отметки в 500 долл.: Францию, Исландию, Чехословакию, Финляндию, Западную Германию, Венгрию, Италию и Австрию — и где после войны по крайней мере один раз прошли демократические выборы, на которых коммунистические партии могли реально соперничать с некоммунистическими, то в шести из названных стран коммунистическая партия набирала больше 16% голосов, а ее итоговый средний показатель по этим восьми странам, рассматриваемым как единая группа, превысил 20%. Две страны с низким доходом, где коммунисты слабы: Германия и Австрия, обладали прямым опытом советской оккупации²⁴.

46

Левацкий экстремизм доминировал также в политических взглядах рабочего класса двух других европейских стран, которые принадлежат к группе с годовым доходом на душу населения менее 500 долл., — Испании и Греции. В Испании перед приходом Франко к власти анархизм и левый социализм были намного сильнее, нежели умеренный социализм, в то время как в Греции, где в 1949 г. доход на душу населения составлял только 128 долл., коммунисты всегда были гораздо сильнее социалистов и вместе с партиями, которые были их попутчиками или сочувствовали им, обеспечивали себе на выборах последних лет много голосов²⁵.

²⁴ Следует отметить, что перед 1933–1934 гг. в Германии существовала одна из самых крупных коммунистических партий в Европе, тогда как Социалистическая партия Австрии была самой левой и марксистской европейской партией в Социалистическом интернационале.

²⁵ Греция, в экономическом отношении самая бедная из всех политических демократий в Европе, «является теперь единственной европейской страной, где не существует социалистической партии. Тамошняя социалистическая партия (ELD), основанная в 1945 г. людьми, которые в период оккупации сотрудничали с коммунистами, в августе 1953 г. самораспустилась, став жертвой своей виляющей и прокоммунистической политики. Вскоре вся указанная политическая территория капитулировала перед коммунистами, оправдывая это тем, что условия пока еще недостаточно созрели для развития социалистического движения» (Manolis Korakas, «Grecian Apathy», *Socialist Commentary*, May 1957, p. 21). На выборах в Греции 11 мая 1958 г. «руководимый коммунистами» Союз демократических левых сил завоевал 78 из 300 мест в парламенте и является теперь второй по величине партией в стране. См.: *New York Times*, May 16, 1958, p. 3, col. 4.

47 Применительно к западным странам обратно пропорциональная зависимость между экономическим развитием страны, как оно отражается в годовом доходе на душу населения, и силой коммунистов вкупе с другими экстремистскими группировками выражена, по-видимому, отчетливее, чем корреляционные зависимости между другими страновыми переменными вроде этнических или религиозных факторов²⁶. Две из числа достаточно бедных стран с крупными коммунистическими движениями: Исландия и Финляндия — являются скандинавскими и лютеранскими. Среди католических народов Европы во всех бедных странах, за исключением Австрии, имеются большие коммунистические или анархистские движения. В двух самых зажиточных католических демократиях: Бельгии и Люксембурге — действует очень немного коммунистов. Хотя французские и итальянские кантоны Швейцарии находятся под сильным воздействием культурной жизни соответственно Франции и Италии, в этих кантонах среди рабочих, живущих в самой богатой стране Европы, почти нет никаких коммунистов.

Зависимость между низким уровнем зажиточности (душевым доходом) и накоплением недовольства, достаточного, чтобы послужить социальной базой для политического экстремизма, подтверждается недавним сравнительным опросом-голосованием, проводившимся для выяснения установок у граждан девяти стран. В этих странах ощущение личной безопасности коррелировало с доходом на душу населения (0,45) и с душевым потреблением продовольствия (0,55). Если в качестве индекса степени существующего в той или иной стране недовольства использовать удовлетворенность своей страной, измеряемую ответами на вопрос «Какая страна в мире дает вам самые лучшие шансы жить таким образом, как вы бы хотели?», то зависимость недовольства от экономического благосостояния оказывается еще выше. Соответствующее исследование, использовавшее метод ранговой корреляции, сообщает, что корреляция между доходом на душу населения и степенью удовлетворенности собственной страной составляет 0,74²⁷.

²⁶ Сформулированная выше зависимость может быть представлена другим способом. Те семь европейских стран, где коммунистические или поддерживающие их партии набрали на свободных выборах большое количество голосов, имели в 1949 г. средний доход на душу населения в размере 330 долл. С другой стороны, другие 10 европейских стран, где коммунисты потерпели на выборах неудачу, характеризовались среднегодовым доходом на душу населения, равным 585 долл.

²⁷ William Buchanan and Hadley Cantril, *How Nations See Each Other* (Urbana: University of Illinois Press, 1953), p. 35.

Это не означает, что экономические трудности или бедность *per se* (сами по себе) являются главной причиной радикализма. Есть много свидетельств в пользу того, что в ситуации, когда у людей нет возможностей для перемен, стабильная бедность если и порождает какие-либо явления, то скорее консерватизм²⁸. Те индивиды, чей опыт ограничивает для них возможности значимых коммуникаций и взаимодействия с другими лицами, находящимися примерно на одном уровне с ними, будут, при прочих равных условиях, более консервативными, чем люди, которые могут не быть более зажиточными, но имеют доступ к возможностям обеспечить для себя лучший образ жизни²⁹. И в этой ситуации причиной динамичных изменений существующего положения будет, похоже, не сама по себе бедность, а осознание реальной возможности улучшить свою жизнь. В одном пронизательном пассаже Карл Маркс выразил эту мысль следующим образом: «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно так же малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съезживается до размеров жалкой хижинки»³⁰.

48

Вместе с развитием современных средств коммуникации и транспорта как внутри стран, так и между ними представляется все более вероятным, что групп в составе населения, которые испытывают сильную бедность, но изолированы от знаний о лучших способах жизни или не осознают возможностей для улучшения своего состояния, будет становиться все меньше и меньше, особенно в урбанизированных зонах западного мира. Можно ожидать, что такую стабильную бедность можно будет находить только в таких обществах, где доминируют традиции.

Поскольку позиция в системе стратификации всегда относительна и вознаграждение или депривация воспринимаются в терминах того, лучше или хуже твое материальное положение, чем у других известных тебе людей, нет ничего удивительного, что во всех странах

²⁸ См.: Emile Durkheim, *Suicide: A Study in Sociology* (Glencoe: The Free Press, 1951), pp. 253–254; см. также: Daniel Bell, «The Theory of Mass Society», *Commentary*, 22 (1956), p. 80.

²⁹ Существует также значительный набор свидетельств, говорящих о том, что представители тех профессий, которые экономически уязвимы, равно как и рабочие, испытавшие на себе безработицу, по своему мировоззрению склонны к более левым взглядам. См. ниже главу 7, с. 242–249.

³⁰ К. Маркс. Наемный труд и капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 446. Как пишет Дэниел Белл: «Социальные напряжения – это выражение несбывшихся ожиданий» (Daniel Bell, *op. cit.*, p. 80).

низшие классы, независимо от общего уровня благосостояния данной страны, проявляют различные признаки недовольства и даже негодования существующим распределением вознаграждений, поддерживая те политические партии и прочие организации, которые борются за некоторую форму перераспределения³¹. Тот факт, что форму, которую эти политические партии принимают в более бедных странах, носит более экстремистский и радикальный характер, нежели это имеет место в более зажиточных странах, вероятно, сильнее связан с большей степенью неравенства в такого рода странах, чем с тем фактом, что в абсолютных терминах их бедняки фактически еще беднее. Сравнительное исследование распределения национального богатства, проведенное Организацией Объединенных Наций, «говорит о том, что наиболее богатая часть населения (его самая богатая десятая часть, пятая часть и т.д.), как правило, получает в менее развитых странах большую долю суммарного дохода, чем в более развитых³². Разрыв между доходом дипломированных специалистов и близкого к ним профессионального персонала, с одной стороны, и обычных рабочих – с другой, в более бедных странах намного больше, чем в более зажиточных. Среди работников физического труда «в менее развитых странах существует, похоже, большее расхождение в заработной плате между квалифицированными и неквалифицированными рабочими. В противоположность этому процесс выравнивания доходов, по крайней мере в нескольких развитых странах, был облегчен общим увеличением национального дохода... причем не столько сокращением дохода у относительно богатых людей, сколько более быстрым ростом доходов у относительно бедных»³³.

³¹ Сводные результаты электоральных исследований во многих странах показывают, что, за немногими исключениями, существует сильная зависимость между более низким социальным положением и поддержкой «левых» политических движений. Есть, конечно, много других характеристик, которые тоже связаны с голосованием за левые партии; некоторые из них были обнаружены внутри относительно хорошо оплачиваемых, но социально изолированных групп. Среди населения в целом мужчины с заметно большей вероятностью будут голосовать за левых, чем женщины; кроме того, представители религиозных меньшинств и малых этнических групп также проявляют левые тенденции (см. главы 7 и 8).

³² *United Nations Preliminary Report on the World Social Situation* (New York: 1952), pp. 132–133. Шведский экономист Гуннар Мюрдаль недавно указал: «На самом деле регулярно наблюдается следующее явление, наделенное едва ли не высоким званием экономического закона: чем беднее страна, тем больше в ней разница между бедными и богатыми» — *An International Economy* (New York: Harper & Bros., 1956), p. 133.

³³ *United Nations Preliminary Report... Ibid* (см. также табл. II). Недавно завершено сравнение того, как распределяются доходы в США и ряде западноевропейских стран, позволило заключить, что «не существует никакого крупного различия» в картинах распределения доходов в этих странах. Как представляется, указанные результаты

Распределение потребительских товаров также имеет тенденцию становиться более справедливым по мере того, как национальный доход увеличивается. Чем богаче страна, тем более значительная доля ее населения владеет автомобилями, телефонами, ваннами, холодильным оборудованием и т.д. Там, где существует нехватка каких-либо товаров, распределение такого рода дефицитных вещей неизбежно должно быть менее справедливым, чем в стране, где имеет место относительное изобилие. Например, количество людей, которые могут себе позволить автомобили, стиральные машины, приличное жилье, домашние телефоны, хорошую одежду или могут достигнуть того, чтобы их дети заканчивали среднюю школу либо поступали в высшее учебное заведение, во многих европейских странах все еще составляет лишь незначительное меньшинство их суммарного населения. Большое национальное благосостояние США либо Канады или же — в меньшей степени — даже австрало-азиатских доминионов либо Швеции означает, что в них наблюдается относительно небольшая разница между уровнями жизни соседних социальных классов и что даже те классы, которые в социальной структуре далеки друг от друга, будут характеризоваться более похожими моделями потребления, чем сопоставимые классы в странах Южной Европы. Для населения этой части Европы и в еще большей мере — для жителей одной из «слаборазвитых» стран социальная стратификация характеризуется намного большими различиями в образе жизни и незначительными пересечениями тех перечней товаров, которыми владеют различные страты или покупку которых они могут себе позволить. Следовательно, можно говорить, что чем богаче, зажиточнее страна, тем в меньшей степени ощущение собственного более низкого статуса воспринимается в ней как крупный источник депривации.

Взросшее благосостояние и образованность способствуют демократии еще и тем, что увеличивают подверженность низших клас-

Роберта Солоу противоречат тем, о которых сообщалось выше и которые взяты из Бюро статистики ООН (сейчас это Статистический отдел ООН. — *Перев.*), хотя последние имеют дело прежде всего с различиями между индустриальными и слаборазвитыми странами. В любом случае следует отметить согласие Солоу с тем, что относительное положение более низких страт в бедной и богатой странах весьма различается. Как он заявляет, «при сравнении Европы и Америки можно задать вопрос, имеет ли смысл говорить об относительном неравенстве доходов независимо от абсолютного уровня дохода. Доход, который в четыре раза выше другого дохода, имеет разное содержание в зависимости от того, означает ли более низкий доход недоедание, с одной стороны, или же обеспечивает некоторый излишек — с другой», — Robert M. Solow, *A Survey of Income Inequality Since the War* (Stanford: Center for Advanced Study in the Behavioral Sciences, 1958, mimeographed), pp. 41–44, 78.

сов разным видам перекрестного давления, которые уменьшают степень их тяготения к любым определенным идеологиям и, следовательно, делают их менее восприимчивыми к экстремистским воззрениям. Этот процесс будет более детально обсуждаться в следующей главе, но он означает вовлечение указанных слоев населения в интегрированную общенациональную культуру — в отличие от изолированной культуры низших классов.

51

Маркс был убежден в том, что пролетариат представляет собой революционную силу, поскольку ему нечего терять, кроме своих цепей, приобрести же он может весь мир. Но Токвиль, анализируя причины, по которым в Америке низшие слои поддерживали существующую там систему, перефразировал и поменял местами слова Маркса еще раньше, чем сам Маркс приступил к своему анализу, указав, что «в цивилизованных странах обычно восстают лишь те, кому нечего терять»³⁴.

Взросшее благосостояние воздействует также на политическую роль среднего класса, меняя форму структуры стратификации от вытянутой пирамиды с длинным основанием, означающим низший класс, на ромбовидную фигуру с растущим средним классом. Многочисленный средний класс смягчает конфликт тем, что вознаграждает умеренные и демократические партии, вместе с тем наказывая экстремистские группировки.

Политические ценности и стиль высшего сословия тоже связаны с национальным доходом. Чем беднее страна и чем ниже абсолютный уровень жизни низших классов, тем сильнее «внутреннее» давление на высшие слои, толкающее их рассматривать низший класс как вульгарную, по самой своей природе подчиненную и нижестоящую касту, которая стоит вне рамок человеческого общества. Резкое различие в стиле жизни между теми, кто вознесен на вершину, и теми, кто погружен на социальное дно, делает такую трактовку психологически неизбежной. И как следствие, в подобной ситуации у верхних слоев наблюдается тенденция расценивать политические права для низших слоев, особенно право на участие во власти, как по сути своей абсурдные и в высокой степени безнравственные. Верхние слои не только сами сопротивляются демократии; их зачастую заносчивое и самонадеянное политическое поведение способствует интенсификации экстремистских реакций со стороны низших классов.

Общий уровень доходов в стране воздействует также на ее восприимчивость к демократическим нормам. Если в стране достаточно богатства — так, что не слишком существенно, нуждается ли она

³⁴ Alexis de Tocqueville, *Democracy in America*, Vol. I (New York: Alfred A. Knopf, Vintage ed., 1945), p. 358. [А. де Токвиль. Демократия в Америке. С. 189.]

в некотором перераспределении доходов и имеет ли оно место, — то ее населению легче принять и одобрить идею, что не имеет особого значения и то, какая именно сторона находится у власти. Но если потеря постов и властных полномочий будет означать для крупных, мощных и влиятельных группировок серьезные потери во многом другом, то эти группировки будут с большей готовностью стремиться сохранять или защищать свою властную позицию любыми доступными им средствами. Аналогично, чтобы гарантированно обеспечить компетентную государственную гражданскую службу и бюрократический аппарат (т.е. всех правительственных чиновников и служащих), необходим определенный объем национального благосостояния. Чем беднее страна, тем сильнее в ней акцент на nepoтизм — т.е. на поддержку родственников и друзей. А это, в свою очередь, сокращает возможности появления и развития той эффективной бюрократии, которая требуется для современного демократического государства³⁵.

Примерно подобным же образом представляются связанными с национальным благосостоянием и всевозможные промежуточные и посреднические организации, которые действуют как источники компенсации, уравнивания или противодействия власти. Токвиль и другие выразители того, что впоследствии стало известным под названием теории «массового общества»³⁶, приводили много доводов в пользу того, что стране, не имеющей множества разнообразных организаций, которые относительно независимы от центральной государственной власти, присущ высокий диктаторский, равно как и революционный, потенциал. Такие организации служат выполнению целого ряда функций, необходимых для демократии; они воспещают государству или любому единичному источнику частной власти господствовать над всеми политическими ресурсами; они выступают как источники новых мнений; они могут быть средствами для передачи большим сегментам гражданского населения самых

³⁵ Обсуждения этой проблемы применительно к вновь созданному государству см. в: David Apter, *The Gold Coast in Transition* (Princeton: Princeton University Press, 1955), особенно гл. 9 и 13. Аптер показывает, насколько важны для существования демократического политического порядка эффективная бюрократия, а также принятие бюрократических ценностей и моделей поведения.

³⁶ См.: Emil Lederer, *The State of the Masses* (New York: Norton, 1940); Hannah Arendt, *Origins of Totalitarianism* (New York: Harcourt, Brace & Co., 1951); Max Horkheimer, *Eclipse of Reason* (New York: Oxford University Press, 1947); Karl Mannheim, *Man and Society in an Age of Reconstruction* (New York: Harcourt, Brace & Co., 1940); Philip Selznick, *The Organizational Weapon* (New York: McGraw-Hill Book Co., 1952); Jose Ortega y Gasset, *The Revolt of the Masses* (New York: Norton, 1932); William Kornhauser, *The Politics of Mass Society* (Glencoe: The Free Press, 1959).

разнообразных идей, особенно идей оппозиционных; они тренируют людей в политических навыках и умениях, помогая тем самым увеличивать уровень их интереса к политической жизни и участия в ней. Хотя нет никаких надежных данных о зависимости между национальными моделями добровольных организаций и национальными политическими системами, свидетельства, полученные при исследованиях индивидуального поведения в разных странах, демонстрируют, что независимо от любых иных факторов люди, которые принадлежат к каким-либо ассоциациям, с большей вероятностью, чем не принадлежащие к ним, дадут демократический ответ на вопросы относительно толерантности и разных вариантов партийных систем, а также захотят голосовать или активно участвовать в политической жизни. В целом можно констатировать следующее: чем человек состоятельнее и лучше образован, тем более правдоподобно, что он будет принадлежать к добровольным организациям, а посему склонность населения тех или иных стран к формированию таких организаций и групп представляется функцией от уровня дохода в них и от возможностей для досуга и использования свободного времени³⁷.

53

³⁷ См.: Edward Banfield, *The Moral Basis of a Backward Society* (Glencoe: The Free Press, 1958), где дается превосходное описание того, каким образом ужасающая бедность в Южной Италии способствует редуцированию там всякой общинной организации. Данные, которые получены в результате опросов и голосований, проводившихся в США, Германии, Франции, Великобритании и Швеции, показывают, что где-то от 40 до 50% взрослых в этих странах принадлежат к добровольным ассоциациям, причем в менее стабильных демократиях, Франции и Германии, наблюдаются отнюдь не более низкие уровни членства в них, чем в более стабильных, т.е. в США, Великобритании и Швеции. Эти результаты, по-видимому, бросают вызов широко распространенному противоположному суждению, хотя ни к какому определенному заключению прийти невозможно, потому что в большинстве подобных исследований использовались несовместимые категории. Указанный вопрос подвергается дальнейшему изучению во многих странах. Данные для этих стран можно увидеть в следующих работах. Для Франции см.: Arnold Rose, *Theory and Method in the Social Sciences* (Minneapolis, University of Minnesota Press, 1954), p. 74 и O. R. Gallagher, «Voluntary Associations in France», *Social Forces*, 36 (1957), pp. 154–156; для Германии см.: Erich Reigrotzki, *Soziale Verflechtungen in der Bundesrepublik* (Tübingen: J. D. B. Mohr, 1956), p. 164; для США см.: Charles L. Wright and Herbert H. Hyman, «Voluntary Association Memberships of American Adults: Evidence from National Sample Surveys», *American Sociological Review*, 23 (1958), p. 287, J. C. Scott, Jr., «Membership and Participation in Voluntary Associations», *American Sociological Review*, 22 (1957), pp. 315–326 и Herbert Maccoby, «The Differential Political Activity of Participants in a Voluntary Associations», *American Sociological Review*, 23 (1958), pp. 524–533; для Великобритании см.: *Mass Observation, Puzzled People* (London: Victor Gollancz, 1947), p. 119 и Thomas Bottomore, «Social Stratification in Voluntary Organizations», в сб.: David Glass, ed., *Social Mobility in Britain* (Glencoe: The Free Press, 1954), p. 354; для Швеции см.: Gunnar Heckscher, «Pluralist Democracy: The Swedish Experience», *Social Research*, 15 (1948), pp. 417–461.

Политика быстрого экономического развития

Ассоциативная связь между экономическим развитием и демократией привела многих западных государственных деятелей и политических комментаторов к выводу, что основная политическая проблема наших дней порождается давлением в пользу быстрой индустриализации. Они исходили из предположения, что если только слаборазвитые страны сумеют взять успешный старт на пути к высокой производительности, то мы сможем победить серьезную угрозу недавно созданным демократическим государствам, а именно их доморощенным коммунистам. Неким курьезным образом эта точка зрения знаменует победу экономического детерминизма, или вульгарного марксизма, в демократической политической мысли. К великому сожалению для этой теории, политический экстремизм, опирающийся на низшие классы, и в частности коммунизм, можно обнаружить не только в странах с низким доходом, но также в странах, недавно вступивших на путь промышленного развития. Такая корреляция, разумеется, вовсе не является каким-то новейшим феноменом. В 1884 г. Энгельс отметил, что недвусмысленно социалистические рабочие движения развивались в Европе на протяжении периодов быстрого индустриального роста и что эти движения резко шли на спад в ходе последующих периодов более медленных изменений текущего темпа индустриализации.

Это соображение иллюстрируется картиной левых политических движений в Северной Европе, имевших место в первой половине XX столетия в тех странах, где социалистические и профсоюзные движения стали теперь относительно умеренными и консервативными. Везде, где индустриализация происходила *быстро*, внося резкие *разрывы* между доиндустриальной и индустриальной ситуациями, возникло больше опирающихся на рабочий класс экстремистских движений, а вовсе не меньше. В Скандинавии, например, различия между социалистическими движениями Дании, Швеции и Норвегии могут быть в большой мере объяснены разным темпом индустриализации и ее распределением во времени, на что указал экономист Уолтер Галенсон³⁸. Датское социал-демократическое движение и профсоюзы всегда принадлежали к реформистскому, умеренному и сравнительно немарксистскому крылу международного

³⁸ См.: Walter Galenson, *The Danish System of Labor Relations* (Cambridge: Harvard University Press, 1952); см. также: Galenson, «Scandinavia», в сб.: Galenson, ed., *Comparative Labor Movements* (New York: Prentice-Hall, 1952), особенно pp. 105–120.

рабочего движения. В Дании индустриализация развивалась как медленный и постепенный процесс. Скорость роста урбанизации также была там умеренной, что хорошо воздействовало на жилищные условия городского рабочего класса. Медленный рост промышленности означал, что в течение всего периода индустриализации значительную долю датских рабочих составляли люди, которые работали в промышленности на протяжении длительного времени, и, следовательно, вновь вливающиеся в нее пришельцы, которых выдергивали из сельских районов и которые могли пополнять ряды тех, кто стал бы базой для экстремистских фракций, всегда находились в меньшинстве. Те левацкие группировки, которые сумели получить в Дании сколько-нибудь заметную поддержку, опирались как раз на быстро развивающиеся отрасли промышленности.

С другой стороны, в Швеции обрабатывающая промышленность с 1900 до 1914 г. росла очень быстро. Это привело к внезапному и бурному росту численности малоквалифицированных рабочих, в значительной степени вербовавшихся в сельских районах, и к соответствующему расширению отраслевых профсоюзов, которые объединяли всех работников отрасли независимо от выполняемой ими работы, но не цеховых, или ремесленных, профсоюзов, куда входили работники определенной профессии или нескольких родственных специальностей, причем достаточно высокой квалификации. Внутри профсоюзов и Социал-демократической партии параллельно с таким развитием событий в промышленности возникло левое движение, выступавшее против умеренной политики, которую обе названные организации выработали и проводили перед наступлением этого большого индустриального подъема. Кроме того, в указанный период появилось также сильное анархо-синдикалистское движение. И здесь упомянутые агрессивные левые движения опять-таки опирались на быстро расширяющиеся отрасли промышленности³⁹.

Норвегию, последнюю из трех Скандинавских стран, которой предстояла индустриализация, характеризовала еще более высокая скорость указанного процесса. В результате появления гидроэлектрической энергии в этой стране, роста в ней электрохимической промышленности и постоянной потребности в строительстве различных промышленных сооружений в Норвегии за период между 1905 и 1920 гг. количество промышленных рабочих удвоилось. Причем, как и в Швеции, это увеличение численности рабочей силы означало, что традиционное умеренное движение цеховых и ремес-

³⁹ См.: Rudolf Heberle, *Zur Geschichte der Arbeiterbewegung in Schweden*, Vol. 39 of *Probleme der Weltwirtschaft* (Jena: Gustav Fischer, 1925).

ленных профсоюзов захлестнул поток новых рабочих со средней, низкой и нулевой квалификацией, большинство которых были молодыми мигрантами из сельских районов. Внутри Норвежской федерации труда* и Норвежской рабочей партии возникло левое крыло, которое в период заключительных стадий Первой мировой войны захватило контроль над обеими названными организациями. Следует отметить, что Норвегия была единственной западноевропейской страной, все еще находившейся на стадии быстрой индустриализации в тот момент, когда был основан Коминтерн, и ее рабочая партия оказалась единственной, которая в почти нетронутом виде перешла под крыло коммунистов.

В Германии перед Первой мировой войной революционные марксистские левые силы, в большой мере образовавшиеся из рабочих быстро растущих отраслей промышленности, сохраняли за собой значительную поддержку внутри Социал-демократической партии, в то время как более умеренные части этой партии опирались на более стабильные и давно сложившиеся отрасли индустрии⁴⁰.

Самой внушительной иллюстрацией зависимости между быстрой индустриализацией и экстремизмом рабочего класса служит российская революция. В царской России численность индустриального «населения» подскочила с 16 миллионов в 1897 г. до 26 миллионов в 1913-м⁴¹. Троцкий в своей «Истории русской революции» показал, каким образом параллельно росту промышленности шло увеличение частоты забастовок и воинственности в рядах профсоюзов. Вероятно, не является случайным совпадением, что те две страны в Европе, в которых революционные левые силы добились до 1920 г. контроля над доминирующей частью рабочего движения: Россия и Норвегия, — были вместе с тем и странами, где все еще продолжали идти процессы быстрого накопления капитала и базовой индустриализации⁴².

* Центральное объединение профсоюзов в этой стране. — *Прим. перев.*

⁴⁰ См.: Ossip Flechtheim, *Die KPD in der Weimarer Republik* (Offenbach am Main: Bollwerk-Verlag Karl Drott, 1948), pp. 213–214; см. также: Rose Laub Coser, *An Analysis of the Early German Socialist Movement* (unpublished M. A. thesis, Department of Sociology, Columbia University, 1951).

⁴¹ Colin Clark, *The Conditions of Economic Progress* (London: Macmillan, 1951), p. 421.

⁴² Коммунисты контролировали также греческие профсоюзы и Социалистическую рабочую партию этой страны. Но хотя греческий случай в основном соответствует вышеизложенному образцу, он не полностью сопоставим с ним, так как никакого реального докоммунистического рабочего движения там не существовало, а пробольшевистское движение выросло из сочетания недовольства рабочих, которые трудились в порожденной <Первой мировой> войной новой промышленности, с энтузиазмом, вызванным российской революцией. [Здесь и далее текст в угловых скобках вставлен переводчиком. — *Ред.*]

Революционные социалистические движения, которые возникают в ответ на напряженности, создаваемые быстрой индустриализацией, идут на спад, как выразился на сей счет Энгельс, всякий раз, когда «переход к крупной промышленности почти закончен... [и] условия, в которых находится пролетариат, теперь уже устойчивы»⁴³.

57 Такие страны, в которых «переход к крупной промышленности почти закончен», — это, как мы знаем, именно те индустриально развитые страны, где марксизм и революционный социализм существуют сегодня только в качестве сектантских догм. Но и в тех странах Европы, где индустриализация никогда не происходила или где она потерпела крах и оказалась не в состоянии построить экономику, основанную на эффективной крупномасштабной промышленности с высоким уровнем производительности труда и постоянным расширением моделей массового потребления, тоже существуют условия для создания или увековечивания экстремистской политики в сфере трудовых отношений.

Совсем иной тип экстремизма, основанный на классах мелких предпринимателей (как городских, так и сельских), появился в менее развитых и зачастую культурно отсталых секторах более индустриализированных обществ. Социальная база классического фашизма, похоже, выросла из всегда наблюдавшейся уязвимости какой-то части среднего класса, особенно мелких бизнесменов и владельцев малых ферм, перед лицом масштабного наступления крупного капитализма и мощного рабочего движения. В главе 5 эта реакция подвергается подробному анализу в том виде, в каком она манифестируется в целом ряде стран.

Очевидно, что те условия, которые соотносятся со стабильной демократией, легче всего найти в странах Северо-Западной Европы и в их англоязычных отпрысках в Америке и Австралии*; при этом высказывалось предположение — в числе прочих его выдвигал и Вебер, — что и демократию и капитализм породило в указанном регионе исторически уникальное сочетание элементов. Как гласит

⁴³ Friedrich Engels, «Letter to Karl Kautsky», Nov. 8, 1884, in Karl Marx and Friedrich Engels, *Correspondence 1846–1895* (New York: International Publishers, 1946), p. 422 [Ф. Энгельс. Письмо Карлу Каутскому, 8 ноября 1884 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 198; см. также: Val R. Lorwin, «Working-class Politics and Economic Development in Western Europe», *American Historical Review*, 63 (1958), pp. 338–351; превосходное обсуждение воздействия быстрой индустриализации на политическую жизнь см. также: Reinhold Niebuhr, *The Irony of American History* (New York: Charles Scribner's Sons, 1952), pp. 112–118.

* Этот географический термин охватывает Австралию, Новую Зеландию, Новую Гвинею, Новую Британию и расположенные рядом с ними небольшие острова. — *Прим. перев.*

основной аргумент в поддержку этого утверждения, капиталистическое экономическое развитие получило наибольшие возможности в протестантском обществе и создало класс горожан, бюргеров, мещан — то третье сословие, существование которого было для демократии и катализатором, и необходимым условием. Акцент протестантизма на индивидуальную ответственность содействовал появлению в этих странах демократических ценностей и привел в результате к выравниванию отношений между бюргерами и тронем, а затем к формированию некоего альянса между ними, который сохранил монархию и сделал демократию гораздо более приемлемой для консервативных слоев. Кто-то может спросить, является ли какой-нибудь один аспект этого взаимоувязанного кластера, состоящего из экономического развития, протестантизма, монархии, постепенных политических изменений, легитимности и демократии, первичным, но факт таков, что этот кластер действительно существует и держится сплоченно, а его элементы хорошо подогнаны и поддерживают друг друга⁴⁴.

58

В следующей главе я хочу обратиться к изучению некоторых необходимых предпосылок демократии, которые вытекают из специфических исторических элементов, особенно тех, что связаны с потребностями демократической политической системы в легитимности и в механизмах, снижающих остроту и интенсивность политического конфликта. Причем, хотя эти необходимые для демократии предпосылки связаны с экономическим развитием, они отличаются от него, поскольку являются элементами в составе самой политической системы, а не атрибутами целостного (тотального) общества.

⁴⁴ Вводя исторические события как часть анализа факторов, *внешних* по отношению к политической системе и составляющих какое-то звено в той цепочке причинных связей, куда влетена демократия, я следую в русле добротной социологической и даже функционалистской традиции. Как это хорошо выразил Радклифф-Браун: «...одним из "объяснений" общественной системы послужит ее история, какой мы ее знаем, — т.е. детальный отчет о том, как получилось, что эта система стала тем, чем стала, и пришла туда, где находится. Другое "объяснение" той же самой системы получается, когда демонстрируют... что она представляет собой особый образчик, иллюстрирующий законы социальной психологии или социального функционирования. Эти два вида объяснений не противоречат, а взаимно дополняют друг друга» — A. R. Radcliff-Brown, «On the Concept of Function in Social Science», *American Anthropologist*, New Series, 37 (1935), p. 401; см. также: Max Weber, *The Methodology of the Social Sciences* (Glencoe: The Free Press, 1949), pp. 164–188, где содержится детальное обсуждение роли исторического анализа в социологическом исследовании.

Методологическое приложение

Подход, используемый в этой главе, неявным образом отличается от подхода некоторых других исследователей и исследований, которые попытались работать с социальными явлениями на уровне тотального общества, и может оказаться полезным явное формулирование некоторых из методологических постулатов, лежащих в основе данного рассмотрения.

С такими комплексными характеристиками общественной системы, как демократия, степень бюрократизации, тип системы стратификации, обычно работали с применением либо редукционистского, либо «идеально-типического» подхода. Первый из них отвергает возможность рассмотрения перечисленных характеристик в качестве системных атрибутов как таковых и утверждает, что сумма и сущность социологических категорий образуют качества индивидуальных действий. Для этой школы научной мысли степень распространенности демократических установок, или бюрократического поведения, или количества и типов ранжирования престижа либо власти образует саму суть смысла и значения атрибутов демократии, бюрократии или класса.

«Идеально-типический» подход начинает с аналогичного предположения, но приходит к противоположному выводу. Это аналогичное предположение состоит в том, что общества представляют собой комплексную систему сложных явлений, демонстрируя такую степень внутренних противоречий, что всякие обобщения о них как о чем-то целом должны неизбежно образовывать некое сконструированное представление отобранных элементов, произрастающее из конкретных озабоченностей, заинтересованностей и точек зрения данного ученого. Противоположный вывод заключается в том, что абстрактные построения об устройстве «демократии» или «бюрократии» не имеют никакой очевидной и не требующей доказательства связи с состояниями или качествами тех сложных социальных систем, которые фактически существуют в настоящее время, а образуют совокупности разных атрибутов, которые логически взаимосвязаны, но не характеризуют в своей полноте никакого реально существующего общества⁴⁵. Примером служит веберовская концепция «бюрократии», включающая набор должностей, а также лиц, которые их занимают, но не «владеют» ими, непрерывно ведя и обновляя журналы и картотеки разных записей, выполняя

⁴⁵ См. эссе Макса Вебера: Max Weber, «Objectivity» in Social Science and Social Policy», in his *Methodology of the Social Sciences*, op. cit., pp. 72–93.

функционально специфицированные обязанности и т.д.; точно так же обстоит дело с общераспространенным определением демократии в политической науке, которое постулирует индивидуальные политические решения, основанные на рациональном знании собственных конечных целей и на знании фактической политической ситуации.

Критика таких категорий или идеальных типов исключительно на том основании, что они не соответствуют реальной действительности, нерелевантна, поскольку они предназначены не для описывания действительности, а для того, чтобы предоставить основу для сравнения различных аспектов реальной действительности с непротиворечивым и логически выверенным образцом. Зачастую этот подход оказывается весьма плодотворным, и у нас нет здесь ни малейшего намерения заменить его, поставив на его место какой-либо другой подход; есть просто желание представить другой возможный способ концептуализации и осмысления сложных характеристик общественных систем, берущий свое начало из того многомерного анализа, дорогу к которому – на совсем ином уровне анализа – впервые проложили Пауль Лазарсфельд и его коллеги⁴⁶.

Особенность, которая отличает данный подход, – это вопрос о том, можно ли рассматривать обобщенные теоретические категории как обоснованно соотносящиеся с характеристиками тотальных общественных систем. Последствия статистических данных, представленных в этой главе применительно к демократии, а также соотношений между демократией, экономическим развитием и политической легитимностью состоят в том, что имеются такие аспекты тотальных общественных систем, которые существуют, могут быть сформулированы в теоретических терминах, могут быть подвергнуты сравнению с похожими аспектами других систем, и в то же самое время они выводимы из эмпирических данных, которые могут быть проверены (или поставлены под сомнение) другими исследователями. Это не означает, что не могут существовать коллизии, противоречащие общим соотношениям либо зависимо-

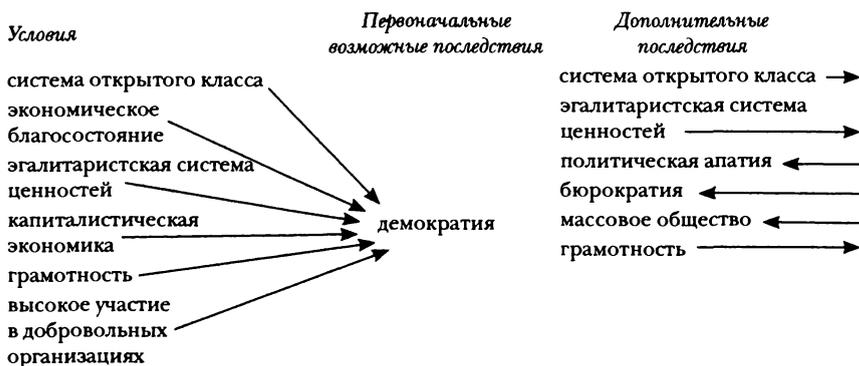
⁴⁶ Методологические предпосылки этого подхода на уровне многомерных корреляций и взаимодействий индивидуального поведения с различными социальными характеристиками были представлены в работе Paul F. Lazarsfeld, «Interpretation of Statistical Relations as a Research Operation», в сб.: P. F. Lazarsfeld and M. Rosenberg, eds., *The Language of Social Research* (Glencoe: The Free Press, 1955), pp. 115–125; и в работе Н. Hyman, *Survey Design and Analysis* (Glencoe: The Free Press, 1955), Chaps. 6 and 7. См. также методологические приложения к книге Lipset, et al., *Union Democracy* (Glencoe: The Free Press, 1956), pp. 419–432 и к главе 12 данной книги.

стям, или же что на более низких уровнях общественной организации не могут очевидным образом проявляться какие-то совершенно другие характеристики. Например, такую страну, как США, можно на общенациональном уровне охарактеризовать как «демократическую» даже при том, что большинство вторичных организаций внутри этой страны, возможно, и не являются демократическими. На другом уровне церковь может быть охарактеризована как «небюрократическая» организация по сравнению с корпорацией — даже невзирая на то, что важные сегменты церковной организации могут быть столь же бюрократизированными, как наиболее бюрократические части какой-либо конкретной корпорации. На еще одном уровне может оказаться вполне легитимным в целях психологической оценки тотальной личности рассматривать того или иного индивида как «шизофреника» даже несмотря на то, что при определенных условиях он может действовать отнюдь не шизофренически. Суть здесь в том, что, когда сравнения делаются на определенном уровне обобщения и обращаются к функционированию тотальной системы (будь то на уровне отдельной личности, группы, организации или всего общества), обобщения, применимые к тотальному обществу, имеют тот же самый вид и степень валидности, как и те, что применимы к другим системам и подчиняются тем же самым эмпирическим тестам. Отсутствие систематических и сравнимых исследований нескольких обществ затемняло указанное соображение.

61

Указанный подход подчеркивает также ту точку зрения, что сложные характеристики тотальной системы обладают зависящей от многих переменных (многомерной) причинной обусловленностью и последствиями настолько, насколько у всякой характеристики есть некоторая степень автономности в рамках системы. В этом смысле бюрократия и урбанизация, равно как и демократия, имеют много причин и последствий⁴⁷.

⁴⁷ Этот подход отличается от попытки Вебера проследить истоки современного капитализма. Вебер стремился установить, что *одна* априорный предшествующий фактор, а именно вполне определенная религиозная этика, сыграл весьма значительную, даже кардинальную роль в том синдроме экономических, политических и культурных условий, который привел к развитию западного капитализма. Предмет нашей заинтересованности — это стремление установить причинную необходимость не какого-либо одного фактора, а скорее синдрома условий и состояний, чаще всего отличающего те страны, которые могут быть эмпирически классифицированы как «более демократические» или «менее демократические», не подразумевая при этом в данном определении каких-нибудь абсолютных качеств.

С этой точки зрения было бы трудно идентифицировать какой-то *один* фактор, кардинальным образом ассоциирующийся с любой сложной, по-настоящему комплексной социальной характеристикой или же «являющийся ее причиной». Скорее все такие характеристики (и в этом состоит методологическое предположение, которым я руководствовался при проведении данного исследования, а вовсе не какое-то самостоятельное, независимое и существенное положение) рассматриваются как имеющие многомерную, многофакторную причинную обусловленность и последствия. Указанное положение можно прояснить с помощью схемы некоторых из возможных связей между демократией, начальными условиями, ассоциирующимися с ее появлением и последствиями существующей демократической системы.

Появление какого-либо фактора по обе стороны понятия «демократия» подразумевает одновременно, что он является начальным условием демократии и что демократия, будучи однажды установленной, поддерживает существование этой характеристики общества, например того, что общество является системой открытого класса. С другой стороны, некоторые из первоначальных последствий демократии, скажем такие, как бюрократия, могут воздействовать как факторы *подрыва* демократии, на что указывают стрелки, идущие в обратном направлении. Появление какого-либо фактора справа от демократии не означает, что демократия «порождает» его появление, а говорит просто о том, что демократия представляет собой начальное условие, которое благоприятствует развитию данного фактора. Аналогично гипотеза, что бюрократия является одним из последствий демократии, не подразумевает, что демократия — это ее единственная причина, а скорее говорит о том, что демократической системе присущ такой эффект, как стимулирование развития

определенного типа бюрократии, при наличии других условий, которые надлежит сформулировать, если центральной проблемой исследования выступает именно бюрократия. Приведенная схема призвана служить в качестве не полной модели общих социальных условий, ассоциирующихся с появлением демократии, а лишь способа прояснить методологическое соображение, связанное с многофакторным (обусловленным многими переменными) характером зависимостей в тотальной общественной системе.

Таким образом, в многофакторной системе со многими переменными фокусом может быть любой ее элемент, а формулирование его состояния и вытекающих отсюда последствий не подразумевает того, что мы пришли к полной и законченной теории необходимых и достаточных условий его появления. В этой главе не предпринимается попытка построить *новую* теорию демократии, а содержатся только формализация и эмпирическое тестирование определенных наборов зависимостей и соотношений, порождаемых традиционными теориями демократии.

Примечания к табл. II

¹⁾ Значительная часть этой таблицы была скомпонована из данных, предоставленных Международным центром городских исследований (International Urban Research) в составе Калифорнийского университета в Беркли, штат Калифорния. Не все страны, принадлежащие к каждой из категорий, использовались для каждого из вычислений, поскольку не для всех этих стран были доступны единообразные данные. Например, данные по Албании и Восточной Германии очень разрозненны и редки. СССР не был включен, поскольку значительная его часть располагается в Азии.

²⁾ United Nations, Statistical Office, *National and Per Capita Income in Seventy Countries*, 1949, Statistical Papers, Series E, No. 1, New York, 1950, pp. 14–16.

³⁾ United Nations, *A Preliminary Report on the World Social Situation*, 1952, Table 11, pp. 46–48.

⁴⁾ United Nations, *Statistical Yearbook*, 1956, Table 139, pp. 333–338.

⁵⁾ *Ibid.*, Table 149, p. 387.

⁶⁾ *Ibid.*, Table 189, p. 641. Для этих показателей основные данные о населении относятся не к тем годам, по которым приводятся сведения о количестве телефонов и радиоприемников, но для целей сравнения между группами эти различия не столь уж важны.

⁷⁾ United Nations, *A Preliminary Report...*, *op. cit.*, Appendix B, pp. 86–89.

⁸⁾ United Nations, *Demographic Yearbook*, 1956, Table 12, pp. 350–370.

⁹⁾ United Nations, *Statistical Yearbook*, 1956, *op. cit.*, Table 127, pp. 308–310. Приведенные цифры относятся к коммерчески произведенной энергии, которая выражена в эквивалентных количествах метрических тонн угля.

¹⁰⁾ United Nations, *A Preliminary Report...*, *op. cit.*, Appendix A, pp. 79–86. Целый ряд стран перечислен в списке тех, где имеется более 95% грамотных.

¹¹⁾ United Nations, *A Preliminary Report...*, *op. cit.*, pp. 86–100. Приведенные цифры относятся к лицам, поступившим учиться в самый ранний год начального диапазона, в расчете на 1000 человек суммарного населения, для годов в диапазоне от 1946

до 1950. Первый год начального обучения изменяется в разных странах от пяти- до восьмилетнего возраста. В менее развитых странах к этому возрастному диапазону принадлежит больше лиц в расчете на 1000 жителей, чем в более развитых странах, но это смещает представленные значения для менее развитых стран в направлении увеличения процентной доли обучающихся в школах от суммарного населения, хотя на самом деле в этой возрастной группе школы там посещает меньше детей. Таким образом, смещение данных, взятых из этого источника, укрепляет позитивную зависимость между образованием и демократией.

¹²⁾ *Ibid.*, pp. 86–100.

¹³⁾ UNESCO. *World Survey of Education*, Paris, 1955. Приведенные цифры относятся к лицам, поступившим для получения более высокого образования, в расчете на 1000 жителей. Годы, к которым относятся эти значения, меняются от 1949 до 1952, и определение более высокого образования меняется в зависимости от страны.

¹⁴⁾ Получено из Международного центра городских исследований (International Urban Research, University of California, Berkeley, California).

¹⁵⁾ *Ibid.*

¹⁶⁾ *Ibid.*

ГЛАВА 3

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ, ЛЕГИТИМНОСТЬ И ДЕМОКРАТИЯ

Легитимность и эффективность

Стабильность любой демократии зависит не только от экономического развития страны, но также от эффективности и легитимности ее политической системы. Эффективность означает фактическое качество функционирования, иначе говоря степень, в которой данная система удовлетворяет основным функциям правящей власти, как их видит большинство населения и такие мощные группировки внутри него, как крупный бизнес или вооруженные силы. Легитимность — способность указанной системы порождать и поддерживать веру в то, что существующие политические институты являются самыми подходящими и приемлемыми для данного общества. То, до какой степени современные демократические политические системы легитимны, в большой мере зависит от путей решения тех ключевых проблем, которые исторически разделяли данное общество, и от того, в какой степени указанные проблемы решены.

Если эффективность прежде всего инструментальна, то легитимность носит оценочный характер. Те или иные группы и группировки рассматривают политическую систему как легитимную или нелегитимную согласно тому, в какой мере ценности этой системы соответствуют их собственным. Важные сегменты германской армии, государственных гражданских служб, в том числе часть чиновников и аристократических классов, отвергли Веймарскую республику не из-за ее неэффективности, а по той причине, что символические представления и базовые ценности этой республики отрицали их собственные символы и ценности. Легитимность как таковая, если рассматривать ее саму по себе, вполне сочетаема со многими формами политической организации, включая и репрессивные. Феодалные общества перед наступлением индустриализации, несомненно, пользовались среди большинства составляющего их населения базовой лояльностью. Кризисы легитимности — это в первую очередь недавний исторический феномен, ставший следствием роста резких расколов между разными группировками, которые теперь благодаря средствам массовой коммуникации в состоянии организовываться

65 вокруг каких-то ценностей, отличающихся от тех, что ранее считались единственно приемлемыми.

Кризис легитимности — это кризис изменений. Следовательно, его корни надлежит искать в характере изменений, происходящих в современном обществе. Кризисы легитимности случаются в периоды перехода к новой общественной структуре, если (1) *статус* основных консервативных институтов в ходе периода структурных изменений оказывается под угрозой; (2) все крупные группы в составе общества не имеют доступа к политической системе в переходный период или, по крайней мере, как только они начинают выдвигать политические требования. Если после того как новая общественная и социальная структура установилась, эта новая система в течение периода, достаточно долгого для развития легитимности на новой основе, неспособна удовлетворять ожиданиям основных групп (по соображениям «эффективности»), то может развиваться новый кризис.

Токвиль дает наглядное и красочное описание первого общего типа утраты легитимности, имея в виду главным образом те страны, которые переходили от аристократических монархий к демократическим республикам: «...однако в жизни народов иногда наступают периоды, когда древние нравы и обычаи разрушены, вера поколеблена, уважение к прошлому забыто и в то же время просвещение еще не получило распространения, а политические права еще ограничены и ненадежны...» У граждан тогда «нет ни инстинктивного патриотизма, свойственного монархии, ни рассудочного, присущего республике... они остановились посередине между тем и другим и живут в смуте и беспомощности»¹.

Если, однако, в течение этого переходного периода статусу основных консервативных групп и их символам ничто не угрожает, даже невзирая на то, что они потеряли значительную часть своей власти и могущества, то положение демократии представляется намного более надежным и безопасным. И в результате мы имеем довольно-таки абсурдный факт, что десять из двенадцати стабильных европейских и англоязычных демократий представляют собой монархии². Великобритания, Швеция, Норвегия, Дания, Нидерлан-

¹ Alexis de Tocqueville, *Democracy in America*, Vol. I (New York: Alfred A. Knopf, Vintage ed., 1945), pp. 251–252. [А. де Токвиль. Демократия в Америке. М.: Весь Мир, 2000. С. 186–187.]

² Уолтер Липпман, рассуждая о кажущейся более высокой способности европейских конституционных монархий по сравнению с республиками «сохранять порядок вместе со свободой», предполагает, что это может происходить по той причине, что «в республике правящая власть, будучи полностью секуляризовавшейся, теряет значительную часть своего престижа; она остается голой, если кто-нибудь предпочитает такую формулировку, после того, как с нее сорвали все иллюзии, свойственные монаршему величию». См.: Walter Lippman, *The Public Philosophy* (New York: Mentor Books, 1956), p. 50.

ды, Бельгия, Люксембург, Австралия, Канада и Новая Зеландия — все они либо королевства, либо доминионы под властью монарха, в то время как единственные республики, которые удовлетворяют условиям стабильных демократических процедур, — это США и Швейцария плюс Уругвай в Латинской Америке.

Сохранение монархии очевидным образом сберегло для этих стран лояльность их аристократических, традиционалистских и клерикальных секторов населения, которые возмущались возросшей демократизацией и эгалитаризмом. В итоге, великодушно принимая низшие слои общества и воздерживаясь от сопротивления тем ситуациям, которые могли бы сделать необходимой революцию, консервативные круги общества завоевали или сохранили лояльность этих новых «граждан». В странах, где монархия была свергнута революцией и упорядоченная преемственность наследования оказалась нарушенной, силы, примыкавшие некогда к трону, иногда продолжали отказываться республиканским преемникам власти в легитимности вплоть до пятого поколения или даже еще далее.

Единственная конституционная монархия, которая стала фашистской диктатурой, Италия, считалась, как и Французская Республика, нелегитимной с точки зрения основных групп ее общества. Савойская династия* отвращала от себя католиков, разрушая светскую власть римских пап, а также не рассматривалась как легитимная преемница в старом Королевстве обеих Сицилий. Церковь почти вплоть до Первой мировой войны фактически запрещала католикам участвовать в итальянской политической жизни и в конечном итоге изменила свою позицию только из-за страха перед социалистами. Французские католики в течение того же самого периода придерживались аналогичной установки по отношению к Третьей республике. И итальянской, и французской демократиям пришлось на протяжении значительной части их истории обходиться без лояльной поддержки со стороны важных групп своих обществ, причем как на левом, так и на правом фланге. Таким образом, один из крупных источников легитимности состоит в непрерывности и преемственности важных традиционных интегративных институтов

* Савойская династия — династия правителей Савойи (графов с XI в. до 1416 г., герцогов в 1416–1720 гг.), королей Сардинского королевства (в 1720–1861 гг.) и королей объединенного королевства Италии (в 1861–1946 гг.). Ее последние представители — Виктор Эммануил II (в 1849–1861 гг., в 1861–1878 гг. — король объединенной Италии), Умберто I (в 1878–1900 гг.), Виктор Эммануил III (с 1900 г. до 9 мая 1946 г.), Умберто II (с 9 мая до 13 июня 1946 г., а с 5 июня 1944 г. до 9 мая 1946 г. — королевский наместник). — *Прим. перев.*

в течение того переходного периода, когда появляются новые социальные институты.

Второй общий тип утраты легитимности связан с путями, которыми различные общества справляются с кризисом «вхождения в политическую жизнь» — с решением вопроса о том, когда новые социальные группы получают доступ к политическому процессу. В XIX столетии этими новыми группами были в первую очередь промышленные рабочие; в XX — колониальные элиты и крестьянское население. Всякий раз, когда новые группы становятся политически активными (например, когда рабочие впервые ищут доступ к экономической и политической власти через экономические организации и избирательное право, когда буржуазия требует доступа к властным структурам и участия в них или же когда колониальные элиты настаивают на контроле над своей собственной системой), сравнительно легкий доступ к *легитимным* политическим институтам имеет тенденцию способствовать завоеванию лояльности этих новых групп по отношению к системе, и они, в свою очередь, могут позволить старым господствующим слоям поддерживать свой статус. В странах вроде Германии, где в течение длительных периодов препятствовали такому доступу — сначала в нем отказывали буржуазии, а позже рабочим — и где для ограничения доступа использовалась сила, низшие слои оказались отчужденными от системы и стали принимать на вооружение экстремистские идеологии, которые, в свою очередь, не позволяли более прочно утвердившимся и признанным группам принимать политическое движение рабочих в качестве легитимной альтернативы.

Политические системы, которые отрицают всякий доступ новых страт к власти кроме как посредством революции, воспрещают также рост собственной легитимности, достигаемый путем вынесения многовековых надежд и чаяний населения на политическую арену. Группы, которые вынуждены силой пробивать себе путь в политическое пространство, склонны чрезмерно преувеличивать возможности, предоставляемые политическим участием. Вследствие всего этого демократические режимы, родившиеся под таким давлением, не только сталкиваются с трудной коллизией, когда не только группы, лояльные по отношению к *ancien régime* (старому порядку), расценивают их как нелегитимные, но и те, чьи вековые надежды не сбылись до конца в результате произошедших изменений, также могут отвергать их. Примером этого служит Франция, где правые клерикалы смотрели на республику как на нелегитимное образование, а какие-то секторы низших слоев обнаружили, что их извечные

ожидания далеки от удовлетворения. И сегодня многие страны Азии и Африки, недавно ставшие независимыми, оказываются перед лицом многотрудной проблемы: им необходимо завоевать лояльность масс по отношению к таким свежееиспеченным демократическим государствам, которые могут сделать очень немного для достижения утопических целей, поставленных националистическими движениями в эпоху колониализма и в течение переходного периода борьбы за независимость.

Да и вообще, если в какой-то момент статус крупных консервативных группировок оказывается под угрозой или же если в критические периоды появляющимся новым группировкам станут отказывать в доступе к политической жизни, то даже в ситуации, когда политическая система в разумной степени эффективна, легитимность подобной системы в целом окажется под вопросом. С другой стороны, серьезная потеря эффективности, которая неоднократно повторяется или имеет место в течение длительного периода, подвергнет опасности стабильность даже самой легитимной системы.

Существенным тестом на легитимность является степень выработки определенными странами общепринятой «секулярной политической культуры», главным образом общенациональных ритуалов и праздников³. США создали общую для всех своих жителей гомогенную культуру благоговейного преклонения перед отцами-основателями, перед Авраамом Линкольном, Теодором Рузвельтом и их принципами. Такие общепризнанные элементы, к которым взывают все американские политики, присутствуют далеко не во всех демократических обществах. Так, в некоторых европейских странах у левых и правых кругов разный набор символов и разные исторические герои. Самый отчетливый пример такой страны предлагает нам Франция. Здесь битвы с привлечением самых разных символов, которые начались еще в 1789 г., продолжают, как указывает швейцарский историк и публицист Герберт Люти, «по-прежнему вестись, и проблемы по-прежнему остаются открытыми; каждая из этих дат [крупных политических разногласий] до сих пор по-прежнему делит левых и правых, клерикалов и антиклерикалов,

³ См.: Gabriel Almond, «Comparative Political Systems», *Journal of Politics*, 18 (1956), pp. 391–409. (Термин «секулярная политическая культура» взят автором в кавычки, поскольку этот термин принадлежит не ему; впервые его ввел в обращение в указанной статье Габриэль Алмонд [1911–2002], видный американский специалист в области теоретической и сравнительной политологии. — *Перев.*)

прогрессистов и реакционеров во всех их исторически обусловленных конstellляциях»⁴.

Знания по поводу относительной степени легитимности политических институтов той или иной страны имеют ключевое значение для любых попыток проанализировать стабильность этих институтов в условиях, когда страна сталкивается с кризисом эффективности. Зависимость между различными степенями легитимности и эффективности в конкретных политических системах может быть представлена в форме четырехчастной таблички с примерами стран, характеризующихся различными возможными комбинациями:

		Эффективность	
		+	-
Легитимность	+	A	B
	-	C	D

69 Общества, которые попадают в ячейку A и у которых, иначе говоря, высокие показатели по шкале как легитимности, так и эффективности, характеризуются стабильными политическими системами — это, например, США, Швеция и Великобритания⁵. Неэффективные и нелегитимные режимы, попадающие в прямоугольник D, по определению нестабильны и терпят крах, если только они не являются диктатурами, которые поддерживают свое существование силой, как это происходит сегодня с правительствами Венгрии и Восточной Германии.

Опыт политических событий начала 1930-х годов в различных странах иллюстрирует воздействие других сочетаний легитимности и эффективности. В конце 1920-х годов большие и мощные сегмен-

⁴ Herbert Luethy, *The State of France* (London: Seeker and Warburg, 1955), p. 29. [Впервые эта книга была опубликована по-немецки и совсем под другим названием: *Frankreichs Uhren Gehen Anders* («Французские часы тикают по-другому»), Zürich: Europa Verlag, 1954. — Перев.].

⁵ Расовая проблема на американском Юге в действительности образует собой единственный принципиальный вызов для легитимности действующей в США системы, и однажды она уже вызвала крах всего существующего в стране общенационального порядка. Указанный конфликт вплоть до настоящего момента ослабляет у многих белых южан их приверженность игре по демократическим правилам. Великобритания имела дело с соизмеримой по сложности проблемой до тех пор, пока католическая Ирландия оставалась частью Соединенного Королевства. Никакое правительство Великобритании, даже самое эффективное, не могло удовлетворить Ирландию. Политическая практика обеих сторон в Северной Ирландии и Ольстере также иллюстрирует проблему режима, который нелегитимен для крупного сегмента своего населения.

ты населения как Германской, так и Австрийской республик не считали правительства своих стран легитимными. Тем не менее оба эти государства оставались в разумной мере эффективными⁶. В терминах приведенной выше таблички они попадают в ячейку С. Когда в 1930-х годах эффективность самых разных правительств сильно упала, те общества, которые занимали высокие места на шкале легитимности, остались демократическими, в то время как целый ряд не совсем легитимных стран: Германия, Австрия и Испания — перестали быть свободными, а Франция с трудом избежала подобной судьбы. Иными словами, выражая суть происходивших изменений в терминах вышеуказанной таблички, те страны, которые переместились из ячейки А в В, остались демократическими, в то время как страны, переместившиеся из прямоугольника С в D, потерпели крах. Военное поражение 1940 г. лишней раз подчеркнуло низкое положение французской демократии на шкале легитимности. Она оказалась единственной побежденной демократией, которая предоставила всеобъемлющую поддержку своему квислинговскому* режиму⁷.

Ситуации подобного типа демонстрируют полезность такого анализа. В недолговременной, краткосрочной перспективе высокоэффективная, но нелегитимная система — скажем, типа той, что

⁶ Превосходный анализ перманентного кризиса межвоенной Австрийской республики, который вытекал из того факта, что свои собственные католики и консерваторы рассматривали ее как нелегитимный режим, см. в: Charles Gulick, *Austria from Hapsburg to Hitler* (Berkeley: University of California Press, 1948).

* То есть «предательскому, коллаборационистскому» — по имени лидера норвежских фашистов Видкуна Квислинга (1887—1945). В мае 1933 г. он организовал профашистскую партию «Национальное объединение». Содействовал захвату Норвегии фашистской Германией в апреле 1940 г., а 1 февраля 1942 г. его провозгласили министром-президентом марионетного правительства Норвегии, которое жестоко расправлялось с норвежскими патриотами-антифашистами. После освобождения Норвегии был объявлен предателем, осужден и расстрелян по приговору норвежского суда. Имя Квислинга приобрело нарицательный характер и стало символом коллаборационизма и предательства. — *Прим. перес.*

⁷ Проблему легитимности во Франции хорошо описала Катрин Манро (Katherine Munro): «Партии правого крыла никогда по-настоящему не забывали о возможности контрреволюции, в то время как партии левого толка возродили в своем марксизме или коммунизме революционную воинственность; каждая из сторон подозревала другую в том, что та использует республику для достижения собственных целей и что она остается лояльной республике лишь настолько, насколько та ее устраивает. Указанное подозрение раз за разом снова угрожало сделать республику неработоспособной, поскольку оно приводило к обструкции как в политической, так и в экономической сфере, а трудности правительства и других властных структур, в свою очередь, подрывали доверие к режиму и его правителям». Эта цитата взята из статьи Charles Micaud, «French Political Parties: Ideological Myths and Social Realities» в сб.: Sigmund Neumann, ed., *Modern Political Parties* (Chicago: University of Chicago Press, 1956), p. 108.

существует в хорошо управляемой колонии, — менее стабильна, чем режимы, эффективность которых относительно низка, но легитимность находится на высоком уровне. Социальная стабильность такой страны, как Таиланд, несмотря на периодически происходящие там *coups d'état* (государственные перевороты), разительно контрастирует с положением дел в соседних странах, которые ранее были колониями. С другой стороны, длительная эффективность, простирающаяся на несколько поколений, может сама по себе наделять политическую систему легитимностью. В современном мире такая эффективность означает прежде всего постоянное экономическое развитие. Те страны, которые успешнее других приспособились к требованиям индустриальной системы, характеризуются наименьшей степенью внутренних политических напряженностей и либо сохранили свою традиционную легитимность, либо выработали убедительные и мощные новые символы легитимности.

Та социальная и экономическая структура, которую Латинская Америка унаследовала от Пиренейского полуострова, мешала ей следовать лидерскому примеру бывших английских колоний, и латиноамериканские республики не сформировали необходимых символов и ауры легитимности. Выживание новых политических демократий Азии и Африки окажется в большой мере зависящим от их способности на протяжении длительного периода удовлетворять нужды и потребности своего населения, что будет, вероятно, означать их способность справиться с проблемой индустриализации.

Легитимность и конфликт

71

 Всем демократическим системам неизбежно приходится испытывать постоянную угрозу того, что групповые конфликты, которые составляют источник жизненной силы демократии, могут усилиться до такой степени и довести свою страну до такого состояния, когда они грозят дезинтегрировать общество и разрушить его целостность. Вследствие этого любые условия и обстоятельства, которые способствуют смягчению интенсивности межпартийных сражений, принадлежат к числу ключевых факторов, необходимых для демократического правления.

Поскольку наличие умеренно конфликтного состояния представляет собой фактически другой способ определения легитимной демократии, нет ничего удивительного в том, что основные факторы, обуславливающие такое оптимальное состояние, тесно связаны с теми факторами, которые порождают легитимность, рассматри-

ваемую в терминах преемственности символов и статусов. Характер и содержание крупных расколов, воздействующих на политическую стабильность общества, в значительной мере детерминируются историческими факторами, которые воздействовали на то, каким путем были решены – или из-за чего в течение долгого времени оставались нерешенными – важные проблемы, разделявшие это общество.

На современном этапе в западных странах имеют место три крупные проблемы: во-первых, это место церкви и/или различных религий внутри страны; во-вторых, допущение низших слоев, особенно рабочих, к полному политическому и экономическому «гражданству» через посредство всеобщего избирательного права и права на ведение коллективных переговоров и, в-третьих, это никогда не затихающая борьба за распределение и перераспределение национального дохода.

Здесь встает следующий важный вопрос общего характера: рассматривались ли перечисленные проблемы последовательно, одна за другой, когда каждая из них более или менее решается перед тем, как на повестку дня встает очередная, или же эти проблемы накапливались таким образом, чтобы традиционные источники раскола смешивались с более новыми? Поочередное разрешение каждой из напряженностей по отдельности способствует формированию стабильной политической системы; перенесение проблем из одного исторического периода в другой создает такую политическую атмосферу, которая характеризуется скорее горечью и фрустрацией, нежели терпимостью и компромиссами. Ведь люди и партии начинают различаться между собой не просто тем, какими способами они улаживают текущие проблемы, но своими фундаментальными и антагонистическими мировоззрениями. А это означает, что они видят политическую победу своих оппонентов как крупную моральную угрозу и в результате всей системе в целом недостает эффективной ценностной интеграции.

В большинстве протестантских стран борьба за место церкви в обществе велась и завершилась в XVIII–XIX вв. В некоторых из них, например в США, церковь была отделена от государства и согласилась с этим фактом. В других, скажем в Великобритании, Скандинавских странах и Швейцарии, религия все еще продолжает пользоваться поддержкой со стороны государства, но государственные церкви, как и конституционные монархии, перестали быть крупными источниками противоречий. Теперь только католические страны Европы продолжают предоставлять нам примеры коллизий, в которых исторические споры и противоречия между клерикаль-

ными и антиклерикальными силами вплоть до сегодняшнего дня по-прежнему политически разделяют людей. В таких странах, как Франция, Италия, Испания и Австрия, быть католиком означает применительно к политической жизни находиться в союзе с правыми или консервативными группами, тогда как антиклерикальность или принадлежность к религиозному меньшинству чаще всего означает союз с левыми силами. В целом ряде таких стран на религиозный вопрос накладывались новые проблемы. Для консервативных католиков борьба против социализма и социалистов стала не просто экономической борьбой или спором вокруг общественных и социальных институтов, но глубоко укорененным конфликтом между Богом и Сатаной⁸. В современной Италии для многих секулярных интеллектуалов оппозиционное отношение к церкви легитимизирует их альянс с коммунистами. И до тех пор, пока религиозные связи укрепляют секулярные политические союзы и группировки, шансы на компромисс и демократическую тактику взаимных уступок в религиозном вопросе остаются слабыми.

Проблема «гражданственности» также решалась различными способами. США и Великобритания предоставили рабочим избирательное право в XIX столетии. В таких странах, как Швеция, которая сопротивлялась этому вплоть до первых десятилетий XX в., борьба

73

⁸ Связь между нестабильностью демократического порядка и католицизмом можно также объяснить некоторыми элементами, неотъемлемо присущими католицизму как религиозной системе. Демократия требует универсалистской системы политических убеждений в том смысле, что она принимает в качестве легитимных самые разные идеологии. И можно предполагать, что религиозная система ценностей, которая носит более универсалистский характер, поскольку в меньшей степени рассматривает саму себя в качестве единственной истинной церкви, будет более совместима с демократией, нежели та, что предполагает, будто она и только она является исключительным носителем истины. Из-за этого последнего убеждения, которого католики придерживаются намного настойчивее и энергичнее, чем большинство других западных христианских конфессий, религиозной системе ценностей становится трудно содействовать легитимизации политической системы, требующей в качестве важной части своей базовой системы ценностей верить в то, что достижению «добра» или «блага» лучше всего способствует конфликт между противостоящими убеждениями. Кингсли Дэвис (Kingsley Davis) утверждал, что государственной Католической церкви присуща тенденция быть непримиримым противником демократии, поскольку «католицизм пытается контролировать столь многие аспекты жизни, столь сильно поощрять неизменность существующего статуса и необходимость полного подчинения авторитету действующей власти, а также оставаться настолько независимым от мирской власти, что это неизбежно приходит в столкновение с либерализмом, индивидуализмом, свободой, мобильностью и суверенностью демократической страны». См.: «Political Ambivalence in Latin America», *Journal of Legal and Political Sociology*, 1 (1943); перепечатано в работе A. N. Christensen, *The Evolution of Latin American Government* (New York: Henry Holt, 1951), p. 240.

за гражданственность стала как *политическое* движение сочетаться с социалистическими взглядами, порождая тем самым революционный социализм. Или, выражая это явление в других терминах, там, где рабочим отказывали как в экономических, так и в политических правах, их борьба за перераспределение дохода и за свой статус накладывалась на революционную идеологию. В тех местах, где экономическая борьба и борьба за статус развивались вне указанного контекста, идеология, с которой они были связаны, имела тенденцию быть градуалистской идеологией постепенных реформ. Например, рабочим в Пруссии вплоть до революции 1918 г. отказывали во всеобщем, свободном и равном избирательном праве и тем самым толкали их к революционному марксизму. В Южной Германии, где полноценные гражданские права были предоставлены всем в конце XIX в., доминировал реформистский, демократический и не-революционный социализм. Однако общенациональная Социал-демократическая партия продолжала провозглашать революционные догмы. Такие действия способствовали тому, что в руководстве указанной партии получили голос ультралевые круги, а это позволило коммунистам набрать силу после поражения в войне и — что в историческом плане, возможно, оказалось даже важнее — позволило им напугать большие сегменты немецкого среднего класса, которые стали бояться, как бы победа социалистов не покончила со всеми их привилегиями и статусом.

Во Франции рабочие завоевали избирательное право, но вплоть до окончания Второй мировой войны им отказывали в элементарных экономических правах. Большое количество французских предпринимателей и работодателей отказывались признавать французские профессиональные союзы и после каждой победы профсоюзов искали пути к их ослаблению или разрушению. Нестабильность французских профсоюзов и постоянно существовавшая у них потребность в сохранении воинственного духа как средства для выживания сделали рабочих восприимчивыми к призывам экстремистских политических группировок. Доминирование коммунистов во французском рабочем движении можно в значительной мере объяснить порочной тактикой французских деловых кругов и класса предпринимателей.

Эти примеры не объясняют, почему разные страны различаются в том, каким способом они справлялись с основными проявлениями общенациональных расколов. Однако и таких примеров должно хватить, чтобы проиллюстрировать, каким образом предпосылки для стабильного демократического правления соотносятся с основами

общественного разнообразия. Там, где несколько разных исторических расколов смешиваются между собой и создают фундамент для идеологизированной политической жизни, демократия будет нестабильной и слабой, поскольку подобная политика по определению не включает в себя понятия толерантности.

Партии с подобными тотальными идеологиями пытаются создать то, что немецко-американский политолог Зигмунд Нойман назвал «интегрированной» средой, в которой жизнь ее членов в максимальной степени замкнута в рамки идеологически привязанных и обусловленных действий. Указанные действия основаны на предположении партии, что важно изолировать своих приверженцев от «фальшивок» и «лжи», выражаемых неверующими. Нойман говорил о необходимости проводить основополагающее аналитическое различие между представительскими (репрезентационными) партиями, которые укрепляют демократию, и интеграционными партиями, которые ослабляют ее⁹. Первые из них олицетворяются большинством партий в англоязычных демократиях и Скандинавии плюс большинством центристских и консервативных партий, кроме религиозных. Эти партии рассматривают в качестве своей функции прежде всего обеспечение голосов в период, непосредственно предшествующий выборам. Интеграционные партии, с другой стороны, озабочены тем, чтобы привести мир в как можно более полное соответствие со своей базовой философией. Они видят себя не конкурентами, участвующими в той игре взаимных уступок и компромиссов, которая характерна для политического давления, а ярыми приверженцами и фанатичными бойцами, участвующими в мощной битве между божественной или исторической правдой, с одной стороны, и фундаментальным заблуждением — с другой. Когда исходят из такой концепции мироустройства, то становится необходимым пресекать любые возможности для воздействия на своих последователей всякого рода противоположных или перекрестных давлений, 75
проистекающих из контактов этих последователей с чужаками, которые ослабят и подорвут их чистую, безгрешную веру.

⁹ См.: Sigmund Neumann, *Die Deutschen Parteien: Wesen und Wandel nach dem Kriege* (Berlin: Junker und Dünhaupt Verlag, 1932), где излагаются различия между интеграционными и представительскими партиями. Нойман проводил дальнейшее различие между партиями «демократической интеграции» (католическими и социал-демократическими) и партиями «тотальной интеграции» (фашистскими и коммунистическими); это сделано в написанной им сравнительно недавно главе «Toward a Comparative Study of Political Parties» в томе, который он сам редактировал: *Modern Political Parties*, *op. cit.*, pp. 403–405.

Двумя основными нетоталитарными группировками, которые придерживались таких процедур, были католики и социалисты. Перед 1939 г. в значительной части Европы именно католики и социалисты пытались усилить внутриконфессиональные или внутриклассовые коммуникации путем создания сети связанных с религией или партией социальных и экономических организаций, внутри которых их последователи могли бы жить своей собственной жизнью. Австрия являет собой, пожалуй, самый лучший пример коллизии, в которой две группы, социалисты-католики и социал-демократы, разошедшиеся между собой по всем трем главным историческим проблемам и осуществляющие большинство своих общественных действий в организациях, связанных либо с партией, либо с церковью, умудрились расколоть страну на два враждебных лагеря¹⁰. Тоталитарные организации вроде фашистских и коммунистических всеми способами расширяют интеграционистский характер политической жизни до максимально возможного предела, полностью определяя весь мир исключительно в терминах борьбы.

Усилия — даже со стороны демократических партий, — предпринимаемые с целью изолировать свою социальную базу от противоположных и перекрестных давлений, со всей несомненностью подрывают стабильную демократию, которая требует чередований от одних выборов к другим, а также разрешения существующих между партиями проблем в течение длительных периодов времени. Изоляция может усилить лояльность по отношению к конкретной партии или церкви, но она будет вместе с тем мешать партии в привлечении на свою сторону новых групп. Австрийская ситуация иллюстрирует, каким способом избирательный процесс вызывает фрустрацию и сводится на нет, когда преобладающая часть электората ограничена рамками интеграционных партий. Обязательные правила демократической политической жизни предполагают, что перемена взглядов и переход как в партию, так и из партии вполне возможны, допустимы и заслуживают уважения, а партии, которые надеются получить большинство демократическими методами, должны в конечном счете отказаться от своего интеграционистского пыла. По мере того как в разных странах рабочий класс получал полный набор гражданских прав в политической и экономической сферах, европейские социалистические партии ослабляли свои интеграционистские устремления и переставали их акцентировать. Единственные нетоталитарные партии, которые в настоящее время придерживаются такой политики, — это религиозные партии наподобие разноо-

¹⁰ См.: Charles Gulick, *op. cit.*

76

бразных католических партий или кальвинистской антиреволюционной партии из Голландии. Совершенно ясно, что и Католическая, и голландская Кальвинистская церкви не являются «демократическими» в сфере религии. Они настаивают, что существует только одна истина, — точно так же, как в политике поступают коммунисты и фашисты. Католики могут принять предложения о политической демократии, но никогда — о религиозной веротерпимости. И во всех тех случаях, когда политический конфликт между религией и нерелигиозностью рассматривается католиками или другими верующими в одну-единственную истинную церковь как нечто весьма важное, яркое и бросающееся в глаза, всегда существует реальная дилемма для демократического процесса. Многие из политических проблем, которые можно было бы легко уладить с помощью компромиссов, усиливаются из-за наличия религиозной проблемы, и в результате их не удается по-настоящему разрешить.

77

Везде, где социальная структура функционирует так, чтобы *естественным образом* изолировать отдельных людей или группы с одинаковым политическим мировоззрением от контактов с теми, кто придерживается других взглядов, эти изолированные лица или группы приобретают склонность поддерживать политических экстремистов. Например, неоднократно отмечалось, что рабочие в так называемых изолированных отраслях промышленности: шахтеры, моряки, рыбаки, лесорубы, стригали и портовые грузчики, которые проживают в общинах, населенных преимущественно людьми той же самой профессии, обычно оказывают едва ли не безграничную поддержку политическим платформам самого левого толка¹¹. Таким районам их концентрации свойственна тенденция голосовать за коммунистов или социалистов, причем значительным большинством, иногда на грани того, что, по существу, оказывается «однопартийной» системой. Другой иллюстрацией той же самой модели может послужить политическая нетерпимость, проявляемая во времена кризиса группами, базовой опорой которых служат фермы, поскольку фермеры, подобно рабочим в изолированных отраслях промышленности, живут в условиях более гомогенного политического окружения, нежели люди, занятые в большинстве городских профессий¹².

¹¹ См. ниже, с. 280–284, 299–300.

¹² Эта тенденция очевидным образом изменяется применительно к городским сообществам, к типу сельской стратификации и т.д. Для обсуждения роли профессиональной однородности и политической коммуникации среди фермеров см.: S. M. Lipset, *Agrarian Socialism* (Berkeley: University of California Press, 1950), Chap. 10, «Social Structure and Political Activity». Свидетельства недемократических наклонностей сельского населения приводятся в работе Samuel A. Stouffer, *Communism, Conformity, and Civil Liberties*

Эти выводы подтверждаются исследованиями индивидуального электорального поведения, которые ясно указывают, что индивиды, находящиеся под перекрестными воздействиями противоположных давлений, — те, кто принадлежит к группам, предрасполагающим их к движению в разных направлениях, или у кого имеются друзья, поддерживающие разные партии, или кто регулярно подвергается пропагандистскому воздействию со стороны разных группировок, — с меньшей вероятностью будут сильно привержены каким-либо определенным политическим силам или активно участвовать в каких-то общественно-политических событиях¹³.

Многочисленные и политически непоследовательные случаи принадлежности к разным группам, лояльности к разным партиям и необходимости реагировать на разнонаправленные стимулы снижают эмоциональность и агрессивность, сопутствующие тому или иному политическому выбору. Например, в современной Германии католик из числа рабочих, которого тянут в двух разных направлениях, будет, скорее всего, голосовать за христианских демократов, но проявит намного больше терпимости и снисходительности к социал-демократам, чем среднестатистический католик из числа представителей среднего класса¹⁴. Там, где человек принадлежит к множеству разнообразных групп, которые все предрасполагают его к одному и тому же политическому выбору, он находится в ситуа-

(New York: Doubleday & Co., Inc., 1955), pp. 138–139. Национальный институт общественного мнения Японии — см.: National Public Opinion Institute of Japan, Report No. 26, *A Survey Concerning the Protection of Civil Liberties* (Tokyo, 1951) — сообщает, что фермеры представляли собой такую профессиональную группу, которая, безусловно, в наименьшей степени интересуется гражданскими свободами. Карл Фридрих в своем объяснении сильной позиции национализма и нацизма среди немецких бауэров (фермеров) говорит о факторах, похожих на обсуждавшиеся здесь; в частности, он отмечает, «что сельское население более гомогенно, что в нем присутствует меньшее количество посторонних и иностранцев, что у него намного меньше контактов с зарубежными странами и народами и, наконец, что его мобильность намного более ограничена». См.: Carl J. Friedrich, «The Agricultural Basis of Emotional Nationalism», *Public Opinion Quarterly*, 1 (1937), pp. 50–51.

¹³ Возможно, первое общее утверждение о последствиях воздействия перекрестных давлений на индивидуальное и групповое поведение можно найти в работе, написанной более пятидесяти лет назад Георгом Зиммелем, — см.: Georg Simmel, *Conflict and the Web of Group Affiliations* (Glencoe: The Free Press, 1956), pp. 126–195. Она являет собой интересный пример нарушения непрерывности в социальных исследованиях, когда концепция перекрестных давлений реально использовалось Зиммелем, но ее понадобилось вновь независимо открыть при исследованиях разных аспектов голосования. Подробное рассмотрение того, каким образом принадлежность к нескольким разным группам вообще воздействует на политический процесс в целом, см. в: David Truman, *The Governmental Process* (New York: Alfred A. Knopf, 1951).

¹⁴ См.: Juan Linz, *The Social Bases of German Politics* (unpublished Ph. D. thesis, Department of Sociology, Columbia University, 1958).

ции изолированного рабочего и с гораздо меньшей вероятностью будет толерантен к другим мнениям и точкам зрения.

Доступные нам свидетельства говорят о том, что шансы на стабильную демократию увеличиваются пропорционально тому, в какой мере группы и отдельные индивиды располагают несколькими комплексными (т.е. учитывающими целый ряд аспектов) политически релевантными принадлежностями. В той степени, в какой на существенную долю населения воздействуют конфликтующие силы, толкающие этих людей в разных направлениях, они заинтересованы в снижении интенсивности политического конфликта¹⁵. Как подчеркивали Роберт Даль и Толкотт Парсонс, такие группы и индивиды проявляют также интерес к защите прав политических меньшинств¹⁶.

¹⁵ Изложение полезности перекрестного давления в качестве объясняющего понятия см. в: Bernard Berelson, Paul F. Lazarsfeld, and William McPhee, *Voting* (Chicago: University of Chicago Press, 1954). Кроме того, см. главу 6 данной книги, где предпринимается попытка установить последствия членства в различных группах для электорального поведения, а также дается обзор соответствующей литературы.

¹⁶ Как выразился Даль, «если большинство индивидов в обществе солидаризируются более чем с одной группой или отождествляют себя с ними, то существует некоторая положительная вероятность того, что любое большинство содержит в своем составе таких лиц, которые для определенных целей отождествляют себя с меньшинством, находящимся под угрозой. Те из членов такого угрожаемого меньшинства, которые всерьез предпочитают собственную альтернативу, сделают свои чувства известными таким членам гипотетического большинства, которые, кроме всего, на некотором психологическом уровне солидаризируются или отождествляют себя с меньшинством. Некоторые из этих сочувствующих перестанут оказывать поддержку той альтернативе, которую исповедует большинство, и в результате это большинство развалится». См.: Robert A. Dahl, *A Preface to Democratic Theory* (Chicago: University of Chicago Press, 1956), pp. 104–105. Парсонс говорит, что «когда при рассмотрении последствий политических различий заходит слишком далеко, это активизирует проявления такой солидарности между сторонниками двух партий, которая существует на других, неполитических основаниях, так что члены политического большинства начинают защищать тех, кто разделяет другие интересы, не совпадающие с их собственными, и кто в политическом смысле отличается от них». См. его эссе: Parsons, «Voting and the Equilibrium of the American Political System», в сб.: E. Burdick and A. Brodbeck, eds., *American Voting Behavior* (Glencoe: The Free Press, 1959), p. 93. При недавнем обсуждении указанной проблемы в норвежском контексте подчеркивались «интегративные функции комплексного многоаспектного конфликта... [когда] разделительные линии в конфликте между группами избирателей не совпадают с разделениями между читателями газет разной политической направленности, и это ставит значительную долю электората в ситуацию перекрестного давления. <...> В норвежской политической жизни существует интересный двунаправленный процесс взаимных ограничений: с одной стороны, большинство избирателей социалистической партии регулярно подвергаются воздействию газетных сообщений, исходящих от противостоящих партий; с другой стороны, несоциалистические газеты — именно потому, что они в столь многих случаях доминируют над своим сообществом и обращаются к большому числу разнообразных политически гетерогенных групп, — как выясняется, проявляют большую сдержанность в выражении конфликтных мнений». Stein Rokkan and Per Torsvik, «The Voter, the Reader and the Party Press» (Mimeographed, Oslo: 1959).

Стабильная демократия требует относительно умеренной напряженности между существующими в ней противоборствующими политическими силами. И политическая умеренность облегчается способностью такой системы решать разделяющие ее ключевые проблемы прежде, чем возникают новые. Если проблемам религии, гражданственности и «коллективных переговоров» между предпринимателями и профсоюзами позволяют накапливаться, они подпитывают и подкрепляют друг друга, а чем больше укрепились и коррелируют между собой источники раскола, тем меньше вероятность политической толерантности. Аналогично чем выше изоляция от гетерогенных политических стимулов, тем в большей мере второстепенные факторы «нагромождаются» и действуют в одном направлении, а также тем больше шансов, что данная группа или индивид рано или поздно придут к экстремистской точке зрения. Эти два вида зависимости, один — на уровне проблем с партийной приверженностью, другой — на уровне поддержки тех или иных партий, связываются между собой тем фактом, что партии, которые отражают накопившиеся нерешенные проблемы, будут и дальше стремиться изолировать своих последователей от конфликтующих стимулов. Наилучшие условия для политического космополитизма опять-таки те, что связаны с экономическим развитием: рост урбанизации и образования, распространение коммуникационных СМИ и возросшее благосостояние. Большинство очевидным образом изолированных профессий: в горнодобывающей промышленности, на лесозаготовках, в сельском хозяйстве — это как раз те занятия, относительная доля которых в общей численности рабочей силы стремительно уменьшается вместе с индустриализацией¹⁷.

Таким образом, факторы, участвующие в модернизации или экономическом развитии, связаны с теми, что формируют легитимность и мягкую терпимость. Но следует всегда помнить, что такие корреляции являются всего лишь утверждениями об относительных степенях гармонизированности (конгруэнтности) и что другое условие для политического действия состоит в следующем: подобная корреляция никогда не будет столь четко выраженной, чтобы люди ощущали себя неспособными изменить своими действиями направленность и ход событий. И стало быть, это отсутствие сильной корреляции означает также, что для аналитических целей переменные следует рассматривать по отдельности, даже если они взаимно коррелируют между собой. Например, представленный здесь анализ раскола подсказывает вполне определенные способы, с помощью

¹⁷ Colin Clark, *The Conditions of Economic Progress* (New York: Macmillan, 1940).

которых различные электоральные и конституционные решения могут повлиять на шансы демократии. Они обсуждаются в следующем разделе.

Системы правления

Если комплексные многоаспектные основания для раскола делают демократию более жизнеспособной, то из этого следует, что в условиях постоянства всех прочих факторов двухпартийные системы лучше, чем системы многопартийные, что избрание официальных лиц по территориальному принципу предпочтительнее пропорционального представительства и что федерализм превосходит по своим качествам унитарное государство. Конечно же, существовали и продолжают существовать стабильные демократии с многопартийными системами, пропорциональным представительством и унитарным государственным устройством. Фактически я бы утверждал, что такие проявления многовариантности в системах правления намного менее важны, нежели те, что вытекают из основополагающих различий в общественной структуре, обсуждавшихся в предыдущих разделах. Тем не менее они могут внести свой вклад в общую результирующую стабильность или нестабильность.

Аргументация в пользу двухпартийной системы основывается на предположении, что в сложном обществе любые партии в силу необходимости обязательно должны быть широкими коалициями, ни в коем случае не обслуживающими интересы какой-либо одной крупной группировки, и что они не должны быть интеграционными партиями, а должны стремиться завоевать поддержку среди тех групп, которые преимущественно склонны к союзу с противостоящей партией. Например, британская Консервативная или американская Республиканская партии не должны в принципе вызывать антагонизм у рабочих, занятых ручным трудом, так как значительная часть голосов за указанные партии должна поступать именно от последних. Демократическая и Лейбористская партии сталкиваются с аналогичной проблемой перед лицом средних классов. Партии, которые никогда не ориентируются на получение настоящего большинства, действуют совсем иначе и стремятся завоевать максимально возможную электоральную поддержку от некоей ограниченной базы, — партия «рабочих» будет акцентировать внимание на интересах рабочего класса, а партия, старающаяся привлечь в первую очередь мелких бизнесменов, станет проделывать то же самое применительно к своей целевой группе. Для таких партий, ориентирующихся на сравни-

тельно небольшие или отколовшиеся группировки в составе общества, выборы, вместо того чтобы становиться удобными случаями для поиска максимально широкой поддержки путем убеждения расходящихся между собой групп в наличии у них общих интересов, становятся совершенно другими событиями, в ходе которых подобные партии лишней раз подчеркивают линии раскола, отделяющие их сторонников от других сегментов общества.

Суждение, что пропорциональное представительство скорее ослабляет, а не укрепляет демократию, опирается на анализ различий между двумя ситуациями: многопартийной и наличием одной главной партии большинства. Если, как утверждалось выше, справедливо предположение, что существование многих партий подчеркивает различия и сокращает возможности для консенсуса, то любая избирательная система, которая увеличивает шансы скорее для большего, а не для меньшего числа партий, идет во вред демократии.

Кроме того, как указывал немецкий социолог Георг Зиммель, система избрания членов парламента, которая должна обеспечивать представление территориальных избирательных округов, а не групп избирателей (чему способствует пропорциональное представительство), понуждает различные группы добиваться достижения своих целей в рамках такой электоральной структуры, которая ориентирована на удовлетворение многих разных интересов и на потребность в компромиссе¹⁸.

Федерализм увеличивает возможности для образования еще более многочисленных источников раскола, добавляя к другим факторам, которые расчленяют общественную структуру, еще и региональные интересы и ценности. Главное исключение из этого обобщенного суждения возникает в том случае, когда федерализм делит страну по линиям ее базового раскола, например на различные этнические, религиозные или лингвистические регионы, как это происходит, скажем, в Индии и Канаде. Демократия нуждается в расколе внутри лингвистических или религиозных групп, а не между ними. Но там, где таких разделений не существует, федерализм, как представляется, идет на пользу демократии. Помимо создания еще одного источника многоаспектного раскола федерализм обеспечивает реализацию

¹⁸ Georg Simmel, *op. cit.*, pp. 191–194. Толкотт Парсонс недавно сделал похожее замечание о том, что один из механизмов для предотвращения «постепенно углубляющейся трещины в электорате» состоит в «развитии голосования в обществе с разветвленной структурой солидарности таким способом, чтобы, хотя корреляция и существует, не имелось бы никакого *точного* соответствия между политической поляризацией и другими основаниями для дифференциации». Talcott Parsons, *op. cit.*, pp. 92–93.

различных функций, которые, как отметил Токвиль, он разделяет с сильными добровольными ассоциациями, — тут и сопротивление централизации власти, и подготовка новых политических лидеров, и создание средств для предоставления партии, которая потерпела поражение на выборах, какой-то доли в системе в целом, поскольку обе общенациональные партии независимо от исхода очередных выборов обычно продолжают контролировать некоторые блоки в составе системы.

82 Могут еще раз подчеркнуть, что не рассматриваю ранее перечисленные аспекты политической структуры как существенно необходимые для демократических систем. Если основополагающие общественные и социальные условия облегчают работу демократии, как это, похоже, происходит, скажем, в Швеции, то даже сочетание многопартийности, пропорционального представительства и унитарного государства не приведет к ее серьезному ослаблению. Самое худшее, что может случиться, — такого рода обстоятельства позволят безответственным меньшинствам укрепиться и получить для себя плацдарм в парламенте. С другой стороны, в странах вроде веймарской Германии или Франции, где низкий уровень эффективности и легитимности ослабляет фундаментальные основания демократии, те конституционные факторы, которые поощряют рост многочисленных партий, еще сильнее уменьшают шансы действующей там системы на выживание.

Современные вызовы: коммунизм и национализм

В середине XX в. характерная черта всех моделей стабильных западных демократий состоит в том, что они находятся в «постполитической» фазе, — иными словами, между демократическими левыми и правыми силами существует лишь относительно небольшая разница, социалисты становятся умереннее, а консерваторы перестают выступать против государства всеобщего благоденствия. В большой мере указанная ситуация отражает тот факт, что рабочие в этих странах выиграли свою битву за полные гражданские права.

Представители низших слоев являются теперь частью правящих группировок, становясь, так сказать, полноправными членами клуба. Основная политическая проблема индустриальной революции, а именно включение рабочих в легитимное политическое про-

странство, решена¹⁹. Сегодня ключевой вопрос внутренней политики – это коллективные переговоры между предпринимателями и профсоюзами о различиях в разделении совокупного продукта, которые ведутся в рамках кейнсианского государства всеобщего благоденствия, а такие вопросы не требуют и не форсируют экстремизма ни от какой из сторон. Однако, даже невзирая на тот факт, что рабочий класс западных демократий инкорпорирован в общество, у этого класса все равно еще имеются авторитарные предрасположенности, которые при определенных условиях проявляются в поддержке экстремистских политических и религиозных движений. Источники таких предрасположенностей рассматриваются далее в главе 4.

83

В большинстве стран романской и Восточной Европы борьба за интегрирование рабочего класса в политическое пространство не была доведена до конца к тому моменту, когда на сцене появились коммунисты, и факт их появления резко изменил весь характер политической игры. Коммунисты не могли быть абсорбированы в систему тем же путем, каким это произошло с социалистами. В демократическом обществе рабочие-коммунисты, их партии и профсоюзы, пожалуй, не в состоянии получить право доступа к реальной политической власти. Представление коммунистов о себе, а более конкретно – их тесные связи с Советским Союзом понуждают их принять самосбывающееся пророчество, гласящее, что они не сумеют обеспечить достижение своих целей демократическими средствами. Эта повсеместная убежденность препятствует им в получении какого-то позволения на доступ к реальной власти, что, в свою очередь, укрепляет у рабочих-коммунистов ощущение отчужденности от правящей верхушки. Равным образом у более консервативных слоев укрепляется их убежденность в том, что предоставление рабочим или их уполномоченным лицам расширенного набора прав угрожает всему хорошему, чт.е. в этой жизни. Таким образом, присутствие коммунистов не позволяет легко прогнозировать, что

¹⁹ Т. Х. Маршалл проанализировал происходивший в XIX столетии постепенный процесс инкорпорирования рабочего класса в политическое пространство и увидел этот процесс как достижение «элементарного человеческого равенства, связанного с полным членством в обществе и его сообществах, которое никак не противоречит надстройке в виде экономического неравенства». См. его небольшую, но блистательную книгу: Т. Н. Marshall, *Citizenship and Social Class* (London: Cambridge University Press, 1950), p. 77. И хотя универсальные гражданские права открывают путь для оспаривания сохраняющихся видов общественного и социального неравенства, наличие этих прав дает также основания для веры в то, что процесс социальных изменений, направленных к достижению равенства, останется в границах такого конфликта, который в демократической системе вполне допустим.

экономическое развитие обеспечит стабилизацию демократии в названных европейских странах.

В тех странах Азии и негритянской Африки, которые стали независимыми недавно, положение несколько другое. В Европе рабочие стояли в свое время перед лицом серьезной проблемы завоевания гражданских прав, которых им приходилось добиваться от господствовавших тогда аристократических и деловых кругов. В Азии и Африке долговременное присутствие колониальных правителей идентифицировалось с консервативной идеологией, и более зажиточные классы относятся к колониализму с подобострастием, в то время как левые идеологии, обычно марксистского толка, отождествлялись там с национализмом. В Азии и Африке профсоюзы и партии рабочего класса с самых первых шагов демократической системы были легитимной частью политического процесса. Предположительно такая ситуация могла бы означать стабильную демократию, за исключением того факта, что получение рабочими названных политических прав предшествует на этих материках развитию стабильной экономики с многочисленным средним классом и полноценным индустриальным обществом.

84

 Вся эта система ныне поставлена с ног на голову. В стабильных европейских демократиях левое крыло росло постепенно, в ходе борьбы за больший объем демократии, и оно смогло выразить разные формы недовольства, порожденного на ранних стадиях индустриализации, в то время как правые силы сохраняли поддержку имевшихся в обществе традиционалистских элементов, пока система в конечном счете не пришла к довольно легко достигнутой сбалансированности – с модификациями, наблюдавшимися по обе стороны. В Азии левое крыло оказалось теперь у власти непосредственно в ходе периода демографического взрыва и ранней индустриализации, и ему придется принять на себя ответственность за все последующие невзгоды и бедствия. И точно так же, как это происходит в более бедных областях Европы, коммунисты, которые совершенно безответственным образом наработывают себе политический капитал на любом возникающем недовольстве, в настоящее время являются в Азии крупной партией – второй по величине в большинстве тамошних государств.

Учитывая качество существования погрязших в бедности народных масс, низкие уровни образования, классовую структуру в форме удлинённой пирамиды и «преждевременный» триумф демократических левых сил в ситуации, когда до достижения экономической и политической зрелости еще очень далеко, прогноз для политической

демократии в Азии и Африке выглядит безрадостным. В странах с наилучшими перспективами: Израиле, Японии, Ливане, Филиппинах и Турции — наблюдается тенденция по одному или нескольким серьезным факторам напоминать Европу: в них высок образовательный уровень (везде, кроме Турции); там имеется существенный и постоянно растущий средний класс; у консервативных групп прочно сохраняется политическая легитимность. Другие азиатские и африканские страны независимо от существующей в них формы политического бытия более привержены определенному темпу своего экономического развития и своей национальной независимости, чем той картине партийной политической жизни и свободных выборов, которую иллюстрирует наша модель демократии. Представляется правдоподобным, что там, где сумеют избежать коммунистической или военной диктатуры, политические события будут следовать тому образцу, который все отчетливее проступает в странах типа Ганы, Гвинеи, Туниса или Мексики, где имеется образованное меньшинство, использующее для осуществления эффективного контроля над обществом различные массовые движения в сочетании с левыми лозунгами и проводящее выборы скорее в качестве красивого жеста на пути к достижению конечных демократических целей и средства для оценки общественного мнения, а не как эффективные инструменты для легитимной смены тех, кто сейчас находится у власти и занимает руководящие посты²⁰. При наличии сильного давления в пользу быстрой индустриализации и немедленного решения хронических проблем бедности и голода маловероятно, чтобы многие из новых правительств в странах Азии и Африки оказались в состоянии поддерживать открытую партийную систему, где представлены принципиально разные классовые позиции и ценности²¹.

²⁰ Обсуждение появляющихся в Гане политических моделей см. в: David Apter, *The Gold Coast in Transition* (Princeton: Princeton University Press, 1955). Интересный краткий анализ мексиканской «однопартийной» системы см. в: L. V. Padgett, «Mexico's One-Party System, a Re-evaluation», *American Political Science Review*, 51 (1957), pp. 995–1008.

²¹ Пока эта глава редактировалась и готовилась для публикации, в нескольких бедных и неграмотных странах произошли политические кризисы, которые вновь подчеркивают нестабильность демократического правления в слабо развитых регионах. Так, 7 октября 1958 г. было мирно свергнуто правительство Пакистана, и новый самоназначенный президент этой страны объявил, что «в существующих ныне условиях демократия западного типа функционировать здесь не может. У нас всего лишь 16-процентная грамотность. В Америке она составляет 98 процентов» (информационный релиз агентства «Ассошиэйтед пресс», 9 октября 1958 г.). Новое правительство начало с того, что распустило парламент и все политические партии. Похожие кризисы произошли почти одновременно в Тунисе, Гане и даже в Бирме, правительство которой под руководством премьер-министра У Ну рассматривалось с момента окончания Второй мировой войны как одно из наиболее стабильных в Юго-Восточной Азии.

Латинская Америка, которая экономически развита столь же слабо, как и Азия, в политическом смысле больше напоминает Европу начала XIX в. Большинство латиноамериканских стран стали независимыми государствами еще перед подъемом индустриализации и ростом марксистских идеологий, в результате чего они так и остаются цитаделями традиционного консерватизма. Сельские территории в них зачастую аполитичны или глубоко традиционны, а движения левого толка пользуются поддержкой в первую очередь со стороны промышленного пролетариата. Латиноамериканские коммунисты, например, выбрали для организации городских рабочих европейский марксистский подход, а вовсе не «путь в Яньань»* Мао Цзэдуна, который искал для себя опору в крестьянах²². Если Латинской Америке позволят развиваться самостоятельно и она сумеет увеличить свою продуктивность, то существуют хорошие шансы на то, что многие из латиноамериканских стран станут продвигаться в европейском направлении. Недавние события на этом континенте, включая свержение целого ряда диктатур, отражают результаты воздействия крепнущего среднего класса, а также возросшего благосостояния и образованности. Сохраняется, однако, большая опасность того, что эти страны могут все же пойти во французском или итальянском направлении, а вовсе не по пути Северной Европы, что коммунисты захватят там лидерство и станут во главе рабочих и что средний класс будет отчуждаться от демократии. После того как политически активный средний класс начинает по-настоящему существовать и действовать, ключевое различие между «левыми» и «правыми» политическими тенденциями становится уже недостаточным в качестве средства дифференциации между сторонниками и противниками демократии. Как показано в главе 5, проведение дальнейших различий между левыми, правыми и центристами, когда у каждой из этих политических сил есть своя характерная идеология и своя со-

86

Да и Гвинея начала политическую жизнь как однопартийное государство. Возможно, открытое появление военных полудиктатур без сколько-нибудь заметного демократического «фронта» может отражать ослабление демократических символов в этих регионах под воздействием советской идеологии, которая приравнивает «демократию» не к конкретным политическим формам и методам, а к быстрому и эффективному осуществлению «воли народа» некоей сравнительно образованной элитой.

* Яньань — город в Северо-Западном Китае, в провинции Шэньси, фактически ставший конечной точкой так называемого Великого похода китайских коммунистов; с 1935 по 1948 г. там находился ЦК китайской компартии. В русско- и англоязычной исторической литературе термин «путь в Яньань» (англ. Yenan way) практически не применяется; его заменяет как раз «Великий поход». — *Прим. перев.*

²² Robert J. Alexander, *Communism in Latin America* (New Brunswick: Rutgers University Press, 1957).

циальная база и когда в каждой из этих трех групп существуют свои демократическая и экстремистская тенденции, проясняет проблему «авторитаризма» и его зависимости от текущей стадии экономического развития.

В следующих двух главах продолжается обсуждение условий, необходимых для существования демократического порядка. В них выражено стремление уточнить представленные здесь тезисы и подвергнуть их дальнейшей углубленной проработке путем достаточно подробного изучения тех факторов, которые лежат в основе привлекательности экстремистских движений и авторитарных ценностей для самых разных страт индустриального общества.

ГЛАВА 4

АВТОРИТАРИЗМ РАБОЧЕГО КЛАССА¹

Постепенное понимание того, что в современном обществе экстремистские и пропитанные нетерпимостью движения с большей вероятностью будут использовать в качестве своей базы низшие классы, а вовсе не средний класс и уж тем более не высшее сословие, поставило перед трагической дилеммой тех принадлежащих к демократическим левым кругам интеллектуалов, которые когда-то со всей убежденностью считали, что силой, борющейся за свободу, расовое равенство и социальный прогресс, обязательно должен быть пролетариат. Итальянский писатель социалистической ориентации Иньяцио Силоне, утверждал, что «миф об освободительной силе пролетариата растворился наряду с еще одним мифом — о прогрессе. Сравнительно недавние примеры нацистских рабочих союзов, равно как и аналогичных организаций у Салазара и Перона... наконец-то убедили в этом даже тех, кто отказывался признать данный факт уже на основании одного лишь тоталитарного вырождения коммунизма»².

Драматические подтверждения указанного соображения были продемонстрированы недавно, когда рабочие южных штатов США поддержали деятельность советов белых граждан* и расовую сегрегацию в своей стране, а многие британские рабочие приняли в 1958 г. активное участие в расовых бунтах, разразившихся в Англии. Статья под названием «Короткий разговор с фашистским зверем», появившаяся в левом социалистическом журнале «*Нью стейтсмен*» (речь в ней шла о перебивающемся случайными заработками восемнадцатилетнем работяге, который принял участие в избиении чернокожих в Лондоне), выразительно и наглядно рисует идеологию

¹ Ранняя версия данной главы была написана для спонсировавшейся Конгрессом за свободу культуры (Congress for Cultural Freedom) конференции «Будущее свободы», которая проходила в итальянском Милане в сентябре 1955 г.

² «The Choice of Comrades», *Encounter*, 3 (December 1954), p. 25. Арнольд Рогоу, опубликовавший статью в социалистическом журнале «Dissent» («Инакомыслие»), даже утверждает, что «либеральному и радикальному подходам всегда недоставало широкой общественной базы, и, по существу, либеральная традиция была традицией ограниченного меньшинства или даже, пожалуй, тех, кто принадлежал к элите». Arnold A. Rogow, «The Revolt Against Social Equality», *Dissent*, 4 (1957), p. 370.

* Так назывались в 1950–1960-е гг. общественные объединения белых американцев, которые активно противились расовой интеграции, создавая свои частные школы, бассейны и т.п. — *Прим. перев.*

88 ческий синдром, иногда достигающий кульминации в подобном поведении. В этой публикации аналитическому обзору авторитарных элементов, характерных для низшего класса в современном обществе, предпослана в качестве своеобразной прелюдии подробно изложенная точка зрения некоего молодого человека по имени Лен.

«Да вот же почему я с фашистами, — говорит он. — Они против черномазых. Ведь тот мужик по прозвищу Лосось, он же коммунист. Лейбористская партия — она тоже коммунистическая. Как и профсоюзы». По словам этого парня, его мать и отец целиком и полностью поддерживают Лейбористскую партию. А сам-то он что, против лейбористов и их партии? «Не-е, я — за них. Вы ж сами знаете, они — нашенские. Я и за профсоюзы тоже». Даже при том, что в них верховодят коммунисты? «На все сто процентов, — отвечает он. — Мне по душе коммунистическая партия. Она — силища, так что мне ихние мужики по душе». Но как он может быть за коммунистов, когда фашисты ненавидят их?

На это Лен отвечает: «Ладно, знаете ли, вообще-то, я за фашистов не всю дорогу, а только когда они против ниггеров. Но на самом деле знаете что? Фашисты — они ведь за богатеев, как и тори. Все они — за чинуш, за разных больших людей, за начальство. А коммунисты — очень они могучие». Я сказал ему, что в Великобритании коммунистическая партия — совсем маленькая.

«Однако же, — говорит он в ответ, — у них ведь есть Россия, это она стоит за ними». Его голос полон восхищения. «Россию я обожаю. Знаете, вот где настоящие люди. Они мирные. Они сильные. Когда они говорят, что сделают чего-нибудь, то действительно берут и делают это. Не то что мы. Они заставляют тебя задуматься: ведь у них же есть всякие бомбы, которыми они оттуда могут пульнуть и стереть нас всех отсюда, с лица земли, одним движением пальца ихнего генерала. Раздолбать нас полностью и окончательно. Честно, они такие, эти русские. Когда они говорят, что сделают чего-нибудь, то действительно берут и делают это. Как в Венгрии. Я пожалел тех челов, ну, венгров. Но разве вы не видели, как русские вошли туда и остановили их? Танками. Не то что мы на Кипре. Наши солдатики получили там кучу пуль в задницу, и что мы стали делать? А вот коммунисты — они за маленького человека»³.

Такие демонстративные и поразительно наглядные проявления этнических предубеждений рабочего класса и поддержки им тоталитарных политических движений получили подтверждение в нескольких параллельно проводившихся исследованиях самых разных

³ Клэнси Сигал (Clancy Sigal) в журнале *New Statesman*, October 4, 1958, p. 440.

феноменов: общественного мнения, отношения к религии, семейных моделей и структуры личности. Многие из этих исследований говорят о том, что образ жизни низшего класса порождает людей с жестким и нетерпимым подходом к политической жизни.

На первый взгляд может показаться, будто факты политической истории противоречат сказанному. С момента своих первоначальных шагов в XIX столетии рабочие организации и партии выступали как крупная сила в деле распространения политической демократии и в ведении многих прогрессивных битв – политических и экономических. До 1914 г. классическое разделение между ориентированными на рабочий класс левыми партиями и привилегированными в экономическом отношении правыми партиями основывалось отнюдь не только на таких проблемах, как перераспределение дохода, реальный социальный статус и образовательные возможности, оно опиралось также на гражданские свободы и международную политику. Рабочие, если судить по политической линии их партий, часто были стеновым хребтом борьбы за большую политическую демократию, за религиозную свободу, за права меньшинств и за мир во всем мире, в то время как партии, пользовавшиеся поддержкой консервативного среднего класса и высшего сословия, в значительной части Европы были склонны отдавать предпочтение более экстремистским политическим формам, сопротивляться расширению избирательных прав, горой стоять за институциональную церковь и поддерживать ура-патриотическую внешнюю политику.

События, происходившие после 1914 г., привели к постепенному размыванию этих моделей. В некоторых странах Европы группировки выходцев из рабочего класса оказывались самыми националистически настроенными сегментами населения. В других они находились на переднем крае борьбы против равных прав для любых меньшинств и стремились ограничить иммиграцию или же ввести в странах с открытой иммиграцией жесткие расовые стандарты. Завершение антифашистской эры и развертывание холодной войны показало, что борьба за свободу – это не просто некая разновидность экономической классовой борьбы. Угроза свободе, исходящая от коммунистического движения, оказалась ничуть не меньше той, что когда-то исходила от фашизма и нацизма, причем коммунизм во всех странах, где он силен, пользуется поддержкой главным образом со стороны низших слоев рабочего класса или сельского населения⁴. Никакая другая партия не была настолько полностью и безогово-

⁴ Источники различий в силе коммунистов в той или иной стране уже обсуждались в главе 2 применительно к уровню и скорости экономического развития.

90 рочно партией рабочего класса и бедняков, как коммунисты. Что же касается социалистических партий, то и в прошлом, и в настоящее время они получают намного больше поддержки от средних классов, чем коммунисты.

Некоторые социалисты и либералы высказывали мысль, что это ничего не доказывает применительно к вопросу об авторитарных тенденциях в рабочем классе, поскольку коммунистическая партия часто маскируется, выставляя себя как партию, стремящуюся к соблюдению классических западных демократических идеалов свободы, равенства и братства. Эти люди утверждают, что большинство сторонников коммунистических идей, особенно менее образованная их часть, обманываются, думая, будто коммунисты – это просто более воинственные и эффективные социалисты. Я бы, однако, предложил альтернативную гипотезу, а именно что для тех, кто относится к обширной страте людей с низкими доходами, низким профессиональным статусом и низким образованием, – иными словами, для людей, которые в современных индустриальных обществах в значительной мере, хотя и не исключительно принадлежат к рабочему классу, известные нам бескомпромиссные и нетолерантные аспекты коммунистической идеологии вовсе не являются источником напряженности и отнюдь не отталкивают их, а, напротив, привлекают.

Социальная ситуация низших страт, особенно в более бедных странах с низкими уровнями образования, предрасполагает их представителей к тому, чтобы видеть политическую жизнь в чисто черных или белых тонах, т.е. в терминах добра и зла. Следовательно, при прочих равных условиях бедняки должны с большей вероятностью, чем другие страты, отдавать предпочтение экстремистским движениям, которые предлагают простые и быстрые решения любых общественных и социальных проблем, обладая при этом жестким мировоззрением.

Конечно же, «авторитаризм» любой социальной страты или класса в высокой степени относителен и часто модифицируется организационными обязательствами по отношению к демократии, а также индивидуализированными перекрестными давлениями. В любой данной стране низший класс может быть более авторитарен, чем высшие сословия, но на «абсолютной» шкале все классы в этой стране могут быть менее авторитарными, чем любой класс в какой-нибудь другой стране. Скажем, в такой стране, как Великобритания, где у каждой социальной страты нормы терпимости хорошо развиты и широко распространены, даже низший класс может быть в меньшей степени авторитарен и более «умудрен», чем наибо-

лее высокообразованная страта в слаборазвитой стране, где сиюминутные проблемы и кризисы обрушиваются на любой класс и где все группы населения вообще не думают о сколько-нибудь длительной перспективе и могут быть заинтересованы исключительно в скоротечных или даже сиюминутных решениях⁵.

91

Приверженность демократическим процедурам и идеалам со стороны тех основных организаций, к которым принадлежат лица с низким статусом, также может влиять на фактическое политическое поведение этих людей, причем даже в большей мере, чем их основополагающие личные ценности, и независимо от того, насколько они авторитарны⁶. Рабочий класс, который рано (еще до появления коммунистов) выработал в себе лояльность по отношению к политическим и профсоюзным движениям демократической направленности, успешно борющимся за социальные и экономические права трудящихся, не станет легко менять свои привязанности.

Приверженность отдельных лиц каким-то иным ценностям или институтам (на самом деле это проявления разных видов перекрестного давления) также способна перевесить большинство институциональных предрасположенностей. Например, католически ориентированный французский, итальянский или немецкий рабочий, который при этом настроен весьма антикапиталистически, все равно может тем не менее голосовать в своей Франции, Италии или Германии за какую-то относительно консервативную партию, потому что его преданность католицизму более сильна, чем возмущение и чувство обиды, испытываемые им из-за низкого статуса его класса. Точно так же рабочий, ощущающий сильную склонность к авто-

⁵ См.: Richard Hoggart, *The Uses of Literacy* (London: Chatto and Windus, 1957), pp. 78–79 и 146–148, где обсуждается, насколько нормы толерантности приемлемы для британского рабочего класса. В работе E. T. Prothro and Levon Melikian, «The California Public Opinion Scale in an Authoritarian Culture», *Public Opinion Quarterly*, 17 (1953), pp. 353–363 при обследовании 130 студентов Американского университета в Ливане было показано, что они продемонстрировали такую же увязку между авторитаризмом и экономическим радикализмом, какая в Америке обнаруживается среди рабочих. Проведенный в 1951–1952 гг. опрос 1800 взрослых пуэрториканцев, которые были представителями всего сельского населения этой территории (на тот момент она находилась во владении США, а с 1952 г. стала «свободно присоединившимся к США государством» с правами самоуправления. — *Перев.*), позволил установить, что 84% респондентов были «в какой-то степени авторитарными» по сравнению с 46% для сопоставимого чисто американского населения. См.: Henry Wells, «Ideology and Leadership in Puerto Rican Politics», *American Political Science Review*, 49 (1955), pp. 22–40.

⁶ Демократы из южных штатов США были самыми непреклонными противниками сенатора Маккарти и его тактики отнюдь не по причине своих глубоких возражений против недемократических методов, а скорее из-за своей организационной приверженности Демократической партии.

ритарным идеям, может защищать демократические институты от нападков со стороны фашистов из-за имеющихся у него связей с антифашистскими партиями и профсоюзами, которые действуют в пользу рабочего класса. И наоборот, те, кто не склонен к экстремистской политике, могут поддерживать какую-нибудь экстремистскую партию из-за определенных аспектов ее программы и той специфической политической роли, которую она играет. В США многие люди поддерживали коммунистов в 1936 и 1943 гг. как антифашистскую и интернационалистскую партию.

92 Таким образом, нет возможности предсказать однозначную склонность тех или иных социальных страт к поддержке либо экстремистских, либо демократических политических партий, исходя из знания их психологических предрасположенностей или на основании их установок, которые выведены из данных какого-либо опроса⁷. Однако и практические свидетельства, и теория говорят о том, что низшие страты в относительно большей степени авторитарны, что их (опять-таки при прочих равных условиях) будет сильнее тянуть к экстремистскому движению, нежели к умеренному и демократическому, и что после того, как они в какой-то момент вступили в подобное движение, их не будет отталкивать от него нехватка или отсутствие демократии, в то время как у более образованных или многоопытных сторонников такого рода движения будет наблюдаться склонность покинуть его ряды⁸.

Демократия и низшие классы

Более бедные страты повсюду придерживаются более либеральных или левых убеждений по экономическим вопросам; они в большей степени одобряют мероприятия, характерные для государства всеобщего благоденствия, в частности установление более высоких

⁷ Для детального обсуждения ошибочности любых попыток строить предположения относительно того, что политическое поведение является неизбежной функцией политических установок или психологических характеристик, см.: Nathan Glazer and S. M. Lipset, «The Polls on Communism and Conformity», в сб.: Daniel Bell, ed., *The New American Right* (New York: Criterion Books, 1955), pp. 141–166.

⁸ Термин «экстремистское» используется применительно к движениям, партиям и идеологиям. Понятие «авторитарный» относится к установкам и предрасположенностям отдельных индивидов (или групп – в тех случаях, когда исследователя интересует статистическое агрегирование индивидуальных установок, а не групповые характеристики как таковые). У термина «авторитарный» имеется слишком много ассоциаций с исследованиями психологических установок, чтобы его можно было с уверенностью и без всякого риска использовать также применительно к типам общественных организаций.

размеров заработной платы, а также поддерживают прогрессивный подоходный налог, деятельность профсоюзов и т.д. Но когда речь заходит о либерализме, определяемом в неэкономических терминах, скажем о поддержке гражданских свобод, интернационализма и т.д., корреляция становится абсолютно противоположной. Более зажиточные слои более либеральны, более бедные в большей мере нетерпимы⁹.

Данные опросов общественного мнения в целом ряде стран указывают, что низшие классы намного меньше привязаны к демократии как политической системе, чем городской средний и высший классы. В Германии, например, при обследовании, проведенном Институтом ЮНЕСКО в Кёльне в 1953 г., была опрошена систематическая выборка из 3000 немцев, которым задали следующий вопрос: «Думаете ли Вы, что было бы лучше, если бы существовала только одна партия, несколько партий или вообще не было бы никаких партий?» Результаты, проанализированные в соответствии с профессиональным статусом респондентов, говорят о том, что низшие страты рабочего класса и сельского населения с меньшей вероятностью поддержали бы многопартийную систему (этот показатель считается разумным индексом демократических установок в западных и вестернизованных странах), нежели это сделали бы средняя и верхняя страты (см. табл. I).

Сопоставимые результаты были получены и в 1958 г., когда аналогичный вопрос задавался общенациональным или региональным выборкам в Австрии, Японии, Бразилии, Канаде, Мексике, Западной Германии, Нидерландах, Бельгии, Италии и Франции. Хотя пропорция лиц, одобряющих многопартийную систему, изменялась от страны к стране, в рамках каждой страны низшие классы поддерживали ее с меньшей вероятностью¹⁰.

⁹ См. две статьи Дж. Смита: G. H. Smith, «Liberalism and Level of Information», *Journal of Educational Psychology*, 39 (1948), pp. 65–82; Idem., «The Relation of “Enlightenment” to Liberal-Conservative Opinions», *Journal of Social Psychology*, 28 (1948), pp. 3–17.

¹⁰ Эти выводы основываются на пока еще не опубликованных данных, хранящихся в архивах и картотеках организации под названием World Poll («Всемирные опросы»); она учреждена фондом International Research Associates («Международные партнеры по исследованиям»), который спонсирует проведение сопоставимых опросов одновременно в целом ряде стран. Вопрос, задававшийся в данном опросе, звучал так: «Предположим, что здесь существовала бы политическая партия, соответствующая Вашей собственной точке зрения, — такая, которую Вы бы рассматривали как более или менее “свою” партию. Хотелось бы Вам, чтобы она была единственной партией в нашей стране, а всякие другие партии, кроме нее, отсутствовали или же Вы будете против такой однопартийной системы?» При этом были обнаружены аналогичные корреляционные зависимости между низким статусом и убежденностью в значимости сильного лидера.

Таблица I

**Ответы различных немецких профессиональных групп
по поводу предпочтительной партийной системы, %* (только мужчины)**

<i>Профессиональная группа</i>	<i>Несколько партий</i>	<i>Одна партия</i>	<i>Никаких партий</i>	<i>Мнение отсутствует</i>	<i>Общее количество лиц</i>
Государственные служащие	88	6	3	3	111
Верхний слой «белых воротничков»	77	13	2	8	58
Лица свободных профессий	69	13	8	10	38
Квалифицированные рабочие	65	22	5	8	277
Ремесленники	64	16	9	11	124
Нижний слой белых воротничков	62	19	7	12	221
Бизнесмены (мелкие)	60	15	12	13	156
Фермеры (бауэры)	56	22	6	16	241
Рабочие средней квалификации	49	28	7	16	301
Рабочие низкой квалификации и чернорабочие	40	27	11	22	172

* Вычислено на основании перфокарт, предоставленных автору Институтом ЮНЕСКО в Кёльне.

Опросы, проведенные в Японии, Великобритании и США и спроектированные с целью получить надежные данные об общих реакциях на проблематику гражданских свобод или прав различных меньшинств, дали сходные результаты. При этом выяснилось, что в Японии и рабочие, и сельское население были настроены более авторитарно и проявляли меньшую заинтересованность гражданскими свободами, чем средний и верхний классы¹¹.

В Англии психолог Ганс Айзенк (H. J. Eysenck) нашел сопоставимые различия между людьми, которые по своему общему социальному мировоззрению были «практичными трезвыми материалистами», и теми, кто был «идеалистами и оптимистами». У первой группы

¹¹ См.: Kotaro Kido and Masataka Sugi, «A Report of Research on Social Stratification and Mobility in Tokyo» (III), *Japanese Sociological Review*, 4 (1954), pp. 74–100; и National Public Opinion Institute of Japan (Национальный институт общественного мнения Японии), Report No. 26, *A Survey Concerning the Protection of Civil Liberties* (Tokyo, 1951).

обнаружилась тенденция проявлять нетолерантность к отклонениям от стандартных моральных или религиозных взглядов, а также придерживаться антинегритянской, антисемитской и ксенофобской точек зрения, в то время как «идеалисты и оптимисты» были снисходительны и терпимы к разнообразным отклонениям, беспристрастны и склонны к интернационализму¹². Подводя итог полученных им результатов, основанных на шкале для измерения установок у сторонников различных британских партий, Айзенк сообщил, что «консерваторы, принадлежащие к среднему классу, в большей степени являются идеалистами и оптимистами, нежели консерваторы, принадлежащие к рабочему классу; либералы из среднего класса в большей степени идеалисты и оптимисты, чем либералы из рабочего класса; социалисты из среднего класса в большей степени идеалисты и оптимисты, чем социалисты из рабочего класса; и даже коммунисты из среднего класса являются идеалистами и оптимистами в большей степени, нежели коммунисты из рабочего класса»¹³.

Свидетельства, полученные в результате различных американских исследований, столь же ясны, непротиворечивы и однозначны — низшие страты наименее толерантны¹⁴. В самом систематическом из них, основанном на общенациональной выборке из почти 5 тыс. американцев, Сэмюэл Стоуффер разделил своих респондентов на три категории: «менее толерантные», «среднетолерантные» и «более толерантные», — используя для этого шкалу, которая базируется на ответах на вопросы о таких гражданских свободах, как право на свободу слова для коммунистов, право на критику рели-

95

¹² См.: Н. J. Eysenck, *The Psychology of Politics* (London: Routledge and Kegan Paul, 1954), p. 127.

¹³ *Ibid.*, p. 137; для ознакомления с критическим анализом методологии этого исследования, в котором поднимаются серьезные вопросы по поводу процедур, использованных в указанном исследовании, см.: Richard Christie, «Eysenck's Treatment of the Personality of Communists», *Psychological Bulletin*, 53 (1956), pp. 411–430.

¹⁴ См.: Arnold W. Rose, *Studies in Reduction of Prejudice* (Chicago: American Council on Race Relations, 1948), где приводится обзор литературы по данному вопросу, опубликованной до 1948 г. Несколько исследований показали ключевую значимость образования и независимо от него — воздействия экономического статуса, причем оба эти фактора играют основную роль для лиц с низким статусом. См.: Daniel J. Levinson and R. Nevitt Sanford, «A Scale for the Measurement of Anti-Semitism», *Journal of Psychology*, 17 (1944), pp. 339–370 и Н. Н. Harlan, «Some Factors Affecting Attitudes toward Jews», *American Sociological Review*, 7 (1942), pp. 816–827, где содержатся данные об установках по отношению к одной из этнических групп. См. также: James G. Martin and Frank R. Westie, «The Tolerant Personality», *American Sociological Review*, 24 (1959), pp. 521–528. Краткое резюме целого ряда недавних исследований в области расовых отношений в США см. в: Melvin M. Tumin, *Segregation and Desegregation* (New York: Anti-Diffamation League of B'nai B'rith, 1957).

гии или на защиту национализации промышленности и т.п. Как демонстрируют данные, представленные в табл. II, толерантность растет одновременно с продвижением вверх по социальной лестнице. Только 30% тех, кто занимается физическим трудом, принадлежат к категории «более толерантные» в противоположность 66% для дипломированных специалистов и 51% для владельцев той или иной собственности, менеджеров и чиновников. В США, как и в Германии или Японии, для фермеров характерна низкая толерантность.

Таблица II

Пропорция респондентов-мужчин, которые применительно к проблематике гражданских свобод принадлежат к числу «более толерантных»*

Дипломированные и недипломированные специалисты	66%	(159)
Владельцы собственности, менеджеры и чиновники	51	(223)
Канторские служащие и продавцы в магазинах	49	(200)
Работники физического труда	30	(685)
Фермеры или сельскохозяйственные рабочие	20	(202)

* Samuel A. Stouffer, *Communism, Conformity and Civil Liberties* (New York: Doubleday & Co., 1955), p. 139. Значения для работников физического труда и для работающих на фермах были подсчитаны на основании перфокарт, которые любезно предоставил проф. Стоуффер.

96 Данные, полученные при опросах общественного мнения в тринадцати разных странах и показывающие, что низшие страты меньше привержены демократическим нормам, нежели средние классы, вновь подтверждаются исследованиями ученых, которые были в большей мере ориентированы на психологические аспекты и изучали социальные корреляты «авторитарной личности»¹⁵. Многие исследования в этой области, результаты которых были недавно сведены воедино, показывают устойчивую увязку между авторитаризмом и принадлежностью к низшему классу¹⁶. По итогам одного из опросов, охватившего 460 лос-анджелесских взрослых,

¹⁵ См.: Theodore Adorno, et al., *The Authoritarian Personality* (New York: Harper & Bros., 1950). Заметим, что это оригинальное исследование дало по данному вопросу менее бесспорные результаты, чем многие из последовавших за ним публикаций. Да и сами авторы указывают (с. 178) на неадекватность своей выборки.

¹⁶ Richard Christie and Peggy Cook, «A Guide to Published Literature Relating to the Authoritarian Personality», *Journal of Psychology*, 45 (1958), pp. 171–199.

сообщается, что «среди рабочего класса содержится более высокая пропорция сторонников авторитаризма, чем среди представителей как среднего, так и высшего классов» и что среди работающих те лица, которые явным образом идентифицировали себя как принадлежащие к «рабочему классу», а не к «среднему классу», были более авторитарными¹⁷.

Одно недавнее исследование содержит дальнейшие подтверждения возможности *отрицательной* корреляции между авторитаризмом и невротическим состоянием у представителей низших классов. Вообще говоря, те, кто отклоняется от стандартов своей группы, с большей вероятностью будут невротическими личностями, чем те, кто им соответствует, так что если мы предполагаем, что среди людей с низким статусом авторитарные черты характера в той или иной мере стандартны, то более либеральные члены указанной группы должны также быть и более невротическими¹⁸. Как подчеркнули два психолога, Энтони Дэвидс и Чарльз Эриксен, там, где «эталонный стандарт авторитаризма достаточно высок», люди могут быть вполне уравновешенными и вместе с тем авторитарными¹⁹. И тот факт, что в группах, принадлежащих к низшему классу, подобная ситуация часто имеет место, вполне соответствует гипотезе, что в таких группах авторитарные установки являются «нормальными» и ожидаемыми²⁰.

¹⁷ W. J. McKinnon and R. Centers, *Authoritarianism and Urban Stratification*, *American Journal of Sociology*, 61 (1956), p. 618.

¹⁸ Слишком большая часть современных психологических знаний в этой области была получена в результате изучения популяций, которые наиболее удобны и доступны для академического исследователя, — университетских студентов. При этом часто забывают, что для этой весьма специфической и особо отобранной группы личностные синдромы и установки могут очень сильно отличаться от тех, что характерны для других сегментов всего населения в целом.

¹⁹ См.: Anthony Davids and Charles W. Eriksen, «Some Social and Cultural Factors Determining Relations Between Authoritarianism and Measures of Neuroticism», *Journal of Consulting Psychology*, 21 (1957), pp. 155–159. В этой статье содержится много ссылок на релевантную литературу.

²⁰ Наблюдается повышенная совместимость требований к членству в коммунистической партии и прошлой принадлежности к рабочему классу, как на то указывает открытие Алмонда, установившего, что в его выборке коммунистов какие-то невротические проблемы имелись у вдвое большего числа членов этой партии — выходцев из среднего класса, чем они обнаруживались в группе выходцев из рабочего класса, а это опять намекает на нормальность экстремистских политических взглядов и их конгруэнтность с принадлежностью к рабочему классу. См.: Gabriel Almond, *The Appeals of Communism* (Princeton: Princeton University Press, 1954), pp. 245–246.

Экстремистские религии и низшие классы

Многие наблюдатели привлекали внимание к связи между низким социальным статусом и фундаменталистской или хилиастической (милленаристской)* религией. Эта связь говорит о том, что экстремистская религия является продуктом тех же самых социальных сил, которыми порождаются авторитарные политические установки. С другой стороны, среди адептов либеральных протестантских церквей всегда преобладали представители среднего класса. В США это создало дилемму для либерального протестантского духовенства, у которого имелась тенденция к либеральности как в своих политических, так и в религиозных взглядах, и, следовательно, зачастую оно хотело распространять свое социальное и религиозное наставление среди низших слоев общества. Но при этом либеральные протестантские священнослужители обнаружили, что эти слои хотят таких пасторов, которые станут возглашать в своих проповедях об адском пламени и спасении души, а не опираться на современное протестантское богословие²¹.

В ранний период социалистического движения Энгельс заметил, что у первоначального христианства и у движения революционных рабочих* имеются «достойные внимания точки соприкосновения», особенно в завлекательных обещаниях о скором приходе «тысячелетнего царства» и в опоре на низшие классы²². Недавно Элмер Кларк, глубокий исследователь и знаток малых сект в современной Америке, отметил, что такого рода секты, как и в эпоху раннего христианства, «рождаются главным образом среди бедняков, которыми религия пренебрегает». Он пишет, что в период, когда «бунты и мятежи бедняков носили религиозный оттенок, — а до недавних времен почти всегда так оно и происходило, — как раз и появились идеи о тысячелетнем царствии Христа, и... эти представления хорошо видны в большинстве мелких сект, которые следуют евангелистской традиции. Изначальное милленарианство — это, по существу, защитный механизм людей обездоленных и лишенных всякого духовного

* Члены секты хилиастов, или милленариев, верят в грядущее наступление тысячелетнего царства Христа на Земле. — *Прим. перев.*

²¹ См.: Liston Pope, *Millhands and Preachers* (New Haven: Yale University Press, 1942), pp. 105–116.

** Сам Энгельс называет его «современным рабочим движением». — *Прим. перев.*

²² См.: Friedrich Engels, «On the Early History of Christianity», in K. Marx and F. Engels, *On Religion* (Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1957), pp. 312–320. [*Ф. Энгельс. К истории первоначального христианства. М.: Политиздат, 1979.*]

наследия; и вот в итоге, отчаявшись получить сколько-нибудь существенные милости через социальные процессы, они отвернулись от нынешнего мира, отказавшего им в своих благах, и стали видеть впереди его грядущее уничтожение в некоем космическом катаклизме, который возвеличит их и низвергнет богатых и могущественных»²³.

Эрнст Трёлч, видный историк сектантской религии, охарактеризовал психологический посыл фундаменталистских религиозных сект такими словами, которые вполне можно было бы с тем же успехом применить и к носителям экстремистских политических взглядов: «Это именно низшие классы, которые выполняют по-настоящему творческую работу, формируя общины и сообщества на чисто религиозном основании. Они в одиночку, без всякой посторонней помощи объединяют воображение и простоту чувств с привычками нерелективного разума, с примитивной энергией и настоящим ощущением необходимости действовать. И вот на одном таком фундаменте оказывается возможным создание не ограниченной никакими условиями авторитарной веры в Божественное Откровение, которая характеризуется простотой полнейшей приверженности и непоколебимой уверенностью. Только внутри такого рода братства есть место для тех, у кого существует ощущение духовной потребности и кто не обзавелся привычкой к интеллектуальному рассуждению, которое неизменно расценивает все на свете с относительной точки зрения»²⁴.

Свидетели Иеговы, численность которых в США измеряется сотнями тысяч, представляют собой превосходный пример быстро растущей секты, которая, «как и в прошлом, продолжает привлекать непривилегированные слои»²⁵. Основная мысль в учении свидетелей Иеговы состоит в том, что Царствие Небесное вот-вот должно наступить: «Конец света и кончина этого мира близки. Армагеддон

²³ Elmer T. Clark, *The Small Sects in America* (New York: Abingdon Press, 1949), pp. 16, 218–219. Согласно Брайану Уилсону (Bryan Wilson), «ощущение беспросветного отсутствия всякой безопасности, статус, который отличается от статуса окружающих, чувство тревоги, культурная заброшенность толкают к мыслям о необходимости полного переустройства мира, что как раз и способны обеспечить секты, хотя бы отчасти. Те, кто не умеет вписаться в окружающую обстановку, могут составлять общины либо профессиональные группы или же просто быть отдельными рассредоточенными людьми, одними из тех, кто оказался в схожем маргинальном положении». См.: «An Analysis of Sect Development», *American Sociological Review*, 24 (1959), p. 8, а также монографию того же автора *Minority Religious Movements in Modern Britain* (London: Heinemann, 1960).

²⁴ Ernst Troeltsch, *The Social Teaching of the Christian Churches* (London: George Allen and Unwin, 1930), Vol. 1, p. 44.

²⁵ См.: Charles S. Braden, *These Also Believe. A Study of Modern American Cults and Minority Religious Movement* (New York: Macmillan, 1949), p. 384.

совсем рядом — это время, когда грешники будут низринуты и на земле воцарится теократия, или правление Господне»²⁶. Причем их организация, как и у коммунистов, является «иерархической и в высокой степени авторитарной. В методах управления этой сектой или в формировании политики данного движения как единого целого просматривается лишь минимальное демократическое участие»²⁷.

Прямые связи между социальными корнями политического и религиозного экстремизма наблюдались во многих странах. В царской России молодой Троцкий распознал эту взаимозависимость и успешно вербовал первых пролетариев — членов Южнороссийского союза рабочих (революционной марксистской организации конца 1890-х годов*) из числа приверженцев религиозных сект²⁸. Как показывают недавние исследования, в Голландии и Швеции коммунисты сильнее всего в тех районах, которые когда-то были центрами фундаменталистского религиозного стремления к духовному возрождению. В Финляндии коммунизм и возрожденческое христианство зачастую оказываются сильными в одних и тех же областях этой страны. В бедных восточных частях Финляндии коммунисты очень внимательно следили за тем, чтобы не оскорблять религиозные чувства населения. Сообщается, что многие коммунистические собрания фактически начинаются там с пения религиозных гимнов²⁹.

100 Из этого никак не следует, что религиозные секты, поддерживаемые элементами из низшего класса, обязательно или обычно становятся центрами политического протеста. На самом деле такие секты фактически часто оттягивают на себя то недовольство и фрустра-

²⁶ *Ibid.*, p. 370.

²⁷ *Ibid.*, p. 363. Можно высказать предположение, что, как и в авторитарных политических движениях, нетолерантный характер большинства сект является для их членов, принадлежащих к низшему классу, привлекательной особенностью, а вовсе не источником напряженности. Хотя нет никаких доступных нам систематических свидетельств в пользу такого предположения, оно помогло бы объяснить отсутствие в рамках этих сект какой-либо толерантности к любой фракционности и к бесконечным ересям, когда новые группировки оказываются столь же нетерпимыми, как и старые, поскольку расколы происходят обычно вокруг вопроса о том, *чи именно* нетолерантные представления и методы должны возобладать.

* На самом деле Южнорусский союз рабочих возник в Одессе в 1875 г. — *Прим. перес.*

²⁸ См.: Isaac Deutscher, *The Prophet Armed, Trotsky, 1879-1921* (London: Oxford University Press, 1954), pp. 30–31. [*И. Дойчер*. Троцкий. Вооруженный пророк. 1879–1921. М.: Центрполиграф, 2006.]

²⁹ См.: Sven Rydenfelt, *Kommunismen i Sverige. En Samhällsvetenskaplig Studie*. (Kund: Gleerupska Universitetsbokhandeln, 1954), pp. 296, 336–337; Wiardi Beckman Institute, *Verkiezingen in Nederland* (Amsterdam, 1951, mimeographed), pp. 15, 93–94; Jaako Novsiainen, *Kommunism Kuopion läänissä* (Helsinki: Joensuu, 1956).

цию, которые иначе потекли бы в каналы политического экстремизма. Главная мысль здесь состоит в том, что ригидный фундаментализм и догматизм привязаны к тем же самым основополагающим характеристикам, установкам и предрасположенностям, которые находят для себя другую отдушину в приверженности экстремистским политическим взглядам и движениям.

В своем превосходном исследовании источников шведского коммунизма Свен Риденфельт (Sven Rydenfelt) проанализировал различия между двумя социально и экономически сопоставимыми северными округами Швеции, Вестерботтеном и Норботтен (Västerbotten, Norrbotten), в попытке объяснить относительно малое голосование за коммунистов в первом из них (2%) и намного большее — во втором (21%). Либеральная партия, которая в Швеции оказывает религиозному экстремизму намного больше поддержки, нежели любая другая из действующих там партий, была сильна в Вестерботтене (30%) и слаба в Норботтене (9%). Так как суммарное голосование за экстремистов было в обоих округах почти идентичным: 30 и 32%, то Риденфельт пришел к заключению, что общая предрасположенность к радикализму существовала в обоих этих округах, где проживали некоторые из самых бедных, лишенных всяких корней и наиболее социально изолированных групп в Швеции, но что выражение этой коллизии в указанных административных единицах отличалось, принимая в одном округе религиозную форму, а в другом — коммунистическую: «Коммунисты и религиозные радикалы — в последнем случае это секты, принадлежащие к кругу пятидесятников, — как представляется, конкурируют за лояльность одних и тех же групп населения»³⁰.

Социальная ситуация низших классов

Целый ряд разнообразных элементов вносят свой вклад в авторитарные предрасположенности у лиц, принадлежащих к низшему классу. Низкий уровень образования, слабое участие в политических или добровольных организациях любого типа, малый объем чтения, профессия, которая способствует изоляции, экономическая незащищенность и авторитарные семейные модели — вот некоторые из

101

³⁰ См. обширную рецензию Филлипса Дэвисона на упомянутую в предыдущей сноске книгу Свена Риденфельта, опубликованную в журнале *Public Opinion Quarterly*, 18 (1954–1955), pp. 375–388. Приведенная цитата находится там на с. 382.

самых важных таких элементов. Они взаимосвязаны, но ни в коем случае не идентичны.

Существуют убедительные и непротиворечивые свидетельства того, что степень формального образования, сама по себе сильно коррелирующая с социальным и экономическим статусом, вдобавок еще и чрезвычайно коррелирует с недемократическими установками. Это отчетливо демонстрируют данные, извлеченные из исследования американского социолога Сэмюэля Стоуффера об установках по отношению к гражданским свободам в Америке, а также из опроса Научно-исследовательского института ЮНЕСКО о мнениях немцев по поводу многопартийной системы (табл. III и IV).

Эти таблицы показывают, что, хотя более высокий профессиональный статус в рамках каждого образовательного уровня, похоже, способствует большей терпимости, увеличение толерантности, связанное с более высоким образовательным уровнем, значительно, нежели то, что связано с более высоким профессиональным уровнем, если другие факторы остаются постоянными³¹. Недостаточное образование и низкое должностное или профессиональное положение, конечно же, тесно связаны между собой, и оба эти фактора образуют часть комплекса, приводящего к низкому статусу, который, в свою очередь, связан с недостатком или даже полным отсутствием толерантности³².

Группы лиц с низким статусом, кроме всего, менее склонны участвовать в формальных организациях, они регулярно читают меньше журналов и книг, обладают меньшим объемом информации о всевозможных публичных делах, реже голосуют и вообще

³¹ В исследовании, основанном на общенациональной выборке американцев, сообщается, что образование не вносит никакой разницы в количество авторитарных ответов при замерах по шкале «авторитарной личности» среди рабочих, но факт наличия более высоких образовательных достижений сокращал число таких ответов среди представителей среднего класса. Наименее «авторитарными» показали себя хорошо образованные представители верхнего среднего класса. См.: Morris Janowitz and Dwaine Marvick, «Authoritarianism and Political Behavior», *Public Opinion Quarterly*, 17 (1953), pp. 195–196.

³² Независимое воздействие образования даже в той ситуации, когда другие социальные факторы наименее благоприятны, обладает особой долгосрочной значимостью ввиду растущего образовательного уровня населения. Корнхаузер и его партнеры обнаружили, что работники автомобильной промышленности с восьми-классным образованием были авторитарнее тех, кто получил лучшее образование. Дальнейшие данные об изменениях авторитарности в выборке лиц, принадлежащих к рабочему классу, см. в: A. Kornhauser, A. L. Sheppard, and A. J. Mayer, *When Labor Votes* (New York: University Books, 1956).

Таблица III

**Зависимость между профессией, образованием
и политической толерантностью в США, 1955 г.***

Процентная доля в двух категориях «наиболее толерантных», %

Образование	Профессия							
	Ручной труд, низкий уровень		Ручной труд, высокий уровень		Белые воротнички, низкий уровень		Белые воротнички, высокий уровень	
Начальное	13	(228)	21	(178)	23	(47)	26	(100)
Неполное среднее	32	(99)	33	(124)	29	(56)	46	(68)
Законченное среднее	40	(64)	48	(127)	47	(102)	56	(108)
Неполное высшее	—	(14)	64	(36)	64	(80)	65	(37)
Высшее	—	(3)	—	(11)	74	(147)	83	(21)

* Рассчитано на основании перфокарт, любезно предоставленных Сэмюэлем Стоуффером из материалов его исследования, Samuel A. Stouffer, *Communism, Conformity and Civil Liberties* (New York: Doubleday & Co., Inc., 1955).

проявляют меньше интереса к политической жизни³³. Доступные нам свидетельства со всей очевидностью говорят о том, что каждый из этих атрибутов связан с установками по отношению к демократии. Анализ германских данных, проведенный ЮНЕСКО в 1953 г., выявил, что на каждом профессиональном уровне лица, принадлежащие к добровольным ассоциациям, с большей вероятностью отдавали предпочтение многопартийной системе, чем однопартийной³⁴. Результаты, полученные в Америке, также указывают, что сторонники авторитаризма «присоединяются или примыкают к намного меньшему количеству групп в своих сообществах» по сравнению с теми, кому авторитаризм чужд³⁵. Кроме того, было обнаружено, что лица, которые плохо информированы по общественной проблематике, с большей вероятностью будут одновременно и *более либеральными* в экономических вопросах, и *менее либеральными* в не-

103

³³ Исследования, показывающие воздействие различных социальных факторов вроде образования, статуса и дохода (они сами являются компонентами общего классового или статусного индекса), которые связаны с участием в политической жизни, резюмируются в главе 6 данной книги.

³⁴ Данные, подсчитанные специально для этого исследования.

³⁵ F. H. Sanford, *Authoritarianism and Leadership* (Philadelphia: Stevenson Brothers, 1950), p. 168. См. также: Mirra Komarovsky, «The Voluntary Associations of Urban Dwellers», *American Sociological Review*, 11 (1946), p. 688.

экономических³⁶. Как лица, не участвующие в голосованиях, так и те, кто меньше интересуется политическими делами, проявляют намного больше крайней нетерпимости и ксенофобских настроений, чем люди, которые голосуют и питают интерес к политической проблематике³⁷.

Таблица IV

Зависимость между профессией, образованием и поддержкой демократической партийной системы в Германии, 1953 г.*

*Доля лиц, отдающих предпочтение существованию нескольких партий, %
Образовательный уровень*

<i>Профессия</i>	<i>Начальная школа</i>	<i>Средняя школа или выше</i>
Сельскохозяйственные рабочие	29 (59)	—
Работники физического труда	43 (1439)	52 (29)
Фермеры	43 (381)	67 (9)
Белые воротнички, низший уровень	50 (273)	68 (107)
Бизнесмены, работающие на себя	53 (365)	65 (75)
Белые воротнички, высший уровень	58 (86)	69 (58)
Чиновники (правительство)	59 (158)	78 (99)
Лица свободных профессий	56 (18)	68 (38)

* Тот же источник, что и для табл. I на с. 122.

103

Согласно исследованию двух американских социальных психологов, Герберта Хаймена и Пола Шитсли, в состав «закоренелого ядра» тех, кого можно назвать «хроническими невеждами», входит непропорционально большая доля малограмотных людей из числа низших социально-экономических групп. Указанные лица не только абсолютно не информированы, но и «до них гораздо труднее достучаться, причем независимо от того, каков уровень или природа сообщаемой им информации». В этом еще одна причина сложного характера зависимости между образованием, либерализмом и социальным статусом. Неэкономический либерализм — это не просто следствие полученного образования и усвоенной информации; он также является — по крайней мере частично — базовой установкой, появлению которой активно препятствует социальная ситуация

³⁶ G. H. Smith, *op. cit.*, p. 71.

³⁷ G. M. Connelly and H. H. Field, «The Non-Voter, Who He Is, and What He Thinks», *Public Opinion Quarterly*, 8 (1944), p. 179; Samuel A. Stouffer, *op. cit.*, *passim* и F. H. Sanford, *op. cit.*, p. 168, а также. M. Janowitz and D. Marvick, *op. cit.*, p. 200.

людей более низкого статуса³⁸. Как указала американский психиатр Женеви́ева Напфер в своей многое раскрывающей статье «Портрет неудачника», «относительная экономическая бедность – это психологическая бедность: привычка к покорности, минимальный доступ к источникам информации, сильная ограниченность вербального общения, – которые... как представляется, порождают у индивида отсутствие уверенности в себе, а это еще более увеличивает нежелание лица с низким статусом участвовать во многих стадиях нашей культуры, которая в преобладающей степени представляет собой культуру среднего класса...»³⁹.

Названные характеристики отражают также, в какой мере низшие слои *изолированы* от действий, разногласий и организаций демократического общества, т.е. отражают изоляцию, препятствующую этим слоям в приобретении сколько-нибудь полного представления о хитроумности и сложности политической структуры общества, которая как раз и делает нормы толерантности чем-то понятным и необходимым.

В этой связи поучительно еще раз проанализировать в качестве экстремальных случаев те профессии, которые сильнее всего изолированы – в каждом смысле этого слова – от контактов с внешним миром, лежащим за пределами их собственной группы. В большинстве стран работники физического труда, занятые в тех «изолированных профессиях», которые требуют от них проживать в городах или зонах, где имеется практически всего одна отрасль промышленности, – шахтеры, работники, так или иначе связанные с морским транспортом, рабочие лесного хозяйства, рыбаки или стригальщики овец, – демонстрируют высокие уровни поддержки коммунистических взглядов⁴⁰.

³⁸ См.: Herbert Hyman and Paul B. Sheatsley, «Some Reasons Why Information Campaigns Fail», *Public Opinion Quarterly*, 11 (1947), p. 413. Свежий обзор материалов по членству в добровольных ассоциациях содержится в работе Charles L. Wright and Herbert Hyman, «Voluntary Association Memberships of American Adults: Evidence from National Sample Surveys», *American Sociological Review*, 23 (1958), pp. 284–294.

³⁹ Genevieve Knupper, «Portrait of the Underdog», *Public Opinion Quarterly*, 11 (1947), p. 114.

⁴⁰ Наибольшее количество сравнительных материалов доступно по шахтерам. Для Великобритании см.: Herbert G. Nicholas, *British General Election of 1950* (London: Macmillan, 1951), pp. 318, 342, 361. Для США см.: Paul F. Brissenden, *The IWW: A Study of American Syndicalism* (New York: Columbia University Press, 1920), p. 74 и Harold F. Gosnell, *Grass Roots Politics* (Washington, D.C.: American Council on Public Affairs, 1942), pp. 31–32. Для Франции см.: François Goguel, «Géographie des élections sociales de 1950–1951», *Revue française de science politique*, 3 (1953), pp. 246–271. Для Германии см.: Ossip K. Flechtheim, *Die Kommunistische Partei Deutschlands* в сб.: *Weimarer Republik* (Offenbach am Main: Bollwerk-Verlag Karl Drott, 1948), p. 211. Доступны, кроме того, данные для

Аналогично, как показывают все опросы общественного мнения, сельскому населению, т.е. и самостоятельным фермерам, и сельскохозяйственным рабочим, тенденция выступать против гражданских свобод и многопартийных систем присуща в большей мере, чем любой другой профессиональной группе. Обзорные исследования по результатам выборов указывают, что владельцы ферм принадлежат к числу самых верных и энергичных сторонников фашистских партий, в то время как во многих странах, в частности в Италии, Франции и Индии, сельскохозяйственные рабочие, бедные фермеры и исполщики либо издольщики поддерживали коммунистов даже сильнее, чем остальные работники физического труда⁴¹.

Те же самые социальные условия ассоциируются и с авторитаризмом среднего класса. В числе профессиональных групп, которые проявили наибольшую склонность к поддержке фашистской и других экстремистских идеологий среднего класса, были помимо фермеров и крестьян мелкие бизнесмены из небольших провинциальных общин — иными словами, все это группы, которые тоже изолированы от «космополитической» культуры, а по уровню образовательных достижений находятся намного ниже любой другой группы, отличной от работников физического труда⁴².

106

Австралии, Скандинавии, Испании и Чили. Изоляция оказалась также связанной с дифференцированной склонностью к забастовкам в различных отраслях индустрии. Жесткие, неистовые забастовки, сопровождающиеся насилием и носящие характер массового недовольства и обиды на общество в целом, происходят чаще всего как раз в изолированных отраслях промышленности, и их истоки, вероятно, коренятся в тех же самых социальных коллизиях, что и те, что порождают экстремизм. См.: Clark Kerr and Abraham Siegel, «The Interindustry Propensity to Strike: An International Comparison», в сб.: *Industrial Conflict, eds., A. Kornhauser, R. Dubin, and A. M. Ross* (New York: McGraw-Hill Book Co., 1954), pp. 189–212.

⁴¹ Согласно Карлу Фридриху (Carl Friedrich), группы, занятые в сельском хозяйстве, являются более националистическими в эмоциональном смысле и потенциально авторитарными политически из-за того, что они в большей степени, нежели городские обитатели, изолированы от встреч с людьми, которые отличаются от них самих. См.: «The Agricultural Basis of Emotional Nationalism», *Public Opinion Quarterly*, 1 (1937), pp. 50–51. См. также: Rudolf Heberle, *From Democracy to Nazism: A Regional Case Study on Political Parties in Germany* (Baton Rouge, Louisiana: Louisiana State University Press, 1945), pp. 32 и далее, где обсуждается привлекательность нацизма для сельского населения Германии, и работу К. Kido and M. Sugi, *op. cit.*, где содержатся результаты похожего опроса, проведенного в Японии.

⁴² Статистические данные указывают, что все такие движения, как германский и австрийский нацизм, французский пужадизм и американский маккартизм, за пределами сельских территорий получали самую мощную поддержку от мелких бизнесменов из малых провинциальных общин, особенно от тех лиц из их числа, которые получили ограниченное образование. См. далее главу 5 настоящей книги.

Вторым и не менее важным фактором, предрасполагающим низшие классы к авторитаризму, является относительная нехватка у их представителей чувства экономической и психологической безопасности. Чем ниже кто-либо опускается по социально-экономической лестнице, тем большую экономическую неуверенность он там обнаруживает. Для работников умственного труда и служащих (белых воротничков), в том числе даже для тех из них, кому платят не больше, чем квалифицированным рабочим, занятым ручным трудом, вероятность того, что они будут страдать от напряженностей, создаваемых страхом потерять доход, заметно ниже. Исследования еще одной нестабильности, брачно-матримониальной, указывают, что она тоже связана с более низкими доходами и с ненадежностью того дохода, который у кого-либо существует в данный момент. Такая ненадежность, конечно же, обязательно повлияет на политические взгляды конкретного человека и на его установки⁴³. Состояние высокой внутренней напряженности требует немедленной разрядки, и она часто находит свое выражение во вспышках враждебности против некоего козла отпущения, а также в поисках краткосрочного решения, которое многим видится в поддержке экстремистских группировок. Одно из исследований указывает, что безработные менее толерантны к меньшинствам, чем те, у кого есть работа, и что нетрудоустроенные «лишние» люди с большей вероятностью становятся комму-

⁴³ В дополнение к тому чувству ненадежности и нестабильности, которое считается нормальным для представителей низшего класса и обычно сопутствует их существованию, возникают также какие-то особые условия и состояния, которые буквально с корнем вырывают этих или иных схожих людей из стабильной жизни их сообществ и разрушают социальные опоры их традиционных ценностей, делая подобных личностей их восприимчивыми к экстремистским или хилиастическим идеологиям, которые помогают им переосмыслить их мир. В главе 2 я уже обсуждал часть свидетельств, связывающих *утрату непрерывности* и неустроенность из-за потери укорененности, которые вытекают из быстрой индустриализации и урбанизации, с политическими взглядами рабочих в различных странах. Риденфельт в своем исследовании шведского коммунизма высказывает предположение, что «беспочвенность» и утрата корней — это особенность тех людей и профессий, для которых характерен высокий уровень голосования за коммунистов. См.: W. Phillips Davison, *op. cit.*, p. 378. Энгельс в 1890-х годах также обращал пристальное внимание на тот факт, что хилиастические (милленаристские) религии и различные социальные движения, включая революционно-социалистические, привлекали всех, кто отклонялся от нормы или не имел своего места в обществе: «Все те элементы, которых высободил, т.е. выбросил за борт процесс разложения старого мира, одни за другими попадали в сферу притяжения [раннего] христианства... [сегодня] в рабочую партию во всех странах проникают всевозможные элементы, которым нечего ожидать от официального мира или чья песенка в нем уже спета», F. Engels, *op. cit.*, pp. 319–320. См. также: G. Almond, *op. cit.*, p. 236 и Hadley Cantril, *The Psychology of Social Movements* (New York: John Wiley & Sons, 1941), Chaps. 8 and 9.

нистами, если принадлежат к рабочим, или же фашистами, если принадлежат к среднему классу. Те отрасли промышленности, где велика доля коммунистов, характеризуются, помимо всего, высокой экономической нестабильностью.

Ненадежность существования низших классов, отсутствие у них ощущения безопасности и те напряженности, которые проистекают из общей экономической нестабильности, подкрепляются у представителей этих классов специфическими моделями семейной жизни. В повседневной жизни тех, кто принадлежит к низшим классам, будь то дети или взрослые, присутствует много фрустрации и прямой агрессии. В исчерпывающем обзоре выполненных за последние двадцать пять лет многочисленных исследований, которые посвящены моделям воспитания детей в США, сообщается, что их «наиболее впечатляющим и бесспорным результатом» является «более частое использование телесных наказаний теми из родителей, кто принадлежит к рабочему классу. Напротив, средний класс [в сложных ситуациях] прибегает к аргументированным объяснениям, к изолированию детей и... к таким методам поддержания дисциплины, которые «ориентированы на любовь». <...> Родители, принадлежащие к среднему классу, с большей вероятностью не обратят внимания на проступки своего ребенка или как бы «не заметят» их, а когда они действительно решают прибегнуть к наказанию, то, скорее всего, не станут высмеивать свое чадо или причинять ему физическую боль»⁴⁴. Дальнейшая связь между такими жесткими ме-

⁴⁴ См.: Urie Bronfenbrenner, «Socialization and Social Class Through Time and Space», в сб.: под ред. E. E. Maccoby, T. M. Newcomb, and E. L. Hartley, *Readings in Social Psychology* (New York: Henry Holt, 1958), p. 419. Социолог Эллисон Дэвис в сходном духе резюмировала результаты исследований, касающихся внутрисемейных отношений среди различных классов: «Низшим классам далеко не чужды такие методы, как обучение своих маленьких детей и подростков тому, чтобы набрасываться на кого-либо с кулаками или даже с ножом и всегда стараться быть первыми. В таких семьях и девочки, и мальчики подросткового возраста могут прямо в лицо обругать собственного отца последними словами или же в ходе всеобщих семейных свар либо драк напасть на него, воспользовавшись кулаками, палками или даже топором. Мужья и жены иногда затевают у себя в доме форменные генеральные сражения; жены добиваются от полицейских, чтобы те арестовали их супругов, а мужья, столкнувшись с тем, что их собственный дом оказался вдруг запертым, пробуют вломиться туда силой или же сжечь его дотла. Такие баталии на кулаках или же с помощью подручных средств либо даже оружия, равно как и избиения жен встречаются довольно часто, и во многих семьях из низшего класса рано или поздно происходит нечто подобное. Возможно, ни сегодня, ни завтра в конкретной семье ничего такого не случится, но, если наблюдатель остается там достаточно долго и хочет увидеть подобные эксцессы, что-нибудь в этом духе *обязательно* приключится». Allison Davis, «Socialization and Adolescent Personality», в сб.: под ред. Guy E. Swanson *et al.*, *Readings in Social Psychology* (New York: Henry Holt, 1954), p. 528 (курсив в оригинале. — М. Л.).

тодами воспитания детей и последующей взрослой враждебностью, сочетающейся с авторитаризмом, подтверждается результатами двух исследований в Бостоне и Детройте, в ходе которых обнаружено, что телесные наказания за агрессию, характерные для родителей из числа рабочих, имеют тенденцию скорее увеличивать, а не уменьшать агрессивное поведение детей⁴⁵.

Перспективы низшего класса

Принятие норм демократии требует высокого уровня интеллектуального развития, а также надежной защищенности эго. Чем менее искушен и стабилен индивид, тем с большей вероятностью он должен отдавать предпочтение упрощенному представлению о политике и политической жизни, проявлять неспособность к пониманию логических обоснований, которые лежат в основе мягкой терпимости по отношению к тем, с кем он не соглашается, и испытывать трудности с быстрым постижением градуалистской картины политических изменений или с терпимостью к ней.

Авторы нескольких исследований, сосредоточивавшиеся на различных аспектах жизни и культуры рабочего класса, подчеркивали многочисленные компоненты бесхитростной точки зрения, свойственной его представителям. Повышенная внушаемость, отсутствие ощущения прошлого и будущего (крайняя недостаточность длительной временной перспективы), неспособность к усвоению сложных точек зрения, значительные трудности в абстрагировании от реального опыта и отсутствие воображения (неспособность к внутренней «переработке» опыта) — каждое из этих качеств выделялось многочисленными исследователями совершенно разных проблем в качестве характерной особенности лиц с низким статусом. При этом все перечисленные качества образуют собой часть сложного психологического фундамента авторитаризма.

Психолог Хадли Кантрил считал главным психологическим объяснением участия в экстремистских движениях такое качество, как внушаемость⁴⁶. Оба известных условия для внушаемости, а именно отсутствие адекватной точки отсчета или общей системы ориенти-

⁴⁵ Некоторое представление о комплексе психологических факторов, лежащих в основе авторитаризма низшего класса, дается в исследовании, где сообщается о зависимости между откровенной враждебностью к окружающим и авторитаризмом. См.: Saul M. Siegel, «The Relationship of Hostility to Authoritarianism», *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 52 (1956), pp. 368–372.

⁴⁶ См.: Hadley Cantril, *op. cit.*, p. 65.

ров и ее фиксированность, ригидность, типичны для лиц с низким статусом. Плохо развитая система ориентиров отражает ограниченное образование и недостаточное число богатых ассоциаций общего уровня, которые образуют основу для оценивания текущего опыта. Фиксированная или ригидная система взглядов (в некотором смысле обратная сторона той же самой медали) отражает тенденцию возводить любые каким-то образом изученные и усвоенные общие принципы в некие абсолюты, которые даже конкретный собственный опыт далеко не всегда в состоянии уточнить и подкорректировать.

Вдохновляющая и побуждающая к действиям книга британского журналиста Ричарда Хоггарта «Способы использования грамотности» (Richard Hoggart, *The Uses of Literacy*) приходит к тем же самым выводам другим путем. Люди с низким статусом, не обладающие богатыми и гибкими взглядами, скорее всего лишены также развитого ощущения прошлого и будущего. «Образование таких людей вряд ли снабдило их какой-либо исторической панорамой или какой-нибудь идеей о никогда не прерывающейся традиции. <...> Очень многие люди не обладают сколько-нибудь внятным представлением об исторической либо идеологической модели или процессе, хотя они и могут владеть значительным объемом информации — но никак и ни с чем не связанной. <...> При наличии не более чем простейшего интеллектуального или культурного багажа, при минимальной подготовленности к анализу и проверке противоположных взглядов с привлечением интеллекта, здравого смысла и существующих суждений любые окончательные заключения обычно делаются согласно подсказкам тех циркулирующих в данной группе кратких изречений, поговорок или присловий, которые первыми приходят в голову. <...> Точно так же у подобных людей зачастую мало реального ощущения будущего. <...> Думается, такой разум особенно доступен искушению жить в постоянном и неизменном настоящем»⁴⁷.

Эта озабоченность настоящим приводит к концентрации на повседневных действиях — без сколько-нибудь развитой внутренней рефлексии, без того, чтобы в своем воображении планировать будущее или же погружаться в абстрактные размышления, никак не связанные со своими каждодневными действиями. Одно из немногих исследований о детях из низшего класса, где использовались проективные методы, установило, что «эти подростки и молодые люди вносят в свое поведение лишь корректуры, ориентированные на внешний мир, а не такие, которые бы основывались на углубленном знакомстве с их собственными импульсами и на обработке этих им-

⁴⁷ Richard Hoggart, *op. cit.*, pp. 158–159.

пульсов с помощью фантазии и интроспекции. <...> У них отсутствует богатая внутренняя жизнь, фактически их образная активность в сфере воображения скудна, бедна содержанием и ограничена. <...> Когда эти юноши и девушки сталкиваются с новой ситуацией, у них есть тенденция реагировать быстро, и они не изменяют свои первоначальные впечатления от наблюдаемой ситуации, которая видится им как нечто грубое и цельное — с минимумом интеллектуального дискриминирования ее компонентов»⁴⁸.

Жизнь рабочего класса, рассматриваемая как единое целое, делает упор на предметное и сиюминутное. Как выразился на сей счет Ричард Хоггарт, «если мы хотим уловить нечто сущностное из жизни рабочего класса... то должны сказать, что это — жизнь “плотная и конкретная”, в общем, такая жизнь, где главный акцент делается на вещи очень близкие, почти интимные, на нечто чувственно осязаемое, детализированное и личное. Причем не вызывает сомнения, что все это верно для любых групп рабочего класса в любом месте нашей планеты»⁴⁹. Хоггарт рассматривает конкретность восприятий у представителей рабочего класса как основное различие между ними и людьми из среднего класса, которые легче справляются с абстрактными и обобщенными вопросами. Как он отмечает, резкое различие между «нами» и «ними», проводимое представителями

110

⁴⁸ B. M. Spinley, *The Deprived and the Privileged* (London: Routledge and Kegan Paul, 1953), pp. 115–116. Эти выводы основывались на тестах Роршаха, которым были подвергнуты 60 детей старшего возраста из района трущоб. Последнее соображение связано с заключением другого британского ученого, установившего, что представители рабочего класса будут с меньшей вероятностью, чем выходцы из среднего класса, воспринимать *структуру* объекта (это требует мышления на более абстрактном уровне постижения разных взаимозависимостей), но обладают ориентированной на действие реакцией на *содержание* объекта. Более подробное обсуждение этого вопроса см. в: B. Bernstein, «Some Sociological Determinants of Perception», *The British Journal of Sociology*, 9 (1958), pp. 160 и сл.

⁴⁹ Richard Hoggart, *op. cit.*, p. 88. Такой тип жизни, равно как и другие социальные особенности и характеристики людей, имеет разные последствия для различных сфер общества и социального существования. Он может обсуждаться, хотя лично я сомневаюсь в том, что эта способность устанавливать личные взаимоотношения, а также жить в настоящем может быть более «здоровой» (в строго медицинском смысле, т.е. применительно к психическому здоровью), чем обеспокоенность среднего класса различиями в статусе и собственным, сугубо личным воздействием каждого человека на свою жизненную ситуацию, а также его озабоченность неопределенным и сомнительным будущим. Но на политическом уровне подобных последствий проблема, которая нас здесь интересует и тревожит, состоит в том, что как раз этот ориентированный на действие и неинтеллектуальный аспект жизни рабочего класса, похоже, мешает реалиям долгосрочных социальных и экономических тенденций попадать в сознание его представителей — просто по той причине, что такие реалии способны проникать туда только через посредство абстракций и обобщений.

британского рабочего класса, является «частью более общей характеристики мировоззрения у большинства людей из рабочего класса. Чтобы достигнуть согласия с «их» миром, в итоге требуется рассматривать всевозможные типы политических и социальных вопросов, а это в конечном счете ведет за пределы политических взглядов и социальной философии к метафизике. Вопрос о том, какое положение мы предпочитаем занять перед лицом «их» (кем бы эти «они» ни были), сводится в конце концов к вопросу о том, какую позицию мы занимаем по отношению к чему угодно, что не является наглядно видимой и глубоко интимной частью нашей локальной вселенной. Расщепление мира на «нас» и на «них», проводимое рабочим классом, при таком подходе является симптомом трудностей, с которыми сталкиваются его представители, когда имеют дело с абстрактными или по-настоящему обобщенными объектами»⁵⁰. Хоггарт не забывает подчеркнуть, что, вероятно, большинство людей, принадлежащих к *любому* социальному классу, не проявляют интереса к общим идеям, тем не менее «обучение работе с идеями или их анализу» намного более характерно для требований, предъявляемых к своим детям родителями из среднего класса, и такими лицами, которые заняты в соответствующих профессиях⁵¹.

111

А в недавно проведенном британским социологом Бэзилем Бернстайном анализе того, как различия в способах восприятия и обдумывания, которые существуют у разных классов, приводят к вариациям в социальной мобильности, подчеркивается также, каким способом различные семейные модели воздействуют на авторитаризм. Родитель, принадлежащий к среднему классу, делает акцент на «осознании важности прямой связи между средствами и долгосрочными целями, трактруемыми когнитивно и аффективно... [и у него есть] способность принять на вооружение подходящие меры, чтобы реализовать достижение отдаленных целей с помощью предметно направленного предвидения результатов целой цепочки действий. <...> Ребенок, принадлежащий к среднему классу и к связанным с ним уровням общества, растет и воспитывается в окружении, которое тонко и интенсивно удерживается под контролем; при этом и внутри, и вне семейной группы явным образом регулируются и место, и время, и социальные взаимоотношения»⁵². В семье, принадлежащей к рабочему классу, ситуация совершенно иная: «Структура семьи, принадлежащей к рабочему классу, организована применительно к воспитанию и развитию

⁵⁰ *Ibid.*, p. 86.

⁵¹ *Loc. cit.*

⁵² B. Bernstein, *op. cit.*, pp. 161, 165.

ребенка менее формально, чем в случае среднего класса. Хотя власть внутри такой семьи носит явно выраженный характер, ценности, которые она выражает, не дают ей дорасти до той вселенной ребенка из среднего класса, которая тщательно упорядочена в пространственном и временном смысле. Опыт реального осуществления этой власти не будет соотноситься со стабильной системой вознаграждений и наказаний — напротив, зачастую эта система может казаться произвольной. В рабочих семьях наблюдается тенденция заменять вполне четкий и явственный характер долгосрочных целей такими более общими понятиями и представлениями о будущем, где удачный случай, подвернувшийся шанс, хороший друг или родственник играют большую роль, нежели систематическая и кропотливая выработка многообразных связей. Тем самым сиюминутные или близкие к сиюминутным действия обладают большей ценностью, чем соотнесение текущей деятельности с достижением какой-либо отдаленной цели. Система ожиданий и предвкушений или временной интервал предвидения сокращаются, и это создает совсем другие наборы предпочтений, целей и неудовлетворенностей. Окружающая среда ограничивает во времени восприятие развивающегося ребенка. Сегодняшние вознаграждения или сегодняшние депривации становятся абсолютными вознаграждениями или абсолютными депривациями, потому что не существует никакого развернутого временного континуума, применительно к которому может быть ранжирована сегодняшняя деятельность. По сравнению со средними классами представители рабочего класса сочтут отсрочку текущего удовольствия ради будущего вознаграждения трудным делом. Как следствие этого, в среде рабочего класса будет иметь место более волатильное моделирование аффективно и экспрессивного поведения»⁵³.

Подобный акцент на те вещи, которые поддаются немедленному восприятию, а также заинтересованность только в личном и конкретном — это неотъемлемая часть краткосрочной временной перспективы и неспособности воспринимать сложные возможности и последствия разнообразных действий, что часто приводит в итоге к общей готовности поддерживать экстремистские политические и религиозные движения, а также, как правило, ведет к более низкому уровню либерализма в неэкономических вопросах⁵⁴.

⁵³ *Ibid.*, p. 168 (курсив мой. — М. Л.).

⁵⁴ У этой гипотезы имеются ощутимые и наводящие на размышления последствия для теории профсоюзной демократии и для возможных напряженностей в рамках организационной жизни профсоюзов. Членов профсоюза, объединяющего представителей рабочего класса, возможно, вообще далеко не так сильно беспокоят диктаторские замашки лидеров их союза, как они волнуют критиканов из среднего класса,

Даже внутри экстремистских движений эти различия в способах восприятия и точках зрения тех, кто принадлежит к рабочему классу, по сравнению с лицами из среднего класса воздействуют на то, что с ними происходит, на готовность присоединиться к «благому делу» и на причины для дезертирства. Исследование американского политолога Габриэля Алмонда, опросившего 221 бывшего коммуниста в четырех странах, дает любопытные данные по этому вопросу. Он проводит различие между «экзотерическими» (общедоступными, понятными непосвященным и предназначенными для массового потребления) и «эзотерическими» (тайными, сложными, понятными лишь для приобщенных и предназначенными для правящих кругов) доктринами этой партии. В противоположность ее членам из среднего класса «лишь относительно немногие респонденты из рабочего класса были перед вступлением в партию подробно ознакомлены с ее тайной эзотерической доктриной, и... им была свойственна тенденция оставаться неиндоктринированными в течение всего времени своего пребывания в партии»⁵⁵. У новобранцев из среднего класса «наблюдалась тенденция приходить в партию с более сложной картиной ценностей и с такими ожиданиями, которые с большей вероятностью затрудняли их ассимиляцию в состав партии. <...> С другой стороны, члена партии из рабочего класса в относительно меньшей степени волновал доктринальный аппарат, он был менее подвержен сообщениям разных средств коммуникации, а его воображение и возможности логического мышления оставались относительно неразвитыми»⁵⁶.

Один из аспектов присущего низшим классам недостатка интеллектуального развития и образования — это их антиинтеллектуализм (явление, которое Энгельс очень давно отметил как проблему, перед которой стоят любые движения рабочего класса). В то время как сложная эзотерическая идеология коммунизма была, возможно,

которые предполагают, что рядовые профсоюзники должны активно формировать фракции, и неслучайно оценивают политику профсоюза, если та не ограничивает монолитную структуру, навязанную высшим руководством. С другой стороны, более образованные и ясно выражающиеся административные сотрудники профессионального союза (например, те, кто работает в профсоюзной газете) могут хотеть проведения более осмысленных и сложных дискуссий по проблемам, стоящим перед их союзом, но чувствуют себя ограниченными необходимостью провозглашать простые и легко понимаемые пропагандистские лозунги, предназначенные для потребления рядовыми массами. Тот тип профсоюзной газеты, который иногда называют «фирменной многотиражкой», совсем не обязательно должен порождаться исключительно внутренними политическими потребностями.

⁵⁵ G. Almond, *op. cit.*, p. 244.

⁵⁶ G. Almond, *op. cit.*, p. 177.

одной из основных особенностей, привлекающих к нему выходцев из среднего класса, тот фундаментальный антиинтеллектуализм, который он разделяет с другими экстремистскими движениями, служил источником напряженности для «подлинной» интеллигенции внутри него. Таким образом, имелись рядовые коммунисты из рабочего класса, которых меньше всего волновали идеологические завихрения коммунизма и которые были с наименьшей вероятностью склонны пойти на попятную и дезертировать⁵⁷. Их преданность коммунистической партии, однажды сформировавшись, остается неизменной; обычно ее не в силах поколебать внезапное понимание того, что эта партия, в конце концов, не соответствует либеральным и гуманистическим ценностям.

Это помогает объяснить, почему во главе социалистических партий находилась большая доля интеллектуалов, причем несмотря на то, что первоначальный идеологический акцент делался в этих партиях на поддержание ориентации на рабочий класс, в то время как коммунисты изгоняли своих лидеров интеллектуального склада, и сейчас в руководстве этой партии преобладают те, кто когда-то был занят в рабочих профессиях⁵⁸. Алмонд в своем исследовании приходит к следующему заключению: «...хотя коммунистическая партия открыта для всех, кто в нее приходит, у тех членов этой партии, которые принадлежат к рабочему классу, лучшие перспективы на успех в партийной карьере, чем у новобранцев из среднего класса. Это, вероятно, происходит как благодаря партийной политике, которая всегда провозглашала бóльшую уверенность в надежности новичков из рабочего класса, так и из-за трудностей ассимиляции в эту партию, которые, как правило, испытывают ее члены, принадлежащие к среднему классу»⁵⁹.

⁵⁷ *Ibid.*, pp. 313 и следующие, 392.

⁵⁸ Для данных по Франции с 1936 до 1956 г. см.: Mattei Dogan. «Les Candidate et les élus», в сб.: L'Association française de science politique, *Les Elections du 2 janvier* (Paris: Librairie Armand Colin, 1956), p. 462 и Dogan, «L'origine sociale du personnel parlementaire français», в сб.: *Parties politiques et classes sociales en France*, под ред. Maurice Duverger (Paris: Librairie Armand Colin, 1955), pp. 291–329. Для сравнения парламентского руководства германских социал-демократов и коммунистов перед приходом Гитлера к власти см.: Viktor Engelhardt, «Die Zusammensetzung des Reichstages nach Alter, Beruf, und Religionsbekenntnis», *Die Arbeit*, 8 (1931), p. 34.

⁵⁹ G. Almond, *op. cit.*, p. 190. Указанное наблюдение подтверждается анализом биографий 123 лидеров коммунистической партии из состава ее центральных комитетов в трех странах, равно как и при рассмотрении интервью с 221 бывшим коммунистом (среди них и лидеры, и рядовые члены) в четырех странах: Франции, Италии, Великобритании и США.

Как становятся авторитарными

Подводя итог сказанному выше, выходец из низшего класса начиная с раннего детства, скорее всего, подвергался наказаниям, ему не хватало любви, и он рос в общей атмосфере напряженности и агрессии, а такого рода вещам присуща тенденция порождать глубоко укорененную враждебность ко всему на свете, которая потом выражается в этнических предубеждениях, политическом авторитаризме и в хилястической, сильно переоцениваемой религии. Образовательные достижения такого человека ниже, чем у людей с более высоким социально-экономическим статусом, а связи, существовавшие у него в детстве с другими уроженцами примерно такой же среды, не только не могли стимулировать его интеллектуальные интересы, но и вдобавок ко всему создавали такую атмосферу, которая не давала возможности имевшемуся у него образовательному опыту увеличить его общую социальную рафинированность и его понимание различных идей и группировок. Относительно рано покинув школу, он и на работе оказался окруженным другими людьми примерно с таким же ограниченным культурным, образовательным и семейным багажом, как у него самого. И на ту ограниченную среду, которая его окружала, посягало очень мало внешних влияний. С раннего детства он скорее искал для себя немедленное вознаграждение, а не старался участвовать в действиях, которые могли бы когда-то принести ему долгосрочные преимущества. Логика, присущая как его служебным обязанностям по работе во взрослые годы, так и его семейной ситуации, лишь укрепляла эту ограниченную временную перспективу. Как выразился на сей счет социолог С. К. Норт, изоляция от гетерогенных окружений, характерная для лиц и групп с низким статусом, срабатывает таким образом, чтобы «ограничивать источники информации, задерживать развитие способности к эффективным суждениям и умозаключениям, а также ограничивать сферу внимания самыми тривиальными жизненными интересами»⁶⁰.

115

Все эти характерные особенности порождают у человека тенденцию рассматривать политические и личные отношения в черно-белых красках, а также желание в любой ситуации немедленно действовать, нетерпеливое отношение к любым «пустопорожним» разговорам и дискуссиям, отсутствие интереса к организациям, которые ориентированы на долговременную перспективу, и готовность следовать за лидерами, предлагающими демонологическую

⁶⁰ C. C. North, *Social Differentiation* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1926), p. 247.

интерпретацию всего происходящего в виде разнообразных сил зла (как религиозных, так и политических), которые вступают в тайный сговор лично против него⁶¹.

Интересно, что Ленин видел характер низших классов и задачи тех, кто должен вести их за собой, отчасти следующим образом. Он определял в качестве главной задачи коммунистических партий руководство широкими массами, которые являются «спящими, апатичными, косными, инертными и пассивными». Эти массы, говорил Ленин, должны быть построены «для последнего и решительного боя» (термин, напоминающий об Армагеддоне*), и сделать это может только партия, которая способна представить бескомпромиссную и единую картину мира и безотлагательную программу социальных изменений. В отличие от «эффективного» коммунистического руководства, Ленин указал на демократические партии и их вождей как на «колеблющиеся, шаткие, неустойчивые» элементы — характеристика, видимо, правомерная для любой политической группировки, у которой нет ни окончательной уверенности в своей программе, ни желания просто так взять и предоставить легитимность оппозиционным группировкам⁶².

Однако политический результат этих предрасположенностей не определяется одним лишь разнообразием множества вовлеченных сюда факторов. Изоляция, полное наказание детство, ощущение надвигающихся экономических и профессиональных опасностей и недостаточная утонченность мышления — все эти факторы способ-

116

⁶¹ На большинство этих свойств и особенностей детские психологи указывали как на типичные для подростковых установок и точек зрения. Вернер Коэн в статье о свидетелях Иеговы рассматривает молодежные движения в качестве прообраза всех таких «пролетарских» движений. Оба явления — «и подростковая фиксация, и аномия — это детерминирующие каузальные обстоятельства» их развития (с. 297), и все такие организации обладают «аурой социальной разобщенности» (с. 282). См.: Werner Cohn, «Jehovah's Witnesses as a Proletarian Movement», *The American Scholar*, 24 (1956), pp. 281–299.

* Автор, скорее всего, заблуждается: Ленин явно цитирует здесь партийный гимн «Интернационал», и именно поэтому в своей цитируемой здесь работе он выделил эти слова курсивом. — *Прим. перев.*

⁶² Все цитаты из В. И. Ленина взяты из его работы «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» (Полн. собр. соч. Т. 41). Точка зрения Ленина, изложенная — применительно к другому контексту — в его брошюре «Что делать?» и гласящая, что рабоче, предоставленные самим себе, никогда бы не выработали социалистического или классового сознания и остались бы на уровне экономического (тред-юнионистского) «повседневного» сознания, если бы организованная группа революционно-социалистической интеллигенции не принесла им более широкий взгляд на ситуацию, похожа на представленные здесь обобщения по поводу ограниченной временной перспективы, которая имманентно присуща низшим strатам.

ствуют уходу в себя или даже апатии, а также сильной мобилизации всяческой враждебности ко всем и ко всему. Те же самые факторы, которые лежат в основе возможной предрасположенности людей к поддержке экстремистских движений, при определенных условиях могут привести их к полному отходу от политической деятельности и к озабоченности совсем другими обстоятельствами. В «нормальные» периоды среди таких людей чаще всего наблюдается апатия, но кризис может активизировать их, особенно если он сопровождается сильными милленарными призывами и порывами⁶³.

Экстремизм как альтернатива: тестирование гипотезы

Утверждение, что отсутствие богатой и сложной системы взглядов является той жизненно важной переменной, которая связывает между собой низкий статус и предрасположенность к экстремизму, вовсе не обязательно означает, что низшие страты непременно будут авторитарными; оно лишь подразумевает, что при прочих равных условиях эти страты выберут наименее сложную альтернативу. Таким образом, в ситуациях, где экстремизм представляет собой более сложную форму политических взглядов, низкий статус должен ассоциироваться с *противодействием* экстремистским движениям и партиям.

Фактически именно так обстоит дело везде, где коммунистическая партия представляет собой маленькую партию, конкурирующую с крупной реформистской партией, как это происходит в Англии, США, Швеции, Норвегии и ряде других стран. Там, где упомянутая партия мала и слаба, она не в состоянии обещать немедленные изме-

⁶³ Различные американские исследования указывают, что у тех выходцев из низшего класса, которые не участвуют в голосованиях и проявляют минимум политической заинтересованности, наблюдается тенденция отвергать демократические нормы толерантности. См.: Samuel A. Stouffer, *op. cit.* и G. M. Connelly and H. H. Field, *op. cit.*, p. 182. Исследования, посвященные поведению безработных в странах, где экстремистские движения были слабы (таких как США и Великобритания), указывают, что для таких людей характерной политической реакцией являлась апатия. См.: E. W. Bakke, *Citizens Without Work* (New Haven: Yale University Press, 1940), pp. 46–70. В то же время немецкие данные говорят о высокой корреляции между безработицей и поддержкой коммунистов в среде рабочего класса, с одной стороны, и между безработицей и поддержкой нацистов у среднего класса — с другой. Сегодня во Франции, Италии и Финляндии у тех, кто не имеет работы, наблюдается тенденция поддерживать крупные коммунистические партии своих стран. См.: главу 7 настоящей книги и статью Erik Allardt, *Social Struktur och Politisk Aktivitet* (Helsingfors: Soderstrom Forlagsaktiebolag, 1956), pp. 84–85.

нения в положении самых обездоленных. Скорее такие маленькие экстремистские партии обычно предъявляют обществу довольно сложный интеллектуальный аргумент, что в длительной перспективе они, мол, обязательно добьются усиления благодаря тенденциям, неотъемлемо присущим нынешней социальной и экономической системе⁶⁴. При этом оказывается, что для беднейшей части рабочих поддержка, скажем, шведских социал-демократов, британской Лейбористской партии или американского Нового курса — это более простой и легче понимаемый способ, который в ближайшей перспективе позволяет загладить свои обиды или улучшить собственные социальные условия надежнее, нежели поддержка электорально несущественной коммунистической партии.

Доступные свидетельства из Дании, Норвегии, Швеции, Канады, Бразилии и Великобритании поддерживают данную точку зрения. Во всех этих странах, где коммунистическая партия невелика, а лейбористская или социалистическая партия намного крупнее, поддержка коммунистов оказывается ощутимо сильнее среди лучше оплачиваемых и более квалифицированных рабочих, чем среди менее квалифицированных и более бедных слоев⁶⁵. В Италии, Франции и Финляндии, где коммунисты являются самой крупной партией на левом фланге политического спектра, положение таково, что чем ниже уровень дохода у рабочих, тем выше процент голосов, отдаваемых ими за

118

⁶⁴ Недавние исследования вопроса о ранних источниках поддержки нацистской партии бросают вызов гипотезе о том, что до 1930 г., когда эта партия все еще оставалась сложной альтернативой дальнего прицела, поддержку ей оказывали люди, которые испытывали политическую апатию. Была выявлена отрицательная ранговая корреляция между увеличением процентной доли голосующих за нацистов и увеличением общей доли принимающих участие в выборах в германских избирательных округах на отрезке между 1928 и 1930 гг. И только после того, как нацисты сделали относительно крупной партией, они стали интересовать тех, кто ранее был апатичен, а теперь мог видеть их текущий потенциал, который выглядел готовым сработать почти немедленно. Более подробный отчет об этом исследовании см. далее в главе 5.

⁶⁵ Для Дании соответствующие данные см.: E. Nøgh, *Vaelgeradfaerdi Danmark* (Ph. D. thesis, Sociology Institute, University of Copenhagen, 1959), Tables 6 and 9. Для Норвегии см.: Allen Barton, *Sociological and Psychological Implications of Economic Planning in Norway* (Ph. D. thesis, Department of Sociology, Columbia University, 1957) и результаты нескольких опросов по поводу электорального поведения в Норвегии, проведенных норвежскими опросными организациями, включая опрос ФАКТА 1949 г. и опросы NGI за февраль 1954 г. и апрель 1956 г., окончательные итоги которых пока еще не опубликованы. Данные из картотек и архивов канадских опросов общественного мнения за 1945, 1949 и 1953 гг., проводившихся местным институтом Гэллага, указывают, что Лейбористско-прогрессивная (коммунистическая) партия получила заметно больше поддержки от квалифицированной части рабочего класса, чем от низкоквалифицированной. Для Бразилии см.: A. Simao, «O voto operario em São Paulo», *Revista Brasileira estudos politicos*, 1 (1956), pp. 130–141.

119

коммунистов⁶⁶. Проведенное в двух соседних скандинавских странах, Финляндии и Швеции, сравнение различий в относительном расположении на шкале доходов тех рабочих, которые голосуют за социал-демократов, и тех, кто на выборах поддержал коммунистов, ясно показывает эти альтернативные модели поведения (см. табл. V). В Финляндии, где коммунисты в настоящее время очень сильны, их поддержка в непропорционально большой степени исходит от более бедных рабочих, в то время как в Швеции, в которой коммунисты представляют собой мелкую партию, они пользуются значительно большим успехом у лучше оплачиваемых и более квалифицированных рабочих, чем у имеющих низкую квалификацию и плохо оплачиваемых⁶⁷.

Таблица V

Структура доходов применительно к поддержке рабочим классом
Социал-демократической и Коммунистической партий в Финляндии и Швеции*, %
Финляндия, 1956 г.

Диапазон доходов, в марках	Социал-демократы	Коммунисты
< 100	8	13
100—400	49	50
400—600	22	29
> 600	21	8
(N)	(173)	(119)

⁶⁶ Таблицу, в которой дается точная статистика для Италии и Франции, см. ниже в главе 7. См. также: Hadley Cantril, *The Politics of Despair* (New York: Basic Books, 1958), pp. 3—10. В догитлеровской Германии, где коммунисты были крупной партией, они тоже получали намного большую электоральную поддержку скорее от менее квалифицированной части рабочих, чем от более квалифицированной. См.: Samuel Pratt, *The Social Basis of Nazism and Communism in Urban Germany* (M. A. thesis, Department of Sociology, Michigan State College, 1948), pp. 156 и далее. В пока еще не опубликованном исследовании д-ра Пертти Песонена (Pertti Pesonen) из Института политических наук Хельсинкского университета о голосовании в финском индустриальном городе Тампере сообщается, что коммунистические избиратели добились гораздо лучших показателей, чем избиратели социал-демократов. С другой стороны, коммунисты с намного большей вероятностью становились жертвами безработицы в течение прошлого года (21%) или в течение всей своей трудовой биографии (46%), чем социал-демократы (соответственно 10 и 23%). В указанном исследовании высказывается утверждение, что самая важная детерминанта коммунистического голосования в Тампере — это опыт недавней безработицы в конкретной семье.

⁶⁷ Если представить те же самые данные другим способом, то в Финляндии за коммунистов голосовал 41% всех рабочих, зарабатывающих меньше 100 марок в месяц, по сравнению со всего лишь 12% голосовавших за коммунистов среди тех, кто зарабатывает в месяц больше 600 марок. В Швеции за коммунистов голосовали 7% рабочих, зарабатывающих меньше 2000 крон в год, по сравнению с 25% среди тех, кто за год зарабатывает больше 8000 крон.

Швеция, 1946 г.

Диапазон доходов, в кронах	Социал-демократы	Коммунисты
< 2000	14	9
2001–4000	43	40
4001–6000	34	35
> 6000	9	15
(N)	(4832)	(819)

* Финские данные были получены из результатов специального опроса, реализованного для этого исследования Финским центром опросов общественного мнения в составе Института Гэллапа. Шведские статистические данные были повторно вычислены на основании данных, представленных в отчете Elis Hastad, et al., eds., «*Gallup och den Svenska Valjarkaren*» (Uppsala: Hugo Gebers Forlag, 1950), pp. 175–176. Оба эти исследования включают и сельских, и городских рабочих.

Это остается справедливым во всех странах, для которых существуют необходимые данные⁶⁸. Одна из иных стран, Индия, предлагает еще лучшее свидетельство. В Индии коммунисты – крупная партия, формирующая правительство или представляющая собой ведущую оппозиционную силу (которая набирает не менее 25% голосов) в двух штатах – Керала и Андхра-Прадеш. В остальных частях Индии

⁶⁸ Можно как бы в скобках отметить, что там, где социалистическая партия невелика и/или возникла недавно, она тоже предъявляет обществу сложную комплексную альтернативу и привлекает пропорционально больше поддержки среди представителей среднего класса, чем в тех случаях, когда она является широко известной массовой партией, которая вправе предлагать немедленные реформы. С другой стороны, когда маленькая и явно недооцениваемая группировка не предлагает никакой интеллектуально сложной альтернативы, она вынуждена добиваться непропорционально большой поддержки от низших слоев. К числу таких группировок принадлежат сектантские религии, миллениарные лозунги которых лишены хоть сколько-нибудь развитого логического обоснования. Применительно к политическим состязаниям некоторые чрезвычайно хрупкие свидетельства по этому вопросу предоставляет недавний норвежский опрос, который показывает структуру поддержки различных партий. В итоговую выборку попали всего одиннадцать человек, поддерживающих Христианскую партию – партию, которая обращается к более фундаменталистски настроенным лютеранам, сопоставимым с теми, кто обсуждался ранее применительно к Швеции, но 82% из них были выходцами из групп с низкими доходами (меньше 10 тыс. крон в год). Для сравнения: 57% из 264 сторонников Трудовой (лейбористской) партии и 39% из 21 сторонника коммунистов зарабатывали за год меньше 10 тыс. крон. Таким образом, маленькая коммунистическая партия, как самая сложная недооцениваемая альтернатива, получала свою поддержку от относительно высокооплачиваемых страт, в то время как христиане-фундаменталисты имели самую бедную в экономическом отношении социальную базу из всех партий в стране. См. опрос NGI за февраль 1954 г., результаты которого выпущены в декабре 1956 г. в предварительном виде, – они были тогда отпечатаны на ротаторе.

они намного слабее, хотя и обладают заметной силой в некоторых других штатах. Если справедливо суждение, что коммунисты должны быть особенно привлекательны для низших и необразованных страт, среди которых их партия являет собой мощную силу, и менее притягательны для относительно более высокооплачиваемых и лучше образованных страт, среди которых она слаба, то в различных частях Индии характеристики тех, кто голосует за названную партию, должны сильно меняться, — и фактически дело обстоит в точности таким образом, что и показывает представленная ниже таблица VI⁶⁹.

Таблица VI

**Коммунистические и социалистические предпочтения
в Индии, по классам и образованию*, %**

	Предпочтение коммунистической партии в		Предпочтение социалистической партии
	штатах Керала и Андхра	остальной Индии	по всей Индии в целом
<i>Класс</i>			
Средний	7	27	23
Низший средний	19	30	36
Рабочий	74	43	41
<i>Образование</i>			
Неграмотные	52	43	31
Неполное среднее	39	27	43
Полное среднее и выше	9	20	26
(N)	(113)	(68)	(88)

* Приведенные показатели были вычислены на основании таблиц, представленных в материалах Индийского института общественного мнения, *Indian Institute of Public Opinion, Monthly Public Opinion Surveys*, Vol. 2, Nos. 4, 5, 6, 7 (Combined Issue), New Delhi, January-April, 1957, pp. 9–14. Это был предвыборный опрос, а не отчет о фактических результатах голосования. Суммарная выборка составляла 2868 человек. Показатели по Социалистической партии и Социалистической партии Прайя были здесь объединены, так как обе они придерживаются, по существу, одной и той же умеренной программы. Поддержка, оказанная им в штатах Андхра-Прадеш и Керала, была слишком мала, чтобы представлять каждую из партий по отдельности.

⁶⁹ Эти данные удалось обнаружить и организовать в таблицу уже после того, как указанная гипотеза была сформулирована, и потому их можно считать ее независимым подтверждением.

Там, где индийская коммунистическая партия невелика и не сильна, ее поддержка, как и поддержка двух маленьких и умеренных социалистических партий, исходит от относительно зажиточных и лучших образованных слоев. Картина резко меняется в штатах Керала и Андхра-Прадеш, где коммунисты сильны. Там средний класс обеспечивает коммунистам только 7% поддержки, тогда как рабочий класс предоставляет 74% голосов⁷⁰. Образовательные различия среди сторонников этой партии демонстрируют похожую картину.

Исторические модели и демократические действия

Несмотря на глубоко антидемократические тенденции, присущие группам, которые принадлежат к низшему классу, в более индустриализованных демократических странах политические организации и движения рабочего класса поддерживают *как* экономический, *так и* политический либерализм⁷¹. В XIX и начале XX столетия раз-

122

⁷⁰ Представленная здесь гипотеза не пытается объяснить рост мелких партий. Адаптация к серьезным кризисным ситуациям, особенно к депрессиям и войнам, является, вероятно, ключевым фактором, который первоначально увеличивает поддержку маленькой «сложной» партии. Для анализа изменений в электоральной поддержке социалистической партии по мере того, как она переходила к статусу крупной партии, см.: S. M. Lipset, *Agrarian Socialism* (Berkeley: University of California Press, 1950), особенно pp. 159–178.

⁷¹ Существовало много исключений из этого правила. Австралийская Лейбористская партия была едва ли не самым главным сторонником «белой Австралии». Аналогично в США до наступления в 1930-х годах идеологической эпохи Нового курса Демократическая партия, которая базировалась на низших классах, всегда была более антинегритянской из двух основных партий в этой стране. Американское рабочее движение выступало против иммиграции небелого населения, и значительная его часть возводила барьеры против членства негров в профсоюзах. Когда американская Социалистическая партия была массовым движением (именно так обстояло дело перед Первой мировой войной), те из ее газет, которые печатались самыми крупными тиражами, скажем выходившие в Милуоки «Социал-демократический вестник» (*Social Democratic Herald*) и «Призыв к разуму» (*Appeal to Reason*), выступали против расовой интеграции. Вторая из них открыто заявила: «Социализм обеспечит разделение рас». См.: David A. Shannon, *The Socialist Party of America* (New York: Macmillan, 1955), pp. 49–52. Даже марксистское социалистическое движение Западной Европы не имело иммунитета против вируса антисемитизма. Так, перед Первой мировой войной на этом континенте произошел целый ряд антисемитских инцидентов, в которые были вовлечены социалисты, причем некоторые из лидеров различных социалистических партий провозглашали откровенно антисемитские взгляды, и наблюдалось сильное сопротивление тому, чтобы социалистические организации активно противостояли антисемитизму. См.: E. Silberman, «The Anti-Semitic Tradition in Modern Socialism», *Scripta Hierosolymitana*, III (1956), pp. 378–396. В статье по поводу недавних британских расовых беспорядков Майкл Рамни (Michael Rumney) подчеркивает, что в основе ан-

личные организации, профсоюзы (тред-юнионы) и политические партии рабочих играли важную роль в продвижении политической демократии. Однако эти битвы за политическую свободу, которые велись рабочими, равно как и происходившие перед ними похожие битвы представителей среднего класса, имели место в контексте борьбы за экономические права⁷². Свобода создания организаций

тинегритянских настроений и выступлений лежат чувства рабочего класса, и заходит в этом смысле очень далеко, предсказывая, что «с течением времени лейбористская партия станет врагом негров». Он сообщает, что «в то время как консервативная партия оказалась способной поддержать полицию и использовать любые средства, которые считала необходимыми для сохранения мира и спокойствия, лейбористская партия вела себя странным образом тихо. Если же она все-таки начинает говорить, то либо вызывает чувства вражды в тех, кто и без того бунтует против выходцев из Вест-Индии, либо забывает о своих обещаниях быть партией равных прав». См.: «Left Mythology and British Race Riots», *The New Leader* (September 22, 1958), pp. 10–11. Проведенные Институтом Гэллага опросы британского общественного мнения документально подтверждают указанные суждения. Так, в опросе, завершеном в июле 1959 г., задавался вопрос, имеют ли евреи «больше или меньше власти, чем они должны действительно иметь», и, после того как респондентов сравнили согласно тому, за какую партию они голосовали, оказалось, что антисемитский ответ «у евреев больше власти...» дали 38% избирателей Лейбористской партии, 30% тори и 27% либералов. При этом 7% сторонников лейбористов, 8% консерваторов и 9% либералов считали, что у евреев слишком мало власти. Та же самая организация сообщила об опросе 1958 г., в котором меньшая доля сторонников лейбористов и выходцев из низшего класса сказала, что они голосовали бы за еврея, если бы их партия выдвинула его в качестве кандидата, чем это утверждали представители высшего класса и избиратели Консервативной партии. Но, соблюдая справедливость, необходимо также отметить, что почти каждый еврей в палате общин представляет в данный момент Лейбористскую партию и что почти все эти приблизительно две дюжины евреев в основной своей массе являются представителями решительно нееврейских избирательных округов.

⁷² Фактически существует целый ряд поразительных проявлений сходства между поведением различных страт среднего класса, когда они представляли собой низшие страты в рамках преимущественно аристократического и феодального общества, и представителей рабочего класса в недавно индустриализовавшихся обществах, когда этот класс еще не отвоевал себе достойное место в обществе. Проявления близости религиозного и экономического «радикализма», причем в одном и том же смысле, выглядят поразительными. Как указывает Р. Тауни, в XVII столетии доктрина Кальвина о божественном предопределении выполняла для буржуазии ту же самую функцию, что и теория Маркса о неизбежности социализма для пролетариата в XIX в. Обе они «в своих лучших проявлениях формировали собственную добродетельность в острой антитезе с худшими проявлениями превратностей установленного порядка, учили своих адептов чувствовать себя избранным народом, заставляли их осознавать свою великую судьбу в том, что ниспослано Провидением, и продемонстрировать решимость в ее понимании и реализации». Коммунистическая партия, так же как это делали когда-то пуритане, настаивает «на личной ответственности, дисциплине и аскетизме», и, хотя историческое содержание резко отличается, эти два движения могут иметь одни и те же социологические корни — в изолированных и лишенных всякого серьезного статуса профессиональных группах. См.: R. H. Tawney, *Religion and*

и свобода слова были наряду с всеобщим избирательным правом не более чем необходимым оружием в сражении за более высокий уровень жизни, за социальное обеспечение, более короткий рабочий день и т.п. Высшие сословия сопротивлялись расширению политической свободы, видя в этом часть защиты своих экономических и социальных привилегий.

В истории лишь немногие группировки когда-либо добровольно поддерживали гражданские права и свободы, а также личную свободу для тех, кто выступал защитником мер, которые они сами считали презренными или опасными. Религиозная свобода появилась в западном мире только потому, что каждая из борющихся между собой мощных сил сочла себя неспособной разрушить и истребить противостоящие силы, не разрушив всего общества, а также по той причине, что в ходе самой борьбы многие люди утратили веру и, стало быть, интерес к религии, а следовательно, и желание подавлять религиозное инакомыслие. Точно так же всеобщее избирательное право вкупе со свободой организаций и свободой для оппозиции развивались во многих странах либо как уступки сложившейся силе низших классов, либо как средства, позволявшие держать их под контролем, — именно такова была тактика, которую защищали и использовали столь искусные консерваторы, как Дизраэли и Бисмарк.

Однако, хотя демократические нормы рождались в результате конфликта интересов, они, однажды появившись, становились частью институциональной системы. Таким путем западное рабочее и социалистическое движение включило эти ценности в свою общую идеологию. Но тот факт, что идеология какого-либо движения является демократической, не означает, что его сторонники реально понимают вытекающие отсюда последствия. Все имеющиеся свидетельства, похоже, указывают на то, что понимание упомянутых норм и приверженность им выше всего среди лидеров и гораздо ниже среди идущих за ними последователей. Мнения рядовых членов движения по общим вопросам или их предрасположенности относительно маловажны для предсказания их поведения до тех пор, пока организация, по отношению к которой они лояльны, продолжает действовать демократическими методами. Несмотря на более высокие авторитарные склонности рабочих, те организации рабочего класса, которые носят антикоммунистический характер, все-таки про-

the Rise of Capitalism (New York: Penguin Books, 1947), pp. 9, 99. Изложение сходных соображений см. в: Donald G. MacRae, «The Bolshevik Ideology», *The Cambridge Journal*, 3 (1950), pp. 164—177.

124 должны функционировать в качестве заметно лучших защитников и распространителей демократических ценностей, чем партии, базирующиеся на среднем классе. В Германии, США, Великобритании и Японии лица, поддерживающие демократические левые партии, реально поддержат гражданские свободы и демократические ценности с большей вероятностью, чем те лица *внутри* каждой профессиональной страты, которые высказываются в пользу консервативных партий. Организованная социал-демократия не только защищает гражданские свободы, но и влияет в этом же направлении на своих сторонников⁷³.

Консерватизм в условиях политической демократии особенно уязвим, поскольку, как сказал когда-то Авраам Линкольн, бедных людей всегда больше, чем зажиточных, и обещаниям перераспределить богатство трудно давать отпор. Как следствие этого, консерваторы традиционно боялись всепроникающей и бескомпромиссной политической демократии, а потому в большинстве стран прилагали усилия, чтобы ослабить ее, — ограничивая право участвовать в выборах или манипулируя правящей структурой через посредство верхних палат в парламентах или избыточного представления в них сельских районов и маленьких городков (традиционных цитаделей консерватизма) с целью воспрепятствовать общенародному большинству в осуществлении контроля над правительством и структурами власти. Идеология консерватизма часто базировалась на элитарных ценностях, которые отвергают идею, будто глас электората — это глас мудрости. Другие ценности, нередко защищаемые консерваторами, например милитаризм или национализм,

⁷³ Примером этого является поразительный случай, который произошел в Австралии в 1950 г. В период больших волнений и тревог по поводу опасностей, исходящих от тамошней коммунистической партии, опрос общественного мнения, проведенный местным Институтом Гэллапа, показал, что 80% электората одобрили бы решение, ставящее коммунистов вне закона. Правительство консерваторов вскоре после этого опроса вынесло предложение о полном запрещении этой партии на референдум. В ходе предшествовавшей референдуму избирательной кампании Лейбористская партия и профсоюзы энергично выступили против указанного предложения. После этого в общественном мнении произошли весьма существенные перемены — до такой степени, что намерение запретить коммунистов и поставить их вне закона было фактически отвергнуто, хотя и незначительным большинством голосов, причем рабочие католической ориентации, которые при первоначальном опросе, проводившемся Институтом Гэллапа, в основной своей массе решительно одобряли меры по изгнанию коммунистов из политической жизни, в конечном счете последовали совету своей партии и профсоюзов и голосовали против них. См.: Leicester Webb, *Communism and Democracy in Australia: A Survey of the 1951 Referendum* (New York: Frederick A. Praeger, 1955).

вероятно, тоже выглядят привлекательными для людей с авторитарными наклонностями⁷⁴.

Было бы ошибкой сделать из представленных здесь данных тот вывод, что авторитарные наклонности низших классов обязательно несут в себе угрозу демократической общественной системе; в равной мере не следует приходить к подобным выводам и по поводу антидемократических аспектов консерватизма. Ответ на вопрос, действительно ли тот или иной класс поддерживает или не поддерживает ограничения на свободу, зависит от обширной совокупности разнообразных факторов, из которых те, что здесь обсуждались, составляют лишь какую-то часть.

Нестабильность демократического процесса в общем и сила коммунистов в частности тесно связаны, как мы видели, с уровнями экономического развития в каждой из стран, включая существующие там общенациональные уровни образовательных достижений. В относительно бедных странах Европы и других континентов коммунисты представляют собой массовые движения, но они слабы там, где уровни экономического развития и образовательных достижений высоки. Низшие классы менее развитых стран являются более бедными, менее уверенными в безопасности своего положения, менее образованными и относительно менее привилегированными в терминах владения статусными символами, чем низшие страты более зажиточных стран. В более развитых и стабильных демократиях Западной Европы, Северной Америки и Австралии низшие классы в равной мере и «принадлежат к хорошему обществу», и находятся «вне его» — иными словами, их изоляция от остальной части культуры намного меньше, чем социальная изоляция беднейших групп в других странах, где неимущие напрочь отрезаны от общества своими ужасающе низкими доходами и очень низким образовательным уровнем, уже не говоря о широко распространенной неграмотности. Это инкорпорирование рабочих в политическое пространство, достигнутое индустриализированным западным миром, в очень значи-

⁷⁴ Исследование президентских выборов 1952 г. в США обнаружило, что на каждом образовательном уровне (неполная средняя школа, средняя школа и колледж) лица, которые набирали высокие баллы по шкале «авторитарная личность», с намного большей вероятностью голосовали на этих выборах за республиканского кандидата, генерала Эйзенхауэра, а не за его оппонента, либерала Стивенсона. См.: Robert Lane, «Political Personality and Electoral Choice», *American Political Science Review*, 49 (1955), pp. 173–190. В Великобритании при исследовании антисемитизма среди рабочего класса было установлено, что маленькая группа консерваторов в составе изучавшейся выборки была настроена гораздо более антисемитски, чем либералы и лейбористы. См.: James H. Robb, *Working-class Anti-Semitism* (London: Tavistock Publications, 1954), pp. 93–94.

126 тельной степени ограничило авторитарные тенденции в среде рабочего класса, хотя, например, в США пресловутый сенатор Маккарти продемонстрировал, что безответственный демагог, который объединяет националистические призывы с антиэлитарными, все еще может, как и в давние времена, получать значительную поддержку со стороны менее образованных масс⁷⁵.

В то время как многочисленные свидетельства из разных мест земного шара о последствиях повышения общенационального уровня жизни и образования позволяют нам с надеждой смотреть на политические взгляды и поведение рабочего класса в тех странах, где экстремизм слаб, эти же явления наводят на пессимистические размышления и выводы по поводу судьбы менее развитых в экономическом отношении и нестабильных демократий. Там, где какая-нибудь экстремистская партия уже завоевала себе поддержку низших классов, обеспечиваемую зачастую тем, что она делает упор на равенство и экономическую безопасность за счет свободы, представляется проблематичным лишить ее этой поддержки с помощью демократических методов. Коммунисты, в частности, умело сочетают два типа хилиастических картин мира. В силах ли демократические партии рабочего класса убедительно продемонстрировать свою способность защищать экономические и классовые интересы, да и можно ли вообще построить такие партии в менее стабильных демократиях — это большой и спорный вопрос. Но угроза демократии исходит отнюдь не исключительно от низших страт. И в следующей главе мы от авторитаризма рабочего класса обратимся к многообразным вариациям фашизма, который обычно отождествляется со средним классом.

⁷⁵ «Однако история масс всегда была историей наиболее последовательной и непримиримой антиинтеллектуальной силы в обществе. <...> Именно американские низшие классы, а вовсе не высшие, оказались теми, кто в основном и оказал сокрушительную поддержку наблюдавшимся в последние годы нападкам на гражданские свободы. Именно среди рабочего люда можно обнаружить, что доминируют там те секты и церкви, которые наиболее враждебны свободному духу». Lewis S. Feuer, Introduction to *Marx and Engels, Basic Writings on Politics and Philosophy* (New York: Doubleday Anchor Books, 1959), pp. xv–xvi. И в другой богатой стране, а именно в белой Южной Африке, Герберт Тингстен (Herbert Tingsten) подчеркивает, что «индустриализация и коммерциализация... сформировали тот общественный класс, который теперь составляет цитадель бурского национализма: это рабочие, продавцы магазинов, клерки, государственные служащие нижних уровней. Здесь, как и в США, эти «бедные белые» — правильное сказать, белые, которым угрожает бедность, — являются ведущими стражами расовых предрассудков и превосходства белой расы». *The Problem of South Africa* (London: Victor Gollancz, Ltd., 1955), p. 23.

ГЛАВА 5

«ФАШИЗМ» — ЛЕВЫЙ, ПРАВЫЙ И ЦЕНТРИСТСКИЙ

127

Возвращение де Голля к власти во Франции в 1958 г. после военного *coup d'état* (государственного переворота) сопровождалось зловещими предсказаниями о возрождении фашизма как крупного идеологического движения и вновь подняло проблему различных видов экстремистских движений. До 1945 г. значительная часть дискуссий между марксистскими и немарксистскими учеными была посвящена анализу фашизма во власти и сосредоточена на том, занимались ли нацисты либо другие фашистские партии фактическим укреплением экономических институтов капитализма или же они создавали новый посткапиталистический общественный строй, подобный советскому бюрократическому тоталитаризму.

Хотя для понимания функциональной значимости тех или иных политических партий неизмеримо важен анализ их фактического поведения в период нахождения у власти, необходимо также внимательно анализировать социальную базу и идеологию любого движения, если мы хотим по-настоящему понять его. Исследование социальных баз самых разных массовых движений современности говорит о том, что у каждой крупной социальной страты имеются инструменты политического выражения как демократической, так и экстремистской ориентации. Экстремистские движения левой, правой и центристской направленности (коммунизм и перонизм, традиционный авторитаризм и фашизм) базируются в первую очередь на рабочем, высшем и среднем классах соответственно. В тот или иной момент ко всем этим вариантам экстремизма применялся термин «фашизм», но при экспертном аналитическом изучении социальной базы и идеологии каждого из вышеперечисленных движений обнаруживается, что по своему характеру они различаются.

Политический и социологический анализ современного общества в терминах левого фланга, центра и правого фланга возвращает нас к временам Первой французской республики, когда делегаты расаживались на своих местах согласно их политической окраске таким образом, что образовывали непрерывный полукруг — от самых радикальных и эгалитарно настроенных лиц в левых секторах этого полукольца до наиболее умеренных и аристократических в правых

128

его секторах. Отождествление левых с защитой социальных реформ и эгалитаризма, а правых — с аристократией и консерватизмом углублялось по мере того, как политическая жизнь стала определяться и интерпретироваться в терминах столкновения между классами. Участвуя в политической жизни XIX столетия, консерваторы и марксисты вполне единодушно исходили из предположения, что в современном обществе самым основополагающим фактором является социально-экономический раскол. С тех пор как демократия стала институционализированной, а опасения консерваторов по поводу всеобщего избирательного права, которое якобы неизбежно будет означать конец частной собственности, уменьшились, многие стали выдвигать аргументы в пользу того, что анализ политической жизни в терминах левых, правых и классового конфликта чрезмерно упрощает и искажает действительность. Однако традиция политического дискурса и текущая политическая реальность вынудили большинство ученых сохранять эти фундаментальные концепции, хотя другие разрезы общественной жизни, вроде религиозных различий или региональных конфликтов, порождают такое политическое поведение, которое не следует линиям классового разделения¹.

До 1917 г. об экстремистских политических движениях обычно думали как о феномене, присущем правым кругам. Те, кому хотелось бы вообще ликвидировать демократию, стремились восстановить монархию или правление аристократов. После 1917 г. политические деятели и ученые не сговариваясь начали указывать как на левый, так и на правый экстремизм, т.е. на коммунизм и фашизм. При таком взгляде экстремисты на обоих концах политического континуума превращаются в апологетов диктатуры, в то время как умеренные представители центра остаются защитниками демократии. В этой главе мы попытаемся показать, что данное мнение ошибочно, что экстремистские идеологии и группы могут быть классифицированы и проанализированы в тех же самых терминах, что и группы демократические, т.е. как правые, левые и *центристы*. Эти три позиции у экстремистов напоминают их демократические параллели и по составу социальных баз, и по содержанию лозунгов. Хотя сравнения всех трех названных позиций на демократическом и экстремистском континуумах представляют несомненный интерес, данная глава кон-

¹ Невзирая на все сложности французской политической жизни, наиболее продвинутые из специалистов по изучению выборов в этой стране пришли к заключению, что тамошние партии и альтернативы надлежит классифицировать в разрезе левых-правых. См.: F. Goguel, *Géographie des élections françaises de 1870 à 1951*, Cahiers de la fondation nationale des sciences politiques, No. 27 (Paris: Librairie Armand Colin, 1951).

центрируется на политических взглядах центра как самого пренебрегаемого типа политического экстремизма, а также на взглядах той формы «левого» экстремизма, которую иногда называют «фашизмом», — речь идет о перонизме в том виде, как он манифестирует себя в Аргентине и Бразилии.

В рамках демократических тенденций центристскую позицию обычно называют либерализмом. В Европе, где он представлен такими разными партиями, как французские радикалы, голландские и бельгийские либералы и прочие, либеральная позиция означает следующее: в экономике это приверженность идеологии *laissez-faire* (свободной конкуренции и невмешательства правительства в дела частных лиц, особенно в частный бизнес и торговлю), вера в жизненную способность малого бизнеса, а также противодействие сильным профсоюзам; в политической жизни — требования о минимальном правительственном вмешательстве и регулировании; в социальной идеологии — поддержка равных возможностей для достижения успеха, противостояние аристократии и возражение против принудительного выравнивания доходов; наконец, в культуре — антиклерикализм и антитрадиционализм.

Если мы посмотрим в большинстве демократических стран на приверженцев этих трех основных позиций, то обнаружим вполне логичную зависимость между идеологией и социальной базой. Социалистические левые движения черпают силу в городских рабочих классах физического труда и в более бедных из сельских страт; консервативные правые круги получают поддержку от довольно-таки зажиточных элементов — от владельцев крупных промышленных предприятий и ферм, от таких социальных слоев, как менеджеры и представители свободных профессий, а также от тех сегментов менее привилегированных групп, которые вовлечены в деятельность традиционалистских институтов, особенно церкви. Демократический центр пользуется поддержкой со стороны средних классов, преимущественно мелких бизнесменов, работников умственного труда (так называемых белых воротничков), а также антиклерикально настроенных дипломированных специалистов и профессионалов разного рода (адвокатов, учителей, врачей и т.п.).

Те или иные экстремистские группировки исповедуют идеологии, которые соответствуют идеологическим воззрениям их демократических двойников. Классические фашистские движения представляли экстремизм центристского толка. Причем, хотя фашистская идеология и антилиберальна в характерном для нее прославлении государства, она походила на либерализм своим противо-

стоянием крупному капиталу, профсоюзам и социалистическому государству. Кроме того, она напоминала либерализм еще и отвращением к религии и иным формам традиционализма. При этом, как мы увидим позже, социальные характеристики нацистских избирателей в догитлеровской Германии и Австрии намного сильнее напоминали характеристики тех, кто голосовал за либералов, нежели граждан, отдававших предпочтение консерваторам.

Крупнейшей группировкой левых экстремистов являются коммунисты, идеологический посыл которых мы уже обсудили достаточно подробно и которые в этой главе не будут особенно интересовать нас. Коммунисты явным и открытым образом революционны, они противостоят господствующим стратам и видят свою базу в низших классах. Существует, однако, другая форма левого экстремизма, которую, как и правый экстремизм, часто классифицируют под вывеской фашизма. Эта форма, перонизм, в значительной степени обнаруживается в более бедных и слабо развитых странах, она обращается к низшим слоям и выступает против средних классов и высших сословий. Перонизм отличается от коммунизма тем, что это националистическое движение и оно обычно являлось порождением националистически настроенных армейских офицеров, которые стремились построить более жизнеспособное общество, разрушая коррумпированные привилегированные страты, ибо те, по убеждениям бунтующих офицеров, удерживали народные массы в бедности, не давали экономике по-настоящему развиваться, занимались деморализацией армии и недоплачивали ей.

Консервативные или правоориентированные экстремистские движения возникали в различные периоды современной истории, образуя длинный ряд, от хортистов в Венгрии, христианско-социальной партии Дольфуса в Австрии, «Стального шлема»* и других националистов в догитлеровской Германии и Салазара в Португалии вплоть до голлистских движений перед 1958 г. и монархистов в современной Франции и Италии. Правые экстремисты консервативны и чужды революционности. Они стремятся изменить существующие политические институты для того, чтобы сохранить или восстановить давние культурные и экономические институты, в то время как экстремисты, действующие в центре и на левом флан-

* «Стальной шлем» (Stahlhelm) – монархический военизированный союз бывших фронтовиков в Германии, созданный в ноябре 1918 г. К началу 1930-х годов насчитывал около 500 тыс. членов. С усилением нацистов постепенно утрачивал влияние, а после установления фашистской диктатуры слился с гитлеровскими штурмовыми отрядами. – *Прим. перев.*

ге, стремятся использовать политические средства для культурной и социальной революции. Идеалом правого экстремиста является не тоталитарный правитель, а монарх или же традиционалист, который действует, словно коронованная особа. Многие из таких движений — в Испании, Австрии, Венгрии, Германии и Италии — были явным образом монархическими, а де Голль возвратил французскому институту президентства почти императорские права и привилегии. Неудивительно, что сторонники правоэкстремистских движений отличаются от тех, кто поддерживает центристов; у них наблюдается тенденция быть более зажиточными и — что заметно важнее для достижения массовой поддержки — более религиозными.

131

«Фашизм» и средний класс

Тезис, что фашизм является в основном движением среднего класса, в котором представлен протест против капитализма и социализма, против крупного капитала и больших профсоюзов, далек от оригинальности. Многие аналитики высказывали такое предположение уже в тот момент, когда фашизм и нацизм впервые появились на общественно-политической сцене. Почти четверть века назад экономист Дэвид Сапосс хорошо сформулировал эту мысль:

«Фашизм... [являет собой] экстремальное выражение взглядов среднего класса, или популизма. <...> Основная идеология среднего класса — это как раз популизм. <...> Идеалом популистов всегда был независимый маленький класс собственников, состоящий из торговцев, механиков и фермеров. Этот элемент... обозначаемый в настоящее время как средний класс, поддерживает и продвигает систему частной собственности, прибыли и конкуренции, построенную на совершенно других основаниях, нежели та, которая задумывалась капитализмом. <...> С самого своего зарождения популизм выступал против “большого бизнеса” или всего того, что теперь стало известно как капитализм.

С момента окончания войны похоронный звон по либерализму и индивидуализму звучал громогласно, хотя и справедливо. Но, поскольку происхождение либерализма и индивидуализма восходит к среднему классу, считалось само собой разумеющимся, что этот класс был также устранен из игры в качестве эффективной социальной силы. Но фактически популизм является теперь столь же внушительной и грозной силой, какой он был всегда. А агрессивная на-

пористость среднего класса проявляется ныне более энергично, чем когда-либо»².

И хотя некоторые специалисты приписывали поддержку нацизма низшими слоями среднего класса специфическим экономическим трудностям Германии в 1930-е годы, американский политолог Гарольд Лассуэлл, писавший цитируемую далее работу в разгар Великой депрессии, утверждал, что экстремизм среднего класса проистекает из тенденций, неизменно присущих индустриальному капиталистическому обществу, тенденций, которые продолжали бы воздействовать на средний класс даже в том случае, если бы его экономическое положение улучшалось.

«В той степени, в которой гитлеризм представляет собой реакцию отчаяния со стороны низших сегментов среднего класса, он является продолжением того движения, которое началось еще в последние годы XIX в. Если исходить из сугубо материальных соображений, то нет необходимости предполагать, что владельцы маленьких магазинчиков, учителя, проповедники, адвокаты, врачи, фермеры и ремесленники финансово чувствовали себя в конце того столетия хуже, чем в его середине. Если же, однако, брать за основу психологические соображения, то мелкую буржуазию и низшие слои среднего класса все сильнее затмевал рабочий народ и высшие слои буржуазии, чьи профсоюзы и картели, а также партии вышли на авансцену. Психологическое обеднение низших частей среднего класса ускорило эмоциональное ощущение ненадежности в личностных свойствах людей, которые их составляли, тем самым удобряя почву для различных движений массового протеста, через посред-

² David J. Saposs, «The Role of the Middle Class in Social Development: Fascism, Populism, Communism, Socialism», в сб.: *Economic Essays in Honor of Wesley Clair Mitchell* (New York: Columbia University Press, 1935), pp. 395, 397, 400. Анализ, проведенный Андре Зигфридом еще раньше и основанный на детальном экологическом исследовании моделей голосования в одной из частей Франции с 1871 до 1912 г., показал, что мелкие буржуа, которых считали классическим источником французской демократической идеологии, становились основной базой для пополнения экстремистских движений. Зигфрид подчеркивал, что, хотя эти люди «по природе своей эгалитарны, демократичны и завистливы... они больше всего на свете боятся новых экономических условий, которые угрожают устранить их, раздавив между агрессивным капитализмом крупных компаний и нарастающим подъемом рабочего люда. Они возлагают большие надежды на республику и не перестают поддерживать в себе республиканский или эгалитарный настрой. Но все они находятся в том состоянии недовольства, отталкиваясь от которого буланжизм выстраивает свои силы. Реакционные демагоги, видят в этих людях наилучшую почву для ведения своей агитации, рождая в них страстное сопротивление определенным демократическим реформам». André Siegfried, *Tableau politique de la France de l'ouest sous la troisième république* (Paris: Librairie Armand Colin, 1913), p. 413.

ство которых средние классы могли бы взять реванш и отомстить за себя»³.

По мере того как относительное положение среднего класса ухудшалось, а его негодование против продолжающихся социальных и экономических шагов властей сохранялось и даже нарастало, «либеральная» идеология этой страты — поддержка индивидуальных прав в противовес всепроникающей власти — изменялась и из мировоззрения революционного класса становилась мировоззрением класса реакционного. Когда-то либеральные доктрины поддерживали буржуазию в ее борьбе против остатков феодального и монархического строя, а также против разнообразных ограничений, с требованиями которых выступали меркантилистски настроенные правители и церковь. Либеральная идеология противостояла трону и алтарю; она отдавала предпочтение недавно появившейся тогда идее ограниченного государства. Указанная идеология была революционной не только в политических терминах; она удовлетворяла некоторым из функциональных требований, обязательных для эффективной индустриализации. Как подчеркивал Макс Вебер, развитие капиталистической системы (которое в его анализе совпадает по времени с индустриализацией) делало необходимыми и отмену искусственных внутренних границ, и создание открытого международного рынка, и установление законности и порядка, и поддержание относительного международного мира⁴.

Но те устремления и идеология, которые лежали в основе либерализма и популизма XVIII и XIX столетий, имеют совершенно другое значение и смысл в передовых индустриальных обществах XX в., а также выполняют в них совсем иные функции. Сопrotивление крупным, разветвленным организациям и рост государственной власти бросают вызов некоторым фундаментальным характеристикам существующего ныне общества, поскольку для функционирования стабильной модернизированной общественной структуры необходимы крупная промышленность, равно как сильное и легитимное рабочее движение, а неизбежным сопутствующим обстоятельством всего этого представляется регулирование со стороны правительства и очень высокие налоги. Выступать одновременно и против бизнеса с его бюрократией, и против профсоюзов, и против мер государственного регулирования — такое поведение представляется и нереа-

³ Harold Lasswell, «The Psychology of Hitlerism», *The Political Quarterly*, 4 (1933), p. 374.

⁴ См. также: Karl Polanyi, *The Great Transformation* (New York: Farrar and Rinehart, 1944).

листичным, и до некоторой степени иррациональным. Как выразилась в этой связи Толкотт Парсонс, «новая негативная ориентация по отношению к определенным первичным аспектам вызревающего современного общественного строя и социального порядка сосредоточилась прежде всего в символе «капитализм». <...> По крайней мере в идеологии фашизма основным и даже принципиальным аспектом является реакция против «идеологии» рационалистического обоснования нынешнего общественного устройства»⁵.

Поскольку никогда не прекращающийся конфликт между менеджментом и рабочими представляет собой интегральную часть крупномасштабного индустриального капитализма, то желание мелкого бизнесмена сохранить важное место для себя и своих социальных ценностей «реакционно» — не в марксистском смысле ретроградного замедления шестеренок и колес революции, а с точки зрения тенденций, неотъемлемо присущих современному индустриальному обществу. Иногда усилия слоя мелких бизнесменов сопротивляться происходящему процессу или направить его в противоположную сторону принимают форму демократических либеральных движений вроде британской либеральной партии, французских радикалов или американских республиканцев Тафта. Такие движения обычно терпят неудачу в своей попытке затормозить и тем более повернуть вспять тенденции, против которых выступают их члены и сторонники, и, как недавно отметил другой социолог, Мартин Трой, «те тенденции, которых боятся мелкие бизнесмены, — к концентрации и централизации — продолжают усугубляться без перерывов на депрессии, войны и периоды процветания, а также независимо от того, какая партия находится у власти; таким образом, в итоге эти люди *всегда* недовольны и *всегда* настроены против властей»⁶. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что при определенных условиях мелкие бизнесмены поворачиваются в сторону таких экстремистских политических движений — будь то фашизм или антипарламентский популизм, — которые тем или иным путем выражают

⁵ Talcott Parsons, «Some Sociological Aspects of the Fascist Movement», в его *Essays in Sociological Theory* (Glencoe: The Free Press, 1954), pp. 133–134. Сам Маркс подчеркивал, что «мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории» (цит. по: S. Nilson, «Wahlsoziologische Probleme des Nationalsozialismus», *Zeitschrift für die Gesamte Staatswissenschaft*, 110 (1954), p. 295).

⁶ Martin A. Trow, «Small Businessmen, Political Tolerance, and Support for McCarthy», *American Journal of Sociology*, 64 (1958), pp. 279–280.

свое презрение к парламентарной демократии. Такого рода движения отвечают некоторым из тех же самых потребностей, что и более традиционные либеральные партии; они дают отдушину для выхода тех напластовавшихся напряжений в среде среднего класса, которые присущи зрелому индустриальному строю. Но если либерализм пытается справляться с разного рода проблемами посредством легитимных социальных изменений и «реформ» (иногда, впрочем, таких «реформ», которые, по правде говоря, повернули бы весь процесс модернизации в противоположную сторону), то фашизм и популизм предлагают решить наболевшие проблемы тем, что возьмут государство в свои руки и станут управлять им таким способом, который восстановит старую экономическую безопасность средних классов и их высокое положение в обществе, но в то же самое время урежет мощь и статус крупного капитала, равно как и крупных рабочих организаций.

Тот или иной набор привлекательных лозунгов и призывов, выдвигаемых экстремистскими движениями, может также служить ответной реакцией разных страт населения на социальные последствия индустриализации в ходе различных стадий ее развития. Эти варианты формируются как резко контрастирующие, что достигается сравнением организованных угроз демократическому процессу в обществах, пребывающих на разных стадиях индустриализации. Как я уже показал ранее, всякий экстремизм рабочего класса, будь то коммунистический, анархистский, революционно-социалистический или перонистский, чаще всего обнаруживается либо в обществах, которые претерпевают быструю индустриализацию, либо там, где процесс индустриализации не привел в результате к образованию преимущественно индустриального общества, как это случилось в романских странах Южной Европы. Экстремизм среднего класса возникает в странах, характеризующихся одновременно и хорошо развитым капитализмом, и мощным рабочим движением. Правый экстремизм шире всего распространен в менее развитых экономических системах, где сильными остаются традиционные консервативные силы, связанные с тронem и алтарем. Поскольку в некоторых странах, например во Франции, Италии или в веймарской Германии, присутствовали страты со всеми тремя перечисленными совокупностями обстоятельств, постольку иногда в одной и той же стране сосуществуют все три типа экстремистских политических взглядов. Только зажиточные, высокоразвитые в промышленном отношении и сильно урбанизированные страны обладают, как представляется, иммунитетом к этому вирусу, но даже

в США и Канаде наблюдаются свидетельства того, что самозанятые люди, имеющие собственное дело, все-таки несколько недовольны и разочарованы.

Разные политические реакции схожих стран на отличающиеся аспекты ситуаций, возникающих в процессе индустриализации, ясно очерчиваются при сравнении политики определенных латиноамериканских стран с политикой стран Западной Европы. Более процветающие из латиноамериканских стран напоминают сегодня Европу XIX в.; они переживают промышленный рост, хотя рабочий класс в них все еще остается относительно не организованным в профсоюзы и политические партии, а в районах с преобладающим сельским населением там по-прежнему продолжают существовать резервуары традиционного консерватизма. Что касается растущего в этих странах среднего класса, то он, как и его европейские двойники в XIX столетии, поддерживает демократическое общество, пытается сократить влияние антикапиталистических традиционалистов и деспотической власти военных⁷. В той мере, в какой на данной стадии экономического развития Латинской Америки там вообще существует социальная база для экстремистских политических взглядов, она лежит не в средних классах, а в растущем, но все еще не организованном по-настоящему рабочем классе, который страдает от проявлений напряженности, органически присущих быстрой индустриализации. Именно эти рабочие составили первоначальную базу поддержки для единственных масштабных «фашистских» движений в Латинской Америке — движений Перона в Аргентине и Варгаса в Бразилии. Эти движения, как и коммунистические, с которыми они временами вступали в какое-то подобие союза, обращаются

136

⁷ Для анализа политической роли быстро растущего среднего класса в латиноамериканских странах см.: John J. Johnson, *Political Change in Latin America — the Emergence of the Middle Sectors* (Stanford: Stanford University Press, 1958). Различные политические пристрастия одной важной социальной группы на последовательных стадиях индустриализации обозначены в комментарии Джеймса Брайса, который в 1912 г. отметил, что «отсутствие того класса мелких землевладельцев, который является самым здравым, правоверным и самым стабильным элементом в США и Швейцарии — да и во Франции или в отдельных частях Германии он в такой же мере стабилен, даже если политически и менее подкован, — является для Южной и Центральной Америки неудачей и тяжелой бедой». Это утверждение, возможно, и было справедливым в ранний период, т.е. прежде, чем воздействие широкомасштабной и повсеместной организации крупных ферм стало означать экономическую конкуренцию для мелких фермеров и подтолкнуло их в ряды потенциальных сторонников фашизма, как это показывают обсуждаемые в этой книге данные по Германии и другим странам. См.: James Bryce, *South America: Observations and Impressions* (New York: Macmillan, 1912), p. 533.

в странах, недавно ставших на путь промышленного развития, к массам, которые «вытеснены» с насиженных мест.

Реальный вопрос, на которой необходимо ответить, состоит в следующем: какие именно страты больше всего «вытеснены» в каждой из стран? В некоторых это новый рабочий класс; иными словами, тот рабочий класс, который никогда не был интегрирован в тотальное общество — ни экономически, ни политически; в других это мелкие бизнесмены и иные относительно независимые предприниматели или самозанятые лица (владельцы маленьких ферм, провинциальные адвокаты), которые чувствуют себя задавленными растущей мощью и статусом объединенных в профсоюзы рабочих, а также вездесущей корпоративной и правительственной бюрократией. В каких-то еще странах это консервативные и традиционалистские элементы, которые стремятся сохранить старое общество, защитив его от ценностей социализма и либерализма. Фашистская идеология в Италии, например, выросла из оппортунистического движения, которое в разное время намеревалось обратиться ко всем трем основным группам населения и оставалось в достаточной степени аморфным, чтобы позволить себе взывать к весьма различающимся стратам, — в зависимости от того, каким образом на общенациональном уровне варьировалось определение тех, кто был сильнее всех «вытеснен»⁸. Так как фашистские политиканы были в высшей степени оппортунистически в своих усилиях по обеспечению поддержки для себя и своих приспешников, такие движения часто включали в себя группы, которые характеризовались конфликтующими интересами и ценностями, даже когда они в первую очередь выражали нужды одной конкретной страты. Гитлер, который сам был экстремистом центристского толка, добился поддержки в том числе и от консерваторов, надеявшихся использовать нацистов против левых марксистов. А консервативные экстремисты вроде Франко часто проявляли способность сохранить в рядах своих последователей самых настоящих центристов, не давая им, однако, взять под контроль все движение.

В предыдущей главе, посвященной авторитаризму рабочего класса, я пробовал установить некоторые из других условий, склоняющих различные группы, группировки и отдельных лиц к тому, чтобы с большей готовностью принять экстремистскую и демонологию

⁸ Сравнение европейского среднего класса и аргентинского рабочего класса с аргументированным утверждением, что в своей окружающей среде каждый из них является в наибольшей степени «вытесненным», содержится в работе Gino Germani, *Integración política de las masas y la totalitarismo* (Buenos Aires: Colegio Libre de Estudios Superiores, 1956). См., кроме того, книгу того же автора: *Idem., Estructura social de la Argentina* (Buenos Aires: Raigal, 1955).

ческую картину мира⁹. Там утверждалось, что низкий уровень искушенности и высокая степень неуверенности в стабильности своего положения предрасполагает отдельного человека и целые группы населения к экстремистскому взгляду на политическую жизнь. Нехватка искушенности и умудренности — это в значительной мере продукт недостаточного образования и изолированности от многообразного жизненного опыта. Исходя из этих соображений наиболее авторитарные сегменты средних страт общества должны обнаруживаться среди мелких предпринимателей, которые живут в малых общинах или на своих фермах. Такие люди получают — по сравнению с другими представителями среднего класса — относительно невысокое систематическое образование; кроме того, проживание в сельской местности или в маленьких городках обычно означает изоляцию от гетерогенных ценностей и групп. По тем же причинам в рядах среднего класса можно было бы ожидать больше экстремизма среди лиц, имеющих собственное дело (как на селе, так и в городе), чем среди работников умственного труда и так называемых белых воротничков, среди руководителей разных уровней, дипломированных специалистов и лиц свободных профессий.

В последующих разделах сводятся воедино доступные данные по разным странам, которые указывают на резкие различия между социальными корнями классического фашизма и популизма, с одной стороны, и движений правого толка — с другой.

138

Германия

Классическим примером революционной фашистской партии служит, конечно же, национал-социалистическая рабочая партия Германии (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei — NSDAP), которую возглавлял Адольф Гитлер. Для марксистских аналитиков эта партия была представителем последней стадии капитализма — партией, которая завоевала власть, дабы поддержать шатающиеся институты капитализма. Так как нацисты пришли к власти перед наступлением эры регулярных опросов общественного мнения, то для локализации их социальной базы мы вынуждены положиться на сведения о результатах всеобщего голосования на многочисленных выборах. Если классический фашизм обращается в значительной степени к тем же самым элементам, что и движения, которые поддерживали либерализм, то именно те, кто ранее являлись сторон-

⁹ См. выше, с. 137–143.

никами либерализма, должны были бы обеспечить поддержку и нацистам. Взгляд на статистические данные о всеобщих выборах, проходивших в Германском рейхе за период с 1928 по 1933 г., кажется, подтверждает эту точку зрения (см. табл. I).

Хотя такого рода таблица скрывает изменения, вносимые лицами, которые идут против общей статистической тенденции, некоторые разумные выводы на сей счет все-таки могут быть сделаны. По мере того как сила нацистов росла, либеральные партии буржуазного центра, базирующиеся на менее традиционалистских элементах немецкого общества — в первую очередь на мелких бизнесменах, служащих и работниках умственного труда, — неумолимо двигались к полному краху. В период между 1928 и 1932 гг. эти партии потеряли почти 80% своих избирателей, и их доля в суммарном количестве голосов сократилась от одной четверти до менее чем 3%. Единственной центристской партией, сохранившей свою долю электората, была партия католического центра, поддержка которой подкреплялась религиозной преданностью ее адептов. Марксистские партии, т.е. социалисты и коммунисты, потеряли приблизительно одну десятую общей процентной доли своей поддержки, хотя суммарное голосование за них сократилось лишь незначительно. Уровень пропорциональной поддержки консерваторов снизился примерно на 40% — намного меньше, чем указанный показатель у более либеральных партий среднего класса.

Внимательное наблюдение за сдвигами, происходившими среди немарксистских и некаатолических партий, говорит о том, что нацисты получили наиболее солидную прибавку голосов за счет различных либеральных партий среднего класса — бывших бастионов Веймарской республики. Среди этих партий самые тяжелые потери понесла *Wirtschaftspartei* (Экономическая партия), представлявшая прежде всего интересы мелких бизнесменов, кустарей и ремесленников¹⁰. Действовавшая на правом фланге националистическая противница Веймарской республики, Немецкая национальная народная партия (*Deutschnationale Volkspartei, DNVP*), была единственной из немарксистских и некаатолических партий, которая сохранила более половины своей доли голосов, набранных во время всеобщего голосования 1928 г.

¹⁰ Karl D. Bracher, *Die Auflösung der Weimarer Republik* (Stuttgart und Düsseldorf: Ring Verlag, 1954), p. 94. Парламентскую фракцию этой партии составляли почти исключительно бизнесмены, которые проявляли активность в группах интересов разных ассоциаций малого бизнеса. См.: Sigmund Neumann, «Germany: Changing Patterns and Lasting Problems» в сб.: S. Neumann, ed., *Modern Political Parties* (Chicago: University of Chicago Press, 1956), p. 364.

Доли суммарного количества голосов, полученные разными германскими партиями в 1928—1933 гг., и процентная доля от голосов 1928 г., сохранившаяся на последних свободных выборах 1932 г.*, %

Доля суммарного количества голосов, %

Партия	Доля суммарного количества голосов, %					Отношение результатов 1928 г. ко вторым выборам 1932 г., как процентная доля
	1928	1930	1932	1932	1933	
<i>Консервативная партия</i>						
DNVP	14,2	7,0	5,9	8,5	8,0	60
<i>Партии среднего класса</i>						
DVP (правые либералы)	8,7	4,85	1,2	1,8	1,1	21
DDP (левые либералы)	4,8	3,45	1,0	0,95	0,8	20
<i>Wirtschaftspartei</i> (экономическая партия, мелкий бизнес)	4,5	3,9	0,4	0,3	§§	7
Другие	9,5	10,1	2,6	2,8	0,6	29
Суммарная доля сохранившихся голосов у среднего класса						21
Центр (католический)	15,4	17,6	16,7	16,2	15,0	105
<i>Партии рабочего класса</i>						
SPD (социалисты)	29,8	24,5	21,6	20,4	18,3	69
KPD (коммунисты)	10,6	13,	14,3	16,85	12,3	159
Суммарная доля сохранившихся голосов у рабочего класса						92
<i>Фашистская партия</i>						
NSDAP	2,6	18,3	37,3	33,1	43,9	1277
Суммарная доля увеличения голосов фашистской партии						1277

* Основные данные приводятся в работе Samuel Pratt, *The Social Basis of Nazism and Communism in Urban Germany* (M. A. Thesis, Dept. of Sociology, Michigan State University, 1948), pp. 29, 30. Те же данные представлены и проанализированы в работе Karl D. Bracher, *Die Auflösung der Weimarer Republik* (Stuttgart und Dusseldorf: Ring Verlag, 1954), pp. 86—106. Выборы 1933 г. были проведены после того, как Гитлер уже более месяца занимал пост канцлера.

** *Wirtschaftspartei* (Экономическая партия) не выставляла никаких кандидатов на выборах 1933 г.

140 Наибольшее сокращение количества голосов, поданных за консерваторов, наблюдалось главным образом в избирательных округах, расположенных близ восточной границы Германии. Доля голосов, полученных немецкой национальной народной партией, уменьшилась в промежутке между 1928 и 1932 гг. на 50% или даже более в десяти из тридцати пяти избирательных округов на территории Гер-

мании. Семь из этих десяти округов принадлежали к числу приграничных областей, включая каждый из регионов, которые выходили на польский коридор*, а также землю Шлезвиг-Гольштейн, выходящую на северную границу Германии. Поскольку указанная партия была и самым консервативным, и самым националистическим — до появления нацистов — оппонентом Версальского договора, эти данные говорят о том, что нацисты существеннее всего ослабили позиции консерваторов в тех регионах, где национализм был наибольшим источником силы последних, в то время как консерваторы сохранили большинство своих избирателей на территориях, которые не пострадали так уж напрямую от наложенных Версалем санкций в виде аннексий и контрибуций и в которых — это можно аргументированно доказать — основные лозунги указанной партии носили в большей мере консервативный, чем националистический характер. Германско-американский социолог Рудольф Хеберле в своем детальном исследовании моделей голосования в Шлезвиг-Гольштейне продемонстрировал, что консерваторы потеряли поддержку тех владельцев мелкой собственности, как городских, так и сельских, чьи двойники-аналоги в далеких от пограничья областях были чаще всего либералами, в то время как поддержку верхних слоев консерваторов они все-таки сохранили¹¹.

Некоторые дополнительные косвенные свидетельства того, что нацисты обращались вовсе не к тем же самым источникам электоральной поддержки, что и традиционные немецкие правые партии, можно также обнаружить в данных о голосовании мужчин и женщин. В Германии 1920-х и 1930-х годов наблюдалась следующая картина: чем более консервативной или религиозной была партия, тем выше, вообще говоря, был уровень ее поддержки женщинами. Немецкая национальная народная партия пользовалась большей поддержкой со стороны женщин, нежели любая другая партия, кроме католической Партии центра. Нацисты же — наряду с более либеральными

* Польский коридор (Данцигский коридор) — существовавшая в 1919–1945 гг. полоса земли шириной от 30 до 200 км, которая заканчивалась узкой полоской морского побережья (71 км). Была получена Польшей по Версальскому мирному договору 1919 г. и давала ей доступ к Балтийскому морю. Постоянные конфликты между Польшей и Германией вокруг этого коридора послужили для фашистской Германии одним из предлогов ее нападения на Польшу 1 сентября 1939 г. — *Прим. перес.*

¹¹ Rudolf Heberle, *From Democracy to Nazism* (Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1945).

партиями среднего класса и марксистскими партиями — получали непропорционально высокую поддержку от мужчин¹².

Больше прямых свидетельств в поддержку указанного тезиса содержится в проведенном Хеберле исследовании Шлезвиг-Гольштейна — той земли, где нацисты были сильнее всего. В 1932 г. «консерваторы выглядели наиболее слабыми там, где нацисты были самыми сильными, и, напротив, нацисты были относительно слабы в тех местах, где консерваторы показали свою силу. В 18 преимущественно сельских избирательных округах корреляция между процентными долями голосов, полученных NSDAP [нацистами] и DNVP [консерваторами], отрицательна (минус 0,89). <...> Похоже, что нацисты в 1932 году действительно сделали реальными преемниками таких давно существовавших либеральных партий, как *Landespartei* (партия земель) и демократическая партия, став той политической силой, которой отдавали свои предпочтения мелкие фермеры... в то время как помещики и крупные фермеры чаще всего отказывались отдавать свои голоса в пользу Гитлера»¹³.

В отчете о более свежем анализе, проделанном немецким политологом Гюнтером Францем, который идентифицировал электоральные тенденции в другой германской земле, где нацисты были очень сильны, Нижней Саксонии, представлены похожие модели и картины голосования. Г. Франц заканчивает следующими выводами: «Большинство избирателей, голосовавших за национал-социалистов, пришли к ним от буржуазных центристских партий. Партия DNVP [консерваторы] тоже потеряла избирателей, но в 1932 году ее кандидаты сохранили голоса, которые получили в 1930 году, а на следующих двух выборах они даже увеличили суммарное количество поданных за них голосов. DNVP оказалась просто единственной (за исключением католического центра) буржуазной партией, которая не рухнула перед лицом NSDAP...»¹⁴

¹² Самую исчерпывающую совокупность данных об избирательных кампаниях в Германии, где представлены результаты голосования на разных выборах с разбивкой по партиям и в гендерном разрезе, можно найти в работах Maurice Duverger, *La Participation des femmes à la vie politique* (Paris: UNESCO, 1955), pp. 56–63; и Gabriele Bremme, *Die politische Rolle der Frau in Deutschland* (Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1956), pp. 74–77, 111, 243–252; см. также: Heinrich Striefler, *Deutsche Wahlen in Bildern und Zahlen* (Düsseldorf: Wilhelm Hagemann, 1946), pp. 20–22; Günther Franz, *Die politischen Wahlen in Niedersachsen 1867 bis 1949* (Bremen-Horn: Walter Dorn Verlag, 1957), pp. 28–32; Karl D. Bracher, *op. cit.*, p. 476; Herbert Tingsten, *Political Behavior: Studies in Election Statistics* (London: P. S. King & Son, 1937), pp. 37–65.

¹³ Rudolf Heberle, *op. cit.*, pp. 113, 114, 119 (курсив автора данной книги).

¹⁴ Günther Franz, *op. cit.*, p. 62.

Примерно такая же ситуация, как в Шлезвиг-Гольштейне и Нижней Саксонии, была также и по всей Германии в целом. Суммарно для всех существовавших в ней тридцати пяти избирательных округов ранговая корреляция пропорционального увеличения прироста голосов у нацистов с потерей голосов либеральными партиями была выше (0,48), чем корреляция с потерей голосов у консерваторов (0,25)¹⁵.

Помимо либеральных партий существовала еще одна, совсем иная группа немецких партий, чьей базой служил *Mittelstand* (средний слой общества) и чьи сторонники, как представляется, почти без исключения, можно сказать скопом, переметнулись к нацистам, — это так называемые федералисты, или партии региональной автономии¹⁶. Указанные партии возражали либо вообще против объединения Германии, либо против реальной аннексии Пруссией самых разных областей, в частности таких, как Гессен, Нижняя Сак-

¹⁵ Шесть восточных приграничных округов, в которых как прирост голосов у нацистов, так и их потеря консерваторами были в обоих случаях высокими, повлияли на факт небольшой положительной корреляции между этими двумя показателями. Без указанных шести округов корреляция на самом деле отрицательна.

¹⁶ В Шлезвиг-Гольштейне регионалистская *Landespartei* (Партия земель) была в 1919 и 1921 гг. сильно в тех же самых районах, где самое большое количество голосов обеспечивала себе и Демократическая партия с ее либеральной направленностью. Это были те же территории, которые в 1930-х годах оказали нацистам наиболее серьезную поддержку. См.: R. Heberle, *op. cit.*, pp. 98–100; в Нижней Саксонии внимательный анализ голосования говорит о том, что сторонники партии ганноверских регионалистов *Welfen*, которая до 1932 г. была в этой земле одной из самых крупных партий, чуть ли не в полном составе перешли к нацистам. Тамашние «ориентированные на средний класс и сельское население избирательные округа... в которых *Welfen* обеспечивала себе наибольшее количество голосов, стали самыми первыми по времени и самыми сильными центрами нацизма». См.: G. Franz, *op. cit.*, pp. 53–54, а также р. 62. В Баварии партия под названием *Bayerischer Bauern und Mittelstandsbund* (Баварский союз крестьян и среднего сословия), в какой-то степени сопоставимая с предыдущей, почти полностью утратила поддержку, скатившись от 11,1% голосов на выборах 1928 г. до 3,3% в 1932 г. При этом исследование баварских электоральных моделей говорит о том, что эта партия, как и другие регионалистские партии, потеряла своих избирателей преимущественно в пользу нацистов. См.: Meinrad Hagman, *Der Weg ins Verhängnis, Reichstagswahlergebnisse 1919 bis 1933 besonders aus Bayern* (München; Michael Beckstein Verlag, 1946), pp. 27–28. Сочувственный анализ причин, по которым аграрное регионалистское движение Гессена проложило путь к победе нацистов на выборах в этой земле, см. в: Eugen Schmahl, *Entwicklung der völkischen Bewegung* (Giessen: Emil Roth Verlag, 1933). В этой книге содержится приложение, где анализируются изменения в голосовании за нацистов с 1930 до 1932 гг., см.: Wilhelm Seipel, «Entwicklung der nationalsozialistischen Bauernbewegung in Hessen», pp. 135–167. На выборах 1931 г. в провинциальное собрание представительство Земельного союза (*Landbund*) Гессена резко упало с 14 до 3%, и вскоре после этого указанная организация перестала существовать как самостоятельная политическая партия и заключила соглашение с нацистами. *Ibid.*, pp. 163–165.

сония и Шлезвиг-Гольштейн. В значительной мере они выражали вслух отношение сельских и городских средних классов провинциальных территорий к увеличивающейся бюрократизации современного индустриального общества; в общем, им хотелось бы перевести стрелки часов назад, децентрализовав правительственную власть. На первый взгляд, децентрализаторские устремления партий региональной автономии и восхваление государства, неотъемлемо присущее фашизму или нацизму, кажутся отражающими абсолютно несовпадающие потребности и чувства. Но в реальности и идеология «прав отдельных земель», которую исповедовали регионалисты, и идеологический антагонизм нацистов по отношению к «крупным» силам индустриального общества взывали к одной и той же страте населения — к тем людям, которые ощущали себя насильственно лишенными корней и своих «природных» прав или же выброшенными из жизни. В своей экономической идеологии региональные партии выражали чувства, похожие на те, что озвучивали нацисты еще перед тем, как обрели полную силу. Так, *Schleswig-Holsteinische Landespartei* (Партия земли Шлезвиг-Гольштейн), которая требовала «региональной и культурной автономии для Шлезвиг-Гольштейна в рамках Германии», написала в своей ранней программе: «Мастер [ремесленник, кустарь] должен быть защищен, с одной стороны, против капитализма, уничтожающего его с помощью своих фабрик и заводов, а с другой стороны, против социализма, который стремится сделать его неквалифицированным пролетарием, работающим в системе наемного труда за скудную зарплату. В то же время торговец должен быть защищен против капитализма в форме больших универсальных магазинов, а вся розничная торговля в целом — против опасностей социализма»¹⁷.

Связь между регионализмом как идеологией, протестующей против гигантизма и централизации, и как прямым выражением своекорыстного экономического интереса мелких бизнесменов можно видеть в объединении двух самых крупных из региональных партий, нижнесаксонской *Deutsch-Hanoverischen Partei* (Германско-ганноверской партии) и баварского *Bauern und Mittelstandsbund* (Союза крестьян и среднего сословия), в одну парламентскую фракцию с *Wirtschaftspartei* (Экономической партией) — организацией, которая явным образом определяла себя в качестве представляющей интересы мелких предпринимателей. На выборах 1924 г. баварские регионалисты и партия мелких бизнесменов фактически включи-

¹⁷ Цит. по: R. Heberle, *op. cit.*, p. 47. Партия *Hessische Volksbund* (Гессенский народный союз) выражала подобные чувства в Гессене. *Ibid.*, p. 52.

ли в свои избирательные бюллетени единый совместный список кандидатов¹⁸. Как подчеркивает Хеберле, говоря об этих партиях: «Критика прусской политики... требование назначать внутри земель в качестве государственных служащих только лиц местного происхождения, отказ принимать Берлин в качестве всеобщего центра культуры — все это были отдушины, дававшие выход настроениям, которые сформировались задолго перед войной. <...> В своей основе критика, направленная против Пруссии, была просто выражением общей антипатии по отношению к общественной системе индустриального капитализма»¹⁹.

Обращение нацистов к тем элементам в немецком обществе, которые были очень недовольны мощью, властью и даже культурой больших городов, нашло также отражение в успехе нацистов у населения малых общин. Детальный экологический анализ голосования на выборах 1932 г. в германских городах с населением более 25 тыс. человек указывает, что *чем больше город, тем меньше там голосовали за нацистов*. В городах с населением более 25 тыс. человек нацисты обеспечили себе меньшую часть общей суммы полученных ими голосов, чем любая из других пяти основных партий, включая Католическую партию центра и консервативную DNVP²⁰. И такая крупная столичная метрополия, как Берлин, оказалась единственным избирательным округом с преимущественно протестантским населением, в котором нацисты получили в июле 1932 г. менее 25% голосов²¹. Эти факты, бесспорно, бросают очень сильный вызов различным интерпретациям нацизма как продукта нарастания аномии, а также общей неприкаянности и утраты корней в современном городском индустриальном обществе.

¹⁸ F. A. Hermens, *Demokratie und Wahlrecht* (Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 1933), pp. 125–126; и Günther Franz, *op. cit.*, p. 53.

¹⁹ R. Heberle, *op. cit.*, p. 49.

²⁰ Samuel A. Pratt, *op. cit.*, pp. 63, 261–266. Хеберле сообщает также, что внутри Шлезвиг-Гольштейна «анализ итогов выборов по разным общинам показал довольно сильную обратную зависимость между размером общины и процентной долей голосов, которую получила в ней NSDAP», — см.: R. Heberle, *op. cit.*, p. 89. Брахер, дифференцируя 35 больших избирательных округов в зависимости от того, были ли в них результаты голосования за нацистов высокими или низкими, обнаружил, что округа с высоким уровнем поддержки нацистов носили более сельский характер, чем округа с их низкой поддержкой. Этот вывод находится в том же русле, что и результаты, которые получил Пратт. См.: Karl A. Bracher, *op. cit.*, pp. 647–648.

²¹ Все исследователи соглашаются в том, что религия воздействовала на поддержку нацистов *больше*, чем любой другой фактор. Нацисты были слабы в католических регионах и городах, зато обеспечивали себе большинство во многих малых протестантских общинах.

145

Анализ сдвигов и перераспределений в картинах голосования немецких избирателей за немарксистские и некатолические партии в интервале между 1928 и 1932 гг. показывает, как мы видели, что нацисты получили непропорционально большую прибавку голосов от избирателей центристских и либеральных партий, а вовсе не от консерваторов, подтверждая тем самым один из аспектов уже известного нам тезиса, состоящего в следующем: классический фашизм обращается к тем же самым стратам общества, что и либерализм. Вторая часть того же набора аргументов, утверждающая, что фашизм обращается преимущественно к тем представителям средних страт, у кого есть собственное дело и кто работает на самого себя, получила поддержку в трех отдельных и независимых экологических исследованиях голосования в Германии между 1928 и 1932 гг. Два американских социолога, Чарльз Лумис и Дж. Аллен Бигл (Charles P. Loomis, J. Allen Beegle), вычислили корреляцию между процентной долей голосования за нацистов в 1932 г. во взятых из трех земель общинах с населением менее 10 тыс. человек и процентной долей самодельного населения в тех или иных социально-экономических классах, после чего они обнаружили, что «области, где средние классы преобладали [на это указывала доля собственников среди населения и отношение числа собственников к количеству малоквалифицированных рабочих и служащих, которые состоят в штате и получают жалованье], давали нацистам все больше и больше голосов по мере того, как Германия погружалась в экономический и социальный кризис».

Эта высокая корреляция между голосованием за нацистов и владением собственностью сохраняется также для владельцев ферм, равно как и для владельцев мелкого бизнеса и малых промышленных предприятий в Шлезвиг-Гольштейне и Ганновере, но не в Баварии — сугубо католическом регионе, где нацисты были относительно слабы²². Хеберле в своем исследовании Шлезвиг-Гольштейна, где он проанализировал все избирательные кампании во времена Веймарской республики, пришел к заключению, что «классами, особен-

²² Charles P. Loomis and J. Allen Beegle, «The Spread of German Nazism in Rural Areas», *American Sociological Review*, 11 (1946), pp. 729, 730. Данные практически обо всех выборах, проходивших в Германии как при Веймарской, так и при Боннской республиках, показывают, что католическая принадлежность постоянно и систематически доминирует над классовой принадлежностью или любой другой лояльностью в качестве главной детерминанты партийной поддержки. Наибольшая поддержка нацистов в Баварии и других католических областях исходила от протестантских анклавов и указанный факт делает в таких регионах относительно бесполезным экологический анализ, который не считает религиозную принадлежность неизменной.

но восприимчивыми к нацизму, были не сельское дворянство или крупные фермеры и не сельский пролетариат, а скорее владельцы маленьких ферм, которые во многом представляли собой сельский эквивалент тех нижних слоев среднего класса или же мелкой буржуазии (*Kleinbuergertum*), которые в городах составляли главную опору NSDAP, можно сказать ее стеновой хребет»²³.

Принадлежащее социологу Сэмюэлю Пратту превосходное исследование голосования городских жителей в период, предшествовавший победе нацистов, установило связь голосования за нацистов в июле 1932 г. с пропорцией населения, принадлежавшего к «верхнему среднему классу», который определялся как «владельцы малых и больших организаций и предприятий, а также их руководители», и с пропорцией «нижнего среднего класса», состоящего из «государственных служащих и работников умственного труда (белых воротничков)». Голосование за нацистов чрезвычайно сильно коррелировало с пропорцией тех, кто принадлежал к обеим этим группам среднего класса, причем как в городах самого разного размера, так и в различных сельских районах страны, но корреляция с «нижним средним классом» не была столь же единообразно высокой и положительной, как корреляция с «верхним средним классом». Вот как выразился на сей счет сам Пратт: «Из двух сегментов среднего класса верхний кажется более глубоко и основательно пронацистским»²⁴. Однако так называемая верхняя часть этого класса состояла преимущественно из мелких бизнесменов, посему корреляция, о которой сообщалось, в значительной степени связывала с голосованием за нацистов не тех, кто работал по найму, а лиц с совершенно иным экономическим статусом — самозанятых владельцев собственного бизнеса²⁵. Эта интерпретация дополнительно подкрепляется результатом Пратта, установившего, что голосование за нацистов коррелировало также (+0,6) с процентной долей таких коммерческих организаций, где имелся всего лишь один работающий, — другими словами, самозанятый индивид, занимавшийся самостоятельной предпринимательской деятельностью. «Такого следовало ожидать, поскольку предприятия с одним работником — это еще одно мерило

²³ R. Heberle, *op. cit.*, p. 112. Гюнтер Франц также сообщает, что в Нижней Саксонии «именно буржуазный средний класс в городах и владельцы ферм в сельской местности были теми, кто поддерживал NSDAP». См.: Günther Franz, *op. cit.*, p. 62.

²⁴ См.: Samuel A. Pratt, *op. cit.*, p. 148.

²⁵ Тщательный анализ результатов общегерманской переписи 1933 г. обнаруживает, что более 90% той категории, которую Пратт истолковывал как «верхний средний класс», состоит из «собственников», и только малая ее доля принадлежит к группам наемных работников.

для класса собственников, которое использовалось, чтобы распознавать принадлежность к верхнему среднему классу»²⁶.

Распределение членов нацистской партии по профессиям и родам деятельности в 1933 г. указывает, что в большой мере они рекрутировались из различных городских страт среднего класса, среди которых опять-таки наиболее избыточно были представлены самозанятые лица (см. табл. II). Вторая по численности из наиболее избыточно представленных категорий — домашняя прислуга и лица, безвозмездно работающие на семейных несельскохозяйственных предприятиях, — также дает внятное свидетельство того, что нацистская партия обращалась в значительной степени к мелкому бизнесу, так как эту категорию составляют едва ли не в первую очередь люди, которые помогают родственникам заниматься мелкими «хозяйствующими субъектами», находящимися в собственности семьи.

Отношение германского крупного бизнеса и крупного капитала к нацистам было вопросом, до сего дня вызывающим значительные споры и противоречия, особенно с тех пор, как различные марксисты предприняли попытки продемонстрировать, что нацистское движение с самого его зарождения «создавала, кормила, подпитывала, поддерживала и субсидировала крупная буржуазия, крупные землевладельцы, финансисты и промышленники»²⁷. Новейшие исследования убедительно доказывают нечто прямо противоположное. За исключением немногих изолированных и ни с кем не связанных личностей, немецкий крупный капитал оказывал нацизму несущественную финансовую поддержку или какие-то иные виды поощрения либо стимулирования — до того момента, пока тот не вырос до статуса крупной партии. Нацисты действительно начали в 1932 г. получать и привлекать заметную финансовую помощь, но эта поддержка в значительной мере была результатом политики многих фирм и отдельных предпринимателей, которые предоставляли деньги всем крупным партиям, кроме коммунистов, чтобы при случае воспользоваться потом их благосклонностью. Некоторые из германских промышленников, подбрасывая нацистам кое-какие средства, вероятно, надеялись приручить их. Однако в целом вышеуказанная группа оставалась традиционно лояльной по отношению к консервативным партиям, и многие из богатых людей не давали

²⁶ Samuel A. Pratt, *op. cit.*, p. 171.

²⁷ R. Palme Dutt, *Fascism and Social Revolution* (New York: International Publishers, 1934), p. 80.

нацистам никаких денег вплоть до момента, когда эта партия завоевала власть²⁸.

148

Таблица II

Отношение процентной доли мужчин в нацистской партии к их процентной доле в общем населении для различных занятий и профессий, 1933 г.^{*}, %

<i>Профессиональная категория</i>	<i>1933 г.</i>
Работники физического труда	68
Работники умственного труда (белые воротнички)	169
Независимые ^{§§}	187
Чиновники (государственные служащие)	146
Крестьяне	60
Домашняя прислуга и лица, безвозмездно работающие на семейных несельскохозяйственных предприятиях	178

^{*} Рассчитано на основании таблицы, приведенной в статье: Hans Gerth, «The Nazi Party: Its Leadership and Composition», в сб.: Robert K. Merton, *et al.*, eds., *Reader in Bureaucracy* (Glencoe: The Free Press, 1952), p. 106.

^{**} Включает самозанятых бизнесменов, ремесленников и лиц свободных профессий.

В 1932 г. идеально-типичный нацистский избиратель принадлежал к среднему классу, был самозанятым протестантом и проживал либо на ферме, либо в небольшой общине, причем ранее голосовал за какую-нибудь центристскую или регионалистскую политическую партию, резко выступавшую против огромной власти и влияния как крупного капитала, так и мощных профсоюзных организаций. Это не означает, что у большинства нацистских избирателей не имелось никаких других характерных особенностей. Как и любые партии, стремящиеся завоевать реальное большинство на выборах, нацисты пытались в той или иной степени обращаться к каждой сколько-нибудь крупной группе избирателей²⁹. Совершенно очевиден был

148

²⁸ См.: F. Thyssen, *I Paid Hitler* (New York: Farrar and Rinehart, 1941), p. 102; Walter Gorlitz and Herbert Quint, *Hitler. Eine Biographie* (Stuttgart: Steingrubben Verlag, 1952), pp. 284, 286; Edward Norman Peterson, *Hjalmar Schacht for and against Hitler* (Boston: The Christopher Publishing House, 1954), pp. 112–117; общее обсуждение этой проблемы и соответствующие документальные подтверждения см. также в: August Heinrichsbauer, *Schwerindustrie und Politik* (Essen: Verlag Glückauf, 1948); Arild Halland, *Nazismen i Tyskland* (Bergen: John Griegs Forlag, 1955); и Louis P. Lochner, *Tycoons and Tyrants, German Industry from Hitler to Adenauer* (Chicago: Henry Regnery Co., 1954).

²⁹ Анализ источников голосования за Социал-демократическую партию (СДП) в 1930 г. позволил оценить, что 40% ее избирателей не были работниками физического труда и что в том году указанную партию поддержали 25% работников умственного труда и белых воротничков, 33% государственных служащих сравнительно

большой успех, которым они пользовались и у других групп выходцев из среднего класса, особенно у безработных³⁰. Ведь в самой низкой точке Великой депрессии, которая повлияла на Германию сильнее, чем на любую другую промышленно развитую страну, недовольство «системой» было широко распространено во всех сферах общества. Однако нацизм как движение выглядел наиболее привлекательным именно для тех немцев, чьи характеристики были резюмированы выше.

ЗАМЕЧАНИЕ О НЕМЦАХ, КОТОРЫЕ НЕ ГОЛОСОВАЛИ

149 Пожалуй, самый важный аргумент против тезиса, что нацизм развивался в первую очередь как движение либеральной мелкой буржуазии, состоял в следующем: фактически едва ли не главным источником первого большого прироста электоральной силы нацистов (между 1928 г., когда они получили 2,6% голосов, и 1930 г., когда им удалось завоевать уже 18,3% электората) были люди, которые ранее вообще не голосовали. За время между двумя названными избирательными кампаниями доля неголосующих резко сократилась: от 24,4% из числа тех, кто имел право голоса, до 18%, и этот факт привел многих к заключению, что очень большая часть прироста голосов, поданных за нацистов, исходила от людей, традиционно безразличных к любым выборам, и от молодых избирателей, которые голосовали впервые³¹. Самое исчерпывающее и всестороннее критическое рассмотрение классового анализа германских выборов принадлежит американскому социологу Рейнхарду Бендиксу, высказавшему мысль о таком процессе роста электоральной поддержки нацизма, в котором средний класс *следовал* в своем голосовании в пользу нацистов за новыми избирателями: «Важность двух групп избирателей: недавно впервые получивших право голосовать, а так-

низкого ранга и 25% самозанятых, т.е. тех, кто работал на себя или владел собственным делом (в ремесленных и кустарных мастерских, в салонах или ателье, а также в розничной торговле). Но ядро поддержки СПД составляли наемные квалифицированные работники физического труда, в то время как основной опорой нацистов были мелкие собственники, как городские, так и сельские. См.: Hans Neisser, «Sozialstatistische Analyse des Wahlergebnisses», *Die Arbeit*, 10 (1930), pp. 657–658.

³⁰ Пратт сообщает о высокой положительной корреляции между безработицей среди белых воротничков и голосованием за нацистов в городах. См.: S. Pratt, *op. cit.*, chap. 8.

³¹ См. одну из первых публикаций, где изложена эта точка зрения: Theodore Geiger, *Die Soziale Schichtung des Deutschen Volkes* (Stuttgart: Enke Verlag, 1932), p. 112, а также см.: Heinrich Striefler, *op. cit.*, pp. 23–28; Reinhard Bendix, «Social Stratification and Political Power», в сб.: R. Bendix and S. M. Lipset, eds., *Class, Status and Power* (Glencoe: The Free Press, 1956), p. 605; Günther Franz, *op. cit.*, p. 61–62.

же тех, кто ранее был политически апатичен, — ставит под сомнение бытующую концепцию фашизма как движения среднего класса. Невозможно отрицать, что опасения выходцев из среднего класса за свою экономическую безопасность сыграли важную роль для завоевания власти нацистами — в качестве вторичной реакции. Вместе с тем следует скорее утверждать, что радикализация электората возникла среди тех, кто ранее никак не участвовал в партийной политической жизни и кто, вероятно, пришел в нее из самых разных социальных групп, а также что существенная поддержка тоталитарного движения представителями среднего класса и членами других социальных групп возникла впоследствии из их надежды на облегчение страданий от экономических бед и из желания извлечь какую-либо пользу от поддержки победоносного движения»³².

Указанный тезис бросает вызов классовому анализу нацизма и противоречит тем выводам общего характера о росте новых социальных движений, которые были представлены в предыдущей главе при обсуждении авторитаризма рабочего класса. Такой анализ наводит на мысль, что большинство всевозможных изгоев и лиц из апатичных сегментов населения может быть привлечено экстремистскими и авторитарными партиями к активным политическим действиям только *после того*, как такие партии становятся крупными движениями, а не в тот период, когда они еще находятся на этапе своего становления и первоначального роста. Для поддержания нового небольшого движения требуется относительно сложное и долгосрочное представление о политическом процессе, которого не в состоянии достичь невежественные и апатичные люди, к тому же сильно сомневающиеся в своей экономической безопасности. Эта логика должна распространяться в том числе и на нацистов, а статистический анализ зависимости между уменьшением доли не участвующих в голосованиях и ростом германского нацизма указывает, что фактически так оно и происходило.

Мнение Гайгера, Бендикса и других ученых, пришедших к выводу, что на первых порах нацисты получали поддержку от тех, кто традиционно вообще не голосовал, основывалось на относительно полных результатах выборов, которые показывали огромное увеличение количества голосов, поданных за нацистов, и одновременно с этим внезапное участие в голосовании четырех с лишним миллионов людей,

³² Reinhard Bendix, *op. cit.*, p. 605. За прошедшее с тех пор время Бендикс модифицировал свою позицию. См.: R. Bendix and S. M. Lipset, «On the Social Structure of Western Societies: Some Reflections on Comparative Analysis», *Berkeley Journal of Sociology*, 5 (1959), pp. 1–15.

перед этим вообще не ходивших ни на какие выборы. Но если разбить по избирательным округам данные об изменениях в долях тех, кто ранее вообще не голосовал и кто голосовал за нацистов, то мы фактически обнаруживаем маленькую *отрицательную* ранговую корреляцию (-0,2) между процентом увеличения голосов за нацистов и увеличением пропорции голосовавших в общей численности электората. Можно сформулировать этот тезис более ярко и зримо: в тех всего лишь пяти избирательных округах, где прирост голосования за нацистов в период между 1928 и 1930 гг. превысил *средний* такой прирост для всей Германии, наблюдалось также непропорционально большое увеличение численности электората. В двадцати двух из тридцати пяти общенациональных округов имела место отрицательная зависимость, т.е. либо прирост общего числа голосующих был невысок, а увеличение голосования за нацистов оказалось значительным, либо наоборот. Таким образом, имеющиеся свидетельства об уменьшении количества неголосующих в период между 1928 и 1930 гг. не ставят под подозрение классовый анализ нацизма³³.

151

Не вызывает сомнений и наличие каких-то других причин, отличных от простого отслеживания изменений в общем количестве голосующих, которые говорят о том, что нацисты интенсивно вербовали себе сторонников из ранее апатичного сектора населения. Как я уже подчеркивал в предыдущей главе, у тех частей населения, для которых в норме характерна апатичность, есть тенденция придерживаться авторитарных установок и ценностей³⁴. Однако и в апатичных группах можно пробудить политические интересы, но только с помощью *массового* движения, которое предлагает *простой* экстремистский

³³ Эти результаты и выводы из них подкрепляются анализом Лумиса и Бигла. Эти два автора сообщают, что в 1932 г. в 59 локальных избирательных округах сельского Ганновера корреляция между теми, кто не голосовал вообще, и процентной долей голосов, поданных за нацистов, составляла 0,43. Такая корреляция тоже бросает вызов тезису, что нацисты обращались прежде всего к неголосующим. См.: Charles P. Loomis and J. Allen Beegle, *op. cit.*, p. 733. Как это исследование, так и более ранняя публикация Джеймса Поллока оказались проигнорированными в большинстве работ, посвященных данному вопросу. Поллок подчеркивал, что «при изучении другого аспекта электроального поведения немцев мы обнаруживаем мало зависимости между количеством голосов, поданных на указанных выборах [1930–1933 гг.], и природой достигнутого политического результата. <...> В Германии на протяжении этих критических лет многие из городских индустриальных территорий продемонстрировали больший интерес к выборам, чем сельскохозяйственные территории. В то же время явно возросшее участие в голосовании, наблюдавшееся в крупных городах, было, как правило, направлено против Гитлера, тогда как сельскохозяйственные территории регулярно проявляли к нему повышенный интерес». James K. Pollock, «An Areal Study of the German Electorate, 1930–1933», *American Political Science Review*, 38 (1944), pp. 93–94.

³⁴ См. с. 130–133.

взгляд на политику и политическую жизнь. С 1928 до 1930 г. нацисты не очень-то нравились указанной категории населения; однако после 1930 г. отношение к ним этой части потенциального электората резко изменилось. Те аналитики, которые концентрировались на предполагаемом увеличении влияния нацистов среди апатичного сегмента немцев в 1930 г., игнорировали тот значительный его рост, который фактически случился позже. Реально наибольшее разовое уменьшение числа неголосующих в Германии произошло на последних выборах в марте 1933 г., которые проводились уже после того, как Гитлер занял свой пост в качестве главы коалиционного правительства. Доля не участвующих в голосовании уменьшилась с 19% в 1932 г. до 11% в 1933 г., т.е. произошло ее сокращение на 8 процентных пунктов, в то время как доля голосовавших за нацистов увеличилась с 33 до 43%. И если мы снова вычислим корреляцию между ростом голосов, поданных за нацистов, и увеличением численности реального электората, то обнаружим — в точном соответствии с требованиями данной гипотезы, — что эти две тенденции показывают сильную положительную взаимозависимость (0,6).

Если представить разбивку результатов голосования по округам, то в двадцати восьми из имевшихся тридцати пяти общенациональных округов прирост числа голосов, поданных за нацистскую партию, был выше или ниже среднего общенационального прироста, когда увеличение голосующей части электората было в этих округах соответственно выше или ниже среднего общенационального показателя. В качестве массовой авторитарной партии, лидер которой уже занял ключевой пост канцлера, нацистская партия получила дополнительную поддержку (суммарно этот показатель впервые превысил у нее 40-процентную отметку) от антиполитической и ранее апатичной публики, тем самым как бы параллельно воспроизводя картину роста голосования за левых экстремистов, которые по мере достижения ими статуса реального претендента на власть тоже вербовали себе поборников из наиболее отверженных страт населения.

152

Австрия

Модели голосования в Австрии во времена Первой республики* похожи на те, что наблюдались в Германии, хотя резко отличающаяся ситуация на австрийской политической сцене препятствует точным сравнениям. Перед 1930 г. австрийский электорат разделялся на три

* Формально Первая республика существовала в Австрии в 1918–1938 гг. — *Прим. перев.*

основные группы: Социал-демократическая партия обеспечивала себе приблизительно 40% голосов; консервативную и клерикальную Христианско-социальную партию поддерживало в общей сложности примерно до 45% электората; и намного меньшие либеральные пангерманские партии набирали в общей сложности от 10 до 15% голосов. В основном нас здесь интересует как раз *Volkspartei*, Народная партия, поскольку она проводила либеральную антиклерикальную политику, которую продвигали и германские либеральные партии центристского толка. В Австрии к этой политической линии добавлялась сильная прогерманская ориентация, которая после 1918 г. была привязана к либеральным традициям, наблюдавшимся тогда в Германии. Поддержка Народной партии до 1930 г. включительно исходила в большой мере от внушительного по своим размерам антиклерикального сегмента городских средних классов плюс от протестантского и еврейского меньшинств. В течение 1920-х годов *Volkspartei* входила в антимарксистскую правительственную коалицию с Христианско-социальной партией. В 1930 г. она разорвала отношения с этой последней — в значительной степени из-за своих возражений против явно антипарламентских мер, которые проталкивали лидеры Христианско-социальной партии и так называемый *Heimwehr* (отряды самообороны, буквально «союз защиты родины»), ее частная армия. Чтобы сохранить демократические процедуры и защитить их от нападков клерикальных сторонников авторитаризма, д-р Иоганнес Шобер, лидер народной *Volkspartei**, сформировал коалицию с другой пангерманской антиклерикальной группировкой, сельской по своему духу, которая носила название *Landbund* (Земельный союз) и «выступала в поддержку... закона и порядка, а также за... парламентское правление»³⁵. Эта новая коалиция набрала в общенациональном масштабе 12% голосов. На выборах 1930 г. указанный пангерманский альянс был, вероятно, наиболее близок к выражению демократической и антиклерикальной либеральной идеологии. Но в течение последующих двух лет большинство тех, кто поддерживал этот альянс, сделались сторонниками нацистской партии. Американский социолог Уолтер Саймон, который подробно проанализировал данные о выборах, проходивших в ту эпоху на территории Австрии, кратко и красочно сообщает о событиях указанных двух лет:

* Ранее начальник венской полиции. — *Прим. перев.*

³⁵ Walter B. Simon, *The Political Parties of Austria* (Ph. D. thesis, Department of Sociology, Columbia University, 1957, Microfilm 57-2894 University Microfilms, Ann Arbor, Michigan), pp. 28, 71.

«Весьма существенно и даже многозначительно, что в ноябре 1930 года единый коалиционный список д-ра Шобера, который носил название «*Nationaler Wirtschaftsblock und Landbund, Führung Dr. Schober*» (Общенациональный экономический блок и земельный союз под руководством д-ра Шобера) и отстаивал “либеральный” германизм, получил свои голоса от электората, состоявшего в большой степени из избирателей, которым по истечении менее, чем полтора лет, предстояло переметнуться в движение Гитлера, а также из совсем других избирателей, принадлежавших к еврейскому среднему классу. Таким образом д-р Шобер преуспел в том смысле, что ему в последний раз удалось сплотить в одном лагере еврейский либеральный и антимарксистский сегмент среднего класса с другим сегментом того же класса — ориентирующимся на Германию и антиклерикальным. Обе названные группировки вст еще продолжали лелеять традиции славной революции 1848 года, в которой их прадеды боролись плечом к плечу против сил деспотичного авторитарного правления и за конституционное правительство. <...> К 1932 году почти все нееврейские избиратели, поддерживавшие указанный список, перешли на противоположную сторону и стали дружно голосовать за нацистов. Сам д-р Шобер летом 1932 года скончался, и городское крыло его бывшего единого избирательного списка конституировалось в качестве *gross-deutsche Volkspartei* (Великогерманской народной партии), которая 15 мая 1933 года примкнула к нацистам как аффилированная организация на условиях так называемого *Kampfbundnis*, или боевого союза»³⁶.

Переход сторонников Великогерманской народной партии в лагерь нацистов нельзя объяснить как приспособление прогермански настроенных австрийцев к той тенденции, которая играла ведущую роль в Германии. Нацисты получили поддержку нееврейского сектора антиклерикального австрийского среднего класса более чем за год до того, как пришли к власти в Германии, и они заменили Народную партию (*Volkspartei*) в качестве крупной третьей стороны на различных провинциальных выборах, проводившихся на территории Австрии в 1931 и 1932 гг.³⁷

³⁶ *Ibid.*, pp. 322–323. Все утверждения по поводу источников голосования и переходов избирателей на сторону нацистов документально зафиксированы Саймоном в ходе весьма тщательного и трудоемкого анализа электоральной статистики.

³⁷ Хотя антисемитизм и до 1918 г. составлял характерную часть пангерманского движения, *gross-deutsche Volkspartei* (Великогерманская народная партия), сторонники которой в 1932 г. пошли за нацистами и которая в 1933 г. формально объединилась с австрийскими нацистами, в религиозном вопросе оставалась либеральной. На протяжении 1920-х годов эту партию обвиняли в том, что она «чрезмерно симпатизирует

Австрийскую политическую сцену наглядно иллюстрирует также специфический характер тамошнего консервативного, или правого, «фашизма». Христианско-социальная партия никогда не соглашалась с легитимностью демократических институтов Первой Австрийской республики; многие из ее лидеров и сторонников не могли даже помыслить о том, чтобы позволить марксистским атеистам из Социал-демократической партии занять место в правительстве, и в 1934 г. австрийский клерикальный консерватизм навязал стране диктатуру. Это была консервативная диктатура, и никакую политическую группировку не подвергали репрессивным мерам, если она не оставалась функционировать в качестве организованной оппозиции режиму. Социалисты и профсоюзы были запрещены, но смогли сохранить мощное подполье. В 1938 г., когда власть в Австрии захватили нацисты, различие между их диктатурой и предыдущей очень скоро стало очевидным: тоталитарно настроенные нацисты активно стремились если не управлять всем обществом, то держать его под жестким контролем; они быстро разрушили социалистическое и профсоюзное подполье и приступили к энергичному преследованию евреев, а также всех противников нацистских идей независимо от того, действительно ли те проявляли политическую активность или же тихо сидели и помалкивали³⁸.

Франция

155 Перед алжирским военным путчем мая 1958 г. послевоенная Франция оказалась свидетелем роста двух относительно крупных движений, на каждое из которых его оппоненты и явные противники навешивали ярлык фашистского, — это были голлистское *Rassemblement du Peuple Française* (RPF — Объединение французского народа, ОФН) и *L'Union de Défense des Commerçants et Artisans* (UDCA — Союз защиты торговцев и ремесленников, СЗТР), более широко известный как движение пужадистов (по фамилии его лидера Пьера Пужада). Когда на выборах 1956 г. пужадисты обеспечили себе большое количество голосов (приблизительно 10%) и временно заменили сторонников Шарля де Голля в качестве основных «правых» недругов Республики,

евреям», и в 1930 г. ее избирательный список энергично поддержала газета *Neue Freie Presse* («Новая свободная пресса»), «орган либерального еврейского среднего и высшего классов». См.: Walter Simon, *op. cit.*, p. 328.

³⁸ Превосходное описание политических событий, которые привели к уничтожению Австрийской республики, см. в: Charles A. Gulick, *Austria from Hapsburg to Hitler* (Berkeley: University of California Press, 1948).

это навело некоторых аналитиков на мысль о том, что Пужад унаследовал ту поддержку, от которой отказался де Голль, когда распустил ОФН и удалился в свое уединенное небольшое поместье Коломбэ-ле-Дёз-Эглиз ожидать, когда французский народ вновь призовет его.

Однако, как бы то ни было, идеологии этих двух лидеров, равно как и их движения, резко различаются. Де Голль — классический консерватор, человек, который верил в традиционные истины, разделяемые французскими правыми. Самыми разными способами он добивался того, чтобы дать Франции стабильный консервативный режим с сильным президентом. Защищая необходимость сильного руководителя страны, он следует традиции, которая во Франции отождествлялась в значительной степени с монархизмом и церковью. В своем призыве восстановить Францию де Голль никогда не противопоставлял интересы одного класса интересам какого-нибудь другого; ни он сам, ни его движение ни под каким видом не стремились завоевать поддержку средних классов, утверждая или хотя бы давая понять, что интересам этих классов угрожал крупный капитал, предприниматели и банки или же профсоюзы. Скорее де Голль отождествлял себя со всем, что двигало вперед Францию как страну, — с ростом эффективной крупной промышленности, с национализацией разных ее отраслей и предприятий, которая происходила в условиях его режима до 1946 г., и с укреплением государственной власти. Он также с нарочитой демонстративностью поддерживал все, что отождествляло его самого с Католической церковью. Де Голль напрямую вписывается в традицию сильных личностей, принадлежащих к консервативному правому крылу. Он добивался изменения политических институтов, чтобы сберечь и даже законсервировать традиционалистские ценности.

Доступные ныне материалы об источниках поддержки голлистов подкрепляют утверждение о том, что ОФН черпал свою силу из классических резервуаров консерватизма. Данные многих опросов указывают, что до 1948 г. ОФН на вершине популярности привлекло на свою сторону больше голосов тех, кто ранее голосовал за PRL — Республиканскую партию свободы (РПС) — или за *modères* («умеренных»), т.е. за французских консерваторов, чем приверженцев любой другой партии. В 1947 г. 70% тех, кто заявлял, что они раньше поддерживали РПС, сказали о своем намерении голосовать за голлистов. Другим крупным источником тех, кто превратился в сторонников де Голля, были члены католического MRP (Народно-республиканского движения, НРД), которое хотя и придерживалось левых взглядов по целому ряду экономических вопросов, в течение

некоторого времени после войны благодаря своему явно выраженному католицизму обеспечивало себе голоса многих традиционных консерваторов. В 1947 г. 54% давних сторонников НРД стали поддерживать де Голля. Эта поддержка от партий, связанных с католицизмом и консерватизмом, вполне сопоставима с 26-процентной поддержкой голлистов среди тех, кто перед этим голосовал за Радикальную партию — традиционную либеральную и антиклерикальную партию среднего класса во Франции³⁹.

Еще больше прямых свидетельств того, что поддержка голлистов носит в основе своей консервативный характер, содержится в результатах опросов за период, следовавший за временным самоустранением де Голля из политики и роспуском ОФН. В 1955 г. приблизительно половина (52%) из числа тех, кто сообщил, что в 1951 г. голосовал за голлистов, заявили, что будут голосовать за отколовшуюся и как бы диссидентскую голлистскую партию URAS (Республиканский союз социального действия, РССД), но четверо из пяти тех, кто переключился от голлистов на другую партию, высказали намерение поддержать на выборах умеренных консерваторов⁴⁰.

Разнообразные данные многих опросов, собранные воедино в *Sondages* (французском центре опросов общественного мнения, проводимых местным Институтом Гэллага), показывают, что самую мощную поддержку ОФН обеспечило себе от тех, кто в европейских странах обычно высказывается в пользу более консервативных партий, — от лучше обеспеченных, более религиозных, более пожилых и от женщин. У избирателей ОФН уровень образования был выше, чем у приверженцев любой другой французской партии (38% из них имели образование выше неполного среднего); большее число сторонников ОФН перешагнули рубеж 65-летнего возраста; руководители промышленных предприятий, инженеры и бизнесмены поддерживали ОФН сильнее, чем любую другую партию; наконец, как и в случае иных католических партий, большинство ее избирателей были женщинами. Только 12% сторонников ОФН указали, что не соблюдают никаких религиозных обрядов, в противоположность 40% таких людей среди приверженцев радикалов⁴¹. *Sondages* сообщал в 1952 г., что «ОФН — самая женская из всех партий. <...> [Профессиональные] категории, которые в ней преобладают и представлены

³⁹ *Sondages*, February 16, 1948, p. 47.

⁴⁰ Jean Stoetzel, «Voting Behavior in France», *British Journal of Sociology*, 6 (1955), p. 105.

⁴¹ Об этих данных сообщается на английском языке в работах J. Stoetzel, *op. cit.*, pp. 116–119 и Philip Williams, *Politics in Post-War France* (London: Longmans, Green & Co., 1954), p. 446.

шире, чем их пропорция в населении, — это работники умственного труда (белые воротнички), бизнесмены, менеджмент промышленных предприятий и инженеры».

Результаты, полученные в ходе опросов, не только демонстрируют консервативный характер сторонников де Голля, но также указывают, что эти люди, скорее всего, не стали бы доверять парламентским институтам, а также отдали бы предпочтение правительству сильной руки с большей вероятностью, нежели электорат любой другой крупной партии, за исключением коммунистов. Голлисты уступали только коммунистам и в пропорции своих членов, которые полагали, что при некоторых обстоятельствах их партия должна захватить власть силой, и в доле тех, кто горячо одобрял достижение прогресса посредством революции. Более значительная доля избирателей голлистов, чем приверженцев любой другой партии, включая коммунистов, была убеждена, что «некоторые партии или партию обязательно следует запретить», что только меньшинство «членов французского кабинета министров являются честными людьми», что «лидерские способности» и вожди той или иной политической партии важнее, чем ее доктрина либо программа, а также испытывала «полное доверие» к лидеру своей собственной партии⁴².

На выборах 1956 г., к крайнему удивлению многих политических обозревателей, у движения пужадистов уровень его поддержки повысился и превратил эту партию в важного игрока на политической сцене. Некоторые воспринимали пужадизм как самый свежий отклик наиболее авторитарных и антиреспубликанских элементов в составе французских правых сил на появившуюся возможность голосовать против демократии и республики⁴³.

Что касается пужадизма, то фактически он, подобно нацизму в Австрии и Германии, был экстремистским движением, базирующимся на тех же социальных стратах, что и движения, которые поддерживают «либеральных центристов». Хотя невозможно знать, в какой мере это движение, оказавшись оно у власти, стало бы похожим на нацизм, его идеология напоминает идеологию нацистов и других экстремистских популистских движений среднего класса. Пужадизм обращался к мелкой буржуазии, ремесленникам, кустарям, торгов-

⁴² *Sondages*, 14 (1952, No. 3) приводит детальный отчет о социальных характеристиках и мнениях сторонников различных крупных партий; именно оттуда и взяты данные, фигурирующие в двух предшествующих абзацах. Более поздний отчет о подобном опросе см. в: Philip Williams, *Politics in Post-War France* (London: Longmans, Green & Co., 1958, 2d ed.), pp. 452–454.

⁴³ См.: Georges Lavau, «Les Classes moyennes et la politique», в сб.: Maurice Duverger, ed., *Partis politiques et classes sociales en France* (Paris: Librairie Armand Colin, 1955), pp. 60, 76.

цам и крестьянам — ко всем тем, кто яростно выступает против ужа-сающих, как им кажется, последствий воздействия на них современного индустриального общества. Это движение выступало против крупного капитала, против картелей и трестов, против марксистских партий, против профсоюзов, универмагов и банков, а также против таких проявлений государственного контроля над бизнесом, как социальное обеспечение и другие элементы государства всеобщего благоденствия, — ведь из-за них в стране поднялись налоги, платить которые приходится маленькому человеку. Но хотя пужадизм открыто и явным образом напал сразу и на левых, и на правых, он прочно связывал себя с революционной республиканской традицией. Взывая к популистским чувствам, в частности пропагандируя идею, что правительством должны управлять и держать его под контролем конкретные люди, а не партии, Пужад вместе с тем хвалил французских революционеров, которые «не колеблясь отравили короля на гильотину», и требовал возрождения различных революционных институтов наподобие *Estates-General* (Генеральных штатов), куда можно будет в стиле 1789 г. подавать списки обид и жалоб, подготовленные местными ассамблеями граждан⁴⁴. С атаками пужадистов на крупный капитал, левые партии и профсоюзы сочетались их нападки на евреев, а также националистическая защита колониализма⁴⁵.

Зависимость пужадистской идеологии во Франции скорее от антиклерикального либерализма, нежели от правой традиции, хорошо резюмировал британский автор Питер Кэмпбелл:

«Во всех своих разнообразных формах традиционные антидемократические правые круги настойчиво утверждали, что республика предала Францию; согласно точке зрения пужадизма, виноваты в этом политические деятели и администраторы, предавшие и республику, и тот честный народ, который она обязана защищать. Задача пужадистов состоит в том, чтобы снова победить и завоевать для Франции республику, действуя в духе Великой Революции 1789—1793 годов. Пужадисты требуют созыва новых Генеральных штатов с новыми *cahiers* (наказами), куда будут вписаны жалобы людей и их

⁴⁴ См.: Jean Meynaud, «Un essai d'interpretation du mouvement Poujade», *Revue de l'institute de sociologie* (1956, No. 1), p. 27, где обсуждается республиканская популистская символика в пужадизме; дальнейшую документальную фиксацию идеологии пужадистов см. в других разделах указанной статьи, pp. 5—38, а также в книгах S. Hoffman, *Le mouvement Poujade* (Paris: Librairie Armand Colin, 1956); M. Duverger, et al., eds., *Les élections du 2 janvier 1956* (Paris: Librairie Armand Colin, 1957), особенно pp. 61—64.

⁴⁵ Пужад даже публично давал деньги, чтобы поддержать крупную забастовку в Сен-Назере. См.: J. Meynaud, *op. cit.*, p. 26.

челобитные. <...> Пужадисты предпочли различным триадам крайне правых (вроде формулы маршала Петена “Труд, Семья, Отечество”) знаменитый девиз республики “Свобода, Равенство, Братство”, но они подчеркивали свою собственную, особую интерпретацию этого лозунга.

Преданность пужадизма Французской республике, а также принципам и символам Великой Революции позволяет отнести его к демократической традиции. <...> Тем не менее его психология очень близка к психологии фашизма, или, скорее, фашизма для масс — по контрасту с фашизмом для социальной элиты. В пужадизме присутствует тот же самый страх оказаться влитым в ряды пролетариата (страх, связанный с враждебностью и к организованным рабочим, которые стоят ниже находящегося под угрозой нижнего слоя среднего класса, и к тем социальным группам, которые стоят выше этого слоя), а также желание найти козлов отпущения (внутренних и внешних) и агрессивность по отношению к культуре, интеллектуалам и нонконформистам»⁴⁶.

Идеологические различия между голлизмом и пужадизмом неопровержимо свидетельствуют о том, что эти два движения представляют разные страты населения. Многие ученые аргументированно доказывали, что «существенное ядро пужадизма состояло в его «противостоянии [демократическому] режиму», так что он смог поглотить голлизм 1951 года»⁴⁷. Но даже беглый взгляд на карту Франции, куда нанесены результаты голосования за голлистов в 1951 г. и за пужадистов в 1956 г., быстро ставит эту теорию под сомнение. Сила пужадистов лежит большей частью в тех областях Франции, преимущественно на юге страны, где сторонники де Голля были слабы, в то время как голлисты были сильны как раз там, где население сопротивлялось натиску и посягательствам пужадистов. Хотя Пужад получил в целом по стране меньше голосов, чем де Голль, — 2,5 млн по сравнению с 3,4 млн, — во многих южных избирательных округах список кандидатов от пужадистов на выборах 1956 г. был гораздо сильнее, чем список голлистов на выборах 1951 г.⁴⁸ Сила голлистов сосредоточивалась в более зажиточных, промышленно развитых и экономически растущих регионах Франции, в то время как геогра-

⁴⁶ Peter Campbell, «Le Mouvement Poujade», *Parliamentary Affairs*, 10 (1957), pp. 363–365.

⁴⁷ См.: S. Hoffman, *op. cit.*, pp. 190 и далее, где обсуждаются различные гипотезы, которые были выдвинуты с целью объяснить внезапный взлет пужадистов.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 193; детальный экологический анализ различных источников голосования за пужадистов см. в: François Coguël, «Géographie des élections du 2 janvier», в сб.: M. Duverger, *et al.*, eds., *op. cit.*, особенно pp. 477–482.

фическое ядро пужадизма размещалось в более бедных, относительно слабо развитых и экономически застойных департаментах.

В дополнение к такому экологическому свидетельству имеется значительный объем данных более прямых опросов или голосований, демонстрирующих, что пужадизм получал свою поддержку от традиционной социальной базы либерализма — антиклерикальных средних классов — и что это движение носило революционный, а не консервативный и охранительный характер. Опрос общенациональной выборки электората, проведенный в 1956 г. французским национальным институтом изучения населения, установил, что приблизительно половина тех, кто голосовал за пужадистов, не работали по найму, а были самозанятыми⁴⁹. Эти общенациональные результаты были повторены и уточнены при опросе, проведенном другим учреждением, французским институтом исследования общественного мнения, в первом округе Парижа и установившем, что 67% голосов, поданных там за пужадистов, исходили от мелких бизнесменов или же ремесленников либо кустарей⁵⁰. В то время как опросы типовых выборок голлистского электората показали, что эти люди образованы лучше сторонников любой другой партии, у парижских пужадистов уровень образования оказался, напротив, ниже, чем у приверженцев любой другой партии, за исключением коммунистов. Их экономический статус, оценивавшийся самими интервьюерами, которые присваивали каждому из респондентов тот или иной статусный ранг, тоже был значительно ниже, чем у сторонников де Голля⁵¹.

161

⁴⁹ Это тот же самый опрос, о результатах которого сообщается далее в табл. I главы 7. Все указанные данные были вычислены на основании любезно предоставленных Аленом Жираром (Alain Girard) перфокарт исследования, которое проводилось указанным институтом.

⁵⁰ Жан Стотцель и Пьер Аснер подчеркивают, что успех пужадистов означал «вхождение в национальное собрание Франции большой группы представителей тех профессий, которые до сих пор были в нем представлены слабо; в опубликованном газетой “Монд” списке депутатов, избранных от Пужада, для 26 из 52 пужадистов указаны торговые профессии (10 торговцев, занимавшихся продовольственными товарами, 10 продавцов разнообразных промышленных товаров и 6 оптовых торговцев); остальные 26 депутатов были либо ремесленниками, либо владельцами сравнительно маленьких или средних по размерам предприятий плюс один школьный директор и два “студента”». Таким образом, официальные представители пужадизма, равно как и его социальная база, принадлежали к нижнему слою среднего класса. См.: Stotzel and Hassner, «Resultats d'un sondage dans le premier secteur de la Seine», в сб.: M. Duverger, *et al.*, eds., *op. cit.*, p. 190.

⁵¹ Эти данные выведены на основании таблиц, о которых сообщается в работе Jean Stotzel and Pierre Hassner, *op. cit.*, особенно pp. 236–242. Указанная статья отражает голосование в Париже с его диверсифицированной профессиональной структу-

Эти данные полностью совместимы с интерпретацией, которую подсказывал экологический анализ, — что пужадизм был в основном движением самозанятого, т.е. работающего на себя, нижнего слоя среднего класса, а также мелкой буржуазии из экономически отсталых провинциальных территорий и тем самым сильно отличался от голлизма, поддерживаемого в 1951 г. той частью среднего класса, которая либо была вполне обеспеченной, либо жила в более развитых в экономическом отношении регионах Франции⁵².

Однако приведенные данные все еще не демонстрируют того, что пужадизм в основном обращался к традиционным «либералам»⁵³. Чтобы получить такие свидетельства, мы должны обратиться к двум источникам — во-первых, к религиозным верованиям и религиозному поведению сторонников указанного движения и, во-вторых, к их мнениям по вопросам, которые связаны с приятием или отторжением традиционных французских семейных ценностей. Как указывают данные, о которых сообщается в табл. VII главы 7, к числу партий, которые получали непропорционально высокую поддержку от практикующих католиков, принадлежали католическое Народно-республиканское движение (НРД), консервативная партия независимых и голлисты, в то время как коммунисты, социалисты, радикалы и пужадисты избыточно представлены среди непрактикующих католиков, а также среди тех, кто не исповедует никакой религии⁵⁴.

162

рой и многочисленными представителями среднего класса — как независимыми и самозанятыми лицами свободных профессий, так и получающими жалование. В остальных статьях этого тома анализируются результаты выборов в других департаментах страны и указывается, что Пужада поддержали торговцы, ремесленники, а в некоторых округах и крестьяне. См., в частности, с. 316, 322–352, 369–395.

⁵² Конечно же, голлисты интенсивно вербовали себе также многочисленных сторонников из тех страт, к которым Пужад имел лишь ограниченный доступ; речь идет в первую очередь о бюрократии, работавшей в крупной промышленности, о менеджерах, инженерах, служащих и работниках умственного труда. «В тех немногочисленных экономически продвинутых департаментах, где пужадизм добился хоть какого-то успеха (например, в Изере), внимательное исследование показало, что этот успех достигался преимущественно в отсталых кантонах в составе каждого такого департамента». Maurice Duverger, *The French Political System* (Chicago: University of Chicago Press, 1958), p. 97.

⁵³ Морис Дюверже подчеркивает, что традиционные сторонники радикалов принадлежали «почти к тем же социальным группам, которые сегодня поддерживают Пужада, т.е. к владельцам маленьких магазинчиков и к ремесленникам или кустарям». *Ibid.*, p. 98.

⁵⁴ Различные данные указывают на то, что среди пужадистов непропорционально много мужчин по сравнению с Партией независимых, с движением НРД и со сторонниками де Голля. Данные о фактических результатах голосования см. в: Claude Lelau, «La géographie des partis dans l'Isere», в сб.: M. Duverger, et al., eds, *op. cit.*, p. 394; см. также: Jean Stoetzel and Pierre Hassner, *op. cit.*, p. 236; данные о гендерном составе приверженцев голлизма см. в: *Sondages*, December 1, 1948, p. 223, January 16, 1949, pp. 16–18 and August 1949, p. 126, and 1952, n. 3, p. 24.

В ходе выборов 1956 г. (согласно уже цитированному опросу) консервативные независимые и голлисты получили примерно две трети набранных ими голосов практикующих католиков, в то время как только 35% пужадистов и 29% радикалов регулярно посещали церковь.

Ранее опубликованные данные из того же самого опроса, касающиеся установок по отношению к размеру семьи и ограничению рождаемости, т.е. к таким вещам, которые во Франции тесно связаны с религией и политическими взглядами, также подтверждают, что пужадисты с большей вероятностью напоминают по своим взглядами антиклерикальных представителей левого крыла, чем правых консерваторов (см. табл. III). Таким образом, когда респондентов разделили согласно партийной принадлежности, чувства избирателей пужадистов оказались похожими на чувства тех, кто голосовал за левые партии, в то время как у избирателей, поддерживавших социальных республиканцев*, — группировку из «охвостья» голлистов во главе с Жаком Сустелем, которая оставалась лояльной по отношению к де Голлю после того, как тот ушел из политики, — социальные установки были близки к установкам избирателей НРД и партии независимых.

Таблица III

Зависимость между голосованием за определенную партию и установками по отношению к ограничению рождаемости во Франции*, %

Установки	Партийная принадлежность						
	1	2	3	4	5	6	7
Количество родившихся во Франции:							
Слишком большое	27	21	26	48	42	43	42
Каким оно и должно быть	56	59	48	39	43	43	39
Недостаточное	10	14	19	11	8	6	8
Одобряют информацию о регулировании рождаемости	29	24	29	42	51	60	68
Не одобряют предоставления информации о регулировании рождаемости	59	65	64	46	37	30	19

1 — Независимые; 2 — НРД; 3 — Социальные республиканцы (Сустель); 4 — СЗТР (Пужад); 5 — Радикалы; 6 — Социалисты; 7 — Коммунисты.

* Alain Girard and Raul Samuel, «Une enquête sur l'opinion publique à l'égard de la limitation des naissances», *Population*, 11 (1956), p. 500. Размер полной выборки составлял 2432 человека.

* Имеется в виду Республиканский союз социального действия. — Прим. перев.

В 1958 г. вслед за военным *coup d'état* (переворотом), возвратившим де Голля на пост президента Франции, сформировалась еще одна крупная политическая партия, которая всячески очерняла традиции парламентской демократии, — Союз в поддержку новой республики (СНР, UNR). Эта партия состязалась на первых выборах, которые происходили в Пятой республике, утверждая, впрочем с некоторой долей обоснованности, что именно она является голлистской партией *par excellence* (в полном смысле этого слова), поскольку ее возглавляли многие из тех, кто принимал активное участие в предшествующих голлистских движениях, в частности Жак Сустель и Мишель Дебре. Вышеуказанная новая партия обеспечила себе приблизительно 20% голосов — это было меньше той поддержки, которой добивалось ОФН в 1947–1951 гг., но намного больше, чем Сустель обеспечил в 1956 г. проголлистскому Республиканскому союзу социального действия (РССД). Хотя никаких опубликованных исследований по итогам выборов 1958 г. не появлялось, результаты голосования, которые французский институт исследования общественного мнения сделал доступными на основании опроса, проведенного в феврале 1959 г., указывают, что голлизм образца 1958 г. опирался на те же самые относительно зажиточные и консервативные страты, что и более ранний голлизм ОФН и РССД, и у его сторонников мало сходства с теми, кто поддерживает популистского экстремиста Пужада. Как указывают данные, содержащиеся в табл. IV, менее одной четверти бизнесменов и других самозанятых людей, работающих не по найму, поддержали СНР — это значительно меньше, чем доля тех, кто голосовал за Пужада двумя с половиной годами ранее. И наоборот, СНР получил значительную поддержку от тех, кто по своей профессии или роду занятий принадлежал к «высшему классу», а также от белых воротничков, т.е. служащих и работников умственного труда. Причем, как и в ранее возникавших группировках, которые поддерживали де Голля, большинство избирателей новой партии составляли женщины и 54% ее электората имели образование выше начального. Фактически избиратели СНР были в среднем намного лучше образованны, чем сторонники любой другой крупной партии, и эта ситуация резко контрастировала с пужадистами 1956 г., чье образование было хуже, чем у апологетов любой другой некоммунистической партии. К сожалению, пока еще нет никаких надежных данных по поводу того, каким образом голосовали в 1958 г. те, кто поддерживал Пужада в 1956-м. В ходе так называемого панельного опроса, который проводился Жоржем Дюпе (Georges Dupeux) из университета Бордо, искавшим ответ на указанный вопрос в течение самой избирательной кампании, этому иссле-

дователю не удалось получить полноценных откликов более чем половины лиц, у которых он брал интервью, но из числа тех немногих, кто назвал себя сторонником Пужада, только двое из одиннадцати голосовали за СНР.

Таблица IV

Партийный выбор избирателей из различных профессиональных категорий на первых выборах в Пятой французской республике*, %

Занятие или профессия

<i>Партия</i>	<i>Промышленники, руководители, дипломированные специалисты</i>	<i>Самозанятые</i>	<i>Белые воротнички</i>	<i>Рабочие</i>	<i>Крестьяне</i>	<i>Пенсионеры и ранты</i>
Коммунистическая	0	2	10	26	6	6
Социалистическая	5	13	16	25	12	22
UFD (Мендес-Франс)	7	2	9	6	6	4
Радикальная	2	12	6	5	9	9
RFD (левые голлисты)	3	4	1	§§	2	§§
MRP (либеральные католики)	5	9	9	10	14	13
СНР	40	23	3	17	13	21
Христианские демократы (голлисты Бедо)	8	8	6	3	3	9
Независимые и крестьяне (консервативные)	28	18	11	7	35	15
Пужадисты	2	5	1	§§	1	§§
Националисты (фашисты)	0	2	§§	§§	§§	0
(N)	(60)	(129)	(282)	(416)	(317)	(17)

* Эта таблица и другие имеющиеся в тексте ссылки на выборы 1958 г. взяты из данных, которые любезно предоставили проф. Жан Стотцель и Луи Анжелби (Louis Angelby) из французского института исследования общественного мнения по результатам общенационального опроса французского электората, проведенного 17–26 февраля 1959 г. О более раннем опросе того же института, в ходе которого было собрано много данных об установках французского населения в момент рождения Пятой республики, сообщается в *Sondages*, (1958, п. 4), pp. 3–62.

** Менее 1%.

Идеологические признаки голлизма и пужадизма, а также социальные установки их сторонников говорят о том, что различие

между консервативным (правым) авторитаризмом и либеральным (центристским) авторитаризмом, которое помогает в объяснении социальных корней нацизма, полезно и для интерпретации послевоенной французской политической жизни. Как консервативные, так и либеральные страты породили в этой стране крупные социальные движения, которые критически относились к парламентскому режиму Четвертой республики и которые были антимарксистскими, а также в высшей степени националистическими. Но одно из них являлось в своей основе консервативным, тогда как другое — революционным в популистском смысле.

Италия

Трудно анализировать итальянскую политическую историю в терминах ранее выделенных нами трех типов антидемократических политических взглядов — по причине довольно-таки своеобразного способа, которым итальянский фашизм первоначально пришел к власти. Как движение он начинался как неосоциалистическая партия, действовавшая, пожалуй, скорее в традиции гораздо более позднего перонизма, чем какой-нибудь другой идеологии, но, поскольку ее возглавлял законченный оппортунист, итальянский фашизм хватался за любой подвернувшийся шанс, чтобы завоевать поддержку самых разнообразных страт. В течение долгого времени его идеология казалась направленной главным образом на антиклерикальные средние классы, но после 1929 г. это движение пришло к соглашению с Ватиканом и подписало первый конкордат в истории объединенной Италии. На протяжении основной части того периода, когда итальянский фашизм пребывал у власти, он представлял собой коалицию между антидемократическим традиционализмом и популистским авторитаризмом среднего класса — коалицию, направленную против революционных левых секторов городского и сельского населения.

Многие из аналитиков итальянского фашизма видели его истоки на тех территориях, где преобладал средний класс с его идеологическим посылом. Согласно американской *«Энциклопедии общественных наук»*, долина реки По, населенная главным образом «мелкими собственниками и фермерами-арендаторами, которые по своим материальным интересам, равно как и по интеллектуальному и нравственному мировоззрению, представляли собой, по существу, средний класс», была даже «самим Муссолини уважительно отмечена как колыбель фашистского движения». Значительная часть фашистского законодательства была «разработана и предназначена для увеличе-

ния численности мелких арендаторов», и первоначальная синдикалистская программа Муссолини, обращавшаяся к весьма разнородным группам, была позабыта и отброшена, когда он стал «успешно нацеливать свою агитацию на городской и сельский средние классы, которые как бы сами по себе постепенно присоединялись к изначальному внутреннему ядру его ударных войск»⁵⁵.

В ходе Второй мировой войны два партнера, составлявшие в Италии фашистскую коалицию, полностью рассорились, и коалиция раскололась, в результате чего более консервативный ее сегмент заключил мир с западными державами, а та ее часть во главе с Муссолини, которую можно назвать более искренними и неподдельными фашистами, учредила Итальянскую Социальную республику, дабы продолжать сражаться в качестве союзника нацистов. После окончания войны существование в итальянской политической жизни двух в общем и целом антидемократических немарксистских движений продолжились. Монархисты выступают ныне как представители тех традиционалистских элементов, которые стремятся защищать трон и алтарь, в то время как неофашисты, *Movimento Sociale Italiano* (Итальянское социальное движение, ИСД), пытаются продолжать революционную фашистскую традицию. Хотя многое в социальных обусловленностях, идеологиях и программах монархистов и ИСД различается, в двух этих движениях мы снова находим версии правого и центристского экстремизма. Те собственные имиджи, которые оба указанных движения предъявляют итальянской публике, явно окрашены опытом Муссолини, и избиратели реагируют на это обстоятельство, вероятно, даже сильнее, чем на их программы, провозглашаемые в данный конкретный момент. Из-за указанного факта трудно ожидать какой-либо аналогии между названными двумя группами и теми движениями, которые мы рассматривали в других странах. Однако доступные нам ограниченные данные об отдельных опросах общественного мнения в Италии действительно говорят о том, что отличия этих партий друг от друга до некоторой степени сопоставимы с различиями между голлистами и пужадистами или же между германскими правыми силами и нацистами. Итальянские монархисты лучше обеспечены в материальном смысле, они старше по возрасту, религиознее и среди них преобладают женщины. Сторонники ИСД происходят из менее благополучных слоев, они сравнительно молоды, нерелигиозны или даже антиклерикальны, и в их рядах заметно больше мужчин.

⁵⁵ См.: Erwin von Beckerath, «Fascism», *Encyclopedia of the Social Sciences*, Vol. VI (New York: Macmillan, 1937), p. 135.

Данные опросов показывают, что самая высокая концентрация неофашистских избирателей локализуется в маленьких общинах⁵⁶. Да и экологические исследования тоже показывают, что ИСД, подобно пужадизму во Франции, было сильнее всего в менее развитых и менее урбанизированных регионах страны⁵⁷. Мавио Росси, американский специалист по итальянской политической жизни, сообщал, «что неофашистское движение быстрее всего распространяется среди жителей отсталых южных провинций... что большинство неофашистов [посещающих партийные собрания и митинги] — это либо школьники и студенты, которым нет еще и двадцати лет, либо молодые люди в возрасте где-то около тридцати... неофашисты постарше — это главным образом ветераны последней войны»⁵⁸. Однако свидетельства, опирающиеся на классовый состав тех, кто поддерживает неофашистов, несовместимы с обобщенной гипотезой, гласящей, что неофашизм как центристское движение должен быть преимущественно движением самозанятых людей, имеющих собственное дело. Данные из проведенного в 1953 г. опроса в рамках программы международного изучения общественного мнения, о которых сообщается в табл. II из главы 7, указывают, что владельцы мелких ферм и ремесленники либо кустари — это единственные профессиональные категории, оказывающие данной партии непропорционально большую поддержку (15%) по сравнению с голосованием за нее в полной выборке (12%). Другие, более свежие опросы, которые провела в 1956 и 1958 гг. итальянская организация по изучению общественного мнения под названием DOXA, обнаружили в 1956 г. незначительную разницу в поддержке, оказанной ИСД самозанятыми лицами (8%), по сравнению с работниками физического труда (9%), а в 1958 г. неофашисты получили практически одинаковый

167

168

⁵⁶ См. данные в архивах Всемирного опроса (World Poll). См. также: P. L. Fegiz, *Il Volto Sconosciuto dell'Italia* (Milano: Dott. A. Giuffrè, 1956), pp. 501–526.

⁵⁷ Francesco Compagna and Vittorio de Caprariis, *Geografia dell'elezioni italiane dal 1946 al 1953* (Bologna: Il Mulino, no date), pp. 25, 34.

⁵⁸ Mavio Rossi, «Neo-Fascism in Italy», *Virginia Quarterly Review*, 29 (1953), pp. 506–507. В детальном экологическом исследовании итальянских выборов с 1946 г. и далее, проведенном французским социологом Маттейем Доганом (Mattei Dogan), монархисты и неофашисты, к сожалению, рассматриваются как одна группа. Этот автор сообщает, что они сильнее всего в Южной Италии, но также указывает, что их сила увеличивается вместе с размером общины, становясь особенно большой в южных городах вроде Неаполя и Бари, но также в Риме и Триесте. Доган объясняет силу «правого крыла» в Риме наличием действующих и отставных государственных служащих, «которые вспоминают фашистский режим, причем с ностальгией», а в Триесте — тем фактом, что там «национализм заметно усилился из-за конфликта с Югославией». См.: «Le Comportement politique des Italiens», *Revue française de science politique*, 9 (1959), pp. 398–402.

процент поддержки (6%) как среди ремесленников и других самозанятых лиц, так и среди работников физического труда⁵⁹.

Следует, однако, отметить, что большинство выборочных опросов итальянского электората указывает на гораздо лучшую материальную обеспеченность монархистов по сравнению со сторонниками неофашистов. Так, в опросе 1957 г., проведенном организацией под названием International Research Associates («Партнеры по международным исследованиям»), было установлено, что среди избирателей монархистов насчитывается 12% хорошо обеспеченных людей, тогда как среди голосующих за фашистов таких состоятельных людей всего лишь 2%. Согласно этому и большинству других исследований основная сила фашистов, равно как христианских демократов, правых социалистов и республиканцев, лежит в средних strataх, в то время как левые социалисты Пьетро Ненни* и коммунисты черпают основную часть своей силы и поддержки среди более бедных классов⁶⁰.

Несоразмерность между итальянским неофашизмом и другими движениями подобного типа может отражать его характер как фашистского движения, оформившегося после того, как фашизм уже побывал в Италии у власти. Электорат может реагировать в большей мере на свою память о Муссолини при исполнении им государственных обязанностей, чем на текущую программу указанной партии. Ее относительная слабость среди имеющих собственное дело может быть следствием того, что фашистский режим не помогал страте самозанятых лиц, т.е. тех, кто работал не по найму, зато Муссолини умел достигать соглашения с крупным капиталом, большим

⁵⁹ Указанные статистические данные основаны на вторичном анализе (с пересмотром ранее полученных результатов) этих исследований, осуществленном с использованием перфокарт, которые любезно предоставил директор DOXA д-р П. Луццатто Фегиз (Luzzatto Fegiz).

* Данная «особая» партия социалистов была очень близка к коммунистам. Об этом можно судить по тому, что ее лидер, Пьетро Ненни (Nenni, 1891–1980), который, кстати говоря, в 1945–1947 и 1963–1968 гг. входил в правительство Италии, был в сталинские времена вице-президентом Всемирного Совета мира (1950–1955), а в 1951 г. получил Международную Сталинскую премию «За укрепление мира между народами». — *Прим. перев.*

⁶⁰ Соответствующие статистические данные взяты из опроса 1957 г., результаты которого пока не опубликованы. Всего были изучены или повторно проанализированы шесть различных итальянских опросов, проводившихся тремя разными исследовательскими организациями. Поскольку нас интересует поддержка такой конкретной партии, которая привлекает на выборах меньше 5% электората, более чем естественно, что при переходе от одного опроса и одной выборки к другим должна наблюдаться значительная вариабельность результатов. Прочитированные выше выводы представляют собой наилучшую оценку, которую можно сделать по всем этим трем опросам на основании источников, говорящих о поддержке неофашистов и монархистов.

бизнесом, богатыми землевладельцами и церковью. Кроме того, на последнем году своего существования уже в качестве Итальянской Социальной республики, т.е. в 1944–1945 гг., муссолиниевский режим пробовал завоевать поддержку рабочего класса Северной Италии путем национализации крупной промышленности, создания рабочих советов и провозглашения универсальных лозунгов радикально социалистической направленности.

169

США: маккартизм как популистский экстремизм

Традиция сильного либерального движения, задуманного для защиты социального и экономического положения мелкого независимого фермера или же городского торговца и исторически представляющего собой часть демократических левых сил, существовала и в США. Как подчеркивали многие из историков, в США популистское и прогрессистское движения конца XIX и начала XX столетий приняли именно эту классическую форму. В указанный период усиления индустриального капитализма и роста разнообразных трестов и синдикатов большие сегменты фермерской и городской мелкой буржуазии охотно откликнулись на призыв держать под контролем большой бизнес, крупный капитал, тресты, картели, железные дороги и банки. Во всех подобных движениях присутствовал сильный элемент антисемитизма и обобщенной, неконкретизированной ксенофобии, направленных против любых проявлений зарождающейся мощи и влияния иммигрантов⁶¹. На политическом уровне эти движения демонстрировали сильное недоверие к парламентской или конституционной демократии, а особый антагонизм вызывала у них концепция партии. Они предпочитали сломить все источники партийной силы, а затем создать — благодаря инициативности, способности к самостоятельным активным действиям и благодаря проведению референдумов, а также за счет легкой возможности аннулировать результат любых выборов — максимально много прямой демократии, столько, сколько окажется возможным. Партии, политические деятели, большой бизнес, крупный капитал, банкиры и иностранцы — все они были для этих движений плохими; хорошими были только люди, действующие для самих себя.

Популистское движение в США потеряло значительную часть своего прямого политического влияния вместе с быстрым ростом

⁶¹ Подробное изложение и рассмотрение этого тезиса см. в: Richard Hofstadter, *The Age of Reform* (New York: Alfred A. Knopf, 1955).

различных отраслей крупной промышленности и больших городов. Ку-клукс-клан 1920-х годов был до некоторой степени новейшим выражением провинциального популизма, обращающегося к фермерам и мелким бизнесменам в городках и деревнях и призывающего их к борьбе против засилья крупных центров и больших городских агломераций. В 1930-е годы откровенно фашистские движения стремились набрать силу, обращаясь напрямую к экономическим интересам фермеров и мелких торговцев, нападая на демократические институты и возлагая вину за социальные и экономические трудности на международных финансистов и евреев⁶².

Не существует никакого точного мерила фактической силы различных экстремистских движений популистского толка в Америке 1930-х годов. Некоторые специалисты оценивают численность тех, кто их поддерживал, многими миллионами. Но безотносительно к силе указанных движений они оказались неспособными конвертировать эту силу в победы на партийном поприще или стать крупной третьей партией. Хьюи Лонг, губернатор Луизианы и затем сенатор от этого штата, а также, пожалуй, самый успешный неопопулистский экстремист 1930-х годов, являет собой отчетливый пример непрерывности и преемственности популистской традиции. На юге США, а в течение недолгого времени и на общенациональной сцене он атаковал «бурбонов и интересы неизвестно кому принадлежащих корпораций», обещал раздолбать крупные состояния с помощью безжалостного налогообложения, поддерживать средний класс и перераспределить богатство в пользу бедных. Насколько успешным мог бы стать Лонг на общегосударственном уровне, нам никогда не дано будет узнать, так как в 1935 г. пуля убийцы оборвала его жизнь. Но то, что эта фигура олицетворяла собой сильную связь с популизмом 90-х годов XIX в.*, ясно показывает не только внимательный анализ его идеологии, но и тот факта, что

⁶² См.: Victor C. Ferkiss, «Populist Influence in American Fascism», *Western Political Quarterly*, 10 (1957), pp. 350–373.

* Здесь имеется в виду не просто политика разных демагогов, которые утверждают, будто представляют интересы «простых людей» и защищают их от гнета большого бизнеса, а взгляды фермерской так называемой популистской партии (официально она именовалась «народная партия»), созданной в США в 1891 г. как результат объединения ряда фермерских союзов и некоторых рабочих организаций. Ее основные требования были направлены на ослабление позиций крупного капитала (это и наделение поселенцев земель за счет корпораций, и национализация железных дорог, телефона и телеграфа, и общее снижение налогов вкуче с введением прогрессивного налога), а также на демократизацию политической жизни. В 1892 г. указанная партия собрала более миллиона голосов и впоследствии выдвигала своего кандидата в президенты. Однако она не смогла привлечь на свою сторону голоса рабочего класса и к 1908 г. прекратила существование в качестве самостоятельной партии. — *Прим. перев.*

имеет место сильная корреляция между количеством голосов, которые Лонг получал в 1920-х и 1930-х годах на выборах у себя в Луизиане, и тем, чего добивались популисты на выборах в 1896-м⁶³. Неизвестно, стал ли бы лонгизм на арене общенациональной политики означать диктатуру, но лонгизм у власти в Луизиане означал серьезнейшее нападение на свободу оппозиции, свободу возражать и на свободную прессу, а также полное презрение к юридическим и конституционным процессам.

Еще одним, на сей раз недавним выражением популистского экстремизма в Америке был маккартизм. Сам Маккарти не имел ни своей партии, ни даже какой-нибудь собственной организации, но в течение нескольких лет уверенно располагался на американской политической сцене, а порой и доминировал на ней, осуждая силы левого крыла — демократов Нового курса — как предателей или сообщников предателей и в то же самое время настаивая, что основную массу предателей взлелеял традиционный враг американского популизма, высший класс Восточного побережья⁶⁴.

То обстоятельство, что Маккарти апеллировал к тем же самым социальным группам, что и «левый» популизм, можно проверить и подтвердить данными опросов общественного мнения. Социолог Мартин Трору в своем исследовании попытался локализовать источники социальной поддержки Маккарти, разделив респондентов из маленького городка в Новой Англии на четыре политические категории: (1) рабочие-либералы — те, кто благосклонно относится к профсоюзам и враждебно — к крупным корпорациям; (2) либералы XIX в. — те, кто противостоит как профсоюзам, так и крупным корпорациям; (3) умеренные консерваторы — те, кто поддерживает профсоюзы, а также благосклонно относится к большому бизнесу; и (4) правые консерваторы — те, кто враждебен профсоюзам и доброжелателен к крупному капиталу. В терминах этой типологии лица, которые попадают в категорию 2, т.е. либералы XIX в., соответствуют европейским либералам, и, как показывает Трору, их идеология — это преимущественно идеология мелкого бизнесмена⁶⁵. А когда мы тщательно проанализируем, каким образом сторонники каждой из этих четырех политических позиций реагировали на Маккарти, то обнаруживаем, что с наибольшей вероятностью его поддерживали вовсе не умеренные или крайние консерваторы, а либералы XIX в. (см. табл. V).

⁶³ Perry H. Howard, *Political Tendencies in Louisiana, 1812-1952* (Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1957), p. 128.

⁶⁴ Для анализа компонентов-близнецов внутри идеологии маккартизма см. различные эссе в: Daniel Bell, ed., *The New American Right* (New York: Criterion Books, 1956).

⁶⁵ См.: Martin A. Trow, *op. cit.*, pp. 277–278.

**Поддержка Маккарти в зависимости
от политической ориентации***

	<i>Доля тех, кто благосклонен к его методам, %</i>	
Рабочие-либералы	37	(191)
Либералы XIX в.	60	(142)
Умеренные консерваторы	35	(190)
Правые консерваторы	38	(140)

* Расчеты Мартина Трой: Martin A. Trow, *op. cit.*, p. 276.

172 Среди либералов XIX в. уровень поддержки Маккарти оказался почти вдвое выше, чем среди тех, кто занимает другие политические позиции. Как подчеркивает Трой, это единственная политическая традиция в Америке, которая на текущий момент «не имеет никакого институционализованного места на политической сцене, минимально представлена среди членов или лидеров основных партий, [и] которая искала возможность высказаться и занять какое-то место через посредство Маккарти. И это именно он выражал вместо таких людей их страх и недоверие к гигантизму, т.е. к крупнейшим корпорациям, а также к ловко сформулированным скользким идеям и подрынным взглядам, которые исходили от городов и крупных институций, жаждавших разрушить старые пути и старые верования»⁶⁶. Подобно пужадизму, как маккартизм, так и либерализм XIX в. — это прежде всего реакции мелких бизнесменов. И хотя такого рода бизнесмены составляли в выборке Трой всего лишь одну пятую, «их вклад составил одну треть либералов XIX в.». Причем мелкие бизнесмены среди либералов XIX в. становились маккартистами с еще большей вероятностью, чем лица, занятые любой другой деятельностью. Как и в случае пужадизма, самая существенная доля сторонников Маккарти «была обнаружена среди плохо образованных мелких бизнесменов, придерживающихся установок вышеназванных либералов XIX в., — почти трое из четырех таких лиц были апологетами Маккарти». Но несмотря на то обстоятельство, что Маккарти привлекал в качестве своих приверженцев традиционных сторонников американского популизма, в конечном счете основные защитники

⁶⁶ *Ibid.*, p. 276. Не столь всестороннее и менее исчерпывающее исследование, базирующееся, однако, на общенациональной выборке, тоже показало, что самозанятые мелкие бизнесмены оказываются сторонниками Маккарти с большей вероятностью, чем любая другая профессиональная страта. См.: Immanuel Wallerstein, *McCarthyism and the Conservative* (M. A. thesis, Department of Sociology, Columbia University, 1954).

установившегося в стране порядка объединились, чтобы нанести ему поражение*. Как я пробовал показать в другом месте, американский консерватизм и крупный капитал вместе с крупным бизнесом сопротивлялись Маккарти⁶⁷.

Рассматривая маккартизм и пужадизм в том же самом разделе, что и итальянский фашизм, а также германский и австрийский нацизм, я вовсе не намереваюсь внушать кому-то, что эти два движения непременно привели бы в итоге к диктатурам, если бы их лидеры сумели дорваться до власти. Но вот что я действительно предполагаю и утверждаю, так это следующее: оба они, как и другие движения, которые делают ставку на самозанятый городской и сельский средний класс, были в существенной степени продуктами нерассосавшейся фрустрации тех, кто чувствовал себя отрезанным от основных трендов современного общества. Помимо того что эти пять общенациональных движений получали непропорционально большую поддержку от мелких независимых собственников, они в каждой из стран обеспечивали себе намного больше поддержки от тех людей, которые жили на фермах или же в провинциальных маленьких поселениях, городишках и городках. Здесь перед нами угасающие «либеральные» классы, которые проживают в угасающих районах. Мелкая буржуазия с этих территорий не только страдает и переживает депривацию по причине относительного упадка своего класса — ее члены являются также гражданами общин, статус и влияние которых в рамках более крупных сообществ быстро падают. Время от времени в зависимости от различных конкретных исторических факторов недовольство этих слоев толкает их к принятию разнообразных иррациональных идеологий протеста — регионализма, расизма, супернационализма, антикосмополитизма, маккартизма, фашизма.

173

Перонизм — «фашизм» низших классов

Третий тип социального движения, которое часто описывалось как фашистское, — это перонизм: движение и идеология, сформировавшиеся вокруг Хуана Перона, президента Аргентины с 1946 до 1955 г.

* Деятельность Маккарти была осуждена Конгрессом, и, хотя он еще два с половиной года продолжал оставаться сенатором, его политическое влияние сошло на нет. В результате он спился и умер (официально — от острого гепатита), не дожив до 49 лет. — *Примеч. перев.*

⁶⁷ S. M. Lipset, «The Sources of the Radical Right», в сб.: Daniel Bell, ed., *op. cit.*, pp. 216–217, 232–233.

В отличие от правых антидемократических тенденций, опирающихся на более зажиточные и традиционалистские страты, а также от тех тенденций, которые я предпочитаю называть истинным фашизмом, т.е. от центристского авторитаризма с его опорой на либеральные средние классы, прежде всего на самозанятых людей, у которых есть собственное дело, перонизм, во многом напоминая в этом смысле марксистские партии, ориентировался на более бедные классы, в первую очередь на городских рабочих, но также и на сильнее всего обедневшую часть сельского населения. Перонизму присуща идеология сильного государства, весьма похожая на ту, что отстаивал Муссолини⁶⁸. В этом движении присутствует также сильное антипарламентское популистское содержание, которое подчеркивает, что власть партии и ее лидера исходит непосредственно от народа и что парламентаризм в конечном счете приводит в правительство и вообще во власть некомпетентных и коррумпированных политиков. Перонизм разделяет с правым и центристским авторитаризмом сильные националистические наклонности, возлагая вину за многие из трудностей, с которыми сталкивается страна, на всяческих чужаков вроде международных финансистов и их присных. И подобно двум другим формам экстремизма, он возвеличивает вооруженные силы и укрепляет их положение, как только может.

Перонизм отличается, однако, от других движений своим позитивным отношением к рабочим, профсоюзам и классовой борьбе. Перон пришел к власти в 1946 г. в результате удавшегося революционного переворота, поддержанного армией и рабочим классом, — переворота, который последовал за ниспровержением ненавистного режима местной Консервативной партии. Но затем Перон и его партия остались у власти в итоге приемлемо честных выборов, завоевав на них подавляющее большинство. На тех выборах 1946 г. социалисты, чьей базой испокон веков служил рабочий класс, оказались не в состоянии избрать в палату депутатов хотя бы одного члена — такое случилось с ними в первый раз за сорок лет. Согласно мнению известного эксперта по Латинской Америке Роберта Александера, «даже в таком городе, как Буэнос-Айрес, где почти полностью доминировали радикалы и социалисты, перонисты на выборах заняли первое место, набрав приблизительно четверть миллиона голосов, тогда как [опирающиеся на средний класс] радикалы были вторыми с 150 тыс. голосов, а социалисты,

⁶⁸ Следует отметить, что Перон иногда соглашался со связью между своим движением и фашизмом, а также хвалил Гитлера и Муссолини.

после того как за них проголосовало лишь немногим более ста тысяч избирателей, оказались третьими»⁶⁹.

На этих выборах разделительные линии между классами были прочерчены более резко, чем в ходе любых предшествующих избирательных кампаний. Перона поддержали низшие страты, тогда как средний и высший классы отвергли его⁷⁰. Аргентинский социолог Джино Джермани объяснил восприимчивость аргентинского рабочего класса к революционным призывам Перона как феномен, типичный для периода быстрой индустриализации и урбанизации, который во многом очень напоминает европейскую модель, обсуждавшуюся нами выше в главе 2⁷¹.

В период своего пребывания у власти Перон обеспечил принятие и вступление в силу многих законодательных актов, которые повысили уровень жизни рабочих, увеличили для них оплату труда и прочие вознаграждения, предоставили им свободное время (оплачиваемые отпуска) и социальное обеспечение. Он также провел серию законов, известных как «Устав пеона*» и направленных на то, чтобы оперативно помочь сельскохозяйственным рабочим и арендаторам, а также дать им дополнительные преимущества в их борьбе против землевладельцев. Эти законы устанавливали для издольщиков выходные дни, необходимое качество жилья, минимальную оплату труда, медицинскую помощь и запрещали их незаконные увольнения. Администрация Перона разработала план, предусматривавший предоставление земли сельскохозяйственным рабочим, и организовала его реализацию. Пожалуй, основной институциональной базой силы и могущества перонистов были профсоюзы, где приверженцы Перона полностью доминировали; эти организации достигли внушительных размеров и функционировали как органы, реально посредничавшие в коллективных переговорах с предпринимателями об условиях труда и поддерживаемые в этом деле государством.

⁶⁹ Robert J. Alexander, *The Peron Era* (New York: Columbia University Press, 1951), p. 51.

⁷⁰ Постоянно сохранявшуюся привлекательность перонизма для рабочего класса наглядно показал тот факт, что на выборах 1957 г. примерно четверть всех избирателей опустила в урну чистый, так называемый «белый» бюллетень для голосования, указав тем самым, что они поддерживают партию перонистов, которой не позволили присутствовать в бюллетенях. Опрос, проведенный Джино Джермани, показал, что большинство этих «белых» избирателей были рабочими. Для детального анализа голосования на различных аргентинских выборах, в котором раскрывается корреляция между поддержкой тех или иных партий и профессиональной принадлежностью голосующих, см.: G. Germani, *Estructura social de la Argentina*, *op. cit.*, Chap. XVI.

⁷¹ См. выше, с. 77–80.

* Пеонами в Южной Америке называют батраков или поденщиков. — *Прим. перев.*

Все перечисленные мероприятия, которые напоминают программу достаточно радикальной рабочей партии, сочетались с крайним национализмом, сильнейшим акцентом на доминирующую роль «лидера», с корпоративистской идеологией, популистской демагогией и с полным отсутствием уважения к конституционализму и традиции. Нет ничего удивительного в том, что Перон завоевал восторженную поддержку низших страт, причем как сельских, так и городских, и вместе с тем встречал сильное сопротивление со стороны средних классов, большого бизнеса, крупного капитала и землевладельцев. На протяжении большей части своего правления он пользовался поддержкой вооруженных сил, из офицерского корпуса которых сам Перон и пришел в политику⁷². В какой-то мере его режим был коалицией между националистически настроенными офицерами слабо развитой страны и ее низшими классами, сориентированными против иностранных империалистов и местных буржуазных «ренегатов». Но в конечном счете этот режим был свергнут как раз офицерами, а также церковью, которых отпугивали и экстремизм Перона, и присущий ему недостаток ответственности, и его непрекращающийся антагонизм по отношению к тем слоям, с которыми сами офицеры и церковь состояли в союзе. Но Перон, даже очутившись в изгнании, будучи беззащитным, уязвимым и выставленным перед всеми как коррумпированный политический деятель и как человек, который использовал свое положение в безнравственных целях, все равно оставался вождем аргентинских рабочих, а в профсоюзах перонистские лидеры сохранили всю свою силу и власть.

Феномен, известный как перонизм — антикапиталистический популистский национализм, который обращается к низшим слоям, выстраивая при этом союз с армией, — конечно же, не уникален для Аргентины. В соседней Бразилии десятилетием ранее ту же самую тему успешно разрабатывал Жетулиу Варгас, причем этого лидера тоже отождествляли с фашизмом, а рабочие продолжали поддержи-

⁷² Но даже внутри самих вооруженных сил Аргентины высказывалось мнение, что власть Перона в гораздо большей мере опирается на рядовой и сержантский состав срочной службы, чем на офицерский корпус. «Существует также разделение между офицерами и срочнотрудовыми; оно было расширено при Пероне, который больше преуспел в перонизации второй из этих категорий, нежели первой, о чем свидетельствует неудавшийся армейский мятеж 1951 г., представлявший собой в значительной степени детище какой-то одной группировки офицеров, причем этот бунт удалось подавить частично благодаря лояльности рядовых и сержантов по отношению к Перону». Arthur P. Whitaker, *Argentine Upheaval* (New York: Frederick A. Praeger, 1956), p. 67.

вать его и после того, как он потерял власть⁷³. Для «жетулизма», как и для перонизма, была характерна практическая программа социальных реформ, разработанных и предназначенных для городских промышленных рабочих. Основная оппозиция Варгасу исходила «от земельной аристократии, от старых семейств, которые были привязаны к старой социальной структуре Бразилии»⁷⁴. Бразильская рабочая партия Варгаса представляет собой крупную силу в местной политической жизни, причем иногда она вступает в альянс с коммунистами, которые, как уже отмечалось, поддерживали и Перона в течение большей части его правления⁷⁵. Если перонизм рассматривают как вариант фашизма, то это фашизм левых сил, потому что его базой выступают именно те общественные страты, которые в противном случае непременно обратились бы к социализму или коммунизму как к отдушине для своих фрустраций.

176

Социальные корни фашизма

Анализ современных тоталитарных движений отражает старые понятия левых, правых и центристов. И политические деятели, и ученые единодушно видят эти движения крайними частями политического спектра; именно вследствие этого компетентные лица говорят о коммунизме как о левом экстремизме и о фашизме как об экстремизме правом. Но антидемократические идеологии, равно как и ан-

177

⁷³ «Из всех принятых Варгасом решений, вероятно, ни одно не имело стольких скрытых политических подтекстов, серьезных последствий и побочных результатов, как его твердое намерение вывести на политическую арену рабочий класс и представляющие его группировки. <...> К 1938 г. ... когда Варгас благодаря поддержке со стороны рабочих консолидировал свою диктатуру в рамках неофашистского *Estado Novo* (Нового государства), он пришел к пониманию и надлежащей оценке политического потенциала рабочих. Варгас сохранял их одобрение и поддержку за счет тщательно продуманных и детально разработанных программ социального обеспечения, а также путем наложения внушительных ограничений и обязательств на менеджмент крупного и среднего бизнеса». John J. Johnson, *op. cit.*, pp. 167–168.

⁷⁴ Jacques Lambert, *Le Brésil: Structure sociale et institutions politiques* (Paris: Librairie Armand Colin, 1953), pp. 146–147.

⁷⁵ Лесли Липсон описывает Бразильскую рабочую партию, это послевоенное творение Жетулиу Варгаса, как «националистическую, дружественную индустриализму и сочувствующую городским рабочим». См. его статью: Leslie Lipson, «Government in Contemporary Brazil», *Canadian Journal of Economics and Political Science*, 22 (1956), pp. 192–193, а также статью Theodore Wyckoff, «Brazilian Political Parties», *South Atlantic Quarterly*, 56 (1957), pp. 281–298, где обсуждаются ведущие бразильские политические партии и их социальная база. Представляет интерес недавнее экологическое исследование, где анализируется поддержка, которую рабочий класс Бразилии оказывает бразильской рабочей партии и коммунистам, — статья A. Simao, «O voto operario em São Paulo», *Revista brasileira estudos políticos*, 1 (1956), pp. 130–141.

тидемократические группировки, можно классифицировать и проанализировать более плодотворно, если признать, что концепции «левых», «правых» и «центристов» относятся к таким идеологиям, у каждой из которых имеется умеренная и экстремистская версии, причем одна из них является по своей ориентации парламентской, тогда как другая — внепарламентской. Необходимо также осознать, что экстремистское левое движение, базой и ориентиром для которого служит рабочий класс, может быть милитаристским, националистическим и антимарксистским⁷⁶.

Хотя все многообразные вариации массовых антидемократических движений представляют равный интерес, я пытался, внимательно изучая социальную базу различных политических движений, установить здесь полезность их трехфакторного дифференцирования. Данные по целому ряду стран убедительно демонстрируют, что классический фашизм представляет собой движение имущих средних классов, в норме большей частью поддерживающих либерализм, и что фашизм отвергается консервативными стратами, которые, однако, в разные периоды времени иногда поддерживали консервативные антипарламентские режимы. Сами консервативные режимы, в противоположность центристским, нереволуционны и нетоталитарны. В консервативной диктатуре ни от кого из граждан не ожидают, что они проявят полную лояльность по отношению к режиму, вступят в правящую партию или присоединятся к другим институтам данного режима, — человек должен просто держаться подальше от всякой политики и политической жизни. И например, хотя диктатуру австрийских клерикальных консерваторов описывали как фашистскую, различия между ней и ее нацистской преемницей более чем ясны. Аналогично, хотя испанские фашисты — фаланга — поддерживали генерала Франко, в его режиме доминировали консервативные авторитаристы. Его партия никогда не получала разрешения господствовать над обществом; при Франко большинство институ-

⁷⁶ Некоторым оказалось трудно признать тот факт, что и лидер, и движение, чья идеология, символика и методы напоминают фашизм и нацизм, могут фактически вовсе не принадлежать к правому крылу. Так, книга, написанная Пероном перед тем, как он окончательно консолидировал свою власть, говорит вроде бы о том, что он представлял интересы *estancieros*, крупных землевладельцев, которые верховодили в Консервативной партии, целиком контролируя ее, и правила Аргентиной в течение большей части истории этой страны. См.: Felix J. Weil, *Argentine Riddle* (New York: John Day, 1944). Даже журнал «Тайм» написал в 1951 г.: «Как будто ни для кого не было новостью, что “Перон управляет государством, которое в сущности смоделировано по классическому нацистско-фашистскому образцу”» (*Time*, May 21, 1951, p. 43), и это процитировано в работе George I. Blankstein, *Peron's Argentina* (Chicago: University of Chicago Press, 1953), p. 277.

тов Испании остаются независимыми от государства и партии, а несогласных и возражающих не просят проявлять конформизм или присоединяться к режиму; от них требуют лишь воздерживаться от создания организованной оппозиции или от вхождения в нее.

Хотя чисто аналитически можно провести различие между названными движениями, в любой данной стране имеет место их значительное наложение друг на друга, как это происходит в случае испанских националистов. Такие в основе своей революционные движения, как нацизм, реально обеспечивали себе некоторую поддержку консерваторов, которым были по душе националистические и антимарксистские аспекты нацизма. Итальянский фашизм представлял собой коалицию как центристского, так и консервативного экстремизма, которую возглавлял чистой воды оппортунист. Было бы, однако, ошибкой делать из отсутствия политических движений, которые являются беспримесным воплощением одного или другого среди многих разнообразных вариантов, тот вывод, что их аналитическая дифференциация представляет лишь не более чем спекулятивный интерес. Все недавние политические движения: пужадизм, маккартизм, голлизм — демонстрируют свои специфические особенности, связанные с природой их социальной базы. Если мы хотим сохранить и расширить парламентскую демократию, то должны понимать источники угроз для нее, а также осознавать, что угрозы, исходящие от консерваторов, столь же отличаются от тех, что порождаются в центристских слоях среднего класса, как эти последние — от коммунистических угроз.

У экстремистских движений есть много общего. Они обращаются на любом уровне общества к тем, кто выбит из колеи, к раздраженным и психологически бездомным, к потерпевшим личные неудачи, социально изолированным, лишенным ощущения экономической безопасности, к малообразованным, простодушным и авторитарным личностям. Как выразился на сей счет Хеберле, подобные движения поддерживаются «теми, кто по той или иной причине потерпел провал при попытке добиться успеха в своем бизнесе или профессии, а также теми, кто потерял свой социальный статус или опасается потерять его. <...> Вследствие этого перед 1933 годом массы организованных членов [нацистской] партии состояли в значительной мере из людей, которые были аутсайдерами в составе собственного класса, черными овцами в своих семьях, людьми, чьи амбиции оставались неудовлетворенными...»⁷⁷. Намного раньше, еще в 1890-е годы, Энгельс описал «всевозможные элементы, во всех странах проникающие в рабочую партию» как тех, «которым нечего ожидать от официаль-

⁷⁷ R. Heberle, *op. cit.*, p. 10.

179

ного мира или чья песенка в нем уже спета, — противники оспопрививания, поборники трезвости, вегетарианцы, антививисекционисты, врачи-натуралисты, проповедники свободных общин, растерявшие свои общины, авторы новых теорий о происхождении мира, бесплодные или неудачливые изобретатели, жертвы действительных или мнимых несправедливостей... честные глупцы и бесчестные обманщики»⁷⁸. И зачастую именно такие люди придают рассматриваемым движениям фанатичный и экстремистский характер, а также образуют ядро их приверженцев⁷⁹. Но различные экстремистские движения, подобно их демократическим альтернативам, расцветают или увядают в зависимости от того, способны ли они завоевать и сохранить поддержку тех страт, которые они пытаются представлять и вести за собой. Невозможно понять роль и изменчивый успех экстремистских движений, пока мы не научимся различать их и идентифицировать специфичные для каждого из них идеологии и социальные базы, действуя при этом во многом точно так же, как мы поступаем с демократическими партиями и движениями⁸⁰.

180

В следующей части данной книги мы переключаем свое внимание с социальных характеристик сторонников антидемократических тенденций на иную тематику и вновь обращаемся к условиям, в которых действует эффективная демократия. Часть II нацелена на локализацию устойчивых моделей, ассоциирующихся в различных демократических странах с варьирующимися уровнями, темпами и типами участия в электоральной борьбе.

⁷⁸ Friedrich Engels, «On the Early History of Christianity», in K. Marx and F. Engels, *On Religion* (Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1957), pp. 312–320. [См.: Ф. Энгельс. К истории первоначального христианства. М.: Политиздат, 1979.]

⁷⁹ См.: G. Almond, *The Appeals of Communism* (Princeton: Princeton University Press, 1954), Chaps. 9 and 10, особенно pp. 258–261.

⁸⁰ Подчеркивая логические уязвки и проявления единообразия в разных типах экстремистской политики, которые ассоциируются с различными социальными группировками, я вовсе не собираюсь утверждать, что такие научные результаты позволяют в дальнейшем рассчитывать на высокое качество политического предсказания. Как подчеркивал Рейнхард Бендикс: «Суть не в том, что определенные типы фермеров в более или менее промышленно развитых странах являются потенциальными фашистами или коммунистами, но что у них есть определенная склонность к радикализации в условиях серьезного бедствия или сильно стесненных обстоятельств. У аналитика, занимающегося социальной стратификацией, нет ни возможности, ни средств предсказать, когда и чем завершится такая радикализация и на какой путь она повернет. Да, его знания действительно позволяют ему оценивать относительные шансы для того или иного развития событий, но только в том смысле, что вероятность повлиять на фермеров определенных типов будет большей, чем на других фермеров. Очевидно, что какую-то роль будут играть местные условия, исторические прецеденты, острота текущего кризиса и интенсивность организационных стимулов со стороны тоталитарного движения, причем все эти факторы могут быть оценены только в конкретных ситуациях». R. Bendix, *op. cit.*, p. 602.

ЧАСТЬ II

**ГОЛОСОВАНИЕ
В ЗАПАДНЫХ
ДЕМОКРАТИЯХ**

ГЛАВА 6

ВЫБОРЫ: КТО ГОЛОСУЕТ И КТО ЭТОГО НЕ ДЕЛАЕТ?

Участие членов какой-либо организации или граждан как членов общества в политических делах не является ни необходимым, ни достаточным условием влияния простых, неприметных людей на политику указанной организации или же правительства всей страны. С одной стороны, эти рядовые члены либо жители могут демонстрировать низкий уровень политического участия в функционировании этой организации или всего общества в целом, но тем не менее все-таки воздействовать на их политику самой своей способностью оказать на выборах поддержку одной или другой из нескольких разных бюрократических группировок, конкурирующих за власть, либо отказать им в поддержке, либо вообще отказаться от участия в выборах. С другой стороны, члены всяческих организаций или население страны, составляющее ее граждан, могут регулярно посещать разнообразные встречи, собрания и митинги, принадлежать к большому количеству различных политических организаций и даже регулярно попадать в число принимающих участие в выборах и тем самым обеспечивать высокую явку избирателей, но все равно оказывать на политику небольшое или нулевое влияние.

Последняя ситуация имеет место в тоталитарных государствах и в некоторых однопартийных профсоюзах. Тоталитарный лидер хочет, чтобы его последователи посещали собрания и митинги, читали политическую литературу, слушали «нужные» радиопередачи и участвовали в других тому подобных действиях, так как все эти акции представляют собой средства, позволяющие вождю доносить собственную точку зрения до своих реальных или предполагаемых приверженцев и тем самым индоктринировать их. Если же члены организаций или граждане страны не проявляют «политической» активности, то они тем самым уходят от влияния контролирующей их власти. Некоторые тоталитарные государства инициировали крупномасштабные проекты по продвижению грамотности с одной явно выраженной целью — увеличить вероятность того, что население будет затем проглатывать и усваивать предписанную идеологию. Аналогично некоторые профсоюзы, особенно те, что находятся под коммунистическим контролем, предпринимали рьяные усилия,

включая обязательное посещение любых собраний, дабы увеличить степень участия своих членов в деятельности данного союза. Абсолютно очевидно, что коммунистические лидеры трудящихся не испытывают ни малейшего стремления поощрять и углублять внутреннюю демократию в профессиональных и любых других своих союзах — скорее они осознают, что, умножая количество контролируемых действий их членов, они тем самым увеличивают собственные шансы и возможности дотянуться до них и приобщать этих людей к своим догмам и доктринам.

В качестве общей гипотезы я предполагаю следующее утверждение: чем серьезнее изменения в структуре общества или организации, которые пытается внести правящая группировка, тем более вероятно, что ее лидеры должны хотеть и даже требовать от граждан или членов высокого уровня участия. Радикальные перемены, которые сопровождают социальную революцию (или, в меньшем масштабе, трансформирование профсоюза в политическое оружие), подвергают суровому испытанию все элементы групповой лояльности, напрягают рядовых членов группы и создают потенциал для их сильной враждебности по отношению к лидерам. Если учитывать истинные цели лидеров, то высокий уровень контролируемого и манипулируемого участия рядовых членов группы в ее делах — это, возможно, единственный эффективный путь для погашения или переадресации того недовольства, которое неизбежно порождает всякие насильственные или внезапные изменения в традиционных моделях и взаимоотношениях.

Тем не менее ситуация, которая в результате приводит к высокому уровню участия членов какой-либо группы в ее деятельности, обычно обладает более высоким потенциалом для демократии, т.е. для сохранения и поддержания эффективной оппозиции, чем такое положение дел, когда лишь немногие люди демонстрируют интерес к политическому процессу или участвуют в нем. Оппозиция, оказывающаяся перед лицом проблемы коммуницирования с незаинтересованным, пассивным населением и перед необходимостью активизировать его, вынуждена преодолевать гораздо больше трудностей и препятствий по сравнению с теми политическими силами, которые в силу занимаемой должности обладают властью¹. И наоборот, такое общество, где значительная доля населения пребывает вне по-

¹ Существованию однопартийной олигархии в профсоюзном движении весьма способствует то обстоятельство, что в нормальной ситуации лишь немногие из рядовых членов профсоюза проявляют хоть какой-нибудь интерес к политическому процессу внутри него. Факторы, способствующие апатии в этих организациях, составляют часть того общего кластера проблем, с которым мы будем иметь дело в главе 12.

литической сцены, потенциально в большей мере склонно к взрывам, нежели то, где основная масса граждан *регулярно* вовлекается в действия, которые дают им некоторое чувство участия в принятии решений, серьезно воздействующих на их жизнь.

Хотя участие в политической жизни охватывает и лидерскую активность в общенациональных делах, и местное лидерство, и деятельность в качестве члена различных организаций, и неформальное «лидерство авторитетного выразителя мнений» среди своих партнеров в роли образца для них, данная глава в первую очередь посвящена голосованию и неучастию в голосовании, хотя, конечно же, акт голосования обычно является лишь заключительной стадией всего процесса уделения своего внимания политике — чтения, разговоров и размышлений. Главы 7 и 8 будут посвящены членству в группах и опыту проживания таких событий, которые на регулярной основе связаны с левым или правым (либеральным или консервативным) голосованием².

Процентная доля потенциального электората, участвующего в голосовании на общенациональных американских выборах, в настоящее время значительно меньше показателя 1896 г., когда к избирательным урнам приходило 80% из числа тех, кто обладал правом голоса. После самого низкого показателя участия, опустившегося в 1920 г. до 49%, на более близких по времени выборах указанное значение колебалась где-то вокруг 60%. Как подчеркивает политолог В. О. Кей-мл., это существенно ниже уровня явки на выборы в других важных демократиях вроде Великобритании, Голландии и Норвегии³.

² У меня нет ни малейшего желания рассматривать здесь последствия таких юридических и технических ограничений на участие в выборах, как ценз оседлости, разные виды подушных избирательных налогов (таковые существовали в США до 1964 г., когда была принята 24-я поправка к Конституции, запретившая их взимание при проведении выборов федерального уровня; в 1966 г. Верховный суд США признал неконституционным и взимание такого налога при проведении выборов в штатах. — *Перев.*) и имущественного ценза, проверка на грамотность (она часто использовалась как прикрытие для расовой дискриминации [и поэтому законы об избирательных правах 1965, 1970 и 1975 гг. временно передавали вопрос о ее проведении в компетенцию федеральных органов. — *Перев.*]), а также обременительные требования о регистрации (часто выдвигаемые партийными политическими машинами с целью опускать уровень голосования до нужного показателя). Перечисленные факторы могут иметь большое практическое значение, но в этой книге главной анализируемой проблемой является *добровольное* неучастие в голосовании.

³ См.: В. О. Key, Jr., *Politics, Parties, and Pressure Groups*, 4th ed. (New York: Crowell, 1958), p. 625. Уровень голосования в США может быть особенно низким по сравнению с европейскими странами из-за особенности американской системы голосования — в ней для участия в выборах нередко требуются *два* решения: одно, чтобы зарегистрироваться, и второе, чтобы проголосовать, причем первое из этих решений должно приниматься

Что именно отражает подобное неучастие в голосовании? Нездоровую апатию и ослабление демократии — так предполагают некоторые профессиональные ораторы и банальные краснобаи либерального толка. Хотя разновидности и причины апатии и отказа от голосования в разные исторические периоды и для разных секторов населения варьируются, вполне возможно, что неучастие в голосовании является теперь, по крайней мере в западных демократиях, отражением стабильности существующей системы, а также ответной реакцией на ослабление крупных социальных конфликтов и увеличение перекрестных давлений, особенно тех, что воздействуют на рабочий класс. Но совершенно ясно, что существуют разнообразные источники нежелания голосовать, имеющие самые разные последствия для демократического государства.

186

Хорошее представление о сложной проблеме интерпретации ответных реакций на политическую жизнь дает письмо, присланное в редакцию одной из американских газет человеком, который, судя по его тексту, хорошо осведомлен, вполне искушен и многоопытен, а также живо озабочен политическими проблемами и прекрасно информирован о них: «...лучше всего игнорировать новости, иначе ежедневные тревоги и неприятности, которые никогда не удастся смягчить собственным рациональным поведением, будут вести нас все ближе и ближе к безумию. <...> Какой можно придумать лучший способ поддерживать в нынешнюю эпоху хотя бы некоторую степень рациональности, чем игнорировать текущие события, описываемые в наших газетах и других средствах массовой коммуникации?»⁴ Ясно, что подход этого человека к политике сводится к сознательному уклонению и отчужденности от нее, основанных на ощущении полной тщетности иного образа действий. Это должно послужить для нас поводом задуматься, до какой степени подобное чувство основано на реальности и можно ли его изгнать, только взывая к политической ответственности. И все-таки подобная реакция очень сильно отличается от поведения человека, который *никогда* не окажется «вовлеченным» в политическую сферу жизни.

Социологи Дэвид Рисмен и Натан Глейзер предполагают, ссылаясь на масштабы «бегства от политики», что интенсивность этого явления может оказаться недооцененной, если «мы смотрим только

в период, когда и интерес к политической проблематике, и политическая активность находятся на низком уровне. Этот фактор сам по себе может объяснять многие из электоральных различий между США и теми европейскими странами, где гражданина регистрируют автоматически и от него требуется просто прийти и проголосовать.

⁴ *San Francisco Chronicle*, April 23, 1959.

на такие индексы, как участие в голосовании и наличие устойчивого мнения по политическим вопросам, измеряемые на сегодняшний день с помощью опросов и служащие путеводной нитью для понимания политической заинтересованности и участия в политической жизни. Дело в том, что подобные индексы отражают такую политическую деятельность, которая может быть аполитичной даже в большей мере, чем ранее»⁵. Следовательно, вполне возможно, что те открывшие мерилы политической заинтересованности, с которыми мы имеем здесь дело, т.е. уровень голосования и, в некоторой мере, уровень интереса к электоральному процессу и участия в нем, являются неточными и полностью упускают из виду возможность того, что политическая жизнь в настоящее время все больше и больше отражает, по крайней мере в пределах среднего класса, только групповой конформизм, иначе говоря следование определенным нормам, правилам или догмам своей группы. Некоторые исследователи могли бы критиковать подобный подход, сфокусированный на электоральном поведении, как не замечающий некоторые из реальных исторических подвижек в смысле и значимости политики для разных групп населения. Эта критика может носить серьезный характер, но, как мы увидим далее, различия в явке тех или иных групп на выборы все еще, пожалуй, дают хорошие подсказки к пониманию характера политической жизни в современном обществе, не навязывая при этом никакой общей оценки внутреннего смысла самого акта голосования⁶.

Модели участия в голосовании для разных стран: Германии, Швеции, Америки, Норвегии, Финляндии и многих других, по которым у нас имеются данные, — до удивления похожи. Мужчины голосуют заметно активнее, нежели женщины; лучше образованные люди — заметно активнее, чем менее образованные; городские жители — заметно активнее, нежели сельские; лица в возрасте от 35 до 55 лет — заметно активнее, чем более молодые или же старшие избиратели; состоящие в браке — заметно активнее, чем не состоящие; лица с более высо-

⁵ David Riesman and Nathan Glazer, «Criteria for Political Apathy», в сб.: Alvin W. Gouldner, ed., *Studies in Leadership* (New York: Harper & Bros., 1950), p. 519.

⁶ Рисмен и Глейзер в действительности интересуются субъективным значением и смыслом политики, а также ее ролью в организации внутреннего мира (души) индивида, в то время как нас в этой главе по-настоящему волнует вовсе не апатия как сугубо личностная проблема, а голосование в его отношении к тем фундаментальным видам групповых различий, которые на него воздействуют. Конечно же, абсолютно верно, что, если акт голосования целиком теряет свой смысл, это порождает серьезные последствия для демократии, однако данная проблема, носящая в том виде, как она трактуется Рисменом, почти философский характер, не только выходит за рамки моих интересов и возможностей в этой книге, но и в любом случае приводит к сомнительным выводам о современном обществе.

ким статусом — чаще, чем с более низким; члены каких-либо организаций — заметно активнее, чем нигде не состоящие⁷. Эти различия, однако, во многих странах, например в Швеции, сглаживаются, особенно в отношении возрастных и гендерных различий⁸.

В качестве примера реального характера этих различий мы можем посмотреть на современную Германию, где и регулярные выборочные опросы или обследования, и анализ очень большой выборки всего голосующего населения, предпринятый в 1953 г. Германским бюро статистики, сообщают о наличии систематических различий. Уровень голосования мужчин в Германии увеличился вместе с ростом образования и дохода. Среди владельцев ферм и самозанятых лиц 90% голосовали на предыдущих выборах. Среди самой низкооплачиваемой части рабочих, занятых простым физическим трудом, уровень голосования составил 78%. В рамках каждой профессиональной категории лучше оплачиваемые голосовали чаще. Кроме того, когда рабочих рассматривали в соответствии с уровнем их профессионального мастерства, то оказалось, что низкоквалифи-

⁷ Лучший по своей полноте компактный компендиум по вопросам политического участия и вместе с тем исследование указанных вопросов — это работа Herbert Tingsten, *Political Behavior: Studies in Election Statistics* (London: P. S. King & Son, 1937). Сводные обобщенные сведения о явке на выборы по результатам, о которых сообщается в четырнадцать различных исследованиях, можно найти в работе Bernard Berelson, Paul F. Lazarsfeld, and William McPhee, *Voting* (Chicago: University of Chicago Press, 1954), pp. 336–337. Книга Robert E. Lane, *Political Life* (Glencoe: The Free Press, 1959) содержит полезную сводку той литературы, где голосование и политическое участие соотносятся с различными социальными факторами и условиями; см. в: особенности стр. 45–62. Другие важные материалы можно найти в работах Paul F. Lazarsfeld, Bernard Berelson, and Hazel Gaudet, *The People's Choice* (New York: Duell, Sloan & Pearce, 1944), pp. 40–51; Angus Campbell and R. L. Kahn, *The People Elect a President* (Ann Arbor: Survey Research Center, 1952), p. 29; Angus Campbell, Gerald Gurin, and Warren E. Miller, *The Voter Decides* (Evanston: Row, Peterson & Co., 1954), pp. 70–73; данные по Финляндии см. в: Erik Allardt and Kettil Bruun, «Characteristics of the Finnish Non-Voter», *Transactions of the Westermarck Society*, 3 (1956), pp. 55–76. См. также: Julian L. Woodward and Elmo Roper, «Political Activity of American Citizens», *American Political Science Review*, 44 (1950), pp. 874–877; Charles E. Merriam and Harold F. Gosnell, *Non-Voting: Causes and Methods of Control* (Chicago: University of Chicago Press, 1924); Inge B. Powell, «The Non-Voter: Some Questions and Hypotheses», *Berkeley Publications in Society and Institutions*, I (1955), pp. 25–36. Данные об участии женщин, в которые включено также много материалов по мужчинам, см. в: Maurice Duverger, *La participation des femmes à la vie politique* (Paris: UNESCO, 1955), esp. pp. 13–74; и Gabriele Bremme, *Die Politische Rolle der Frau in Deutschland* (Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1956), esp. pp. 28–67.

⁸ См.: Dankwart A. Rustow, *The Politics of Compromise* (Princeton: Princeton University Press, 1955), pp. 137–139. Так как в Швеции участие в голосовании с 1924 г. и далее устойчиво увеличивалось (от самого низкого уровня, составлявшего в том году 53%, до самого высокого в 1948 г., достигшего почти 83%), частично уменьшение различий между группами происходит, несомненно, из-за повышения этого уровня во всех группах, а вовсе не по причине каких-либо прямых социальных воздействий на группы с особенно низким уровнем голосования.

цированные голосуют реже, чем рабочие высокой или средней квалификации. Эти различия значимы, если иметь в виду непривычно большой размер выборки⁹. Они будут обсуждаться позже в терминах главных социальных факторов, которые, как представляется, разъясняют выявленные различия лучше всего, но уже здесь можно отметить, что многие из объяснений заметно меньшего уровня голосования среди групп с низким статусом совпадают с теми объяснениями различных событий, ассоциирующихся с низкостатусными занятиями и профессиями, которые приводились, когда мы говорили об источниках авторитарных ценностей¹⁰.

В дополнение к этому многие отдельные факторы редко встречаются на групповом уровне иначе, чем в сочетании с другими факторами, работающими в том же самом направлении. Это сильно затрудняет задачу изолирования каузальных переменных.

Таблица I

Социальные характеристики, коррелирующие с явкой на выборы

<i>Повышенная явка</i>	<i>Пониженная явка</i>
Высокий доход	Низкий доход
Высокое образование	Низкое образование
Профессиональные группы:	Профессиональные группы:
Бизнесмены	Неквалифицированные рабочие
Белые воротнички, служащие	Прислуга
Правительственные сотрудники	Работники сферы обслуживания
Фермеры, выращивающие товарные культуры	Крестьяне и фермеры, ведущие натуральное хозяйство
Шахтеры	
Белые	Негры
Мужчины	Женщины
Люди средних лет (35–55)	Молодые люди (до 35)
Пожилые люди (старше 55)	
Давние жители общины	Вновь прибывшие в общину
Рабочие Западной Европы	Рабочие США
Кризисные ситуации	Нормальные ситуации
Женатые	Холостые и одинокие
Члены организаций	Изолированные лица

⁹ См.: Erich Reigrotzki, *Soziale Verflechtungen in der Bundesrepublik* (Tübingen: J. C. B. Mohr, 1956), pp. 63–68, где приводятся эти цифры. См. также: Juan Linz, *The Social Bases of German Politics* (Ph. D. dissertation, Department of Sociology, Columbia University, 1958).

¹⁰ Различные воздействия низкого статуса на формирование авторитарных предрасположенностей, равно как и на отказ от участия, а также на апатию были проанализированы ранее в главе 4 «Авторитаризм рабочего класса».

В общенациональной германской выборке маленькая группа сельскохозяйственных рабочих оказалась самым апатичным сегментом населения. Многие из факторов, которые, будучи выделенными для анализа в качестве отдельных, продемонстрировали бы тенденцию сокращать интенсивность голосования едва ли не любой общественной группы, в случае сельскохозяйственных рабочих сочетались и кумулировались. Эти люди, как правило, менее образованны, в экономическом отношении живут за чертой бедности и во многом лишены достаточных средств к существованию, они социально изолированы и находятся в тесном личном контакте со своим нанимателем (это особенно проявляется в Германии, где фермеры по большей части являются крестьянами, а не крупными землевладельцами, живущими где-то далеко от своих владений). Они мало подвергаются воздействию средств массовой информации, и лишь немногие из них состоят членами профсоюзов или других добровольческих организаций. В 1953 г. 48% сельскохозяйственных рабочих, у которых брали интервью, были «безразличны» к исходу выборов — по сравнению с 28% среди городских рабочих, занятых ручным трудом, и 16% среди владельцев ферм¹¹. Таким образом, сельскохозяйственные рабочие и домашняя прислуга представляют собой те общественные группы, для которых наиболее вероятен чрезвычайно низкий уровень участия в голосовании, и это подтверждается доступными данными по многим странам.

Некоторые дескриптивные различия в явке на голосование, которые были локализованы в целом ряде различных исследований, перечислены в табл. I. Конкретные объяснения этих различий могут быть в итоге сведены в следующие четыре разъясняющих суждения весьма общего типа. Группа будет характеризоваться более высокой

¹¹ См.: Juan Linz, *op. cit.*, pp. 747 ff. В 1949 г. фактические различия в голосовании были намного меньше, поскольку 75% сельскохозяйственных рабочих участвовали в голосовании — по сравнению с 87% фермеров и 83% несельскохозяйственных рабочих; но весьма вероятно, что в Германии существует широко распространенное чувство моральной обязанности голосовать, однако нет такой же сильной нормы применительно к заинтересованности в кандидатах и в проблематике выборов, не говоря уже о сколько-нибудь глубоких знаниях обо всем этом. Да и по другим меркам заинтересованности сельскохозяйственные рабочие последовательно и систематически оказывались ниже других профессиональных групп. Выборка объемом 12 тыс. случаев, извлеченных из пяти общенациональных американских обзоров, обнаружила, что самым низким уровнем голосования (56%) характеризовались работники сферы обслуживания, поставленные, по существу, в те же условия, что и сельскохозяйственные рабочие. См.: G. M. Connelly and H. H. Field, «The Non-Voter, Who He Is, and What He Thinks», *Public Opinion Quarterly*, 8 (1944), pp. 175–187.

Социальные факторы, воздействующие на явку на выборы**1. Релевантность правительственной политики для индивида**

- А. Зависимость от правительства как нанимателя рабочей силы
- Б. Подверженность экономическому давлению, требующему действий правительства
- В. Подверженность правительственным экономическим ограничениям
- Г. Наличие моральных или религиозных ценностей, на которые воздействует правительственная политика
- Д. Доступность релевантных политических альтернатив
- Е. Общие кризисные ситуации

2. Доступ к информации

- А. Прямая возможность наблюдать результаты правительственной политики
- Б. Профессиональная подготовка и опыт, способствующие общему постижению ситуации
- В. Контакт и коммуникация
- Г. Количество свободного времени для досуга

3. Групповое давление в пользу голосования

- А. Бедность, отсутствие привилегий и отчуждение
- Б. Сила классовой политической организации
- В. Степень интенсивности социальных контактов
- Г. Групповые нормы, противостоящие голосованию

4. Перекрестные давления

- А. Конфликтующие интересы
- Б. Конфликтующая информация
- В. Конфликтующие виды группового давления

частотью голосования, если (1) на ее интересы сильно воздействует правительственная политика; (2) она обладает доступом к информации о том, насколько политические решения релевантны для ее интересов; (3) она подвергается разным видам общественного давления, требующим голосования; (4) на нее не оказывают давления, чтобы она голосовала за те или иные политические партии. Дальнейшая классификация этих факторов, обнаруживаемых в конкретных социальных группах, представлена в табл. II¹².

¹² Основная совокупность официальной статистики и опросов общественного мнения не дает, однако, прямой информации по поводу этих категорий. Их классификационные параметры настроены на непосредственные практические цели: возраст, пол, доход, занятие или профессия, религия, регион проживания и т.д., — и аналитик должен привлекать собственные дополнительные знания об этих социальных и общественных группах, которые неявно подразумеваются этими категориями, чтобы «интерпретировать» их в нужных ему других терминах.

Релевантность правительственной политики

Хотя можно обоснованно утверждать, что правительственная политика воздействует на каждого, некоторые группы затрагиваются этим воздействием сильнее, чем другие, и можно было бы ожидать, что такие группы продемонстрируют более высокую явку к урнам для голосования, чем публика в целом. Самый чистый случай не просто причастности, а полной вовлеченности в политику правительства и иных властных структур — это, естественно, сотрудники соответствующих органов и структур, все экономическое положение и служебная жизнь которых подвержены указанному ранее воздействию. Данные об общенациональных и местных выборах как в США, так и во многих европейских странах показывают, что у правительственных и прочих чиновников самая высокая явка на избирательные участки по сравнению с любой другой профессиональной группой¹³.

192

От групп, подвергающихся разнообразным видам экономического давления, с которыми отдельные их члены не в состоянии справиться, например воздействию инфляции, депрессии, монополистической эксплуатации или структурных изменений в экономике, также можно было бы ожидать, что они обратятся к властно-правительственной деятельности как к решению и будут в среднем показывать высокую электоральную активность. Наверняка именно так обстоит дело с фермерами, которые производят продукцию для национального и мирового рынков, скажем с фермерами, занятыми выращиванием пшеницы¹⁴. Длительное время испытывая последствия периодического обрушения цен на свой продукт и подвергаясь воздействию монополистической власти банков, железных дорог, предприятий перерабатывающей промышленности и дилеров, эти

¹³ H. Tingsten, *op. cit.*, pp. 120–181, *passim*. Ж. Дюпе документально фиксирует этот факт для столицы одного из французских департаментов в работе G. Dupeux, «Le Probleme des abstentions dans le département du Loir-et-Cher au début de la troisième république», *Revue française de science politique*, 2 (1952), pp. 71–95. См. также: D. Anderson, P. E. Davidson, *Ballots and the Democratic Class Struggle* (Stanford: Stanford University Press, 1943); Roscoe C. Martin, «The Municipal Electorate: A Case Study», *Southwestern Social Science Quarterly*, 14 (1933), pp. 212–214. В норвежском опросе 1957 г. было установлено, что во всех тех профессиональных группах, где в основном заняты мужчины, штатные государственные служащие характеризовались самыми высокими уровнями голосования и участия в политической деятельности. Имеются в виду неопубликованные данные опроса, проведенного Институтом социальных исследований (Institute of Social Research) в Осло, которые любезно предоставил в мое распоряжение д-р Стейн Роккан.

¹⁴ См.: S. M. Lipset, *Agrarian Socialism* (Berkeley: University of California Press, 1950).

фермеры почти в каждой развитой стране смогли выработать изрядную степень противодействующей им всем политической «компенсаторной власти». Благодаря высокому уровню организационной активности и большой явке на избирательные участки они теперь с выгодой для себя пользуются такими механизмами, как правительственная поддержка цен, страхование будущего урожая, регулирование работы железных дорог, банковского дела и т.д., которые в результате делают значительную часть их доходов гарантированной. Для шахтеров, особенно уязвимых и для периодических кризисов, и для структурных изменений в экономике, тоже характерна высокая явка к урнам для голосования по сравнению с другими рабочими¹⁵.

С другой стороны, есть много случаев, где давление жесткой экономической необходимости сопровождается низким политическим участием. Например, Мария Лазарсфельд-Ягода и Ганс Цайзель, изучая австрийских городских безработных в период депрессии, сообщали, что «подписка на предназначенные для рабочих чрезвычайно дешевые политические публикации упала более чем на 60%; тогда как подписка на другие издания, которые имели ту же самую политическую направленность... [но были] в большей степени нацелены на развлечения, чем на политику... уменьшилась только примерно на 27%, и это несмотря на их более высокую цену»¹⁶. Американский социолог Э. Уайт Бакке сообщал о вполне сравнимых результатах, которые он получил в ходе исследований безработицы в Англии и США¹⁷. Похоже, что одной только жесткой экономической необходимости недостаточно, и далее в этой главе будут обсуждены некоторые из иных источников низкой явки на выборы среди безработных.

В большинстве стран правительственная экономическая политика очень сильно отражается на бизнесменах. В XIX столетии еще продолжали действовать старые правительственные ограничения, от которых надо было избавиться, а затем добиться от правительства финансовых выгод и преимуществ. В XX в. правительство снова стало источником серьезных ограничений, налагаемых на бизнес, — до такой степени, что налоги, а также всевозможные предписания, постановления, распоряжения, директивы и инструкции принадлежат теперь к числу самых важных экономических факторов, с которы-

¹⁵ О ситуации в Великобритании в числе многих других работ см.: D. E. Butler, *The British General Election of 1951* (London: Macmillan, 1951), p. 266.

¹⁶ Marie Lazarsfeld-Jahoda and Hans Zeisel, *Die Arbeitslosen von Marienthal* (Leipzig: Hirzel, 1932), pp. 35–37.

¹⁷ E. Wight Bakke, *Citizens Without Work* (New Haven: Yale University Press, 1940), p. 46.

ми должен считаться всякий предприниматель или промышленник. И почти в каждой стране данные о голосовании деловых людей, несомненно, отражают эти факты¹⁸.

Но экономические интересы отнюдь не единственные из числа тех, что оказывают мотивирующее воздействие на голосование. По мнению ряда исследователей, наблюдающаяся в последние годы высокая электоральная активность евреев представляет собой реакцию на нацизм и политический антисемитизм¹⁹. Аналогично многие утверждают, что эффективным средством, подталкивающим избирателей католической ориентации к избирательным урнам, служит антирелигиозная угроза, так или иначе подразумеваемая коммунизмом. Можно также добиваться увеличенного голосования среди католиков всякий раз, когда на выборах поднимаются какие-нибудь проблемы, затрагивающие католические ценности, скажем легализация любых методов регулирования рождаемости или правительственная помощь религиозным школам.

Такие моральные и этические проблемы, как запрет спиртных напитков или азартных игр, похоже, приводят и в США, и в Европе к повышению уровня женского голосования²⁰. Особое внимание, уделенное на американских президентских выборах 1952 г. проблематике «коррупции и коммунизма», может объяснить беспрецедентное число участвовавших в них избирательниц-женщин — их долю

194

¹⁸ H. Tingsten, *op. cit.*, Chap. III; L. Harris, *Is There a Republican Majority?* (New York: Harper & Bros., 1954), pp. 16–17; A. Campbell and R. L. Kahn, *op. cit.*, p. 109. В недавнем исследовании было установлено, что на выборах 1948 и 1952 гг. голосовали 75% руководителей среднего и высшего звена и 74% дипломированных специалистов, — по сравнению с 47% рабочих.

¹⁹ H. Tingsten, *op. cit.*, p. 215; S. J. Korchin, *Psychological Variables in the Behavior of Voters* (unpublished Ph. D. thesis, Department of Social Relations, Harvard University, 1946), Chap. IV.

²⁰ H. Tingsten, *op. cit.*, pp. 12, 72. На норвежских консультативных референдумах о введении сухого закона (1919 и 1926 гг.) различие между полами по степени участия в электоральном процессе больше всего проявлялось в тех районах, где противники этой меры составляли большинство, и это различие было значительно меньше там, где, судя по данным Тингстена (с. 16), сторонники прогибационизма имели явное большинство; подробная сводка свидетельств озабоченности американских женщин нравственно-моралистской проблематикой присутствует в работе Robert E. Lane, *op. cit.*, pp. 212–214. В Италии, где католические организации четко заявили, что не участвующие в голосовании «предают церковь» и что воздержание от выборов означает «косвенное голосование за коммунистов и атеистов», женщины, которым, как известно, свойственна тенденция к очень сильной религиозности, продемонстрировали отнюдь не более высокий уровень неучастия в голосовании, чем мужчины. См.: Mattei Dogan, «Le Comportement politique des Italiens», *Revue française de science politique*, 9 (1959), pp. 383–384.

оценивают в 55% по сравнению с предыдущим наивысшим показателем, достигнутым на выборах 1940 г., тогда он составил 49%²¹.

Прогнозы о новых программах правительственной деятельности тоже, видимо, увеличивают уровень голосования среди групп, потенциально затрагиваемых этими программами. Точные статистические данные на сей счет трудно раздобыть, но было бы интересно узнать, насколько предложение о введении пенсии по старости увеличило явку пожилых людей к избирательным урнам и увеличилось ли оно ее вообще или, скажем, приводят ли на выборы большее количество военных ветеранов какие-либо предложения о дополнительных выгодах и льготах для этой категории граждан. Федеральная программа охраны труда, введенная в 1930-х годах в США как часть Нового курса, параллельно сопровождалась заметным увеличением голосования среди лиц с низкими доходами, которые, по-видимому, впервые в жизни получили свою личную долю участия в общенациональной политике, причем долю реальную и наглядно ошутимую.

В Европе новые партии и программы, представляющие интересы рабочих, возникали и развивались вместе с увеличением участия рабочего класса в голосовании, которое происходило незадолго до конца XIX столетия и на заре XX. Более низкую явку американских рабочих на выборы, особенно в интервале между 1920 и 1932 гг., приписывали нехватке или даже отсутствию бросающихся в глаза классовых проблем, которые бы всерьез разделяли партии в тот период. Даже после того, как Новый курс вновь вызвал такие проблемы из небытия, сообщалось, что более половины избирателей либо говорили вообще об «отсутствии каких-либо различий» между двумя основными партиями, либо были неспособны внятно изложить, в чем эти различия заключаются²². И хотя американские рабочие в подавляющем большинстве принадлежат к сторонникам демократов, невнятный акцент этой партии на вопросы идеологии и классовой организации никак не стимулировал среди американских рабочих интерес к политике в такой же мере, как это делали те европейские «рабочие» партии, которые были до некоторой степени интеграционными²³.

Когда страна оказывается перед лицом кризиса, иными словами крупных изменений в ее общественной, социальной, экономической либо политической системе или же в ее международном поло-

²¹ L. Harris, op. cit., Chap. VI.

²² H. Cantril and J. Harding, «The 1942 Election: A Case Study in Political Psychology», *Public Opinion Quarterly*, 7 (1943), pp. 222–241.

²³ Обсуждение «интеграционных партий» см. в: главе III, с. 100–102.

жений, электорат в целом проявляет больший интерес к политике и политической жизни. Андре Зигфрид²⁴ документально зафиксировал влияние «кризисных выборов» во Франции на явку избирателей за период с 1876 по 1906 г. Когда в ходе очередных выборов критически важной становилась проблема республиканского или монархического правления, явка была высокой, но в 1881–1898 гг. эти проблемы зависли, пребывая в состоянии более или менее временной неопределенности, и явка к урнам для голосования упала. Кризис в вопросе о положении Католической церкви принес в 1902–1906 гг. новый высокий всплеск явки на выборы. Американские исследования говорят о том, что ситуации экономических кризисов 1896 и 1936 гг., а также международных кризисов 1916, 1940 и 1952 гг. аналогичным образом провоцировали необычно высокие уровни явки²⁵. В Германии и Австрии явка, которая и без того обычно высока, достигла своих пиковых значений в 1932–1933 гг. — на последних выборах, происходивших прямо перед самоуничтожением демократической системы в этих странах²⁶.

Французский социолог Морис Хальбвакс (Maurice Halbwachs) предположил, что существует зависимость между политическими кризисами и интересом к политике. Оттолкнувшись от наблюдения, что количество самоубийств во время любых войн резко уменьшается, Хальбвакс утверждал, что в период кризисов люди чувствуют себя более интегрированными в различные социальные группы и поэтому случающиеся во Франции политические кризисы тоже должны приводить к уменьшению числа самоубийств. Он изучил изменения указанного показателя в течение столетнего периода с 1827 по 1927 г. и обнаружил, что во время таких крупных политических конфликтов, как революции 1830 и 1848 гг., *coup d'état* (государственный переворот) Наполеона III в 1851 году, кризис 1889–1890 гг., связанный с генералом Буланже, а также интенсивные политические баталии вокруг дела Дрейфуса, происходившие с 1899 до 1905 г., количество суицидов в стране действительно уменьшалось²⁷. Хальб-

196

²⁴ A. Siegfried, *Tableau politique de la France de l'ouest sous la troisième république* (Paris: Librairie Armand Colin, 1913). pp. 499–506; *Géographie électorale de l'Ardeche sous le troisième république* (Paris: Librairie Armand Colin, 1949), pp. 101–103.

²⁵ Harold F. Gosnell, *Why Europe Votes* (Chicago: University of Chicago Press, 1930), pp. 196–197; V. O. Key, Jr., *op. cit.*, pp. 624–626; L. Harris, *op. cit.*, p. 177.

²⁶ H. Tingsten, *op. cit.*, pp. 225–226. См. главу 5, с. 179–184.

²⁷ Самый полный отчет об этом аспекте исследования Хальбвакса содержится в книге Роберта Э. Л. Фариса (Robert E. L. Faris), который был его студентом в Чикагском университете, — *Social Disorganization* (New York: Ronald Press, 1948), pp. 213–217. Собственное сообщение Хальбвакса о причинах самоубийств имеется в его книге *Les Causes de suicide* (Paris: F. Alcan, 1930).

вакс тогда предположил, что политические кризисы воздействовали на количество самоубийств ровно в той мере, в какой различные районы (департаменты) Франции были вовлечены в политическую жизнь. Как и прогнозировалось, в процессе политических кризисов самое значительное уменьшение числа самоубийств наблюдалось в Париже, менее существенным оно было в других крупных городских центрах и совсем незначительным — в максимально изолированных провинциальных областях. Было бы интересно посмотреть, реагируют ли и другие народы, с менее выраженной революционной традицией, чем у французов, на политические конфликты с такой интенсивностью, что это влияет на прочность связей в тех группах, куда они входят, и на их спаянность. Подозреваю, что полученные Хальбваксом результаты просто еще раз демонстрируют остроту и горечь тех политических разделений между французами, которые кратко обсуждались в главе 3. Но независимо от того, что именно говорят нам о Франции полученные Хальбваксом данные, они ясно показывают, насколько сильно кризисы увеличивают интерес к политической жизни и причастность к ней.

Доступ к информации

Хотя высокий уровень участия в выборах и может быть следствием крупных социальных проблем, ни в коем случае не следует думать, будто всегда происходит именно так. Часто у тех, кто подвергается самым серьезным экономическим испытаниям: у бедных, плохо оплачиваемых рабочих, безработных, малоземельных крестьян, самые низкие показатели участия в голосовании. Конечно, бедствующая группа может оказаться неспособна найти партию, которая бы представляла ее интересы, — есть много примеров ситуаций, когда разумное голосование очень сильно способствовало бы продвижению интересов той или иной группы, и тем не менее ее явка на выборы оказывалась низкой.

Отчасти это объясняется трудностями социального восприятия и коммуникации. Так, две социальные группы могут иметь равную долю участия в правительственной политической деятельности, но при этом для одной из них информация о таком участии более доступна. Например, воздействие правительственной политической практики на правительственных служащих не только объективно велико, но и очевидным образом прозрачно — равным образом и политика в отношении сельского хозяйства в первую очередь приносит пользу фермерам, а также в значительной мере управляет биз-

несменами, действующими в этой сфере, в частности через налоги, которыми они облагаются. С другой стороны, воздействие всей совокупности инструментов, которые есть в распоряжении властей (тарифы, средства контролирования и управления, антимонопольные меры, налогообложение, субсидии, дотации и т.д.), на рабочего или на белые воротнички может быть очень большим, но при этом носить скрытый и косвенный характер. Чтобы проследить последствия применения тех или иных политических методов, требуется прибегнуть к услугам опытных профессионалов, а это часто означает вмешательство в сферу действия законодателя, который выбирает ту или иную политическую линию. Налог на продажи, например собираемый в пункте продажи, является постоянным напоминанием для того, кто приобретает соответствующий товар, но тот же самый налог, взимаемый на уровне изготовителя, невидим для потребителя (этот принцип хорошо известен тем, кто вырабатывает советскую налоговую политику и тактику). Низкая явка на выборы рабочих и других лиц с низким доходом как раз и может отражать этот косвенный и скрытый характер целого ряда критически важных экономических зависимостей и взаимоотношений²⁸.

Там, где экономические зависимости не могут быть легко обнаружены теми, кого они затрагивают, повышается значение способности к углубленному общему пониманию происходящих процессов. Подлинному проникновению в суть сложных социальных проблем может способствовать образование, и оно, вне всякого сомнения, вносит свой вклад в обеспечение более высокого уровня голосования²⁹. Но складывается впечатление, что этот уровень все-таки

²⁸ Согласно анализу общенациональной выборки, на выборах 1952 г. в США 45% лиц, принадлежащих к группам с самыми низкими доходами и низким профессиональным статусом, не участвовали в голосовании. См.: Morris Janowitz and Dwaine Marvick, *Competitive Pressure and Democratic Consent*, Michigan Governmental Studies, No. 32 (Ann Arbor, University of Michigan Press, 1956), p. 26. Британское исследование выборов 1950 г. установило, что в использовавшейся там выборке 66% представителей низшего класса были «не заинтересованы» политикой по сравнению с 29% таких незаинтересованных среди представителей среднего и высшего классов. См.: M. Benney, A. P. Gray, and R. H. Pear, *How People Vote* (London: Routledge and Kegan Paul, 1956), p. 127.

²⁹ Paul F. Lazarsfeld, B. Berelson, and Hazel Gaudet, *op. cit.*, p. 47. Дж. М. Коннелли и Х. Г. Филд обнаружили, что, хотя такие факторы, как доход и образование, вносили свой независимый вклад в характер голосования, влияние дохода было намного больше. См.: Connelly and Field, *op. cit.*, pp. 179–180. Точно так же и С. Дж. Корчин (S. J. Korchin) в своем уже цитировавшемся исследовании президентских выборов в США 1944 г. установил, что уровень образования не оказывал почти никакого независимого воздействия, если социально-экономический статус удерживался неизменным. Анализ американских выборов 1948 г. см. в: A. Campbell and R. Kahn, *op. cit.*, p. 109.

в большей степени зависит от социальных обстоятельств конкретного человека и от реального опыта, приобретаемого им по месту работы. Группы с более высоким профессиональным уровнем не только обладают лучшим образованием — трудовая деятельность членов таких групп способствует их дальнейшему интеллектуальному развитию, по меньшей мере в определенных практических направлениях. Большинство руководителей верхнего звена, владельцев собственного бизнеса и представителей целого ряда профессий в повседневном режиме имеют дело с юридическими, экономическими и техническими проблемами, что способствует лучшему пониманию того, каким образом функционируют сложные общественные и политические механизмы. В то же время рутинная канцелярская работа рядовых клерков, не говоря уже о простом физическом труде, предоставляет для столь же глубокого постижения мало возможностей. В особо неблагоприятном положении находятся домохозяйки, и это объясняет, почему уровень электоральной активности женщин в целом везде заметно ниже, чем мужчин.

Зависимость между профессиональной деятельностью и политическими «навыками и умениями» уже давно подтверждается историями организаторов и руководителей различных политических движений. Многие такие рабочие либо фермерские движения привлекали в качестве своих лидеров юристов, журналистов, педагогов и проповедников, т.е. представителей таких профессий, которые в обязательном порядке требуют умения выступать на публике, а также писать тексты и организовывать чью-либо деятельность³⁰. Выходцы из рабочего класса, как правило, становятся политическими лидерами, предварительно потрудившись в профсоюзной администрации, — это одно из немногих мест, где должности доступны для рабочего человека и где он может овладеть политической практикой.

Другой аспект той нехватки умудренности и опыта, которая фундаментальным образом связана с образованием, а именно ее авторитарные последствия, рассматривались в главе 4. Данные по норвежским выборам 1957 г. указывают на такую же модель (соответствующий обзор уже цитировался).

³⁰ О роли буржуазных интеллектуалов в новом рабочем движении см.: Robert Michels, *Political Parties* (Glencoe: The Free Press, 1949), pp. 238–239. См. также: Willy Kremer, *Der Soziale Aufbau der Parteien des Deutschen Reichstages von 1871–1928* (Ph. D. thesis, University of Köln, 1934) В Великобритании в 1945 г. 48,5% членов палаты представителей от лейбористов и 61% ее членов от консерваторов принадлежали в прошлом к гуманитарным профессиям, были менеджерами или чиновниками. См.: Jacques Cadert, «Régime électoral et régime parlementaire en Grand Bretagne», *Cahiers de la fondation nationale des sciences politiques*, No. 5 (Paris: Librairie Armand Colin, 1948), p. 84. О роли интеллектуалов в крестьянских партиях на Балканах см.: David Mitrany, *Marx and the Peasant* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1951), pp. 131–133.

199 Давно подчеркивалось, что британские профсоюзы и чартистское движение на ранних этапах их существования рекрутировали значительную часть своих первых лидеров из числа рабочих, которые перед этим изучали «политические навыки и умения» в качестве пасторов-совместителей или наставников воскресных школ в нон-конформистских церквях³¹. Печатники — первая грамотная группа среди рабочих, занимавшихся ручным трудом, — во многих странах были первопроходцами в качестве организаторов профсоюзов и трудовых или рабочих партий, и это также отражение того воздействия, которое разные виды профессиональной деятельности оказывают на интеллектуальные и организаторские способности³².

Именно соображения, подобные изложенным выше, привели Маркса и Энгельса к убеждению, что более высокая диверсификация человеческой деятельности — фактически абсолютная отмена всякого разделения труда — является необходимым условием для формирования полностью эгалитаристского и анархистского общества. Похожее предложение выдвинул — правда, в менее утопической форме — известный поклонник американской корпорации социолог Питер Друкер, который расширил диапазон возможностей, охватываемых ролью рабочего в промышленности, включив сюда административное управление всеми действиями «заводского общества» в сфере улучшения широко трактуемых бытовых условий и социального обеспечения на производстве таким образом, чтобы рядовой рабочий мог в ходе своей трудовой деятельности приобретать «политические навыки и умения»³³.

Занимаемое в обществе положение может способствовать углубленному пониманию политической проблематики и благодаря облегчению контактов с другими людьми, сталкивающимися с более или менее похожими проблемами. Это как раз и имел в виду Маркс, когда говорил, что крестьяне — в силу самого характера своей деятельности изолированные на маленьких участках (парцеллах) или в рассеянных по всей стране маленьких же деревнях, — не смогли выработать у себя политического классового сознания и «неспособны защищать свои классовые интересы», в то время как рабочие, сконцентрированные на крупных фабриках и в рабочих районах

³¹ См.: Sidney Webb, *The Story of the Durham Miners 1662–1924* (London: Labour Publishing Co., 1929), p. 21; и A. D. Belden, *George Whitefield, the Awakener* (London: S. Marston and Co., 1930), pp. 247 и далее.

³² Для дальнейшего обсуждения этого вопроса и для подробных отсылок к ситуациям в разных странах см.: S. M. Lipset, M. Trow, and J. S. Coleman, *Union Democracy* (Glencoe: The Free Press, 1956), особ. pp. 25–30.

³³ Peter Drucker, *The New Society* (New York: Harper & Bros., 1949).

больших городов, имели возможность прийти к осознанию своих общих интересов и затем стать политически активными³⁴. Однако это утверждение Маркса касалось положения неграмотного крестьянства перед тем, как в сельской местности появились железные дороги, линии электропередачи и подобные коммуникации, а также средства массовой информации и автомобили. С развитием современных средств транспорта и связи многие крестьяне и фермеры гораздо сильнее интегрировались в классовую сеть и стали больше похожи на рабочих, живущих в сообществах, где в основном сосредоточены представители их класса. Те, кто трудится на земле, фактически оказались вполне успешными в построении политически мощных организаций.

И вообще, представители тех профессий и родов занятий, которые гарантируют большой объем внутригрупповых взаимодействий среди людей с общими интересами, выполняющих многие диверсифицированные действия и исполняющих много ролей, — а это требует лидерских навыков, равно как и знаний о разнообразных серьезных проблемах, — лучше осведомлены в политических вопросах, чаще голосуют и в большей мере привержены таким связанным с их работой организациям, как профсоюзы. Так, социолог Роберт Мертон проанализировал проект по строительству жилого комплекса для рабочих судовой промышленности в штате Нью-Джерси. В силу разных обстоятельств в результате получился небольшой город, населенный исключительно рабочими. Людям, занятым ручным трудом, пришлось руководить городской администрацией, работать в школьных советах, заведовать библиотеками, стать членами комитетов различных политических партий и т.п.³⁵ Один из результатов почти принудительного привлечения рабочих к такого рода деятельности заключался в том, что уровень их участия в выборах, а также в других социальных и общинных действиях резко увеличился, став гораздо выше «нормального» уровня для простых рабочих в гетерогенной окружающей среде, где упомянутые выше посты обычно занимают выходцы из среднего класса.

Аналогично в канадской провинции Саскачеван уникальное сочетание географических обстоятельств и конституционных положений

³⁴ См.: К. Маркс, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»; см. также: R. Bendix and S. M. Lipset, «Karl Marx's Theory of Social Class», в сб.: R. Bendix and S. M. Lipset, eds., *Class, Status and Power* (Glencoe: The Free Press, 1953), pp. 26–35; К. Маркс и Ф. Энгельс, «Манифест Коммунистической партии».

³⁵ Robert K. Merton, Patricia S. West, and Marie Jahoda, *Patterns of Social Life: Explorations in the Sociology and Social Psychology of Housing* (New York: Bureau of Applied Social Research, mimeographed).

привело во власть рядовых фермеров, специализировавшихся на выращивании пшеницы, — а такими были в этой провинции почти все фермеры, — которым пришлось занять соответствующие должности в большом количестве различных местных органов власти и в руководстве многих волонтерских служб. Это в результате привело к тому, что заметно вырос уровень профессиональной политической деятельности — намного выше, чем когда горожане — выходцы из среднего класса выполняют те же самые лидерские роли, например становятся чиновниками в администрациях территориальных округов или занимают должности в школьных советах, как это происходит в большинстве других регионов³⁶. Опять-таки там, где обстоятельства приводят к формированию сообщества людей по профессиональному признаку, рабочим приходится самим организовывать предоставление самых разнообразных услуг для себя — хотя обычно этим занимаются совсем другие страты и соответствующие агентства, — и, что еще важнее, при этом они возвращают собственных лидеров. Например, шахтеры, как мы уже отмечали, вынуждены жить в общинах или сообществах, обособленных от остальной части общества, и их социальные контакты — в церкви, дачном или охотничьем поселке, школе или муниципальном совете — осуществляются с коллегами-шахтерами. Английские шахтерские районы характеризуются более высокой электоральной активностью, чем любые другие избирательные округа в стране, — даже при том, что эти районы зачастую голосуют за лейбористов в пропорции от 3 : 1 до 20 : 1³⁷.

С вышеуказанным фактором энергичного взаимодействия с теми, кто обладает таким же, как у тебя, жизненным опытом и такими же потребностями, связано и развитие групп интересов, цель которых — способствовать осознанию общих проблем и организации совместного участия в политической жизни. В каждой стране у бизнесменов имеются собственные хорошо развитые организации, и значительная часть прессы представляет их точку зрения. Рабочие никогда не бывают настолько хорошо организованными. Например, в американском рабочем, даже если он член профсоюза, редко столь целенаправленно и массированно возбуждают интерес к политике, как в бизнесмене, и голосует он намного менее активно.

Кроме того, нормальное функционирование общественной структуры интенсифицирует сеть внутриклассовых коммуникаций у более высоких страт и ослабляет внутригрупповые коммуникации по мере

³⁶ S. M. Lipset, *Agrarian Socialism*, *op. cit.*, особенно pp. 199–219.

³⁷ H. G. Nicholas, *The British General Election of 1950* (London: Macmillan, 1951), pp. 42, 61, 318.

продвижения вниз по классовой лестнице. В каждой из стран, данными по которым мы располагаем, половина или больше взрослого населения не принадлежит ни к какой формальной организации, если не считать профсоюзов. При этом те, кто стоит выше на социальной лестнице, с намного большей вероятностью будут принадлежать к каким-либо организациям. Среди американцев, которых интервьюировали в 1955 г., только 8% представителей самой «нижней» из рассмотренных пяти социально-экономических категорий принадлежали к какой-нибудь организации, тогда как в самой «высокой» из категорий таких оказалось 82%. То, что более привилегированные и обеспеченные индивиды в большей мере вовлечены в организованные действия, обнаруживалось при каждом сравнении лиц с более высоким и более низким статусом, причем независимо от того, каким именно было это различие: между профессиональными стратами, разными уровнями образования, между доходами, между владельцами и арендаторами или же между теми, кто нанимает прислугу, и теми, кто ее не держит³⁸.

Тот факт, что членство в добровольных неполитических ассоциациях связано с классовой принадлежностью, имеет важные политические последствия. Ллойд Уорнер документально доказал критически важную роль таких ассоциаций в привязке гражданина к другим институтам сообщества³⁹. Недавнее финское исследование показало кумулятивный эффект причастности к любому виду деятельности. Лица, которые участвуют в работе одной организации определенного типа, с большей вероятностью проявляют активность и в других, будут посещать политические собрания, больше читать, иметь большее число друзей и т.д.⁴⁰ В Германии согласно опросу 1953 г. те, кто принадлежал к различным ассоциациям типа спортивных, социаль-

³⁸ См.: Herbert H. Hyman and Charles Wright, «Voluntary Association Membership of American Adults: Evidence from National Sample Surveys», *American Sociological Review*, 23 (1958), pp. 288–289. Многочисленные общенациональные и местные исследования, часть которых процитирована в вышеупомянутой статье Хаймена и Райта, а также другие работы, упомянутые на с. 76 этой книги, рисуют ту же самую картину. Например, Мирра Комаровски, социолог из Колумбийского университета, собрала в Нью-Йорке данные, которые указывают, что ощутимо больше 80% и мужчин и женщин, относящихся к числу дипломированных специалистов, принадлежат к добровольным ассоциациям, тогда как в сфере низкоквалифицированного труда, напротив, таких людей всего 32% среди мужчин и 9% среди женщин. См.: Mirra Komarovsky, «The Voluntary Associations of Urban Dwellers», *American Sociological Review*, 9 (1946), p. 688.

³⁹ W. L. Warner and Paul S. Lunt, *The Social Life of a Modern Community* (New Haven: Yale University Press, 1941), p. 301.

⁴⁰ См.: Erik Allardt, P. Jartti, F. Jyrkila, and Y. Littunen, «On the Cumulative Nature of Leisure Activities», *Acta Sociologica*, 3, No. 4 (1958), pp. 165–172. К сожалению, авторы не включили в свою работу никакой информации о классовой принадлежности членов своей выборки.

но ориентированных или общедоступных клубов и т.д., больше интересовались политической жизнью, слушали больше радиопередач на политические темы, читали больше газет, и большее количество таких людей намеревалось принять участие в голосовании, причем в рамках каждой страты⁴¹. Среди немецких рабочих-мужчин, например, 83% из числа тех, кто принадлежал к любым ассоциациям, кроме профсоюзов, были избирателями, т.е. реально участвовали в выборах, тогда как среди тех, кто не принадлежал ни к каким ассоциациям, таких было, напротив, всего лишь 72%.

203

Механизмы, посредством которых участие в неполитических группах активизирует политическую вовлеченность, многочисленны, но авторы первого крупного электорального исследования опросного типа *The People's Choice* («Народный выбор») обратили внимание на важность одного из них. Они подчеркивают, что определенное меньшинство населения являются лидерами общественного мнения — большой объем знаний, интерес к широкому кругу проблем и яркая индивидуальность делают их влиятельными среди друзей и знакомых. Контакт с таким лидером общественного мнения более важен по своему результирующему воздействию на политическое поведение, чем подверженность формальной пропаганде. Лидеры мнения непропорционально часто обнаруживаются среди тех, кто лучше образован и лучше обеспечен в материальном смысле, и им присуща также тенденция к более активному участию в ассоциациях всех типов. Следовательно, можно было бы ожидать, что рядовые члены организаций будут, скорее всего, подвергаться воздействию со стороны одного из лидеров политического мнения — кого-то из тех, кто много знает, уверен в себе и обладает таким же социальным багажом, как и у них. И поскольку политической жизнью интересуется пропорционально больше представителей среднего класса, чем рабочих, то в неполитических клубах для выходцев из среднего класса должно числиться больше политически заинтересованных лиц, чем в большинстве рабочих организаций. И действительно, существует много фактических свидетельств того, что вовлеченность в какие-либо организации оказывает более заметный положительный эффект на политическую деятельность среди представителей среднего класса, чем среди рабочих⁴². Что касается рабочих, занятых ручным и вообще физическим трудом, то среди них сильное влияние на уча-

⁴¹ Juan Linz, *op. cit.*, pp. 804–805.

⁴² Paul F. Lazarsfeld, Bernard Berelson, and Hazel Gaudet, *op. cit.*, p. 146; A. Campbell and R. L. Kahn, *op. cit.*, pp. 24–28. См. также: S. M. Lipset, M. Trow, and J. S. Coleman, *op. cit.*, pp. 97–105, где содержится дальнейшая углубленная проработка этого тезиса.

стие в политической жизни оказывают только профсоюзы (которые располагают профессиональными кадрами политически заинтересованных лидеров)⁴³.

Во многих европейских странах такие характеризующиеся высоким классовым сознанием политические движения, как коммунизм и социализм, создали организованную субкультуру, которая отсекает рабочих от остальной части общества. Интеграционные партии предпринимали попытки целиком и полностью организовать жизнь рабочих, заставляя их вступать в управляемые партией союзы, проживать в совместном или кооперативном жилье для рабочих, принадлежать к партийно ориентированным спортивным и социальным клубам, посещать культурные и музыкальные мероприятия, спонсируемые данной партией, а также читать партийные газеты и журналы. Предполагается, что и дети этих рабочих должны расти и воспитываться, принадлежать к партийным подростковым или молодежным группам. Там, где такие условия удалось более или менее успешно создать, обычные классовые различия в уровне явки на голосование полностью устранены или даже заменены на прямо противоположные. В Вене до 1934 г., например, в ходе критически важных выборов не меньше 94% рабочих приходили к урнам для голосования, а в рабочих районах Берлина явка превышала 90%, так что уровень участия рабочих в выборах превосходил соответствующий показатель для бизнесменов, дипломированных специалистов и работников умственного труда, так называемых белых воротничков. Об очень похожих результатах сообщалось и применительно к Франции, где Коммунистическая партия тоже сумела организовать жизнь многих рабочих⁴⁴.

Действия, детерминированные профессиональными занятиями, влияют не только на участие индивида в существующей в обще-

⁴³ В Германии, где Христианско-демократическая партия пытается быть выразителем мнений и интересов адептов как католицизма, так и протестантизма, сам факт регулярного посещения церкви представителями этих конфессий оказывает значительное воздействие на уровень их политического участия. Согласно опросу 1953 г., из числа протестантов-мужчин, которые систематически посещали церковь, голосовали 92%; из тех, кто посещал ее нерегулярно, — 90%; редко — 81% и никогда — 80%. Аналогичные различия были обнаружены между активными и малоактивными мужчинами католического вероисповедания, а также между женщинами — и протестантками и католичками. См.: E. Reigrotzki, *op. cit.*, pp. 69–70.

⁴⁴ Для Вены см.: H. Tingsten, *op. cit.*, p. 154; для Берлина см.: Stephanie Munke and A. R. L. Gurland, *Wahlkampf und Machtverschiebung: Geschichte und Analyse der Berliner Wahlen von 3 Dezember, 1950* (Berlin: Institut für Politische Wissenschaft, Duncker und Humboldt, 1952), pp. 175–176. Сопоставимые результаты по Франции см. в: Jean Stoetzel, «Voting Behavior in France», *British Journal of Sociology*, 6 (1955), p. 115. См. также: Maximilian Meyer, «Der Nichtwähler», *Allgemeines Statistisches Archiv*, 21 (1931), pp. 520–521.

стве организованной сети коммуникаций и, следовательно, на осознание им политической проблематики и степень его политической осведомленности, но и на его способность активно вовлекаться в политические инициативы. Макс Вебер подчеркивал, что работа адвоката, например, дает тому, кто ею занимается, не только умения и навыки, о чем мы уже говорили, но и время, необходимое для проявления политической активности, в то время как врач испытывает обычно такой дефицит времени, что ему трудно участвовать в чем-либо еще, кроме оказания медицинской помощи⁴⁵. Тезис Вебера относится к более активным уровням участия, но необходимо помнить, что даже ограниченный акт голосования представляет собой действие, связанное не только с необходимостью потратить около часа, чтобы сходить на избирательный участок, но и с необходимостью — по крайней мере для заинтересованных избирателей — израсходовать намного больше времени на чтение периодики, прослушивание радиопередач и размышления о политике. Для выработки политического сознания и политической осведомленности важна (как мы уже видели) деятельность в свободное время. Но определенные профессии и занятия оставляют очень немного свободного времени для досуга или, что даже важнее, времени, которое свободно от всяких тревог и которое можно посвятить проблемам не личного, а более общего характера (*психический досуг*). Это как раз такие занятия и профессии, которые обеспечивают не одно лишь минимальное ментальное стимулирование в процессе пребывания человека на работе. Человек, занятый физическим трудом, или конторский служащий, или бедный крестьянин — словом, все, кто вынужден трудиться долгими часами, чтобы заработать себе на хлеб насущный, не могут быть столь же политически активными, как те, кто ощущает себя в большей безопасности и имеет не жестко нормированный, а гибкий график рабочего времени, — профсоюзные деятели, журналисты или (крайний случай человека, которому вообще практически нечего делать) рантье, игравшие столь важную роль в политической жизни Великобритании. Низкий уровень участия очень бедных людей — обнищавших крестьян или городских безработных — отчасти объясняется непрерывно ведущейся ими борьбой за существование, не оставляющей ни капли энергии для «инвестирования» в поли-

⁴⁵ Max Weber, «Politics as a Vocation» в его сборнике *Essays in Sociology*, под ред. Н. Н. Gerth and C. W. Mills (New York: Oxford University Press, 1946), pp. 838. При обсуждении политики как профессии Вебер утверждает, что профессиональный политический деятель должен также быть экономически «независимым» (*dispensable*), иными словами его доход не должен зависеть в первую очередь от его способности занимать публичный пост.

тическую деятельность, результаты которой в любом случае сомнительны⁴⁶. Женевьева Напфер подчеркивает в своем кратком обзоре основных сведений о социальном положении лиц из более низких страт, что их пониженная заинтересованность политической жизнью и нежелание вовлекаться в нее отражают более глубокую изоляцию от любых внесемейных проблем и действий. У тех, кто принадлежит к низшему классу, меньше друзей и более узкий географический диапазон социальных контактов, чем у представителей более высоких страт; они читают совсем немного книг и журналов, а также потребляют заметно меньше «серьезных» материалов, которые могли бы способствовать их более глубокой причастности к политике, т.е. к государству. При обсуждении авторитаризма рабочего класса я уже подчеркивал, что низкий статус, по всей видимости, затрудняет приобщение людей к более высокой культуре и ограничивает их внимание самыми тривиальными аспектами жизни⁴⁷.

В дополнение к ситуации низкостатусных профессиональных групп проблему доступного времени или экономической независимости как детерминант политической активности хорошо иллюстрирует положение замужней женщины. Одни только явно формулируемые требования к домохозяйке и матери означают, что у нее мало возможностей или желания приобретать политически релевантный опыт. Таким образом, можно ожидать, что женщины должны быть меньше озабочены политической жизнью, и почти в каждой стране они действительно в меньшей степени участвуют в голосовании, чем мужчины⁴⁸. Однако политическая роль женщин, которые освобожде-

⁴⁶ Превосходное описание того, каким путем чрезвычайная бедность уменьшает мотивацию к участию в любой разновидности местной общинной или политической деятельности, см. в: Edward Banfield, *The Moral Basis of a Backward Society* (Glencoe: The Free Press, 1958). Различные исследования безработицы также иллюстрируют, каким образом неуверенность в своей экономической безопасности резко сокращает резерв энергии, которую люди способны отдавать политической жизни. См. более раннее обсуждение этой темы на с. 225 настоящей главы. В работе W. Mattes, *Die Bayerischen Bauernrate: Eine Soziologische und Historische Untersuchung über bauerliche Politik* (Munchener Volkswirtschaftliche Studien, No. 144) (Stuttgart: J. C. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1921) обсуждаются пределы участия баварских крестьян в политической жизни.

⁴⁷ Genevieve Knupfer, «Portrait of the Underdog», *Public Opinion Quarterly*, 11 (1947), pp. 103–114. См. также: Roger Girod, «Facteurs de l'abstentionnisme en Suisse», *Revue française de science politique*, 3 (1953), pp. 349–376.

⁴⁸ См.: Н. Tingsten, *op. cit.*, p. 229; ранее процитированный опрос о норвежских выборах 1957 г.; R. S. Milne and H. C. Mackenzie, *Marginal Seat: 1955* (London: The Hansard Society for Parliamentary Government, 1958), p. 69; Gabriele Bremme, *op. cit.*, pp. 231–239; Mattei Dogan and Jacques Narbonne, «L'abstentionnisme electoral en France», *Revue française de science politique*, 4 (1954), pp. 6–11; и Maurice Duverger, *op. cit.*, pp. 15–20 и 26–46.

ны от самых трудоемких обязанностей домохозяйки, должна возрастать и в большей мере приближаться к политической роли мужчин. В семьях среднего и высшего классов меньше детей и больше прислуги, а также всяких экономящих труд устройств, в результате чего женщины располагают временем для формальных и неформальных совместных действий с другими женщинами, принадлежащими к той же самой страте, что и они сами. Десятки тысяч женских клубов укомплектованы большей частью женщинами из среднего класса и высшего сословия. Социологи Ллойд Уорнер и Пол Лант в своем исследовании под названием «Город янки» (Yankee City) обнаружили, что в трех самых высоких социальных стратах среди проявлявших активность в различных ассоциациях женщин было больше, чем мужчин, тогда как в более низких стратах картина была прямо противоположной. Шведский политолог Герберт Тингстен сообщил, что в различных европейских странах у женщин из среднего класса степень политического участия была почти такой же, как и у мужчин, принадлежавших к их страте, и что европейские женщины из рабочего класса, как и в Америке, характеризовались самым низким уровнем участия в выборах⁴⁹. В Финляндии, где шведскоязычное население, рассматриваемое как отдельная группа, характеризуется непропорционально высокой зажиточностью по сравнению с финским большинством, женщины-шведки демонстрируют более высокую явку на избирательные участки, чем мужчины-финны⁵⁰.

Если наличие свободного времени или гибкий рабочий график облегчают политическое участие, то к этому же результату должно было привести и законодательно установленное сокращение рабочей недели. Вообще многие видные реформаторы XIX столетия питали большие надежды на рост заинтересованности и искушенности широких масс в политических делах. Социологи Роберт и Элен Линд, писавшие свой цитируемый далее труд в 1929 г., подчеркивали, однако, что в целом участие населения в выборах сокращается, и предположили, что политика как форма развлечения больше не в состоянии адекватно конкурировать с новыми коммерчески ориентированными изобретениями — кинофильмами, радиопередачами, рассчитанными на зрителей платными спортивными состязаниями, — и тем самым

⁴⁹ W. L. Warner and P. S. Lunt, *op. cit.*, pp. 337–338; H. Tingsten, *op. cit.*, pp. 146–147. См. также: Gabriele Bremme, *op. cit.*, p. 53; и Maurice Duverger, *op. cit.*, p. 40.

⁵⁰ Erik Allardt, *Social Struktur och Politisk Aktivitet* (Helsingfors: Söderstrom and Co., 1955), p. 38. Эти данные представлены также с меньшей детализацией в работе E. Allardt and K. Bruun, *op. cit.*, pp. 55–76.

она утратила одну из главных своих функций⁵¹. Политолог Роберт Лейн ровно тридцать лет спустя предположил, что эта тенденция не нашла продолжения и что в США «доля лиц, имеющих право голосовать на выборах и использующих свое право участвовать в них, снижалась, начиная с выборов 1876 г., которые проходили вскоре после Гражданской войны, и вплоть до 1928 года, когда указанная тенденция (прерванная войной) изменилась на противоположную, после чего данная доля демонстрирует тенденцию к неуклонному увеличению»⁵². Однако свидетельства долгосрочных трендов в явке на голосование или в других уровнях участия не могут быть признаны вполне удовлетворительными из-за пробелов в данных.

Групповое давление в пользу голосования

Даже если люди не осознают до конца свою личную роль в электоральном решении, они все равно могут чувствовать себя вынужденными или обязанными голосовать – в силу разного рода общественного давления и внутреннего ощущения социального долга. Вариации в электоральном поведении, которые коррелируют с социально-экономическим классом, могут также соотноситься с разными степенями конформистского подчинения нормам, доминирующим в различных сообществах. Почти каждое исследование общественного поведения указывает на то, что подчинение этим нормам связано с социальным статусом. Альфред Кинси показал широкий диапазон вариабельности сексуального поведения в зависимости от принадлежности к среднему или рабочему классу, причем средний класс намного более традиционен в проявлениях этого поведения⁵³. Установки по отношению к коррупции и преступлениям также изменяются вместе с классовой принадлежностью и общественной позицией. Лицам из низшего класса, например, свойственна тенденция быть намного более терпимыми к коррупции, нежели тем, кто входит в средний класс⁵⁴. Установки по отношению к такой

208

⁵¹ R. S. Lynd and H. M. Lynd, *Middletown* (New York: Harcourt, Brace & Co., 1929), pp. 416–420.

⁵² Robert E. Lane, *op. cit.*, p. 26.

⁵³ A. C. Kinsey, W. B. Pomeroy, and C. E. Martin, *Sexual Behavior in the Human Male* (Philadelphia: Saunders, 1948).

⁵⁴ См.: Jerome S. Bruner and S. J. Korchin, «The Boss and the Vote: Case Study in City Politics», *Public Opinion Quarterly*, 10 (1946), pp. 8–9, 22. Как показало это исследование, мэр Бостона Джеймс Кёрли, осужденный за уголовное преступление, все равно пользовался мощной поддержкой со стороны низшего класса.

весомой внутренней ценности, как упорный труд и обучение, тоже меняются в зависимости от классовой принадлежности. Вообще говоря, лицам из среднего класса присуща тенденция в большей степени подчиняться ценностям, которые господствуют в обществе, и принимать мысль о том, что такой конформизм будет непременно вознагражден грядущим достижением своих личных целей⁵⁵.

Установки по отношению к политике не должны сколько-нибудь сильно отличаться от вышеуказанных общих моделей. Нам следует ожидать, что установки типа «быть хорошим гражданином» и «выполнять свой долг как избирателя» ассоциируются с мировоззрением среднего класса; в то же время цинизм или апатия по отношению к политике связаны с конформизмом в разных других сферах. Рабочий, который не рассчитывает получить достойное вознаграждение за хорошую работу, вряд ли станет также ожидать награду за то, что является хорошим гражданином. Печально известен тот факт, что сила принятых в среднем классе разнообразных норм поведения меньше в группах, которым неведом ни жизненный уровень среднего класса, ни общественное признание. Малая избирательная активность групп с очень низкими доходами, которая наблюдается в США, может быть частью этой общей картины. Чрезвычайно низкая явка негров на выборы, причем даже на севере страны, может частично отражать слабость норм социального конформизма среди групп, которым отказывают в нормальном вознаграждении за их конформизм⁵⁶.

Помимо общей социальной нормы о необходимости голосовать как о свойстве «хорошего гражданина» существует много разных групп интересов, которые требуют, чтобы их члены непременно голосовали на благо данной группы. Так, в европейских рабочих районах высокая явка к урнам для голосования, вероятно, в значительной степени зависит от существования подобных групп, в то время как низкая явка, свойственная, вообще говоря, американским рабочим, может отражать тот факт, что они не смогли развить ни собственных интегрированных классовых институтов, ни норм интенсивного политического участия. Уже отмечалось, что рабочие, которые принадлежат к профессиональным или иным союзам, демонстриру-

⁵⁵ См.: Robert K. Merton, «Social Structure and Anomie», в его книге *Social Theory and Social Structure* (Glencoe: The Free Press, 2d ed., 1956), pp. 131–161.

⁵⁶ E. H. Litchfield, «A Case Study of Negro Political Behavior in Detroit», *Public Opinion Quarterly*, 5 (1941), pp. 267–274; Gunnar Myrdal, *An American Dilemma: The Negro Problem and Modern Democracy* (New York: Harper & Bros., 1944), pp. 493–494. См. также: Bureau of Applied Social Research (Бюро прикладных социальных исследований), *Voting Behavior of American Ethnic Groups* (New York: mimeographed, 1946).

ют намного более высокую явку на избирательные участки, чем рабочие, не являющиеся членами каких-либо организаций⁵⁷, а политические машины в бедных городских районах Америки традиционно взывали к этнической и религиозной групповой солидарности как к способу оказать на людей давление, чтобы те голосовали⁵⁸.

Такие способы давления в пользу конформистского поведения очевидным образом зависят от количества контактов с доминирующими социальными группами, в которые вступает тот или иной индивид. Например, те, кто прибыл в какое-либо сообщество сравнительно недавно, меньше склонны голосовать, чем давние его жители, — об этом сообщалось применительно ко многим сообществам в США, Швейцарии, Финляндии и Англии⁵⁹. Тот же самый фактор может служить причиной менее активного голосования молодых людей, которые еще не заняли место в организованной социальной жизни взрослого сообщества (этот вопрос будет обсуждаться позже), а также престарелых, теряющих свои социальные контакты из-за выхода на пенсию или в отставку, а также по причинам физической немощи и смертей в пределах своей возрастной группы.

Самое высокое давление в пользу обязательного голосования как символа конформизма обнаруживается там, где объективная значимость голосования минимальна, — на «показных» тоталитарных выборах. В нацистской Германии и Советском Союзе прилагались огромные усилия, чтобы вступить в контакт со всеми потенциальными избирателями и потребовать от них проголосовать. Нам говорят, что на выборы 1946 г. в Верховный Совет СССР пришло голосовать 99,7% всего электората, насчитывавшего более 100 миллионов человек, причем 99,2% из них отдали свои голоса за единственный офици-

⁵⁷ Для ознакомления с данными о выборах 1954 г. в США см.: A. Campbell and H. C. Cooper, *Group Differences in Attitudes and Votes* (Ann Arbor: Survey Research Center, 1956), pp. 31–32. Эти авторы обнаружили, что низкоквалифицированные рабочие, состоящие в профсоюзе, голосовали намного энергичнее, чем лица тех же самых профессий, не являющиеся членами профсоюза. Указанная зависимость оставалась справедливой на выборах 1948, 1952 и 1954 гг. В Англии исследование электорального поведения в Гринвиче установило, что члены профсоюза голосуют с намного большей вероятностью, чем рабочие, не состоящие в нем. См.: M. Benney, A. P. Gray, and R. H. Pear, *op. cit.*, pp. 181–188.

⁵⁸ V. O. Key, Jr., *op. cit.*, Chap. 10; F. J. Brown and J. S. Roucek, eds., *One America* (New York: Prentice-Hall, 1945), Chaps. 15–16.

⁵⁹ H. Tingsten, *op. cit.*, p. 215; C. E. Merriam and H. F. Gosnell, *op. cit.*, pp. 31 и далее; B. C. Arneson, «Non-Voting in a Typical Ohio Community», *American Political Science Review*, 19 (1925), pp. 816–825; A. H. Birch, «The Habit of Voting», *The Manchester School of Economic and Social Studies*, 18 (1950), pp. 75–82; R. Girod, *op. cit.*, p. 368; E. Allardt and K. Bruun, *op. cit.*, p. 75; Charles H. Titus, *Voting Behavior in the United States* (Berkeley: University of California Press, 1935), p. 68. См. также: Robert E. Lane, *op. cit.*, pp. 267–269.

альный список⁶⁰. Если чувство внешней угрозы американскому обществу увеличивается, то можно ожидать усиления акцента на активное голосование как символ лояльности к существующей политической системе и удовлетворенности ею. Но если такое увеличение не сопровождается соответствующим ростом общего беспокойства и озабоченности конкретными проблемами, то оно с трудом будет соотноситься с идеалом рационального участия в органах самоуправления.

В некоторых случаях групповое давление направлено против голосования. Наблюдающийся везде более низкий уровень голосования среди женщин может быть отчасти порожден традиционной идеей о «месте женщины». Впрочем, в США это, кажется, не мешает голосовать женщинам, интересующимся политической жизнью; однако женщины, у которых этот интерес невелик, нисколько не стесняются того, что отказываются голосовать, в то время как мужчины, точно так же не интересующиеся голосованием, чувствуют себя в большей степени обязанными идти на избирательные участки⁶¹. Сегодня в некоторых частях американского Юга нормы, установленные доминирующей группой белых граждан для негров, включают среди прочего и фактический запрет голосовать⁶².

211

Другой тип нормы, противостоящей голосованию, встречается в некоторых радикальных экстремистских группах, которые проповедуют воздержание от участия в любых выборах как протест против «буржуазной демократии». «Голосование означает согласие с рабством» — так звучала на испанских выборах 1933 г. тема интенсивной пропагандистской кампании испанской анархо-синдикалистской Национальной конфедерации труда, которая включала более половины организованных рабочих. Отказ от голосования как средство протеста часто использовался оппозицией на «полусвободных» выборах. Аналогично на плебисцитах, когда ни одну из альтернатив не считали приемлемой, иногда в качестве способа выразить те или иные политические мнения пропагандировалось и наблюдалось массовое неучастие в голосовании.

⁶⁰ J. Towster, *Political Power in the U.S.S.R. — 1917–1947* (New York: Oxford University Press, 1948), p. 197. (Этот список именовался «Нерушимый блок коммунистов и беспартийных». — *Перев.*)

⁶¹ P. F. Lazarsfeld, B. Berelson, and Hazel Gaudet, *op. cit.*, pp. 48–49; Alice Kitt and D. B. Gleicher, «Determinants of Voting Behavior», *Public Opinion Quarterly*, 14 (1950), pp. 393–412.

⁶² J. Dollard, *Caste and Class in a Southern Town* (New York: Harper & Bros., 1937); G. Myrdal, *op. cit.*, Chap. 22. Выпущенный в сентябре 1959 г. отчет комиссии по гражданским правам при президенте Эйзенхауэре содержит документальные подтверждения того, что этот запрет продолжает существовать.

Внутри групп, где нормой является выступление против голосования, положение меняется на прямо противоположное: конформисты становятся неголосующими, тогда как неконформисты, скажем «рабочие, лишенные классового сознания», «негры, которые позабыли о своем месте», — напротив, избирателями.

Перекрестное давление

Вообще говоря, чем больше разных видов давления в противоположных направлениях приходится испытывать отдельным индивидам или группам, тем более вероятно, что предполагаемые избиратели будут стремиться выйти из сложной электоральной коллизии, как бы «теряя интерес» к любым альтернативам и в результате не делая вообще никакого выбора. Первое интенсивное американское исследование того, каким образом избиратель принимает решение (с использованием панельного метода повторных интервью), установило, что «многим избирателям, подвергшимся воздействию перекрестных давлений, присуща тенденция умалять значимость происходящего. Они словно бы отключаются и уходят от любого реального конфликта, теряя интерес к выборам. <...> Те, кто не испытывает перекрестных давлений, демонстрируют заметно больше интереса к выборной кампании; наличие даже одного вида перекрестного давления означало существенное увеличение пропорции таких избирателей, которые чувствовали себя менее заинтересованными в происходящих выборах. И по мере того как число разнонаправленных перекрестных давлений увеличивается, степень интереса к выборам выказывает устойчивое снижение»⁶³. Реальные исследования выборов в Америке и Великобритании продемонстрировали итоги, вполне сопоставимые с только что высказанными утверждениями⁶⁴. При зондировании по методу интервьюирования членов одного из профсоюзов, в котором за власть боролись коммунистиче-

212

⁶³ P. F. Lazarsfeld, B. Berelson, and Hazel Gaudet, *op. cit.*, p. 62. Как уже отмечалось в главе 3, с. 103, теория перекрестного давления была впервые выдвинута более пятидесяти лет назад немецким социологом Георгом Зиммелем. Ее первое углубленное применение к исследованию электорального поведения можно найти в трудах Герберта Тингстена, точнее, в его «законе социального центра притяжения», посредством которого он показывает, что степень участия любой группы в выборах повышается вместе с влиянием этой группы в данном округе. См.: H. Tingsten, *op. cit.*, pp. 230–231. Сводное описание недавних американских работ, использующих данный тезис, см. в: Robert E. Lane, *op. cit.*, pp. 197–203.

⁶⁴ B. Berelson, P. F. Lazarsfeld, and W. McPhee, *op. cit.*, pp. 27, 130–131; M. Benney, A. P. Gray, and R. H. Pear, *op. cit.*, pp. 178–182; S. J. Korchin, *op. cit.*, Chap. V.

ская и католическая фракции, сообщается о точно таких же результатах. Те члены профсоюза, до которых пропаганда доходила от обеих противоборствующих сторон, реагировали в конечном счете тем, что отказывались выбрать между ними⁶⁵.

Возможно, самое поразительное свидетельство того, что перекрестные политические давления, тянущие индивидов в стороны разных партий, делают некоторых людей политически бессильными, появилось в результате одного германского исследования недействительных избирательных бюллетеней. Как известно, такие документы для голосования аннулируются, когда избиратель отмечает в своем избирательном бюллетене две партии, а не одну. Если подобные «ошибки» были результатом случайного недосмотра или элементарного невежества избирателя, технически не осведомленного, каким образом надо голосовать, то две партии, которые оказались отмеченными на одних и тех же избирательных бюллетенях, должны быть распределены более или менее случайным образом. Внимательное изучение подобных бюллетеней в Баварии установило, однако, что, когда люди голосовали за две партии, они почти неизменно голосовали за пару, элементы которой идеологически были относительно близки друг другу. Так, в недействительном избирательном бюллетене, где была отмечена партия социал-демократов, имелась также вторая отметка, и обычно это было голосование либо за какую-нибудь маленькую левую партию, стоящую на этом фланге чуть левее социалистов, либо за христианских демократов, которые располагались несколько правее социал-демократов. Точно так же в большинстве недействительных избирательных бюллетеней, где были отмечены христианские демократы, содержалась также отметка в пользу социал-демократов, которые были их непосредственными соседями слева (43%), или же в пользу партии баварских фермеров (31%), которые располагались немного правее. В тех недействительных избирательных бюллетенях, где голосовали за более консервативную фермерскую партию, оказывались также помеченными либо христианские демократы, которые в политическом спектре располагались несколько левее партии фермеров (47%), либо германская партия*, находившаяся чуть справа от них (13%). Большинство этих недействительных избирательных бюллетеней содержало, таким образом, отметку о втором голосовании, которое чаще все-

⁶⁵ Martin Kriesberg, «Cross-Pressures and Attitudes», *Public Opinion Quarterly*, 13 (1949), pp. 5–16.

* Правлиберальная Народная партия. — Прим. перев.

го было в пользу ближайшей партии справа или слева от первой, и это указывало на то, что такие бюллетени не были результатом ошибок, а отражали неспособность некоторых избирателей решиться и сделать выбор между двумя настойчиво обращающимися к ним партиями⁶⁶.

Гипотеза о перекрестных давлениях может помочь в объяснении некоторых из процитированных ранее несхожестей в поведении разных групп. Например, мы знаем, что у рабочих имеется тенденция голосовать менее активно, чем это делают представители среднего класса и высшего сословия, и что даже в таких странах, как Великобритания, где различия между классами по уровню голосования не столь велики, как в Америке, все-таки существуют значительные вариации в степени интереса к политической жизни и вовлеченности в нее. Так, британское панельное исследование установило, что доля заинтересованных в выборах меняется от 34% для самых низших классов до 71% у высших классов⁶⁷. Эти различия могут быть частично объяснены тем фактом, что в каждом обществе низшие страты находятся под влиянием не только своих жизненных обстоятельств, но и своих классовых организаций, добивающихся от них одобрительного отношения к тем партиям, которые защищают социальные и экономические реформы, но в то же время эти слои подвергаются сильному влиянию со стороны высшего класса и консервативных сил — через прессу, радио, школы, церкви и т.д. Хотя более низкое социальное и экономическое положение предрасполагает эти страты выступать против нынешнего статус-кво, у существующей системы есть много традиционных притязаний на легитимность, которые так или иначе влияют на низшие слои. Следовательно, эти страты помещены в ситуацию, где у них не только меньше информации, но даже имеющаяся носит противоречивый характер, поскольку в ней отражаются давления, исходящие от противостоящих групп.

С другой стороны, представители более зажиточных классов редко подвергаются аналогичным перекрестным давлениям. Они живут в относительно «гомогенной политической среде», где все давления на них осуществляются в одном политическом направлении. В то время как в большинстве стран основная масса рабочих читает газеты, выступающие против профсоюзов и рабочих партий, бизнесме-

214

⁶⁶ R. Schachtner, «Wahlbereditigte, Wahlbeteiligung, Nichtwähler und Falschwähler», *Bayern in Zahlen: Monatshefte des Bayerischen Statistischen Amtes*, January 1952, pp. 18–21.

⁶⁷ M. Benney, A. P. Gray and R. H. Pear, *op. cit.*, p. 127.

ны читают газеты, которые лишь повторяют их основные политические убеждения⁶⁸.

Явное и гласное функционирование ценностей стратифицированного и все-таки остающегося открытым общества может ограничивать политическую активность низших классов, поскольку способствует усилению объективных перекрестных давлений на них. Воспринимая политические проблемы как члены неимущей и обладающей меньшими привилегиями группы, они тем не менее через средства массовой коммуникации подвергаются воздействию доминирующих в обществе ценностей и могут (по крайней мере, в некоторых открытых обществах) стремиться к более высокому положению в рамках существующей общественной структуры. Эти низшие слои сталкиваются с необходимостью как-то примирять нормы своей жизни с набором ценностей господствующего класса, определяемых его политическим и социальным положением. Если низшие классы не изолированы общественной структурой от перекрестного воздействия этих ценностей, они неизбежно становятся более политически апатичными, чем выходцы из высшего класса, не сталкивающиеся с подобным конфликтом. Последние остаются уверенными в себе конформистами, полностью соответствующими окружающей их бесконфликтной политической среде. Вот как Гуннар Мюрдаль описывает положение высшего класса: «Между лицами, принадлежащими к высшему сословию, существуют более тесные узы и более легко достигаемое взаимопонимание. <...> Они больше путешествуют... а совместное пребывание в пульмановских спальнях вагонов поездов дальнего следования устанавливает между людьми глубокие

215

⁶⁸ См.: R. S. Milne and H. C. Mackenzie, *Straight Fight* (London: The Hansard Society, 1956). Эти два автора сообщают, что среди британских избирателей «число газет левой направленности, читаемых сторонниками консерваторов, намного меньше, чем число правых газет, которые прочитываются избирателями лейбористской партии» (стр. 96). В Норвегии 69% всех избирателей социалистических партий регулярно читают несоциалистические газеты, а 28% не читают ни единой социалистической газеты. Среди сторонников несоциалистических партий только 17% читают социалистические журналы, в то время как более чем 80% из них читают несоциалистические газеты. См. статью: Stein Rokkan and Per Torsvik, «The Voter, the Reader, and the Party Press», представленную на IV Всемирном социологическом конгрессе, Милан – Стреза (Италия), сентябрь 1959 г. О сопоставимых результатах, полученных в Швеции, сообщают Jörgen Westerståhl and Carl-Gunnar Janson, *Politisk Press* (Gothenburg: Political Science Institute, 1958), pp. 65, 89, 98. Обсуждение указанной проблемы и обширные статистические данные см. в: Herbert Tingsten, «The Press», в сб.: J. A. Lauwerys, ed., *Scandinavian Democracy* (Copenhagen: The Danish Institute, 1958), pp. 316–328.

и сокровенные отношения. Они постоянно встречаются, чтобы посоветоваться и обсудить важные вопросы»⁶⁹.

Указанные отличия являются еще одной причиной классовой дифференциации применительно к явке на голосование. И на сравнительных основаниях мы должны ожидать, что чем более открыта классовая структура любого общества, тем более политически апатичным должен быть его рабочий класс; и наоборот, чем жестче стратифицировано общество, тем выше вероятность того, что его низшие классы выработают и разовьют собственную мощную форму политической активности. Те представители низших страт, которые больше всего изолированы от контактов с культурой среднего класса или с выходцами из него, будут с наибольшей вероятностью проявлять активность в доминирующих сферах политической жизни своей страты, в то время как те, кто больше всего подвергается воздействию межклассовых контактов, будут наименее активны и заинтересованы в политической жизни, а также наименее преданны ей. Значительная часть имеющихся свидетельств (некоторые из них уже были ранее представлены в других контекстах) соответствует этим ожиданиям; среди них, например, те, что касаются людей, работающих в «изолированных» отраслях промышленности, занятых на крупных заводах и фабриках либо проживающих в пролетарских районах больших городов, или же членов таких «интеграционных партий», как австрийские социал-демократы либо коммунисты перед 1934 г., и членов профсоюзов⁷⁰.

⁶⁹ G. Myrdal, *op. cit.*, p. 715. Ввиду того что значимость путешествий на поездах в наши дни существенно снизилась, современным эквивалентом пульмановского вагона мог бы служить салон первого класса в трансконтинентальном авиалайнере, а также пятизвездочные отели и дорогие рестораны, которые оплачиваются из средств на представительские расходы.

⁷⁰ Дэвид Трумэн при анализе опознанных данных об опросах, проводившихся в связи с президентскими выборами в США 1948 г., обнаружил, что представители высших социально-экономических классов с наибольшей вероятностью вращались в гомогенной окружающей среде. И у рабочих — членов профсоюза окружение носило более гомогенный характер, чем у тех, кто не состоял в профсоюзе, причем члены Конгресса производственных профсоюзов (КПП, или СЮ) США пребывали в более интегрированной окружающей среде, чем члены Американской федерации труда (АФТ, или AFL). При этом, поскольку члены профсоюза в среднем работали на более крупных заводах и проживали в более крупных городах, чем не состоявшие в профсоюзе, а у членов КПП эти характеристики были выражены даже отчетливее, чем у членов АФТ, причину их большей однородности нельзя выводить исключительно или даже в первую очередь из того структурирования окружающей среды, которое обеспечивается профсоюзом. Однако все эти проявления дифференцированности в полной мере соответствуют нашим теоретическим ожиданиям. См.: David Truman, «Political Behavior and Voting», в сб.: F. Mosteller, H. Hyman, P. McCarthy, E. Marks, and D. Truman, *The Pre-Election Polls of 1948* (New York: Social Science Research Council, Bulletin No. 60, 1949), pp. 229–230.

Как показали различные исследования 1920–1957 гг., те районы самых разных городов: Вены, Амстердама, Базеля, Берлина, Хельсинки, а также какие-то части Великобритании и Норвегии, которые по составу населения гомогенны (причем неважно, преобладают ли там представители рабочего или же среднего класса), характеризуются намного более высоким уровнем голосования, чем местности со «смешанным» населением⁷¹. Часто публикуемые сообщения о низкой электоральной активности лиц, занятых в качестве прислуги или в сфере бытовых услуг, а также сельскохозяйственных рабочих, которые трудятся на семейных фермах, данной модели не противоречат. Такие работники, несмотря на то что их статус и оплата труда находятся на низком уровне, в наименьшей степени интегрированы в состав своего класса и по большей части находятся в плотном прямом контакте с индивидами, имеющими высокий статус⁷².

Несколько примеров из исследований голосования в Финляндии подкрепляют гипотезу о перекрестных давлениях. Финляндия — это страна с принадлежащим к высшему классу шведским меньшинством, и социолог Эрик Аллардт обнаружил, что избирательные округа, в которых шведскоязычное население превышало 75%, систематически характеризовались более высокой явкой на выборы, чем этнически смешанные или преобладающе финские округа⁷³. В округах с сильными политическими традициями, т.е. там, где как в 1917 г., так и после 1945 г. явное большинство составляли либо консерваторы, либо приверженцы левых взглядов, систематически наблюдался более высокий уровень явки на избирательные участки, чем в округах, где консервативные и левые партии обладали неустойчивым большинством⁷⁴. Кроме того, в округах с одной уверенно доминирующей политической партией всегда уровни участия в голосовании были выше, чем в округах, где конкурировали несколько одинаково сильных партий.

Гипотеза о перекрестном давлении помогает также объяснить различия между голосованием мужчин и женщин. Есть многочисленные свидетельства того, что женщины в большинстве обществ более

⁷¹ Данные для Вены, Амстердама и Базеля см. в: Н. Tingsten, *op. cit.*, стр. 126–127, 155–157; для Берлина см.: Stephanie Munke and A. R. L. Gurland, *op. cit.*, pp. 175–176; для Великобритании см.: D. E. Butler, *op. cit.*, p. 208; для Хельсинки — Erik Allardt, *op. cit.*, p. 136. Данные из уже цитировавшегося неопубликованного опроса 1957 г., который проводился в Норвегии, также подтверждают указанное соображение.

⁷² См.: М. Meyer, *op. cit.*, pp. 520–521; Н. Tingsten, *op. cit.*, pp. 62, 120–181, *passim*; R. Girod, *op. cit.*, особенно таблица V.

⁷³ Erik Allardt, *op. cit.*, p. 34; E. Allardt and K. Bruun, *op. cit.*

⁷⁴ Erik Allardt, *op. cit.*, p. 52.

консервативны и религиозны, чем мужчины, причем эти различия особенно усугубляются на уровне рабочего класса. Такие вариации между полами в исповедуемых ими ценностях могут объясняться их очень разным жизненным опытом. Мужчины и на работе, и в свободное время в значительной степени склонны разделять типичное или преобладающее мнение представителей своего класса. Женщины, особенно домохозяйки, меньше вовлечены в структуру внутриклассовых коммуникаций, встречаются на своем пути меньше хорошо осведомленных в политике людей с жизненным багажом и интересами, похожими на их собственные, и, следовательно, для женщин выше вероятность сохранения доминирующих консервативных ценностей более массовой культуры. Второй фактор, который делает женщин из рабочего класса более консервативными, чем их мужчины, — это сильная озабоченность женщин семейными проблемами, в силу чего они в большей мере осознают свой статус. Как подчеркивали Роберт и Элен Линд в своих книгах из серии «*Middletown*»*, именно женщины являются носителями доминирующих культурных и статусных ценностей. Озабоченность своим статусом в значительной степени означает внимание к ценностям и практике жизни того социального класса или группы, которые располагаются непосредственно над вашими, т.е. такого класса или группы, у которых, скорее всего, будут более консервативные ценности, чем у вас. Таким образом, женщины из рабочего класса, с одной стороны, выталкиваются на левый фланг политического спектра той классовой позицией и теми ценностями, которые их мужья «приносят» с завода или фабрики, но с другой — вышеназванные элементы в составе их опыта выталкивают их на правый фланг; следовательно, они будут в большей мере, чем их мужья, подвергаться разнонаправленным перекрестным давлениям и с большей вероятностью вообще уходить от любых политических решений.

В таких европейских странах, как Франция и Австрия, где большинство мужчин из рабочего класса поддерживают антиклерикальные левые партии, их жены, которые чаще всего религиозны, сталкиваются с конфликтом между голосованием вместе со своей церковью или же со своим классом и своими мужьями. Эта далеко не редкая конфликтная коллизия, несомненно, служит причиной,

* В США существует по меньшей мере пять городов, которые называются Мидлтаун: в штатах Коннектикут, Род-Айленд, Нью-Джерси, Огайо и Нью-Йорк, но супруги-социологи изучали не один из них, а придуманный ими обобщенный город, название которого в переводе с английского означает «средний город». Впрочем, на самом деле основой для их исследования послужил вполне конкретный и очень средний городок Манси (Muncie) в штате Индиана. — *Прим. перек.*

причем весьма существенной, низких уровней участия в выборах женщин, относящихся к рабочему классу⁷⁵.

218 _____
Всякая мобильность, будь она связана с местом проживания, социальной принадлежностью или работой, также должна уменьшать степень причастности к политической жизни, поскольку не только затрудняет вовлечение индивидов в те или иные формы активности, но и увеличивает для них риск политически релевантных перекрестных давлений. Ранее уже приводились многочисленные свидетельства того, что лица, недавно прибывшие в данный регион, с гораздо меньшей вероятностью отправятся голосовать, чем давнишние его жители⁷⁶. Подробные исследования деятельности американских профсоюзов говорят о том, что рабочие, которые недавно поменяли свое место жительства или работу, тоже будут проявлять активность в своих профессиональных и прочих союзах с меньшей вероятностью, чем те, кто оставался в одном сообществе и на одной работе в течение длительного времени⁷⁷.

По сравнению с трудовой и «жилищной» мобильностью, повышающей риск усиления перекрестных политических давлений, социальная мобильность — как вверх, так и вниз, — наряду с надеждами на улучшение своего положения в будущем, которые питают многие люди, должна явно усиливать такие давления и, следовательно, уменьшать интерес к политической жизни. Люди, продвигающиеся вверх или вниз по профессиональной лестнице, вероятно, могут попасть в социальные группы с другой политической ориентацией. Данные, полученные в ходе многочисленных электоральных опросов в США, Германии, Швеции, Финляндии и Норвегии, говорят о том, что «у детей, которые принадлежат к той же самой [социальной классовой] группе, что и их отцы, более высокий уровень участия в голосовании, чем у детей, которые принадлежат к другой группе по сравнению с их отцами»⁷⁸.

⁷⁵ Во Франции, однако, женщины из рабочего класса, которые все-таки идут к избирательным урнам, будут с большей вероятностью голосовать аналогично своим мужьям, чем представительницы среднего класса. См.: Maurice Duverger, *La participation des femmes à la vie politique*, *op. cit.*, pp. 47–48.

⁷⁶ Соответствующие ссылки см. в сноске 59 на с. 243.

⁷⁷ См.: S. M. Lipset and Joan Gordon, «Mobility and Trade Union Membership», в сб.: R. Bendix and S. M. Lipset, eds., *Class, Status, and Power* (Glencoe: The Free Press, 1953), pp. 491–500.

⁷⁸ Эта цитата взята из книги Erik Allardt and K. Bruun, *op. cit.*, p. 76. Данные о мобильности финских избирателей указывают на то, что мобильные личности голосуют с меньшей интенсивностью, и это полностью совместимо с гипотезой о перекрестном давлении. 80% респондентов, принадлежащих к той же профессиональной группе, что и их отцы, участвовали в голосовании, но из числа тех, кто принадлежал

Вера в возможность будущей восходящей мобильности также может способствовать сокращению политической активности, поскольку лица, ориентирующиеся на продвижение вверх, могут находиться под гораздо большим влиянием ценностей и моделей поведения того класса, куда они надеются переместиться, нежели те, кто воспринимает свой текущий статус как относительно постоянный. Надежда на изменение своей классовой принадлежности сильнее всего среди молодых людей, и повсюду у них самая низкая явка на выборы. Но применительно к молодежи, особенно той, что впервые идет на избирательный участок, существуют другие источники перекрестных давлений, и их дальнейшее обсуждение полнее проиллюстрирует как полезность гипотезы о перекрестном давлении, так и проблемный характер попытки связать поведение, детерминируемое множеством взаимодействующих и конфликтующих факторов, с теми специфическими переменными, которые интересуют социолога-аналитика в момент проведения им какого-то конкретного исследования.

Молодой человек, вступающий в возраст, который дает ему право на участие в голосовании, попадает в совершенно другое положение по сравнению с остальной частью электората, потому что он должен принять свое решение впервые; он не может голосовать так же, как сделал это на предыдущих выборах, а ведь именно так поступает большинство избирателей в каждой стране. Следовательно, если предположить, что лица, голосующие впервые, находятся в конфликтной ситуации, это может объяснить относительно низкий уровень голосования, фиксируемый у данной группы фактически везде. Отсюда также следует, что те, кто должен голосовать в первый раз, в отсутствие крупного источника перекрестных давлений, скорее всего, придут на голосование. Если для молодого человека, голосующего впервые, электоральное решение уже в некотором смысле принято его окружением, то он явится и будет голосовать; если же он столкнется с конфликтом, то, вероятно, задержится с принятием решения или даже воздержится от него. Два исследования под-

к другой страте, голосовали только 6%. Этот эффект порождался обоими видами мобильности, вниз и вверх, но лица, оказавшиеся в более низкой профессиональной группе, чем у их отцов, голосовали гораздо реже. Из рабочих, чьи отцы были белыми воротничками, т.е. работниками умственного труда, участвовали в голосовании лишь 53% по сравнению с 78% рабочих, имевших отца-рабочего, а из белых воротничков с отцами-рабочими голосовали 72% по сравнению с 84% работников умственного труда, у которых отцы тоже были белыми воротничками. Другие ссылки и данные об аналогичных исследованиях в других странах см. в: S. M. Lipset and R. Bendix, *Social Mobility in Industrial Society* (Berkeley: University of California Press, 1959), pp. 66–70.

тверждают данное предположение. Одно из них — это исследование президентских выборов в США 1948 г., проводившееся в провинциальном городке Элмайра (Elmira), штат Нью-Йорк, где во всех избирательных кампаниях неизменно преобладали республиканцы; другое — исследование выборов 1950 г. в Западном Берлине, где начиная с 1912 г. (за исключением нацистского периода) доминировали социалисты.

В Элмайре молодой человек из среднего класса растет и воспитывается в среде, где буквально все работает на то, чтобы сделать его республиканцем, в то время как молодого человека из рабочего класса его классовое окружение ориентирует на Демократическую партию, и вместе с тем он испытывает «республиканское» давление, поскольку именно такого рода чувства и институты преобладают в здешнем городском сообществе. В Берлине молодой избиратель, принадлежащий к рабочему классу, подвергается воздействию серьезно организованного и социально легитимного социалистического окружения, в то время как молодежь из среднего класса воспитывается в среде, где средние классы и их партии издавна относительно слабы. В табл. III представлены зависимости между возрастом, классовой принадлежностью и неучастием в голосовании для этих двух городов. Из нее следует прежде всего, что молодые люди голосуют с меньшей вероятностью, чем люди постарше. Во-вторых, если принять во внимание классовую принадлежность, то величина различия между более молодыми и старшими избирателями изменяется вместе с классом. Однако природа этого изменения в двух названных городах принципиально разная. В одном контексте, а именно в социалистически ориентированном Берлине, разрыв между возрастными группами широк для среднего класса и узок для рабочего класса, в республиканской Элмайре ровно наоборот. В Элмайре молодой человек из среднего класса настроен твердо и решительно; в Берлине в такой ментальной ситуации находится голосующий впервые избиратель из рабочего класса.

Хотя данные, приведенные в табл. III, скорее обосновывают гипотезу, что молодежь придет голосовать в том случае, когда окружающая ее гомогенная среда приняла твердое решение на сей счет, и отложит голосование, если подвергается воздействию конфликтующих между собой стимулов, нельзя не заметить, что даже среди берлинских представителей рабочего класса и жителей Элмайры, которые принадлежат к среднему классу, молодые люди голосуют менее активно, нежели те, кому уже тридцать или больше. Одно из дополнительных объяснений этого явления состоит в том, что мо-

лодые люди, недавно достигшие возраста, который дает им право голосовать, кроме всего прочего, создают в этот период новые семьи, ищут и находят новую работу или новые места для проживания, устанавливают новые соседские отношения, а также вступают в новые союзы и ассоциации, причем все это сопряжено с политическими нестыковками, противоречиями и конфликтами. У молодого человека заметно больше близких партнеров и коллег склонны придерживаться мнений, конфликтующих с его собственными, чем у человека постарше, так как немолодые люди имели возможность сформировать для себя гомогенное окружение, то ли подбирая себе друзей и партнеров, то ли приспособиваясь к преобладающей вокруг точке зрения. По результатам исследования Элмайры сообщается, что только половина голосующих в первый раз соглашается с политическими взглядами трех своих лучших друзей или подруг, а целых 30% не соглашаются с двумя из них или даже со всеми тремя. В возрастной группе от тридцати пяти до сорока четырех лет 75% соглашаются с тремя своими лучшими друзьями или подругами и лишь 10% не соглашаются с двумя или больше друзьями⁷⁹. Во французском исследовании сообщается, что среди людей старше пятидесяти лет мужа и жены голосуют одинаково в 97% случаев, тогда как среди тех, кому меньше пятидесяти, таких набирается всего лишь 80%⁸⁰.

Почти повсеместно наблюдаемое различие между одинокими людьми и состоящими в браке — первые голосуют ощутимо меньше, чем вторые, — может, подобно разнице в возрасте, с которой оно связано, отражать меньший уровень перекрестных давлений среди тех, кто состоит в браке, а значит, ведет более устойчивое существование, имеет больше гомогенных связей в своем сообществе и — особенно среди рабочих — характеризуется меньшей географической и социальной мобильностью⁸¹.

⁷⁹ B. Berelson, P. F. Lazarsfeld, and W. McPhee, *op. cit.*, pp. 96–97.

⁸⁰ Maurice Duverger, *op. cit.*, p. 48.

⁸¹ Это не фиктивный вывод. Он остается справедливым независимо от других факторов. В 1957 г. в норвежском городе Ставангере даже в пределах одного административного района, заселенного в основном представителями мало голосующего рабочего класса, женатые мужчины и замужние женщины голосовали несколько более активно, чем жители в среднем, — 80% по сравнению с 76%. Самая незначительная доля голосующих наблюдалась среди проживающих отдельно и разведенных (53% мужчин, 63% женщин) — меньше, чем среди одиноких людей (см. уже цитировавшийся неопубликованный норвежский опрос). Тингстен, подытоживая свой всесторонний обзор электоральной статистики, высказал по данному вопросу следующее соображение: «Состоящие в браке проявляют более активный политический интерес, чем не состоящие». *Op. cit.*, p. 229. См. также: G. Vremme, *op. cit.*, pp. 56–58.

Таблица III

Процентная доля голосующих в Элмайре и Берлине*

Элмайра, 1948 г.

Год рождения	Возраст	Бизнес и белые воротнички	Наемные рабочие
1927–1924	21–24	74	35
1923–1914	25–34	75	65
1913–1894	35–54	85	79
1893 или ранее	старше 55	80	82

Берлин, 1950 г.**

		Рабочий район Тиргартен	Район среднего и высшего класса Целендорф
1930	20	88,9	67,0
1929	21	92,3	71,8
1928	22	90,9	74,3
1927	23	90,9	72,7
1926	24	92,9	76,7
1925–1921	25–29	92,7	77,5
1920–1916	30–34	94,3	81,7
1915–1911	35–39	94,7	84,9
1910–1906	40–44	95,1	88,4
1905–1901	45–49	94,9	89,0
	Все возрасты	94,1	85,3

* S. Munke and A. R. L. Garland, *Wahlkampf und Machtverschiebung: Geschichte und Analyse der Berliner Wahlen von 3 Dezember, 1950* (Berlin: Institut für Politische Wissenschaft, Duncker und Humboldt, 1952), pp. 254–255; неопубликованные данные из исследования, о котором сообщается в работе В. Berelson *et al.*, *Voting* (Chicago: University of Chicago Press, 1954).

** Другие рабочие районы похожи на Тиргартен, а другие районы, населенные представителями среднего и высшего классов, похожи на Целендорф.

Из приведенных выше суждений и эмпирически полученных результатов можно дедуктивно вывести еще один факт о голосующих в первый раз — что они будут с большей вероятностью демонстрировать «унаследованные» модели электорального поведения, т.е. голосовать таким образом, как это делают их отцы или группы старших по возрасту избирателей, а если нажать на них и требовать, чтобы они не соглашались с таким вариантом выбора, то они вообще не

станут голосовать. Эта гипотеза подтверждается данными о более высоком уровне соответствия между голосованием тех, кто впервые стал избирателем, и голосованием их отцов, чем в случае любой другой возрастной группы⁸².

В этом обсуждении перекрестных давлений была предпринята попытка проиллюстрировать полезность данной концепции для объяснения самых разнообразных эмпирических наблюдений. Как я уже указывал, часто имеется возможность истолковать любое специфическое различие с помощью какого-то альтернативного объяснения. Перекрестные давления в этом смысле привлекательное понятие, поскольку оно относительно простое и требует минимума дополнительных предположений. Однако его полезность была подтверждена и непосредственным образом — оценкой того, до какой степени различные люди подвержены объективным и субъективным перекрестным давлениям. Два американских ученых, Моррис Яновиц и Дуэйн Марвик, заново проанализировали опросное исследование президентских выборов 1952 г. в США и придумали мерил перекрестных давлений, исходящих от места жительства, социально-экономического статуса и религии (все эти факторы являются объективными измерителями предрасположенности к демократам или республиканцам), а также от партийной идентификации, установок по отношению к проблематике данной избирательной кампании и по отношению к баллотирующимся кандидатам (это субъективные измерители). Респондентов проранжировали от чрезвычайно высокой предрасположенности к республиканцам через различные степени перекрестного давления до высокой предрасположенности к демократам. Названные мерил позволили с высокой точностью предсказать поведение двух крайних полюсов. В итоге 95% тех, кто находился под постоянным и систематическим давлением Эйзенхауэра*, в день выборов за него и проголосовали, в то время как 80% тех, кто находился под аналогичным давлением Стивенсона*, опустили в урны свои избирательные бюллетени именно за него. В диапазоне между этими крайностями с нарастанием перекрестных давлений уменьшалось релевантное партийное голосование и увеличивалось неучастие в голосовании, достигая среди тех, кто подвергался наиболее противоречивым видам давления, высокого уровня в 37%⁸³.

⁸² B. Berelson, P. F. Lazarsfeld, and W. McPhee, *op. cit.*, pp. 88–93.

* Кандидат от республиканцев. — *Прим. перев.*

** Кандидат от Демократической партии. — *Прим. перев.*

⁸³ Morris Janowitz and Dwaine Marvick, *op. cit.*, p. 94.

Конвергенцию (совмещенное воздействие) всех разнообразных каузальных факторов, которые обсуждались в этой главе, с поразительной четкостью показывают данные об отказе от голосования в норвежском городе Ставангере на выборах 1957 г. Там оказалась доступной информация обо всем электорате в разрезах пола, возраста, семейного положения и занятия или профессии, т.е. по всем тем переменным, которые, как было показано выше, независимым образом воздействуют на уровни голосования. Как и следует из представленного здесь анализа, чрезвычайно высокие уровни отказа от голосования (54%) наблюдались среди не состоящих в браке работников сферы обслуживания моложе тридцати лет. Это как раз те люди, которые в наименьшей степени испытывают общественное давление, имеющее целью заставить их голосовать; в наибольшей мере подвергаются межличностным перекрестным давлениям и контактам с теми индивидами, которые придерживаются политических ценностей более высокопоставленных классов; в наименьшей степени находятся под воздействием информации о релевантности правительственной политики применительно к их положению в обществе и в наименьшей степени владеют (приобретенными благодаря опыту) политическими знаниями, умениями и навыками. И наоборот, только 2,5% женатых дипломированных специалистов и бизнес-менеджеров мужского пола старше шестидесяти пяти лет, т.е. принадлежащих к группе с наибольшим уровнем осознанности собственных действий, знаний, опыта и испытываемого общественного давления, не пришли голосовать⁸⁴.

226 — Эти данные сами по себе не подтверждают обоснованность тех обобщенных объяснений, которые предлагаются в данной главе. Тем не менее способ, которым можно внести некоторый порядок (объяснение) в несметное множество данных, составляющих электоральную статистику, являет собой, по моему мнению, красноречивое свидетельство убедительности социологического анализа и указывает на необходимость — и ценность — гораздо более скрупулезного и систематического сравнительного анализа политического поведения, чем тот, который было возможно предпринять здесь. В табл. IV представлена попытка систематизации факторов, которые рассматривались в этой главе, и показано, каким образом они воздействуют на различные социальные группы.

⁸⁴ Из неопубликованного норвежского исследования, которое цитировалось ранее.

Окончание таблицы IV

	релевантность правительствен- ной политики	прямая наблюдае- мость	обучение, опыт на работе	кон- такты, общение	коли- чество свободного времени	общественное давление в пользу голосования	отсутствие перегретых давлений	уровень голосования
Евреи	+							Высокий
Неевреи	-							Низкий
Кризисные периоды	+							Высокий
Нормальные периоды	-							Низкий
Белые						+		Высокий
Негры						-		Низкий
Давние жители						+		Высокий
Новые прибывшие						-		Низкий
Возраст 35-55						+	+	Высокий
Старше 55						-	+	Средний
Младше 35						-	-	Низкий
Мужчины			+	+	+	+	+	Высокий
Женщины			-	-	-	-	-	Низкий
Тоталитарные «выборы»						+		Высокий

ПРИМЕЧАНИЕ: Знак «плюс» указывает состояние, относительно более благоприятное для голосования применительно к сравниваемым группам; знак «минус» — относительно менее благоприятное состояние.

Заключительные соображения

Интерес к социальным корням политического участия не должен заставлять нас игнорировать последствия различных уровней участия для стабильности демократической системы. В начале этой главы я подчеркивал, что и тоталитарные государства, и коммунистически настроенные профсоюзные лидеры в рамках демократического общества озабочены обеспечением высокого уровня участия своих граждан или членов, поскольку это означает, что участвующие находятся в пределах досягаемости. Одно из самых важных различий между традиционной консервативной олигархией, или диктатурой, и тоталитарным режимом состоит в том, что первая относительно мало заботится об участии, в то время как последний настоятельно требует его. Дэвид Рисмен пронизательно отметил, что в тоталитарном обществе политическая апатия может оказаться основной преградой для полного триумфа такой системы⁸⁵.

Демократические общества могут существовать с самыми разными уровнями участия, хотя ясно, что последствия последних также будут варьировать. Те, кто уверен, что демократии лучше всего способствует высокий уровень участия, указывают на тот факт, что демократическое государство, в отличие от традиционалистской олигархии, должно зависеть от согласия населяющих его граждан. И государство, в котором значительная часть населения апатична, не заинтересована и не осведомлена, — это на самом деле такое государство, где согласие не может считаться само собой разумеющимся и где консенсус на деле может быть слабым. Во-вторых, как подчеркнул политолог В. О. Кей-мл., когда уровень голосования низок, это почти всегда означает, что социально и экономически неимущие группы недостаточно представлены в правительстве и вообще во властных структурах. Сочетание низкого уровня голосования и относительной нехватки организованности среди групп с пониженным статусом означает, что они пострадают от пренебрежения со стороны политических деятелей, которые проявят восприимчивость к пожеланиям более привилегированных, в большей мере участвующих и лучше организованных страт⁸⁶. Недостаточность участия и представленности во власти отражает также недостаточность

227

⁸⁵ David Riesman, «Some Observations on the Limits of Totalitarian Power», в его монографии *Individualism Reconsidered* (Glencoe: The Free Press, 1954), pp. 414–425.

⁸⁶ V. O. Key, Jr., *Southern Politics*, op. cit, pp. 526–528; and *Politics, Parties, and Pressure Groups*, op. cit, pp. 642–643.

эффективной гражданственности и, как следствие, недостаточную лояльность к системе в целом.

Хотя доводы в пользу более высоких уровней участия могут казаться преданным сторонникам демократии самоочевидными, по мере того как специалисты все больше узнавали о характеристиках тех, кто не голосует, и об условиях, при которых разные страны обеспечивают высокую явку на выборы, некоторые из них стали сомневаться в том, действительно ли высокое участие — это хорошо. Одна из давно существующих политологических школ приветствует низкий уровень участия избирателей в выборах, считая его очевидным свидетельством базовой удовлетворенности электората тем, как идут дела в его стране, штате или сообществе. В 1936 г. политолог Фрэнсис Уилсон сформулировал это следующим способом: «Если в некоем обществе только пятьдесят процентов электората участвует в выборах, то не вызывает сомнений, что политика в таком государстве действительно каким-то образом удовлетворяет пожеланиям основных масс его жителей. Когда уровень участия возрастает выше, скажем, до девяноста процентов, становится очевидным, что напряженные проявления политической борьбы нарастают и доводят желание добиться соответствия конституционным нормам до предельной точки»⁸⁷. Немного позже к такому же выводу пришел в заключительном разделе своего блистательного обзора электоральной статистики во всем мире швед Герберт Тингстен, выдающийся аналитик детерминант политического участия. Он указал на чрезвычайно высокий уровень голосования, наблюдавшийся в странах вроде Германии и Австрии как раз в тот момент, когда их демократии начали клониться к закату, и предположил, что высокая явка была симптомом резкого снижения уровня существовавшего ранее консенсуса⁸⁸.

По мнению Дэвида Рисмена, апатия может свидетельствовать о том, что люди предпочитают в свободное время заниматься более интересными вещами, чем удовлетворять свою страсть к политике, и при этом правительственные органы, другие властные структуры и крупные организации функционируют вполне успешно⁸⁹.

⁸⁷ Francis G. Wilson, «The Inactive Electorate and Social Revolution», *Southwestern Social Science Quarterly*, 16 (1936), p. 76.

⁸⁸ См.: Herbert Tingsten, *op. cit.*, pp. 225–226; более свежие высказывания, содержащие сравнимые точки зрения, см. в: W. H. Morris Jones, «In Defense of Apathy», *Political Studies*, 2 (1954), p. 25; D. N. Hogan, *Election and Representation* (Cork: Cork University Press, 1945), pp. 275 и далее; Harold F. Gosnell, *Why Europe Votes*, *op. cit.*, pp. 208 и далее.

⁸⁹ См. замечания Рисмена в: Herman Finer, Granville Hicks, and David Riesman, «Political Apathy in America», *The University of Chicago Round Table*, No. 657 (Oct. 29, 1950), p. 11.

Пессимистические выводы о результатах повышения уровня электорального участия можно также извлечь из исследования, посвященного характеристикам лиц, которые не идут на избирательные участки. Уже в 1928 г. американский политолог У. Б. Манро утверждал, что высокая степень участия населения в выборах могла бы угрожать демократии, поскольку лица, не участвующие в голосовании, по большей части локализируются среди самой невежественной части электората⁹⁰. Да и последующие исследования, базирующиеся на данных различных опросов, часть которых резюмируется или цитируется в главе 4, ясно указывают, что не желающие быть избирателями отличаются от избирателей наличием авторитарных установок, циничными идеями о демократии и политических партиях, чувством нетерпимости по отношению к девиантным или даже минимально отклоняющимся от нормы мнениям и по отношению к этническим и иным меньшинствам, а также безусловным предпочтением, которое они отдают сильным лидерам в правительстве и любой власти⁹¹.

Многие отличия между избирателями и неизбирателями, конечно же, представляют собой побочный продукт того обстоятельства, что не участвовать в голосовании предпочитают наименее образованные и самые неимущие социальные группы. Однако эти вариации в установках сохраняются даже в тех случаях, когда основные социальные переменные, которые, как было установлено, воздействуют на явку к избирательным урнам — пол, возраст, религия, образование и доход, — находятся под контролем. Так, в результате одного исследования, где все эти факторы удерживались под жестким контролем, психолог Филип Гастингс сообщил, что человек, привычно не участвующий в выборах, по сравнению с регулярно голосующим избирателем часто уклоняется от социальной активности, в большей мере озабочен «сиюминутными» проблемами, чем долгосрочными, «не испытывает ни малейшего желания самостоятельно думать, если это касается каких-либо политических дел» (что манифестируется его готовностью соглашаться со своими «вышестоящими начальни-

⁹⁰ W. B. Munro, «Is the Slacker Vote a Menace?», *National Municipal Review*, 17 (1928), pp. 80–86. И Дэвид Рисмен комментировал, что «доставка к урнам для голосования тех, кто движется по жизни словно бы в лунатическом сне, которая предпринимается просто для того, чтобы увеличить явку на выборы, — это никоим образом не услуга демократии». David Riesman, «Private People and Public Policy», *Bulletin of the Atomic Scientists*, 15 (1959), p. 205.

⁹¹ См. с. 130–131.

ками» по любым политическим вопросам), и вообще демонстрирует «личное ощущение неадекватности и ненадежности»⁹².

Имеющиеся свидетельства подтверждают тезис Тингстена о том, что внезапное увеличение численности голосующего электората, вероятно, отражает напряженность в обществе и серьезные сбои в работе правительства и других властных структур, а также вводит в качестве избирателей таких людей, чьи социальные установки носят нездоровый характер с точки зрения требований демократической системы. В то же время высокий уровень голосования – это необязательно плохо. Во многих стабильных демократических государствах: Австралии, Новой Зеландии, Великобритании и Скандинавских странах – уровни участия в выборах намного выше, чем в США. При условии, что низшие страты подключались к избирательному процессу *постепенно* (через расширенную и улучшенную организацию выборов, модернизацию образовательной системы и по мере лучшего понимания ими того, что действия правительства релевантны их собственным интересам), возросшее участие в выборах для демократии, несомненно, хорошая вещь. И только в тех нетривиальных ситуациях, когда серьезный кризис или авторитарное движение внезапно втягивает в сферу политической активности таких людей, которые обычно разочарованы в жизни, недовольны всем на свете, ко всему безразличны и привычно не участвуют в выборах, существующая система оказывается под угрозой. Таким образом, ни высокие, ни низкие уровни участия в политической жизни и голосовании не являются сами по себе хорошими или плохими для демократии; интенсивность и природа такого участия – это отражение совсем других факторов, которые как раз и определяют, причем в гораздо более решающей степени, будет ли действующая система развиваться или не более чем выживать. Но степень апатичности и варьирующиеся уровни участия различных сегментов населения действительно проясняют основополагающие элементы консенсуса и конфликта в рамках текущего политического процесса. В следующей главе мы обращаемся к непосредственному изучению тех источников разнообразия, которые лежат в основе непрерывно продолжающегося электорального конфликта – источника жизненной силы и энергии всякой демократической системы.

⁹² См.: Philip K. Hastings, «The Voter and the Non-Voter», *American Journal of Sociology*, 62 (1956), p. 307; к довольно похожим результатам приходит и исследование, основанное на 70 углубленных интервью с представителями среднего класса, см.: Morris Rosenberg, «Some Determinants of Political Apathy», *Public Opinion Quarterly*, 18 (1954–55), pp. 349–366.

ГЛАВА 7

ВЫБОРЫ: ВЫРАЖЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ¹

В каждой современной демократии конфликт между различными группами выражается через политические партии, которые в основном и обеспечивают «демократическое воплощение классовой борьбы». И даже если многие из партий не признают принципа классового конфликта или классовой лояльности и отвергают его, анализ того, к кому они обращаются со своим призывом и кто их поддерживает, говорит о том, что в действительности партии, несомненно, представляют интересы различных классов. В мировом масштабе основное обобщение, которое может быть сделано по данному вопросу, состоит в том, что партии базируются прежде всего или на низших классах, или на средних и высших. Это обобщение остается верным даже для американских партий, которые традиционно рассматривались как исключение из характерной для Европы модели классового раскола. Демократы с самого начала своей партийной истории привлекали больше поддержки от низших страт общества, в то время как Федералистской партии, Партии вигов* и Республиканской партии были верны более привилегированные группы².

¹ Эта удачная фраза была взята из названия книги: Dewey Anderson and Percy Davidson, *Ballots and the Democratic Class Struggle* (Stanford: Stanford University Press, 1943). Эта публикация и более ранняя работа, которую написал социолог Stuart A. Rice, *Quantitative Methods in Politics* (New York: Alfred A. Knopf, 1928), заслуживают того, чтобы считаться первыми в США классическими трудами в области политического поведения. Райс провел в 1924 г. первое панельное (основанное на повторных интервью) исследование, выполнил первые статистические исследования разных источников поведения американских законодателей при голосовании и изучал корреляцию между изменениями в поддержке тех или иных партий в разные периоды времени и изменениями в цикле деловой активности. Андерсон и Дэвидсон проанализировали также, кто среди избирателей поменял в начале 1930-х годов поддерживаемую им партию.

* Эта партия, возникшая в США на основе Национальной республиканской партии на почве оппозиции демократам, существовала в 1834–1856 гг. Свое название получила по аналогии с известной политической партией в Англии XVIII–XIX вв. Вообще-то вигом в Америке задолго до формирования этой партии именовался колонист, поддерживавший войну за независимость от Англии, и создатели американской партии вигов неявно ссылались именно на таких борцов за независимость. — *Прим. перев.*

² Более подробный анализ американской политики см. в главе 9.

Конечно же, существовали важные исключения из этих обобщенных утверждений, и класс — это только одно из структурных подразделений в составе общества, связанных с поддержкой тех или иных партий. В каждой стране, где имеется больше одной важной религии или существует отчетливое различие между приверженцами религии, с одной стороны, и атеистами либо антиклерикалами — с другой, религиозные отличия вносили свой вклад в поддержку той или иной партии. В некоторых странах религиозная вера послужила основой для формирования религиозных политических партий, посвятивших себя удовлетворению нужд определенных церквей. Аналогично разная этническая принадлежность или разделение по национальностям внутри стран находили отражение в групповом отождествлении с определенными партиями или же в формировании этнических либо национальных партий. Религиозные и этнические различия коррелировали, однако, с социально-экономическими разделениями, так что имело место смешивание классовой и этнической поддержки. В США, Канаде, Великобритании и Австралии консервативные партии получали поддержку от более обеспеченных людей, от адептов исторически привилегированных религий вроде англиканской епископальной церкви или конгрегационалистов* и от той этнической группы, которая обладала самым высоким статусом (помимо этого, в составе последней были непропорционально часто представлены более богатые индивиды).

Еще один крупный фактор, который наверняка влиял на партийную поддержку, — это проявления региональной лояльности. Во многих странах определенные регионы были исторически лояльны по отношению к той или иной политической партии, которая пользовалась их поддержкой еще очень долго после того, как некое реальное событие, положившее начало такой преданности, потеряло свою релевантность.

Практически в каждой из стран, данными по которым мы располагаем (за исключением, пожалуй, США), женщинам в большей мере, чем мужчинам, свойственна тенденция поддерживать консервативные партии. Но эта зависимость несколько отличается от предшествующих четырех, так как партии, которые поддерживаются женщинами, нельзя рассматривать как выразителей женских ин-

* Фактически это пуритане, сторонники независимости местных церковных конгрегаций (приходов) от церковной иерархии. Данная отколовшаяся ветвь англиканской церкви добилась на американской территории признания конгрегационализма в качестве полуофициальной религии первых колоний в Новой Англии. — *Прим. перера.*

тересов в противовес интересам мужчин. Указанные гендерные различия возникают, вероятно, из-за отличающейся социальной роли женщин, а также из-за того, каким путем эти отличия приводят представительниц прекрасного пола к принятию ценностей, отождествляемых с консервативными партиями.

Шестой отличительный фактор, воздействующий на политические мнения и лояльность, — это возраст, который подвергается более подробному отдельному рассмотрению в главе 8. Однако в отличие от других факторов никакой регулярной и отчетливо выраженной корреляции между партийной поддержкой и возрастом нет. В некоторых странах и в некоторые исторические периоды молодые (или пожилые) избиратели будут с большей вероятностью обнаруживаться на левом фланге политического спектра, в других случаях они более консервативны. Различные возрастные группы реагируют на окружающую их политическую среду в соответствии с опытом значимых событий своего поколения. Любой анализ партийной поддержки должен принимать во внимание возраст как релевантный источник политического дифференцирования, но конфликт между партиями ни в коем случае не может интерпретироваться как конфликт между возрастными или поколениями.

Во многих странах дополнительным основанием для раскола послужили различия между сельским и городским населением. В одних странах обитатели сельской местности сформировали костяк независимой аграрной партии, в то время как в других фермеры отождествили себя с уже существовавшими крупными партиями и солидаризировались с ними. Концепция сельской группы населения и ее потребностей, противостоящих нуждам остальной части страны, часто скрывает тот факт, что большинство сельских сообществ внутренне дифференцированы между богатыми и бедными в такой же степени, как и городские территории, а также разбиты на этнические, религиозные и региональные группы. Различия между областями, ориентированными на разные виды сельскохозяйственных культур, тоже явились важным источником раскола. Например, во многих странах фермеры, которые выращивали пшеницу, часто оказывались намного более радикальными, чем фермеры, которые культивировали смешанные зерновые культуры.

Тот факт, что многие группы интересов и ассоциации, не являясь социальными классами, все-таки принимают участие в партийной борьбе, не искажает и не делает недействительным тезис, что «логическое обоснование партийной системы определяется расстановкой сил и мнений от правого фланга до левого», по словам социоло-

лога и политического философа Роберта Маккивера. «Правые — это всегда партийный сектор, ассоциирующийся с интересами высших или господствующих классов, тогда как левые представляют собой сектор, выражающий мнения низших экономических или социальных классов, а центристы — мнения и интересы средних классов. Исторически этот критерий представляется приемлемым. Консервативные правые силы защищали исторически укоренившиеся привилегии, привилегии и полномочия; левые круги атаковали их. Правые в большей мере благоприятствовали позиции аристократов и почитали иерархию рождения или богатства; левые боролись за уравнивание преимуществ или возможностей, за соблюдение требований и притязаний менее обеспеченных страт. Защита и нападение встречались и боролись — на демократических условиях — не от имени и во имя классов, а от имени и во имя принципов; но противостоящие принципы в широком смысле слова соответствовали интересам разных классов»³.

233

Такие термины, как «левый», «либеральный» или «прогрессивный» и противоположные им термины «правый», «консервативный» или «реакционный», сложились на основании многих различающихся подходов при противопоставлении политической демократии и монархии; системы свободного рынка и традиционных экономических ограничений; атеизма и клерикализма; аграрной реформы и системы крупного частного землевладения вкупе с эксплуатацией сельской местности во имя городских интересов; социального реформаторства и *laissez-faire* (невмешательство правительства в дела частных лиц); социализма и капитализма. Партии и социальные группы, которые были «левыми» по одному из вышеперечисленных вопросов, ни в коем разе не были обязательно левыми и по другим, а «центристы» появились именно для того, чтобы противостоять как левым партиям, так и правым. Тем не менее в любой данный период и в любом данном месте обычно есть возможность

³ Robert M. MacIver, *The Web of Government* (New York: Macmillan, 1947), pp. 216, 315. Интересно отметить, что Толкотт Парсонс, социологические воззрения которого часто подвергались критике за недооценку проблематики конфликта и чрезмерное акцентирование разных проявлений единства и сплоченности в обществе, не раз подчеркивал необходимость проанализировать американскую политическую историю и электоральные состязания в терминах незатихающего конфликта между левыми и правыми силами — между теми, кто ориентирован на низшие страты и на изменения, и теми, кто в большей мере озабочен стабильностью, а также потребностями лучше обеспеченных слоев. См.: Talcott Parsons «Voting and the Equilibrium of the American Political System», в сб.: E. Burdick and A. Brodbeck, eds., *American Voting Behavior* (Glencoe: The Free Press, 1959), p. 88.

локализовать местонахождение партий на континууме от левых до правых⁴.

Проблематика равенства и социальных перемен была в большинстве стран доминирующей на протяжении последних двух или трех поколений, и она налагается на такие более старые лево-правые проблемы, как демократия в противовес монархии и клерикализм в противовес секуляризму. Наиболее значимая проблема, противоречащая сегодня лево-правому углу зрения, — это политическая демократия в противовес тоталитаризму, которая обсуждалась ранее⁵. В некоторых странах, как я уже документально подтверждал выше, весьма значительная часть традиционного левого голосования уходит в пользу тоталитарных коммунистических партий, тогда как в других странах традиционное центристское и правое голосование ушло в различные формы «фашизма». Но даже в таких случаях весьма вероятно, что в умах рядовых избирателей все равно преобладает лево-правая экономическая и стратификационная проблематика. Партийная борьба в большей степени, чем что-нибудь еще, представляет собой конфликт между классами, и самый впечатляющий отдельно взятый факт о поддержке политических партий состоит в том, что практически в каждой экономически развитой стране малообеспеченные группы, имеющие более низкие доходы, голосуют главным образом за левые партии, в то время как группы с более высокими доходами голосуют в основном за правые партии.

Различия в политических предпочтениях между группами с более низкими и более высокими доходами, типичные для многих стран, иллюстрируются в табл. I и II, где сообщается об электоральной поддержке различных французских и итальянских партий. В обеих этих странах промышленные и сельскохозяйственные рабочие оказывают сильную поддержку коммунистам, а в Италии еще и левым социа-

⁴ M. Duverger, *Political Parties* (London: Methuen and Co., 1954), pp. 215–216, 228–239; M. Duverger «Public Opinion and Political Parties in France», *American Political Science Review*, 46 (1952), pp. 1069–1078. Конечно, при этом группируются воедино партии, которые характеризуются совершенно разными подходами к социальным переменам и могут на практике резко враждовать между собой. Здесь игнорируют вопрос о более тонких градациях левых и правых сил и пренебрегают другими проблемами, которые временами полностью перечеркивают лево-правый разрез, как он определяется здесь, — когда, в частности, сопоставляются региональная автономия с централизмом, национальное самоопределение с империализмом и — в самое недавнее время — политическая демократия с тоталитаризмом.

⁵ См. также: Edward Shils, «Authoritarianism: “Right” and “Left”», в сб.: R. Christie and M. Jahoda, eds., *Studies in the Scope and Method of ‘The Authoritarian Personality’* (Glencoe: The Free Press, 1954), pp. 24–49.

листам (Ненни), тогда как средние и высшие классы поддерживают партии, которые располагаются в центре и на правом фланге.

Хотя в целом эта обобщенная модель остается справедливой, имеет место большое количество ее вариаций внутри групп с разными доходами. Так, в группе работников умственного труда и учителей, характеризующейся средними доходами, во Франции сильную поддержку оказывают умеренным социалистам, а в Италии — социалистам Сарагата (правой ориентации). В названных таблицах показываются также значительные вариации внутри малообеспеченных групп с низкими доходами для двух этих стран. Чем ниже экономический уровень рабочего, тем более вероятно, что он станет голосовать за коммунистов. Рабочие с более высокими доходами отдают предпочтение умеренным социалистическим партиям или же партиям центра.

Та же самая картина наблюдается в странах с устойчивыми двухпартийными системами. Как показывает табл. III, чем выше подниматься по социальной лестнице в Великобритании, тем слабее поддержка Лейбористской партии, пока среди крупных бизнесменов и дипломированных специалистов высокого уровня она не становится меньше 10% общей численности данного класса. Почти идентичные модели дифференцируют поддержку демократов и республиканцев в США, и этот вывод будет подробно задокументирован в главе 9.

Еще одно поразительное свидетельство всеобъемлющего воздействия классовой принадлежности на политические установки пришло из страны, в которой реального партийного соперничества не существует, — из коммунистической Польши. В 1957 г. молодой польский социолог Анджей Малевский (Andrzej Malewski) провел опрос общественного мнения об установках в отношении того, какой уровень дифференциации доходов для различных занятий и профессий поляки считают надлежащим, иными словами о проблеме, которая в капиталистических странах тесно связана с левыми или же консервативными взглядами. Как и в капиталистических странах, он обнаружил, «что существует сильная корреляция между доходами людей и их взглядами по вопросу о максимальном диапазоне различий в доходах. <...> Опрос показывает, что заводские рабочие, инженеры и техники, а также определенные группы интеллигенции с низкими зарплатами (учителя, почтовые работники, чиновники социальной службы и т.д.) высказываются в пользу эгалитаризма.

Таблица I

Поддержка политических партий во Франции среди различных профессиональных групп, %
1956 г.*

	Промышленные рабочие	Сельскохоз. рабочие	Белые воротнички	Гражданские служащие и учителя	Торговцы	Владельцы ферм	Дипломированные специалисты
Коммунисты	39	37	16	14	7	5	11
Социалисты	31	19	33	48	21	17	23
Радикалы	11	13	7	21	12	13	20
M.R.P. (Католики)	8	9	21	9	17	14	13
Независимые	3	17	11	3	21	45	20
U.R.A.S. (де Голль)	4	—	10	5	3	4	8
Пужадисты	4	4	2	—	19	2	5
Общее количество	100	99	100	100	100	100	100
(N)	(169)	(67)	(61)	(58)	(81)	(180)	(64)

* Рассчитано автором на основании перфокарт общенационального опроса общественного мнения, проводившегося в мае 1956 г. Национальным институтом демографических исследований (Institut national d'études demographiques). Я признателен Алену Жиро (Alain Giraud) за возможность использовать эти данные.

1954 г. **

Занятие или профессия уровень	Промышленные рабочие				Фермеры			
	B	C	D	A	D	C	D	D
Экономический Партийный выбор	Выше среднего	Средний	Бедный	Богатый	Выше среднего	Средний	Бедный	
Коммунисты	18	40	45	4	9	27	43	
Социалисты	41	27	22	12	28	14	10	
Радикалы	4	7	5	9	12	24	10	
M.R.P.	17	7	10	12	12	10	10	
Независимые	18	15	18	60	30	23	26	
R.P.F. (де Голль)	2	5	—	3	8	1	—	
Всего	100	101	100	100	99	99	99	

** Рассчитано повторно на основании: J. Stoetzel «Voting Behavior in France», *British Journal of Sociology*, 4 (1955), pp. 118—119.

Таблица II

Занятые или профессия и партийный выбор в Италии*, %
(1953 г., только мужчины)

	Предприниматели, Дипломированные специалисты		Фермеры		Ремес- ленни- ки	Белые воротнички	Рабочие (социально- экономический уровень)			
	Крупный собственный	Мелкий собственный	Используя, издольщик	Рабочий на ферме			Сред- ний	Верхне- нижний	Нижний	
Коммунисты	—	5	4	33	58	7	5	24	31	53
Левые социалисты Ненни	6	5	4	10	11	17	3	16	32	25
Правые социалисты Сарагата	11	5	15	3	2	15	26	12	13	3
Республиканцы	2	5	—	—	—	4	—	4	1	—
Христианские демократы	41	29	41	33	17	23	42	36	10	9
Либералы	22	29	10	2	—	4	—	4	—	3
Монархисты	6	14	10	8	—	15	13	—	5	3
Неофашисты (M.S.I.)	11	9	15	11	12	15	11	4	8	3
Суммарный процент	99	101	99	100	100	100	100	100	100	100
(N)	(46)	(21)	71	(61)	(64)	(53)	(38)	(25)	(78)	(32)

* Рассчитано автором на основании перфокарт общенационального опроса общественного мнения, проведенного Международным центром исследования общественного мнения для Центра международных исследований Массачусетского института технологии.

Таблица III

**Оценка процентной доли лиц различных занятий и профессий,
голосующих за лейбористов или консерваторов; Великобритания,**

1951 г.*

<i>Группа бизнесменов</i>	<i>Консерваторы, %</i>	<i>Лейбористы, %</i>
Крупный бизнес	80	8
Средний бизнес	73	10
Малый бизнес	64	15
Менеджеры	65	19
<i>Группа дипломированных специалистов</i>		
Специалисты высокой квалификации	78	6
Специалисты средней квалификации	52	24
<i>Группа белых воротничков</i>		
Служащие более высокого уровня	63	13
Служащие более низкого уровня	48	29
<i>Промежуточная группа</i>	41	39
<i>Рабочие, занятые ручным трудом</i>	28	51
<i>Все взрослое население</i>	40	41

* John Bonham, *The Middle Class Vote* (London: Faber & Faber, 1954), pp. 129 and 173. Значения для рабочих, занятых ручным трудом, были получены на основании данных из рисунка на с. 173 этой книги. Все значения были оценены на основании данных опроса, проведенного Британским институтом общественного мнения. Разность между суммой процентных показателей, полученных двумя основными партиями, и 100% объясняется наличием тех, кто не участвовал в голосовании или голосовал за третьи партии.

С другой стороны, неблагоприятная установка по отношению к данному вопросу превалирует среди людей, многие из которых имеют возможности для получения высоких доходов». На крайних полюсах ситуация такова: 54% интервьюировавшихся польских рабочих отдавали предпочтение «относительно равным доходам» — в противоположность 20% среди руководителей. При этом 55% последних были резко против сильного сужения разрыва в доходах — по сравнению со всего лишь 8% подобных мнений у рабочих, занятых ручным трудом. Таким образом, и в коммунистической стране борьба между более и менее привилегированными лицами тоже находит отражение в установках, вполне сопоставимых с установками, которые выска-

зываются аналогично позиционированными стратами на Западе. Единственное серьезное отличие состоит в том, что в коммунистической стране «и те, кто высказывается в пользу какого-то ограничения диапазона получаемых доходов, и люди, которые выступают против этой меры, зачастую прибегают к традиционным лозунгам левых сил»⁶.

Самое простое объяснение этой широко распространенной модели состоит в простом экономическом, а точнее, эгоистическом интересе. Партии левого толка представляют себя публике как инструменты социальных перемен в направлении равенства; группы с низкими доходами поддерживают их, чтобы стать экономически более обеспеченными, в то время как группы с более высокими доходами выступают против них, стремясь сохранить свои экономические преимущества. Так что не составляет труда подобрать статистические факты в качестве очевидных свидетельств важности классовых факторов для политического поведения.

Однако эта зависимость между классовым положением (как оно измеряется в соответствии с образованием, доходом, общим статусом, располагаемой властью, с занятием или профессией, имущественным статусом и др.) и политическими мнениями либо выбираемой партией далека от однозначности и непротиворечивости. Многие неимущие люди голосуют за консерваторов, а некоторые богатые — за социалистов или коммунистов. Частично объяснения таких отклонений уже указывались; в специфических ситуациях более существенны совсем иные индивидуальные характеристики, а также последствия внутригрупповых приверженностей — вроде религиозных верований, — и они больше бросаются в глаза, чем высокое или низкое социальное и экономическое положение. Но такого рода отклонения — это еще и следствие сложности самой системы стратификации. В современном обществе люди подвергаются воздействию самых разнообразных видов опыта и давления, которые порождают конфликтующие между собой политические

⁶ Все цитаты и статистические данные взяты из пока еще, видимо, не опубликованного отчета Анджея Малевского, который частично переведен с польского языка на английский в работе Leopold Lebedz, *Sociology and Communism 1957-1958* (London: Soviet Survey, 1959), p. 10. Более обширное сообщение об этом исследовании Малевского можно найти в польской статье: Zbigniew Socha, «Postawy wobec egalitaryzmu» («Установки по отношению к эгалитаризму»), *Przegląd Kulturalny*, No. 3 (333), Warsaw, January 15, 1959. В Дании «социал-демократическая партия монотонно увеличивает свою относительную популярность вместе со снижением социального статуса, в то время как у консерваторов наблюдается прямо противоположная закономерность», K. Svalastoga, *Prestige, Class and Mobility* (Copenhagen: Scandinavian Universities Press, 1959), pp. 264-265.

последствия, потому что у разных людей совершенно несоизмеримые позиции в классовой структуре. Люди могут обладать властью, как некоторые государственные служащие, но иметь низкий доход или статус; они могут обладать высоким профессиональным престижем, как многие из интеллектуалов, но получать низкий доход; они могут наслаждаться относительно высоким доходом, но иметь низкий социальный статус, как члены ряда этнических меньшинств или бизнесмены-нубориши, и т.д. Некоторые из таких социальных позиций могут предрасполагать занимающих их людей к консервативному мировоззрению, в то время как другие благоприятствуют более левой политической ориентации. Сталкиваясь со столь противоречивыми социальными давлениями, некоторые личности будут в большей степени реагировать на какие-то одни их виды, чем на другие, и поэтому будут казаться чуть ли не девиантными фигурами — во всяком случае, отклоняющимися от типовой модели классового голосования.

Эти конфликтующие и перекрывающиеся социальные позиции, вероятно, травмируют базирующиеся на низших классах левые партии в большей мере, чем они воздействуют на консервативные правые силы. Люди постоянно борются, всячески пытаются увидеть себя в благоприятном свете, и некоторые из их статусных атрибутов будут порождать у них благоприятную самооценку, тогда как другие — отрицательную. Логично предположить, что люди будут организовывать свои впечатления от собственного окружения и от самих себя таким образом, чтобы максимизировать свое ощущение превосходства над другими. Так, самый рядовой клерк, т.е. работник из разряда белых воротничков, будет подчеркивать отождествление умственного труда со статусом среднего класса (это соображение подвергнется более детальному обсуждению позже); белый рабочий с низким доходом расценит себя как человека, который стоит заведомо выше негра, и т.д. Разнообразный набор свидетельств, собранных в ходе исследований социальной мобильности, указывает, что лица, которые профессионально мобильны и нацелены при этом на продвижение вверх, стремятся избавиться от характеристик, продолжающих связывать их с прошлым статусом. Человек, который преуспевает, будет на самом деле часто менять район проживания, искать и находить по соседству новых друзей с более высоким статусом; возможно, даже покинет свою церковную общину, чтобы перейти в такую, члены которой выше по статусу, и, кроме того, станет голосовать более консервативно. Партии с выраженной консервативной направленностью облада-

ют тем преимуществом, что население отождествляет их с более престижными классами, а это их несомненный актив, который помогает таким партиям преодолеть привлекательность левых движений, апеллирующих к экономическим интересам низших страт.

Хотя не всегда можно предсказать, будет ли из определенных несовместимостей статуса в итоге следовать правая или левая политическая направленность, сама эта концепция указывает в качестве источников изменений на политические ценности, проистекающие из напряженностей, присущих противоречивым социальным позициям. Несоответствие в статусе может даже принудить старый, но теряющий значение высший класс становиться более либеральным по своей политической ориентации. Например, большинство наблюдателей британской политической сцены предположили, что появление особого социализма тори и готовность британского консерватизма XIX столетия проводить в жизнь реформы, которые приносили пользу рабочему классу, были последствием хорошо ощущавшейся враждебности старой английской земельной аристократии к поднимающемуся деловому классу, к людям бизнеса, которые угрожали ее статусу и власти. Некоторые из источников вполне сопоставимого либерализма американских высших классов будут обсуждены более подробно в главе 9.

Но хотя вариации в политическом поведении более привилегированных страт составляют одну из наиболее увлекательных проблем политического анализа, доступные нам надежные свидетельства, позволяющие установить, почему люди различаются по направленности своей политической лояльности, в существенной степени ограничиваются самыми многочисленными сегментами населения, особенно рабочими и фермерами. Опросы общественного мнения и исследования моделей голосования в различных сельских округах могут оперировать статистически разными типами рабочих и фермеров, причем такими способами, которые пока еще не могут быть применены на компаративном международном уровне для большинства частей городского среднего и высшего классов. Вследствие этого обсуждение вариаций в политической лояльности только что названных групп было ограничено американскими материалами и представлено в следующей части данной книги (см. главы 9 и 10). Настоящая глава сосредоточивается в первую очередь на политических взглядах низших и вообще более многочисленных страт.

**Социальные характеристики, коррелирующие с вариациями
при голосовании за левых в группах с низкими доходами из разных стран***

<i>Более высокое голосование за левых</i>	<i>Более низкое голосование за левых</i>
Крупные города	Меньшие города, сельские местности
Крупные заводы	Меньшие заводы
Группы с высоким уровнем безработицы	Группы с низким уровнем безработицы
Группы этнических или религиозных меньшинств	Группы этнического или религиозного большинства
Мужчины	Женщины
Экономически развитые регионы	Экономически отсталые регионы
Рабочие, занятые ручным трудом	Работники умственного труда
Отдельные занятия и профессии:	Определенные занятия и профессии:
Шахтеры	Прислуга, работники сферы обслуживания
Рыбаки	Фермеры, ведущие нетоварное хозяйство
Фермеры, ориентированные на рынок	
Моряки, портовые грузчики	
Рабочие лесной и деревообрабатывающей промышленности	
Неквалифицированные рабочие	Квалифицированные рабочие

* Основные исключения, относящиеся к ряду этих моделей, обсуждаются ниже.

В табл. IV представлен сводный перечень социальных характеристик, которые связаны с этими вариациями внутри группы с более низкими доходами, т.е. такой группы, где уровень жизни меняется в диапазоне от бедного до не более чем адекватного местным стандартам среднего класса, – сюда входит большинство рабочих, работающие фермеры, нижний слой работников умственного труда и т.д. Проводя сравнение международного политического поведения, трудно сделать более точную классификацию.

Эти обобщения выполнены на базе тщательно исследованного общественного мнения или данных из различных обзоров для большого количества стран, включая США, Аргентину, Чили, Бразилию, Канаду, Австралию, Японию, Индию, Финляндию, Норвегию, Швецию, Данию, Западную Германию, Нидерланды, Бельгию, Францию, Австрию, Италию, Великобританию и Венгрию⁷.

⁷ Большинство опубликованных источников так или иначе упоминается в различных частях этой книги, и я не буду повторять их здесь. Многие из утверждений,

Левое голосование: реакция на групповые потребности

Левое голосование, вообще говоря, интерпретируется как выражение недовольства, как индикатор того, что какие-то потребности не удовлетворяются. Ученые, специализирующиеся на поведении при голосовании, предположили в качестве центральных следующие потребности:

1) потребность в надежности дохода. Она весьма тесно связана с желанием более высокого дохода как таковым; однако воздействие периодической безработицы или, например, краха цен на сельскохозяйственные продукты кажется важным само по себе;

2) потребность в наличии удовлетворительной работы – такой, которая предоставляет возможность контролировать собственную жизнь и самовыражаться и которая свободна от воздействий деспотической власти;

3) потребность в статусе, в общественном признании своей ценности и в свободе от унижительной дискриминации в социальных отношениях.

Рассмотрим в терминах этого перечня, каким образом голосуют различные группы.

Ненадежность дохода

Определенные профессиональные группы из категории групп с низкими доходами страдают от чрезвычайной ненадежности своего дохода – в их числе фермеры, ведущие у себя монокультурное или одноотраслевое хозяйство, рыбаки, шахтеры и рабочие на лесопилках, – и у этих групп долгая история высокоуровневого голосования за левые партии.

сделанных в данной главе, основаны на пока еще не опубликованных результатах анализа разных исследований, выполненных академическими или коммерческими организациями по проведению опросов или подготовке обзоров, которые либо передали мне дубликаты своих перфокарт, либо проделали по моему запросу новые вычисления. Надеюсь в будущем опубликовать более детальный отчет о таком сравнительном исследовании. Есть целый ряд хороших компактных сборников с такими сведениями по разным странам. В их числе J. J. de Jong, *Overheid en Onderdaan* (Wageningen: N. V. Gebr. Zomer and Keunings Uitgeversmij, 1956), esp. pp. 75–121, *passim*; Michael P. Fogarty, *Christian Democracy in Western Europe* (London: Routledge and Kegan Paul, 1957), esp. pp. 352–376; Hadley Cantril, ed., *Public Opinion, 1935–1946* (Princeton: Princeton University Press, 1951), esp. pp. 602, 623, 627, and 630 для США; p. 197 для Великобритании.

Хорошим примером сельскохозяйственной экономики, работающей в рамках циклов «бум—спад», служит североамериканская зона выращивания пшеницы. С тех пор как сложился этот так называемый пшеничный пояс, в каждом поколении либо депрессия, либо засуха, либо оба эти явления одновременно наносили по нему ощутимые удары. Было выполнено много исследований политического поведения в указанном регионе, и все соглашаются в том, что во времена экономических кризисов фермеры, которые занимаются выращиванием пшеницы, являются самыми левыми из всех фермеров. Именно из них формировалось ядро любых более или менее крупных аграрных движений радикального толка: «гринбекеров», популистов и Беспартийной лиги в США*, а также прогрессистов, партии «Социальный кредит» и Федерации кооперативного содружества в Канаде**.⁸ Надо сказать, что в Северной Америке единственным социалистическим

* *Гринбекеры* — малочисленная партия, которую поддерживали преимущественно фермеры Среднего Запада и Юга США. Выступала за новую денежную политику — выпуск бумажных денег («гринбеков», greenbacks, т.е. «зеленых спинок»), видя в ней средство повышения закупочных цен на свою продукцию. Существовала в 1874—1878 гг., затем часть ее сторонников объединилась с рабочими, создав гринбекерско-рабочую партию (Greenback-Labor Party).

Беспартийная лига — радикальная организация фермеров северных районов Среднего Запада США, выступавшая за государственное страхование фермерских хозяйств от убытков и ограничение господства крупного капитала (особенно в области железнодорожных перевозок и банковского дела). Ее кандидат избирался в 1916, 1918 и 1920 гг. на пост губернатора Северной Дакоты. Лига просуществовала с 1915 по 1924 г. — *Прим. перев.*

** *Прогрессивная партия* Канады действовала с 1914 по 1930 г. и была частью политического движения фермеров. В основном боролась за свободную торговлю с США. В этот период смогла сформировать правительства в нескольких провинциях страны.

«Социальный кредит» — мелкая партия, созданная в 1935 г. в канадской провинции Альберта и продержавшаяся там у власти до 1971 г. Вначале она основывалась на одноименной теории британского экономиста Клиффорда Дугласа, который предлагал бороться с низкой покупательной способностью потребителей, давая им деньги, чтобы освободить производство от ограничений рыночной системы цен. Сейчас эта партия защищает участие работников в доходах и во владении акциями.

Федерация кооперативного содружества — основана в 1932 г.; на съезде этой партии в 1933 г. была принята программа экономического и социального развития, имевшая целью вывести экономику из депрессии, охватившей всю Канаду, особенно район степей. После 1935 г. ее члены постоянно избирались в состав парламента Канады (доля депутатов от этой Федерации был особенно высока в 1945—1949 гг.). В 1961 г., после объединения с Канадским рабочим конгрессом, стала называться Новой демократической партией. — *Прим. перев.*

⁸ S. M. Lipset, *Agrarian Socialism* (Berkeley: University of California Press, 1950); J. D. Hicks, *The Populist Revolt* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1931); S. A. Rice, *Farmers and Workers in American Politics* (New York: Columbia University Press, 1924), Chap. II; V. O. Key, Jr., *Politics, Parties, and Pressure Groups* (New York: Crowell, 4th ed., 1952), Chap. II; C. B. Mac-Pherson, *Democracy in Alberta* (Toronto: University of Toronto Press, 1953).

правительством на уровне выше местного являлось (по состоянию на 1960 г.) сформированное Федерацией кооперативного содружества провинциальное правительство в Саскачеване — регионе, специализирующемся на такой монокультуре, как пшеница.

Практически все исследования фермеров, производящих для рынка какую-нибудь монокультуру, показывают, что таким производителям и в других странах присуща тенденция поддерживать периодически вспыхивающие протестные движения, которые часто (как мы видели ранее) являются по своему характеру авторитарными⁹. Напротив, фермеры, у которых набор выращиваемых зерновых культур диверсифицирован, которые зависят не от мировых, а от местных рынков, равно как совсем бедные фермеры, не нацеленные на производство товарной продукции, но все-таки обеспечивающие себе устойчивый и надежный уровень дохода, склонны поддерживать скорее консервативные партии.

Рыбаки, продающие улов на национальных или международных рынках, во многом находятся почти в таком же положении, как и фермеры, выращивающие одну пшеницу, и в итоге по всему миру рыбаки, ориентированные на коммерческую деятельность, голосуют за левых. В Норвегии первые представители трудящихся были избраны в стортинг от рыболовецкого округа¹⁰. В Исландии рыбаки поддерживают вторую по силе коммунистическую партию в Скандинавии¹¹. Андре Зигфрид в своем новаторском исследовании статистических данных о голосовании в Западной Франции в 1913 г. нашел, что рыбаки были группой с сильными левыми настроениями¹². Рыбаки канадской провинции Британская Колумбия являются значимым источником поддержки левых профсоюзов¹³. В США рыбаки Западного побережья традиционно воинственны и в свое время

245

⁹ A. Siegfried, *Tableau politique de la France de l'ouest sous la troisième république* (Paris: Librairie Armand Colin, 1913), Chap. 44; R. Heberle, *From Democracy to Nazism* (Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1943), Chap. III; Charles P. Loomis and J. Allen Beegle, «The Spread of German Nazism in Rural Areas», *American Sociological Review*, 2 (1946), pp. 724–734; S. S. Nilson, *Histoire et sciences politiques* (Bergen: Chr. Michelsens Institut, 1950); S. S. Nilson, «Aspects de la vie politique en Norvège», *Revue française de science politique*, 3 (1953), pp. 556–579.

¹⁰ E. Bull, *Arbeiderklassen i Norsk Historie* (Oslo: Tilden Norsk Forlag, 1948).

¹¹ S. S. Nilson, «Le Communisme dans les pays du nord — les élections depuis 1945», *Revue française de science politique*, 1 (1951), pp. 167–180. Рудольф Хеберле сообщает об успехе партий левого толка среди рыбаков Шлезвиг-Гольштейна, см.: R. Heberle, *From Democracy to Nazism*, *op. cit.*, p. 104.

¹² См. также: B. Leger, *Les opinions politiques des provinces françaises*, 2d ed. (Paris: Recueil Sirey, 1936), pp. 49–50.

¹³ S. Jamieson and P. Gladstone, «Unionism in the Fishing Industry in British Columbia», *Canadian Journal of Economics and Political Science*, 16 (1950), pp. 1–11 and 146–171.

организовались в профсоюз, где доминировали коммунисты, и это даже при том, что эти рыбаки были в большинстве своем владельцами или совладельцами собственных лодок и катеров. Рыбаки Великих озер были настроены непропорционально в пользу демократов. И в Великобритании рыбацкие районы — это настоящие цитадели Лейбористской партии¹⁴.

Шахтеры принадлежат к числу тех групп рабочего класса, которые наиболее подвержены безработице, и ранее уже отмечался тот факт, что они являются одной из самых сильных левых групп во всем мире. На британских выборах 1950 г. от Лейбористской партии были избраны тридцать семь кандидатов, которых спонсировал Национальный союз работников шахт, причем медиана процентной доли отданных за них голосов составила 73,0%¹⁵. В Канаде единственный из расположенных на востоке округов, который в самых разных случаях неизменно выбирал социалиста, — это угледобывающий район в провинции Новая Шотландия; единственным квебекским избирательным округом, когда-либо выбиравшим социалиста в провинциальный законодательный орган, был район с многочисленными рудниками по добыче металлов. Исследования, проводившиеся в США, показали, что шахтеры принадлежат к числу самых последовательных и стойких сторонников Демократической партии¹⁶.

Во Франции, где в национализированных отраслях промышленности трудящиеся выбирают представителей в рабочие советы, шахтеры отдали контролируемой коммунистами Всеобщей конфедерации труда (С.Г.Т.) 80% своих голосов — этот показатель выше, чем для любой другой профессиональной группы, включая тех, кто трудится на железных дорогах, городском общественном транспорте, предприятиях коммунального хозяйства, верфях, авиастроительных и автомобильных заводах. Данные из Германии указывают, что на выборах, предшествовавших 1933 г., равно как и на выборах в рабочие советы в 1950-х годах, шахтерские регионы оказали коммунистам мощную поддержку¹⁷. Анализ голосования в Чили в 1947 г.

¹⁴ J. K. Pollock and S. J. Eldersveld, *Michigan Politics in Transition* (Ann Arbor: University of Michigan Press, Michigan Governmental Studies, No. 10, 1942), p. 54. О поведении британских рыбаков см.: *The Economist* (Aug. 15, 1959), p. 435.

¹⁵ H. G. Nicholas, *The British General Election of 1950* (London: Macmillan, 1951), pp. 42, 61. См. также: J. F. S. Ross, *Parliamentary Representation* (New Haven: Yale University Press, 1944), pp. 58–77.

¹⁶ H. F. Gosnell, *Grass Roots Politics: National Voting Behavior of Typical States* (Washington: America Council on Public Affairs, 1942), pp. 31–32; см. также: Malcolm Moos, *Politics, Presidents, and Coattails* (Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1952), pp. 47–48.

¹⁷ См.: O. K. Flechtheim, *Die Kommunistische Partei Deutschlands in der Weimarer Republik* (Offenbach am Main: Bollwerk-Verlag Karl Drott, 1948), p. 211, где приводятся данные

показал, что тамошняя небольшая коммунистическая партия была сильнее всего в регионах с развитой горнорудной промышленностью. В тех округах, где добывался уголь или медь, а также в местах разработки других минералов коммунисты получили от 50 до 80% голосов по сравнению со всего лишь 10% по стране в целом¹⁸.

Труд лесорубов и рабочих, занятых распилом бревен и заготовкой пиломатериалов, также подвержен серьезным циклическим колебаниям. В Швеции те области, где ведутся лесозаготовки, дают коммунистам более высокие уровни голосования, чем крупные индустриальные центры¹⁹. Анализ результатов австрийских провинциальных выборов 1952 г. показал, что 85% рабочих лесного хозяйства голосовали за Социалистическую партию²⁰. Данные по американским штатам Калифорния и Мичиган говорят о том, что районы с развитой системой лесничеств и предприятий деревообработки оказывают больше поддержки левым кандидатам, чем любые другие территории²¹; кроме того, рабочие, занятые в лесном хозяйстве, всегда занимали видное положение в такой давно существующей организации, как «Индустриальные рабочие мира» (I.W.W.)*.

Профессиональное занятие, которое во многих отношениях (и по экономической ненадежности, и по социальной изоляции) напоминает работу в лесном хозяйстве, — это стрижка овец, особенно в Австралии. На этом континенте имеются громадные овцеводческие фермы или просто необозримые овечьи пастбища, которые обычно располагаются вдалеке от городских центров и вообще от населенных мест. Стригали овец живут в лагерях, напоминающих лагерь лесорубов или заготовителей пиломатериалов, и в течение некоторого времени, во время стрижки овец, пребывают на ферме или пастбище. Эти рабочие постоянно мигрируют, перемещаясь с одной овцеводческой фермы на другую. Как сообщают осведомленные

о выборах, предшествовавших 1933 г.; статистические данные по выборам в рабочие советы в 1950-х годах см. в: Michael Fogarty, *op. cit.*, p. 213.

¹⁸ Ricardo Cruz Coke, *Geografía electoral de Chile* (Santiago de Chile: Editorial del Pacifico, S. A., 1952), pp. 53, 81–82.

¹⁹ S. S. Nilson, «Le Communisme dans les pays du nord — les élections depuis 1945», *op. cit.*, pp. 167–180.

²⁰ Walter B. Simon, *The Political Parties of Austria* (Ph. D. thesis, Department of Sociology, Columbia University, 1957, Microfilm 57–2894 University Microfilms, Ann Arbor, Michigan), p. 263.

²¹ H. F. Gosnell, *op. cit.*, p. 77, and J. K. Pollock and S. J. Eldersveld, *op. cit.*, p. 54.

* Радикальная рабочая организация, созданная с целью объединения пролетариата в единый всемирный профсоюз для установления всеобъемлющего контроля над экономической деятельностью всех стран. Основана в 1905 г. в Чикаго Федерацией рудокопов Запада. — *Прим. перев.*

люди, стригалям присуще сильное групповое сознание, т.е. понимание своей принадлежности к данной профессиональной группе, а также солидарность. И хотя нет сообщений о каких-нибудь электоральных данных, которые специально выделяли бы голосование рабочих овцеводческих ферм, все отчеты об их поведении в профсоюзах говорят о том, что они настроены воинственно и радикально²².

Во время всякой серьезной депрессии ощущение экономической незащищенности делается широкораспространенным, и на выборах 1932 и 1936 гг. те округа в США, которые были сильнее всего поражены Великой депрессией, энергичнее других поддерживали Франклина Рузвельта. Данные опросов заостряют внимание на том обстоятельстве, что на выборах 1936 и 1940 гг. из всех лиц с низкими доходами наиболее решительную поддержку кандидатам от Демократической партии — свыше 80% — оказали те, кто получал помощь или пособие²³. Исследование политических установок в 1944 г. выявило, что среди занятых физическим трудом американцев, которые никогда не оставались без работы, 43% были «консервативны» — по сравнению со всего лишь 14% тех, кто больше года был безработным²⁴.

О сравнимых результатах сообщается из Великобритании: чем выше безработица в каком-либо регионе, тем сильнее там голосование за лейбористов. Более того, высокий уровень безработицы, наблюдавшийся в каком-либо районе в 1930-х годах, все еще продолжал воздействовать на голосование в 1950 г., когда там имела место полная занятость, — в числе округов, которые продемонстрировали наименьшее снижение уровня голосования за лейбористов в интервале между 1945 и 1950 гг., были как раз те, где во время депрессии была самая высокая безработица²⁵. Аналогично в Финляндии те области, где когда-то в период депрессии наблюдалась самая сильная безработица, в 1951–1954 гг. оказали самую существенную поддержку Коммунистической партии²⁶. В Германии интенсивность безработицы в том или ином районе была напрямую связана с уровнем голосования за коммунистов на выборах 1932 г. Французский опрос общественного мнения

²² См.: Т. С. Truman, *The Pressure Groups, Parties and Politics of the Australian Labor Movement* (unpublished M. A. thesis, University of Queensland, 1953), Chap. IV, pp. 70–72.

²³ H. F. Gosnell, *op. cit.*, pp. 3, 32, 37, 90.

²⁴ R. Centers, *The Psychology of Social Classes* (Princeton: Princeton University Press, 1949), pp. 177–179.

²⁵ H. G. Nicholas, *op. cit.*, pp. 297–298; Wilma George, «Social Conditions and the Labor Vote in the County Boroughs of England and Wales», *British Journal of Sociology*, 2 (1951), pp. 255–259.

²⁶ Erik Allardt, *Social Struktur och Politisk Aktivitet* (Helsingfors: Söderstrom and Co., 1956), p. 84.

в 1956 г. показал следующее: 62% членов коммунистического профсоюзного движения, Всеобщей конфедерации труда (С.Г.Т.), сообщали, что в прошлом были некоторое время безработными, по сравнению с 43% и членов социалистического профсоюза *Force Ouvriere* («Рабочая сила») и 33% членов католической Французской конфедерации христианских работников (С.Ф.Т.С.)²⁷.

В США относительный консерватизм белых воротничков, как и всех работников умственного труда, мог быть следствием их большей обеспеченности работой в период Великой депрессии. В 1930 г. безработными были только приблизительно 4% белых воротничков — по сравнению с 13% городских неквалифицированных рабочих. В 1937 г. работы были лишены 11% из числа принадлежащих к первой группе и четверть — ко второй²⁸. В Германии на эту принадлежащую к среднему классу группу экономический кризис, разразившийся после Первой мировой войны, повлиял намного сильнее, чем в США. Причем для немецких работников умственного труда была характерна тенденция поворачиваться в сторону фашистского движения, а не левых партий с их доктринерским акцентом на пролетариат²⁹.

НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РАБОТОЙ

Ученые, занимающиеся рабочими движениями, нередко предполагали, что сам по себе характер ситуации на рабочем месте и вокруг него является — независимо от заработной платы и ощущения безопасности — важным фактором в формировании чувства удовлетворенности или неудовлетворенности работой. Заводской или фабричный рабочий проводит свои дни под контролем других лиц, часто будучи вынужденным подчиняться капризным, а порой и деспотическим требованиям дисциплины. При этом у рабочих, занятых в промышленных отраслях массового производства с их сегментированными и жестко регламентированными по минутам рутинными заданиями, чрезвычайно мало возможностей заинтересоваться выполняемой работой и реализовать свои творческие способности³⁰.

²⁷ *Réalités*, No. 65, April 1956.

²⁸ C. W. Mills, *White Collar* (New York: Oxford University Press, 1951), p. 281.

²⁹ T. Geiger, *Die Soziale Schichtung des Deutschen Volkes* (Stuttgart: Ferdinand Enke, 1932), pp. 109–122; Samuel Pratt, *The Social Basis of Nazism and Communism in Urban Germany* (unpublished M. A. thesis, Department of Sociology, Michigan State University, 1948), Chap. 8.

³⁰ Разница в удовлетворенности работой между занимающими такие должности (рабочие места) и теми, чьи должности позволяют шире использовать творческий потенциал, документирована с привлечением обзора литературы в работе R. Blauner,

Из этого должно следовать, что чем более произвольна власть руководителей и менеджеров и чем монотоннее труд, тем сильнее должно проявляться недовольство рабочих и тем с большей вероятностью они склонны поддерживать политические движения, стремящиеся к социальным переменам. И есть свидетельства того, что чем крупнее промышленное предприятие (и поэтому чем более, как правило, сегментирован труд на нем), тем левее настроены там рабочие. Исследование голосования в крупных немецких городах до 1933 г. обнаружило, что чем выше пропорция работающих на крупных заводах и фабриках, тем выше голосование за коммунистов³¹. Аналогично исследование американской полиграфической промышленности обнаружило зависимость между левыми политическими взглядами и размером цеха или предприятия³².

Как правило, среди рабочих, занятых ручным трудом, более квалифицированные почти всюду более консервативны. Однако вносит ли удовлетворенность работой и ее креативный характер какой-либо независимый вклад в политическое поведение — вклад, который был бы заметен на фоне различий в статусе и экономическом положении, — до сих пор пока еще не доказано.

Статус

Ощущение депривации и вытекающий отсюда политический радикализм со стороны тех, чьи профессии непрезентабельны и кто занимает скромное положение, порождаются отнюдь не только самой по себе объективной экономической ситуацией. Любые общества стратифицированы в соответствии как со статусом (престижем), так и с экономическими вознаграждениями, причем, хотя у статуса и дохода есть тенденция быть взаимосвязанными, они далеко не тождественны. Статус сопровождается такими различиями, которые вызывают враждебное чувство и оскорбляют своей несправедливостью, — когда отдельные люди и целые группы по определению оказываются выше или ниже других, — а из того, что нам известно о человеческом поведении, вовсе не следует, что люди примут низкую социальную оценку себя и своей ситуации невозмутимо и хлад-

«Attitudes Toward Work», в сб.: W. Galenson and S. M. Lipset, eds., *Readings in the Economics and Sociology of Trade Unions* (New York: John Wiley & Sons, 1960).

³¹ S. Pratt, *loc. cit.*

³² Неопубликованные данные из исследования Международного типографско-го союза. Другие подробности об этом исследовании см. в: M. Lipset, M. Trow, and J. Coleman, *Union Democracy* (Glencoe: The Free Press, 1956), особенно с. 150–197, где обсуждаются различия в ситуациях, которые складываются в мелких и крупных цехах или предприятиях.

нокровно. Поэтому всякий раз и везде, где такая возможность существует, люди будут пытаться либо улучшить свое личное положение на шкале престижа посредством индивидуальных усилий (проявлять социальную мобильность), либо улучшить положение своей группы за счет коллективных действий какого-то вида. И если понятия «личный интерес», «своекорыстие», «эгоизм» описывают мотивацию, проистекающую из желания улучшить свои нынешние материальные условия существования, то понятия «негодование», «возмущение», «чувство обиды» описывают чувства, которые испытывают по отношению ко всей общественной системе в целом и к тем, у кого высокий престиж, люди, занимающие скромное или низкое положение³³.

То неуважительное отношение, с которым офисный персонал, торговые агенты, коммивояжеры, клерки, мелкие чиновники и т.д. подходят к рабочим, а также общая неспособность всего среднего класса в целом признавать экономический вклад и личные способности рядовых рабочих, несомненно, способствуют неудовлетворенности рабочих существующим положением вещей и левизне их политических взглядов.

В то время как низкий престиж плюс низкий доход и высокий престиж плюс высокий доход объединяются, чтобы подкрепить левацкую или соответственно консервативную политическую мотивацию, такие ситуации, в которых какой-либо один фактор помещает человека намного выше или ниже на шкале относительного ранжирования, помогают, как уже отмечалось, объяснить модели поведения, кажущиеся девиантными. Во всех обществах, для которых у нас имеются данные, работники умственного труда пользуются большим престижем, чем обычные рабочие, и белые воротнички многими разными способами (одежда, речь, модели семейного поведения и проч.) отождествляют себя с теми, кто в существующей системе располагается выше них, даже когда доход у этих беловоротничковых служащих ничуть не выше, чем у квалифицированных рабочих, занятых ручным трудом³⁴. И многие исследования показывают, что в разных странах белые воротнички с намного более высокой вероятностью будут голосовать за более консервативные партии, чем работники, занятые физическим трудом, да и в целом работники умственного труда занимают на лево-правом континууме положе-

³³ Более подробное обсуждение реакций на положение в статусной структуре см. в: S. M. Lipset and Hans Zetterberg, «Social Mobility in Industrial Societies», в сб.: S. M. Lipset and R. Bendix, *Social Mobility in Industrial Society* (Berkeley: University of California Press, 1959), pp. 60–64.

³⁴ Подробное сводное описание свидетельств из многих стран, подтверждающих это соображение, см.: *ibid.*, pp. 14–17.

ние где-то на полпути между позициями двух страт: представителей крупного бизнеса и простых рабочих³⁵. Этот больший консерватизм порождается отнюдь не исключительно одним лишь более высоким доходом. Исследование электорального поведения на норвежских выборах 1949 г. показало, что среди людей, занятых физическим трудом, уровень голосования за левые партии (коммунистов и социалистов) был почти вдвое выше, чем среди работников умственного труда, причем на каждом уровне дохода (см. табл. V). Опросное исследование политической лояльности в Германии принесло похожие результаты³⁶.

Таблица V

**Доля голосующих за рабочие и коммунистические партии
по профессиональным группам и доходу, %**

Норвегия, 1949 г. [#]

<i>Годовой доход в кронах</i>	<i>Промышленные рабочие</i>	<i>Белые воротнички</i>
Ниже 4 000	56	35
4000—7 000	70	28
7000—12 000	69	24
Выше 12 000	—**	13

[#] А. Н. Barton, *Sociological and Psychological Implications of Economic Planning in Norway* (unpublished Ph. D. thesis, Department of Sociology, Columbia University, 1954), p. 327.

** Слишком мало случаев.

О важности статусного мотива в политическом поведении белых воротничков прямо свидетельствует проведенное в США исследование «классовой идентификации»: 61% работников умственного труда назвали себя «средним классом» — по сравнению со всего лишь 19% рабочих, занятых ручным трудом. Среди служащих, по определению относящихся к работникам умственного труда, такая самомаркировка означала еще и большое различие в политических установках: 65% тех, кто считал себя средним классом, обладали консервативными установками — по сравнению с 38% белых воротнич-

252

³⁵ G. Gallup, *The Gallup Political Almanac for 1948* (Princeton: American Institute of Public Opinion, 1948), p. 9; R. Centers, *op. cit.*, p. 38; E. G. Benson and Evelyn Wicoff, «Voters Pick Their Party», *Public Opinion Quarterly*, 8 (1944), pp. 165—174; L. Harris, *Is There a Republican Majority?* (New York: Harper & Bros., 1954); H. Cantril, *op. cit.*

³⁶ Institut für Marktforschung und Meinungsforschung, E.M.N.I.D., *Zur Resonanz der Parteien bei Männern und Frauen in den Soziologischen Gruppen* (Bielefeld: mimeographed, no date), pp. 5, 7, 9.

ков, относивших себя к «рабочему классу». Среди рабочих, занимающихся ручным трудом, субъективная классовая самоидентификация приводила к намного меньшей разнице в установках: 37% рабочих, относивших себя к «среднему классу», характеризовались консервативными установками — по сравнению с 25% консервативно настроенных рабочих, которые относили себя к «рабочему классу»³⁷.

В Германии интенсивно изучалась политическая роль работников умственного труда, но, к сожалению, это делалось еще до наступления тех времен, когда стали проводиться выборочные опросы³⁸. Исследования с использованием доступных статистических данных по отдельным землям говорят о том, что под воздействием Великой депрессии 1929 г. голосование белых воротничков качнулось от центристских партий в сторону нацистов³⁹. Существовала сильная корреляция между пропорцией безработных среди работников умственного труда в немецких городах и голосованием их жителей за нацистов⁴⁰. Обычное объяснение, предлагавшееся немецкими специалистами для этого явления, состоит в том, что нацисты воплощали надежду на разрешение экономического кризиса и в то же время на сохранение статусного положения работников умственного труда, в то время как марксистские партии предлагали белым воротничкам экономические выгоды только за счет «пролетаризации»⁴¹.

Некоторые вариации в способах голосования рабочих в разных странах можно, пожалуй, объяснить различиями в жесткости статусной иерархии. Все данные о том, каким образом выбирали политические партии австралийские, британские, американские, французские и итальянские рабочие, свидетельствуют: чем хуже социально-экономическое положение рабочего, тем с большей вероятностью он должен голосовать за партию левой направленности. С другой стороны, в Германии и Швеции самая низкооплачиваемая страта рабочих с наибольшей вероятностью поддерживала партии, ориентированные не на рабочий класс. В названных странах высшие страты рабочего класса в большей мере склонны оказать поддержку левым партиям⁴².

³⁷ R. Centers, *op. cit.*, pp. 130–132.

³⁸ T. Geiger, *op. cit.*, pp. 109–122.

³⁹ W. Dittmann, *Das Politische Deutschland vor Hitler* (Zurich: Europa Verlag, 1945); A. Dix, *Die Deutschen Reichstagswahlen, 1871–1930, und die Wandlungen der Volksgliederung* (Tübingen: J. B. C. Mohr, Paul Siebeck, 1930); W. Stephan, «Zur Soziologie der Nationalsozialistischen Deutschen Arbeiterpartei», *Zeitschrift für Politik*, 20 (1931), pp. 293–300. См. также главу 5.

⁴⁰ S. Pratt, *op. cit.*, Chap. 8.

⁴¹ T. Geiger, *op. cit.*, p. 114.

⁴² О сходных результатах, полученных для Германии, сообщает также в своих публикациях Institut für Marktforschung und Meinungsforschung, E.M.N.I.D., *op. cit.*; и Divo Institut — в отчете *Umfragen 1957* (Frankfurt: Europaische Verlagsanstalt, 1958), p. 53. Таким

В германской выборке рабочих для каждого уровня квалификации лица с заработком более 250 марок в месяц с большей вероятностью поддерживали левые партии (социалистов и коммунистов), чем рабочие, зарабатывающие меньше этой суммы. Примерно половина рабочих в каждой группе поддерживала названные партии, но самый низкий уровень их поддержки был обнаружен в группе с низкой квалификацией и низким доходом (в пользу указанных партий там высказывалось 45%), а самый высокий (65%) — в группе квалифицированных и лучше всего оплачиваемых рабочих (см. табл. VI).

Таблица VI

Доля мужчин-рабочих, поддержавших социал-демократическую и коммунистическую партии в Германии, 1953 г.*		
Уровень квалификации и доход		
<i>Все квалифицированные рабочие</i>	61	(230)
Более 250 марок в месяц	65	(140)
Менее 250 марок в месяц	55	(94)
<i>Все со средней квалификацией</i>	58	(209)
Более 250 марок в месяц	65	(113)
Менее 250 марок в месяц	50	(96)
<i>Все с низкой квалификацией</i>	51	(97)
Более 250 марок в месяц	59	(42)
Менее 250 марок в месяц	45	(55)

* Все расчеты, сделанные для данного исследования, выполнялись на основании перфокарт, любезно предоставленных Институтом ЮНЕСКО в Кельне, Германия, с данными, собранными в ходе опроса германского населения в 1953 г.

254

В отсутствие более детализированных исследований изменчивой ситуации, связанной с рабочими в указанных двух странах, всякие попытки объяснить эти поразительные различия были бы безрассудными. Одна из гипотез, которую предложил ряд специалистов, лучше меня знакомых с жизнью в различных частях Европы, состоит в том, что среди представителей верхних уровней рабочего класса в Герма-

образом, три разных научно-исследовательских института сообщают, что в Германии более квалифицированные рабочие настроены радикальнее, чем менее квалифицированные. Divo Institut обнаружил подтверждение этих выводов и в своих опросах, связанных с выборами 1953 и 1957 гг. В частности, в 1957 г. 62% квалифицированных рабочих, которые приняли участие в голосовании, высказались за социал-демократов — в противоположность 43% из числа рабочих со средней и низкой квалификацией (см. с. 5 в отчете этого института). По поводу Швеции см.: Elis Hastad, *et al.*, eds., «*Gallup*» och den Svenska Valjarkaren (Uppsala: Hugo Gebers Forlag, 1950), pp. 157–170.

нии и, возможно, в Швеции больше фрустрации, причем именно потому, что в этих странах западного мира существует наибольшая дифференциация по статусу. Аристократия сохраняла там власть и влияние вплоть до первых десятилетий XX в., а межличностные отношения до сих пор отражают значительный и явно выраженный акцент на статус. Превосходство или, наоборот, второстепенность статусной позиции выражаются многими формальными и неформальными способами. Напротив, в Австралии, Великобритании, Америке и Франции уровень важности различий в статусе снизился, особенно с учетом упадка или полного отсутствия в этих странах аристократии. При этом акцент на дифференцированность статуса должен влиять на более квалифицированных и лучше оплачиваемых рабочих сильнее, чем на их менее привилегированных собратьев по классу. Хотя высококвалифицированные рабочие материально обеспечены лучше других, их немалый экономический успех делает для них еще более очевидным то обстоятельство, что средние классы все равно смотрят на них сверху вниз. В некотором смысле квалифицированные рабочие похожи на преуспевающих негров или евреев в тех обществах, где имеет место социальная дискриминация, направленная против членов обеих указанных групп. При этом те из них, кто добился большего успеха, будут с большей вероятностью осознавать неполноценность своего статуса и, следовательно, испытывать из-за этого чувство особой обиды и возмущения. А вот группа рабочих, негров или евреев, пребывающих на более низком уровне, с меньшей вероятностью будет чувствовать себя лишенной полноценного статуса.

Таким образом, можно выдвинуть предварительную гипотезу, гласящую, что чем более открытый характер носят в данном обществе социальные отношения, связанные со статусом, тем с большей вероятностью хорошо оплачиваемые рабочие должны становиться политически консервативными. В открытом обществе относительная экономическая депривация будет способствовать дифференциации среди рабочих, как это традиционно происходило в США и Австралии. В более закрытом обществе верхний слой рабочих будет испытывать чувство депривации и, следовательно, поддерживать партии, располагающиеся на левом фланге. Соответствует ли эта парная гипотеза реально наблюдаемым фактам — вопрос спорный. Однако бесспорен тот факт, что подобные различия в политическом поведении существуют. И чтобы объяснить источники такой дифференциации, нам нужны дополнительные исследования.

Вторая иерархия престижа основана на религиозных или этнических различиях. Религии, национальности и расы, находящиеся в мень-

шинстве, обычно подвергаются разного рода социальной дискриминации, и, следовательно, человек из такого меньшинства, у которого к тому же низкий доход, оказывается перед лицом дополнительных препятствий к достижению экономического и социального успеха. С другой стороны, бедный член большинства может найти замещающее вознаграждение в своем этническом или религиозном «превосходстве». Следовательно, члены группы с низким этническим или религиозным статусом, имеющие при этом высокий доход, находятся, как мы уже отмечали, в ситуации, сравнимой с положением верхнего слоя рабочего класса в странах с «закрытыми» статусными системами.

Все исследования в англоязычных странах показывают, что среди различных христианских деноминаций наблюдается следующее явление: чем лучше материально обеспечены члены данной церкви, обладающие *средним* социально-экономическим статусом, тем выше вероятность того, что верующие с более низким статусом станут голосовать за более консервативную партию. В Великобритании, Австралии, Канаде и США рабочие, принадлежащие к более зажиточным церквям вроде англиканской (в США – епископальной), с большей вероятностью поддержат какую-нибудь достаточно консервативную партию, чем рабочие, принадлежащие к более бедным церквям.

Точно так же избиратели из среднего класса, которые принадлежат к относительно менее обеспеченным церквям типа Католической или баптистской, в большей мере склонны голосовать за лейбористов или демократов, чем равные им по классовой принадлежности верующие других исповеданий. В одном из британских исследований сообщается, что среди промышленных рабочих, голосовавших на выборах 1951 г., Лейбористскую партию поддержали 73% католиков, 64% нонконформистов и 43% членов англиканской церкви. «Процентная доля англиканцев, голосовавших за консерваторов, почти ровно вдвое превосходит процентную долю не принадлежащих к англиканской церкви, которые поступили так же; при этом три пятых всех промышленных рабочих, голосовавших за консерваторов, были англиканцами»⁴³.

⁴³ A. H. Birch, *Small-Town Politics* (London: Oxford University Press, 1959), p. 112; общенациональные данные о голосовании в Великобритании см. в: H. J. Eysenck, *The Psychology of Politics* (London: Routledge and Kegan Paul, 1954), p. 21 и в: M. Benney, A. P. Gray, and R. H. Pear, *How People Vote: A Study of Electoral Behavior in Greenwich* (London: Routledge and Kegan Paul, 1956), p. 111; данные, касающиеся Великобритании и США, см. в: Michael Argyle, *Religious Behavior* (Glencoe: The Free Press, 1959), pp. 81–83; более детальное обсуждение религиозной и политической жизни в США наряду с дальнейшими библиографическими ссылками см. в главе 9, с. 346–348; опубликованные данные по Австралии см. в: Louise Overacker, *The Australian Party System* (New Haven:

В Австралии данные опросов общественного мнения, проводившихся тамошним институтом Гэллапа в 1951 и 1955 гг., указывают, что приблизительно 50% городских католиков, занимавшихся умственным трудом, поддерживали местную лейбористскую партию, тогда как среди членов англиканской церкви, занимавших сравнимые должности, таких набралось меньше 30%. Аналогично среди работников, занятых физическим трудом, австралийские католики голосовали за лейбористов гораздо интенсивнее, чем любая другая христианская деноминация⁴⁴.

Хотя во всех упоминавшихся выше странах евреи относительно хорошо обеспечены, в политическом смысле они являются наименее консервативной религиозной группой, причем это утверждение справедливо и во многих неанглоязычных западных странах. Электоральные данные по Австрии показывают, что, хотя еврейские районы Вены в основном были заселены средним классом, на многих выборах перед 1933 г. они непропорционально часто голосовали за социалистов⁴⁵. Исследование голосования в Амстердаме также показало, что преимущественно еврейский округ этого города выступал как сильный оплот социал-демократов⁴⁶. Левая ориентация присущих евреям электоральных моделей, по мнению специалистов, проистекала из их более низкой статусной позиции (по причине социальной дискриминации), а не из элементов, имманентно присущих религиозному кредо евреев⁴⁷.

Дифференцирующее воздействие религиозной принадлежности на политическую лояльность не вытекает исключительно из нынешней статусной позиции различных деноминаций. В целом ряде стран действующие там церкви, которые были в свое время официально учреждены, а затем защищались государством и оставались связанными с земельной аристократией, часто становятся базой

Yale University Press, 1952), pp. 166–170, 298, 305–306 и в Leicester Webb, *Communism and Democracy in Australia* (Melbourne: F. W. Cheshire, 1954), pp. 91–100. Австралийский опрос общественного мнения, проведенный местным Институтом Гэллапа, сделал доступным значительный объем данных, которые показывают зависимость между политической принадлежностью и религией. Ссылки на Канаду основаны на изучении неопубликованных данных, собранных Канадским центром опросов общественного мнения на базе Института Гэллапа.

⁴⁴ Для целей данного анализа все рабочие партии в Австралии рассматриваются как лейбористские, хотя диссидентские рабочие партии правого толка в значительной степени базируются там на католиках.

⁴⁵ Walter B. Simon, *op. cit.*, pp. 335, 338–441.

⁴⁶ J. P. Kruijt, *De Onkerkelijkheid in Nederland* (Groningen: P. Noordhoff, N. V., 1933), pp. 265, 267.

⁴⁷ См.: Robert Michels, *Political Parties* (Glencoe: The Free Press, 1949), pp. 261–262; анализ источников еврейского радикализма в Германии эпохи кайзера Вильгельма все еще кажется до сих пор применимым и к другим странам.

для религиозной политической партии, стремящейся защитить или восстановить религиозные права и влияние своих адептов против нападков разнообразных левых и антиклерикальных политических движений. Так, в католической Европе рабочие-католики непропорционально часто голосовали за более консервативные и католические партии, в то время как принадлежащие к среднему классу протестанты, евреи и вольнодумцы придерживались более левых убеждений — даже на грани поддержки марксистских партий⁴⁸.

Тесную связь между моделями политического поведения в двух европейских странах, Франции и Нидерландах, и бытующей там религиозной практикой можно видеть в табл. VII. Очевидны резкие различия в выборе партии между теми, кто посещает церковь, и теми, кто этого не делает. Во Франции, например, 68% практикующих католиков поддерживали или партию M.R.P., или Независимую партию (обе они консервативные), но 56% непрактикующих католиков и 63% «безразличных» католиков поддерживали либо коммунистов, либо социалистов. Количество протестантов в данной выборке было недостаточным для того, чтобы осуществить дифференциацию по степеням религиозной практики в указанной группе, но среди членов этого ранее преследуемого меньшинства 39% поддерживали левые партии и еще 34% высказывались в пользу Радикальной партии, которая является либеральной и антиклерикальной. Среди тех, кто не придерживается никакой религии, 79% поддерживали марксистские партии.

В Нидерландах имелась доступная информация о посещаемости церквей для трех основных религиозных групп, и здесь снова очевидны поразительные различия в том, какой выбор делали различные деноминации при голосовании⁴⁹. Целых 94% практикующих

⁴⁸ См.: Stuart R. Schram, *Protestantism and Politics in France* (Alençon, France: Corbierre and Jugain, 1954), pp. 183–186. Например, 55,5% зарегистрированных избирателей в протестантских коммунах (департамент Гар на юге Франции) голосовали в 1951 г. за коммунистов или социалистов — по сравнению со всего лишь 35,1% в католических коммунах. В целом протестантские коммуны более зажиточны, чем католические. Более качественное обсуждение характерных особенностей католических и других религиозных политических партий в Европе см. в: Michael Fogarty, *op. cit.*, гл. 22.

⁴⁹ Вся степень слитности религиозного и политического раскола в Нидерландах ясна из количества лиц, которые не практикуют свою религию. В то время как во Франции число непрактикующих католиков было почти таким же, как и практикующих, в Нидерландах они составляли только одну десятую общего количества католиков, а непрактикующие кальвинисты образовывали лишь одну шестую общего количества кальвинистов. Количество непрактикующих умеренных протестантов почти вдвое превышало численность практикующих, но различия в их электоральном поведении были в одинаковой степени очевидными. Эти опросы предпринимались на основании случайных выборок из всего населения, так что можно вполне законно сделать логический вывод, что процентная доля практикующих свою религию репрезентативна.

Религия и выбор партии в зависимости от посещаемости церкви, %

Франция, 1956 г.*

	<i>Католики</i>			<i>Протестанты</i>	<i>Нерелигиозные</i>
	<i>Воцерковленные</i>	<i>Невоцерковленные</i>	<i>Безразличные</i>		
Коммунисты	2	17	18	5	49
Социалисты	9	39	45	34	30
Радикалы	10	17	17	34	8
M.R.P.	34	4	2	7	1
Независимые	34	14	12	10	4
R.P.F.	6	3	2	2	1
Пужадисты	5	6	4	7	6
Итого	100	100	100	99	99
(N)	(609)	(507)	(168)	(41)	(144)

Нидерланды, 1956 г.**

<i>Выбираемая партия</i>	<i>Католики</i>		<i>Умеренные протестанты</i>		<i>Кальвинисты</i>		<i>Нерелигиозные</i>
	<i>Да</i>	<i>Нет</i>	<i>Да</i>	<i>Нет</i>	<i>Да</i>	<i>Нет</i>	
<i>Посещение церкви</i>							
Католики	94	52	—	—	—	—	Нет
Социалисты	3	30	22	—	—	—	—
Антиреволюционная (кальвинисты)	—	6	17	9	90	63	—
Христианская историческая (умеренные протестанты)	—	—	45	19	3	—	—
Либералы	—	9	7	—	—	—	11
Коммунисты	—	—	—	—	—	—	7
Отколовшиеся кальвинисты	—	—	5	3	1	5	—
Другие	2	3	4	3	4	5	6
Итого	99	100	100	100	100	100	100
(N)	(329)	(33)	(134)	(236)	(101)	(22)	(218)

* Расчеты автора на основании перфокарт общенационального опроса общественного мнения, проводившегося в мае 1956 г. Национальным институтом демографических исследований.

** Расчеты автора на основании перфокарт выборочного опроса Нидерландского института общественного мнения, проводившегося в мае 1956 г.

католиков поддержали Католическую партию, но из числа непрактикующих так поступили только 52%, причем 30% из их числа отдали свой выбор социалистам. Девяносто процентов практикующих кальвинистов поддержали Кальвинистскую антиреволюционную партию — по сравнению с 63% кальвинистов, не посещавших церковь. Эта разница намного менее существенна среди практикующих умеренных членов протестантской церкви, модели религиозного поведения которых в большей мере похожи на модели американских протестантов и которые находятся поэтому под меньшим социальным давлением, требующим обязательного голосования за их партию. Христианская историческая партия привлекла на свою сторону 45% практикующих верующих и 19% непрактикующих. В Западной Германии католики и протестанты связаны с прямыми политическими действиями через одну религиозную партию — христианских демократов. И там тоже подтверждается правило, что чем больше кто-либо вовлечен в церковную деятельность, тем с большей вероятностью он поддержит религиозную партию⁵⁰.

Хотя, сообщая о воздействии религии в этих странах, мы игнорировали различные другие факторы, важно отметить, что в рамках каждой деноминации продолжали действовать факторы классовой принадлежности. Среди французских католиков, как и среди голландских и немецких протестантов и католиков, в числе тех, кто голосовал за левые партии, были главным образом работники физического труда. Доступные свидетельства заставляют предположить, что рабочие в этих странах намного больше подвержены напряжениям, проистекающим из конфликта между их религиозными и классовыми позициями, чем представители средних слоев. В то время как наиболее религиозные из рабочих решают эту напряженность — по крайней мере в том, как она касается голосования, — поддерживая на выборах религиозную партию, существенное меньшинство рабочих оказывает поддержку социалистам, особенно те из них, кто менее лоялен церкви в смысле ее посещаемости. Может быть и так, что эта напряженность ведет некоторых рабочих в ряды неверующих вольнодумцев.

⁵⁰ В Германии 60% мужчин-католиков, посещающих церковь, поддерживают или христианских демократов, или Католическую партию центра, в то время как среди католиков, которые не посещают церковь, эти партии поддерживают только 33%. См.: Juan Linz, *The Social Bases of German Politics* (unpublished Ph. D. thesis, Department of Sociology, Columbia University, 1958), p. 700. См.: J. J. de Jong, *op. cit.*, pp. 179–187, где содержатся дальнейшие данные о Голландии. В этой книге представлен также обзор моделей голосования в различных европейских странах для разных занятий (професий), возрастных групп и других аспектов социальной структуры.

Там, где конфликт между религиозными группами и антиклерикальными партиями является едва ли не главным элементом политической жизни, как это происходит в отдельных европейских государствах, существуют также важные различия в гендерном составе сторонников разных партий, поскольку повсюду в западном мире женщины более лояльны в смысле религиозной приверженности, чем мужчины⁵¹. Во Франции, Германии, Нидерландах, Бельгии, Австрии и других странах антиклерикальные партии, равно как марксистские и либеральные, притягивают к себе намного большую долю мужского электората, чем избирательниц-женщин. В Германии согласно опросу 1953 г. 60% всех избирателей социалистических партий были мужчинами, в то время как 58% голосовавших за христианских демократов составляли женщины⁵². С другой стороны, в США, где нет никакого конфликта между религией и отсутствием веры в Бога как таковой, не существует также никакой разницы в поддержке, оказываемой двум главным партиям этой страны мужчинами и женщинами⁵³.

261

В самых разных странах многие члены этнических и религиозных меньшинств, испытывающие социальную или экономическую дискриминацию, более активно поддерживают партии левой ориентации, хотя чаще всего эта модель поведения обнаруживается у евреев. В США у негритянского меньшинства тенденция голосовать за демократов выражена сильнее, чем у белых с таким же уровнем дохода; другое дело, что на самом деле внутри такой группы, как негритянское население в целом, экономический статус не по-

⁵¹ Например, исследования, проведенные во Франции в 1952 г. и в итальянской епархии Мантуя в 1948 г., показывают, что почти вдвое больше женщин-католичек, чем католиков-мужчин, регулярно посещали воскресное богослужение. См.: M. Fogarty, *op. cit.*, pp. 352–353.

⁵² Juan Linz, *op. cit.*, p. 234.

⁵³ A. Campbell, G. Gurin, and W. E. Miller, *The Voter Decides* (Evanston, Ill.: Row, Peterson and Co., 1954), p. 70; B. Berelson, P. F. Lazarsfeld, and W. M. McPhee, *Voting* (Chicago: University of Chicago Press, 1954), pp. 73, 75. Следует, однако, отметить, что, когда на американских выборах заметную роль играли морально-этические проблемы вроде коррупции или сухого закона, запрещавшего продажу спиртных напитков, женщины непропорционально чаще голосовали за «более высоконравственного» кандидата. См.: Stuart A. Rice, *Quantitative Methods in Politics, op. cit.*, pp. 177–179, где обсуждается голосование женщин около 1917–1920 гг., когда гендерные различия были особенно актуальными (причина такой ситуации в том, что в августе 1920 г. после нескольких лет дискуссий и борьбы была принята XIX поправка к Конституции США, вводившая активное избирательное право для женщин. — *Перев.*). Самое лучшее обсуждение электорального поведения женщин и самый полный набор сравнительных данных по этому вопросу см. в: Mattei Dogan, «*Il voto delle donne in Italia e in altre democrazie*», *Tempi Moderni*, n. 11–12 (Jan.-Feb. 1959), pp. 621–644.

рождает сколько-нибудь больших различий в голосовании⁵⁴. Другие примеры подобного рода можно найти в Азии. Скажем, в Южной Индии народность андра, составляющая там крупное лингвистическое меньшинство, принадлежала к самым верным сторонникам Коммунистической партии⁵⁵, в то время как на Цейлоне коммунисты непропорционально сильны среди индийского меньшинства. В Японии значительную поддержку коммунистам оказывает корейское меньшинство⁵⁶. В Израиле арабское меньшинство и в Сирии христианское меньшинство всегда вели себя относительно прокоммунистически⁵⁷.

Воздействие социальных условий на голосование за левых

Если принимать как данность, что в существующей социально-экономической системе определенная группа людей испытывает депривацию и страдает от каких-либо лишений, то из этого вовсе не следует автоматически, будто эта группа обязательно поддержит политические партии, нацеленные на общественные перемены. Три условия облегчают такую реакцию: наличие эффективных каналов коммуникации, слабая вера в возможность индивидуальной социальной мобильности и отсутствие традиционалистской привязанности к какой-нибудь консервативной партии.

КАНАЛЫ КОММУНИКАЦИИ

Возможно, самое важное из этих условий — наличие хорошей коммуникации между людьми, у которых имеется общая проблема. Тесные личные контакты между такими лицами способствуют осознанию общности интересов, а также возможностей по использованию коллективных действий, включая политические акции, для решения общих проблем. Когда неофициальные контакты дополняются формальной организованностью в профсоюзы, фермерские объединения или классовые политические движения со всем их аппаратом

⁵⁴ J. A. Morsell, *The Political Behavior of Negroes in New York City* (Ph. D. thesis, Department of Sociology, Columbia University, 1951).

⁵⁵ S. S. Harrison, «Caste and the Andhra Communists», *American Political Science Review*, 50 (1956), pp. 378–404.

⁵⁶ R. Swearingen and P. Langer, *Red Flag in Japan: International Communism in Action, 1919–1951* (Cambridge: Harvard University Press, 1952), pp. 181–184.

⁵⁷ Bureau of Applied Social Research, *Syrian Attitudes Toward America and Russia* (New York: Columbia University, 1952), mimeographed.

администраторов, ораторов, газет и т.д., политическая осведомленность будет еще более интенсифицироваться.

Например, Пауль Лазарсфельд показал, что членство в общественных или других организациях укрепляет среди представителей верхнего и среднего классов США тенденцию голосовать за республиканцев. Аналогично среди низших социально-экономических групп «за республиканцев голосовал только 31% из числа тех, кто был членами профсоюза, но 53% из тех, кто в профсоюзе не состоял»⁵⁸. Более высокая политическая заинтересованность среди членов профсоюза и их более активное голосование за левые партии были документально зафиксированы исследованиями в целом ряде стран⁵⁹.

Мы уже обсудили наличие в разных странах нескольких профессиональных групп, которые страдают от серьезной ненадежности своих доходов и которые в основной своей массе голосуют за левые партии, — это фермеры, ориентированные на монокультуру, а также рыбаки, шахтеры, стригали овец и лесорубы. В каждой из этих групп не только существовала сильная, ярко выраженная причина для социального недовольства, но имелась также, как это было под-

⁵⁸ P. F. Lazarsfeld, B. Berelson, and H. Gaudet, *The People's Choice* (New York: Duell, Sloan & Pearce, 1944), pp. 146–147.

⁵⁹ В числе других исследований, выполненных в США, — A. Campbell, G. Gurin, and W. E. Miller, *op. cit.*, p. 73. В работе B. Berelson, P. F. Lazarsfeld и W. N. McPhee, *op. cit.*, pp. 49–52 показано, что чем сильнее люди вовлечены в деятельность союза, членами которыми они являются, тем выше вероятность того, что они станут голосовать за демократов. Это исследование показывает также подкрепляющий эффект членства в какой-либо организации на голосование за республиканцев среди представителей среднего и высшего классов. Рут Корнхаузер продемонстрировала, что зависимость между голосованием за демократов и членством в профсоюзе соблюдается во всех сообществах независимо от их размера, хотя в больших городах указанная зависимость проявляется сильнее. См.: Ruth Kornhauser, «Some Determinants of Union Membership» (mimeographed, Institute of Industrial Relations, Berkeley, 1959). В Великобритании 66% членов профсоюза в городке Дройлсден, Англия, голосовали в 1951 г. за лейбористов — по сравнению с 53% других работающих; см.: P. Campbell, D. Donnison, and A. Potter, «Voting Behavior in Droyltsden in October 1951», *Journal of the Manchester School of Economics and Social Studies*, 20 (1952), p. 63. В работе R. S. Milne and H. C. Mackenzie, *Straight Fight; A Study of Voting in the Constituency of Bristol North-East at the General Election of 1951* (London: The Hansard Society, 1954), pp. 62–64 установлена еще более сильная зависимость между членством в профсоюзе и голосованием за лейбористов; см. также: M. Bennet, A. P. Gray, and R. H. Pear, *op. cit.*, p. 112. Данные, предоставленные Канадским институтом исследования общественного мнения, указывают, что члены профсоюзов оказывают большую поддержку партии С.С.Ф. (социалистам) и коммунистам, чем рабочие, которые в них не состоят. В Германии у членов профсоюзов в два раза больше шансов поддерживать социалистическую партию, чем у тех рабочих, которые не принадлежат ни к каким добровольным ассоциациям, см.: Juan Linz, *op. cit.*, p. 215, 828–830.

робно изложено ранее, некая социальная структура, благоприятная для внутригрупповых коммуникаций и мало способствующая межклассовым коммуникациям, — «профессиональное сообщество».

Сфера услуг состоит, вообще говоря, совсем не из таких крупных профессиональных групп, а из мелких элементов, рассеянных среди зажиточного населения, которое обслуживают работники этой сферы, причем им свойственна тенденция быть не только менее активными политически, но еще и более консервативными. Такое хорошо известное явление, как недостаточность организованности и классового сознания в целом у служащих и белых воротничков, тоже может частично объясняться малым размером функциональных единиц, в которых они работают, и их рассредоточенностью среди менеджерского и иного высокоуровневого персонала⁶⁰.

Имеются два социальных фактора общего характера, которые коррелируют с голосованием за левые партии, — это размер промышленных предприятий и размер города. Мы уже отмечали наличие корреляции между размером завода или фабрики и голосованием за левых на германских выборах до 1933 г., причем этот результат повторился в западногерманском опросе 1953 г. (см. табл. VIII). Среди немецких рабочих объединенное голосование за социалистов и коммунистов увеличивалось вместе с размером заводов и иных предприятий. На предприятиях, в штате которых числилось менее десяти человек, за левых голосовали 28% рабочих; тогда как на заводах, где насчитывалось более тысячи рабочих, таким образом поступали целых 57% из них. Аналогично голосование за христианских демократов и консервативные партии было тем меньше, чем крупнее была размерная категория, к которой относился соответствующий завод или фабрика. Довольно любопытно, что доля рабочих, не отдававших предпочтения никакой конкретной партии, также уменьшалась вместе с увеличением размера промышленных предприятий, указывая как на общественное давление в пользу голосования за левых, так и просто на давление, понуждающее голосовать, причем оба эти вида давления нарастают вместе с ростом предприятий. Выполненное раньше исследование также обнаружило зависимость между общей численностью населения в городе и голосованием его жителей за левые партии⁶¹.

⁶⁰ C. Dreyfuss, «Prestige Grading: A Mechanism of Control», в сб.: R. K. Merton, *et al.*, eds, *Reader in Bureaucracy* (Glencoe: The Free Press, 1952), pp. 258–264.

⁶¹ S. Pratt, *op. cit.*, Chap. 3.

Более позднее германское исследование (1955) показало, что среди мужчин голосование за левые партии увеличивалось вместе с размером города в каждой профессиональной группе за исключением той, что охватывала рантье и лиц, живущих на собственные средства. Но самым большим такое увеличение было среди рабочих, занятых ручным трудом (см. табл. VIII)⁶². Похожие результаты дает анализ итогов особых выборов в рабочие советы, проходивших в Италии в 1954 и 1955 гг. Чем крупнее город и крупнее завод или фабрика, тем больше голосов получала на таких выборах в рабочие советы контролируемая коммунистами Всеобщая итальянская конфедерация труда (C.G.I.L.). Эта коммунистическая профсоюзная конфедерация обеспечивала себе 60% голосов в городах с населением меньше 40 тыс. человек и 75% в городах с населением свыше миллиона. Та же самая картина имела место при сравнении силы профсоюза с размером фабрики или завода для всей страны и даже в рамках большинства конкретных отраслей промышленности. Например, в текстильной отрасли контролируемый коммунистами профсоюз обеспечил себе 29% голосов на предприятиях, где работало 50–100 человек (это наименьший размер, о котором сообщалось применительно к данной сфере промышленности), и 79% — на фабриках с численностью работающих свыше 2000 человек⁶³.

⁶² См. также: Juan Linz, *op. cit.*, pp. 347 и далее. В больших городах и мужчины, и женщины, и рабочие-мужчины на каждом уровне квалификации демонстрировали более левые взгляды.

⁶³ Подробные статистические разбиения по определенным городам и предприятиям см. в: *L'Avanzata della C.I.S.L., nolle commissioni interne* (Rome: Confederazione Italiana Sindacati Lavoratori, 1955), pp. 46–95. Этот отчет был подготовлен другой профсоюзной конфедерацией — антикоммунистической. Категории, по которым приводятся данные и которые определяются размерами предприятий для каждой отрасли промышленности, изменяются от отрасли к отрасли, так что оказалось невозможным объединить все данные с целью получить всеобъемлющую статистику. Различия носят, однако, систематический и единообразный характер, но указанный отчет в любом случае не дает полного набора итоговых сведений для всей страны. В проводившихся доверительным фондом Acton Society Trust исследованиях целого ряда британских предприятий сообщалось о «беспорных зависимостях... между размером предприятия и количеством отпусков по болезни; между размером предприятия и числом несчастных случаев...», а также приводились разнообразные другие индексы морального состояния работающих. См.: Acton Society Trust, *Size and Morale* (London: 1953); *The Worker's Point of View* (London: 1953); and *Size and Morale, II* (London: 1957). О сопоставимых отчасти американских результатах сообщается в работе Sherrill Cleland, *The Influence of Plant Size on Industrial Relations* (Princeton: Princeton University Press, 1955).

Таблица VIII

**Доля мужчин-рабочих, голосовавших за различные партии,
по размеру городов и размеру предприятий**

Германия, 1955 г., %*

<i>Размер города, чел.</i>	<i>Доля голосовавших за социалистов и коммунистов</i>	(N)
Менее 2000	43	(453)
2000–10 000	46	(587)
10 000–100 000	51	(526)
Больше 100 000	54	(862)

Германия, 1953 г.**

<i>Выбор партии</i>	<i>Размер предприятия</i>				
	<i>До 10 рабочих</i>	<i>10–49 рабочих</i>	<i>50–299 рабочих</i>	<i>300–999 рабочих</i>	<i>Свыше 1000 рабочих</i>
Социалисты и коммунисты ^{§§§}	28	40	45	45	57
Христианские демократы	22	20	18	22	15
Буржуазные партии	21	16	13	7	5
Никакая партия	26	22	23	22	15
Итого	97	98	99	96	92
(N)	(134)	(116)	(163)	(124)	(130)

* E.M.N.I.D., *Zur Resonanz der Parteien bei Männer und Frauen in den Soziologischen Gruppen* (Bielefeld: mimeographed, no date), p. 4.

** Вычислено автором на основании перфокарт, предоставленных Институтом ЮНЕСКО в Кёльне, Германия.

*** Доля коммунистов составляет меньше 2%.

Туже зависимость между размером сообщества и выбором той или иной партии можно обнаружить во Франции, Австралии и США⁶⁴.

⁶⁴ R. Centers, *op. cit.*, pp. 58, 185–90; P. Ennis, «Contextual Factors in Voting Decisions», в сб.: W. N. McPhee, ed., *Progress Report of the 1950 Congressional Voting Study* (New York: Bureau of Applied Social Research, Columbia University, 1952, mimeographed). Леон Эрштейн демонстрирует, что на выборах губернатора Висконсина голосование за демократов последовательно увеличивалось вместе с размером города, см.: Leon Epstein, «Size of Place and the Division of the Two-Party Vote in Wisconsin», *Western Political Quarterly*, 9 (1956), p. 141. В статье N. A. Masters and D. S. Wright, «Trends and Variations in the Two-Party Vote: The Case of Michigan», *American Political Science Review*,

Опрос общественного мнения, проведенный австралийским Институтом Гэллага, изолирует ответы тех, кто живет в шахтерских и горно-промышленных общинах, от ответов людей, которые проживают в других небольших сообществах, и при этом, как и можно было прогнозировать, обнаруживается, что «изолированные» шахтеры и горняки с меньшей вероятностью поддерживают партии, базирующиеся на среднем классе, чем рабочие из больших городов, занятые ручным трудом (см. табл. IX). Далее, эти австралийские данные показывают, что, хотя квалифицированные рабочие с меньшей вероятностью голосовали за лейбористов, чем полу- и неквалифицированные рабочие, обе названные группы энергичнее голосовали за лейбористов в крупных городах, чем в маленьких.

Таблица IX

Размер сообщества и партийные предпочтения рабочих в Австралии, 1955 г.*

Выбор партии	Размер сообщества					
	Крупные города		Малые города		Горнорудные общины**	
	Квалифицированные рабочие	Полу- и неквалифицированные рабочие	Квалифицированные рабочие	Полу- и неквалифицированные рабочие	Квалифицированные рабочие	Полу- и неквалифицированные рабочие
Либералы	35	19	44	29	15	17
Лейбористы	64	81	56	71	77	83
Итого	99	100	100	100	92***	100
(N)	(333)	(241)	(96)	(107)	(13)	(6)

* Рассчитано на основании перфокарт с данными опроса о выборах 1955 г., проводившегося австралийским Институтом Гэллага по опросам общественного мнения, которые были любезно предоставлены автору для дальнейшего анализа.

** Число случаев, конечно же, слишком мало, чтобы делать какие бы то ни было выводы на основании одной выборки, но предыдущие опросы показывают вполне сравнимые результаты. Например, опрос электората в связи с выборами 1951 г. указывает, что 12 из 13 работников физического труда, проживавших в небольших шахтерских городах, были избирателями лейбористов.

*** Один респондент предпочел одну из мелких партий.

52 (1958), p. 1088 показывается, что, хотя в маленьких городах у рабочих отчетливо меньшая склонность голосовать за демократов, чем в больших, у лиц, принадлежащих к группе менеджеров и вообще руководства, наблюдается тенденция голосовать за республиканцев в одной и той же степени независимо от размера города, в котором они проживают.

Во всех этих случаях довольно существенную роль может играть фактор коммуникаций. Крупный завод содействует более высокому уровню внутриклассовой коммуникации и ограничивает возможности личного контакта с людьми, находящимися на более высоких экономических уровнях. В больших городах социальное взаимодействие также с большей вероятностью будет происходить внутри экономических классов. В определенных случаях рабочие районы больших городов были настолько всесторонне охвачены и организованы различными политическими движениями рабочего класса, что населяющие их трудящиеся живут в своем собственном виртуальном мире, и именно в таких центрах концентрации проживающие там рабочие с максимальным единодушием поддерживают левых кандидатов, а также, как мы уже видели, голосуют наиболее энергично.

ВЕРА В ВОЗМОЖНОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Вместо того чтобы предпринимать политические акции, некоторые из недовольных людей пытаются улучшить свой жребий в рамках существующей экономической системы, пробивая себе путь вверх по лестнице успеха. Если такая возможность выглядит реально существующей, то произойдет соответствующее сокращение коллективных усилий, направленных на общественные изменения, в том числе таких, как оказание поддержки профсоюзам и левым партиям.

Именно так в течение долгого времени звучало предлагавшееся специалистами главное объяснение того факта, что у американских рабочих наблюдается тенденция голосовать за реформистские партии, ориентированные на мягкое переустройство, в то время как европейские рабочие обычно голосуют за социалистов или коммунистов. Предположительно американский рабочий, живя в открытом классовом обществе* с энергично развивающейся экономикой, которая непрерывно создает новые рабочие места на уровне выше ручного труда, будет, по-видимому, с большей вероятностью верить в индивидуальные возможности роста. Его европейские собратья, принимая как данность образ тамошнего закрытого классового общества, которое даже не претендует на то, чтобы предлагать рабочему человеку шанс продвинуться выше, принуждены действовать коллективно, чтобы добиваться общественных изменений таким путем. Хотя эти стереотипы по поводу относительной интенсивности социальной мобильности в Европе и Америке на самом деле далеко

* Так в социологии называется тип социальной структуры, предоставляющий индивидам существенные возможности для горизонтальной и вертикальной мобильности. — *Прим. перев.*

не в полной мере соответствуют действительности, их принятие жителями вполне может влиять на голосование⁶⁵.

К сожалению, дать такому объяснению точное статистическое подтверждение нелегко, поскольку европейское и американское общества различаются в очень многих других аспектах. В Америке рабочий класс в целом поднялся — благодаря значительному и долгосрочному увеличению реальной заработной платы — до положения, которое в других странах назвали бы «средним классом». Есть по-настоящему много свидетельств того, что американские рабочие верят в индивидуальные возможности; и различные опросы обнаруживают приблизительно половину рабочих, говорящих, что у них имеется «хороший шанс для личного роста в предстоящие годы»⁶⁶. Исследование, проведенное в Чикаго в 1937 г., т.е. еще в течение Великой депрессии, установило следующее: не меньше 85–90% членов каждой экономической группы были убеждены, что у их *детей* существует хороший шанс стать более обеспеченными в экономическом отношении⁶⁷. Самые свежие данные указывают на то, что *фактическая* социальная мобильность в Европе столь же высока, как и в США, но *вера* в мобильность отличается. Да и вообще, относительно высокая степень фактической социальной мобильности представляется характерной для всех индустриальных обществ.

Два фактора воздействуют на эту различающуюся *веру* в мобильность: во-первых, разница между США и Западной Европой в суммарном национальном доходе и его распределении; во-вторых, у американского и европейского высшего класса разные системы ценностей. Как я выразился на этот счет в другом месте: «В Америке доход у каждого класса настолько выше и разрыв между образом жизни разных социальных классов настолько более узок, что в результате

⁶⁵ Недавние обзоры литературы, равно как и исследования по вопросам мобильности в разных странах установили, что итоговая вертикальная мобильность (продвижение от занятий и профессий низшего или рабочего класса к занятиям и профессиям, не связанным с ручным трудом или характеризующимся более высоким престижем) в США (где она охватывала 30% населения) не отличалась сколько-нибудь существенно от показателей большинства других относительно развитых стран. В них значения этого показателя таковы: Германия — 31%; Швеция — 29%; Япония — 27%; Франция — 27%; Дания — 31%; Великобритания — 29%. Немного ниже было его значение в Швейцарии (23%), а на самом низком уровне в Западной Европе находилась в этом смысле Италия — 16%. Подробно об указанных исследованиях сообщается в работе S. M. Lipset и R. Bendix, *op. cit.*, глава II.

⁶⁶ E. Roper, «Fortune Survey: A Self-Portrait of the American People», *Fortune*, 35 (1947), pp. 5–16.

⁶⁷ A. W. Kornhauser, «Analysis of Class Structure of Contemporary American Society», в сб.: G. W. Hartmann and T. M. Newcomb, eds., *Industrial Conflict* (New York: The Cordon Co., 1939), pp. 199–264.

269 здесь к тому эгалитарному обществу, которое предвидят апологеты высокой социальной мобильности, приблизились намного сильнее, нежели в Европе. Хотя европейцы поднимаются по профессиональной лестнице столь же часто, как это делаем мы, заметный контраст между образами жизни разных классов у нас и в Европе продолжает существовать. Так, в США автомобили имеются и у рабочих, и у представителей среднего класса, в то время как в Европе приобрести автомашину в состоянии только средний класс»⁶⁸.

Но и заметно расходящиеся между собой системы ценностей тоже играют здесь роль, поскольку американский и европейский высшие классы резко отличаются друг от друга по своим концепциям эгалитаризма. Успешный американский бизнесмен гордо тиражирует миф «из отрепья – в богачи». Фактические различия в статусе и власти обосновываются в США как вознаграждение за продемонстрированные способности. В Европе многие представители высшего класса все еще придерживаются аристократических ценностей, а также модели наследуемых привилегий и положения, вследствие чего европейский консерватор желает минимизировать степень социальной мобильности.

Принимая во внимание намного более широкое несоответствие в стилях потребления между европейскими средним и рабочим классами, с одной стороны, и американскими – с другой, можно было бы ожидать, что продвигающийся вверх мобильный европейский выходец из рабочего класса должен испытывать несколько большие трудности в адаптации к своему более высокому статусу, а также ощущать более предвзятое отношение к себе и даже нечто вроде дискриминации, чем его американский двойник, во многом напоминая успешно пробившегося вверх мобильного негра или представителя другого этнического меньшинства в Америке, который сравнивает себя с коренным белым протестантом. Те компаративные материалы, где рассматривается воздействие мобильности на выбор партии при голосовании, фактически вполне совместимы с гипотезой, что европейцы остаются в большей мере неудовлетворенными новым статусом или сохраняют больше связей со своим предшествующим статусом. Опросы в пяти европейских странах: Швеции, Финляндии, Германии, Норвегии и Великобритании – установили, что продвинувшиеся вверх мобильные европейцы с большей вероятностью будут голосовать за левые партии, чем их соотечественники, которые родились в семьях среднего класса, в то время как в США три

⁶⁸ S. M. Lipset and Natalie Rogoff, «Class and Opportunity in Europe and the United States», *Commentary*, 18 (1954), pp. 562–568.

различных исследования опросного типа сообщают, что продвинувшиеся вверх мобильные американцы более консервативны (поддерживают республиканцев), чем те, кто вырос и воспитывался в семьях среднего класса⁶⁹. Некоторые признаки того, что способность приспособливаться к культурному стилю того класса, в который человек перемещается, каким-то образом связана с политическими взглядами, просматриваются в шведских данных, указывающих, что мужчины, занятые умственным трудом и поднявшиеся из рабочего класса, продолжают голосовать за левую партию, если только они не изменили свой стиль потребления (что символизируется в табл. X наличием автомобиля). И наоборот, среди людей, которые все еще продолжают оставаться в составе того класса, где прошли их детство и ранняя юность, изменения в стиле потребления, как представляется, не имеют никакого отношения к выбору, который они делают при голосовании.

Американской версией этого различия в «стилях потребления» может быть переезд в пригород, и несколько исследований показали разницу в политическом поведении людей более низкого статуса, которые совершили такое переселение. Повторный анализ электорального опроса 1952 г., проводившийся Исследовательским центром опросов в Мичигане (и подвергнутый комплексному анализу в сборнике *The Voter Decides* [«Избиратель решает»]) под углом различий между предместьем и городом, обнаружил, что в партийных привязанностях действительно происходили такие изменения, которые нельзя было бы объяснить просто как результат перемещения и без того уже консервативных людей в пригород. Обе гипотезы, выдвинутые авторами вышеуказанного исследования, совместимы с предложенным здесь тезисом о воздействии социальной мобильности на представителей низшего класса. Является ли критически важным фактором самостоятельный свободный выбор (подразумевающий, что новые жители пригорода появились в нем благодаря восходящей мобильности и теперь обеспокоены необходимостью социализироваться в более высокостатусном окружении, а это означает, что надо голосовать за республиканцев) или же более консервативное голосование объясняется тем обстоятельством, что «переселенцы» подверглись воздействию своего нового, более республи-

⁶⁹ Подробный отчет о политических последствиях социальной мобильности см. в: S. M. Lipset and Hans Zetterberg, *op. cit.*, pp. 64–67. Данные, указывающие, что в Англии зависимость между восходящей мобильностью и выбором при голосовании похожа скорее на ту, которая имеет место в других европейских странах, чем в США, можно найти в работе R. S. Milne и H. C. Mackenzie, *op. cit.*, p. 58.

кански настроенного окружения — друзей и соседей, — но в любом случае данные показывают, что мобильность такого рода порождает более высокий уровень голосования за республиканцев со стороны избирателей, которые ранее поддерживали демократов⁷⁰. Если занятие или профессия оставались неизменными, то в пригородах среди 271 профессий как «среднего», так и «высокого» статуса было значительно больше случаев голосования за республиканцев⁷¹.

Таблица X

Зависимость между социальным происхождением, моделями потребления и электоральным поведением среди мужчин в Швеции*

	Ручной труд, из рабочей семьи		Умственный труд, из рабочей семьи		Умственный труд, из нерабочей семьи	
	Без автомобиля	С автомобилем	Без автомобиля	С автомобилем	Без автомобиля	С автомобилем
Несоциалисты	15	14	38	74	79	83
Социалисты	85	86	63	26	21	17
(N)	(221)	(72)	(78)	(55)	(170)	(145)

* H. L. Zetterberg, «Overages Erlander», *Vecko-Journalen*, 48 (1957), pp. 18, 36. Воспроизведено в: S. M. Lipset and Reinhard Bendix, *Social Mobility in Industrial Society*, p. 68.

⁷⁰ См.: Fred I. Greenstein and Raymond E. Wolfinger, «The Suburbs and Shifting Party Loyalties», *Public Opinion Quarterly*, 22 (1958), pp. 473–483. Другое исследование, которое оперировало с одним городом, а не с целой страной, обнаружило в пригороде небольшого промышленного города Каламазу, штат Мичиган, совсем немного политических изменений, и его авторы пришли к заключению, что эффект пригорода явно завывшался в более ранних исследованиях. Однако же, как показывают их данные, конкретный пригород, от которого они отталкивались в своей интерпретации, был далек от того типичного, застроенного стандартными домиками и относительно дешевого пригорода, который привлекает покупателя с низким доходом, стремящегося улучшить будущее для самого себя и своей семьи. Здесь же, в Каламазу, у большинства домов были высокие для этого района цены, 83% респондентов голосовали в 1956 г. за республиканца Эйзенхауэра и 85% принадлежали к протестантам. Неудивительно, что в районе вроде этого, где почти каждый уже и без того поддерживал республиканцев, воздействие мобильности на политический выбор не должно было наблюдаться. Отчет об этом исследовании см. в: Jerome G. Manis and Leo C. Stine, «Suburban Residence and Political Behavior», *Public Opinion Quarterly*, 22 (1958), pp. 483–490.

⁷¹ Политическое воздействие пригорода обсуждается в работах Samuel Lubell, *The Revolt of the Moderates* (New York: Harper & Bros., 1956) и William H. Whyte, *The Organization Man* (New York: Simon and Schuster, 1956). Автор первой из них тоже считает наблюдающийся в городах тренд повышенного голосования за республиканцев частью общих социальных тенденций, никак не ограниченных предместьями.

В то время как в большинстве дискуссий о воздействии мобильности на политические и общественные системы подчеркиваются предполагаемые последствия различных темпов и уровней восходящей мобильности, значительное число свидетельств указывает на то, что в заметной степени существует и нисходящее перемещение от одного поколения к другому, причем оно наблюдается в каждом современном индустриальном обществе — иными словами, высокое положение отца никак не гарантирует аналогичного положения для его детей. И совсем свежие американские данные действительно показывают, что фактически примерно одна треть сыновей дипломированных специалистов или «полуспециалистов», а также собственников, менеджеров и чиновников, т.е. людей самых привилегированных занятий и профессий, являются работниками физического труда⁷². Аналогично в большинстве обществ имеет место обширное перемещение из сельских районов в городские, значительная доля участников которого помогает заполнять ряды тех, кто занимается ручным трудом.

Такие довольно интенсивные перемещения в ряды промышленного пролетариата представляют собой один из главных источников консервативных политических взглядов в составе рабочего класса. В каждой стране, для которой доступны соответствующие данные: Германии, Финляндии, Великобритании, Швеции, Норвегии и США, рабочие, чьи родители принадлежали к среднему классу, будут голосовать за консервативные партии с намного большей вероятностью, чем рабочие, отцы которых тоже относятся к рабочему классу. Выходцы из сельских регионов также относительно более консервативны. Указанное отличие становится еще более выпуклым, если сравнивать изменения в прошлом семейном багаже на протяжении трех поколений. В Германии опрос 1953 г. установил, что 75% рабочих, дедушки которых были рабочими, голосовали за социалистов или коммунистов, но только 24% рабочих, чей отец был выходцем из среднего класса, поступали таким образом⁷³. В Финляндии похожее исследование 1948 г. показало, что 82% рабочих, отец и родители отца которых были рабочими, голосовали за левые партии, — по сравнению с 67% тех, кто был выходцем из сельской местности, и 42% тех, чьи родители принадлежали к среднему классу.

Учитывая внушительную социальную мобильность во всех индустриальных обществах, самым, возможно, важным ее воздейст-

⁷² S. M. Lipset and R. Bendix, *op. cit.*, pp. 87–91.

⁷³ Данные вычислены на основании материалов, предоставленных Институтом ЮНЕСКО в Кельне, Германия.

273 вием на политическую жизнь, которое необходимо отметить, заключается в том, что основная масса социально мобильных лиц, причем независимо от того, является ли направление мобильности восходящим или нисходящим, голосует за более консервативные партии. В Германии, где в 1953 г. более трех четвертей работников физического труда, чьи родители принадлежали к среднему классу, голосовали за несоциалистические партии, почти 70% из числа тех работников умственного труда, семейное прошлое которых восходило к рабочему классу, тоже высказывались за партии среднего класса. Аналогично в Финляндии две трети рабочих родом из среднего класса оставались лояльными к партиям, не находящимся на левом фланге политического спектра, в то время как среди тех, кто из рабочей семьи поднялся до среднего класса, за социалистов либо коммунистов голосовали меньше четверти⁷⁴. Эти результаты иллюстрируют всепроникающее влияние контактов с лицами более высокого статуса на установки и поведение. Люди, подвергающиеся перекрестному давлению и разрывающиеся между политическими ценностями, которые гармонируют с более высоким и более низким статусами в результате их пребывания в обоих соответствующих положениях, с намного большей вероятностью решат этот конфликт в пользу первого.

Традиционализм

Один из самых поразительных случаев отклонения от левого голосования внутри группы с низкими доходами представляют собой некоторые относительно бедные и экономически недостаточно развитые регионы, которые регулярно голосуют за консервативных кандидатов. Такие территории обнаруживаются в южных штатах США, в Южной Италии⁷⁵, в канадском Квебеке, на Шотландском нагорье в Великобритании и на западе Норвегии. Картину политической жизни таких регионов можно резюмировать в утверждении «у каждой страны есть свой Юг». В политической жизни всех этих территорий присутствует особый региональный аромат, который отделяет их от основных линий политического разделения внутри

⁷⁴ Данные предоставлены д-ром Эриком Аллардтом из Хельсинкского университета и основаны на двух опросах, проводившихся финским центром опросов общественного мнения в составе Института Гэллапа. Как о германских, так и о финских исследованиях более подробно см. в: Lipset and Bendix, *op. cit.*, pp. 69–71.

⁷⁵ G. Schepis, «Sociologia elettorales della Sicilia», *Revista italiana di economia demografica a statistica*, 4 (1950), No. 3–4, pp. 491–498.

данной страны и иногда порождает региональные или сепаратистские партии⁷⁶.

Одно очевидное объяснение, уже обсуждавшееся выше, состоит в следующем: бедность может быть настолько экстремальной, что она препятствует любой эффективной организованности и разрушает всякую надежду когда-нибудь стать более обеспеченным. Экстремальное невежество и неграмотность сильно затрудняют не только коммуникацию, но и понимание любой политической программы. Люди, полностью занятые ежедневным решением задачи элементарного выживания, не располагают ни малейшим излишком времени и энергии, чтобы инвестировать эти резервы в некие долговременные предприятия, имеющие целью улучшить их положение посредством какого-нибудь политического действия⁷⁷. Лица этого типа могут также быть слишком беспомощными, чтобы противостоять экономическому давлению или грубому насилию, используемому против них местными привилегированными классами. Так, фермеры-арендаторы и сельскохозяйственные рабочие в США никогда не были в состоянии построить эффективные экономические и политические организации — даже в тех случаях, когда они получали благожелательную помощь от правительственных агентств вроде Администрации по защите фермерских хозяйств, действовавшей в рамках программы Нового курса.

Однако самым мощным средством для сдерживания левых политических действий, которые могут предпринять обедневшие рабочие и крестьяне отсталых областей, является тот факт, что их умы находятся во власти «традиционалистских» ценностей — смиренной покорности традиционному образу и уровню жизни, а также лояльности по отношению к «власть имущим». В подобных регионах социальная структура остается до некоторой степени такой же, какой она была перед наступлением эпохи капитализма и экономики свободного рынка. Наличие богатых и бедных трактуется скорее как естественный порядок вещей и подкрепляется личной, семейной и локальной лояльностью к сложившейся системе отношений, а не рассматривается как продукт безличных экономических и социаль-

⁷⁶ R. V. Burks, «Catholic Parties in Latin Europe», *Journal of Modern History*, 24 (1952), pp. 260–286. Даже в Швеции, где региональные партии неизвестны, на протяжении многих десятилетий региональные различия сохранялись, причем «партии левой ориентации... сильнее на севере страны, а правые партии сильнее на юге», Dankwart A. Rustow, *The Politics of Compromise* (Princeton: Princeton University Press, 1955), pp. 136–137.

⁷⁷ Обсуждение ситуации в Южной Италии см. в: Edward Banfield, *The Moral Basis of a Backward Society* (Glencoe: The Free Press, 1958).

ных сил, которые можно изменить посредством политических действий. В то же время бедный крестьянин или рабочий играет какую-то роль, которая имеет очевидные смысл и ценность, и он извлекает вознаграждение из стабильных личных взаимоотношений и церемониальных действий, охватывающих все сообщество в целом. Религиозная вера в таких местах, как правило, сильна и поддерживает статус-кво⁷⁸.

И напротив, положение ориентированного на рынок фермера или городского рабочего, функционирующего в рационализированной рыночной экономике, не предлагает никакой стабильной структуры взаимоотношений такого рода. Личные отношения и местные институты, которые когда-то вознаграждали лояльность и наказывали отклонение от традиционных убеждений, оказались сметеными, и теперь стали поощряться устремления к исправлению и улучшению экономической ситуации. Деятельность железнодорожной корпорации или зернового элеватора не защищена никаким фактором той вековой легитимности, которая освящает власть какого-нибудь семейства крупных землевладельцев. Фермер, ведущий товарное хозяйство и работающий на рынок, волен отреагировать на собственную фрустрацию воинственной поддержкой партий, которые отдадут предпочтение общественным и социальным переменам.

Возвращаясь, однако, назад, вспомним, как аграрные регионы вспыхивали иногда пламенем бунтов и восстаний, причем, оказавшись однажды выбитыми из колеи и вырвавшись из клетки почти автоматического приятия традиционных ценностей, они могут качнуться в сторону самых радикальных крайностей. Даже на консервативном американском Юге 1890-е годы видели взрывной рост радикального популизма, который мобилизовал в сельской глубинке немалую часть самых бедных фермеров, причем как белых, так и негров. Это электоральное восстание потерпело неудачу и исчезло, практически не оставив следа. На обедневшем до предела итальянском Юге были непропорционально сильны коммунисты и неофашисты⁷⁹. Две самые резкие и решительные политические трансформации нашего времени, русская и китайская коммунистические революции, имели место в странах с почти повсеместно отсталой и традиционалистской сельской социальной структурой.

На самом деле нам мало что известно об условиях, при которых отсталый регион может внезапно претерпеть полную трансформацию

⁷⁸ A. Siegfried, *Tableau politique de la France de l'ouest sous la troisième république*, op. cit.

⁷⁹ Department of State, United States Division of Research for Europe, *A Statistical Analysis of the Italian Election Results* (Washington, 1948). См. обсуждение Италии в главе 5.

и перейти с одного конца политического спектра на противоположный. Исследования политических установок на Ближнем Востоке говорят о том, что важную роль могут играть поступающие извне коммуникации, создавая недовольство и навязывая пример американской или российской утопии, в условиях которой самые обычные рабочие или фермеры (крестьяне) хорошо живут и вполне благополучны⁸⁰. Но в сегодняшнем мире проблема политического поведения в отсталых частях планеты является с точки зрения защитников политической и социальной демократии одной из самых важных, трудных и озадачивающих. Значительная часть «свободного мира» и особенно стран, граничащих с советской сферой, состоит только из таких регионов.

Традиционализм может помочь в объяснении большего консерватизма женщин, особенно в Европе, который уже отмечался ранее. Женщины обычно находятся под более сильным влиянием традиционных религиозных верований, нацеленных на поддержание существующего общественного порядка⁸¹. Прямые свидетельства этого были найдены при опросах общественного мнения, проводившихся во Франции: 47 тамошних женщин сказали, что, решая, каким образом им голосовать, они уделяют позиции церкви «много» или «мало» внимания, — по сравнению со всего лишь 33% мужчин⁸². Большой консерватизм рабочих в маленьких городках также может отражать остатки традиционалистских установок и взаимоотношений.

Усилия по объяснению вариаций в электоральном поведении различных групп посредством указания на различные аспекты классовой структуры в разных обществах повлекли за собой дискуссию по поводу целого ряда факторов, многие из которых работают одновременно. Очевидно, что объяснение поведения любой отдельно взятой группы требует рассмотрения всей картины в целом, и при обсуждении каждого фактора по отдельности, пожалуй, трудно сразу увидеть работу всех переменных для любой конкретной группы вроде шахтеров, поведение которых неоднократно цитировалось с целью проиллюстрировать функционирование различных факторов. В табл. XI указываются некоторые способы объединения различных множеств переменных с целью сформировать модель в отдельных группах.

⁸⁰ Daniel Lerner, *The Passing of Traditional Society* (Glencoe: The Free Press, 1958).

⁸¹ Tingsten, *Political Behavior: Studies in Election Statistics*, Stockholm Economic Studies, No. 7 (London: P. S. King, 1937), pp. 42–45; резюме свидетельств о влиянии гендерной принадлежности и религиозности см. в: Michael Argyle, *op. cit.*, pp. 71–79.

⁸² French Institute of Public Opinion, «La vérité sur la pratiques et les sentiments religieux des Français», *Réalités*, 32 (1952), pp. 36–44. См. также: «La France est-elle encore Catholique?» *Sondages*, 14 (1952), No. 4.

Таблица XI

Объясняющие факторы, связанные с исходными статистическими закономерностями в голосовании внутри групп с низкими доходами
 Виды депривации: *Содествующие условия.*

	Неадекватный доход	Работа, не приносящая удовлетворения	Низкий престиж статуса	Хорошие условия коммуникации	Низкие ожидания в отношении мобильности	Отсутствие традиционализма	Голосование за левых
Рабочие на:							
крупных заводах	+	+	+	+	+	+	Высокое
небольших заводах	+	-	+	-		-	Низкое
Рабочие в:							
крупных городах				+		+	Высокое
малых городах				-		-	Низкое
Рабочие в:							
Европе				+		+	Высокое
США				-		-	Низкое
Работники физического труда				+			Высокое
Белье воротнички				+			Высокое
Меньшинство				-			Низкое
Большинство				+			Высокое
Фермеры, работающие для рынка, рыбаки	+	-		+		+	Высокое
Местный рынок, владельцы нетоварных ферм	-	-				-	Низкое
Шахтеры, лесорубы	+	+	+	+	+	+	Высокое
Прислуга, работники сферы обслуживания				-		-	Низкое
Экономически развитые области	+					+	Высокое
Отсталые области	-					-	Низкое
Мужчины				+		+	Высокое
Женщины				-		-	Низкое

ПРИМЕЧАНИЕ: Знаки «плюс» указывают на факторы, благоприятствующие голосованию за левых среди низших классов.

Хотя кажется очевидным, что большинство структурных факторов, определяющих выбор той или иной партии в современном обществе, могут рассматриваться как аспекты существующей системы стратификации, на самом деле есть, разумеется, много других социальных переменных, которые взаимодействуют с классовой принадлежностью и политическими взглядами. В следующей главе продолжается обсуждение условий демократического порядка; это достигается посредством анализа одной из важных детерминант электорального поведения — вариаций в опыте разных поколений, а также посредством рассмотрения связанного с этим вопроса об исторических изменениях в моделях голосования.

ГЛАВА 8

ВЫБОРЫ: ВЫРАЖЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ — НЕПРЕРЫВНОСТЬ И ИЗМЕНЕНИЯ

Поколения и политическое поведение

279

Все опросы на тему электорального выбора сообщают о том, что разные возрастные подгруппы внутри определенных имущественных, образовательных, религиозных или этнических групп характеризуются важными отличиями в своих политических симпатиях. Разные возрастные диапазоны неявно подразумевают вариабельность жизненного опыта и пережитых событий, а потому возраст воздействует на политическое поведение левой или правой направленности по меньшей мере двумя способами: через поколенческие различия (причем здесь критически важен опыт событий, имевших место в юности, которые иногда формируют политическое мировоззрение целой возрастной группы) и через различия в типичных моделях социального опыта, связанного с разными возрастными этапами: юностью, зрелостью и старостью. Можно привести много проявлений такой более или менее существенной вариабельности. Для средних классов, например, возраст в значительной степени коррелирует с карьерой. Это означает, что чем старше человек (до определенного возраста), тем с большей вероятностью он должен продвинуться вверх в своем социально-экономическом положении. Возраст может также отражать другие вариации статуса — к примеру, говорить о том, является ли человек основным или дополнительным кормильцем в семье и можно ли его связать с членством в группах разных типов или же с более видным либо, напротив, уязвимым положением в экономической структуре¹.

¹ Обсуждение возрастных различий см. в: Robert E. Lane, *Political Life* (Glencoe: The Free Press, 1959), pp. 216–219; и Herbert H. Hyman, *Political Socialization* (Glencoe: The Free Press, 1959), *passim*. Последняя книга — лучшее американское рассмотрение вопроса о формировании поколений в политике.

Применительно к догитлеровской Германии целый ряд немецких социологов предполагали, что для объяснения политического поведения следует добавить к таким структурным категориям, как класс или этническая группа, еще и концепцию «поколение»². Они выдвигали при этом аргумент, что точно так же, как установки разных людей различаются вследствие разных позиций, занимаемых в стратификационной иерархии, люди различаются и в результате их принадлежности к разным поколениям. Карл Манхейм, ведущий сторонник и истолкователь этой концепции, подчеркивал, что суммарный опыт событий, переживаемых на заданном временном отрезке, — по его мнению, определяющими являются в этом смысле позднее отрочество (подростковый возраст) и ранняя юность — создает общую систему взглядов и ценностной ориентации, в рамках которой люди из одной и той же возрастной группы склонны рассматривать весь свой последующий политический опыт.

Такая точка зрения предполагает, что та эталонная система политической ориентации, в терминах которой человек впервые начинает серьезно размышлять о политической проблематике, может оставаться для него в силе на всю остальную часть жизни. Таким образом, Манхейм и другие пытаются более или менее аргументированно доказать, что для понимания базовых ценностей, лежащих в основе подхода тех группировок среднего возраста, которые доминируют в политической жизни любого конкретного общества, нужно возвратиться к истокам и изучить политический климат и проблемы, существовавшие в тот период, когда эти люди были молоды.

Такая сфокусированность на специфическом политическом окружении в годы позднего отрочества фактически представляет собой социологический двойник психологической озабоченности жизненным циклом. Видный немецкий психолог Эдуард Шпрангер осознал наличие этой проблемы и положил начало дальнейшему обсуждению политических взглядов в отрочестве и подростковом возрасте, подчеркнув, что «в юношеские годы политическая позиция изменяется вместе с определенными историческими обстоятельствами»³.

² K. Mannheim, «The Sociological Problem of Generations», в сб.: P. Kecskemeti, ed., *Essays on the Sociology of Knowledge* (New York: Oxford University Press, 1952), pp. 276–322; R. Behrendt, «Die öffentliche Meinung und das Generationsproblem», *Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie*, 11 (1932), pp. 290–309; Sigmund Neumann, «The Conflict of Generations in Contemporary Europe», *Vital Speeches*, 5 (1939), pp. 623–628; Sigmund Neumann, *Permanent Revolution* (New York: Harper & Bros., 1942); Rudolf Heberle, *Social Movements* (New York: Appleton-Century-Crofts, 1951), Chap. 6.

³ Edward Spranger, *Psychologie des Jugendalters* (Leipzig: Quelle und Meyer, 1925), p. 212. (См.: Э. Шпрангер. Психология юношеского возраста. М.; Л.: Литература, 1931).

К сожалению, не предпринималось никаких попыток систематически изучить воздействие поколенческого опыта с привлечением современных методов опросных обследований. Артур Дикс, специалист по немецкому обществу в догитлеровский период, реально занимался представлением в табличной форме разных типов данных, которые были бы необходимы для такого исследования. Он разбил немецкий электорат 1930 г. на возрастные группы, и для каждой из них представил данные о политическом климате, сопутствовавшем первым выборам, в которых участвовали ее члены. Отталкиваясь от этих данных, А. Дикс сделал предположения относительно роли, которую эти достаточно давние события сыграли в политических перипетиях 1930-х годов⁴. И возрастной состав, и жизненный опыт членов нацистской и социалистической партий, о которых сообщалось в то время, скорее подтверждали некоторые из гипотез о роли разных поколений в германском обществе⁵.

Американские исследования также иллюстрируют полезность концепции поколения. В своем исследовании голосования негритянского населения Гарлема в 1944 г. социолог Джон Морселл обнаружил, что 82% негров в возрасте менее сорока четырех лет голосовали за Ф. Рузвельта – по сравнению с 59% из числа тех, кто перешагнул этот возраст. Многие из негров старших возрастов, возможно, все еще реагировали на образ Республиканской партии как партии Авраама Линкольна⁶.

Панельные исследования американских выборов 1940, 1944 и 1948 гг. показали, что более молодые католики с большей вероятностью голосовали за республиканцев, чем их старшие единоверцы, в то время как более молодые из протестантов были в большей мере склонны поддерживать Демократическую партию, чем протестанты постарше⁷. Эти различия могли бы отражать явный бунт против традиций, но они, вероятнее всего, являются еще одним результатом разного поколенческого опыта. Католики и протестанты старших возрастов, возможно, все еще продолжают реагировать на

⁴ Arthur Dix, *Die Deutschen Reichstagswahlen, 1871–1930, und die Wandlungen der Volkgliederung* (Tübingen: J. B. C. Mohr, Paul Siebeck, 1930), pp. 34–35.

⁵ Hans Gerth, «The Nazi Party: Its Leadership and Composition», *American Journal of Sociology*, 55 (1940), pp. 530–541.

⁶ John Morsell, *The Political Behavior of Negroes in New York City* (unpublished Ph. D. thesis, Department of Sociology, Columbia University, 1951).

⁷ Paul F. Lazarsfeld, Bernard Berelson, and Hazel Gaudet, *The People's Choice* (New York: Duell, Sloan & Pearce, 1944), p. 24; Bernard Berelson, Paul F. Lazarsfeld, and William McPhee, *Voting* (Chicago: University of Chicago Press, 1954), p. 70; S. J. Korchin, *Psychological Variables in the Behavior of Voters* (unpublished Ph. D. thesis, Department of Social Relations, Harvard University, 1946).

электоральную ситуацию перед Великой депрессией, когда при голосовании религия была важнее для создания политической predisposedности, чем класс. Однако более молодые избиратели формировали свои политические убеждения в 1930-х и 1940-х годах, когда более важной стала классовая принадлежность. Следовательно, очень похоже, что очевидное противоречие между родителями и детьми является порождением молодых католиков из среднего класса, которые становятся республиканцами, и молодых протестантов родом из рабочего класса, превращающихся в сторонников Демократической партии. Эти сдвиги говорят о том, что на традиционную семейную лояльность влияют и достижение иного статуса, и опыт других событий.

Исследования президентских выборов 1948 и 1952 гг. в США указывают, что новое политическое поколение настроено в большей мере прореспубликански, чем то, которое непосредственно предшествовало ему. В уже упоминавшемся нами городке Элмайра, штат Нью-Йорк, в 1948 г. только 38% наемных рабочих в возрасте от 21 до 24 лет, находившихся на почасовой или сдельной оплате, голосовали за демократического кандидата Трумэна — по сравнению с 54% из той же категории избирателей, но в возрасте от 25 до 34 лет⁸. Используя данные национальных опросов, Луи Харрис, активный участник их проведения, сообщил, что 44% возрастной группы от 21 до 24 лет в 1952 г. поддержали Эйзенхауэра — по сравнению с 38% в группе от 25 до 34 лет.

Эти различия могут быть результатом ситуации, когда люди, достигавшие совершеннолетия в годы Великой депрессии или Второй мировой войны, развивали в себе связи с Демократической партией, тогда как те, кто знал об этих событиях только понаслышке или из учебников истории и чье первое голосование пришлось на период послевоенного процветания, повернулись лицом к Республиканской партии. Если фактически тем или иным поколениям присуща тенденция голосовать за левых или правых в зависимости от того, какая группа господствовала в годы их взросления, то может оказаться необходимым пересмотреть пользующуюся широкой популярностью идею о том, что консерватизм связан просто с увеличением возраста. Эмпирические свидетельства этой убежденности накапливались в периоды огромной социальной нестабильности — в 1930-е и 1940-е годы, когда молодежь становилась левой, в то время как у людей старших возрастов наблюдалась тенденция сохранять более

⁸ B. Berelson, P. Lazarsfeld, and W. McPhee, *op. cit.*, p. 96; L. Harris, *Is There a Republican Majority?* (New York: Harper & Bros., 1954), p. 218.

консервативные воззрения своей юности. Если общество вынуждено продвигаться от периода длительной нестабильности к устойчивости, то вполне может случиться, что люди зрелого возраста сохранят левые идеи своей юности, а более молодые поколения примут на вооружение консервативную философию.

Увеличение возраста часто ассоциируется с повышением дохода или статуса. Взрослея, люди вступают в брак, меняют места жительства и работы, а также формируют новые связи. Очевидно, что такие изменения социального положения должны соотноситься с формированием тех или иных мнений и с политическим поведением. К несчастью, опросы общественного мнения редко собирают достаточный объем информации о вариативности прошлого опыта индивидов. Исследования трудовой мобильности указывают, что у многих людей послужной список или трудовая биография чрезвычайно разнообразны. В одном таком опросе выяснилось, что работники физического труда в возрасте свыше 31 года провели 20% своей профессиональной жизни на должностях, связанных с умственным трудом, в то время как люди, занятые в настоящее время умственным трудом, указали, что приблизительно 25% своего трудового стажа занимались ручным трудом⁹. Эти исследования никоим образом не были связаны с политической жизнью, но в работах, посвященных Америке, один из исследователей действительно рассматривал членство в профсоюзах и такую деятельность, которую обычно принято соотносить с политикой. При этом было установлено следующее: чем большую долю своей карьеры какой-нибудь нынешний работник физического труда провел в этой профессиональной категории, тем более вероятно, что он должен быть активным членом своего профсоюза и, предположительно, поддерживать демократов.

Другие изменения в политическом мировоззрении, связанные с увеличением возраста, происходят из-за требований, предъявляемых семейной жизнью. У неверующих родителей есть тенденция посылать своих детей в воскресную школу и самим возвращаться в религиозную общину, причем обычно в достаточно консервативную. Для родителей из среднего класса и из числа хорошо оплачиваемых представителей рабочего класса именно дети становятся одной из первоочередных причин переезда в пригород. Забота о будущем процветании детей может иметь и более тонкие психологические

⁹ S. M. Lipset and R. Bendix, *Social Mobility in Industrial Society* (Berkeley: University of California Press, 1959), p. 166. В этой книге сообщается и о других американских исследованиях на данную тему, а также дается обзор ситуации в ряде европейских и азиатских государств.

284 — последствия, заставляя родителей осознать — зачастую в первый раз — положительные функции различных механизмов власти, существующих в обществе.

Дети могут также способствовать ограничению любой склонности к девиантному поведению у своих родителей. Никто не бывает в большей мере консерватором или конформистом, чем ребенок младшего возраста. Но вопрос о том, каким способом ребенок может вынуждать своих родителей изменяться, игнорировался большинством ученых, изучавших проблемы семьи.

Явным образом данная модель распознавалась и анализировалась только в литературе, имевшей дело с взаимоотношениями между родителями-иммигрантами и их американцами-детьми¹⁰. Такие исследования привлекли внимание к роли детей в «американизации» своих родителей (в изменении родительских установок и ценностей). Северные либералы, которые перебираются на Юг, дают нам другой пример процесса, непрерывно продолжающегося по сей день. Ребенок, который слышит от своих родителей, что негры равны остальным людям, подвергается наказаниям со стороны своих ровесников. Если же он приспосабливается к стандартам этой группы одногодков, то его начинают наказывать дома. Несомненно, многие родители приходят к выводу, что им легче адаптироваться к социальным или политическим ценностям своего нового сообщества, чем все время подвергать собственных детей риску тех или иных наказаний. Хотя и не столь очевидным образом, но подобные процессы, вероятно, происходят всякий раз, когда семьи с детьми переезжают из одного политического окружения в другое.

Другое описание того, каким путем изменение социального положения, будучи коррелятом увеличивающегося возраста, может повлиять на установки, предоставили нам социологи Марк Бенни и Филлис Гейсс, которые показывают, что озабоченность социальным статусом с возрастом растет и становится все более заметной¹¹. По мере того как люди становятся старше, они с большей вероятностью сообщают о себе как о представителях среднего, а не рабочего класса, и эта большая обеспокоенность статусностью своего положения может находить отражение и в политических мнениях.

¹⁰ O. Handlin, *The Uprooted — The Epic Story of the Great Migrations That Made the American People* (Boston: Little, Brown, 1952); R. E. Park and H. A. Miller, *Old World Traits Transplanted* (New York: Harper & Bros., 1927).

¹¹ Mark Benney and Phyllis Geiss, «Social Class and Politics in Greenwich», *British Journal of Sociology*, 1 (1950), pp. 310–327.

Значительное увеличение доли пожилых людей в населении США и других развитых стран заставило экспертов анализировать воздействие стареющего населения на общество¹². Политическая сила пожилых уже и без того очевидна — хотя бы на основании растущего числа разнообразных мер по увеличению общественного благосостояния, обеспечивающих, в частности, получение государственных пособий, а также выплату пенсий тем людям, которые по возрасту оставили работу.

Существует как минимум два параллельно протекающих процесса, которые могут повлиять на политическое поведение в пожилом возрасте. С одной стороны, как мы указывали ранее, люди, скорее всего, сохраняют точки зрения и привязанности своей юности. Таким образом, в настоящее время пожилое население будет, вероятно, замедлять политические перемены. С другой стороны, в современном индустриальном обществе пожилые люди — это в значительном большинстве малоимущая группа, обладающая меньшими привилегиями по сравнению с остальным населением; кроме того, у них нет никакой полезной роли, которую они могли бы выполнять и которая имела у них в сельских сообществах, и при этом они не получают полноценной поддержки от своих ближайших родственников и тем более не интегрированы в семьи. Следовательно, пожилые как группа особенно зависят от государства. Также, из-за того что их доходы от пенсий или сбережений носят жестко фиксированный характер, они в большей мере подвержены последствиям инфляции, чем те, у кого более прочная финансовая позиция, позволяющая «торговаться» и отстаивать свои интересы. Вероятно, экономические спады и депрессии оказывают на пожилых людей непропорционально сильное воздействие, так как количество доступных для них рабочих мест с частичной или полной занятостью сокращается в такие периоды даже в большей степени, чем для населения в целом, а поступления от родственников также имеют тенденцию падать.

Такие условия могут в итоге привести к радикализации какой-то части пожилого населения, хотя изолированность этих людей и относительно скромные коммуникационные возможности ограничивают их политическую эффективность. Как малоимущая группа, зависящая от государственной поддержки, они могут прийти к выводу,

¹² K. Davis and J. W. Combs, Jr., «The Sociology of an Aging Population», в сб.: New York Academy of Medicine, *The Social and Biological Challenge of Our Aging Population* (New York: Columbia University Press, 1950), pp. 146–170; O. Pollak, «Conservatism in Later Maturity and Old Age», *American Sociological Review*, 8 (1943), pp. 175–179; L. H. Fisher, «The Politics of Age», в сб.: M. Derber, ed., *The Aged and Society* (Champaign: Industrial Relations Research Association, 1950), pp. 157–167.

что только левые партии защищают продление и расширение специальных мер государства всеобщего благоденствия. Рост таких массовых движений пожилых граждан, как План Таунсенда*, является еще одним признаком склонности людей преклонного возраста бороться за перераспределение доходов¹³. Да и пенсионные движения в США тоже имели тенденцию отождествлять себя с радикальными движениями или сотрудничать с ними. На протяжении 1930-х годов, например, сторонники того же Таунсенда работали с некоторыми полуфашистскими группами, тогда как на Западном побережье США в привлечении на свою сторону целого ряда групп пожилых людей преуспели коммунисты. В Канаде некоторые пенсионерские организации работают с Федерацией кооперативного содружества (C.C.F.), а это фактически чистой воды социалистическая партия. Сэмюэл Пратт сообщает, что в Германии у пожилых людей из малочисленных общин наблюдалась тенденция примыкать к нацистам¹⁴. В Голландии данные опросов общественного мнения указывают, что коммунисты завоевывают поддержку вышедших на пенсию рабочих заметно успешнее, чем социалисты¹⁵. В Великобритании и Дании доступные данные носят несколько противоречивый характер, позволяющий предположить, что в этих странах возраст как таковой не является важным дифференцирующим элементом¹⁶. С другой стороны, современные американские, германские, шведские, итальянские и французские данные говорят о том, что старики в этих пяти странах непропорционально консервативны¹⁷.

* *План Таунсенда* — выдвинутый в 1933 г. американским врачом Ф. Таунсендом проект системы пенсионного обеспечения неработающих лиц старше 60 лет, предусматривавший выдачу им ежемесячного пособия в размере 200 долларов (тогда это была достаточно крупная сумма) за счет поступлений из федерального налога на продажи, причем эти деньги надлежало израсходовать в течение месяца и тем самым вновь вложить их в экономику. Возникшее вскоре движение Таунсенда уже через два года насчитывало 1,5 млн членов, а его популярность способствовала принятию в 1935 г. федерального закона о социальном страховании. — *Прим. перев.*

¹³ H. Cantril, *The Psychology of Social Movements* (New York: John Wiley & Sons, 1941), p. 192; обсуждение мощного движения пожилых людей в период послевоенного процветания см. в: Frank A. Pinner, Paul Jacobs, and Philip Selznick, *Old Age and Political Behavior: A Case Study* (Berkeley: University of California Press, 1959).

¹⁴ Samuel A. Pratt, *The Social Basis of Nazism and Communism in Urban Germany* (unpublished M. A. thesis, Department of Sociology, Michigan State University, 1948).

¹⁵ Wiardi Beckman Institute, *Verkiezingen in Nederland* (Amsterdam: 1951), mimeographed; J. J. de Jong, *Overheid en Onderdaan* (Wageningen: N. V. Gebr. Zomer and Keunings Uitgeversmij, 1956), p. 105.

¹⁶ H. G. Nicholas, *The British General Election of 1950*, p. 303; De Jong, *op. cit.*, pp. 81, 92–93.

¹⁷ L. Harris, *op. cit.*, p. 173; F.I.P.O. (French Institute of Public Opinion), «La vérité sur la pratiques et les sentiments religieux des Français», *Réalités*, 82 (1952), pp. 36–44; а также

Историческое прошлое разных моделей голосования

Поскольку голосование — это циклическое и периодически повторяющееся событие в жизни отдельных индивидов и общественных групп, мы должны рассмотреть его на более длительных промежутках времени, расширяя наш угол зрения и вынося его за рамки статичных зависимостей между социальными позициями и за рамки событий, происходящих непосредственно на одних выборах. Вот как выразился на сей счет Йозеф Шумпетер: «Никакое десятилетие в истории политики, религии, технологии, живописи, поэзии и чего угодно никогда не содержит своего собственного объяснения. Чтобы понимать события... вам следует рассмотреть период намного большей протяженности. Не сделать этого — верный признак дилетантизма»¹⁸.

Если мы примем во внимание, что в промежутке между 1896 и 1932 гг. более 70% всех американских избирательных округов ни разу не меняли от одних выборов до следующих партийной принадлежности того кандидата в президенты, за которого голосовало большинство их населения, то увидим, что необходимо включать в свой анализ историческое измерение. Даже на таких нетривиальных выборах, как те, что проходили в 1932 г., только 58% избирателей изменили свою партийную лояльность четырехлетней давности. И за весь указанный многолетний период всего лишь пять округов на каждых выборах, кроме каких-то одних, оказывались на стороне другой партии по сравнению с предыдущими¹⁹. Совершенно ясно, что невозможно объяснить, почему данные территории или группы населения поддерживают определенные партии, если основываться исключительно на знании социальных коррелятов, ассоциирующихся с различными политическими тенденциями, и этот факт подчеркивается двумя крупными панельными исследованиями американского электорального поведения. Оба они проводились в довольно своеобразных городах, и оба сообщают об относительно сравнимых зависимостях между голосованием и социальной структурой. В каждом из этих городов более обеспеченные люди отдавали предпочтительнее скорее республиканцам. Первое исследование, которое имело

«La France est-elle encore Catholique?» *Sondages*, 14 (1952), No. 4; De Jong, *op. cit.*, pp. 98, 109, 114, 119.

¹⁸ Joseph Schumpeter, «The Decade of the Twenties», *American Economic Review Supplement*, 36 (1946), pp. 1–10.

¹⁹ Ralph and Mildred Fletcher, «Consistency in Party Voting, 1896–1932», *Social Forces*, 15 (1936), pp. 281–282.

место в небольшом городке Сандаски, штат Огайо, сообщало о сообществе, где преобладала ориентация на демократов, в то время как второе, в Элмайре, штат Нью-Йорк, сообщало о городе с подавляющим преобладанием республиканцев²⁰. Единственный способ объяснить, почему эти города так сильно отличались друг от друга, — это принять во внимание их абсолютно разные истории.

Политологи В. О. Кей-мл. и Фрэнк Манджер подвергли этот вопрос дальнейшей разработке в своем исследовании «политических колебаний» в штате Индиана. Так как социальные характеристики избирателей, обсуждавшиеся в большинстве опросных исследований голосования, никак не объясняют значительной части наблюдающейся варибельности в их политических предпочтениях, эти ученые приводят доводы в пользу того, что слишком большой акцент на социальные детерминанты электорального решения может «устранить из политического поведения политические взгляды». Кей и Манджер сообщают о высокой корреляции между голосованиями округов из Индианы в 1868–1900 и 1920–1948 гг., несмотря на крупные социальные изменения, происходившие в эти периоды. Они предполагают, что «длительное постоянство паттернов партийной приверженности в округах, несмотря на изменения в местных интересах и на исчезновение проблем, которые создавали данный паттерн, и существование контрастирующих паттернов партийной лояльности в чрезвычайно похожих по своей сути округах указывает на наличие некоего «политического» группирующего фактора, который хотя бы до некоторой степени независим от других социальных факторов группирования»²¹. Таким образом, в качестве детерминанты голосования срабатывает традиционная партийная идентификация — до некоторой степени аналогичная религиозной или классовой принадлежности.

Возможно, основной вклад этих авторов состоит в той настойчивости, с которой они говорили о необходимости изучать дифферен-

²⁰ Об исследовании городка Сандаски сообщается в работе P. F. Lazarsfeld, B. Berelson, and H. Gaudet, *op. cit.*; исследование Элмайры описывается в работе B. Berelson, P. F. Lazarsfeld, and W. McPhee, *op. cit.*

²¹ V. O. Key, Jr., and Frank Munger, «Social Determinism and Electoral Decision: The Case of Indiana», в сб.: E. Burdick and A. J. Brodbeck, *American Political Behavior* (Glencoe: The Free Press, 1959), pp. 281–299. Произведенный под этим углом детальный анализ изменений в политических установках за период 1952–1956 гг., когда происходило мало изменений в социальных характеристиках избирателей, но почти во всех социальных группах имел место сдвиг в сторону республиканцев, представлен в повторном анализе данных, собранных Центром опросных исследований в штате Мичиган, см.: Donald E. Stokes, Angus Campbell, and Warren E. Miller, «Components of Electoral Decision», *American Political Science Review*, 62 (1958), pp. 367–388.

цированную релевантность социальных характеристик в разные периоды времени. Они предполагают, что социальные характеристики обретают политическую значимость только в контексте анализа конкретных политических альтернатив. Этот вид анализа может помочь нам в объяснении таких феноменов, как дифференцирующее политическое значение класса и религии, — в равной мере и для поколения, предшествовавшего Новому курсу, и для последовавшего за ним, причем первое из них получило свое значение за счет второго²².

Долговременная преемственность в лояльности каким-то конкретным политическим группировкам, которая сохраняется невзирая на изменения в проблемах общества или в роли различных партий, говорит о необходимости исследовать условия, лежащие в основе устойчивости или, напротив, варибельности партийных симпатий²³. С течением времени и социальная структура региона, и социальная позиция группы, и роль партии могут либо оставаться постоянными, либо изменяться. Приверженность какой-нибудь партии в условиях, когда существует устойчивая зависимость между позицией той или иной группы и позицией этой партии, не нуждается в объяснении. Но если группа продолжает поддерживать какую-то из партий после того, как эта партия изменила свою программу или же группа изменила свою позицию в социальной структуре, то подобная ситуация требует дополнительного анализа.

В некоторых обстоятельствах политическая преданность может дополнительно укреплять институты и сантименты, привязанные к данной социальной структуре, которые иначе могли бы потерять свой смысл и важность. Например, длительная и непрерывная лояльность одной этнической группы низшего класса по отношению к Демократической партии может на первый поверхностный взгляд показаться идентичной той поддержке, которую начиная со времен Гражданской войны оказывали Республиканской партии бедные фермеры, проживавшие в холмистых местностях на Юге США²⁴. Однако в первом примере представлен случай, в котором группа, принадлежащая к низшему классу, продолжает поддерживать партию «неудачников». С другой стороны, пример с республиканцами на Юге кажется проявлением устаревшей или «нелогичной» лояль-

²² Подробное обсуждение этого феномена см. в главе 9.

²³ Обсуждение преемственности см. в: V. O. Key, Jr., *Southern Politics in State and Nation* (New York: Alfred A. Knopf, 1949); R. and M. Fletcher, *op. cit.*, pp. 281–285; and F. Goguel, *Géographie des élections françaises de 1870 à 1951, Cahiers de la fondation nationale des sciences politiques*, no. 27 (Paris: Librairie Armand Colin, 1951).

²⁴ V. O. Key, Jr., *op. cit.*, pp. 280–285; Alexander Heard, *A Two-Party South* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1952), pp. 40–45.

ности; полунищие фермеры из покрытых крутыми холмами мест первоначально поддерживали прямую предшественницу республиканцев, партию вигов, потому что это была партия, которая защищала внутренние усовершенствования, например хорошие дороги; затем они стали поддерживать республиканцев как партию Союза*, но потом продолжали солидаризироваться с нею еще долгие годы после того, как все перечисленные проблемы умерли естественной смертью, а в качестве главного основания для раскола заново утвердились экономические различия²⁵. Проблемы, представляемые этими двумя типами преемственности, очень сильно разнятся.

Преемственность в сохранении лояльности, имеющая место несмотря на изменение социальной структуры на данной территории, может просто представлять собой «политическое запаздывание» и неудачу традиционной оппозиционной партии, не сумевшей вовремя понять, что политический потенциал территории изменился.

290 В 1948 г., например, демократы из штата Нью-Гэмпшир жаловались, что никто из крупных фигур Демократической партии, активно участвовавших в федеральной избирательной кампании, не приезжал к ним в штат и что им давали мало денег для организационных целей. Однако же в настоящее время Нью-Гэмпшир — один из наиболее промышленно развитых штатов в стране и вдобавок там велика доля католического населения²⁶.

* В политической истории США это название (Union Party) носили две организации: 1) политическая партия правого толка, созданная в 1936 г. политическими оппонентами президента Ф. Д. Рузвельта; у ее истоков стояли такие деятели, как популярный радиопроповедник, а заодно и антисемит Ч. Кофлин; симпатизировавший немецким фашистам Дж. Смит — один из лидеров движения за раздел богатства; Ф. Таунсенд — уже упоминавшийся инициатор носившей его имя пенсионной программы и другие, а председателем стал конгрессмен-республиканец У. Лемке; однако эта партия переоценила свои возможности: пресса и общественность отнеслись к ней с безразличием, так что, проиграв на выборах, она в 1937 г. распалась; 2) партией Союза называла себя Республиканская партия в 1864 г., когда на общенациональном съезде одобрила кандидатуру Авраама Линкольна на пост президента. — *Прим. перев.*

²⁵ Более подробное обсуждение этих проблем см. в главе 11, с. 418–420.

²⁶ Обсуждение того, почему нью-гэмпширские демократы, похоже, не в состоянии выиграть штатные выборы, несмотря на относительно высокий уровень участия жителей в голосовании и на благоприятные урбанистические, индустриальные и этнические характеристики, см. в: Duane Lockard, *New England State Politics* (Princeton: Princeton University Press, 1959), pp. 62–65. Локард приписывает вину за эту неудачу главным образом фракционной войне между этническими группами, а также неспособностью демократических лидеров эффективно организовать необходимые действия, потому что они больше заинтересованы в частной финансовой поддержке. Оба этих фактора можно считать печальным наследием прошлого периода, когда Демократическая партия имела статус меньшинства, а отчасти — результатом политического запаздывания ее местных руководителей, которые не в силах изменить свое видение собственной партии.

Среди всего того, что можно назвать «структурными» факторами и что лежит в основе многих, казалось бы, «нелогичных» проявлений преемственности, есть и следующий факт: политическую партию, доминирующую на данной территории, постепенно начинают признавать в качестве единственного легитимного, социально одобренного орудия политической деятельности. В некоторых районах США Республиканская партия или Демократическая партия были первоначально партиями военного врага, и обе они до сих пор хранят в себе для жителей таких районов отзвуки того, что они нелегитимны или несут угрозу сообществу. Католики во Франции помнят, что левые партии когда-то давно были неистовыми противниками католицизма и что поддерживать такую оппозиционную партию означало идентифицировать себя как врага сообщества. По прошествии времени первоначальные основания для категорического отторжения альтернативных форм политической деятельности могут исчезнуть, но изменение политической лояльности становится чрезвычайно трудным делом, если претензии к «своей» партии вдруг начинают складываться после того, как некая группа или территория поддерживала ее на протяжении нескольких поколений. За такое длительное время традиционная политическая лояльность настолько переплелась с другими институтами, в частности с церковью и семьей, что ее изменение нередко требует изменений и в других институциональных структурах.

Такая интеграция партии с другими сегментами социальной структуры неявно подразумевает, что сторонник партии меньшинства должен принять на себя роль социального инакомыслящего, иными словами девиантной личности, отклоняющейся от социальной нормы. Политолог Александр Херд сообщает, что на юге США и в маленьких городках, и в городах побольше многие бизнесмены, которые открыто стали республиканцами, подверглись социальному ostracismu и потерпели финансовый крах. Он также подчеркивает, что в большинстве округов Юга человек с серьезными политическими амбициями может надеяться на их реализацию только в том случае, если он работает в рамках легитимной однопартийной политической структуры²⁷. Это почти гарантирует монопольную узурпацию любых талантов доминирующей партией.

²⁷ A. Heard, *op. cit.*, pp. 74–75. В. О. Кей-мл. показал, что «степень, в которой представленный партией кандидат оспаривается на предварительных выборах-праймериз двумя или более претендентами, зависит в большой мере от перспектив этого номинанта победить на настоящих выборах. Попадание на законодательные посты в результате выборов, на которых баллотируется лишь один кандидат, является почти правилом в тех округах, где ситуация какой-то из партий выглядит безнадежной, в то

В такой ситуации развивается нескончаемый самоподпитывающийся политический цикл, в котором существование легитимной политической монополии вынуждает людей действовать для достижения реформ исключительно в рамках указанной структуры; при этом, поскольку они работают внутри нее, надежность и безопасность этой структуры дополнительно укрепляются.

Определение сообществом некоторого пути или средства политического действия как единственно легитимного тоже ограничивает эталонную систему ориентиров, в рамках которой могут быть представлены политические взгляды. Старший из сенаторов Лафоллеттов* подчеркнул это, объясняя, почему он не порывал с Республиканской партией, следующими словами: «Люди будут слушать меня, потому что я — республиканец»²⁸. В штате Северная Дакота известный своими социалистическими взглядами основатель Беспартийной лиги А. Ч. Таунли принял сознательное решение вступить в Республиканскую партию, поскольку был убежден, что фермеры его штата воспримут любые политические взгляды только под республиканской маркой²⁹. Таким путем оппозиционный лидер, работающий внутри доминирующей партии, может помочь поддержанию легитимности традиционной партийной лояльности, придавая ей новое содержание.

В различных обществах политические системы связаны с этническими, религиозными, кастовыми или региональными экономическими системами. Их увековечивание может казаться противоречащим потребностям одной из таких систем, скажем экономической, но иметь важное значение для других. Например, одна партия мо-

время как в относительно надежных округах большая доля выставляемых ею кандидатов энергично борется с другими претендентами». V. O. Key, Jr., *American State Politics: An Introduction* (New York: Alfred A. Knopf, 1956), p. 172. В работе W. H. Standing and J. A. Robinson, «Inter-Party Competition and Primary Contesting: The Case of Indiana», *American Political Science Review*, 52 (1958), pp. 1066–1077 ее авторы установили детальные критерии для «безопасных» и «конкурентных» избирательных округов и подтвердили наблюдения В. О. Кея. Они выяснили, что в среднем от доминирующей партии на предварительные выборы выходит почти на одного соперника больше (2,31), чем от второстепенной партии (1,39).

* От штата Висконсин было два сенатора по имени Роберт Марион Лафоллетт: старший — отец, шумный популист, о котором многое говорит его прозвище Борющийся Боб (он состоял в Сенате в 1906–1925 гг. и, кстати, в 1924 г. был даже кандидатом в президенты, но не от республиканцев, а от основанной им самим «второй» прогрессивной партии), и сменивший его сын («молодой Боб», 1925–1947). — *Прим. перес.*

²⁸ E. N. Doan, *The La Follettes and the Wisconsin Idea* (New York: Rinehart, 1947), p. 6.

²⁹ H. G. Gaston, *The Non-Partisan League* (New York: Henry Holt, 1940); A. A. Bruce, *The Non-Partisan League* (New York: Macmillan, 1921).

жет рассматриваться как партия иммигрантов-католиков, в то время как другая — как партия коренных англосаксов. В штате Массачусетс человек ирландского или еврейского происхождения был в свое время почти лишен возможности достичь сколько-нибудь видного положения в Республиканской партии. Лондонский журнал *Economist*, обсуждая современную британскую практику при отборе кандидатов в парламент, сообщает, что «председателя национального исполнительного комитета лейбористской партии в прошлом году исключили из рассмотрения в качестве претендента на одно из вакантных мест, потому что не был римо-католиком. Несмотря на случай Дизраэли, вам до сих пор все еще трудно получить место тори, если вы — еврей...»³⁰. Как мы видели, во Франции традиционный раскол между левыми и правыми тоже связан с религиозной принадлежностью. Светские, антиклерикальные или протестантские французские бизнесмены консервативной ориентации ни в коем разе не пойдут голосовать за клерикальную консервативную партию, а религиозные радикальные католики не станут голосовать за антирелигиозную радикальную партию. Эта кажущаяся иррациональность, когда политика рассматривается под углом экономических интересов или либерально-консервативного противостояния, может на самом деле служить выражением того, что какой-либо группе и ее членам больше импонируют другие ценности или же напряженности³¹.

В чем-то похож на это и такой фактор, как конфликт между географическими территориями или же разделение между сельскими и городскими местностями. Значительная часть внутренней политики целого ряда американских штатов связана с расколом между большими городами и остальной частью штата. Этот вид раскола по интересам ограничивает проникновение общенациональных проблем как источников разделения на локальном уровне³².

Система первичных выборов (праймериз) в США облегчила поддержание преемственности; этот вопрос подробно прорабатывается в следующей главе. Она позволяет новым напряженностям, которые порождаются изменениями в социальной структуре, находить отражение скорее внутри доминирующей партии, чем путем поддержки оппозиционной партии. Тем самым приверженность фракционной политике внутри партии помогает формировать список ее канди-

³⁰ «How to Get Chosen: An Elementary Guide to Becoming a Member of Parliament», *The Economist*, 191 (May 2, 1959), p. 405.

³¹ André Siegfried, *Géographie électorale de l'Ardeche sous le troisième république*, Cahiers de la fondation nationale des sciences politiques, no. 9 (Paris: Librairie Armand Colin, 1949).

³² Harold F. Gosnell, *Grass Roots Politics: National Voting Behavior of Typical States* (Washington: American Council on Public Affairs, 1942), *passim*.

датов на посты президента и вице-президента. Однако нам мало известно о том, каким образом индивидуальные избиратели утрясают для себя напряженности, связанные с голосованием за радикальную фракцию на первичных выборах и последующим голосованием за консервативно настроенную партию на общенациональных выборах, как это происходило в Северной Дакоте и других штатах.

В основе этих «структурных» факторов лежат некоторые иные факторы, в большей степени психологические по своему характеру, которые помогают дальнейшему объяснению исторической преемственности существующих моделей голосования. Резкий разрыв какой-либо группы с традиционной политической лояльностью или преемственностью может произойти только в том случае, если некий опыт воспринимается этой группой как отчетливо воздействующий на ее интересы и требующий от нее новой политической ориентации. Необходимая двойственность демократической политической жизни, особенно в странах с двухпартийными системами, предотвращает частое появление столь уж резких вызовов институционализированной электоральной модели. Если мы задумаемся о различных видах выборов в США, то такие события, как выборы 1896 и 1936 гг., которые представляют собой внятно наблюдаемый важный водораздел в политической жизни, легко поддаются пониманию и имеют серьезные последствия для большого количества избирателей, являются скорее исключением, а не правилом. При двухпартийных выборах обе партии стремятся так или иначе обратиться почти к каждой группе избирателей, а уж особенно к тем, у которых устоялась какая-то традиция лояльности по отношению к данной партии. Сталкиваясь со сложным и неоднозначным стимулом, лишенным ясных альтернатив, многие избиратели возвращаются к старым лояльностям, привязанностям и привычкам, которые обычно подкрепляются существующими в данный момент социальными отношениями.

Дополнительным фактором, который интенсифицирует эффект двусмысленности, хотя частично может проистекать из нее, является тот факт, что в основной массе стабильных демократий преобладающее большинство избирателей при нормальных условиях относительно безразлично к политике. В значительной части исследований сообщается следующее: только 20–40% электората заявляют, что их по-настоящему волнует политическая проблематика, или что они верят в возможность своего влияния на правительство и иные властные структуры, или что они играют активную роль в политических дискуссиях. Это «безразличное большинство» с еще большей ве-

роятностью будет реагировать в терминах существующей групповой модели. Когда происходят изменения в картине голосования, столь крупная группа будет склонна скорее сдерживать их воздействие, поскольку политические стимулы, которые приводят к изменениям, меньше всего воздействуют на нее. Например, те американские католики, которые в 1940-х годах все еще продолжали голосовать в соответствии с линиями религиозного раскола 1920-х годов, а не классового раскола 1940-х, были в наименьшей степени вовлечены в политическую жизнь или интересовались ею³³.

Проблема анализа изменений в политической лояльности похожа на проблему преемственности. Большинство объяснений групповых изменений констатирует, что либо партия перестала представлять потребности специфической группы, и поэтому группа изменила свое отношение, либо положение и потребности самой группы изменились, и поэтому она направила свою политическую лояльность в иное русло³⁴. Принимая во внимание, что существует много ситуаций, в которых наблюдается подобная картина, но изменения отсутствуют, ясно, что такие аналитические исследования должны учитывать то обстоятельство, что проявления политической лояльности не только сами по себе имеют «собственную жизнь» и могут сохраняться еще очень долго после исчезновения их рационального обоснования, но и что группа может оказаться оторванной от своей традиционной партии ее новой политической тактикой, новыми призывами, привлекательным кандидатом и другими факторами, никак не связанными с социальной структурой и тем соответствием, которое мы в нормальном случае ожидаем видеть между партийной программой и поддержкой этой партии со стороны той или иной группы.

Однако даже с учетом этого уточнения долгосрочные сдвиги в социальном положении группы обычно могут коррелировать с изменениями в ее политической окраске (левой или правой), даже если эти изменения не носят немедленного или непосредственного харак-

³³ B. Berelson, P. F. Lazarsfeld, and W. McPhee, *op. cit.*, pp. 69–70.

³⁴ Существует любопытное расхождение между анализом электоральных изменений в группах и у отдельных индивидов. Когда политологи имеют дело с группами, они объясняют случившееся изменение как рациональную реакцию на новые ситуации или факторы. На индивидуальном уровне социологи и социальные психологи анализируют каждое такое изменение в терминах группового давления на отдельного человека или как его индивидуальную реакцию на личные нужды и потребности, часть из которых рациональна, но многие являются латентными или бессознательными. Пока имеются лишь немногочисленные попытки теоретической интеграции этих контрастирующих режимов анализа.

тера. Можно, например, предположить, что левое либо реформистское правительство инициирует процесс саморазрушения, когда интегрирует угнетенные группы в общенациональную структуру. Удовлетворяя требования неимущих, реформистские движения могут переместить какую-то их часть в ряды консерваторов. В другом месте я уже обсуждал этот тезис, выдвигая разные аргументы, которые могут объяснить отливы и приливы аграрного радикализма: «Новозеландские фермеры поддерживали политику гарантированных цен, проводившуюся местной лейбористской партией около 1935 г., в нижней точке депрессии, когда низкие цены угрожали их безопасности. Однако после того, как депрессия завершилась, сельские районы повернулись против лейбористской программы планирования, которая призывала к введению максимальных цен на одни продукты, так же как и к введению минимальных на другие, и увеличивала доходы самых бедных групп. В США президент Ф. Рузвельт установил гарантированные паритетные цены и страхование урожая, чего требовали организованные фермеры. Однако, действуя таким образом, он потерял поддержку ряда сельских районов, включая некогда радикальный пшеничный пояс. В России большевики утратили поддержку крестьян после того, как дали им право на землю»³⁵.

То обстоятельство, что негры в США и наиболее бедная часть рабочих Великобритании в последнее время показали себя устойчиво сопротивляющимися консервативным тенденциям, которые повлияли на большинство других страт в период возросшего процветания, может быть признаком совсем другого факта, а именно что улучшение их положения оказалось недостаточным для изменения у обеих этих групп их восприятия сложившейся ситуации и оставило их неудовлетворенными, в то время как другие сегменты низших страт извлекли немалую выгоду, которой оказалось достаточно для подлинного разрыва с традицией³⁶. Когда консерваторы находятся у власти, оказываемая им поддержка точно так же остается по своей сути «прирожденно» нестабильной из-за их сопротивления внедрению необходимых изменений.

Другой источник изменений лежит в компромиссном характере политической власти в условиях демократии. Она саморазрушительна, потому что политикам, находящимся у власти, непременно дово-

³⁵ S. M. Lipset, *Agrarian Socialism* (Berkeley: University of California Press, 1950), p. 229.

³⁶ Описание моделей, характерных для негров, см. в: E. Litchfield, *Voting Behavior in a Metropolitan Area*, Michigan Governmental Studies, No. 7 (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1941), pp. 58–59; Louis Harris, *op. cit.*, pp. 152–160; для Великобритании см.: John Bonham, *The Middle Class Vote* (London: Faber & Faber, 1954), pp. 154–155.

дится терять поддержку и отчуждать своих сторонников, когда они принимают сложные решения, выбирая один из конфликтующих интересов. Со временем накопление таких обид может проявиться в медленном спаде поддержки действующей власти — даже среди тех групп, которые наиболее последовательно извлекают пользу из ее действий.

Если большинство переходов каких-либо групп от одной партии к другой происходит как реакция на рационально объяснимое противоречие, при котором интересы или социальное положение группы и программа традиционно поддерживаемой ею партии разнятся, то чем более заметна и ясна проблема, тем выше вероятность того, что группа отреагирует в терминах своих четко определенных интересов и претерпит соответствующие изменения. Негры, например, переключились на поддержку демократов после того, как стало ясно, что рузвельтовская политика Нового курса приносила им больше долгосрочных выгод и сиюминутной пользы, чем политика республиканцев. Проблема расовых отношений применительно к неграм является одновременно и более бросающейся в глаза, и менее двусмысленно определенной, чем большинство проблем, воздействующих на другие группы в составе американского общества.

Обсуждение изменений в электоральном поведении британских избирателей на различных дополнительных выборах с момента всеобщих выборов 1955 г. подчеркивает важность многих тем, которые были представлены в этой и предшествующих главах II части данной книги — части, посвященной участию в выборах и электоральному решению. Авторитетный британский специалист по опросам Марк Эбрамс объясняет увеличение доли голосов, полученных Лейбористской партией, и падение процентной доли фактически голосующих от 77 до 64% списочного состава тем фактом, что один из ключевых источников поддержки Консервативной партии ослабил уровень лояльности по отношению к ней. Согласно различным опросам общественного мнения этим источником являются в значительной степени немолодые тори из рабочего класса — люди, которые всю свою жизнь голосовали за консерваторов. В старости они нуждаются в льготах и привилегиях от государства всеобщего благоденствия, высоко ценят их и обижаются на то, что налоговая политика тори несколько сократила объем таких финансовых послаблений. Оказавшись перед лицом перекрестных давлений и перед необходимостью выбирать между своими традиционными партийными привязанностями и текущими политическими потребностями, крупный сегмент пожилых сторонников тори из числа рабочих в нерешительности

замер и либо вообще перестал голосовать, либо фактически перешел в лагерь приверженцев Лейбористской партии. Однако Эбрамс отмечает и прямо противоположный процесс, происходящий среди занятых ручным трудом квалифицированных рабочих, чей доход и экономическая безопасность резко повысились по сравнению с 1940 г. Данная группа постепенно усваивает вкусы и устремления среднего класса, и этот сдвиг в ценностях сопровождается наблюдающимся ныне среди них дрейфом в сторону тори³⁷. Следовательно, именно тори, а не лейбористы, добились более впечатляющего и прочного роста поддержки.

Заключительные замечания

Акцент на общественный класс как главную детерминанту партийного выбора и разделения между партиями, похоже, обосновывает и подтверждает опасения многих консерваторов XIX столетия, что бедняки, если предоставить им такую привилегию, стали бы голосовать за свои эгоистические интересы. Из-за этой убежденности большей части консерваторов почти в каждой западной стране велась борьба против создания такой политической системы, где правительство, представляющее волю большинства взрослого населения, могло бы вводить любое законодательство, которое оно только пожелает³⁸.

Но хотя те люди, которые предсказывали, что в демократическом обществе население будет голосовать в соответствии с линиями классового разделения, в целом доказали свою правоту, их оппоненты, бросившие вызов мнению, будто всеобщее избирательное право

³⁷ См.: Mark Abrams, «Press, Polls and Votes in Britain since the 1955 General Elections», *Public Opinion Quarterly*, 21 (1957–1958), pp. 543–547.

³⁸ Многие из ограничений, налагаемых на прямую демократию, сохранились в значительной части западного мира вплоть до Первой мировой войны; некоторые — до первых лет после окончания Второй мировой войны; а кое-какие остаются в силе и сегодня. Существующее у палаты лордов властное полномочие налагать вето на любой элемент британского законодательства не модифицировалось до 1911 г., и эта палата сохраняла значительную возможность отсрочки любого закона вплоть до 1948 г. Два голоса, которыми на всех выборах наделялись владельцы собственности и обладатели университетского диплома, были отменены в Великобритании только после победы лейбористов в 1945 г. Трехкатегорная система выборов, в которой было невозможно правительство на основе большинства у представителей низшего класса, продолжала существовать в Пруссии вплоть до 1918 г. В США прямые выборы сенаторов не вводились вплоть до 1916 г. Похожие ограничения остаются до сих пор или же были отменены лишь недавно в Австралии, Канаде, Бельгии, Италии и других странах.

будет автоматически означать постоянное превосходство партии, которая базируется на низшем классе, — а такое положение означало бы конец демократии — также утвердились в своем убеждении. Последняя группа, включавшая несколько крупных консервативных фигур, чувствовала, что социально ответственное высшее сословие вполне способно сохранить за собой лояльность достаточно большого сегмента низших классов, чтобы поддерживать свою лидерскую роль. Дизраэли, например, настойчиво выражал свою убежденность в том, что «честный, храбрый и добрый по натуре народ Англии» не будет злоупотреблять избирательным правом, предоставленным всему мужскому населению страны. Следует, однако, отметить, что Дизраэли был представителем партии сельского высшего класса, и его вера в способность этой партии управлять была основана на успехе патернализма в сельских районах и на убеждении, что похожие взаимоотношения можно было бы ввести в целом по всей стране³⁹.

На противоположном краю политического спектра Карл Маркс точно так же не предполагал, что бедные обязательно окажутся эффективной левой политической силой. Он осознавал, что какие-то части низших классов фактически поддерживали статус-кво. Маркс объяснял такую поддержку (которую он назвал «ложным сознанием»*), постулируя, что низшие классы вступают в политическое пространство, принимая легитимность существующих мер стратификации как данность, и что базовые институты общества: религия, образование, средства массовой информации — продвигают идеи и ценности, которые поддерживают существующий порядок и непременно принимаются, хотя бы до некоторой степени, всеми социальными стратами. Маркс был намного более пессимистичен в вопросе о возможностях успешного захвата власти низшим классом, чем многие из консерваторов, которые проецировали на бедных свои собственные предположения о рациональном личном интересе, или, иначе говоря, об эгоизме.

³⁹ В 1861 г. Наполеон III посоветовал прусскому правительству ввести всеобщее избирательное право, «посредством которого консервативное сельское население могло бы забаллотировать либералов в городах». См.: F. Meinecke, *Weltbürgertum und Nationalstaat, Genesis des Deutschen Nationalstaats* (München: G. R. Oldenbourg, 1922, 6th ed.), pp. 517–518 и F. Naumann, *Die Politischen Parteien* (Berlin: Schonberg, Buchverlag der Hilfe, 1910), pp. 16–17.

* Ложное сознание — это понятие марксистской классовой теории, но в трудах самого Маркса такого выражения нет. Впервые термин «ложное сознание» встречается не у Маркса, а в письме Фридриха Энгельса к Францу Мерингу от 14 июля 1893 г., где он писал: «Идеология — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным...» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. М.: ОГИЗ, 1947. С. 462–463). — *Прим. перев.*

Есть много разнообразных причин — отдельные из них уже обсуждались, — по которым настоящей тесной зависимости между классовой принадлежностью и голосованием не существует. Возможно, самая важная из них (причем не выводимая из исследований избирателей) — это постоянные коррективы, вносимые главными акторами демократической игры — партиями и их лидерами — в требование, чтобы система поддерживалась в сбалансированном состоянии. Партии озабочены сохранением возможности того, чтобы на следующих выборах превратности фортуны удержали их у власти или же возвратили во власть. Следовательно, по мере того как исторические события изменяют ощущаемые электоратом потребности, демократические партии модифицируют свои программы, чтобы сохранить голоса или обеспечить себе новые. Классический образец консервативного государственного деятеля, который знал, каким образом удерживать систему в равновесии под давлением слева, — это Бенджамин Дизраэли. Он осознавал, что британская Консервативная партия должна найти основания для привлечения к себе рабочего класса, и поэтому предложил формировать консервативные ассоциации рабочих. Эти ассоциации, организованные партией тори по всей Англии, предпринимали сознательные усилия, чтобы обращаться к рабочему классу. Туда настойчиво приглашали вступать профсоюзных лидеров и других представителей трудящихся. Дизраэли надеялся, что разного рода уступки рабочим — в частности, всеобщее избирательное право для взрослых и законы, нацеленные на улучшение условий труда и жизни, — завоюют их лояльность консерваторам. Он полагал, что после введения всеобщего избирательного права традиционное и явно выраженное положение консерваторов как высшего сословия не могло быть сохранено при использовании старых методов, и был убежден, что тори были бы в силах сохранить лояльность рабочих, лишь представляя их интересы. Похоже, история британской политической жизни частично подтверждает правоту Дизраэли, поскольку тори оказались в состоянии приобрести и сохранить значительную долю голосов рабочего класса. Сегодня каждый второй избиратель консерваторов — это работник физического труда.

Но остается фактом, что в большинстве устойчивых демократий существует неотъемлемо заложенная в них тяга влево. На протяжении длительного времени левые партии завоевывали поддержку с помощью мероприятий, которые увеличивают относительную силу низших страт и их ощущение безопасности. И консервативные ораторы сегодня с гордостью указывают на те действия своей партии,

которые в XIX веке осуждались как отъявленный социализм. Например, в Великобритании Консервативная партия сохраняет свою лидерскую роль политической организации, которая «более эффективно проводит социализм в жизнь». Способность консерваторов делать это является как их триумфом, так и их трагедией — триумфом, потому что они остаются во главе общества, и трагедией, потому что они вынуждены отказываться от большей части того, что по-настоящему ценят.

Однако для любой политической тенденции постоянные уступки программе своих оппонентов нельзя назвать приятным решением, и на стороне консервативных партий имеются огромные ресурсы, которые они эффективно используют для сдерживания или даже торможения левых реформ. И точно так же, как левым силам выгодно, когда классовые различия признаются главным основанием для политического разделения, правые силы часто извлекают преимущество из ситуации, когда центральными объектами озабоченности избирателей становятся те или иные внеклассовые проблемы: внешняя политика, мораль и нравственность, административная эффективность, личные качества кандидатов. Следовательно, в той степени, в какой консервативные партии способны сделать так, чтобы выборы вращались вокруг неэкономической проблематики, они могут снизить давление в пользу реформ и увеличить свои возможности побеждать на выборах. Их более широкий доступ к прессе и другим средствам массовой информации помогает им определять проблематику, которую следует выносить на выборы, особенно в периоды процветания, когда экономические потребности не выступают на передний план.

Демократическая партийная система, основанная на двух политических партиях, которые привязаны к более и менее привилегированным стратам в составе общества, существует в США дольше, чем в любой другой стране на нашей планете. Внимательный взгляд на то, каким путем эта система справлялась с проблемой институционализации классовой борьбы, проливает дальнейший свет на механизмы, потребные для стабильной демократии. Поэтому следующая часть данной книги обращается к углубленному анализу многих из обсуждавшихся здесь тем, но в рамках структуры американского общества.

ЧАСТЬ III

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ПОВЕДЕНИЕ
В АМЕРИКАНСКОМ
ОБЩЕСТВЕ**

ГЛАВА 9

КЛАССЫ И ПАРТИИ В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

303

Напоминание о том, что первые в истории политические партии, в названии которых есть слова «рабочая» (labor) или «рабочих» (workingman), сформировались в Америке в 1820–30-х годах, часто вызывает удивление, особенно у европейцев. Упор на «бесклассовость» в американской политической идеологии привел многих европейских и американских политических обозревателей к заключению, что в Америке расхождения между партиями меньше связаны с классовым расколом, чем в других западных странах. Однако социологические исследования по итогам выборов опровергают это заключение. Они показывают, что на каждых выборах в США с 1936 г. (ранее исследования по данному вопросу не проводились) доля голосующих за демократов резко возрастает, по мере того как мы спускаемся вниз по лестнице профессий или доходов. В 1948 г. почти 80% рабочих голосовало за демократов; столь высокого процента левые партии никогда не добивались в таких странах, как Великобритания, Франция, Италия и Германия. Из года в год малооплачиваемые и низкоквалифицированные рабочие оказываются самыми твердыми сторонниками демократов; даже в 1952 г. две трети неквалифицированных рабочих отдали голоса за Стивенсона, хотя доля всех работников физического труда, поддерживающих демократов, упала в этот год до 55% — снижение, которое в значительной мере было следствием личной «надпартийной» привлекательности Эйзенхауэра, а не принципиального отхода низших социальных слоев от Демократической партии¹.

¹ См.: Herbert Hyman, Paul B. Sheatsley, «The Political Appeal of President Eisenhower», *Public Opinion Quarterly*, 17 (1953), p. 443–460. Авторы статьи демонстрируют это, основываясь на результатах проведенных в 1947–1948 гг. опросов, уже указывавших на то, что Эйзенхауэр может быть избран президентом под флагом и той и другой партии.

Процент голосов, отданных за республиканцев, или электоральные предпочтения у профессиональных групп и членов профсоюзов*

	1940	1948	1952	1954	1956
Предприниматели и специалисты	64	77	64	61	68
Белые воротнички	52	48	60	52	63
Работники физического труда (квалифицированные и неквалифицированные)	35	22	45	35	50
Фермеры	46	32	67	56	54
Члены профсоюзов	28	13	39	27	43

* Цифры за 1940 г. представляют предвыборные предпочтения избирателей и подсчитаны на основе работы: Hadley Cantril, *Public Opinion, 1935-1946* (Princeton: Princeton University Press, 1951), p. 692. Так как число случаев в таблице не указано, то исходя из данных переписи населения были сделаны подсчеты относительной численности каждой профессиональной категории, с тем чтобы облегчить комбинацию некоторых из этих данных. Цифры за 1948 г. представляют состоявшееся голосование, отраженное в национальной случайной выборке, и заимствованы из работы: Angus Campbell, Gerald Gurin, Warren E. Miller, *The Voter Decides* (Evanston: Row, Peterson and Co., 1954), p. 72-73. Остальные данные можно найти в пресс-релизе Американского института общественного мнения (American Institute of Public Opinion news release, October 12, 1958); они также представляют результаты состоявшегося голосования.

Вообще, рабочие, даже многие из голосовавших в 1952 и 1956 гг. за Эйзенхауэра, в большинстве своем все еще считают себя демократами, а результаты выборов в Конгресс в 1954 и 1958 гг. показывают, что сдвига традиционной демократической электоральной базы в сторону республиканцев не было. Согласно опросу Гэллага, две трети рабочих на выборах в Конгресс в 1958 г. проголосовали за демократов.

Та же связь между классовой принадлежностью, рассматриваемой сейчас как самый общий дифференцирующий фактор, и поддержкой определенной партии существует у среднего и высшего классов. В социальных слоях, занятых умственным трудом, демократы находятся в меньшинстве и, за исключением лиц интеллектуальных профессий (см. главу 10), доля демократов среди избирателей, занимающихся умственным трудом, неуклонно уменьшается вместе со статусом дохода и профессии. Согласно одному исследованию, только 6% глав корпораций с более чем 10 тыс. работающих по найму являются демократами. Политическая приверженность руководителей крупных американских корпораций, возможно, лучший пример значимости статусных различий как фактора американской по-

литической жизни. Упомянутое исследование, проведенное в 1955 г. Центром международных исследований при Массачусетском технологическом институте и основанное на опросе систематической выборки из тысячи человек, обнаружило такую закономерность: даже внутри этой высшей экономической группы чем больше компания, в которой человек занимает руководящую должность, тем больше вероятность того, что он республиканец (см. табл. II).

Таблица II

Связь между величиной фирмы и приверженностью руководителей корпораций политическим партиям, 1955 г. (%)^{*}

<i>Величина фирмы</i>	<i>Республиканцы</i>	<i>Демократы</i>	<i>Лица иных политических взглядов</i>
Более 10 000 работающих	84	6	10
1000–9999	80	8	12
100–999	69	12	19

^{*} Данные, любезно предоставленные автору Центром международных исследований при Массачусетском технологическом институте.

С полученными данными согласуются распространенные образы типичных сторонников каждой партии. В 1958 г., незадолго до выборов в конгресс, в рамках опроса Гэллага респондентов, вошедших в общенациональную выборку, спрашивали, каково их представление о типичном демократе, и чаще всего ответы были следующими: «средний класс... обыкновенные люди... друг... человек как все... работает ради заработка... обычный человек... тот, кто думает обо всех». И напротив, типичный республиканец – это «лучший класс... обеспеченный... крупный бизнесмен... голосующий за тех, у кого есть деньги... успешный в финансовом отношении... богатый... высший класс»².

В общем и целом данные опроса общественного мнения подтверждают вывод, к которому пришел историк Чарльз Бирд в 1917 г.: «...центр тяжести богатства находится на республиканской стороне, а центр тяжести бедности – на демократической стороне»³. Выводы Бирда основывались на рассмотрении характеристик различных географических районов, и современные исследователи,

² American Institute of Public Opinion news release, November 2, 1958. См.: Angus Campbell, Gerald Gurin, Warren E. Miller, *The Voter Decides* (Evanston: Row, Peterson and Co., 1954), p. 211 – о восприятии электоратом 1952 г. тех, кто поддерживает каждую партию.

³ Цит. по: V. O. Key, Jr., *Politics, Parties, and Pressure Groups*, 4th ed. (New York: Crowell, 1958), p. 235.

применяющие этот экологический подход, сообщают о схожих результатах. Так, политолог из Гарварда Артур Холком обнаружил, что в городских избирательных округах по выборам в Конгресс «тип приверженцев партий одинаков. Последовательно республиканскими на протяжении значительного периода являются лишь округа с самыми высокими доходами избирателей... Наибольшую последовательность в приверженности Демократической партии показывают округа с самыми низкими доходами... Округа с преобладанием средних доходов наиболее неопределенны с точки зрения главных партий»⁴. При тщательном изучении партийной принадлежности избирателей в 1934 г. в округе Санта-Клара (пригородная зона Сан-Франциско), в то время твердо республиканском, обнаружилась четкая корреляция между высоким профессиональным положением и членством в Республиканской партии. Около 75% директоров заводов и фабрик, банкиров, брокеров и менеджеров торговых фирм открыто солидаризировались с «Великой старой партией»* по сравнению с 35% рабочих консервных заводов и других неквалифицированных рабочих. Внутри каждой большой профессиональной группы вероятность членства в Республиканской партии у собственников была намного больше, чем у лиц, не владеющих собственностью⁵.

307 Хотя большинство обобщений относительно связи американских партий с классовыми различиями основываются на разнице в данных голосующих за них избирателей, есть и некоторые, пока еще скудные, сведения о том, что те же различия существуют и на уровне лидеров, особенно в местных сообществах. Изучение данных кандидатов на выдвижение на выборные должности в округе на местных первичных выборах в трех округах штата Индиана выявило строгое соответствие между характеристиками лидеров и избирателей. Если 76% добивавшихся выдвижения от республиканцев по роду занятий находились в группах специалистов или менеджеров коммерческих предприятий, то 42% претендовавших на выдвижение от демократов были работниками физического труда (см. табл. III). В Милуоки, штат Висконсин, 54% должностных лиц от местного отделения Демократической партии были работниками физического

⁴ Arthur Holcombe, *Our More Perfect Union* (Cambridge: Harvard University Press, 1950), p. 135. См. также: Samuel Lubell, *The Future of American Politics* (New York: Doubleday, Anchor Books, 1956), p. 51–55; Duncan MacRae, Jr., «Occupations and the Congressional Vote, 1940–1950», *American Sociological Review*, 20 (1955), p. 332–340.

* Grand Old Party (G. O. P.) – неофициальное название Республиканской партии в США. – Прим. *редак.*

⁵ Dewey Anderson, Percy E. Davidson, *Ballots and the Democratic Class Struggle* (Stanford: Stanford University Press, 1943), p. 118–147.

труда, торговцами или конторскими служащими. И напротив, эти группы составляли только 10% у республиканцев, чьи лидеры были в основном специалистами или управляли торговыми фирмами⁶.

Таблица III

Данные о роде занятий кандидатов на выдвижение на выборные должности в округе в трех округах штата Индиана, 1954 г.⁹

Занятие	Республиканцы		Демократы	
	Число	Процент	Число	Процент
Специалисты	23	25,8	17	17,7
Менеджеры	45	50,6	25	26,0
Конторские служащие и торговцы	8	9,0	10	10,4
Работники физического труда	11	12,4	40	41,7
Прочие	2	2,2	4	4,2
Всего	89	100,0	96	100,0

⁹ Franc Munger. *Two-Party Politics in the State of Indiana* (unpublished M.S. thesis, Department of Government, Harvard University, 1955), p. 275; данные приведены по кн.: V. O. Key, Jr., *Politics, Parties, and Pressure Groups* (New York: Crowell, 1958), p. 240.

Связь социально-экономического положения с политическим поведением в Америке, как и всюду, упрочивается религиозными и этническими факторами. Опросы показывают, что, если взять христианские вероисповедания, чем выше средний доход членов церковной группы, тем вероятнее, что они голосуют за республиканцев. Если распределить христианские религиозные группы в США по среднему социально-экономическому статусу их членов, то это будут — двигаясь сверху вниз — конгрегационалисты, пресвитериане, члены епископальной церкви, методисты, лютеране, баптисты и католики; и такое распределение совпадает с распределением вероисповеданий по степени склонности к голосованию за республиканцев. Это наводит на мысль, что не столько религиозные представления, сколько социально-экономический статус в первую очередь обуславливает политические ценности в различных вероисповеданиях. Тот факт, что иудеи, одна из богатейших религиозных групп в Америке, согласно данным опроса, весьма демократичны, возможно, объясняется, как я уже говорил ранее, их чувствительностью к этнической дискриминации и создаваемым ими недостатком действительного социального общения с группами, имеющими

⁶ Leon D. Epstein, *Politics in Wisconsin* (Madison: University of Wisconsin Press, 1938), p. 186.

в Америке высший статус. Вместе с тем религиозные верования или исповедуемые религии и связанные с ними политические ценности, очевидно, и сами по себе оказывают некоторое влияние на электоральное поведение. Рабочие-протестанты, принадлежащие к конгрегационалистской и пресвитерианской церкви, с большей вероятностью будут республиканцами, чем рабочие — баптисты или католики. И наоборот, богатые баптисты или католики больше подходят для Демократической партии, чем богатые конгрегационалисты или члены епископальной церкви⁷.

309

Приблизительно те же различия наблюдаются между этническими группами. Англосаксы с большей вероятностью будут республиканцами, чем другие американцы того же классового положения, но не столь отдаленного иммигрантского происхождения. Так, если индивид принадлежит к среднему классу, англосакс и протестант, он, весьма вероятно, будет республиканцем, а если он принадлежит к рабочему классу, исповедует католицизм и у него недавнее иммигрантское происхождение, он, наверное, будет демократом.

Еще до формирования двухпартийной системы в ее нынешнем виде политические вопросы, разделяющие общество, часто носили классовый характер. Например, свободные государственные школы не возникли естественно и логично из структуры и ценностей американского общества. Скорее, как отметил историк американской системы образования Элвуд Кабберли, «не считая борьбы за уничтожение рабства, возможно, ни один вопрос, когда-либо стоявший перед американским народом, не вызвал такого кипения страстей и не возбуждал такого острого антагонизма»⁸. Полемика вокруг образования во многом была противоборством между либералами и консервато-

⁷ Что касается политических предпочтений иудеев, см. общее исследование: Lawrence H. Fuchs, *The Political Behavior of American Jews* (Glencoe: The Free Press, 1956). См. также: Werner Cohn, «The Politics of the Jews», in Marshall Sklare, ed., *The Jews: Social Patterns of an American Group* (Glencoe: The Free Press, 1958), p. 614–626. См.: Wesley and Beverly Allinsmith, «Religious Affiliation and Political-Economic Attitudes», *Public Opinion Quarterly*, 12 (1948), p. 377–389; Paul F. Lazarsfeld, Bernard Berelson, Hazel Gaudet, *The People's Choice* (New York: Columbia University Press, 1948), p. 22; W. F. Ogburn, N. S. Talbot, «A Measurement of the Factors in the Presidential Election of 1928», *Social Forces*, 8 (1929), p. 175–183; H. F. Gosnell, *Grass Roots Politics* (Washington: American Council on Public Affairs, 1942), p. 17, 33–34, 55, 102; S. J. Korchin, *Psychological Factors in the Behavior of Voters* (unpublished Ph.D. thesis, Department of Social Relations, Harvard University, 1946), Chap. V; Louis Harris, *Is There a Republican Majority?* (New York: Harper & Bros., 1954), p. 87; A. Campbell, G. Gurin, W. Miller, *op. cit.*, p. 71, 79; Bernard Berelson, Paul Lazarsfeld, William McPhee, *Voting* (Chicago: University of Chicago Press, 1954), p. 64–71; Oscar Glantz, «Protestant and Catholic Voting Behavior», *Public Opinion Quarterly*, 23 (1959), p. 73–82.

⁸ Ellwood P. Cubberley, *Public Education in the United States* (Boston: Houghton Mifflin Co., 1954), p. 164.

рами в современном смысле этих слов, хотя религиозные вопросы тоже играли большую роль. «Поначалу на сторонников свободных школ чаще всего смотрели как на фанатиков, опасных для государства, а они, в свою очередь, видели в противниках свободных школ консерваторов старого образца или эгоистичных членов общества»⁹. В числе аргументов, выдвинутых в пользу свободного образования, был довод, что «общая государственная школа, равно открытая для всех, предотвратила бы классовую рознь, столь опасную в республике»; тогда как противники таких школ доказывали, что они «сделают образование слишком доступным, будут обучать людей независимо от их положения в обществе... [и] разрушат давно установленные и весьма желательные социальные барьеры»¹⁰. В спорном вопросе на одной стороне были беднейшие классы; на другой — «старый класс аристократов... консерваторы общества... налогоплательщики»¹¹.

Быть может, самое глубокое суждение о смысле политических разногласий в Америке содержится в замечании, сделанном Токвилем в 1930 г. относительно бросающейся в глаза борьбы между аристократией и демократией:

«Для иностранца все эти домашние ссоры американцев кажутся на первый взгляд непонятными и ребяческими, и не знаешь, жалеть ли этот народ, который серьезно занимается подобной безделицей, или завидовать ему, почитая его счастливым, поскольку он может этим заниматься.

Однако, как только изучишь тайные движущие силы, которые управляют в Америке мятежными группировками, сразу поймешь, что большая часть из них связана более или менее тесно с одной из двух великих партий, которые разделяют людей с тех пор, как существуют свободные общества. *По мере углубления в сокровенную сущность этих партий замечаешь, что деятельность одних направлена на то, чтобы ограничить использование общественной силы, деятельность же других — на то, чтобы расширить это использование.*

⁹ *Loc. cit.*

¹⁰ *Ibid.*, p. 166.

¹¹ *Ibid.*, p. 164–165. «Проект всеобщего равного образования за счет государства — в сущности, та же программа движения аграриев. Это было бы принудительное изъятие средств более богатых для прямого использования более бедными классами и, следовательно, произвольный раздел собственности между ними... Власть — т.е. государство — должна заставить граждан, находящихся в лучшем положении, отдать часть своих средств на потребу остальным, что равнозначно настоящему принудительному дедежу их имущества» (редакционная статья в «Philadelphia National Gazette» (August 19, 1830), цит. по: Cubberley, *op. cit.*, p. 182). Это показывает, что данный вопрос считали вопросом борьбы между левыми и правыми, как ее понимает классическая экономическая теория.

Я вовсе не хочу сказать, что американские партии имели своей явной или даже скрытой целью выдвинуть на первый план аристократию или демократию в стране; я утверждаю, что аристократические или демократические страсти легко обнаруживаются в основе каждой партии; и хотя это не бросается в глаза, именно это и является слабым местом каждой партии»¹².

311 Таким образом, связь между статусом или классовым положением (определяемым по трем критериям: экономическое положение, религия и этническая принадлежность) и партийной приверженностью — явление не новое в американской истории. Исследования социальных баз федералистов, первой консервативной партии в Америке, и джефферсоновских демократов в конце XVIII — начале XIX века показывают, что они в точности соответствуют социальным базам современных республиканцев и демократов. Федералистов поддерживали зажиточные фермеры, городские торговцы, лица английского происхождения и члены таких высокостатусных церквей, как конгрегационалистская и епископальная¹³. Демократы пользовались поддержкой городских рабочих, небогатых фермеров, лиц неанглийского, например шотландо-ирландского, происхождения и членов более бедных (в то время) церквей, в частности пресвитериан и католиков. Вторая консервативная партия, виги, борющаяся с демократами с 1836 по 1852 г., черпала силу от той же группы, что и федералисты, тогда как демократы опирались на группы, поддерживающие Джефферсона, и вдобавок привлекли на свою сторону большинство европейских иммигрантов новой волны.

Хотя Республиканскую партию часто считают заново созданной антирабовладельческой партией, изучение периода, предшествовавшего Гражданской войне, приводит к заключению, что она унаследовала и приверженцев, и лидеров северян-вигов. Тщательное исследование электорального поведения в штате Нью-Йорк до Гражданской войны показывает, что демократы сохраняли за собой поддержку городского низшего класса, католиков и иммигрантов¹⁴.

¹² Alexis de Tocqueville. *Democracy in America*, Vol. I (New York: Vintage Books, 1955), p. 185–186, курсив мой. — М. Л.). [А. де Токвиль. Демократия в Америке. М.: Прогресс — Литера, 1994. С. 146.] Похожие замечания см. в: Harriet Martineau, *Society in America*, Vol. I (London: Saunders and Otley, 1837), p. 10ff.; Thomas Hamilton, *Men and Manners in America*, Vol. I (London: T. Cadell, 1833), p. 288.

¹³ Manning Dauer, *The Adams Federalists* (Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1953), p. 24–27, 263.

¹⁴ Это исследование сейчас проводится Ли Бенсоном из Центра передовых исследований в области наук о поведении человека.

Как явствует из данных, полученных социологами, люди, обладающие богатством и экономическим влиянием и при этом поддерживающие демократов, в Америке *всегда* были в меньшинстве. Диксон Райан Фокс, анализировавший политическую жизнь штата Нью-Йорк в первой половине XIX в., собрал значительные статистические данные, показывающие, что во многих городах штата избирательные участки с преобладанием лиц из высшего класса голосовали за федералистов и за вигов¹⁵. Фокс цитирует биографа богатых торговцев Нью-Йорка, писавшего в 1860-х годах: «Всем известно, что на протяжении тридцати четырех лет [со времени возрождения двухпартийной политики в 1828 г.] лишь очень немногие торговцы первого разряда были демократами. Масса крупных и мелких торговцев собиралась, наподобие овец, в загон федералистов, вигов, Клея или республиканцев. Торговцы-демократы легко поместились бы в просторный железнодорожный вагон на Восьмой авеню»¹⁶.

В недавно проведенном Мейбел Ньюкомер исследовании политических взглядов руководителей крупного бизнеса в 1900, 1925 и 1950 гг. сообщается, что в течение каждого из трех периодов около трех четвертей членов этой группы были республиканцами. Даже в 1925 г., обычно не рассматриваемом как год политического классового конфликта в Америке, только 19% руководящих работников были демократами. Эти данные заведомо преуменьшают республиканское большинство среди руководителей бизнеса, так как основываются на открытой партийной регистрации, а не на электоральном предпочтении и включают много южан-демократов, которые были бы республиканцами, если бы не жили в однопартийном регионе¹⁷.

В заключение заметим, что как свидетельство слабой поддержки демократов высшим классом представляют некоторый интерес голоса, отдаваемые за кандидатов в президенты на предварительном голосовании учащимися Сент-Пол Скул, закрытой частной школы для высшего класса. С 1888 по 1932 г. подавляющее большинство голосов неизменно получали кандидаты от республиканцев (см. табл. IV). Даже консервативный Гровер Кливленд набрал только 35% голо-

¹⁵ Dixon Ryan Fox, *The Decline of Aristocracy in the Politics of New York* (New York: Columbia University Press, 1919).

¹⁶ W. Barrett, *Old Merchants of New York*, Vol. I, p. 81, цит. по: Fox, *op. cit.*, p. 426.

¹⁷ Mabel Newcomer, *The Big Business Executive* (New York: Columbia University Press, 1955), p. 46. В 1928 г. при опросе лиц, вошедших в справочник «Кто есть кто» («Who's Who»), обнаружилось, что 87% из них хотели бы видеть президентом Герберта Гувера. См.: Jean-Louis Sevrin, *La structure interne des partis politiques Américains* (Paris: Librairie Armand Colin, 1953), p. 58.

сов этих юных американцев, отпрысков семейств, принадлежащих к высшему классу*.

Таблица IV*

**Процент демократических предпочтений
среди учащихся Сент-Пол Скул**

1888	35
1892	37
1900	19
1904	—
1908	17
1912	37
1916	23
1920	13
1924	16
1928	24
1932	18

* Заимствовано из кн.: Arthur S. Pier, *St. Paul's School, 1855–1934* (New York: Charles Scribner's Sons, 1934), p. 181. Исходные цифры можно также найти в кн.: E. Digby Baltzell, *Philadelphia Gentlemen* (Glencoe: The Free Press, 1958), p. 316.

Партийная политика, определяемая сторонниками партии

Разделение американцев на сторонников партий, из которых одна исторически опиралась на тех, кто беднее, а другая — на более обеспеченных, не означает, что партии всегда идеологически делились соответственно традиционным политическим меткам: левые — правые. Такие вопросы разделяли партии в день Джефферсона и в день Джексона*, а также — по большей части — с 1896 г. до настоящего времени, хотя и были некоторые существенные исключения вроде выборов 1904 и 1920 гг. Однако даже когда партии не занимали противоположных позиций согласно обычному делению на правых

* *День Джефферсона* — 13 апреля, день рождения 3-го президента США Томаса Джефферсона (1743–1826); официальный праздничный день в шт. Алабама. *День Джексона* — 8 января, официально празднуется в шт. Луизиана в память о победе генерала Эндрю Джексона (1767–1845) в битве с англичанами под Новым Орлеаном в 1815 г. Впоследствии Джексон стал 7-м президентом США. Т. Джефферсон создал Демократическую республиканскую партию; Э. Джексон сплотил вокруг себя политическую группировку, которая положила начало Демократической партии. — *Прим. перев.*

и левых, между ними почти всегда оставались спорные вопросы, отражавшие различия в их социальных базах. Например, партия федералистов-вигов-республиканцев в XIX веке менее благоприятствовала иммиграции, чем Демократическая партия, и республиканское правительство в начале 1920-х годов приняло законы, ограничивающие иммиграцию. В целом различные нативистские и антикатолические движения, возникавшие в разные периоды американской истории, связывались гражданами с консервативными партиями, если не на общенациональном, то на местном уровне¹⁸.

Даже разногласия относительно рабства отражали классовые различия. На Севере городские группы низшего класса до Гражданской войны были склонны к антинегритянским настроениям, и борьба за отмену рабства их не интересовала. На конституционных конвентах штата Нью-Йорк в 1820 и 1846 гг. консерваторы поддерживали право свободных негров на участие в голосовании, тогда как главные представители демократов либо выступали против, либо проявляли безразличие к распространению избирательного права на негров. В свою очередь, свободные негры до 1850 г. были сторонниками Федералистской партии и Партии вигов, а освобожденные рабы и их потомки оставались верными Республиканской партии вплоть до того, как избрание Рузвельта впервые привело к формированию демократического правительства, которое озаботилось их проблемами¹⁹. Администрация Вильсона (1913–1921), либераль-

¹⁸ См.: Wilfred E. Binkley, *American Political Parties, Their Natural History* (New York: Alfred A. Knopf, 1947), p. 163; в подробном исследовании результатов голосования в штате Висконсин в 1860 г., основанном на точных записях в Регистрационной книге штата Висконсин, сообщается, что пять шестых всех немцев и почти все католики поддержали Дугласа *против* Линкольна, так как они связывали республиканцев с нативизмом «ничего не знающих». См.: Joseph Schafer, «Who Elected Lincoln?», *American Historical Review*, 47 (1941), p. 51–63. [В основе *нативистского* (нейтивистского) движения, возникшего в конце 1820-х годов и усилившегося в 40-х годах в связи с новой большой волной иммиграции, лежала борьба первых американских переселенцев (протестантов) против иммигрантов-католиков. В 1840-х годах появились местные нативистские партии, выдвигавшие такие требования, как ограничение иммиграции, назначение на государственные должности только коренных американцев, установление 21-летнего срока проживания в стране для получения гражданства и права голоса и т.д. В 1850-х годах из разрозненных политических группировок, выступавших против иммигрантов, сформировалась Партия «ничего не знающих» (Know-Nothing Party), или Партия коренных американцев (Native American Party). Первоначально члены нативистских партий действовали через тайные общества, оказывавшие поддержку на выборах устраивавшим их кандидатам, и на вопросы посторонних о деятельности партии отвечали: «Я ничего не знаю». — *Перев.*]

¹⁹ См.: Dixon Ryan Fox, «The Negro Vote in Old New York», *Political Science Quarterly*, 32 (1917), p. 252–275; Marvin Meyers, *The Jacksonian Persuasion: Politics and Beliefs* (Stanford: Stanford University Press, 1957), p. 189–190.

ная в других вопросах, в своей расовой политике отражала позиции южан. Общественные движения, отражающие протестантскую мораль среднего класса, как, например, движение за запрещение спиртных напитков и азартных игр или движения, направленные на устранение коррупции в правительстве, также прокладывали себе путь главным образом через консервативные партии. В спорах о запрете на алкоголь в XX веке демократы на Севере были «мокрой» партией, а республиканцы — «сухой». И в благополучные 1920-е годы демократы, как партия низших слоев и католиков, проводили избирательную кампанию 1928 г. в основном на платформе призыва к отмене сухого закона²⁰.

Различия в этническом составе социальных баз двух партий находили отражение и в их внешнеполитических позициях. Одно демократическое правительство между 1861 и 1913 гг. — правительство Гровера Кливленда в 1880-х годах — в ряде вопросов не соглашалось с Великобританией и сочувственно относилось к делу свободы Ирландии. В недавнем исследовании, посвященном британским иммигрантам в Америке, показано, что британцы, хотя их не рассматривали как отдельную или чужую этническую группу, подобную прибывшим из других стран, в конце XIX века организовали британские клубы как средство борьбы с политическим влиянием ирландских демократов. Эти британские общества тяготели к Республиканской партии²¹. Различия, о которых идет речь, сказывались на американской политике даже во время Первой мировой войны. Хотя Вильсон лично испытывал симпатию к Британии и союзникам, основная масса американцев неанглосаксонского происхождения враждебно относилась либо к Британии, либо к царской России, и именно Республиканская партия, опирающаяся на англосаксов из среднего класса, настаивала на большей помощи союзникам. Напомним, что Вильсон на выборах 1916 г. боролся на *антивоенной* платформе и завоевал или сохранил поддержку ирландцев, евреев и немцев для Демократической партии.

²⁰ Экологическое исследование 173 избирательных округов в 1928 г. обнаружило, что «мокрые» округа были неуклонно более демократическими, даже когда такие важные в других отношениях факторы, как число натурализованных граждан и католиков и степень урбанизации, были приблизительно одинаковы. Авторы исследования отмечали, что «лучшее свидетельство влияния <Эла> Смита в населенном пункте — это мокрота населенного пункта». Мокрота определялась по «мокрому» голосованию большинства на выборах в штатах, когда в той или иной форме стоял вопрос о сухом законе. См.: W. F. Ogburn, N. S. Talbot, *op. cit.*, p. 179.

²¹ См.: Rowland T. Berthoff, *British Immigrants in Industrial America, 1790–1950* (Cambridge: Harvard University Press, 1953), p. 198–205.

Позиция двух партий во внешней политике не только отражала их различную этническую базу, но иногда и лишала их части сторонников. Миллионы американцев с ирландскими и немецкими корнями явно не одобряли вступление Америки в Первую мировую войну²². От социальной и экономической дискриминации во время войны и в послевоенные годы особенно тяжело страдали немцы. Некоторые аналитики утверждали (правда, не подкрепляя это статистическими данными), что крупная победа республиканцев в 1920 г., когда Гардинг набрал больший процент голосов, чем какой-либо другой республиканец со времени основания партии, была, по крайней мере частично, следствием отхода от демократов членов тех этнических групп, которые чувствовали себя преданными Вильсоном, вовлекшим Америку в войну.

Сейчас многие забыли, что в первые годы своего президентства Франклин Рузвельт был изоляционистом, а лидеры Демократической партии в Конгрессе действовали так, словно считали, что Америку обманом вовлекли в Первую мировую войну британская пропаганда и манипуляции банкиров с Уолл-стрит. Закон о нейтралитете, принятый в первый срок пребывания Рузвельта на посту президента преимущественно демократическим Конгрессом, отражал изоляционистские и антибританские позиции. В этом отношении демократы вернулись к своей традиционной функции представления крупнейших этнических групп²³.

Начавшаяся Вторая мировая война поставила Рузвельта перед той же дилеммой, перед которой раньше стоял Вильсон. Рузвельт знал, что должен помогать союзникам, но вместе с тем он хотел быть переизбранным. Поражение Франции не оставило ему другой альтернати-

²² В штате Висконсин избиратели немецкого и ирландского происхождения голосовали за демократов с 1860 г. до Первой мировой войны. См.: Leon Epstein, *op. cit.*, p. 36; аналогично в штате Миссури, как показало одно социологическое исследование, демократы доминировали в округах с многочисленным немецким населением с начала Гражданской войны до выборов 1920 г., когда большинство этих округов перешло к республиканцам. См.: John H. Fenton, *Politics in the Border States* (New Orleans: The Hauser Press, 1957), p. 162–163. См. также: Samuel Lubell, *op. cit.*, Chap. VII — попытка проанализировать источники изоляционизма с точки зрения этнической основы и партийной приверженности.

²³ Возможно, главными жертвами того, что американская внешняя политика отражает социальную базу политических партий, стали испанские республиканцы. Хотя Рузвельт и многие из его ближайших советников лично были твердыми сторонниками лоялистов, они понимали, что политически недопустимо восстанавливать против себя избирателей — католиков и демократов, помогая лоялистам, которых церковь рассматривала как коммунистов. [Исторически лоялисты (тори) — колонисты, сохранявшие лояльность Англии во время Войны за независимость. Составляли около трети населения колоний. — *Перев.*]

вы, кроме оказания «всей помощи, какая потребуется для войны»; но во время президентской избирательной кампании 1940 г. он все еще обещал, что страна *не вступит* в войну. Однако на этот раз, в отличие от 1916 г., республиканцы заняли изоляционистскую и пацифистскую позицию, скорее в порядке предвыборного маневра. Уэнделл Уилки даже больше склонялся к вмешательству, чем Рузвельт, но он и его советники, очевидно, понимали, что уже одной своей надеждой на победу могут переманить от демократов ирландских, немецких и итальянских избирателей, которые были против вмешательства вследствие своей национальной идентификации. Данные опроса общественного мнения в 1940 г. показывают, что республиканцы добились ошутимого успеха, поскольку многие избиратели-демократы входили в названные три группы. Возможно, это уравнивалось, хотя бы частично, поворотом к Рузвельту «англосаксов» из среднего класса.

Этнические реакции затронули и отношение к коммунистическому вопросу в последнем десятилетии. Не надо забывать, что сенатор Маккарти был ирландцем и представлял штат, где велико влияние германоамериканцев. Изобличая проникновение коммунистов в государственный департамент, Маккарти утверждал: Америку предали люди из высшего класса, имеющие англосаксонские корни, выпускники Гарварда и других учебных заведений Лиги плюща*. Обращаясь к изоляционистским этническим группам, во время двух предыдущих войн обвиняемым в нелояльности, он говорил, что на самом деле нелояльными были англосаксы из высшего класса, которые своими манипуляциями втянули США в сражение с мнимым врагом, а потом «упустили мир», пасовали перед русскими²⁴. В 1952 г. республиканцы обратились с горячим внешнеполитическим призывом к этническим группам, в особенности к католикам и немцам. Эйзенхауэр, как до него Уилки, позволил предвыборным соображениям повлиять на его заявления в качестве государствен-

318

* *Лига плюща* — группа самых престижных частных колледжей и университетов на северо-востоке США (Йельский университет, Дартмутский колледж, Колумбийский, Пенсильванский, Принстонский, Корнелльский, Гарвардский университеты и Университет Брауна. — *Прим. перев.*

²⁴ Попытка выявить в Америке источники поддержки «правых радикалов», группирующихся в последнее время вокруг маккартизма, с учетом политического выражения стремлений, диктуемых статусом, в период процветания предпринята в ст.: S. M. Lipset, «The Sources of the “Radical Right”», in Daniel Bell, ed., *The New American Right* (New York: Criterion Books, 1955), p. 166–235. Социальная база этого политического направления отнюдь не обращена исключительно к Республиканской партии как к своему вождю, и, как отмечается в статье, нападки правых радикалов на «современный республиканизм» и победа республиканцев в 1952 г. были важными факторами, приведшими к краху маккартистской формы республиканизма.

ного деятеля. Итоги выборов показывают, что он проложил себе широкий путь среди принадлежавших к среднему классу католиков, немцев и ирландцев²⁵.

Либерализм высшего класса

Новейшие изыскания социологов и историков прояснили некоторые аспекты американской политической жизни, как будто не соответствующие «классовой» интерпретации американской истории, — например, тот уже отмечавшийся факт, что более богатые классы и их партии, виги и республиканцы, были решительнее настроены против рабства, чем демократы, которых поддерживали низшие классы. Современные исследования политических позиций показывают, что необходимо различать так называемый экономический либерализм (вопросы, касающиеся распределения богатства и власти) и либерализм неэкономический (вопросы, касающиеся гражданских свобод, отношений между расами и иностранных дел)²⁶. Для неэкономического либерализма основной фактор в действительности не класс, а образование, общий кругозор и, возможно, в определенной степени духовное благополучие. Но, поскольку эти факторы прямо соотносятся с классом, неэкономический либерализм положительно связан с социальным статусом (более богатые отличаются большей толерантностью), тогда как экономический либерализм находится в обратной зависимости от социального статуса (бедные в таких вопросах левее).

Если взять консервативные слои, то политическую борьбу за неэкономический либерализм фактически вели, как правило, не богатейшие классы, а выходцы из признанных «старых семейств», отличающиеся от нуворишей. До Гражданской войны большинство лидеров аболиционистов, как показал Дэвид Дональд в книге «Новый взгляд на Линкольна», «происходили из старых, социально доминирующих семейств Северо-Востока»²⁷. Лидеры прогрессистского движения

319

²⁵ Данные о региональных и этнических изменениях в 1952 г., полученные путем национального опроса социальных групп разного уровня, см. в: A. Campbell, G. Gurin, W. Miller, *op. cit.*, p. 69–83. Опрос, проведенный в 1952 г. Роупером, обнаружил, что 85% голосов ирландцев с самыми высокими доходами были отданы за Эйзенхауэра и что немецкие избиратели независимо от уровня доходов явно тяготели к Эйзенхауэру. См.: Louis Harris, *Is There a Republican Majority?* (New York: Harper & Bros., 1954), p. 87–94.

²⁶ Это различие также обсуждалось, в связи с политическими взглядами низшего класса, в главе 4, с. 126–129.

²⁷ David Donald, *Lincoln Reconsidered* (New York: Alfred A. Knopf, 1956), p. 33.

конца XIX – начала XX века, возникшего внутри Республиканской партии и оказывавшего сопротивление коррумпированному административному аппарату Демократической партии в городах, а также росту крупных монополий с их влиянием на политиков-республиканцев, вышли из тех же слоев и той же семейной среды, что и аболиционисты²⁸. В определенном смысле аболиционисты и прогрессисты были американскими радикальными тори – людьми из среды высшего класса и с его системой ценностей, в качестве консерваторов помогавшими демократизировать общество в ходе своей борьбы против вульгарных бизнесменов-нуворишей.

Радикализм тори в Америке всегда сталкивался с трудностями, поскольку редко преобладал в Республиканской партии, откуда он естественным образом происходил. После расширения избирательного права для взрослых в 1820–30-х годах американские партии перешли под контроль профессиональных политиков, чьей главной заботой было победить на выборах, получить и сохранить за собой должность, не стесняясь в средствах. Такое отношение вполне подходило для тех социальных элементов вроде нуворишей, которые тоже думали скорее о *целях* (богатство и власть), чем о *средствах* (репутация и статус). В XIX веке многие американцы из обеспеченных семей отвергали как политику, опирающуюся на низшие классы и иммигрантов (проводимую демократами), так и политику, пользующуюся поддержкой «нового класса стяжателей» (проводимую республиканцами). Как пишет Дэвид Дональд, «они не поддерживали радикальные экономические реформы, потому что... не имели серьезных разногласий с капиталистической системой или частной собственностью и контролированием собственности. Что они подвергали сомнению и о чем сожалели, так это переход лидерства не к тем группам общества, и требование реформы в их устах было отчаянным призывом к своему классу вернуть себе прежнее социальное доминирование»²⁹.

²⁸ Richard Hofstadter, *The Age of Reform, from Bryan to FDR* (New York: Alfred A. Knopf, 1955). В оба этих периода выходцы из старых семейств, наблюдавшие появление новой торговой и промышленной элиты, «презирали новый класс стяжателей... были чужими в новом индустриальном обществе... и агитация давала единственный шанс на личное и общественное самоосуществление» (D. Donald, *op. cit.*, p. 34).

²⁹ *Ibid.*, p. 34; см.: H. Ludeke, *The «Democracy» of Henry Adams and Other Essays* (Bern: A. Francke Ag. Verlag, 1950) – о роли таких людей, как Чарльз Фрэнсис Адамс, Генри Адамс, Генри Кэбот Лодж, Уильям Каллен Брайант, и их приверженцев в движениях за реформы и за создание третьей партии после Гражданской войны; в особенности см. p. 31–41.

Неэкономический либерализм этой группы нашел выражение в таких вопросах, как отмена рабства, реформа государственной гражданской службы, контроль за иммиграцией (с тем чтобы уменьшить коррупцию в городах), интернационализм. В XX веке интернационализм стал важнейшим вопросом. Значительная часть лидеров местных интернационалистических организаций, ратовавших за коллективную безопасность, состояла из членов старых семейств, обычно англосаксонского происхождения.

Хотя и связанные с Партией вигов и Республиканской партией, эти либералы из высшего класса готовы были помочь организовать третьи партии всякий раз, когда выступали на первый план их вопросы. Они играли важную роль в формировании потребности в новой антирабовладельческой партии до Гражданской войны; они играли доминирующую роль в попытке создать в 1870-х годах новую либеральную республиканскую партию, призванную покончить с коррупцией в правительстве и провести реформу государственной гражданской службы; они содействовали Прогрессивной партии Теодора Рузвельта; а в 1940-х годах некоторые из них, включая их тогдашнего лидера Уэнделла Уилки, всерьез задумывались о формировании новой партии. От предшествовавшего Гражданской войне аболиционистского движения до Комитета по обороне Америки через помощь союзникам (Комитет Уильяма Аллена Уайта) в 1940–1941 гг. прослеживается нить преемственности: консерваторы боролись за «неэкономические» ценности — честь и свободу, порой изменяя традиционной партийной приверженности своего класса.

В последние десятилетия, когда крупными корпорациями чаще управляют люди с университетским образованием и наследники давно приобретенного состояния, нежели сравнительно необразованные нувориши, установилась связь между экономическим влиянием и традиционным статусом. Но связь эта не означает, что Республиканская партия легко стала выразительницей более тонкого консерватизма. Немалая часть ее по-прежнему выражает реакционные взгляды среднего класса малых провинциальных городов. Поскольку центры ее электоральной силы, особенно в периоды доминирования демократов, находятся в «провинциях», а не в больших столичных городах, Республиканскую партию можно с полным основанием обвинить в том, что она действует в интересах *буржуазии* малых городов, а не крупного бизнеса.

Конфликт между ценностями утвердившегося высшего класса и обладателей сложного корпоративного богатства и ценностями малого бизнеса и обладателей самостоятельно нажитого богатства

привел некоторых наблюдателей к мысли, что подлинная партия радикализма тори в Америке — Демократическая партия. Она достигла цели, намеченной Дизраэли: стала партией, опирающейся на рабочий класс, но руководимой ответственными «сквайрами» — сначала это был Рузвельт, окончивший Гротон и Гарвард, потом «Эдлай Стивенсон (Коут Скул и Принстон), Дж. Меннен Уильямс (Солсбери Скул и Принстон), Джон Кеннеди (Коут и Гарвард)... и Аверелл Гарриман (Гротон и Йель)»³⁰. Однако более вероятно, что губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер, либеральный республиканец, в конце концов покажет истинный пример возобновленного прямого участия членов высшего класса в политике — участия через их традиционную, Республиканскую, партию. В этой связи интересно, что миссис Нельсон Рокфеллер, родственница Джозефа Силла Кларка, фигурирующего в «Филадельфийском светском альманахе»*, в прошлом мэра Филадельфии, избранного от Демократической партии, ныне сенатора США, до недавнего времени открыто регистрировалась как член третьей партии — Либеральной партии штата Нью-Йорк³¹.

322

Влияние радикализма тори, возрождавшегося в ключевые моменты американской истории, служило ослаблению напряженности классовых и групповых расколов. По словам Ричарда Хофстедтера, характеризующего корпоративных юристов, ставших лидерами прогрессистского движения, радикалы-тори хотели не «резкого изменения социальной структуры, а скорее формирования ответственной элиты, которая должна взять под свой контроль народное стремление к переменам, направлять его в умеренные и, как они сказали бы, «конструктивные каналы»; при этом лидеры занимали, как верно сказал Брандейс, независимую позицию между богатыми [своекорыстными бизнесменами] и народом и были готовы сдерживать крайности с обеих сторон»³². С точки зрения политической стабильности радикализм служил тори для того, чтобы сохранить за собой доверие и малоимущих групп, которые выигрывают от необходимых реформ, и консервативных слоев, которых те же меры возмущают. Участие представителей высшего класса в либеральной политике можно

³⁰ E. Digby Baltzell, *Philadelphia Gentlemen* (Glencoe: The Free Press, 1958), p. 392–394.

* В ежегодниках, носящих название «Светских альманахов» («Social Register»), помещаются имена и адреса лиц, принадлежащих к высшему обществу, адреса эксклюзивных клубов, календарь светской жизни. — *Прим. перев.*

³¹ В этой партии левых сторонников Нового курса преобладали те, чьи политические взгляды точнее всего будет охарактеризовать как социал-демократические в европейском смысле слова.

³² R. Hofstadter, *op. cit.*, p. 163.

рассматривать и как просвещенный эгоизм, поскольку они способны добиться необходимых реформ, ввести ограничения и, согласно Э. Дигби Балцеллу, автору книги «Филадельфийские джентльмены», «упрочить влияние высшего класса на функционирующую классовую систему в целом уже тем фактом, что они удерживают важные позиции на новых путях к власти»³³. В то же время их присутствие служит стиранию классовых линий, разделяющих партии.

Эффект однопартийных штатов

Регионализм — власть демократов на Юге и традиционное доминирование республиканцев во многих северных штатах — представляет собой одно важное, но исчезающее отклонение от классовой основы американской политики³⁴. Если не считать Юга, трудно оценить, до какой степени электоральное поведение в стране является отражением не зависящей от других факторов региональной приверженности избирателей той или иной партии. Региональная сила республиканцев за пределами Юга основывается главным образом на сложившихся в определенных областях группах большинства, имеющих «республиканские» социальные характеристики: это сельские или проживающие в малых городах протестанты из среднего класса. Традиционно республиканская Новая Англия уже не включает штаты Массачусетс, Коннектикут и Род-Айленд, ныне высокоурбанизированные, в которых демократы успешно удерживают завоеванные позиции. В штатах Мэн, Вермонт и Нью-Гэмпшир, где голоса избирателей, проживающих в сельской местности и в малых городах, играют большую роль и где доля католиков возростала более плавно, однопартийная власть республиканцев характеризовала политику штата до 1950-х годов и до сих пор еще крепка в последних двух штатах, хотя в 1958 г. в Вермонте впервые за 106 лет был избран конгрессмен-демократ. Тот же тип электорального поведения наблюдается в ряде аграрных штатов Среднего Запада: отсутствие крупных городских центров означает, что многие из этих штатов остаются республиканскими. Возможно, лучшее свидетельство того, что сила республиканцев в преимущественно республиканских штатах не обусловлена чисто региональной приверженностью данной партии, — тот факт, что рабочий класс в городах этих штатов голосует в основном за кандидатов от Демократической партии и что в глав-

323

³³ E. D. Baltzell, *op. cit.*, p. 39.

³⁴ Прекрасное обсуждение местничества в американской политике можно найти в кн.: V. O. Key, Jr., *op. cit.*, p. 250–279.

ных городских центрах действительно отмечается демократическое большинство. Например, два крупнейших города в штатах Вермонт и Нью-Гэмпшир — Берлингтон и Манчестер являются давними оплотами демократов. В одном из промышленных городов Вермонта, Уинуски, демократы набирают до 90% голосов.

Но, несмотря на то что однопартийный характер многих северных областей может быть объяснен социальными чертами населения, постоянное доминирование в штате одной партии сокращает голоса, отдаваемые партии меньшинства, даже в тех группах, от которых можно было бы ожидать ее поддержки. Если у партии нет шанса победить, она неизбежно прилагает на выборах меньшие усилия. Кандидаты от Демократической партии на должности в местных органах управления в преимущественно республиканских штатах или соискатели должностей от Республиканской партии на Юге — это нередко люди, имеющие малый политический вес. Национальная партия или другие организации, ее поддерживающие, например профсоюзы или бизнес-группы, понимая, что в таких штатах деньги тратятся впустую, сокращают финансирование³⁵. Вдобавок, поскольку в ряде северных штатов единственный путь к успешной политической карьере лежит через Республиканскую партию, а на Юге — через Демократическую партию, многие амбициозные либералы в таких штатах, как Северная Дакота или Вермонт, становятся активными республиканцами, тогда как на Юге правые консерваторы предпочитают демократический путь к выборной должности³⁶. То, что люди, которым лучше было бы руководить на Юге Республиканской партией, принадлежат к демократам, а в некоторых северных штатах потенциальные политики-демократы часто республиканцы, — возможно, один из главных факторов, служащих увековечению однопартийной власти. Это также зачастую приводит к большему сдвигу единственной партии влево (или вправо), чем было бы в «нормальной», двухпартийной ситуации, из-за необходимости учитывать запросы более широкой социальной базы.

³⁵ О слабости партии меньшинства в однопартийных штатах см. в: Warren Miller, «One-Party Politics and the Voter», *American Political Science Review*, 50 (1956), p. 707–725. Хорошее обсуждение применительно к одной области см. в: Duane Lockard, *New England State Politics* (Princeton: Princeton University Press), 1959.

³⁶ В. О. Ки-мл. отмечает: мало того что люди с политическими амбициями в однопартийном штате независимо от своей политической ориентации вступают в единственную партию — поддержание самой однопартийной системы требует включения в эту партию всех потенциально влиятельных элементов и существования санкций против мятежных индивидов или групп. См.: V. O. Key, Jr., *Southern Politics* (New York: Alfred A. Knopf, 1950), p. 432.

Национализация политики

Политический тип, сложившийся в южных штатах, является главным отклонением от нормальной картины политического многообразия, отражающего классовые, этнические и религиозные различия. За исключением короткого периода в 1890-х годах, когда было велико влияние популистов, Юг с конца Реконструкции* до 1928 г. оставался на президентских выборах твердо демократическим. С 1928 г. некоторые южные штаты на четырех выборах — 1928, 1948, 1952 и 1956 гг. — покидали демократический лагерь, хотя все они по-прежнему были демократическими на выборах на уровне штата и на местных выборах³⁷. Отступничество 1928 г. объяснялось тем, что часть протестантов из малых городов Юга возмутилась выдвижением от Демократической партии католика и противника сухого закона Эла Смита. Три дальнейших отклонения иллюстрируют последствия национализации американской политики при Рузвельте и Трумэне: более консервативные части населения Юга восстают против идеологического либерализма национальной партии, выступающей за равные права для негров, поддерживающей профсоюзы и враждебной большому бизнесу.

Национализация американской политики — одно из главных следствий революции, совершенной Новым курсом и Справедливым курсом, а также урбанизации и индустриализации всей страны. Вопросы местного масштаба, не связанные с различиями между левыми и правыми или расхождениями во внешней политике, отошли на второй план. И ясно, что влияние традиционных религиозных, этнических и региональных факторов тоже ослабевает, хотя они еще играют определенную роль, когда на повестке дня оказываются внешнеполитические вопросы. В 1952 г. Эйзенхауэр победил в городских округах Юга с преимущественным проживанием среднего класса почти с таким же большинством, как и в сопоставимых округах в северных городских центрах³⁸. Большинство католиков из среднего класса

* Реконструкция Юга — последовавший после Гражданской войны период борьбы (1865—1877) промышленно-торговых кругов Севера за сокращение власти плантаторской олигархии Юга. В результате власть в бывших мятежных штатах перешла в руки промышленной буржуазии Севера и ее союзников. — *Прим. перев.*

³⁷ См.: Samuel Lubell, *op. cit.*, Chap. VI — о конфликтах и переменах на Юге. Как показывает Ки, единство южан основано только на вопросе о неграх и нормальная классовая политика, опирающаяся на старых сторонников популистов (небогатых белых фермеров) в противовес регионам плантаций, появляется всякий раз, когда вопрос о неграх не заслоняет другие вопросы (см.: V. O. Key, Jr., *Southern Politics*, p. 302).

³⁸ См.: L. Harris, *op. cit.*, p. 68—73, 134—136.

в 1952 г. сделало выбор в пользу Республиканской партии (сдвигу способствовали внешнеполитические проблемы, обсужденные ранее), тогда как основная масса католиков из рабочего класса, особенно состоящих в профсоюзах, осталась верна демократам³⁹. Такие факторы, как профессиональный статус, доходы, классовый характер округа, где проживают избиратели, в наше время предопределяют поддержку двух главных партий, возможно, более явно, чем в любой другой период американской истории со времен Гражданской войны⁴⁰.

326

Однако при всей важности классовых факторов нельзя игнорировать тот факт, что в США, как и во всякой другой демократической стране, довольно многочисленное меньшинство рабочих и меньшая часть среднего класса отклоняются от преобладающей классовой тенденции. Одно из необходимых условий жизнеспособности двухпартийной системы состоит в том, чтобы обе партии колебались вокруг 50-процентной отметки. Поэтому в каждой промышленно развитой стране консервативные партии должны завоевывать поддержку рабочего класса; в США и Великобритании, как отмечалось в предыдущей главе, Республиканская и Консервативная партии по необходимости приняли многие из реформ, осуществленных их противниками⁴¹. Фактически постепенный сдвиг консерваторов влево — явление эндемическое в простой демографии демократической политики: бедные всегда будут в большинстве⁴².

³⁹ *Ibid.*, p. 148–149. 62% католиков — членов профсоюзов проголосовало за кандидата от демократов, тогда как 62% католических семей, в которых не было членов профсоюзов, проголосовало за кандидата от республиканцев.

⁴⁰ Этот развивающийся тип американской политики можно сравнить с британским типом. Как пишет Джон Бонем, «британская политика почти совершенно наивна в тех вопросах, которые в других странах существуют независимо от социальных разграничительных линий, — это, например, такие вопросы, как отношения между расами, национальностями, религиями, интересы города и страны, региональный интерес или конфликт между авторитарными и парламентскими методами». См.: John Bonham, *The Middle Class Vote* (London: Faber & Faber, 1954), p. 194–195.

⁴¹ Ослабление влияния федералистов объяснялось их нежеланием считаться с демографическими фактами. Гамильтоновское крыло партии провело законодательство, касающееся в основном нужд городских торговцев и промышленников, пренебрегая тем, что 90% электората составляли фермеры. См.: M. Dauer, *op. cit.*, Chaps. 1, 2; Appendix II, в особенности p. 6–7.

⁴² Бонем подробно освещает принятие британскими консерваторами каждой части лейбористского и социалистического законодательства *после* его введения и даже их притязание быть инициаторами некоторых форм социального обеспечения. Их «альтернатива социализму» свелась к притязанию быть более эффективными управленцами. См.: John Bonham, *op. cit.*, p. 185–188. Как сказал о Республиканской партии сатирик Морт Сал, консерваторы ничего не хотят делать «впервые» и говорят «не теперь».

Численный перевес «более бедных» означает также, что консерваторы всегда должны пытаться затушевывать в политике классовые вопросы. Ясно, что сознательное голосование людей по классовому принципу выгодно левым партиям. Поэтому республиканцы всегда стараются делать акцент на неклассовых вопросах: оборона, внешняя политика, коррупция и т.д.⁴³

То, каким образом классовые и внеклассовые факторы влияют на электоральное поведение, было показано при рассмотрении источников привлекательности Эйзенхауэра. Оскар Гланц, занимающийся социологией политики, обнаружил, что избиратели, проголосовавшие в 1952 г. за Эйзенхауэра, весьма различались между собой по профессиональному положению и традиционной партийной приверженности. Чем более обеспеченной была группа, тем чаще ее члены объясняли свое голосование за Эйзенхауэра солидаризацией скорее с Республиканской партией, чем с Эйзенхауэром; тем чаще вполне доброжелательно относились к бизнесу и были консервативны во многих вопросах внутренней политики. И наоборот, новообращенные сторонники Эйзенхауэра из рядов демократов, менее обеспеченные, чем традиционные республиканцы, были менее дружелюбны к бизнесу и более либеральны во внутренних вопросах и свое голосование за кандидата от республиканцев в 1952 г. аргументировали лидерскими качествами Эйзенхауэра и неудовлетворенностью тем, как демократы решали неэкономические проблемы, в частности неодобрением войны в Корее. Гланц высказывает мысль, совпадающую с нашим выводом из проведенного анализа: победа Эйзенхауэра не ослабляет интересов, лежащих в основе политического поведения; 1952 год скорее иллюстрирует, как партийная приверженность, связанная с классовыми вопросами, может не выдержать воздействия какого-либо неэкономического фактора⁴⁴.

Современный дух «умеренности» в политике на первый взгляд опровергает тезис, что классовые факторы стали более значимыми в разделении сторонников двух партий, однако в действительности это не так. Есть два основных процесса, которые объясняют нынешний сдвиг к центру части членов обеих партий. Первый, под-

⁴³ В Британии Консервативная партия «открыто отвергает идею, что политические партии должны стремиться служить интересам названных классов». Бонем цитирует выпущенное в 1950 г. «Руководство по ведению избирательной кампании» («Campaign Guide»), где сказано: «сила Консервативной партии заключается в ее основной цели — способствовать единству всех классов и всех частей народа» (John Bonham, *op. cit.*, p. 184–185).

⁴⁴ O. Glantz, «Unitary Political Behavior and Differential Political Motivation», *Western Political Quarterly*, 10 (1957), p. 833–846.

черквиваемый многими политическими комментаторами, является следствием продолжительного периода процветания страны и соответствующего повышения жизненного уровня всего населения. Не раз обсуждалось, что низший класс — социальная база, к которой обращена Демократическая партия, — численно уменьшается; следовательно, партия не может отстаивать реформаторские меры, если она хочет победить. Но не менее важно, чем изменение экономических условий, идеологическое лицо обеих партий, когда в должности президента демократ или республиканец. Политика партии «не у власти» во многом определяется ее представителями в Белом доме и в Сенате. Так, демократов в оппозиции, как в настоящее время, возглавляют консервативные или придерживающиеся центристских взглядов южане, а республиканские лидеры в Конгрессе более резко поворачивают вправо, когда должность президента занимает демократ.

Президент-демократ неизменно левее демократических лидеров в Конгрессе, поскольку его избирают в основном крупные урбанизированные промышленные штаты, где костяк партии составляют профсоюзы и группы меньшинства, тогда как демократическим контингентом Конгресса продолжают управлять южане. Точно так же президент-республиканец в нынешних условиях должен быть левее своих сторонников в Конгрессе, поскольку и он должен ориентироваться на то, чтобы получить или сохранить поддержку промышленных, урбанизированных и, следовательно, более либеральных частей страны, тогда как большинство конгрессменов-республиканцев избирается в «надежных» консервативных округах. Так что когда республиканцы обладают президентской властью, они смещаются влево по сравнению с их взглядами в оппозиции, а демократы, переходя от президентства к оппозиции в Конгрессе, смещаются вправо. Из-за этого сдвига политика двух партий часто выглядит почти неразличимой.

Одним из результатов нашего столетия стало то, что оппозиционная партия при выдвижении кандидата в президенты нередко переживает идеологический кризис. С 1940 по 1952 г. каждый съезд Республиканской партии свидетельствовал о борьбе между правым кандидатом из членов Конгресса — Тафтом или Брикером — и кандидатом из занимающих высокие государственные должности либералов — Уилки, Дьюи и Эйзенхауэром. Либеральный кандидат всегда добивался выдвижения. Демократы в 1952 и 1956 гг. столкнулись с аналогичной проблемой, но, как видно, решили ее иначе, выдвинув относительно консервативного кандидата, Стивенсона, и отвергнув более выраженных либералов, Кифовера и Гарримана, пример-

но так же как в 1944 г. они выбрали кандидатом в вице-президенты не либерала Уоллеса, а умеренного в то время Трумэна. Разная реакция профессиональных политиков в двух партиях в значительной мере отражает их суждение о характере неглавных избирателей, которых необходимо завоевать, чтобы быть уверенными в большинстве. Республиканцы могут не сомневаться в голосах почти всех консерваторов за пределами Юга, в особенности «сельских», но им надо увеличить количество подаваемых за них голосов среди более либеральных слоев, сосредоточенных в городах. Демократы закрепили за собой голоса рабочего класса и либералов, но легко могут потерять избирателей умеренных взглядов в центре. Поэтому выбор профессионалов в обеих партиях — человек центра.

Различия в социальной базе двух крупнейших партий, сохраняющиеся более полутора веков, наводят на мысль, что те, кто верит в теорию американской политики как чередования у власти двух партий-близнецов, обманываются предвыборной риторикой и не замечают существующего основания раскола. Особенно удивительно, что марксистские критики американской политики, которые гордятся своей способностью различать базис и идеологию, ошибочно принимают идеологию за базис⁴⁵. Американские политики, осо-

⁴⁵ С другой стороны, представители консервативных слоев не раз признавали, что различия между партиями являются фундаментальными, хотя в определенных исторических ситуациях республиканцы могут выдвинуть кандидата, не менее или даже более либерального, чем его противник от демократов. Так, в 1904 г. прогрессивный республиканец Теодор Рузвельт баллотировался в президенты в соперничестве с консервативным демократом Олтоном Паркером. А нью-йоркская «Sun», газета, тесно связанная с Уолл-стрит, писала: «Мы предпочитаем импульсивного кандидата от партии консерваторов консервативному кандидату от партии, которую бизнес-общество воспринимает как постоянно, и опасно, импульсивную» (цит. по: Malcolm Moos, *The Republicans* (New York: Random House, 1956), p. 247). Напомним, что именно консервативный демократ Гровер Кливленд в 1886 г. обратился к Конгрессу с первым посланием о труде. В нем он настаивал на учреждении комиссии по трудовым спорам, которая могла бы рассматривать дела и даже быть арбитром, если того потребуют конфликтующие стороны или правительство штата. В 1888 г. в своем последнем послании Конгрессу, уже после поражения в кампании по переизбранию, Кливленд обличал «коммунизм объединенных богатства и капитала, рост непомерной жадности и эгоизма... не менее опасный, чем коммунизм угнетенной бедности и тяжелого труда...» (см.: Samuel Reznick, «Patterns of Thought and Action in American Depression», *American Historical Review*, 61 (1956), p. 284—307). Важно отметить, что во второй срок пребывания на посту президента, когда ему уже не приходилось беспокоиться о том, как он предстанет перед избирателями, Кливленд был намного более консервативен, чем в первый срок, и Демократическая партия на своем очередном съезде в 1896 г. отрелась от него. Кливленд был фактически единственным избранным по заслугам президентом, от которого съезд его партии отрелся, когда он еще состоял в должности президента.

бенно консерваторы, всегда старательно избегали всякого открытого подчеркивания реальных различий между партиями — того факта, что они защищают и представляют разные классы, этнические группы и религии. Признать и публично акцентировать эти различия явно означало бы потерять голоса. Каждая партия стремится завоевать голоса тех, кто принадлежит к группам, связанным с ее соперницей. Поэтому идеологи консервативной партии, от Клея до Тафта, отвергали выдвижение кандидатов в президенты партийными профессионалами. Вигам удалось победить «партию демагогов», как они характеризовали демократов, только в 1840 и 1848 гг., когда они выдвинули военных героев, чьи политические взгляды были почти неизвестны. В 1848 г. лидеры вигов начали кампанию по выдвижению Закари Тейлора, героя войны с Мексикой, до того как «стало... известно, приверженцем какой партии он себя считает», — практика, повторенная спустя столетие их республиканскими преемниками⁴⁶. У демократов, которые обращаются к более многочисленным низшим слоям, меньше препятствий для прямой апелляции к интересам, но даже у них электоральная целесообразность часто препятствовала выражению классового сознания. Постоянное внимание демократов к низшим слоям, в особенности городским рабочим, и этническим меньшинствам объясняет, почему все попытки создать новую партию, опирающуюся на эти группы, оканчивались неудачей: Демократическая партия выражает политическое сознание групп с низшим статусом, республиканцы же выполняют аналогичную функцию в отношении более привилегированных⁴⁷. Проблема электорального большинства, которая при двухпартийной системе вынуждает обе партии в своей предвыборной тактике апеллировать к центру, несколько не опровергает по-прежнему верного замечания Токвиля, что две партии в Америке отражают всегда существующий

⁴⁶ Henry R. Mueller, *The Whig Party in Pennsylvania* (New York: privately printed, 1922), p. 143.

⁴⁷ Сейчас нередко забывают, что Клемент Валлендигам, лидер демократов «медянок» во время Гражданской войны, во многих отношениях был предшественником «возникшего после Гражданской войны популизма и крестового похода Брайана». В 1861 г. он утверждал: «Между капиталом и трудом всегда проходила великая разделительная линия» (см.: Wilfred Binkley, *op. cit.*, p. 264–265). «Финансовый мир», полагал он, мошеннически использует местничество и аболиционизм, чтобы ослабить своих противников (см.: Charles and Mary Beard, *The Rise of American Civilization*, Vol. I (New York: Macmillan, 1934), p. 677–678). [Во время Гражданской войны *медянками* называли на Севере тайных сторонников южан (уподобляя «предателей» гадюкам-медянкам, трудно различимым на земле из-за своей окраски), а также членов Демократической партии, выступавших против военных действий президента Линкольна. — *Прим. перев.*]

во всех обществах конфликт между аристократией и демократией, т.е. между более и менее обеспеченными⁴⁸.

Двумя удивительными отклонениями от этих общих положений относительно классов и политики в Америке являются широкая поддержка, которую оказывают Демократической партии группы интеллектуалов из среднего класса – работники искусств, преподаватели, ученые – и обеспеченные южане. В двух следующих главах мы попытаемся объяснить эти типы поведения, рассмотрев предопределяющие их источники политических взглядов американских интеллектуалов и то, каким образом современная однопартийная политика на Юге возникла из имевшей глубокие корни *ante bellum** политической классовой борьбы.

⁴⁸ Ральф Уолдо Эмерсон так охарактеризовал различия между двумя партиями, существовавшие до того, как идеологов стал мучить вопрос о рабстве: «Философ, поэт или священнослужитель, конечно, пожелает проголосовать вместе с демократом за свободу торговли, за широкое избирательное право, за отмену узаконенных жестокоостей в уголовном кодексе и за всемерное облегчение доступа молодежи и бедным к источникам богатства и власти... С другой стороны, консервативная партия, состоящая из наиболее умеренной, наиболее способной и образованной части населения, робка и лишь защищает собственность» («Politics», in *The Works of Ralph Waldo Emerson*, Vol. I (New York: Hearst's International Library, 1914), p. 373–374).

* До войны (*лат.*). То есть до Гражданской войны (1861–1865). – Прим. перев.

ГЛАВА 10

АМЕРИКАНСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ: ИХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС

332

Американские интеллектуалы в течение ряда лет являются источником политических разногласий. В послевоенные годы они часто служат удобной мишенью для многих людей, отличающихся открытым и агрессивным антиинтеллектуализмом. И наоборот, многие бизнесмены и консерваторы считают, что американские интеллектуалы относятся к ним чрезмерно критически¹.

Некоторые интеллектуалы утверждают, что их отчужденность от общества — любого общества — есть неизбежное следствие и существенных особенностей их труда, и социальной среды, в которой они живут. Другие же рассматривают эту отчужденность как историческое явление, которое первоначально означало противостояние ценностям и стилю жизни возникающего капиталистического общества, а сейчас пошло на убыль, так как общество меняет свой характер. Согласно второй точке зрения реинтеграция интеллектуала в американское общество уже идет полным ходом.

В настоящей главе мы попытаемся выяснить, насколько верны эти представления о политической роли американского интеллектуала и как изменяются его политические ценности, если они вообще изменяются, под влиянием изменений, происходящих в обществе в последние пятьдесят лет.

333

Я рассматриваю как интеллектуалов всех тех, кто создает, распространяет и применяет *культуру*, т.е. символический мир человека, включающий искусство, науку и религию. В этой группе есть

¹ Консерваторы часто отождествляют «либерала», враждебного бизнесу, с интеллектуалом. В одном из печатных органов Торговой палаты США можно прочесть следующее: «Либерал», как мы сказали, страдает бессилием. <...> Нам до сих пор еще не удалось найти ни одного художника, писателя, лектора или преподавателя который признал бы, что его в чем-то сдерживают или что его свободу слова хоть как-то нарушают» (*Economic Intelligence*, June 1954, p. 4; курсив мой. — М. Л.). Герберт Гувер, обсуждая избирательную кампанию 1928 г., пишет, что «растущее левое движение, охватывающее многих из "интеллигенции", сплотилось для поддержки губернатора Смита» (см.: *Memoirs of Herbert Hoover, 1920-1933*, New York: Macmillan, 1952), p. 202). [Слово *интеллигенция* (*intelligentsia*) заимствовано английским языком из русского. — *Перев.*]

два главных уровня: твердое ядро, состоящее из творцов культуры — ученых, художников, философов, писателей, некоторых издателей и некоторых журналистов; и распространители — исполнители в различных искусствах, большинство учителей, большинство корреспондентов. В периферийную группу входят те, кто применяет культуру как часть своей работы, — такие профессионалы, как, например, врачи и юристы.

Когда европейцы говорят об *интеллигенции*, они подразумевают все три категории. Однако в Америке, где университетское образование гораздо более распространено, лица, окончившие университет, не составляют отдельного класса или сообщества, и в интеллигенцию принято включать только первые две категории, что я и делаю.

Обычное определение интеллектуалов, предлагаемое в особенности теми, кто к ним принадлежит, таково: они критики общества и потому обособлены от него. Эта характеристика уводит от некоторых сложнейших проблем, касающихся места интеллектуала в современном обществе. Если интеллектуалы по определению отчуждены от общества, тогда вопрос, что происходит, когда они берут на себя другие роли в организациях или прямо вступают на политическое поприще, попросту отбрасывается. Но творцы и распространители культуры, ставшие политиками и членами администрации, могут сохранять свои связи с людьми, которые по роду основных занятий еще остаются интеллектуалами *per se**; они сами могут продолжать интеллектуальный труд и, выполняя свои властные функции, могут придать новый смысл приобщению к политике для интеллектуалов в целом. Даже если, к примеру, Эдлай Стивенсон не был интеллектуалом в узком смысле слова, его характеристика в качестве такового позволила многим «законным» интеллектуалам почувствовать, что не все политики — пустоголовые манипуляторы, а сама политика не является для них чем-то чуждым.

334 Проблема определения обостряется существованием интеллектуалов в нацистской Германии и в Советском Союзе; они использовали или еще используют инструменты и образование, связанные с интеллигенцией, на службе антиинтеллектуальным ценностям. Действительно ли они интеллектуалы? Было бы слишком простым ответом поставить на них крест как на ренегатах — изменивших делу разума, дискурсу свободных людей и творческой деятельности. Участие интеллектуалов в политике даже в демократическом обществе, даже если оно означает победу — признание вклада интеллектуала весомым или растущее влияние определенных групп интеллектуа-

* В чистом виде (*лат.*). — *Прим. перев.*

лов и их идей, — означает также возрастающую приверженность интеллектуалов институтам статус-кво и их потенциальное превращение в апологетов.

Конечно, даже в тоталитарных государствах еще можно видеть интеллектуалов, играющих до некоторой степени независимую роль, и на это часто ссылаются те, кто надеется на постепенное превращение Советского Союза в нечто подобное либеральному, демократическому государству². Творчество Пастернака, отказ Капицы участвовать в ядерных исследованиях, протест грузинских студентов против практики высылки лиц, неугодных режиму, и другие приметы указывают на то, что в интеллектуальных профессиях есть *что-то* сохраняющее священную искру непреложной отрешенности³.

Но важно отметить, что, даже если интеллектуалы ставят свои знания и умственные способности на службу антигуманистическим ценностям, как это делали немецкие ученые-медики, проводившие эксперименты на людях, и немецкие историки, прославлявшие *Volk**, они все же остаются интеллектуалами — творцами и распространителями культуры. Какие условия порождают несогласие, принципиальное отрицание и другие характерные признаки интеллектуала, можно установить только при ясном понимании того, что возможна и полная приверженность его существующему строю. Те, кто считает аксиомой неизменную обособленность интеллектуалов, не видят могучих социальных сил, которые предопределяют их приверженность строю.

Я говорю это не ради критики, а чтобы подчеркнуть, что для современных американских интеллектуалов как приверженность существующим институтам и соответственно их поддержка, так и принципиальная отстраненность от них — одинаково возможные и приемлемые позиции. Американские интеллектуалы еще не стояли перед выбором: полная капитуляция или тотальная оппозиция. Поэтому при анализе политических взглядов и социального статуса интеллектуалов в Америке надо всегда принимать во внимание разнонаправленные силы: те, что заставляют их связывать себя с главными институтами американского общества, и те, что удерживают их или отдельные их группы в довольно обособленном и, следовательно, отчужденном положении.

² Например: Lewis Feuer, «The Politics of the Death Wish», *New Leader*, 41 (1958), p. 17–19.

³ См.: Kathryn Feuer, «Russia's Young Intellectuals», *Encounter*, 8 (February 1957), p. 10–25; Leopold H. Harrison, «Three Generations of the Soviet Intelligentsia», *Foreign Affairs*, 37 (1959), p. 235–246.

* Народ (нем.). — Прим. перев.

Историческая левизна американских интеллектуалов

В период маккартизма ныне уже не существующая газета «Facts Forum» обвинила интеллектуалов как социальную группу в том, что они наиболее восприимчивы к идеям коммунизма. К интеллектуалам газета относил «юристов, врачей, банкиров, учителей, профессоров, проповедников, писателей и владельцев газет»⁴. При всей своей курьезности этот перечень склоняющих к коммунизму профессий дает важный ключ к пониманию природы политических взглядов интеллектуалов и причин политического антиинтеллектуализма в Америке. «Facts Forum» обрушилась на те профессии, представители которых имеют университетское образование, именно потому, что члены этих профессиональных групп были самыми действенными противниками маккартизма⁵. Как мы убедились в главе 4, многочисленные факты показывают: чем лучше у людей образование, тем более вероятно, что они поддерживают все формы «неэкономического либерализма», включая гражданские свободы для непопулярных политических меньшинств. «Facts Forum» и Маккарти со своей точки зрения были совершенно правы, нападая на «респектабельных американских джентльменов, из хороших семей, вполне культурных, с дипломами, и нынешних ученых со всеми их степенями...»⁶.

336

В более умеренных кругах многие бизнесмены и другие сторонники экономического консерватизма стремились снизить политическую действенность американских интеллектуалов, высмеивая будто бы свойственный им недостаток — отсутствие практического знания — или же делая их козлами отпущения из-за того, что в прошлом им случалось ошибаться. Антиинтеллектуализм служил для консерваторов, а в какой-то мере и для республиканцев удобным и даже естественным оружием просто потому, что в XX веке вплоть до наших дней было очень мало пользующихся авторитетом консервативно настроенных интеллектуалов.

В XX столетии подавляющее большинство преподавателей высших учебных заведений (в особенности преподавателей общественных наук), влиятельные литераторы и ведущие периодические издания, выражающие общественное мнение, противостоят кон-

⁴ *Facts Forum Radio Program*, No. 57.

⁵ Дальнейшее обсуждение этого вопроса см. в: S. M. Lipset, «The Sources of the Radical Right», in Daniel Bell, ed., *The New American Right* (New York: Criterion Books, 1956), p. 210–212.

⁶ *Facts Forum Radio Program*, *op. cit.*

сервативной мысли и консервативной деятельности в религиозной и политической областях. В 1913–1914 и 1933 гг. психолог Джеймс Лейба исследовал религиозные убеждения членов социологических, психологических и исторических обществ, а также ученых, фигурирующих в справочнике «American Men of Science». Он сообщал, что в каждой группе большинство не верит в Бога и в бессмертие, и в 1933 г. констатировал рост числа неверующих. Хотя мы не располагаем аналогичными данными по неакадемическим профессиональным группам за более ранний период, изучение религиозного поведения американцев позволяет сделать вывод, что среди преподавателей и ученых атеизм был гораздо более распространен, чем среди населения в целом. Действительно, до Первой мировой войны около 55% всех граждан в возрасте от четырнадцати лет и старше принадлежали к той или иной церкви. Среди членов Американского социологического общества, ответивших на вопросы анкеты, лица, не занимавшиеся преподаванием, придерживались религиозного мировоззрения чаще, чем те, кто входил в профессорско-преподавательский состав. Примечательно также, что и в 1913, и в 1933 гг. наиболее известные профессора гораздо чаще были атеистами, чем их менее выдающиеся коллеги. В 1935 г. Лейба продолжил свои исследования в области религиозной веры. Пользуясь справочником «Who's Who», он сделал выборки и выслал вопросники банкирам, предпринимателям, юристам и авторам литературных произведений и научных работ. Ответы подтвердили тот факт, что ученые и различные группы специалистов значительно менее религиозны, чем бизнесмены, банкиры и юристы; кроме того, ответы показали, что литераторы, достаточно известные, чтобы числиться в «Who's Who», и, вероятно, не столь озабоченные конфликтом науки и религии, как авторы трудов по естественным и общественным наукам, придерживались атеистических взглядов. 62% пишущих не верили в Бога — по сравнению с 29% банкиров и 40% предпринимателей и юристов⁷.

В 1937 г. опрос в Чикаго выявил одобрительное отношение к Новому курсу у 84% преподавателей общественных наук и у 65% преподавателей естествознания по сравнению с 56% у работников физического труда, 16% у юристов и врачей и 13% у инженеров.

⁷ James H. Leuba, *The Belief in God and Immortality* (Chicago: The Open Court Publishing Company, 1921), p. 210–287; idem., *The Reformation of the Churches* (Boston: The Beacon Press, 1950), p. 50–54. Анализ тенденций в области религиозной веры среди населения в целом см. в: S. M. Lipset, «Religion in America», *Columbia University Forum*, 2 (1958–1959), p. 17–21.

Приблизительно такие же результаты были получены относительно позиций по различным социально-экономическим вопросам⁸. Спустя почти два десятилетия, в 1955 г., серия интервью, организованная социологами из Колумбийского университета Полом Лазарсфельдом и Вагнером Тиленсом-мл. на основе систематической общенациональной выборки более чем из 2000 ученых-обществоведов, преподающих в американских университетах, показала, что в 1952 г., когда около половины рабочих и членов профсоюзов переметнулись к Эйзенхауэру, три четверти респондентов были демократами и две трети голосовали за Стивенсона. И аналогично проведенным в 1913 и 1933 гг. социологическим исследованиям, касающимся религиозной веры, этот опрос выявил, что среди преподавателей, пользующихся наибольшей известностью, намного больше либералов⁹.

Любопытный показатель философии академического сообщества – развитие потребительской кооперации. Городские кооперативы, за исключением тех, которые основываются на сильных этнических связях, как, например, многие кооперативные общества финнов, очень редко встречаются вне академических сообществ, и их процветание в этих сообществах свидетельствует о враждебности академического мира к частному предпринимательству. Крупные кооперативные магазины есть в Пало-Альто (Стэнфордский университет) и в Беркли (Калифорнийский университет), но попытки поддержать такие магазины в других частях городской агломерации Сан-Франциско неоднократно оканчивались неудачей. Потребительские кооперативы организованы также в Итаке (Корнелльский университет), в Хановере (Дартмутский колледж), в районе Морнингсайд-Хайтс в Нью-Йорке (Колумбийский университет) и в чикагском районе Хайд-Парк, где расположен университет.

Конечно, преподаватели высших учебных заведений не единственная группа интеллектуалов, которая оказывает ощутимую поддержку левоцентристским политикам. В результате проведенного в 1934 г. социологического исследования партийной принадлежности в округе Санта-Клара (пригород Сан-Франциско), в то время в значительной степени республиканском, выяснилось, что 25% живущих там литераторов состоят в партиях меньшинства, в основном Социалистической и Коммунистической партиях, и только 30% из них республиканцы. Литераторы в этом округе явно составляли «ле-

⁸ Arthur Kornhauser, «Attitudes of Economic Groups», *Public Opinion Quarterly*, 2 (1938), p. 264.

⁹ Paul F. Lazarsfeld, Wagner Thielens, Jr., *The Academic Mind* (Glencoe: The Free Press, 1958), p. 14–17.

вую», «нереспубликанскую» профессиональную группу¹⁰. В 1947 г. журнал «Time» разослал выпускникам университетов анкеты с вопросами, касающимися того, как они проголосовали на выборах 1944 г. Изучение более чем 9000 присланных обратно вопросников с ответами выявило значительное большинство демократов среди учителей, ученых и работников искусств¹¹. Показательно, что если 60% из тех, кто в графе «профессия» писали «научный работник», голосовали за демократов, то 80% из тех, кто относили себя к инженерам, голосовали за республиканцев¹². Тягу к левизне и либерализму обнаруживают также библиотекари, чья профессия тесно связана с интеллектуальным миром. В 1948 г. 17% респондентов из общенациональной выборки, состоящей из библиотекарей, отнесли себя к сторонникам кандидатов в президенты от третьей партии — Прогрессивной, Социалистической или Коммунистической, — так что библиотекари оказались на первом месте среди групп, поддерживающих эти партии¹³.

Доля тех, кто придерживается левоцентристских политических и экономических доктрин, велика и среди журналистов. Журналисты — одна из немногих профессиональных групп, имеющих сильную профсоюзную организацию, и этот профсоюз отличается высокой политической активностью. Действительно, Американская газетная гильдия — один из немногих профсоюзов, в котором фракция, возглавляемая коммунистами, получила значительную поддержку на профсоюзных выборах, даже после того как потеряла контроль над всей организацией. В Нью-Йоркском отделении, крупнейшем из местных отделений гильдии, список кандидатов от левого крыла в течение многих лет получал от 20 до 25% голосов. О политических предпочтениях журналистов можно судить и по результатам социологических ис-

¹⁰ H. D. Anderson, P. E. Davidson, *Ballots and the Democratic Class Struggle* (Stanford: Stanford University Press, 1943), p. 119.

¹¹ Отчет об этом исследовании содержится в кн.: Ernest Havemann, Patricia West, *They Went to College* (New York: Harcourt, Brace & Co., 1952). Анализ политического поведения представителей тех профессий, которые не охвачены указанной книгой, был сделан на основе дальнейшего анализа исходных данных. Я хотел бы выразить благодарность исследовательскому отделу журнала Time, любезно предоставившему мне возможность произвести этот вторичный анализ.

¹² Аналогичные данные относительно выраженного консерватизма и республиканизма инженеров приведены в работах: A. Kornhauser, *op. cit.*, p. 264; Arthur Kornhauser, «Analysis of "Class" Structure of Contemporary American Society», in George W. Hartman, Theodore Newcomb, eds., *Industrial Conflict* (New York: The Cordon Company, 1939), p. 255.

¹³ Отчет об этом исследовании см. в: Alice I. Brian, *The Public Librarian: A Report of the Public Library Inquiry* (New York: Columbia University Press, 1952). Таблица, освещающая политический выбор, не включена в опубликованную версию отчета; я ознакомился с ней по ротопринтной версии того же исследования.

следований в форме интервью. Проведенный в середине 1930-х годов опрос 104 вашингтонских корреспондентов, высокооплачиваемой элитной группы, показал, что на президентских выборах 1936 г. 30% из них голосовали за кандидата от республиканцев, 6% поддержали кандидата от коммунистов или социалистов и подавляющее большинство поддержало Рузвельта. Хотя средний заработок в этой группе составлял свыше 6000 долл. — доход по тем временам значительный, — 40% одобряли государственную эксплуатацию шахт, государственные коммунальные услуги и государственные железные дороги, а 56% поддержали идею создания профсоюза корреспондентов¹⁴. Эти политические позиции во многом отражали условия депрессии; но предварительное голосование среди корреспондентов, проводившееся в последующие годы в ходе предвыборных кампаний кандидатов в президенты от обеих партий, позволяет сделать вывод, что журналисты как профессиональная группа остались приверженными Демократической партии и делу либерализма. Позднее опрос другой элитной группы — иностранных корреспондентов в Западной Европе — показал, что зимой 1953—1954 гг. 58% опрошенных отдавали предпочтение Стивенсону, а 36% поддерживали переизбрание Эйзенхауэра¹⁵.

340

Весомый вклад в поддержку демократов и левоцентристов вносят также литераторы и работники искусств. Мы уже отмечали тяготение к радикализму у литераторов, живших в округе Санта-Клара в период Великой депрессии. Хотя из опрошенных журналом «Time» выпускников университетов только шестнадцать человек относились к категории работающих в сфере «искусства», подавляющее большинство членов этой группы высказывались за Рузвельта. Как и журналисты, почти все творческие работники организованы в профсоюзы с выраженным либеральным и левым политическим уклоном. В Актерской ассоциации за справедливость имелась большая коммунистическая фракция; Гильдией радиожурналистов управляли коммунисты. Ощутимую финансовую поддержку от занятых в киноиндустрии получала Демократическая партия¹⁶, и не секрет,

¹⁴ Leo Rosten, *The Washington Correspondents* (New York: Harcourt, Brace & Co., 1937), p. 342–353. Конечно, в 1936 г. победу на выборах одержали демократы. Однако результаты опросов показывают, что в других группах среднего класса с таким же уровнем доходов, как у журналистов, большинство голосов было отдано республиканцам.

¹⁵ Theodore E. Kruglak, *The Foreign Correspondents: A Study of the Men and Women Reporting for the American Information Media in Western Europe* (Geneva: Librairie E. Droz, 1955), p. 87–89.

¹⁶ Louise Overacker, «Presidential Campaign Funds in 1936», *American Political Science Review*, 31 (1937), p. 485; and «Presidential Campaign Funds in 1944», *American Political Science Review*, 39 (1945), p. 916.

что главным источником финансирования Коммунистической партии в нашей стране был Голливуд¹⁷.

Хотя коммунисты и сочувствующие составляли среди американских интеллектуалов (какое бы определение им ни давали) меньшинство, в 1930-х и 1940-х годах это меньшинство было влиятельным¹⁸. Когда в конце 1930-х годов между американскими интеллектуалами — приверженцами и противниками коммунизма — разгорелся спор о законности судебных процессов в Москве, коммунисты сумели сплотить вокруг себя более многочисленную и состоящую из более известных людей группу подписавшихся под публичными заявлениями в защиту этих процессов, чем антикоммунисты — группу подписавшихся под их осуждением. И тот факт, что большинство групп интеллектуалов, организованных для борьбы с коммунистическим влиянием, неизменно возглавляются социалистами и откровенно левыми либералами, возможно, даже более убедительно, свидетельствует об общем левом уклоне, свойственном интеллектуалам. В настоящее время важнейшая из таких групп, Американский комитет за свободу культуры, находится под руководством социалистов — Сидни Хука и Нормана Томаса — и активистов Либеральной партии штата Нью-Йорк, в частности Джорджа Каунтса и Джеймса Фаррелла. В общем, огромное множество фактов показывает, что интеллектуальные сегменты среднего класса — литераторы, работники искусств, журналисты, библиотекари, ученые и университетские преподаватели оказывают большую (соотносительно с их численностью) поддержку Демократической партии и малым левым партиям, чем любой другой слой населения.

Источники либерализма

Анализ источников левизны американских интеллектуалов — задача более сложная, чем описание самого явления. Причина его кроется отчасти в условиях жизни, типичных для различных групп интеллектуалов в большинстве обществ и объясняющих поддержку этими группами левых политиков в других странах. Французский политолог Бертран де Жувенель указал на неизбежный конфликт

¹⁷ John Cogley, *Report on Blacklisting*, Vol. I, *Movies* (New York: Fund for the Republic, 1956), p. 24–46; Vol. II, *Radio and Television*, p. 142–162.

¹⁸ Подробное обсуждение коммунистического влияния в среде американских интеллектуалов см. в: Irving Howe, Lewis Coser, «The Intellectuals Turn Left», *The American Communist Party: A Critical History* (Boston: The Beacon Press, 1957), p. 273–318; см. также: Daniel Bell, «Marxian Socialism in the United States», in Donald Egbert et al., eds., *Socialism and American Life* (Princeton: Princeton University Press, 1952), p. 351–365.

между ценностями предпринимателей и ценностями работников творческого труда. Предприниматели изначально стремятся дать своим клиентам то, чего те желают: клиент всегда прав. Но для творческого работника его произведения обладают достоинством независимо от их непосредственной рыночной ценности¹⁹. Так как в современном капиталистическом обществе вознаграждение за произведенное в сфере культуры в возрастающей степени зависит от рынка, организованного по правилам бизнеса, то расхождение между взглядами посредника или нанимателя творческого работника (например, руководителей голливудских кинофирм, издателей газет и т.д.) и профессиональными критериями художника непременно должно вызвать у художника, который не может или не хочет создавать произведения на продажу, либо враждебность к бизнесмену, либо заниженную самооценку; те же, кто успешно приспосабливается к рынку, нередко чувствуют, что они поступились своей личной честностью²⁰.

Немецкий социолог Теодор Гейгер попытался объяснить свойственную представителям общественных наук склонность поддерживать левых следующим образом: «Из всех групп интеллигенции

¹⁹ Bertrand de Jouvenel, «The Treatment of Capitalism by Continental Historians», in F. A. Hayek, ed., *Capitalism and the Historians* (Chicago: University of Chicago Press, 1954), p. 118–120. Толкотт Парсонс утверждал, что существует глубинный конфликт между ценностями бизнеса и ценностями всех профессий (например, право, архитектура, медицина и т.д.): «...основным принципом современной экономической системы почти всеми признается высокая степень свободы действий, которую она предоставляет тем, кто преследует своекорыстный интерес... В противоположность понимаемому таким образом бизнесу, различные профессии характеризуются “бескорыстностью”. В профессионале видят не того, кто стремится к личной выгоде, а того, кто оказывает помощь своим пациентам или клиентам или же служит безличным ценностям, таким как научный прогресс» (Talcott Parsons, *Essays in Sociological Theory*, Glencoe: The Free Press, 1949), p. 186). Заметим, что Парсонс не выводит из этого конфликта какие-либо конкретные политические следствия.

²⁰ Оба опроса журналистов, на которые мы ссылались ранее, привлекают внимание к тому, что большинство опрошенных корреспондентов были не согласны с политической линией их газет и в новостных сообщениях им приходилось в угоду руководству тенденциозно освещать события (см.: L. Rosten, *op. cit.*, p. 351; T. E. Kruglak, *op. cit.*, p. 100, 102). Одно социологическое исследование, проведенное в Англии, показало, что давление на Королевскую комиссию по прессе, отмечавшееся после 1945 г., «было вызвано стремлением защитить интеллектуальную свободу и честность журналистов от посягательств работодателей» (Roy Lewis, Angus Maude, *The English Middle Classes* (London: Phoenix House, 1949), p. 179). «В современной Америке большой коммерческий успех, особенно в периферийных сферах, таких как голливудское кино, реклама и создание популярности средствами массовой информации, нередко наделяет успешного сочинителя нечистой совестью и побуждает его примкнуть к левым» (Crane Brinton, *Ideas and Men: The Story of Western Thought* (Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1950), p. 449).

ученые-обществоведы наиболее чувствительны к властному аспекту общества и в наибольшей степени страдают от посягательств на свободу мысли со стороны власть имущих. Потеря интеллектуальной автономии и свободы ставит под угрозу их труд по профессии и их призвание. Поэтому можно ожидать, что при таком общественном строе, при котором капитал и бизнес обладают большой властью и оказывают или могут оказывать то или иное противодействие критике, исходящей из академических кругов... значительное число ученых-обществоведов — понимаемых в самом широком смысле, — будет тяготеть к той или иной форме левой идеологии»²¹.

Некоторые исследователи, анализирующие интеллектуальную жизнь, например немецкий ученый Хельмут Плеснер, даже устанавливают «общую связь между точными науками и усвоением левых идей». Плеснер утверждает, что сами понятия, которыми пользуются в своей работе ученые, склоняют их к левизне: «Те, кто занимается точными науками, в которых идеи, как правило, облечены в математическую форму и прогресс познания основывается на управляемых экспериментах и на различных приложениях теоретических результатов к объективному опыту, обнаруживают сильную тягу к доктринам просвещенного позитивизма. Самое ясное отражение этого подхода в сфере политической идеологии можно найти в доктринах марксизма. Особенно привлекает ученого установленная Марксом тесная связь между точными науками и промышленными технологиями, с одной стороны, и структурой политической власти — с другой: он усматривает в ней ключ к подлинно разумному мировому сообществу будущего»²².

Говоря о различных интеллектуальных профессиях, надо признать, что, вероятно, существуют и другие факторы, влияющие

²¹ Theodore Geiger, *Aufgabe und Stellung der Intelligenz in der Gesellschaft* (Stuttgart: Ferdinand Enke, 1949), S. 124.

²² Helmut Plessner, «Ideological Tendencies among Academic Thinkers», Congress for Cultural Freedom, *Science and Freedom* (London: Secker and Warburg, Ltd., 1955), p. 178. Плеснер, заметим, полагает, что труд историков делает их консервативными, поскольку их исходные посылки «коренятся в почве и традициях их отечества». Трактовка исторических наук как консервативных, а точных — как «левых» была кратко изложена Р. Михельсом в 1911 г., см.: R. Michels, *Political Parties* (New York: Hearst's International Library, 1915), p. 256–257, а также, применительно к историку, Карлом Манхеймом: K. Mannheim, *Ideology and Utopia* (New York: Harcourt, Brace & Co., 1936), p. 119–122 [см.: К. Манхейм. Идеология и утопия. Ч. 1. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 208–209]. Михельс приводит и в общих чертах рассматривает гипотезы о противоположности «умозрительных наук... таких как философия, история, политическая экономия, теология и юриспруденция... глубоко проникнутых духом прошлого... экспериментальным и индуктивным наукам... изучая которые легко стать приверженцем прогресса».

на политические ценности интеллектуалов повсюду, но у либерализма американских интеллектуалов, кроме того, есть источники, специфические для нашей страны и ее истории. Большое значение имеют два фактора, связанные с нашей эгалитарной идеологией. Во-первых, исторической идеологией США являются эгалитарные положения Декларации независимости, по сути своей выражающие ценности демократически настроенных левых в любой стране. Во-вторых, даже интеллектуалы, полностью принимающие эгалитарные следствия американского кредо, считают себя недостаточно привилегированной группой, поскольку их не наделяют символами высокого статуса, как их собратьев в Европе. По иронии судьбы ответ на вопрос, почему американским интеллектуалам не оказывают тех знаков уважения, по которым они тоскуют, отчасти заключается в твердости признаваемых ими эгалитарных норм.

Прежде всего, в Америке нет действительно консервативной традиции — условия, общего для многих более ранних колоний²³. Американская демократия, рожденная революционной борьбой против иноземного угнетателя, отвергала притязания на наследственные привилегии. И независимо от партийных, классовых и религиозных убеждений американцы верны своему революционному кредо — в отличие от тех европейцев, которые живут в обществах с давно сложившимися аристократическими классовыми структурами и с утвердившейся церковью, обществах, где консервативные силы никогда по-настоящему не признавали легитимной эгалитарную демократию, даже когда она насильственно устанавливалась в результате революций.

Это значит, что в нашей стране никогда не имела влияния консервативная идеология, обращенная назад, к золотому веку (разве что в какой-то степени на Юге и среди части «старых семейств» Новой Англии в XIX веке). Эгалитарным утопиям, вдохновлявшим нас в политических сражениях, никогда не противопоставлялась никакая-либо консервативная утопия. Политически активный интеллектуал,

²³ См.: Louis Hartz, *Liberal Political Tradition in America* (New York: Harcourt, Brace & Co., 1955). «Порок американского либерализма — если это можно назвать пороком — заключается в том, что у нас никогда не было настоящей консервативной традиции» (*Ibid.*, p. 57). [См.: Л. Харц. Либеральная традиция в Америке. М.: Прогресс — Прогресс-Академия, 1993. С. 61.] «Поскольку высокий [интеллектуальный] консерватизм [американская] история исключала... все, что у нас остается, это практический консерватизм — консерватизм не профессоров, а промышленников, финансистов и политиков» (Arthur Schlesinger, Jr., «Burke in America», *Encounter*, 5 (October 1955), p. 79). См. также: Herbert McCloskey, «Conservatism and Personality», *American Political Science Review*, 52 (1958), p. 39; Clinton Rossiter, *Conservatism in America* (New York: Alfred A. Knopf, 1955), p. 68.

человек идей, никак не заинтересован в защите несообразностей, но любой статус-кво изобилует несообразностями. Только критикуя ограниченность политического и социального строя того общества, в котором он живет, интеллеktуал может почувствовать, что играет созидательную, плодотворную роль. В Европе он способен критиковать существующий строй либо поддерживая реформистскую утопию — представление о совершенном обществе будущего, либо отстаивая утопию консервативную, обычно выраженную в представлении об обществе с традиционными ценностями (истеблишмент и творческая аристократическая элита, не скованная необходимостью потакать нетворческим массам). В обоих случаях он может критиковать настоящее с выгодной позиции — исходя из представления о первом или втором из этих «совершенных» обществ²⁴. И очень часто и реформаторам и традиционалистам не нравится в настоящем одно и то же, например массовая культура, которую левые осуждают в институтах предпринимательского общества, а консерваторы рассматривают как неизбежное следствие демократии, позволяющей массам властвовать над вкусом²⁵.

Для американских интеллеktуалов сужение возможностей идеологического выбора означает, что даже те из них, кто расположен к консерватизму, выражают свои политические идеалы в понятиях единственно существующих доктрин — доктрин, которые связаны с революционным прошлым нации и к которым истинные европейские консерваторы питают отвращение, усматривая в них откровенный радикализм. (Автор одной, к сожалению малоизвестной, книги, написанной в начале 1930-х годов, социалист Лион Сэмсон, провел любопытные параллели между языком, используемым некоторыми крупными американскими бизнесменами и республиканскими лидерами для определения природы и целей американского общества, и высказываниями различных социалистических и коммунистических лидеров от Маркса до Сталина. По мнению Сэмсона, главной причиной неуспеха социалистической идеологии в Америке

346

²⁴ «Почти все, кого мы изучаем как часть нашего наследия, почти все великие писатели... подвергали критике существующий порядок вещей... Теперь, когда наступил XIX век, творческие интеллеktуалы по-прежнему бунтари, но... некоторые из них сдвинули идеал вправо, к старой религии, к старой или обновленной аристократии... Некоторые же сместились влево, обратившись к той или иной форме социализма, который сейчас становится жупелом для консервативного собственника» (Crane Brinton, *op. cit.*, p. 449–452).

²⁵ Критику точки зрения интеллеktуалов-социалистов на массовую культуру см. в: Gertrude Himmelfarb, «American Democracy and European Critics», *The Twentieth Century*, 151 (1952), p. 320–327.

было то, что символические цели социализма тождественны целям американизма²⁶.)

За отсутствием собственной идеологии, американские консервативные политики стараются только не допустить изменений или, как нынешние республиканцы, состязаются с либералами в стремлении к приемлемым для них уравнивательным реформам. Как я отметил в предыдущей главе, на самом деле американские консервативные партии в неэкономических сферах демонстрировали свой либерализм, так как вели более последовательную борьбу за права негров, чем демократы до Рузвельта²⁷.

Другой основной источник политической левизны американских интеллектуалов — их едва ли не всеобщее убеждение в том, что они составляют недостаточно привилегированную группу, низко располагающуюся на лестнице общественного признания (престижа), доходов и власти по сравнению с предпринимателями и специалистами²⁸. В рамках одного недавно проведенного социологического исследования ученые-обществоведы, преподающие в университетах, ответили на вопрос, как, по их мнению, типичные предприниматели, конгрессмены или попечители колледжей ранжировали бы преподавателей по отношению к «управляющему сетевым банком, главному бухгалтеру рекламного агентства и адвокату». Большинство респондентов полагали, что предприниматели и конгрессмены поставили бы их на последнее место. Более всего они были уверены в том, куда поместили бы их попечители колледжей, но при этом почти половина из них ответила, что «обычный» попечитель поставил бы их на третье или на четвертое место. Представление о невысокой оценке их профессии в обществе также побуждает преподавателей и, я бы сказал, других интеллектуалов становиться на тот же политический путь, какой выбирают другие «обделенные» группы по всему миру, — поддерживать те политические партии, которые подвергают

²⁶ Leon Samson, *Towards a United Front* (New York: Farrar and Rinehart, 1933).

²⁷ См. главу 9, с. 353.

²⁸ Излагая результаты социологического исследования, основанного на подробных неструктурированных интервью с сорока старшими преподавателями кафедр общественных и гуманитарных наук, Мелвин Симан сообщает: «...характеризуя себя самих и свое положение, эти интеллектуалы пользуются языком и приемами, типичными для статуса меньшинства» (Melvin Seeman, «The Intellectual and the Language of Minorities», *American Journal of Sociology*, 64 (1958), p. 27). В свою очередь Дэвид Рисмен указал на то, что «интеллектуалы, которым по какой-либо причине угодно считать себя жертвами, способствуют усилению того самого давления, которое вызывает у них недовольство. Это давление не столь велико, как принято думать; сильным его может сделать то, что его считают таковым» (David Riesman, «Some Observations on Intellectual Freedom», *American Scholar*, 23 (1953–1954), p. 14).

критике существующее распределение привилегий. Социологические данные ясно показывают, что сознание своего низкого статуса тесно связано с либеральной политикой. «Избиратели, голосующие за демократов [среди ученых, преподающих общественные науки], всегда более склонны думать, что профессоров никто не любит»²⁹.

Подлинный статус интеллектуалов

Удивительно, но представление об американском интеллектуале, сложившееся у его сограждан, совершенно отлично от его представления о себе самом. В то время как *он* может чувствовать себя не получившим признания и обойденным вниманием, сообщество, без сомнения, ставит его высоко, как это явствует из опросов, касающихся соотносительного статуса профессий. Согласно результатам социологического исследования престижности девятина шести профессий, проведенного Национальным центром изучения общественного мнения при Чикагском университете, статус преподавателей колледжей выше статуса любой группы, не связанной с государственной деятельностью, за исключением врачей. Почти так же высоко ранжируются художники, музыканты симфонических оркестров и авторы разного рода сочинений³⁰. Это исследование, по существу, говорит о том, что в Америке у представителей интеллектуальных профессий примерно такой же престиж, как у крупных бизнесменов, банкиров и директоров корпораций³¹. В 1950 г. второе общенациональное исследование общественного мнения дало аналогичные результаты. Респондентов

348

²⁹ P. F. Lazarsfeld, W. Thielens, Jr., *op. cit.*, p. 11–17.

³⁰ National Opinion Research Center, «Jobs and Occupations», in R. Bendix, S. M. Lipset, eds., *Class, Status, and Power* (Glencoe: The Free Press, 1953), p. 412–414.

³¹ Интересно, что исследования, проведенные в разных странах и в разное время, указывают на то, что относительная престижность профессий всюду приблизительно одинакова. Социологи Алекс Инкельс и Питер Росси сравнили результаты опросов, проведенных в Японии, Великобритании, США, Германии, Австралии и среди выборок из русских перебежчиков, и пришли к заключению, что во всех странах профессиям отводят практически один и тот же ранг! См.: A. Inkeles, P. Rossi, «National Comparisons of Occupational Prestige», *American Journal of Sociology*, 61 (1956), p. 339. Сходные результаты дали исследования, проведенные позднее в Бразилии, на Филиппинах, в Дании и Нидерландах. Два аналогичных американских исследования престижности двадцати пяти различных профессий — одно осуществлено в середине 30-х годов, другое в 1947 г. — выявили почти идентичные распределения по рангу. Все эти исследования, по существу, указывают на то, что занятия, требующие высокого уровня образования (общего и профессионального) или дающие значительную власть (бизнес-элита и политика), высоко ранжируются повсюду. Обсуждение и ссылки см. в: S. M. Lipset, R. Bendix. *Social Mobility in Industrial Society* (Berkeley: University of California Press, 1959), p. 14, 111.

просили отнести людей различных профессий к «высшему, среднему, рабочему или низшему классу». Преподаватели оказались четвертыми из двадцати четырех категорий, а 38% опрошенных фактически отнесли их к высшему классу³².

Можно возразить, что общенациональные опросы в этом отношении не показательны, поскольку важно мнение элиты: преподаватели общественных наук, опрошенные в ходе первого из вышеупомянутых исследований, заявили, что крупные бизнесмены и высокопоставленные правительственные чиновники не питают уважения к интеллектуалам. И тем не менее исследования, проведенные с целью выяснения рейтинга профессий у представителей различных классов, указывают на то, что лица, занимающие высокое общественное и экономическое положение, в действительности придерживаются лучшего мнения об интеллектуальных занятиях, чем те, кто принадлежит к рабочему и низшему классам³³.

Возможно, наилучшее свидетельство того, что в Америке интеллектуальные профессии, в частности преподавание в колледжах, имеют высокий статус, парадоксальным образом исходит от тех самых опрошенных Лазарсфельдом преподавателей, которые полагали, что бизнесмены и политики отводят их роду занятий сравнительно низкий ранг. Как видно из табл. I, эти преподаватели, которые составляют хорошую выборку из университетских ученых-обществоведов, происходят из «семей, обладающих относительно высоким статусом».

Таблица I

Социальное происхождение университетских ученых-обществоведов*

Профессия отца	Процент
Преподаватель (как правило, из профессорско-преподавательского состава колледжей)	8
Другой специалист	23
Менеджер	25
Белый воротничок или занятый в малом бизнесе	15
Фермер	13
Работник физического труда	15
Информация отсутствует	1
Всего	100% (2451)

* P. F. Lazarsfeld, W. Thielens, Jr., *The Academic Mind* (Glencoe: The Free Press, 1958), p. 7.

³² Richard Centers, «Social Class, Occupation, and Imputed Belief», *American Journal of Sociology*, 58 (1953), p. 546.

³³ См.: John D. Campbell, *Subjective Aspects of Occupational Status* (unpublished Ph.D. thesis, Department of Social Relations, Harvard University, 1952).

Хотя преподаватели считают, что за пределами интеллектуального братства их недооценивают, ясно, что их профессия в действительности ценится высоко, поскольку они способны привлечь в свои ряды выходцев из относительно привилегированных слоев. Почти у половины респондентов отцы занимают руководящие посты или не являются преподавателями. Только 15% — дети работников физического труда. Сравнение этих данных с данными различных выборов из американской бизнес-элиты, в частности из глав крупнейших корпораций, показывает, что происхождение членов обеих групп примерно одинаково³⁴. В действительности это сравнение, возможно, не отдает должное академической профессии, поскольку выборка из преподавателей колледжей взята из всех высших учебных заведений США, а преподаватели лучших учебных заведений (это, как правило, крупнейшие) происходят из семей, принадлежащих к высшим социально-экономическим группам: 62% преподавателей самых крупных учебных заведений (свыше 9000 студентов) происходят из семей менеджеров или специалистов по сравнению с 49% преподавателей самых малых учебных заведений (700 студентов и менее); две трети преподавателей общественных наук в светских частных учебных заведениях происходят из семей, обладающих высоким статусом, по сравнению с 44% в духовных учебных заведениях или педагогических колледжах³⁵. Так как внутри университета общественные науки не являются самыми престижными, то социальное происхождение преподавателей гуманитарных и естественных наук, возможно, даже выше.

Одинаковое социальное происхождение, конечно, не означает, что различия во взглядах и поведении преподавателей высших учебных заведений и руководителей в сфере бизнеса — это в основном результат различий в их профессиональной среде и в их статусе. Исследование ценностей студентов колледжей, стремящихся к разным профессиональным целям, показывает, что ценности, включая политические убеждения, могут как вытекать из профессионального положения, так и обуславливать его. Например, согласно результатам одного опроса студентов университетов (первокурсников и студентов второго курса, а через два года — студентов третьего и четвертого, выпускного, курсов), среди студентов, первоначально планировавших специализироваться в бизнесе, придерживающиеся либеральных политических взглядов нередко меняли свою спе-

³⁴ См.: S. M. Lipset, R. Bendix, *op. cit.*, p. 128–137, где содержатся сведения о различных исследованиях среди бизнес-элиты.

³⁵ P. F. Lazarsfeld, W. Thielens, Jr., *op. cit.*, p. 23, 26.

циализацию, тогда как консерваторы продолжали обучаться бизнесу. Аналогично при сопоставлении ценностей студентов, выбравших различные профессии, обнаружилось, что выбравшие коммерческую, медицинскую или предпринимательскую карьеру проявляли слабый интерес к творческой самореализации и большую заинтересованность в «деньгах, статусе и обеспеченности», тогда как в отношении избравших научную и преподавательскую карьеру было верно обратное. Таким образом, некоторые особенности, связанные с различными профессиями, могут объясняться тем, что эти профессии привлекают к себе людей разного рода³⁶.

351

Интеллектуалы и интеллигенция

Поскольку одним из главных источников левизны американского интеллектуала, очевидно, является его представление о себе как о человеке с низким статусом, а факты противоречат этой оценке, естественно возникает вопрос: почему интеллектуал думает, будто на него смотрят свысока?

Я предполагаю, что свойственное ему чувство собственной приниженности объясняется в значительной мере его радужным представлением о статусе европейского интеллектуала и тем, что он принимает ситуацию в Европе за точку отсчета и сравнивает себя со своими европейскими коллегами³⁷. Всякий, кто когда-либо вступал

³⁶ В этом отношении было бы интересно побольше узнать о причинах и следствиях того, что профессия врача (как показывает данное исследование и ряд других опросов) привлекает к себе тот же тип людей, что и высококонкурентные и манипулятивные занятия бизнесом, а именно тех, чья главная цель, по-видимому, делать деньги и преуспевать. См.: Morris Rosenberg, *Occupations and Values* (Glencoe: The Free Press, 1957), p. 16–19, 82.

³⁷ «Во времена Эмерсона преподаватели и их собратья интеллектуалы не рассматривались как особая группа; ни тогда, ни впоследствии они не были окружены таким вниманием, не получали такого вознаграждения и не внушали такого почтения, как в Европе» (Merle Curti, «Intellectuals and Other People», *The American Historical Review*, 60 (1955), p. 260). Может быть, трава всегда кажется зеленее где-то в другом месте, в особенности интеллектуалам, желающим доказать, что в другом месте и вправду лучше, и в качестве знатных зарубежных гостей часто вступающих в контакт со многими группами местной элиты, с которой они лишь в редких случаях регулярно общаются дома. Так, в труде, написанном в 1880-х годах, Джеймс Брайс высказывает мнение: в Америке к интеллектуальному превосходству «относятся, думаю, с большим уважением, чем где-либо в Европе, за исключением, быть может, Италии, где заинтересованность в образованных людях, поэтах, художниках, кажется, больше, чем где бы то ни было в Европе. Имя знаменитого писателя или священника в Америке знакомо гораздо большему числу людей, чем подобное имя в любой европейской стране. Он один из тех, кто составляет славу страны» (James Bryce, *The American Commonwealth*, Vol. II (Toronto: The Copp Clark Pub. Co., Ltd., 1891), p. 621). В наше время Реймон

в дискуссию о жизни интеллектуала в нашей стране, знает: рано или поздно кто-нибудь да скажет, что в Англии, Германии, Франции или Италии писатель, художник, композитор или преподаватель — доктор наук действительно обладает весом. Там он признан как широкой общественностью, так и политической и экономической элитами³⁸.

Разумеется, между европейским и американским отношением к интеллектуалу есть различие. Это различие не что иное, как различие между обществом с откровенно жесткой классовой структурой и обществом, придающим особое значение равенству. В Европе внешние знаки уважения оказываются *всем*, кто имеет высокий статус, будь то инженеры, владельцы предприятий или профессора, тогда как в нашей стране их не оказывают *всякому* в такой степени, как это принято за океаном³⁹.

Английский ученый А. Г. Николас, сравнивая положение американского и британского интеллектуалов, отметил: последний «самим своим положением в какой-то степени защищен в обществе, которое

Арон, полагающий, что с учетом всех обстоятельств британский интеллектуал занимает более высокое положение, чем французский, тем не менее констатирует: «Прогрессивный английский писатель... приходит в восторг, когда, приехав в Париж, он поселяется в Сен-Жермен-де-Прэ. Он внезапно начинает интересоваться политической, благоразумие которой у него на родине не привлекало его внимания. <...> Последняя статья Жан-Поля Сартра становится политическим событием или, по крайней мере, принимается как таковое в узком, но уверенном в своей значительности кругу». Сложившееся у английских и — добавим — американских интеллектуалов впечатление, что их французские собратья имеют политическое влияние, по мнению Реймона Арона, поверхностно и ложно (Raymond Aron, *The Opium of the Intellectuals* (New York: Doubleday & Co., Inc., 1957), p. 218). [*Р. Арон. Опиум для интеллигенции.* Мюнхен: Изд-во ЦОПЭ, 1960. С. 162.]

³⁸ Один французский исследователь, занимающийся анализом социального статуса американских интеллектуалов, недавно писал: «Мне кажется, положение американского интеллектуала в сравнении с европейским интеллектуалом, выполняющим аналогичную работу, основывается на фрустрации и комплексе неполноценности. Я постоянно встречаю людей, рассказывающих мне, что в Европе интеллектуал занимает положение если не более выгодное, то по крайней мере более почетное, чем в Америке» (R. L. Bruckberger, «An Assignment for Intellectuals», *Harper's*, 212 (February 1956), p. 69).

³⁹ «По-видимому, с уверенностью можно утверждать только одно. В Америке нет рангов, нет всеми узнаваемой печати, которой был бы отмечен человек, имеющий право на какие-либо социальные привилегии или на почтительное отношение к нему со стороны других людей. Никто не вправе считать, что он лучше окружающих, или ожидать, чтобы ему оказывали какое-то исключительное уважение» (James Bryce, *op. cit.*, p. 618). Развивая эту мысль, я попытался показать, что стремление американцев с высоким статусом установить различия по рангу, связанные с социальным происхождением, — следствие силы эгалитарной идеологии (см.: S. M. Lipset, «Social Trends in America», in Lyman Bryson, ed., *A Guide to Knowledge* (New York, McGraw-Hill Book Co., 1960)).

У. Бэдждот назвал “уважающим (deferential) обществом”. Возможно, не *очень* уважающим его; уважающим его меньше, чем земельного собственника, руководящего работника, военного, священника или юриста, — защитный покров названия “джентльмен” укрывает их более полно и в нем к тому же меньше бросающихся в глаза незакрепленных нитей. Тем не менее [британский] интеллеktуал тоже имеет в этом обществе свою долю, ведет ли он себя как бунтарь или как оплачиваемый апологет»⁴⁰.

На большинстве европейских фабрик и заводов между профессиями существует строгое разделение по статусу. Я слышал, как американские рабочие и инженеры, побывавшие на временной работе в Европе, жаловались на «несуразность» социальных отношений на этих предприятиях в отличие от мест их постоянной работы. Один мастер нефтеперерабатывающего завода, работавший в Бельгии, как-то рассказывал мне, что во время своей работы по найму в компании «Фольксваген бас» он, видя, что большинство работающих на строительном объекте, находящемся в пригороде, добираются туда на велосипедах, предложил нескольким знакомым ездить вместе с ним на автобусе. Он обращался и к рабочим, и к белым воротничкам. На другой день белые воротнички ответили ему, что не могут ехать в машине вместе с рабочими, что в Бельгии, да будет ему известно, это не принято.

Аналогичный пример: один немецкий преподаватель, социалист, рассказал мне о трудности, иногда возникающей из-за использования в Германии двух форм местоимения второго лица — *Sie* и *du* (фамильярная форма)*. Последнее полагается употреблять только среди близких и равных по статусу, но Социал-демократическая партия несколько десятков лет назад установила для товарищей по пар-

⁴⁰ A. G. Nicholas, «Intellectuals and Politics in U.S.A.», *Occidente*, 10 (1954), p. 47. Другая причина различия в статусе интеллеktуалов в Европе и в Америке — их разная численность. В США звание «профессор» носят около 200 тыс. человек, в крупных европейских государствах — обычно не более тысячи. Это объясняется отчасти тем, что в Европе меньше университетов (этот вопрос будет обсуждаться позже), отчасти же тем, что у европейцев людей, имеющих профессорское звание, в каждой области науки и в каждом университете (часто в единственном университете) немного. Как отметил Джон Хикс, «в нашей стране есть градации: старший преподаватель (assistant professors), доцент (associate professors), профессор, имеющий докторскую степень (full professors), — все они профессора... Иное дело в Старом Свете. Там нет градаций. Вы или профессор, или не профессор; и если вы профессор, это обеспечивает вам высокое положение. Большинство преподавателей в университетах Старого Света вообще не профессора и не могут даже надеяться стать профессорами» (John D. Hicks, «The American Professor in Europe», *Pacific Spectator*, 6 (1952), p. 432).

* Вы; ты (нем.). — Прим. перев.

тии форму *du*. Рабочие, незнакомые друг с другом, охотно употребляют ее на партийном собрании, но когда они говорят с «господином профессором», они испытывают затруднение и стараются избегать употребления обеих форм.

Во многих странах Европы общество, безусловно, относится к интеллектуалам с лестным для них уважением, *но это касается любого высокопоставленного положения*. Американский интеллектуал, завидующий своему европейскому собрату, не замечает того, что на самом деле он возражает против эгалитаризма США, а не против более низкой оценки его профессии согражданами. В нашей стране рабочий может поправлять инженеров, а сын рабочего — перечить своему преподавателю в университете, если в чем-то с ним не согласен. Американские служащие и инженеры находят этот кодекс поведения естественным, интеллектуалы же возражают против него. Сами того не сознавая, они мыслят по-европейски, так же как и многие европейские *émigrés**, бежавшие от нацизма и коммунизма, которые в Америке чувствуют понижение своего статуса, даже когда занимают положение, сравнимое с тем, какое занимали в Европе: «Интеграция в американское общество для *émigré* с его глубоким чувством класса и статуса, нелегка. Квалифицированные инженеры или врач, который после нескольких лет интернатуры, после провала экзамена на лицензию и мытья посуды или полов в лаборатории, наконец утверждается в своей профессии, делает открытие, что он не имеет такого же высокого статуса, какой был бы у него в прежней стране. В районе Лос-Анджелеса я встретил нескольких молодых хорватских врачей, зарабатывавших от 25 000 до 35 000 долл. в год, но все-таки чувствовавших себя деклассированными»⁴¹.

Многие американские интеллектуалы усматривают в значительном, как они полагают, преобладании «примитивной» массовой культуры в Америке по сравнению с Европой еще одно свидетельство меньшего престижа подлинно творческой деятельности в нашей стране. Однако в последние годы, когда Европа по своей экономической и классовой структуре стала больше походить на Америку, многие европейские интеллектуалы пришли в отчаяние от быстрого развития подобных типов культуры в своих странах. Возможно, распространение массовой культуры в Европе — следствие того, что у низших классов впервые появилось достаточно средств и времени, чтобы культурный рынок откликнулся на их запросы. Возмож-

* Эмигранты (франц.). — Прим. перее.

⁴¹ Bogdan Raditsa, «Clash of Two Immigrant Generations», *Commentary*, 25 (January 1958), p. 12.

355 но, «американизация» — это просто повышение жизненного уровня масс и сокращение разрыва между классами. Проблема заключается не в недовольстве широких масс «мудреными» профессиями или интеллектуалами, а в связи между степенью развития демократии и уровнем культуры простого человека.

Дэвид Рисмен — один из немногих американских интеллектуалов, утверждающих, что «в гораздо более подвижной и аморфной Америке нашего времени писатель, художник, ученый стали гламурными фигурами, если не людьми, обладающими властью над другими», — изложил интересную теорию, объясняющую, почему эти люди так чувствительны к критике⁴². Он отмечает, что в государственных высших учебных заведениях США интеллектуально ориентированные студенты обычно находятся в явном меньшинстве. Подающие надежды интеллектуалы нередко становятся объектом насмешек и оказываются в изоляции, поскольку они отклоняются от сложившихся в данном учебном заведении норм, отражающих главным образом неинтеллектуальные интересы. Этот ранний студенческий опыт остается с ними на всю жизнь, так что впоследствии любая критика их интеллектуальных устремлений напоминает им о студенческом опыте. Если это верно, тогда те интеллектуалы и у нас, и в других странах, которые учились в учебных заведениях, предназначенных для взращивания элиты, должны быть гораздо меньше озабочены антиинтеллектуализмом.

Проблема численности

Еще два источника левизны американских интеллектуалов, не имеющие прямой связи с американскими эгалитарными ценностями, — кажущаяся изолированность интеллектуала от других частей элиты, в особенности отсутствие у него прямого контакта с политической властью в сравнении с европейским интеллектуалом, и его доход в сравнении с доходом руководителей в сфере бизнеса и специалистов.

356 Почему у *среднего* американского интеллектуала нет такого же прямого контакта с другими представителями элиты — в особенности с теми, в чьих руках политическая власть, — как у *среднего* европей-

⁴² David Riesman, *op. cit.*, p. 15. О высоком статусе американских интеллектуалов говорили также Лайонел Трилинг и Сол Падовер. См.: Lionel Trilling, «Mind and Market in Academic Life», *The New Leader* (February 9, 1959), p. 19–23; Saul Padover, «Kissinger and the Egghead», *The Reporter* (April 30, 1959), p. 7–8. О влиянии студенческого опыта см. в: David Riesman, «Comments», *Daedalus* 88 (1959), p. 491–493.

ского интеллектуала? Да просто потому, что в Америке и абсолютное, и относительное число интеллектуалов больше и они более широко рассеяны географически, чем в любой другой стране. В 1929 г. все *десять* профессоров экономики в Австралии собрались и заявили правительству, что они считают катастрофическим для страны отказ от золотого стандарта. Тогдашнее лейбористское правительство было не в восторге от этого, но понимало, что не должно идти против «экспертов». Как могли бы тысячи американских профессоров экономики оказать такое корпоративное влияние? В нашей стране более 1800 колледжей и университетов, тогда как в Великобритании их около 15, в Западной Германии менее 20, в Норвегии один, в Дании два, в Швеции четыре и т.д. В одном только большом Нью-Йорке более 20 тыс. человек преподают приблизительно в сорока высших учебных заведениях. В Бостонской области около 9000 преподавателей колледжей и университетов, из них 3000 — преподаватели Гарвардского университета. В Северной Калифорнии, центром которой является Сан-Франциско, их 14 тыс. На сегодняшний день в стране есть более 1100 городских симфонических оркестров. И, как отмечалось в выпуске «*Times Literary Supplement*», посвященном американским писателям, в США существует значительно больше тысячи литературных журналов — сопоставим это с горсткой аналогичных журналов в Великобритании.

Ни один крупный город в демократическом мире не сравнится с Нью-Йорком по числу интеллектуалов, работающих в университетах, журналах, издательствах и других отраслях «интеллектуальной» индустрии. Однако, хотя Нью-Йорк можно назвать интеллектуальной столицей США, есть авторитетные группы интеллектуалов, разбросанные по всей стране, и совокупное число членов этих групп значительно превышает число интеллектуалов в Нью-Йорке и его окрестностях. (В Нью-Йорке только одна ведущая высшая школа — Колумбийский университет; по уровню профессорско-преподавательского состава она занимает третье место в национальных рейтингах — после Гарварда и Калифорнийского университета в Беркли)⁴³.) Влиятельные школы художников и писателей существуют в разных частях страны, от Сиэтла и Лос-Анджелеса на Западном побережье до Нью-Мексико, Нового Орлеана, Чикаго, Бостона и т.д. Как заметил Николас, «Бродвей ни на минуту не должен рас-

⁴³ The President's Committee, *The Educational Future of Columbia University* (New York: Columbia University Press, 1957), p. 13. Стоит отметить, что, хотя Колумбийский университет находится в Нью-Йорке, его рейтинг в общественных науках понизился: в 1925 г. он был первым, а в 1957 г. — третьим (*loc. cit.*).

слабляться ввиду амбиций Голливуда... Бостон не оставляет надежды вернуть свое литературное превосходство, а Сан-Франциско не отказался от убеждения, что культурное преобладание будет перемещаться на запад»⁴⁴.

Уже само количество интеллектуалов в культурных центрах, так же как и огромная территория страны, неизбежно ограничивает возможность личного знакомства интеллектуалов друг с другом, а тем более с людьми из таких сфер, как политика или бизнес. В крупных городах ученые-преподаватели часто хорошо знают только тех, кто специализируется в их дисциплинах, и я могу засвидетельствовать непосредственным опытом, что социальные связи между людьми одной специальности в разных университетах, находящихся в одном и том же населенном пункте, редки. Профессорско-преподавательский состав Колумбийского университета включает более шестидесяти профессоров-историков, имеющих докторскую степень. В профессорско-преподавательском составе университетского городка Беркли более тридцати социологов — больше, чем работает во *всех* британских или канадских университетах. Во многих городах существуют группы художников, писателей-авангардистов, литераторов, занятых в издательской индустрии, но члены этих групп часто слишком многочисленны для того, чтобы у них были широкие контакты с другими группами⁴⁵.

358

Сравнительная изолированность американских преподавателей колледжей от всех других групп, интеллектуальных или иных, подтверждается исследованием Лазарсфельда—Тиленса, касающимся преподавателей-обществоведов. Свыше трех пятых респондентов (62%) сообщили, что «их основные социальные контакты ограничены университетом»; среди преподавателей общественных наук в наиболее известных колледжах и университетах эта цифра поднимает-

⁴⁴ A. G. Nicholas, *op. cit.*, p. 45. «В США политики находятся в Вашингтоне, издатели и театралы — в Нью-Йорке, кинематографисты — в Лос-Анджелесе, а профессора и пресса — повсюду. (Большинство англичан, которых я встречал, действительно не знают, что в Америке нет государственной прессы и что подавляющее большинство преподавателей университетов живет в маленьких городах.) Вполне возможно, чтобы издатель журнала с полумиллионным тиражом никогда не встречался ни с кем из людей, известных в политике, драматургии или музыке» (Irving Kristol, «Table Talk», *Encounter*, 5 (October 1955), p. 60. (Курсив в оригинале.)

⁴⁵ Город Окленд, штат Калифорния, насчитывающий 400 тыс. жителей и являющийся в основном промышленным и рабочим городом, в 1958 г. мог бы похвастаться тем, что «число работающих художников в Окленде поражает. Там можно найти около 1000 мужчин и женщин, для которых рисование и живопись стали профессией. На Брюссельской ярмарке двое из 17 американских художников были из Окленда» (Ed Schoenfeld, «Oakland and the Arts», *Oakland Tribune* (December 28, 1958), p. M-3).

ся до 70% и выше⁴⁶. В странах с меньшими элитами интеллектуалы, естественно, общаются между собой теснее. Ирвинг Кристол, руководивший изданием журналов в Нью-Йорке и Лондоне, однажды заметил: «Что меня удивило и удивляет, как и любого американца, так это почти всеобщее братство между британскими интеллектуалами... В Америке, мягко говоря, дело обстоит иначе... Отнюдь не представляется немыслимым, чтобы старшие редакторы "The New Yorker" никогда не встречались со старшими редакторами "Time"»⁴⁷. Дуайт Макдоналд, чей опыт публициста тоже охватывает оба города, подтвердил слова Кристола: «Как питомец обоих этих журналов, могу засвидетельствовать, что это так. Интеллектуальные круги в Нью-Йорке не являются ни концентрическими, ни пересекающимися, ни соприкасающимися; человек "лично" знаком... лишь с немногими из авторов, чьи книги или статьи он читает. Лондонское интеллектуальное сообщество гораздо шире, оно включает предпринимателей, юристов и даже владельцев издательств, даже членов парламента»⁴⁸.

О подобном опыте рассказывают и американские профессора, преподающие в Канаде. Они довольно скоро знакомятся с главными фигурами в ряде областей науки, поскольку в каждой области есть относительно небольшая группа ученых. Канадская радиовещательная и телевизионная корпорация привлекает к работе значительную часть канадских интеллектуалов. Сотрудники правительственных бюро и комитетов и политики консультируются у многих специалистов по общественным наукам в стране. Политические партии найдут поле деятельности для всякого сочувствующего интеллектуала, который пожелает участвовать в политике.

Правительство США, даже когда у власти республиканцы, также привлекает для консультаций профессоров и других интеллектуалов. По словам Джона Фишера, редактора журнала *Harper's*, «администрация Эйзенхауэра использует больше профессоров, чем использовалось их при Новом курсе»⁴⁹. (О потребности республиканцев в интеллектуалах можно судить по тому факту, что два профессора, сочувственно отозвавшиеся в печати о партии, Артур Ларсон и Малькольм Мус, впоследствии были назначены помощниками президента в Белом доме.) Конечно, подавляющее большинство — бо-

⁴⁶ P. F. Lazarsfeld, W. Thielens, Jr., *op. cit.*, p. 31–32.

⁴⁷ I. Kristol, *op. cit.*, p. 60–61. В Лондоне Кристол редактировал «Encounter» и «Commentary», в Нью-Йорке — «The Reporter».

⁴⁸ Dwight Macdonald, «Amateur Journalism», *Encounter*, 7 (November 1956), p. 19; позднейшие высказывания Макдоналда на эту тему см. в его письме: «Politics and Partisans», *Columbia University Forum*, 2 (1958), p. 3.

⁴⁹ John Fischer, «The Editor's Easy Chair», *Harper's*, 216 (March 1958), p. 18.

лее 90% — не вписывается в эту картину, но я предполагаю, что правительствами штатов и федеральным правительством используется на высоком уровне, в частности в качестве консультантов, столько же, если не больше, профессоров и других интеллектуалов, сколько и в большинстве европейских стран⁵⁰. Америка оказывается ниже Европы, только когда учитывается доля интеллектуалов, привлекаемых правительством, — потому что в США их намного больше⁵¹.

360 Другой, весьма чувствительный, элемент негативного представления американского интеллектуала о себе самом — его доход. В сравнении с бизнесменами и независимыми специалистами он выглядит бедно⁵². Интеллектуал рассуждает примерно так: людям платят в со-

⁵⁰ Как уже говорилось, чувству изолированности от политической власти, присущему многим интеллектуалам, способствует и отделение политической столицы, Вашингтона, от интеллектуальной столицы, Нью-Йорка. «Вероятно, единственный тип интеллектуала, которого притягивает Вашингтон... это тот, кто решил сделать политикой своей профессией» (A. G. Nicholas, *op. cit.*, p. 44). Мало того что Вашингтон стоит в стороне от интеллектуальной жизни Нью-Йорка, он, как это ни странно, один из немногих главных американских городов, где нет значимого светского университета. В этом отношении его можно сопоставить со многими столицами штатов, такими как Олбани, штат Нью-Йорк; Сакраменто, штат Калифорния; Гаррисберг, штат Пенсильвания; и Спрингфилд, штат Иллинойс. Интересно было бы сравнить политическую роль преподавателей общественных наук и их субъективное восприятие власти в университетах, находящихся в столицах штатов, и в других университетах. Ричард Хофстедтер указал на то, что в штате Висконсин, где столица и университет территориально совпадают, «еще до начала XX столетия существовал тесный союз между режимом Лафоллета и университетом штата в Мадисоне, предвосхитивший все позднейшие мозговые тресты» (R. Hofstadter, *The Age of Reform*, New York: Alfred A. Knopf, 1955), p. 149). Еще один штат, в котором университет и столица находятся на одной и той же городской территории и существует тесное сотрудничество и социальные связи между преподавателями общественных наук и политиками, — Миннесота.

⁵¹ В этой связи стоит отметить следующее. Французский социолог Реймон Арон, пытаясь объяснить приверженность значительной части французских интеллектуалов коммунизму, несмотря на их высокий статус, утверждает, что они чувствуют себя обособленными от власти — и не напрасно. «Большинство [французских] интеллектуалов, интересующихся политикой, ожесточены, так как они чувствуют, что их лишили того, что принадлежит им по праву. У всех интеллектуалов, и бунтарей, и благомыслящих, создается впечатление, что они проповедуют в пустыне. <...> В США, в Великобритании и даже в Германии между экономистами и руководителями банков и промышленности, между ними и высшими чиновниками, между серьезной прессой и университетом или администрацией все время происходит обмен идеями и людьми. Но французские предприниматели не знают экономистов и до недавнего времени были склонны их презирать — заочно. Чиновники не прислушиваются к советам профессоров, журналисты мало встречаются с теми и другими. <...> В этом отношении ни один правящий класс не организован так плохо, как французский» (R. Aron, *op. cit.*, p. 220–221). [См.: Р. Арон. Указ. соч. С. 163–164.]

⁵² «Особое положение в классовой структуре американского общества занимают литераторы: они составляют то, что социологи назвали бы внешней группой (out-group) или, вернее, совокупностью таких групп... Их доходы в среднем меньше до-

ответствии с тем, чего они стоят; следовательно, более низкая заработная плата означает низкую ценность человека. В этом силлогизме опущен важный факт, а именно: в современных западных странах в действительности существует две шкалы доходов — частная и общественная. Высококатегорное общественное положение всегда оплачивается более скудно, чем соответствующее частное положение. Юрист на вершине своей карьеры, т.е. в должности судьи Верховного суда США, зарабатывает гораздо меньше, чем многие юристы корпораций в сфере частной практики. Когда члены кабинета Эйзенхауэра оставили частную службу, им пришлось смириться с немалыми потерями в заработной плате. Если рассмотреть сопоставимую группу среди интеллектуалов, то заработная плата ведущих профессоров главных американских университетов сравнима с заработной платой тех, кто занимает высокие посты в правительстве (за исключением самой верхушки) или в других некоммерческих учреждениях. Минимальная заработная плата профессоров, имеющих докторскую степень, в лучших колледжах в настоящее время составляет 11 тыс. долл. за академический год; некоторые благодаря автоматическим надбавкам получают более высокое вознаграждение. Многие профессора зарабатывают значительно больше на стороне, получая гонорары за консультации от корпораций и правительств, гонорары за статьи, лекции и книги. Приведенные ранее результаты опроса преподавателей общественных наук показывают, что у 62% работающих в этой области есть дополнительные источники доходов и наиболее продуктивные преподаватели, предположительно получающие самую высокую постоянную заработную плату, с наибольшей вероятностью зарабатывают деньги и за стенами учебного заведения⁵³. Конечно, в частной сфере многие преподаватели могли бы зарабатывать больше, но сам этот факт опровергает мнение, будто их таланты недооцениваются. Истина в том, что преподаватели,

361

ходов врачей и адвокатов, больше доходов священнослужителей и приблизительно равны доходам преподавателей колледжей» («Prophets Without Honour? The Public Status of American Writers», *Times Literary Supplement* (Sept. 17, 1954), p. liv). Однако Реймон Арон говорит нам, что во Франции часть интеллектуалов тоскует оттого, что «по ту сторону Атлантического океана некоторые мастера печатного слова, кого мы поколебались бы назвать интеллектуалами, имеют значительные доходы» (R. Aron, *op. cit.*, p. 219). [Там же. С. 162.]

⁵³ P. F. Lazarsfeld, W. Thielens, Jr., *op. cit.*, p. 241. Авторы разделили выборку из преподавателей на две группы по степени «продуктивности». Из попавших в низшую группу, предположительно менее известных и получающих самую низкую заработную плату, только у 47% есть внешние источники доходов, тогда как среди лиц из «более продуктивной» категории 76%, кроме своих университетских заработков, получают дополнительные средства.

как и юристы, становящиеся судьями или выборными должностными лицами, а не юрисконсультами корпораций, в действительности предпочитают неэкономическое вознаграждение этой работы материальной выгоде⁵⁴.

Интеллектуалы в политике

362 Многие интеллектуалы восприняли два поражения Эдлая Стивенсона* как симптом неспособности американских интеллектуалов играть активную роль в политике⁵⁵. Однако сомнительно, говорят ли поражения, которые он потерпел от харизматического лидера Эйзенхауэра, нечто большее относительно эффективности «интеллектуального» подхода к избирательной кампании, чем успех Стивенсона в предвыборной борьбе за пост губернатора штата Иллинойс в 1948 г., когда он обошел на 400 тыс. голосов «человека из народа» Гарри Трумэна. В действительности на уровне партийной политики и предвыборной работы интеллектуалы чувствуют себя на удивление уверенно. В Сенате США есть четырнадцать бывших преподавателей высших учебных заведений (одиннадцать демократов и три республиканца), и «более половины остальных сенаторов удостоены ученой степени магистра и доктора»⁵⁶. Первый демократ,

⁵⁴ Бесспорно, что средняя заработная плата преподавателя колледжа низка и многие профессора — доктора наук имеют недостаточно высокую заработную плату. Но у молодых университетских ученых и государственных служащих крайне низкие заработки повсюду, и существование большого количества посредственных колледжей, получающих недостаточно пожертвований, понижает среднюю заработную плату преподавателей.

* Э. Стивенсон, представлявший либеральное крыло Демократической партии, выдвигался на пост президента в 1952 и 1956 гг. и оба раза проиграл Д. Эйзенхауэру. — *Прим. перев.*

⁵⁵ «Авторы литературных произведений и научных трудов как социальная группа имели слабое политическое влияние или не имели вообще никакого. Написанное некоторыми из них могло бы повлиять на избирателей через десять-двадцать лет, но они редко были способны помочь своим кандидатам на текущих выборах. Есть даже серьезное сомнение, помогла ли г-ну Стивенсону в 1952 г. их почти единодушная поддержка или же, наоборот, она сократила общее число поданных за него голосов; другие группы, возможно, решили голосовать против всякого, кто вызывает такой энтузиазм среди «яйцеголовых»» (*Times Literary Supplement* (Sept. 17, 1954), p. liv).

⁵⁶ Цитата из работы Джона Фишера (John Fischer, *op. cit.*, p. 18), который отмечает также, что «Линдон Джонсон... второй по влиятельности политик в стране, одно время преподавал в школе. Его помощник, лидер сенатского большинства, — бывший преподаватель колледжа». Статистические данные о составе нынешнего Сената взяты из «*The New York Times*» (November 9, 1958), p. 65, «Cap and Gown Win Favor of Voter — 3 Newly Elected College Professors to Join Faculty of 11 Current Senators». В этой статье отмечается также, что семь других сенаторов (из которых шесть — демократы) явля-

избранный в сенат от штата Орегон за сорок с лишним лет, Ричард Нейбергер, профессионально занимается литературным трудом, как и Эрнест Грунинг, избранный в сенат от Аляски на первых выборах в сорок девятом штате. Джон Кеннеди, в 1958 г. переизбранный в сенаторы от штата Массачусетс рекордным большинством голосов (более 75%), опубликовал две книги, одна из которых – диссертация, написанная до того, как он стал политиком; с отличием окончил Гарвардский университет; был удостоен Пулитцеровской премии.

Способность американских интеллектуалов побеждать на выборах особенно поразительна, если принять в соображение тот факт, что при американской избирательной и партийной системе, не предполагающей централизованного партийного контроля над кандидатами, человеку трудно быть выдвинутым от партии, если он не проходит через политическую машину и не пользуется поддержкой местных партийных функционеров. С другой стороны, в значительной части Европы руководители централизованных партий могут доверять выдвижение кандидатов от партии интеллектуалам. Немногие из американских интеллектуалов готовы стать на путь прямого участия в местной политике по примеру Пола Дугласа, Эрнеста Грюнинга, Ричарда Нейбергера и Губерта Хамфри.

362

Антиинтеллектуализм и американские ценности

Несмотря на то что в самоуничижительном имидже, который американский интеллектуал создал себе, чтобы оправдать свое чувство отчужденности от общества, многое на поверку не соответствует действительности, в нашей стране сильны антиинтеллектуалистские тенденции; объясняются они историческим отсутствием влиятельной группы политически консервативных интеллектуалов. Антиинтеллектуализм в этом смысле не означает, что в Америке интеллектуалы являются или являлись группой с низким социальным статусом, но он отчасти порождается отсутствием наследственной аристократии, устанавливающей определенные базовые нормы поведения высшего класса, и ранней историей избирательного права для взрослых в нашей стране.

ются членами национального почетного общества студентов и выпускников университетов «Фи-бета-каппа». [Общество основано в 1776 г. Аббревиатура, состоящая из названий греческих букв, обозначает девиз «Philosophia biou kybernētēs» («Философия – руководитель жизни»). – *Перев.*]

Отсутствие аристократического класса в Америке означает, что в течение длительного периода у нации не было уважения к тем видам культурной деятельности, которые исторически сложившаяся аристократия сделала частью своего образа жизни и которые были во многом переняты европейской *буржуазией*, так как буржуа старались подражать стилю жизни вытесняемого ими класса. На протяжении значительной части XIX века, особенно во второй половине столетия, появились буквально сотни американских миллионеров, всего добившихся своими силами; в результате заняли высокое положение и приобрели влияние в обществе люди, не обладавшие социальными достоинствами и не разделявшие культурные интересы утвердившихся высших классов. Человек, всем обязанный самому себе, склонен переоценивать значение материального успеха и потребления «на публику» и недооценивать внешне непродуктивные виды деятельности. Он гордится экономическим и технологическим прогрессом, и неслучайно одним из первых искусств, расцветших в нашей стране, была архитектура. В последней трети XIX века многие американские интеллектуалы, такие как, например, Генри Адамс, чувствовали себя отверженными в мире, где всем заправляли подобные люди.

364 (Однако заметим в скобках, что ни один высший класс в современную эпоху не создал такого количества фондов, предназначенных для содействия интеллектуальным занятиям. Такие люди, как Карнеги, Рокфеллер, Стэнфорд, Гуггенхайм, Форд и др., своими дарами университетам или учреждением фондов установили новые стандарты. Веблен и другие указывали на эти необычайно щедрые пожертвования как на примеры потребления «на публику». Но из их анализа выпало то, что поддержка интеллектуальной деятельности признается у богатых американцев престижной. В последние дни своей жизни Эндрю Карнеги окружил себя интеллектуалами и людьми искусства и сам решал их экономические проблемы. В дарственном письме, учреждающем Фонд Карнеги, он заявил, что одна из его целей — «осуществлять все необходимое, чтобы поощрять, поддерживать и окружать должным уважением профессию преподавателя и содействовать развитию высшего образования»⁵⁷. У этого образца крупных пожертвований в пользу интеллектуальной деятельности

⁵⁷ Claude C. Bowman, *The College Professor in America* (Philadelphia: privately printed, 1938), p. 57. В 1919 г. Джон Рокфеллер, пойдя по стопам Карнеги, внес «50 млн долл. в поддержку общенационального движения за более достойную оплату труда преподавателей колледжей...» (*Ibid.*, p. 43). В 1935 г. Фонд Форда, в котором семья Фордов сохраняет значительное влияние, выделил 500 млн долл. на повышение заработной платы в университетах.

мало найдется аналогов в остальном мире. Богатые французы, англичане, немцы, за редким исключением, не ощутили потребности в широком масштабе поддерживать интеллектуальный труд.)

В течение XX столетия вульгарность вкусов, привнесенная так называемыми баронами-разбойниками, уходила в прошлое. Их потомки попытались создать американскую аристократию и придумали «Светские альманахи». Э. Дигби Балцелл в недавно опубликованном исследовании, посвященном высшему классу Филадельфии, подробно описал возникновение в этом столетии элитных частных школ наподобие Гротона, которые стали играть такую же роль, как Итон и Харроу в Британии; постепенное сосредоточение образования высшего класса в немногих университетах; занесение членов высшего класса в реестры «Светских альманахов» и приобщение семей, имеющих высокий статус, к епископальной церкви⁵⁸. Все эти процессы способствовали ослаблению, если не устранению, того типа материалистического антиинтеллектуализма, который тревожил Генри Адамса.

Но когда открытый антиинтеллектуализм, обусловленный социальным положением нуворишей, пошел на убыль, появился новый источник враждебности к интеллектуалам. Неприятие американской подчиненной бизнесу культуры, заставившее многих интеллектуалов XIX века полностью отгородиться от политики и общественных дел, в XX веке привело их к поддержке либеральной и левой политики — сначала прогрессизма и Новой свободы Вильсона*, а затем, как мы видели, марксизма и Нового курса⁵⁹. Как утверждает Маркус Канлифф, английский исследователь, изучающий историю США, Первая мировая война «и русская революция... в конечном счете показали американскому авангарду, что возможно и другое общество. Не будет преувеличением сказать, что 1917 год, год революции и мя-

⁵⁸ E. Digby Baltzell, *Philadelphia Gentlemen* (Glencoe: The Free Press, 1958).

* *Новая свобода* — политический лозунг Вудро Вильсона (1856—1924), 28-го президента США (1913—1921) в избирательной кампании 1912 г. Предполагалось, что свобода конкуренции должна привести к ограничению роста крупных корпораций. — *Прим. перев.*

⁵⁹ Р. Хофстедтер подверг глубокому анализу некоторые из причин сдвига американской интеллигенции влево: «...с 1890-х годов представители интеллектуальных профессий поначалу медленно, а в последующие два десятилетия с возрастающей быстротой оставляли косный консерватизм эпохи, наступившей после Гражданской войны, и присоединялись к основному течению либерального инакомыслия, чтобы взять на себя моральное и интеллектуальное лидерство в этом движении» (см.: R. Hofstadter. *The Age of Reform*, p. 149; см. также p. 148—163). См. также: William E. Leuchtenburg, «Anti-Intellectualism: An Historical Perspective», *Journal of Social Issues*, 9 (1955), p. 8—17.

тежа, ознаменовал и культурную революцию в Америке — движение, задачей которого было усвоение вместе со словарем Фрейда также и словаря Маркса»⁶⁰.

366 Вступление в политическую борьбу интеллектуала как активного приверженца левой идеологии принесло с собой антиинтеллектуализм как одно из направлений контратаки со стороны обеспокоенных политических и религиозных консерваторов. Маккартизм — это только позднейший пример атаки политиков на интеллектуалов. Подобные атаки, как показал историк Мерл Керти⁶¹, в Америке имеют особенно долгую историю. Но продолжительность этой истории во многом объясняется тем, что у США самая долгая не прерывающаяся история демократической политики и избирательного права для взрослых по сравнению со всеми другими странами мира. Политики по необходимости стараются нейтрализовать влияние оппозиционных взглядов, и само постоянное притязание интеллектуалов на то, что превосходство их образования и ума делают их взгляды значимыми, побудило несогласных с ними как в Европе, так и в Америке прибегнуть к антиинтеллектуализму⁶². Массы нигде по-настоящему не понимают и не разделяют проблем интеллектуальной жизни, и их можно настроить против интеллектуалов, воспользовавшись их общим недовольством из-за преимуществ более привилегированных и влиятельных членов общества. Как отметил Энгельс, в ранний период европейского социалистического движения анархисты и другие левые оппоненты Маркса считали возможным поощрять среди

⁶⁰ Marcus Cunliffe, «The Intellectuals II. The United States», *Encounter*, 6 (May 1955), p. 29.

⁶¹ Merle Curti, *American Paradox* (New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press), 1956.

⁶² Британские социалисты подвергались нападкам из-за того, что следовали теориям непрактичных интеллектуалов из Фабианского общества, а германские правые всегда были враждебны к *катедер-социализму*. Однако на протяжении большей части XX века между США и многими странами Европы существует одно важное различие: у нас немного консервативных интеллектуалов. Поэтому антиинтеллектуализм — естественное оружие консерваторов. Но Ричард Хофстедтер правильно напоминает нам, что американские либеральные политики, подобно радикальным оппонентам Маркса, тоже могут проявлять нетерпимость к интеллектуальной оппозиции. «Наши книги по истории рассказывают нам... что в период популизма и политической деятельности Брайана университетские профессора, которые не принимали экономки золотого стандарта, вполне устраивавшей обеспеченные классы, часто становились жертвами возмутительного вмешательства; однако эти книги обычно умалчивают о том, что, когда популисты одержали победу в Канзасе, они устроили в Канзасском университете едва ли не такие же гонения, на которые горько жаловались, когда их положение было иным» (Richard Hofstadter, «Democracy and Anti-intellectualism in America», *Michigan Alumnus Quarterly Review*, 59 (1953), p. 288).

коммунистически настроенных рабочих «непреодолимую подозрительность к каждому школьному учителю, журналисту, вообще ремесленнику, видя в нем “ученого”, желающего их эксплуатировать»⁶³. И Дэвид Рисмен верно заметил, что политический антиинтеллектуализм можно рассматривать как форму «классовой борьбы», отражающую тот факт, что различные группы «чувствуют угрозу... от роста интеллектуализма», и опасный враг для них «теперь уже не только банкиры, юристы, коммивояжеры... [но и] профессора, учителя, писатели и художники»⁶⁴.

Это еще одно доказательство того, что левая политическая ориентация интеллектуалов в Америке возникает не от низкого статуса. *Если политический антиинтеллектуализм свидетельствует о том, что у интеллектуалов низкий статус, то постоянные нападки на банкиров, брокеров с Уолл-стрит и железнодорожных магнатов в американской истории служили бы доказательством того, что они также являются группами с низким статусом, а это, конечно же, абсурд.* Нападки на какую-либо группу часто указывают на представление о ней как о группе с высоким статусом и отражают своего рода популистскую враждебность ко всякой элите⁶⁵.

Сдвиг вправо

Анализ источников современного антиинтеллектуализма и доминирующей политической ориентации американских интеллектуалов привел нас к некоторым любопытным парадоксам. Я утверждал, что антиинтеллектуализм был особенно распространен среди консерваторов, так как интеллектуалы не были более или менее равномерно распределены по различным политическим партиям и течениям. Американские интеллектуалы приняли эгалитарную идеологию США, и это исключило для них консерватизм как реальную альтернативу и, кроме того, заставило многих из них считать себя недо-

⁶³ Friedrich Engels, «On History of Early Christianity», in Karl Marx and Friedrich Engels, *On Religion* (Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1957), p. 319. [Ф. Энгельс. К истории первоначального христианства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 471.] Более подробное освещение антиинтеллектуалистских эпизодов в европейском социалистическом движении можно найти в работе: John Spargo, «Anti-Intellectualism in the Socialist Movement: A Historical Survey», in *Sidelights on Contemporary Socialism* (New York: B. W. Huebsch, 1911), p. 67–106.

⁶⁴ D. Riesman, «Some Observations on Intellectual Freedom», *American Scholar*, 23 (1953–1954), p. 15.

⁶⁵ Разумеется, нападки не всегда означают высокий статус, как показывает пример евреев и антисемитизма.

статочны привилегированными, потому что им не оказывают столь явного уважения, какое в европейских обществах, где существуют более тесные классовые рамки, оказывают их заокеанским коллегам. Сам успех либеральной идеологии, разделяемой большинством американских интеллектуалов, усиливает их чувство обделенности, что становится дополнительным источником их реформистского рвения; а рвение это в свою очередь активизирует политические атаки на интеллектуалов со стороны консерваторов и обеспечивает дальнейшую поддержку левоцентристским политическим течениям среди интеллектуалов⁶⁶.

Однако в этом самовосстанавливающемся круге, который до бесконечности удерживал бы американских интеллектуалов в левом лагере, а правые группы — в наступательной позиции, в последние несколько лет обнаружилось признаки разрыва. Американские интеллектуалы как группа, кажется, сместились к центру, хотя большинство из них, вероятно, остаются слева от воображаемой линии; и значительное меньшинство из них в своем мышлении стали консервативными. Этот сдвиг связан со многими обстоятельствами. Ясно, что одно из самых важных — социальные последствия продолжительного послевоенного процветания. Другое обстоятельство — реакция либеральных левых интеллектуалов в Америке, как и повсюду, на возникновение коммунизма как главной угрозы свободе. Столкнувшись с обществом гораздо худшим, чем существующее сейчас на Западе, но декларирующим, что оно претворяет в жизнь ценности американской и французской революций, такие интеллектуалы, включая многих социалистов из их числа, теперь впервые в истории придерживаются консервативной идеологии, которая позволяет им защищать ныне существующее или существовавшее в прошлом общество от тех, кто приводит аргументы в пользу будущей утопии. Подобно Бёрку, они стали искать источники стабильности, а не перемен. Те самые социальные классы, которые интеллектуал-реформатор рассматривал как носителей идеи совершенного общества, — низ-

⁶⁶ Как пишет французский автор Р. Л. Брюкберже, «американский интеллектуал нередко склонен говорить, что отечество не оправдывает его ожиданий и не воздает ему должного, что он чувствует себя как бы духовным изгнанником. Я задаю себе вопрос, а не истинно ли обратное. Может быть, американский интеллектуал сам не оправдывает ожиданий своей страны, и, может быть, он гораздо более неудачлив, чем кажется на первый взгляд... Это недоразумение даже было бы забавным, если бы нация могла обойтись без интеллектуалов. Да, американским интеллектуалам надо перестать жаловаться на Америку. Естественнее было бы Америке жаловаться на интеллектуалов. Слишком уж часто создается впечатление, будто их страна в них не заинтересована» (R. L. Bruckberger, *op. cit.*, p. 70). (Курсив в оригинале.)

шие классы, в особенности рабочие, — поддерживают новый деспотизм, и не только деспотизм левых, но, как показали маккартизм и перонизм, также и деспотизм «правых радикалов»⁶⁷. Кроме того, благодаря успеху умеренных форм левизны — Нового курса в нашей стране, демократического социализма в Британском содружестве наций и Скандинавии — программы реформирования экономики перешли из категории утопии в категорию реальности с ее несовершенствами и нелепостями.

И когда новые политические события повсюду разрушили утопии левых демократов, длительное процветание, с сопутствующим ему улучшением относительного положения рабочих и интеллектуалов, устранило видимые причины для напряженного интереса к реформированию экономики. Главным политическим вопросом 1950-х годов стало противоборство свободы и коммунизма, и в этой борьбе многие интеллектуалы, приверженные социализму и либерализму, поддерживают существующие институты. Поскольку интеллектуалы считают себя призванными отвергать общепринятые несообразности, поддержка эта дается им с трудом и вызывает у них чувство неудовлетворенности, принимающее вид сожаления о том, что все, включая интеллектуалов, проявляют слишком много конформизма. Многие американские либерально настроенные интеллектуалы в 1950-е годы понимают, что должны любить и защищать свое общество, но все-таки испытывают тяжелое чувство, что они нарушают свой долг интеллектуалов — критиковать и ниспровергать. Эту дилемму они решают так: по-прежнему ощущают свою связь с левыми, но голосуют за демократов; считают себя либералами — часто даже социалистами, — но воздерживаются от активного участия в политике или отказываются от интереса к ней и сосредоточиваются на своей работе, будь то сочинение стихов или написание научных статей.

Важно подчеркнуть, что явное изменение многих позиций интеллектуалов не подкрепляет предположения, высказанного теми немногими, кто все еще придерживается крайне левых убеждений, а именно что маккартизм и другие формы устрашения заставили

⁶⁷ Прежний союз между интеллектуалами и низшим классом, служивший опорой Демократической партии, распался в 1840-х годах, так как основным либеральным делом интеллектуалов стало разрешение неэкономического вопроса — вопроса о рабстве, а массы и демократы были на неправой стороне. Многие интеллектуалы, вовлеченные в политику, связывали себя с либерализмом «высшего класса», или республиканским либерализмом тори, обсужденным в предыдущей главе, или с малыми партиями левого направления. Их возвращение к демократам началось при вильсоновской Новой свободе и завершилось при Новом курсе.

370 умолкнуть радикалов и создали запуганную или подкупленную группу конформистов. Как убедительно показало социологическое исследование взглядов преподавателей общественных наук в США, те, кто думали, будто маккартизм уничтожил атмосферу, царившую в академической среде, были неправы. В общем и целом преподаватели-либералы выступали за права непопулярных меньшинств и продолжали осуществлять свое собственное право на свободное самовыражение, хотя и почувствовали угрозу для интеллектуальной деятельности. Лазарсфельд и Тиленс, бравшие интервью у преподавателей общественных наук, заметили относительно их поведения: «Многие из них действительно испытывают опасения, но в целом они едва ли скованы страхом; эти мужчины и женщины “потерпели поражение, но не склонили головы”»⁶⁸.

Мужество и либерализм профессора университета постоянно поддерживаются его связями с коллегами. «Хотя такие внешние силы, как комитеты законодательного органа, могут располагать конкретными жесткими средствами, чтобы нанести ему ущерб, он не должен недооценивать те не столь очевидные лишения, которым его может подвергнуть его непосредственное профессиональное окружение»⁶⁹. Люди живут не просто в большом обществе, а в малых сообществах; а малое сообщество не только поддерживает свою позицию относительно принятых в группе норм, но и наказывает за отклонения от них. Таким образом, либеральный консенсус внутри интеллектуального сообщества страшит консерваторов в гораздо большей степени, нежели внешнее вмешательство и критика препятствуют левоцентристам»⁷⁰. В наши дни могучие социальные силы, толкающие все интеллектуальное сообщество в направлении консерватизма, могут также ослабить этот внутренний консенсус относительно либеральных политических ценностей и проложить путь консерватизму, более скрытому по сравнению с тем, который уже себя показал.

371 Еще более значительное свидетельство того, что упадок левого мировоззрения интеллектуалов в Америке не является в основном результатом принуждения, — тот факт, что подобное примирение между несовершенным демократическим обществом и левыми интеллектуалами позднее наблюдалось и во многих других западных странах, где давление, связанное с внутренними программами без-

⁶⁸ P. F. Lazarsfeld, W. Thielens, Jr., *op. cit.*, p. 95.

⁶⁹ *Ibid.*, p. 104.

⁷⁰ Morris Freedman, «The Dangers of Nonconformism», *American Scholar*, 28 (1958–1959), p. 25–32.

опасности и антикоммунизмом, было гораздо меньшим. В Великобритании бóльшая часть профессорско-преподавательского состава⁷¹ Лондонской школы экономики, прежде считавшейся оплотом Лейбористской партии, теперь, согласно ряду социологических исследований, голосует за консерваторов. В Канаде журнал «Canadian Forum», в течение трех десятилетий служивший рупором ученых и преподавателей социалистической ориентации, в последние пять лет перестал быть социалистическим печатным органом. Аналогичные перемены отмечаются и в Скандинавии. Во Франции и в Италии многие интеллектуалы перешли от коммунизма к социализму.

Происходит ли постоянный процесс изменения отношения американского интеллектуала к своему обществу, покажет время. Несмотря на могучие силы, влекущие его к консерватизму, интеллектуал все еще сохраняет внутреннюю склонность быть в оппозиции к статус-кво. Как писал чикагский социолог Эдвард Шилз, «во всех обществах, даже там, где интеллектуалы отличаются консерватизмом, творческие искания и неизбежная склонность к негативизму побуждают их к частичному отрицанию преобладающей системы культурных ценностей. Сам процесс создания и развития... потенциальных возможностей, заключенных в “системе” культурных ценностей... предполагает какую-то степень отрицания»⁷². Всякий статус-кво воплощает в себе косность и догматизм; интеллектуалы обладают неотъемлемым правом подвергать их критике, будь то с точки зрения движения назад к традиционным ценностям или же движения вперед к осуществлению эгалитарной мечты. Поступая таким образом, интеллектуал помогает поддерживать конфликт, который служит источником жизненной силы демократической системы.

⁷¹ См.: William C. Harvard, «The London School of Economics Revisited», *South Atlantic Quarterly*, 58 (1959), p. 108–123.

⁷² Edward Shils, «The Intellectuals and the Powers: Some Perspectives for Comparative Analysis», *Comparative Studies in Society and History*, 1 (1958), p. 8.

ГЛАВА 11

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОДНОПАРТИЙНОГО ЮГА — ВЫБОРЫ 1860 ГОДА

373

Постоянная преданность Юга Демократической партии обращает на себя внимание как самое значительное и единственное отклонение от курса американской партийной борьбы как классового конфликта. Хотя некоторые полагают, что демократические тенденции укрепились на Юге вследствие относительно неблагоприятного экономического положения региона, считать, что южные плантаторы и бизнесмены малых городов — неблагоприятный слой общества, кажется довольно абсурдным. Никто, однако, не станет отрицать, что демократы Юга составляют самую консервативную, если не реакционную, часть американского политического сообщества. Некоторые обстоятельства, лежащие в основе этого факта, уже обсуждались в предыдущих главах, и здесь мы не будем заниматься их анализом¹. Однако анализ связи между произошедшим после Гражданской войны самоотождествлением Юга с Демократической партией и классовым расколом внутри *ante bellum** Юга может показать, каким образом такие запутанные и тяжелые вопросы, как рабство и права негров, влияют на несходные интересы и ценности различных слоев общества, добавляя причин к сохранению, казалось бы, нецелесообразной модели. В этой главе мы бегло касаемся этих вопросов, рассматривая последние по-настоящему двухпартийные выборы на Юге — выборы 1860 г.

Выборы 1860 г. решительно выделяются из всех как президентские выборы, оказавшие самое значительное влияние на американскую жизнь. Столкновение мнений привело тогда к Гражданской войне. Формально партийная система с тех пор мало изменилась, и сформировавшаяся в тот период региональная партийная преданность или непримиримость продолжает оказывать влияние на партийные пристрастия вплоть до сегодняшнего дня. Сами выборы состоялись как завершение великого национального спора о месте

374

¹ Подробный анализ однопартийного Юга см. в: V. O. Key, Jr., *Southern Politics* (New York: Alfred A. Knopf, 1949); Alexander Heard, *A Two-Party South* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1952); J. B. Shannon, *Towards a New Politics in the South* (Knoxville: University of Tennessee Press, 1949).

* Перед войной (лат.), зд. «предвоенного». — Прим. перев.

рабства в американской жизни — спора, который напряженно усиливался в течение всей первой половины XIX века. Когда читаешь об истории данного периода, трудно отделаться от ощущения, что если когда-либо и происходили выборы, в ходе которых решался некий особенный вопрос, в отношении которого выборщики делали фундаментальный выбор, то это были выборы 1860 г.

Однако исследование источников поддержки четырех кандидатов в президенты на этих выборах наводит на мысль, что вопросы, связанные с рабством, или восхождение Республиканской партии не были факторами, оказавшими решающее влияние на голосование *большинства* американцев, хотя, возможно, способствовали изменению голосования важного *меньшинства*. Четырьмя кандидатами были: Линкольн, представлявший республиканцев; Дуглас, от северных демократов; Брекенридж, от южных демократов; и Белл, от Партии конституционного единства. Линкольн и Белл, по видимости, были кандидатами новых партий, но фактически представляли северную и южную партии вигов*, которые раскололись по региональным границам раньше, чем демократы. Хотя в гонке участвовали четыре кандидата, борьба в каждом регионе страны была по большей части делом двухпартийным. В южных штатах спор шел между отколовшимися демократами, поддерживавшими Брекенриджа, и старыми виговскими конституционными унионистами, которые выступали за то, чтобы остаться в Союзе. На Севере демократ Дуглас, отвергавший рабство, выступал за сохранение Союза посредством предоставления южным штатам различных гарантий в отношении их «особой системы». Северные виги-республиканцы во главе с Линкольном тоже надеялись сохранить Союз, но решительно протестовали против распространения рабства на территориях новых штатов; в их рядах насчитывалось несколько видных аболиционистов. Таким образом, северные виги-республиканцы и южные демократы представляли собой две крайности, в то время как северные демократы и южные виговские конституционные унионисты представляли в каждой части страны группы, стремившиеся к предотвращению раскола.

374 Гонке четырех кандидатов в 1860 г. предшествовала борьба трех партий на выборах 1856 г., когда против демократов и республиканцев боролась Американская партия, или Партия «ничего не знает»**. Любая попытка понять результаты выборов 1860 г. должна начинать

* Федералистская, или виговская, партия была основана, как и Республиканская, в 1789–1791 гг. — *Прим. перев.*

** См. прим. перев. на с. 353 сн. 18 — *Прим. перев.*

ся с исследования социального состава и конечной цели избирателей Партии «ничегонезнаек». Их лидерство и сила их поддержки наводят на мысль, что основная масса их электората перешла к ним от прежних вигов. Это особенно верно в отношении Юга, где кандидат в президенты, Миллард Филмор, в 1856 г. набрал 45% голосов — по существу, численность партии вигов. На Севере большая часть прежних вигов голосовали за Республиканскую партию, которая завоевала 45% от общего количества голосов местных выборщиков, в то время как Филмор получил только 13% голосов северного электората.

В 1860 г. разделившиеся к этому времени демократы увеличили свой электорат и на Севере, и на Юге, но на Севере республиканцы, поглотившие основную массу электората Филмора, получили в этом регионе около 54% голосов и большинство в коллегии выборщиков. Нельзя считать, что победа республиканцев в 1860 г. была обусловлена радикальными переменами, происходившими среди демократов, скорее она состоялась благодаря тому, что в первый раз со времени победы вигов в 1848 г. все антидемократические голоса на Севере были собраны вместе под эгидой одной партии. Фактически на Севере в 1860 г. демократы действительно *завоевали* пять мест в конгрессе. На Юге конституционный унионист и бывший виг Белл получил 41% голосов — только на 4% меньше, чем в 1856 г. получил бывший виг Филмор, кандидат от Партии «ничегонезнаек».

Беглый анализ результатов выборов по округам на Юге и на Севере показывает, что в 1860 г. большая часть людей продолжала голосовать за ту же партию, за которую голосовала всегда, хотя сдвиг в сторону демократов на Юге и в сторону вигов-республиканцев на Севере продолжал происходить. Если сравнить результаты выборов с 1840 по 1860 г., то обнаруживается, что в каждом случае, одинаково и на Севере, и на Юге, опорой демократов преимущественно являлись более низкие слои общества — небогатые фермеры, иностранцы, неанглосаксы, католики и (на Юге) те, кто не являлись рабовладельцами, в то время как виги опирались на более привилегированные классы — торговцев, богатых фермеров, коренных жителей-протестантов англосаксонского происхождения и крупных плантаторов-рабовладельцев². Такое соотношение сил существ-

² Обобщающего исследования, показывающего преемственность в выборе голосов избирателей внутри виго-демократической системы, пока еще не сделано, хотя существует ряд научных монографий, посвященных отдельным регионам, из которых видно, что виги, Американская партия и республиканцы черпали свои голоса из одних и тех же источников, в то время как демократы, все равно объединенные или расколовшиеся, оставались верными тем слоям и группам, на которые опирались Джексон и Ван Бюрен в 1828–1840 гг.

вовало в течение всего рассматриваемого периода, хотя, как было показано выше, южные демократы отвоевали значительную часть сферы влияния вигов, а республиканцы присоединили к себе группу демократов-фрисойлеров (Ван Бюрен)* и антикатолические группы, поддерживавшие Американскую партию.

Для того, кто занимается историей выборов, в этих фактах — особенно относительно Юга — содержится ряд интересных проблем. Очевидно, что Белл, кандидат Юга, противостоявший отделению и стремившийся сохранить Юг в составе Союза, пусть даже под республиканской властью, получил мощную поддержку рабовладельцев, в то время как Брекенридж, кандидат «горячих голов» (*red-hots*), не видевший будущего для Юга и его институтов в составе Союза, основную часть голосов получил от тех, кто не имел рабов и часто во внутригосударственных политических спорах противостоял консервативным богатым плантаторам-рабовладельцам.

Как соотносились между собой в 1860 г. партийное голосование и различные социальные характеристики избирателей, можно понять, только если допустить, что большая часть избирателей в этом году голосовала в традиционном духе. Менее имущие социальные группы оставались привержены своим региональным демократическим кандидатам, Брекенриджу и Дугласу, в то время как более привилегированные группы голосовали за региональных кандидатов старой партии вигов, Белла и Линкольна. Например, в результате предварительных президентских выборов, проведенных в 1860 г. в школе Св. Павла, голоса были разделены почти полностью между двумя кандидатами вигов — Беллом, получившим 46%, и Линкольном, получившим 37%³. Борьба на выборах 1860 г., как и на всех выборах начиная с 1828 г., велась между сторонниками и противниками Эндрю Джексона. Таблица I, демонстрирующая изменение характера голосования южных округов соответственно доли имеющихся в каждом из них рабов, ясно показывает, что опорой сепаратиста и демократа Брекенриджа является белое население, проживающее в областях, где рабов мало. Таблица дает основание полагать, что чем меньше в округе рабов, тем большую под-

376

377

* Политическая партия Free Soil, Свободная земля, которую возглавлял Мартин Ван Бюрен (1782–1862), была создана в 1848 г., она противостояла распространению рабства на территориях, завоеванных в результате войны с Мексикой 1846–1848 гг., и в конечном итоге стала левым радикальным крылом Республиканской партии. — *Прим. перев.*

³ Arthur Stanwood Pier, *St. Paul's School* (New York: Charles Scribner's Sons, 1934), p. 60; об этом говорится также в: E. Digby Baltzell, *Philadelphia Gentlemen* (Glencoe: The Free Press, 1958), p. 316.

держку имеет в нем политика отделения, поскольку Брекенридж получил голоса почти двух третей округов с незначительной долей рабов, в то время как половина округов с существенной долей рабов проголосовала против него.

Таблица I 376

Количественное соотношение голосов, отданных за Брекенриджа, по округам в семи южных штатах (Виргиния, Алабама, Джорджия, Миссисипи, Северная Каролина, Теннесси и Луизиана)*

<i>Сравнительное положение округа в зависимости от доли рабов в населении штата</i>	<i>Всего</i>	<i>Число голосов за Брекенриджа</i>	<i>Доля голосов за Брекенриджа, %</i>
Высокое	181	94	52
Среднее	153	87	56
Низкое	203	103	64

Дуглас, северянин-демократ, получил 13% голосов южан. Поскольку он, как и Белл, поддерживал Союз, его голоса учитывались вместе с голосами Белла как антибрекенриджевские. При определении округов как высоких, средних или низких в зависимости от доли имевшихся там рабов, было необходимо использовать различные подходы в отношении каждого штата. Это было сделано лишь отчасти, поскольку источники, использовавшиеся для получения данных, различались способами определения процентного отношения количества рабов к населению. Более важным, однако, был тот факт, что штаты значительно различались по количеству рабов на душу населения, так что в плантаторских штатах в большинстве округов рабов было много, а в ряде округов некоторых пограничных штатов рабы составляли большинство. Во всех южных штатах, однако, более богатые и более бедные округа различались по количеству рабов на душу населения, и в целом, в зависимости от того, был ли округ более «высоким» или более «низким» с точки зрения доли рабов внутри штата, это в значительной степени определяло соответствующие модели его голосования.

Данные для этой и последующих таблиц были рассчитаны исходя из информации, сообщенной в следующих работах: Joseph Carlyle Sitterson, *The Secession Movement in North Carolina* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1939); Henry T. Shanks, *The Secession Movement in Virginia, 1847–1861* (Richmond: Garrett and Massie, 1934); Lewy Dorman, *Party Politics in Alabama from 1850–1860* (Augusta: Alabama State Department of Archives and History, 1935); Percy Lee Rainwater, *Mississippi Storm Center of Secession, 1856–1861* (Baton Rouge, La.: Otto Claitor, 1938); Thomas P. Abernethy, *From Frontier to Plantation in Tennessee* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1932); и Ulrich B. Phillips, *Georgia and State Rights* (Washington: Government Printing Office, 1902).

376

* Рабовладельческие штаты Делавэр, Мэриленд, Кентукки и Миссури, которые в 1860–1861 гг. отказались отделяться от Союза. — *Прим. перев.*

Было ли на самом деле голосование за Брекенриджа голосованием за отделение — это стало понятно сразу после президентских выборов: тогда в течение трех-шести месяцев в упомянутых штатах были проведены референдумы (или выборы в конвенты), где выборщиков призывали прямо выразить свое мнение за или против отделения от Союза. Конечно, с момента избрания Линкольна президентом ситуация изменилась, и было ясно, что большая группа на Юге решила на отделение. В большинстве южных штатов эти выборы делегатов в конвенты сопровождалась жаркими спорами, и результаты были более благоприятными, чем многие это осознавали, для сил Союза, получивших во многих штатах больше 40% голосов. Хотя никаких подробных исследований, посвященных лидерам сил отделения или Союза в этих выборах, не существует, исторические работы о политической борьбе в различных штатах показывают, что большинство тех, кто возглавлял антисецессионистов, были лидерами партий вигов и Конституционального единства, тогда как лидерство движения за отделение было в огромной степени (хотя далеко не исключительно) в руках демократов. Исходя из этого факта, а также из результатов президентских выборов, представленных в табл. I, можно предположить, что рабовладельцы-виги, поддерживавшие в президентских выборах Белла, были главными вдохновителями унионистских настроений, тогда как округа с низким процентом рабов должны были поддерживать отделение, отдавая свои голоса за Брекенриджа.

Фактически, однако, отношение между рабовладением и голосованием за унионистов, проявившееся в президентских выборах, в референдумах было полностью перевернуто. Во время выборов те округа, где было много рабов, выступали за отделение, а те, где рабов было мало, поддерживали Союз.

378

Таблица II

**Соотношение округов, имеющих разный коэффициент рабов
и голосующих за отделение, в семи южных штатах**

<i>Сравнительное положение округа в зависимости от доли рабов в населении штата</i>	<i>Отделение</i>	<i>Союз</i>		<i>(N)</i>
Высокое	72	28	100%	181
Среднее	60	40	100%	153
Низкое	37	63	100%	203

Сравнение таблиц I и II показывает, что во время выборов в конвенты, происходивших в период от трех до шести месяцев, сдвиг в определении позиции относительно вопроса об отделении был, как можно себе представить, почти радикальным. Большинство избирателей в 64% округов, где было мало или совсем не было рабов, осенью 1860 г. проголосовало за сепаратиста-демократа Брекенриджа, и большинство избирателей в 63% тех же самых округов проголосовало на последующих референдумах, прошедших зимой 1860/61 г., за Союз. Наоборот, почти в половине округов, где имелись плантаторские хозяйства и было много рабов, большинство избирателей во время президентских выборов голосовали против Брекенриджа, но короткое время спустя 72% их заняли сепаратистскую позицию. Факторы, лежащие в основе этой удивительной перемены, могут быть отчасти прояснены, если к данному голосованию округов мы подойдем таким же образом, каким подходят специалисты к анализу изменения решений относительно голосования у людей, переспрошенных через некоторое время. То есть мы можем провести дифференциацию среди этих округов с точки зрения сдвигов, произошедших в двух голосованиях, и увидеть, где эти сдвиги имели место.

Из данных, приведенных в табл. III, становится ясно, что произошло в 1860/61 г. Во время президентских выборов люди продолжали голосовать в традиционном партийном духе. Однако когда партийные ярлыки исчезли и проблема стала проблемой «отделение или Союз», классовые или экономические факторы, которые перед этим сдерживались партийной преданностью, выдвинулись на первое место. Рабовладельцы голосовали на референдуме за отделение, в то время как те, кто жил в районах, где рабов было мало, голосовали за Союз⁴. Тем не менее в процессе референдума преданность своей партии и партийные споры продолжали так или иначе влиять на электоральное поведение и на отношение к вопросу об отделении. Это становится ясным из того факта, что две пятых «высоких» округов, которые при президентском голосовании были преимущественно виговскими, <во время референдумов> голосуя за то, что-

⁴ Изучение немецких колоний в Техасе наводит на мысль, что некоторые этнические группы неанглосаксонского белого меньшинства могут следовать тем же паттернам, что и бедные белые фермеры. Анализ паттернов голосования немецких городов в Техасе в 1860 г. показывает, что большая часть избирателей голосовали здесь преимущественно за Демократическую партию, хотя их организации и публикации были направлены против рабства. Этот образец верности Демократической партии продолжал сохраняться во время выборов 1860 г., когда данные группы голосовали за Брекенриджа. В референдуме об отделении в 1861 г. они голосовали против отделения. См.: Rudolph L. Biesele, *The History of German Settlements in Texas* (Austin: Von Boehmann-Jones Co., 1930).

бы остаться в Союзе, следовали политике вигов и совету многих из своих виговских лидеров. Среди «низких» округов половина из тех, что голосовали за Брекенриджа, стали голосовать за Союз, а из тех, что были против Брекенриджа, за Союз голосовали свыше четырех пятых. Наиболее значимой партийная традиция была в группе округов, принадлежавших к «средней» группе по величине доли рабов среди населения. В целом на референдуме они голосовали так же, как и во время выборов. Если они были демократами, то выступали за отделение, если вигами — то за Союз.

Таким образом, поддержать отделение, скорее всего, были готовы демократические округа, в которых было много рабов. Поддержке Союза должна была способствовать традиция виговского голосования и наличие небольшого количества рабов либо их отсутствие. Однако Демократическая партия получила поддержку от группы, которая больше всех была предрасположена в пользу Союза, — от избирателей нерабских районов, а проунианистских вигов поддержали белые, живущие в районах плантационного хозяйства с большим количеством рабов.

Следует, конечно, иметь в виду, что заключения, представленные здесь, суть подводные камни экологического анализа, особенно тот факт, что из голосования областей необязательно следует аналогичное голосование индивидуумов в этих областях⁵. Возможно, хотя и невероятно, что голоса избирателей «высоких» областей в районах плантационного хозяйства, отданные за кандидата-униониста в 1860 г., пришли от нерабовладельцев и что рабовладельцы на самом деле голосовали за Брекенриджа. В данных районах, помимо традиционной партийной приверженности и доли рабов, картина голосования определялась многими другими переменными.

Тем не менее анализ выборов и референдумов на Юге в 1860–1861 гг. с точки зрения характеристики округов, в которых имело место изменение голосования, проливает яркий свет на то, что происходило в этих округах в среде южного электората в тот переломный год. Старые богатые виги-рабовладельцы и их последователи продолжали в 1860 г. противостоять южным демагогам из более низких нерабовладельческих слоев белого населения,

⁵ Относительно дискуссий об ограничениях приложения экологических корреляций к индивидуальным характеристикам см.: W. S. Robinson, «Ecological Correlations and Behavior of Individuals», *American Sociological Review*, 15 (1956), p. 351–357; Leo A. Goodman, «Ecological Regression and Behavior of Individuals», *American Sociological Review*, 18 (1953), p. 663–664; O. D. Duncan, «An Alternative to Ecological Correlation», *American Sociological Review*, 18 (1953), p. 665–666.

Таблица III

Сравнение голосования на президентских выборах в 1860 г. и последующего голосования за отделение или Союз в семи южных штатах в округах с различной долей рабов в населении

Голосование по вопросу об отделении	Относительная доля рабов в округе					
	высокая		низкая		средняя	
	Брекенридж	Белл — Дуглас	Брекенридж	Белл — Дуглас	Брекенридж	Белл — Дуглас
За отделение	82	61	82	30	50	14
За Союз	18	39	18	70	50	86
(N)	(94)	(87)	(87)	(66)	(130)	(73)

а последние оставались верными партии Джексона даже после того, как она стала партией рабства и отделения*. Но как только жребий был брошен и голосование превратилось скорее в голосование по вопросу об отделении, чем за партию, достаточное количество сторонников Брекенриджа выступило против отделения и достаточное количество тех, на кого опирался Белл, т.е. конституционные унионисты, поддержали отделение, так что с точки зрения пропорциональности правильно сказать, что рабовладельцы голосовали за отделение, а белые нерабовладельцы — против него.

382 Хотя приведенные данные являются несистематическими и неполными, анализ результатов выборов в округах Юга наводит на мысль, что две главные партии — виги и демократы — более или менее разделили здесь электорат по экономическим и статусным линиям начиная уже с 1830-х годов⁶. Главное отступление от этой тенден-

* Демократическая партия стала прорабовладельческой на рубеже 1840–1850-х гг., когда секционные противоречия приобрели региональный характер. — *Прим. перев.*

⁶ «Линия социального раскола, отделившая плантаторов-вигов от усердно трудящихся, но преуспевающих фермеров и от ленивых «бедных белых», была жестко определена, и этого было достаточно для того, чтобы вызвать политический антагонизм. Живя в своих величественных особняках, окруженные самым современным для той эпохи комфортом и многими предметами роскоши, воспитанные в изысканных манерах своего класса, плантаторы признавали в качестве социально необходимого то, что для других было символом изнеженности и дендизма или, по крайней мере, глупой расточительности. <...>

Происхождение социальной линии, которая почти совпадала с линией партийной, можно проследить, во всяком случае в южных атлантических штатах, далеко назад в XIX век. Но именно в связи с развитием, которое кульминировало в триумфе джексонской демократии, началось настоящее напряженное противостояние этих линий... партия Джексона столкнулась с мощной оппозицией, в которой видную роль играли южные плантаторы. Социальные различия между людьми черной зоны и теми, кто жил в редконаселенных районах страны, могли тогда усиливаться, а социальное единство каждого из классов неизбежно способствовало развитию и укреплению его политического единства.

Таким образом, партия вигов на Юге, в противовес господствующему мнению, что она получает свою главную поддержку от белых, не владеющих рабами, с самого начала и на протяжении всей своей истории была партией не только «среднего белого» класса, но и партией плантаторской и рабовладельческой аристократии плодородной черной области. Демократическая партия, напротив, возникла на противоположном конце социальной лестницы — главным образом, на основе мелкого фермерства редконаселенной холмистой части страны, к аграрному духу которого партия всегда могла обратиться со своим призывом» (A. C. Cole, *The Whig Party in the South*. Washington: The American Historical Society, 1913), p. 69–72). Важное дополнение к этому общепринятому взгляду сделал историк Чарльз Селлерс, который указывает, что на Юге партия вигов была сформирована и возглавлялась — деловыми людьми и профессионалами городов», что 74% их представителей в конгрессе были юристами и что почти все южные банки принадлежали вигам. «Партия вигов на Юге контролировалась городскими коммерческими и банковскими интересами и поддерживалась большинством плантаторов, которые экономически зависели от банковских и коммерческих услуг» (Charles G. Sellers, «Who Were the Southern Whigs?», *American Historical Review*, 59 (1954), p. 335–346).

ции происходило в горных районах, где бедные белые фермеры, не имевшие рабов, голосовали за вигов предположительно потому, что эта партия поддерживала оплату правительством местной инфраструктуры, в частности дорог. Демократы традиционно выступали против финансирования местной инфраструктуры — на том основании, что это приносит пользу городским коммерческим классам, которые, по идее, и должны за это платить.

С возникновением проблемы рабства виги теряют некоторую силу в зонах плантационного хозяйства, но все же остаются здесь господствующей партией. Тот факт, что северные виги — преимуще- 383
ственно протестанты, принадлежащие к среднему классу, — были самой сильной антирабовладельческой группой в одной из главных партий, делал невозможным существование партии вигов в качестве национальной партии, и, пока южные виги пытались удержаться, их северные соотечественники формировали Республиканскую партию.

После Гражданской войны и окончания Реконструкции Демократическая партия удерживала старый центр джексо尼亚нства — те области с незначительной долей негритянского населения, где не было плантационного хозяйства, — а также завоевала поддержку (фактически была захвачена ими) старых сторонников вигов — плантаторов и городских деловых людей. Республиканская партия сохраняла некоторую связь со старыми южными вигами посредством удерживания голосов бедных белых, которые жили в горах и поддерживали вигов в 30–40-х гг., потому что нуждались в дорогах. Именно эта группа голосовала за Конституционный союз в 1860 г., а во время референдума 1860–1861 гг. — за Союз, боролась в армии Союза против Конфедерации и оставалась верной Республиканской партии на протяжении всего периода Реконструкции, последующей эпохи белого превосходства и века Рузвельта и Трумэна.

Экологический анализ панельных данных среди белого населения Юга, фокусирующийся на тех округах и областях, в которых в течение долгого периода происходили сдвиги, возможно, покажет, что две группы, неустойчивые в 1860–1861 гг., являлись потенциальным источником изменений в однопартийном Юге уже со времени Реконструкции. Старые виговские классы стали демократическими в результате Гражданской войны, но за пределами законного наследника виговской традиции, Республиканской партии, они получают неподходящую роль. Похоже, что богатые слои общества и области, которые во время выборов были самыми большими приверженцами конституционных унионистов, а на референдумах — Союза, это те

же самые слои и области, которые сегодня имеют склонность к сдвигу в сторону республиканцев. С другой стороны, округа, которые традиционно были неплантаторскими и демократическими и в которых в 1860–1861 гг. происходил сдвиг в сторону голосования за Союз, оказываются теми же округами, которые после Гражданской войны стали основой третьих аграрных партий или «популистских» фракций внутри Демократической партии и сегодня остаются в партии, в то время как старые виговские слои общества отходят к республиканцам в знак протеста против восстановления либерализма национальной Демократической партии⁷.

⁷ В опубликованном недавно исследовании выборов в Луизиане с начала установления штата по сегодняшний день для изучения электоральной последовательности и непоследовательности предлагаются некоторые ранее не использовавшиеся источники. В нем ясно определяются этапы политической жизни Луизианы начиная с Гражданской войны до настоящего времени. См.: Perry H. Howard, *Political Tendencies in Louisiana, 1812–1852* (Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1957); см. также: Allan P. Sindler, *Huey Long's Louisiana* (Baltimore: The John Hopkins Press, 1956).

ЧАСТЬ IV

**ПОЛИТИКА ЧАСТНОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА:
НА ПРИМЕРЕ
ПРОФСОЮЗОВ**

ГЛАВА 12

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПРОФСОЮЗАХ

387

Главная тема этой книги — условия демократии в разных странах. Но тема политики касается не только национальных государств, поскольку внутри нации каждая группа тоже должна искать механизмы принятия нужных для группы решений и распределения внутри нее власти. У любой организации, будь то спортивный клуб, мужское братство, Национальная лига, Американский легион* или Профсоюз водителей грузовиков, имеется официальная конституция, которая определяет ее внутренний политический процесс. Рассмотрение этих частных правительств может многому нас научить относительно организации политической жизни в обществе в целом, поскольку диапазон политических форм этих организаций огромен и включает в себя весь спектр от полуанархических коммун до однопартийных абсолютистских диктатур.

Частным правительствам, конечно, недостает независимости и контроля над использованием легитимной силы — того, что определяет уникальный характер государственного правления, но в отдельных областях многие из них приобретают право действовать от имени государства или являются настоящими монополистами. Реальные возможности многих частных правительств — ассоциаций, контролирующих лицензирование и допуск к профессии, профсоюзов, приобретающих главные права представительства, организаций ветеранов и фермеров, практически контролирующих доступ к государственной помощи, — показывают, насколько трудно провести разделение между государством и частным правительством.

Тем, кто изучает демократическую политику, я хочу в этой последней части книги показать значимость частного правительства, обратившись к рассмотрению некоторых условий, определяющих внутреннюю политическую жизнь главного типа частных правительств — профсоюзов. Профсоюзы были исследованы более тщательно, чем какой-либо другой тип частного правительства, и это позволяет нам предпринять здесь попытку систематизации.

388

* Ассоциация, созданная по окончании Первой мировой войны в Париже в марте 1919 г. ветеранами Американских экспедиционных сил. — *Прим. перев.*

Эксперты обратили внимание на тот факт, что по своей внутренней организации и деятельности большинство рабочих профсоюзов гораздо больше похожи на однопартийные государства, чем на демократические организации с легитимной и организованной оппозицией и сменой руководства. Такая модель настолько распространена в рабочем движении, что один из защитников СССР сослался на данный факт как на оправдание однопартийного режима в этой стране. А Гарри Бриджес в 1947 г. на конвенции Международного профсоюза портовых грузчиков и владельцев складов* сказал следующее: «Что такое тоталитаризм? Страна, в которой тоталитарное правительство действует так, как действуют наши профсоюзы. Нет никаких политических партий. Люди, избираемые для управления страной, основываются на своих постановлениях. <...> Это тоталитаризм... если бы мы начали классифицировать и устанавливать правление республиканской, демократической, коммунистической или какой-нибудь еще команды чиновников, мы бы получили бы одно и то же...»¹

Однако в литературе, посвященной проблеме бюрократии и олигархии в профсоюзах, по большей части либо просто констатируется наличие данного явления в одном или нескольких профсоюзах, либо пересказывается принадлежащий Михельсу классический анализ условий, порождающих олигархию или диктатуру в партиях

389

* Основан в 1937 г. — Прим. перев.

¹ Цит. по: Proceedings of the Seventh Biennial Convention, I.L.W.U., April 7–11, 1947 (San Francisco, 1947), p. 178 (курсив мой. — М. Л.).

Прямота Бриджеса под стать прямоте Джона Льюиса, который ранее, в 1933 г., на конвенте АФТ выступил с заявлением в ответ на нападки на него как на «диктатора» со стороны Дэниела Тоубина, тогдашнего президента Профсоюза водителей грузового транспорта. Льюис сказал: «Объединение горнорабочих Америки не должно извиняться за постановления своей конституции. <...> Мы даем Тобину право создавать собственную конституцию в Профсоюзе водителей грузового транспорта и руководить своей организацией так, как ему хочется, — и мы понимаем, что он ею руководит. Откровенно говоря, мы делаем то же самое» (цит. по: Eric Hass, *John L. Lewis Exposed* [New York Labor News Company, 1937], p. 50).

Филип Тафт в своем исследовании политической системы профсоюзов указывал, что «оппозиция в профсоюзных выборах скорее исключение, чем правило» (Philip Taft, «Opposition to Union in Elections», *Quarterly Journal of Economics*, 58 [1944], p. 247).

[Американская федерация труда, АФТ — одна из крупнейших профсоюзных организаций США, существовавшая в 1886–1955 годах, а с 1955 ставшая частью объединения Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов (АФТ—КПП). Профсоюз водителей грузового транспорта — один из старейших американских профсоюзов, основан в 1903 г. Профсоюз американских горняков основан в 1890 г. — Перев.]

и профсоюзах². Мало работ в этой области нацелены на то, чтобы разработать комплекс предложений, которые могут быть проверены посредством исследования.

В этой главе предпринята попытка точно определить по крайней мере некоторые из тех факторов, которые должны приниматься во внимание при анализе одного аспекта деятельности профсоюзов – внутренней политической организации. В каждой части представлено несколько гипотез о функциональном взаимоотношении между разными сторонами социальной структуры и условиями демократии или диктатуры в профсоюзах. Любому, кто изучает профсоюзное движение, понятно, что список гипотез не является исчерпывающим.

Гипотезы относительно возможностей олигархии в профсоюзах могут быть выведены из анализа: 1) эндемических факторов в структуре крупной организации, 2) характерных черт членов профсоюзов, 3) форм необходимой функциональной адаптации профсоюзов к другим структурам и группам с целью достижения организационной стабильности.

Необходимость бюрократии

Как и все другие крупные организации, профсоюзы должны развивать бюрократические структуры, т.е. систему рационального (предсказуемого) администрирования. Необходимость бюрократии происходит как из внутренних, так и из внешних причин. Чтобы иметь дело со своими членами или с местным населением, профсоюзы должны создавать административные системы со строго заданными моделями ответственности и власти. Низшие чиновники и администраторы, сталкиваясь с обычными ситуациями, должны действовать в рамках заданных правил. Чем крупнее местный или международный профсоюз, тем более необходимо установление бюрократической иерархии. Крупный местный профсоюз, помимо обычных для профсоюза задач – коллективных переговоров, выяснения причин недовольства рабочих и сохранения базовых данных обо всех членах союза, – может, например, участвовать в распреде-

390

² Robert Michels, *Political Parties* (Glencoe: The Free Press, 1949). Существуют две книги, в которых кратко излагается и иллюстрируется работа Михелса: Sylvia Kopald, *Rebellion in Labor Unions* (New York: Boni and Liveright, 1924) и James Burnham, *The Machiavellians* (New York: John Day, 1943). Превосходную общую дискуссию по проблеме управления профсоюзами можно найти в работе: A. J. Muste, «Factional Fights in Trade Unions», J. B. S. Hardman, ed., *American Labor Dynamics* (New York: Harcourt, Brace & Co., 1928), p. 332–348.

лении компенсаций рабочим, в деятельности профессиональных школ, в пенсионных программах, в госпитализации, страховании и в распределении рабочих на работу.

На международном уровне эти проблемы часто усиливаются вследствие расширения и усложнения деятельности профсоюзов, что требует создания специализированного штата служащих, которые назначаются и контролируются функционерами. И таким вот образом знание и навык профсоюзной работы постепенно становятся доступными только для членов руководящей элиты.

Помимо того что необходимость бюрократии вообще присуща проблеме администрации – фактор, в значительной степени связанный с размером организации, – уровень бюрократической централизации в профсоюзах определяется также степенью централизации во внешних группах, с которыми профсоюзы должны иметь дело. Я бы предложил в качестве рабочей гипотезы, что чем более централизованным является производство, тем более бюрократическим должен быть профсоюз. Профсоюз, подобный профсоюзу металлургов, который ведет переговоры с некоторыми гигантскими корпорациями, должен установить у себя властную структуру, соответствующую властной структуре этих корпораций. Процедуры выражения недовольства или уровень заработной платы должны быть соизмеримыми в каждой отрасли промышленности. Профсоюз не может позволить местному лидеру на одной фабрике достигнуть соглашения, которое может быть использовано как прецедент и повод для недовольства рабочих в других частях страны³.

Дирекция производства в ответ на свое признание позиции профсоюза обычно требует «ответственного профсоюзного руководства». «Дикие», или несанкционированные, забастовки из-за недовольства рабочих, судебная или фракционная борьба, воинственные требования рядовых членов профсоюза, выдвигаемые помимо тех, что были согласованы с функционерами, и любые выходящие из-под контроля этих функционеров действия нарушают установившийся порядок производства или получения выгоды, и администрация требует их ограничения. Этот настойчивый призыв к профсоюзной «ответственности» часто приводит к антидемократическому профсоюзному движению, поскольку оборачивается требованием того, чтобы профсоюзы сдерживали своих членов.

Между демократическим и «ответственным» профсоюзным движением существует фундаментальное противоречие, которое мно-

³ См.: Joseph Shister, «The Locus of Union Control in Collective Bargaining», *Quarterly Journal of Economics*, 60 (1946), p. 513–545.

гие консерваторы и лидеры бизнеса не признают, по крайней мере в своих публичных заявлениях. Диктаторские механизмы, обнаруживаемые во многих профсоюзах, адаптированы к жесткой позиции администрации, которая, соглашаясь решать вопросы безопасности профсоюза, требует взамен его ответственности.

По крайней мере один крупный промышленный союз открыто признал эту проблему. В книге «Движущие силы промышленной демократии» («The Dynamics of Industrial Democracy») Клинтон Гоулден и Гарольд Рутенберг, тогда функционеры Профсоюза металлургов*, указывали, что в этом профсоюзе сознательно развивались некоторые механизмы — частично образовательные и идеологические, частично механизмы внешнего контроля, — препятствующие изменениям местного установленного порядка. Они описывают случай, когда один активист и лояльный функционер был исключен из организации, потому что отказался признать, что не может устанавливать местные правила, нарушающие общенациональные соглашения. Проблему местного лидера, над которым довлеет общенациональная бюрократия, хорошо сформулировал сам исключенный активист: «Быть хорошим членом профсоюза — значит агитировать; это то, что я всегда умел как член профсоюза, — и я погорел за агитацию. У компании на меня зуб с 1933 г. Я для нее бельмо на глазу. Сегодня профсоюз на стороне компании, а я в стороне»⁴.

Приспосабливание к необходимости соответствовать бюрократическому производству не только обеспечивает стабильность профсоюзной организации, но и служит интересам лидеров профсоюзов, уменьшая угрозы их перманентному пребыванию в должности. Благодаря усилению власти руководства профсоюзов над местными профсоюзными организациями, функционеры сокращают источники организованной оппозиции. Профсоюз работников

392

* Основан в 1942 г. — *Прим. перев.*

⁴ См.: Clinton S. Golden and Harold J. Rutenberg, *The Dynamics of Industrial Democracy* (New York: Harper & Bros., 1942), p. 60–61. Недавно управляющие одного крупного производства выразили недовольство руководством профсоюза за то, что он поддерживает пропаганду против монополий и больших прибылей. Эти производственные руководители заметили, что критика, которой занимается профсоюз, обвиняя правление в недостатке честности и легитимности действий, способствует возникновению среди членов профсоюза таких настроений, вследствие которых они легко поддаются на агитацию к проведению «диких» забастовок и отказываются сотрудничать с руководством в достижении производственных целей. Профсоюзные функционеры, которые сами симпатизировали социалистическим устремлениям, были вынуждены согласиться, что долговременный контракт и непрерывное поощрение антагонистического отношения к крупному капиталу несовместимы.

автомобильной промышленности* предоставил своему международному комитету право временно отстранять функционеров местных профсоюзов за нарушение международных правил. Это изменение устава профсоюзной конституции обосновывалось как необходимое в интересах переговоров по коллективным договорам, но оно также давало возможность международным функционерам устранять потенциальных конкурентов. И в том и в другом случае: выступают ли они в примиренческом тоне — когда призывают к ответственности и дисциплине внутри профсоюза, либо в воинственном — когда призывают к профсоюзной солидарности в споре с руководством компании — профсоюзные лидеры, громко заявляя о нуждах и целях организации, усиливают собственное могущество и оправдывают свою монополизацию внутренней власти.

Профсоюзы, которые невелики или не имеют дела с крупными централизованными производствами, могут предоставить своим местным отделениям большую долю автономии. Международный типографский профсоюз**, например, предоставляет местным отделениям значительную свободу в переговорах. Однако это приемлемо только для отрасли, в которой нет крупных национальных компаний и предприятия которой, расположенные в разных частях страны, не являются конкурирующими. Но даже этот профсоюз ограничивает свои местные отделения в свободе забастовок или уступок правлению компаний в вопросах, касающихся безопасности профсоюза или юрисдикции в отношении различных механических процессов. Как и многие другие профсоюзы, МТП сталкивается с тем, что продолжительная волна забастовок в разных частях страны может обанкротить забастовочные фонды профсоюза.

Несколько иные обстоятельства, вызывающие рост бюрократизации, мы находим в высококонкурентных производствах. Здесь стремление к усилению бюрократизации может исходить от профсоюза: крупные профсоюзы часто неспособны стабилизировать свое собственное положение, пока производство не становится менее конкурентным и, следовательно, более предсказуемым по своему характеру. Такие профсоюзы, как Союз работников по изготовлению одежды, имеют хорошо развитые централизованные структуры, дающие возможность вынуждать работодателей развивать сходные практики коллективных переговоров. В некоторых случаях профсоюзы были способны с помощью своих бюрократических структур оказывать давление на работодателей, заставляя их всту-

* Основан в 1930-х годах. — *Прим. перев.*

** Основан в 1852 г. — *Прим. перев.*

пать в производственные ассоциации и устанавливать кодексы деловой практики. Профсоюзы этих отраслей, так же как и профсоюзы, действующие в рамках сильно забюрократизированных отраслей промышленности, вынуждены удерживать свои местные отделения от нарушения стандартной политики.

Профсоюзную бюрократию может также усиливать участие в коллективных переговорах правительственных комитетов. Если центр принятия решения перемещается с местного уровня на уровень национально-государственный, местные профсоюзы уступают полномочия, которыми некогда владели, международным <союзам>. Здесь мы имеем пример функциональных взаимоотношений между моделями социальной организации. В ответ на усиленную бюрократию в одной институциональной сфере — в данном случае в правительстве — растет необходимость бюрократизации других институтов, вроде профсоюзов, которые с ней взаимодействуют.

По мере того как с местного уровня уходит контроль над решениями, все меньше становится участие и заинтересованность в местных делах у рядовых членов профсоюзов. Соответственно, расхождения по поводу политики все больше сводятся к конфликтам относительно национальных принципов, знанием о которых обладают только члены самой профсоюзной бюрократии. Таким образом, конфликты все больше и больше оказываются административными схватками на международных штаб-квартирах и все меньше и меньше — политической борьбой между группами на местах. Смысл этого сдвига однажды четко обрисовал моему другу один рабочий-сталелитейщик, который так объяснял отсутствие у него интереса к местному профсоюзу: «У нас больше нет профсоюза, у нас есть контракт. Экономисты и статистики заключают контракты; все, что мы можем делать, — это голосовать за или против них».

Рост бюрократизации внутри профсоюза, конечно, не только усиливает положение его руководства, но и способствует защите прав рабочих. Защищая своих членов от произвола правления и от предвзятости в отношении найма и поощрения, профсоюзные лидеры подчеркивают важность рациональных и объективных норм и правил, таких как трудовой стаж и «равная оплата за равный труд». Эти нормы, систематизированные, стандартизированные и проведенные в жизнь, являются оплотом безопасности и свободы рабочих.

Бюрократия, как организационная модель, которая эффективно справляется со столь многими и разнообразными требованиями — самой организации, ее руководства, ее членов, — имеет

глубокие корни в профсоюзном движении. Однако в целом можно утверждать, что чем больше бюрократизирована организация, тем меньше возможности у ее членов влиять на ее политику.

Каналы коммуникации в профсоюзах

Внутри профсоюза главным источником административной власти, находящимся исключительно в распоряжении бюрократической иерархии, является контроль над формальными средствами коммуникации. Для отдельных членов профсоюза право на свободу слова как действенное средство контроля за административной властью мало что значит, поскольку лидеры профсоюза контролируют все публичные заявления членов своей администрации или заводских комитетов, профсоюзную газету и расходы на поездки функционеров по стране для встреч и общения с членами и лидерами местных профсоюзов. Монополизация каналов коммуникации — одно из основных условий для формирования мнения и поведения средствами пропаганды⁵. Такая монополизация, присущая структуре тоталитарных государств, является также характерной особенностью однопартийной структуры большинства рабочих союзов.

Данная форма контроля приводит к важным для властной структуры результатам. В этих условиях единственная широко доступная рядовым членам точка зрения относительно профсоюзных дел — это точка зрения администрации. Официальная политика обосновывается, а противоположные программы или предложения дискредитируются, если о них вообще говорят, и до основной массы рядовых членов доходит только та информация о делах профсоюза, относительно которой администрация желает, чтобы она была услышана. Кроме того, данный контроль затрудняет формирование и объединение оппозиции. Даже если члены профсоюза не вполне убеждены в правильности и эффективности методов администрации и существует широко распространенное недовольство, для создания активной оппозиции нужно средство «собраться вместе», средство общения. Снизить уровень «коллективного неведения» невозможно без установления широких связей и распространения информации.

Конечно, никакая административная группа не может осуществить тотального контроля над потоками информации внутри воз-

⁵ См.: R. K. Merton and P. F. Lazarsfeld, «Mass Communications, Popular Taste Organized Social Action», in Lyman Bryson, ed., *The Communication of Ideas* (New York: Harper & Bros., 1948), p. 95–118.

главляемой ею организации. И в разных организациях «партия» администрации достигает разной степени монополии. Любая попытка исследовать факторы, по которым устанавливается различие между демократическими и недемократическими организациями, должна учитывать детерминанты такого различия. Некоторые из этих детерминант предложены ниже.

Информация, получаемая рядовыми членами организации из внешних источников, может привести к ослаблению административного контроля. Например, в Америке политические партии не контролируют газеты, которые читают их члены. Такие газеты, подвергая критике выступления партийных лидеров, могут содействовать созданию основы для фракционной оппозиции. А рабочие и социалистические партии в Европе обычно имеют собственные – или контролируют некоторые другие – газеты, которые их поддерживают; и это способствует сохранению власти партийных лидеров.

Внутренняя структура или политические процессы, происходящие в профсоюзах, обычно не освещаются в прессе. Но внешние средства массовой информации много раз пытались обратиться непосредственно к рядовым членам профсоюзов. В Нью-Йорке еврейская пресса, особенно социалистическая газета «Вперед» («Fogward»), долгое время играла главную роль в жизни профсоюзов работников по производству одежды. «Вперед», которая широко читалась евреями-иммигрантами – работниками упомянутой отрасли, критиковала порядки профсоюза и часто выступала как орган некоторых групп внутри него. Руководству профсоюза, скорее всего, не нравилась независимость газеты. Сегодня во многих профсоюзах рабочие-католики получают информацию из прессы, принадлежащей католической церкви, которая распространяет сведения относительно внутренних проблем профсоюза, и это сыграло важную роль во взаимоотношении фракций. Такую же роль сыграли радикальные политические группы, снабжавшие членов профсоюзов информацией и разъяснениями относительно последних.

Некоторые профессиональные группы оказывали поддержку газетам или журналам, посвященным новостям отрасли, но независимым от профсоюзного контроля. Это действительно имело место в сфере развлечений и в полиграфии, где профсоюзы отличались значительно большей по сравнению с другими внутренней демократией.

В малых местных профсоюзах эффективными могут быть личные контакты с членами организации или устная передача информации, и контроль коммуникаций со стороны управленческого ап-

парата не столь важен. Но в крупных однопартийных организациях монополизация средств коммуникации обратно пропорциональна степени воздействия на членов организации со стороны внешних средств коммуникации. Такие независимые печатные органы могут отражать интересы этнической общности или религиозной группы, которая частично совпадает с профессией, или политических групп, связанных с внутренней политикой профсоюзов, и в некоторых особых случаях — интерес к тому, что происходит в профессии.

Монополия на политические навыки

В большинстве профсоюзов одним из принципиальных факторов, способствующих бессрочному сосредоточению власти в руках однажды избранных лидеров, является почти полная монополия администрации на возможность получения политических навыков. Роль лидера профсоюза — одна из немногих, доступных работнику физического труда, благодаря которой он может получить такие навыки. В политическую жизнь нации в целом (как уже говорилось в главе 6, на с. 236—241) лидеры рекрутируются в основном из сфер, которые сами по себе требуют политических навыков, — главным образом из сфер организационной и информационной деятельности. Лучше всего, конечно, эти навыки воспитывает профессия юриста. Но ей близки и многие управленческие должности в бизнесе, поскольку успешный управленец должен уметь произносить речи, обеспечивать согласие сторон, выступать посредником конфликта и т.д. Любой человек, работа которого связана с общественными отношениями, должен учиться этим навыкам, должны это делать и лидеры массовых организаций — профсоюзов, фермерских групп, профессиональных обществ и т.д. В целом существование в обществе большого количества разнообразных «политических» лидерских ролей означает, что почти для каждой группы могут найтись политически образованные люди, способные представлять и отстаивать ее интересы.

У среднего рабочего мало возможностей или надобности учиться политическим навыкам. Ему редко, если вообще когда-либо приходится произносить речь перед значительной группой людей, выражать свои мысли в письменной форме или организовывать групповую деятельность. Вследствие этого монополию функционеров на политические навыки внутри профсоюза можно считать одним из тех главных факторов, которые способствуют защите действующей

организации от оппозиционных настроений среди рабочих и благодаря которым выборная администрация способна использовать свое превосходящее искусство общения таким образом, чтобы подавлять недовольство или направлять его в другое русло.

Своим членам, стремящимся стать функционерами, однопартийная профсоюзная организация может предоставить возможность обучаться организационным навыкам через официальные образовательные программы или через участие в работе на неоплачиваемых добровольных должностях. Однако такие целеустремленные члены союза в вопросах экономики, политики и профсоюзной организации обычно зависят от взглядов членов правления. Мобильность внутри структуры профсоюза требует, чтобы претендент усваивал нормы и ориентиры, доминирующие в организации, т.е. те, которых придерживаются лидеры. Возможно также, что активные члены, потенциальные лидеры, будут сочувствовать точке зрения — в широком или узком смысле — своего руководства и проявлять по отношению к ней преданность, видя в этом источник более интересного и более стоящего, чем они знали раньше, образца жизненной активности. В этом смысле мало какие другие учреждения в обществе дают амбициозным сотрудникам, прикованным к своей работе, такие возможности, какие дает профсоюзная организация.

За исключением сферы образования или идеологии, целеустремленный лидер имеет буквально одно место, куда он может пойти, если ему надо идти куда-нибудь, — управление. Если не существует оппозиционной группы, его политическая активность должна быть в границах, установленных руководящими лицами. Профсоюзные функционеры, которые часто сталкиваются с нехваткой обученных подчиненных им потенциальных управленцев и с отсутствием каких бы то ни было возможностей для их обучения, обычно стремятся, и даже весьма настойчиво, привлекать в управленческую структуру профсоюзных активистов. 398

Однако главное преимущество, выпадающее на долю профсоюзных функционеров от обладания политическими навыками, может быть уменьшено и даже сведено на нет, если у членов профсоюза имеются другие источники развития этих навыков, находящиеся за пределами организации. Актеры, например, должны учиться эффективно произносить речи, и, как сообщают исследователи, в Актерской ассоциации за справедливость* существует высокая степень участия

* Профсоюз театральных актеров и режиссеров, основанный в США в 1913 г. — Прим. перев.

рядовых членов в дискуссиях на собраниях, а сам профсоюз имеет долгую историю внутренней фракционной политики.

Но большинство рабочих, принадлежащих к профсоюзам, не приобретают способностей к политике в процессе своей работы, и исследования показывают, что обычно они также и не принадлежат к официальным организациям за пределами профсоюза. Однако существуют, по крайней мере, две организации, внесшие вклад в обучение рабочих политическим навыкам, — церковь и радикальные политические партии. В Америке и Великобритании многие рабочие принадлежат церквям, прихожане которых являются по преимуществу представителями рабочего класса, чьи мирские руководители или наставники тоже рабочие. Как мы заметили выше, очень многие из первых лидеров британских тред-юнионов и политических групп рабочих сначала служили в качестве надзирателей или учителей в воскресных школах методических или других неконформистских церквей⁶. В Америке многие из первых лидеров профсоюза «Объединенные рабочие автомобильной промышленности»*, значительное число членов которого были выходцами с Юга, проявляли активность в южных сектах. Сегодня католическая церковь через Ассоциацию католиков — членов профсоюзов и католические рабочие школы стремится научить рабочих-католиков ораторскому искусству, парламентской процедуре, навыку организации и администрированию. В условиях, когда католики как группа желают бороться за возложенное на них лидерство, люди, обученные в этих церковных группах, часто формируют активное ядро оппозиционных групп.

С другой стороны, значительную часть рабочих лидеров Америки дали левые политические партии — коммунисты и социалисты. Рабочие, вступающие в такие партии, обучались, официально и неофициально, искусству организации и коммуникации и становились потенциальными лидерами профсоюзов. В конце 1930-х годов Джону Льюису, хотя он и был политическим консерватором, приходилось приглашать многих социалистов и коммунистов в качестве

⁶ «То, что делали эти [методистские] общества — учили огромную массу рабочих мужчин и женщин самовыражаться, исполнять свои обязанности и вести контроль за общественными делами, — было неоценимо как подготовка производственного объединения и будущей работы тред-юнионизма. Неконформистская церковь и Общество методистов были первыми формами более поздних самоуправляемых рабочих организаций и стали питомником, где созревали народные стремления к обретению места и власти в гражданском и национальном правительстве» (A. D. Belden, *George Whitefield, the Awakener* [London: S. Low, Marston and Co., Ltd., 1930], p. 247f).

* Основан в 1935 г. — *Прим. перев.*

организаторов КПП*, поскольку эти партии были единственными кузницами организаторских талантов и навыков, дружески расположенными к рабочему движению. Одна из причин, по которой коммунисты сумели завоевать поддержку от некоммунистов внутри рабочего движения, заключается в том, что во многих профсоюзах коммунисты, составляя ничтожное меньшинство, являются единственными, кто, не состоя в администрации профсоюза, знает, как организовать эффективную оппозицию.

Социальный статус профсоюзных лидеров

Часто отмечалось, что функционеры рабочих профсоюзов оторваны от рядовых членов как в стиле жизни, так и в своих представлениях и образе мышления. Этот отрыв особенно очевиден, если взглянуть на более высокие уровни административной профсоюзной иерархии: оплата труда функционеров здесь значительно выше зарплаты рабочих — членов союза, а благодаря тому что большинство национальных функционеров пребывают в должности более или менее перманентно, их более высокие доходы становятся к тому же более гарантированными и постоянными, чем это обычно бывает у многих рабочих. Этот более высокий и более гарантированный доход вместе с иной сферой опыта — у профсоюзного функционера она включает офисную работу, поездки, связь с бизнесом, с правительством и другими профсоюзными лидерами — обеспечивают базис и субстанцию стиля жизни, заметно отличающегося от стиля жизни людей, работающих в цеху. На местном уровне, в общем-то, нет большой разницы между доходом функционера и заработной платой рабочего, но у местного функционера есть все-таки преимущества: его доход является более гарантированным, у него больше шансов подняться внутри структуры профсоюза, и (факт никак не менее важный) профсоюзная деятельность выводит его из цеха в сферу гораздо более приятной, более разнообразной и более стоящей работы.

Особые интересы и виды деятельности, осуществляемые профсоюзными функционерами — как на работе, так и вне ее, — создают эмоциональное единство и общую направленность их установок и видов на будущее, которые в период обострения раскола между функционерами и рядовыми членами служат важными сплавляю-

* Конгресс производственных профсоюзов, основан в 1935 г. — *Прим. перев.*

щими элементами внутри руководящей группы. Члены бюрократического аппарата профсоюза, которые между собой связаны гораздо сильнее, чем с рядовыми членами, все больше осознают общность своих интересов, что находит выражение в использовании ими аппарата организации для защиты своих индивидуальных притязаний на должность и группового удержания власти.

Если дальше рассматривать структуру профсоюза как часть общей системы социальной стратификации, то выясняются и другие факторы, способствующие формированию олигархического и недемократического поведения рабочих функционеров. Так, имеет значение статус — почет и уважение, которые оказываются индивидуумам со стороны некоторых других людей, — поскольку он определяет место индивидуума, группы или слоя общества относительно других в рамках той же самой референции. Психиатры и социальные психологи выяснили, что для индивидуума чрезвычайно важно, какое место определяют ему те, от кого он требует данного статуса. В американском обществе статус индивидуума самым тесным образом связан с его профессией, но в некоторых случаях на него также влияют такие атрибуты, как родство, власть, продолжительность проживания в данном месте и другие факторы. Сравнивая статус рабочих — членов профсоюза со статусом их функционеров, можно представить, как эта разница в положении влияет на степень и характер участия этих двух групп в профсоюзных отношениях.

В целом создается впечатление, что функционеры местных и международных профсоюзов наделены статусом соответственно не достоинствам, которые они проявляют в своей профессии или в производстве, а скорее соответственно совершенно другим ролям, которые они играют, осуществляя деятельность «профсоюзного функционера». То, что этот статус в глазах как широкой общественности, так и рядовых членов профсоюза является намного более высоким, чем статус почти любой из рабочих профессий, едва ли может подвергаться сомнению. Сравнительное изучение престижности работы в разных профессиях (как это было определено поперечным разрезом населения) показало, что «функционер международного профсоюза» стоит примерно на том же уровне, что и «собственники, управляющие и чиновники»⁷. Приводимое ниже высказывание Ирвинга Хау и Б. Дж. Уидика, авторов работы о профсоюзе «Объединенные рабочие автомобильной промышленности», убедительно свидетель-

401

⁷ Cecil C. North and Paul K. Hatt, «Jobs and Occupations: A Popular Evaluation», in Logan Wilson and William A. Kolb, eds., *Sociological Analysis* (New York: Harcourt, Brace & Co., 1949), p. 464—473.

ствуем о том, что рабочие, как правило, сами наделяют функционеров более высоким статусом, чем своих товарищей-рабочих: «Статус профсоюзного функционера может быть очень высоким... рабочие обычно относятся к функционеру с большим уважением, предполагая, что он превосходит их в знании и в умении формулировать свои мысли; он намного больше зарабатывает и его доход более надежный, чем у них; функционер не должен подчиняться заводской дисциплине и может придерживаться сравнительно свободного графика; и он может делать то, что для большинства американцев является великой привилегией и знаком общественной власти: он может носить “белый воротничок”, а не рабочую одежду»⁸.

Каждое из оснований этого различия: знание, навыки, доход, контроль за процессом производства, умственная работа вместо ручного труда – отделяет функционера от рядовых членов с точки зрения стиля жизни, перспектив и т.д. Взятые вместе, они составляют основу статусного различия, ведущего к *оправданию* монополизации лидером профсоюза функций и важных видов деятельности, что становится *возможным* только благодаря его позиции в профсоюзной иерархии. Он не только имеет в своих руках власть и благодаря занимаемой должности принимает решения, но – что не менее важно – высокий статус, которым его наделяют рядовые члены, делает его власть легитимной в близком ему самоусиливающемся паттерне власти и статуса; благодаря этому профсоюзный функционер удерживает власть, развивает навыки, ведет образ жизни представителя среднего класса и фактически осуществляет деятельность, свойственную среднему классу. Все это вместе взятое вкупе с самим положением обладает в глазах рядовых членов профсоюза более высоким, по сравнению с их собственным, статусом – статусом, который делает роль в целом и действия того, кто им наделен, легитимными.

Между демократическими ценностями профсоюзного движения и этой системой статусного определения существует серьезное напряжение. За некоторыми исключениями, все профсоюзные функционеры поднялись в иерархии благодаря собственным успехам. Это один из немногих высокостатусных видов деятельности, где статус почти исключительно достигается скорее благодаря успеху, чем социальному происхождению. Большинство должностей, связанных с высоким статусом, с необходимостью предполагают обеспечение некоторой гарантии сохранения однажды достигнутого положения. Однако демократия означает перманентное отсутствие гарантии для

⁸ Irving Howe and B. J. Widick, *The U. A. W. and Walter Reuther* (New York: Random House, 1949), p. 257.

тех, кто занимает руководящие посты, — чем более демократической является система правления, тем меньше эти гарантии. Смена правления — неотъемлемая демократическая ценность, которая требует равного доступа всех членов системы к властным должностям. Таким образом, всякий, кто в условиях демократической системы достигает высокого статусного положения во власти, неизбежно должен предвидеть потерю этого положения, если приняты демократические ценности.

Ожидать, что люди, занимающие подобное положение, будут невозмутимо относиться к такому отсутствию гарантий, — значит отрицать то, что известно о психологических потребностях индивидуумов. Обычно, когда достигается высокий статус, возникает настоятельная потребность сохранять и обеспечивать его. Это особенно верно, если в случае потери статуса разница между ним и положением, в которое человек может попасть, перейдя в низший разряд, очень велика. Другими словами, если социальная дистанция между положением лидера профсоюза как функционера и его положением как рядового члена велика, то его потребность в сохранении первого будет соответственно больше.

Совершенно верно, что в любом демократическом обществе люди, занимающие общественные должности, сталкиваются с таким отсутствием гарантий, но здесь существуют важные различия. Более чем очевидно, что в крупных обществах политики привлекаются из 403 профессий, которые Вебер столь пронизательно назвал «необязательными», вроде юриспруденции или журналистики⁹. Эти занятия необязательны в том смысле, что тот, кто их практикует, может оставить их на длительное время и уйти в политику; он ничего не потеряет в навыке за время отсутствия в профессии (возможно, в случае судьи верно противоположное) и может вернуться к ней без слишком больших финансовых или организационных потерь. Действительно, бывшие общественные деятели — неважно, судьи или нет — обычно способны извлекать капитал из навыков и неформальных отношений, обретенных в тот период, когда они занимали общественную должность. Политик, потерпевший неудачу, часто, оставляя пост, находится в лучшем финансовом и статусном положении, чем в то время, пока он его занимал. И — что важно для демократического процесса — он может продолжать играть роль политического лидера, уйдя с поста, и быть полезным для своей партии в оппозиции.

⁹ Max Weber, *Essays in Sociology*, trans. and ed. by C. Wright Mills and Hans Gerth (New York: Oxford University Press, 1946), p. 85.

С другой стороны, профсоюзный лидер — если он один из тех относительно немногих, кто потерпел поражение после службы на высокой профсоюзной должности, — не может найти места, которое дало бы ему возможность одновременно сохранить высокое статусное положение и *продолжать принимать участие в политической системе профсоюза*. Этим можно объяснить, почему так много профсоюзных лидеров, по той или иной причине потерявших свой пост, не возвращаются в цеха, а совершенно оставляют профессию или добиваются выборной должности в иерархии какого-нибудь другого профсоюза. Отсутствие среди рядовых членов опытных и обученных кадров лидеров, которых могли бы подготовить потерпевшие поражение профсоюзные руководители, делает намного более трудным, если не невозможным, сохранение активной оппозиции, которая могла бы представлять альтернативные группы лидеров и политиков на профсоюзных выборах. Когда все люди, опытные в профсоюзных делах, находятся либо в администрации, либо вне профсоюза, ядра навыков, идей и авторитетов, вокруг которого может кристаллизоваться оппозиция, не существует. Хороший пример — история профсоюза «Объединенные рабочие автомобильной промышленности»: три бывших президента и бывший международный секретарь-казначей, как и большое число прошлых вице-президентов и других высоких функционеров, покинули профсоюз ради работы в частном производстве или в других профсоюзах.

Для лидера, который потерпел поражение и уходит из профсоюза, альтернативой является возвращение к сборочному конвейеру или в шахту. В течение нескольких десятилетий невозможно было представить себе Джона Льюиса потерпевшим поражение и рубящим после этого уголь¹⁰. Вернуться в цех да еще резко изменить свой образ жизни — это даже на местном уровне часто воспринималось и самим потерпевшим крах лидером, и его товарищами-рабочими как унижение и провал.

Энергичные усилия, предпринимаемые многими профсоюзными лидерами по изгнанию из их профсоюзов демократии (т.е. возможности потерпеть поражение) — нужный для них адаптационный механизм. Негарантированность руководящего статуса (присущая демократии), давление необходимости держаться достигнутого высокого положения, контроль над организационной структурой, особые навыки, проявляемые лидерами визави с другими членами

¹⁰ См.: Bernard Barber, «Participation and Mass Apathy in Association», in A. W. Gouldner, ed., *Studies in Leadership* (New York: Harper & Bros., 1950), p. 493–494 A. J. Muste, op. cit., p. 341.

профсоюза, — все это факторы, существенно влияющие на создание диктаторских олигархий.

Статус лидера самым непосредственным образом связан с усилиями лидера по минимизированию демократии в профсоюзе. Профсоюзный аппарат держится на функционерах не просто потому, что лидеры более низкого и среднего уровня сохраняют свои посты по усмотрению высших административных лидеров. Привлекательность и статус этих постов в сравнении с работой в цехах — вот что в первую очередь дает профсоюзным чиновникам гигантскую опору их положению и, в зависимости от ранга, делает их диктаторами (если они занимают высокую должность) или подчиненными высшим профсоюзным руководителям (если они занимают низкое или среднее положение).

Что грозит достигнутому высокому, но негарантированному статусу, становится ясно, если мы рассмотрим последствия, возникающие для профсоюзной структуры в случае, когда профессия дает рабочему статус, эквивалентный статусу профсоюзного функционера или превосходящий его. В этих условиях профсоюзный аппарат не может быть сильным и сплоченным или требовать и получать полное доверие и подчинение от нижестоящих функционеров. Ввиду отсутствия очевидного и значимого различия между привилегированным положением (и образом жизни) функционеров и положением рядовых членов избранный лидер не будет испытывать столь сильного напряжения, чтобы стремиться ликвидировать демократические процедуры и возможность переизбрания.

Актерская ассоциация за справедливость и Американская газетная гильдия* являются профсоюзами, члены которых могут получать более высокий доход и достигать более высокого статуса, чем их функционеры. Отнюдь не страдая от укоренившихся олигархий, эти два профсоюза с трудом рекрутировали своих членов для работы функционерами полную рабочую неделю. Для проведения политического курса было решено создать некоторое число неоплачиваемых должностей, чтобы рядовые члены, служа в качестве функционеров, могли также продолжать свою профессиональную карьеру. В Актерской ассоциации за справедливость некоторые члены исполнительного комитета даже прибегали к перевыборам. В Американской газетной гильдии многие функционеры были выходцами из привлеченных в профсоюз нежурналистских профессий более низкого

* Профессиональная организация работников прессы, созданная в США в 1933 г. журналистами; в настоящее время называется *Newspaper Guild* и представляет интересы работников прессы США, Канады и Пуэрто-Рико. — *Прим. перев.*

статуса. Не так давно самый главный профессиональный функционер гильдии, который ранее не был журналистом, выйдя в отставку, стал редактором рабочей газеты. Это соотносится с ценностной системой профессий, в которой работа журналиста ставится выше, чем работа профсоюзного функционера. Еще один профсоюз с длительной историей оппозиции руководству и частого переизбрания аппарата, — Межнациональный типографский союз*. Члены этого профсоюза относятся к самым высокооплачиваемым и престижным группам американских рабочих. Исходя из этого, можно объяснить, почему в МТС потерпевшие поражение профсоюзные лидеры, потеряв должность, возвращаются в типографию. Интервью с членами и лидерами этого профсоюза приводит к мысли, что они преданы своему ремеслу и относятся к нему как к важной и престижной работе¹¹.

Участие рядовых членов

Американские рабочие, как и представители других социальных классов, не принимают полного участия как индивидуумы в производственном общественном опыте. В нашем обществе работа, досуг, семейные отношения, политика и многие другие аспекты жизни организованы или изолированы в рамках социальной структуры. Две роли считаются у нас самыми главными и важными — профессиональная и семейная. Все остальные, например роль, которую индивидуум играет как член добровольной организации, являются более или менее вспомогательными и второстепенными¹². Хотя в Америке существует великое множество добровольных ассоциаций, огромная доля населения, особенно люди ручного труда, в них не состоит, а большинство тех, кто состоит, не принимает в их деятельности активного участия. Как было определено раньше, в основном эти организации являются, по сути, однопартийными системами с активно правящими элитами и неактивной массой рядовых членов и по преимуществу обслуживают социальные потребности отдельно от

406

* Первоначально Национальный типографский союз, старейший профсоюз США, созданный в 1852 г.; был также первым профсоюзом, допускаящим членство женщин. Название было изменено в 1869 г., когда этот профсоюз стал одновременно организацией типографских работников Канады. В 1986 г. слился с Профсоюзом американских рабочих средств коммуникации. — *Прим. перев.*

¹¹ Анализ данного и других факторов относительно высокого уровня демократии в МТС см.: S. M. Lipset, M. Trow, and J. S. Coleman, *Union Democracy* (Glencoe: The Free Press, 1956).

¹² См.: Bernard Barber, *Op. cit.*, p. 477–504.

профессиональных и семейных ролей – потребности, социально определяемые как вторичные по своей важности. Когда члены такой организации – политической, братской, благотворительной или какой-либо другой досуговой – проявляют недостаточно интереса к ее внутренней деятельности или правлению, это называется апатией и обычно осуждается. Даже в профсоюзах и профессиональных ассоциациях, имеющих жизненно важное значение для профессиональной роли индивидуума, такая апатия рядовых членов – обычное дело.

Пока члены не принуждаются к действию организационным кризисом, результаты которого могут их прямо затронуть, различные силы отвлекают их от активного участия. Пожалуй, в целом верно, что нельзя большое число мужчин сплотить в профсоюзе на значительно долгий период времени только из-за проблем, связанных с политической борьбой за власть в организации. Откровенная борьба за власть в профсоюзе, несомненно, слишком губительна для личных отношений, слишком далека от более глубоких и вечных проблем его членов и дает слишком мало надежды на максимальное вознаграждение за дела, результаты которых невозможно предвидеть, чтобы быть способной поддержать интерес масс. Конечно, фракционная борьба редко предстает как откровенная борьба за власть, но почти всегда фокусируется вокруг контрактов или других профсоюзных проблем, а иногда, как в ранний период истории Профсоюза автомобилистов (U. A. W.), эта экономическая борьба за признание профсоюза и в его защиту приводит, по существу, к поддержке широкого, хотя и скачкообразного интереса к фракционной борьбе в течение нескольких лет. Но рано или поздно внешние обстоятельства стабилизируются, глубокие и вечные проблемы работы, семьи, отдыха и общения с друзьями заставляют рядовых членов покинуть охваченную спорами и поглощающую все время арену фракционной борьбы и вернуться к нормальному рутинному ритму жизни. Только малое меньшинство находит поощрение за участие в делах и политике профсоюза достаточно значительным, чтобы продолжать проявлять высокий уровень интереса и активности.

Конечно, уровень участия членов в разного рода группах и организациях неодинаков, и, поскольку мы рассматриваем возможности демократии в частных организациях, важно проявлять источники этих различий.

Участие в любой организации, по-видимому, связано с количеством и особенностями функций, которые она выполняет для своих членов, и со степенью требуемой при этом их личной вовлеченно-

сти. В большинстве случаев профсоюзы осуществляют только одну главную функцию — коллективные переговоры, которые могут вестись, за исключением периодов серьезных конфликтов, более или менее квалифицированной администрацией профсоюза без какого-либо широкого участия рядовых членов. В таких профсоюзах не следует ожидать продолжительного участия в их деятельности более чем горстки членов, которые включены в администрацию.

Но существует ряд важных исключений из обычных ситуаций. В некоторых профессиях и профсоюзах участие в делах организации сопряжено с дополнительными поощрениями в форме более высокого статуса, лучших возможностей для работы или ценных общественных связей. В определенных условиях профсоюзы не только выполняют протекционистские или приобретательские (acquisitive) функции на коллективных переговорах, но и становятся (как это обсуждалось в главе 6) частью «профессионального сообщества», или широкой сети общественных отношений между своими членами. Участие в профессиональном сообществе не сосредоточено исключительно на экономических функциях профсоюза или на его внутренней политике, но поддерживается именно благодаря тому широкому различию мотивов и интересов, которого не найти среди членов в обычном профсоюзе.

Одно из условий возникновения профессионального сообщества — географическая изоляция данного вида деятельности. В маленьких шахтерских городах Америки рабочие постоянно, как и в своем профсоюзе, встречаются друг с другом во всех других социальных ролях — в своих религиозных, досуговых и неформальных организациях. Похожие условия существуют в среде моряков и портовых грузчиков. Такое частое взаимодействие членов профсоюза во всех сферах жизни, видимо, способствует повышению у них интереса к делам своих профсоюзов, что само собой приводит к высокому уровню участия в местных организациях и к большим возможностям для демократии и влияния рядовых членов. На международном уровне большинство профсоюзов этой категории, несомненно, являются олигархическими и диктаторскими, но одной из главных причин воинственной тактики, которой придерживаются олигархи в этих профсоюзах, может быть высокий уровень участия местных членов. Правда также и то, что рядовые члены здесь, по-видимому, чаще устраивают перевороты, чем в других подобных олигархических профсоюзах, имеющих низкий статус.

В любом крупном обществе можно также встретить профессиональное сообщество, члены которого физически не изолированы

от других рабочих, но имеют «девиантные» рабочие графики, т.е. графики работы ночами и/или в выходные дни. Эти графики отрывают рабочих от нормальных социальных контактов с соседями, друзьями или родственниками. В результате они больше свободного времени проводят с товарищами по работе. Такие досуговые отношения часто приводят к созданию официальных организаций вроде спортклубов, комитетов ветеранов, религиозных организаций и др., членство в которых ограничено работниками одной специальности.

Связанный с предыдущим фактор, который может независимо действовать сходным образом, — степень вовлеченности рабочих в свое дело. В определенных сферах, таких как журналистика или работа артиста, мнение коллег считается главным критерием профессионального уважения. Эти виды деятельности, конечно, нетипичны для профсоюзного движения, но они показывают, как соотносятся участие в профессиональной группе и функция последней в качестве статусно-референтной группы.

409 В большинстве профессий ручного труда рабочие воспринимают друг друга почти исключительно в своих профессиональных ролях. Но там, где существуют профессиональные сообщества, профсоюз организует отношения между своими членами в многообразии их социальных ролей, что имеет прямые последствия для профсоюзной политики. Группы, входящие в состав профессионального сообщества, особенно если они независимы от контроля лидеров профсоюза, служат сохранению дела профсоюза. Обеспечивая членам профсоюза регулярную возможность часто встречаться вне работы, эти группы предоставляют также возможность неформального обсуждения текущих профсоюзных разногласий или сравнительных достоинств кандидатов; таким образом, они служат дополнительными источниками такой информации и таких мнений, которые не находятся под контролем правящей администрации. И именно в профессиональном сообществе лидеры будущей оппозиции имеют возможность учиться навыкам политической борьбы и находить независимые источники статуса и власти, опираясь на которые они могут бросать вызов должностным лицам и, таким образом, расширять влияние рядовых членов.

Некоторые «прогрессивные» профсоюзы попытались расширить такое участие, используя свои образовательные отделы для создания организаций по проведению досуга. Однако попытки искусственно навязать мероприятия, выходящие за рамки профессиональных, обычно терпят поражение. Межнациональный профсоюз дамских

портных* и «Объединенные рабочие автомобильной промышленности» предприняли в этом направлении героические усилия со сравнительно малым успехом. У рабочих этих отраслей имелись, видимо, другие возможности проведения досуга и то, что они могли воспользоваться услугами профсоюза, никак не определяло их поведения. Как показало исследование, проведенное в МПДП, членами таких профсоюзных организаций являются по большей части женщины, которые по разным причинам вынуждены искать формальные группы досуга. Обычно это вдовы, разведенные или незамужние женщины, достигшие возраста, когда большинство их подруг замужем, плюс другая группа — замужние женщины, чьи дети уже выросли.

На степень участия в профсоюзе влияют также некоторые факторы, связанные, очевидно, со статусным уровнем профессий. Как правило, то, в какой степени рабочие идентифицируют себя с данной профессией и с ее профсоюзом, соответствует статусу профессии. Чем выше этот статус, тем выше уровень профсоюзного участия.

Исследование участия в политических и других добровольных объединениях показало, что чем выше статус рассматриваемой группы, тем более вероятно, что она будет активной в вопросах, о которых здесь идет речь. Отсюда следует, что чем больше группа рабочего класса приближается к образу жизни и интересам среднего класса, тем более вероятно, что она проявит высокий уровень профсоюзного участия. Как предполагалось выше, это может быть отчасти следствием того факта, что в престижной профессии меньше разрыв между статусом рядовых членов профсоюза и статусом руководства и последнему нет особой необходимости держать дела профсоюза в олигархических тисках. Но кроме того, более высокий уровень образования и большие статусные устремления рабочих в профессиях «среднего класса», вроде журналистики, сферы развлечений или печатного дела, очевидно подводят их к тому, чтобы использовать собственные профсоюзы более свободно и для достижения большего количества целей и принимать в них более значительное участие, чем это делают рабочие в непрестижных профессиях. Некоторая работа была проведена по изучению связей между общественным классом и участием в добровольных объединениях, отличных от профсоюзов¹³. Такие же

410

* Основан в 1900 г. — *Прим. перев.*

¹³ См.: Herbert Goldhamer, «Some Factors Affecting Participation in Voluntary Associations» (Ph. D. thesis, Department of Sociology, University of Chicago, 1943); Mirra Komarovsky, «The Voluntary Associations of Urban Dwellers», *American Sociological Review*, 9 (1946), p. 686–698; Bernard Barber, «Mass Apathy and Voluntary Social Participation in the United States» (Ph. D. thesis, Department of Social Relations, Harvard University, 1949). См. также с. 75–76, 130, 233–241 настоящей книги.

исследования могут быть осуществлены по изучению связей между и внутри данных профсоюзов¹⁴.

411

Временные факторы

В предыдущих разделах мы рассмотрели, как различные аспекты структуры профсоюзов и качества их членов (обусловленные их положением в более обширной общественной структуре) влияют на возможности демократического правления в этих организациях. Существует также некоторое число других условий, способных влиять на уровень демократии в профсоюзах. Мы можем назвать их временными факторами, поскольку они в огромной степени связаны с условиями, возникающими только в определенные периоды истории организации.

Модели организации

Организации создаются двумя способами. Один — сверху вниз, когда группа, которая начинает создавать ассоциацию, объединяет других индивидуумов или их отдельные группы в более обширную структуру. В этом случае формальная бюрократическая система существует с самого начала, и новые подчиненные должностные лица получают свою власть из рук тех, кто стоит на самом верху организации.

Крупная государственная организация может также возникнуть как федерация в результате либо последовательного, но самостоятельного формирования одной группы за другой, либо сравнительно синхронного формирования нескольких не связанных между собой групп, которые позже объединяются. В обоих случаях в орга-

¹⁴ A. W. Gouldner, «The Attitudes of "Progressive" Trade Union Leaders», *American Journal of Sociology*, 52 (1947), p. 389. Ely Chinoy, «Local Union Leadership», in A. W. Gouldner, *Studies in Leadership* (New York: Harper & Bros., 1950). Herbert A. Shepard, «Democratic Control in Labor Union», *American Journal of Sociology*, 54 (1949), p. 311–316. Следует, однако, подчеркнуть, что явное увеличение дохода рабочих в данных профессиях может в действительности иметь противоположный результат — сокращение участия в делах профсоюза. Если более высокий доход позволяет рабочим приблизиться к доходному статусу среднего класса, в то время как сама профессия продолжает оставаться непрестижной, рабочие могут попытаться порвать с этим видом деятельности. Исследование, например, показало, что многие портовые грузчики, являющиеся членами Профсоюза докеров Сан-Франциско, после того как получили значительную прибавку к зарплате, переехали подальше от берега и стали менее активными в профсоюзе. Только если профессия связана с высоким статусом, можно ожидать большего участия. Исследование, на которое мы ссылаемся выше, — неопубликованная работа Джозефа Эймса, выпускника отделения психологии Калифорнийского университета.

низации создается готовая оппозиция. В таких федерациях создание «однопартийной» бюрократической иерархии требует понижения статуса бывших когда-то независимыми групп или лидеров и их подчинения вышестоящей власти. Движение в этом направлении часто встречает сильное сопротивление со стороны самостоятельных лидеров союзов, составляющих организацию. Вместо четкой иерархии руководства возникает серьезная конкуренция за лидерство среди тех, кто был на вершине сравнительно независимых союзов перед тем, как произошло реальное объединение. Хороший пример этого — теперешние битвы внутри АФТ—КПП*.

Различия в политической истории профсоюзов могут быть связаны с различием путей, которыми изначально шло их формирование. Профсоюз «Объединенные рабочие сталелитейной промышленности Америки»** был, например, сначала сформирован Организационным комитетом рабочих сталелитейной промышленности*** под руководством Филипа Мюррея. С небольшими исключениями, почти все местные отделения этого профсоюза были созданы после того, как была основана первоначальная властная структура. С момента зарождения и до 1950 г., когда впервые возникла проблема преемственности власти, в профсоюзе не было серьезных фракционных споров. Мюррей устранял любой местный очаг беспорядка. С другой стороны, профсоюз «Объединенные рабочие автомобильной промышленности», который не уступает профсоюзу сталелитейщиков в возрасте, размере и степени централизации производства, был сформирован в результате слияния нескольких существовавших автомобильных союзов, а многие другие его местные отделения были организованы самостоятельно с относительно малой помощью со стороны национального профсоюза. В результате — по крайней мере, отчасти — из-за попыток различных национальных администраций установить отдельную бюрократическую иерархию в этом профсоюзе разгорелась острая фракционная борьба. Большинство фракционных лидеров ОРАП были лидерами на раннем этапе организации профсоюза, и различные фракции по большей части представляли собой объединения групп, возглавляемые этими разными лидерами, которые дружно сопротивлялись попыткам подчинить их национальной организации. Вопреки тому, что структурные особенности больших производствен-

* Американская федерация труда (возникла в 1881 г.) и Конгресс производственных профсоюзов (создан в 1935 г.) (A.F.L.—C.I.O) — основная и крупнейшая федерация профсоюзов в Америке; оформилась в 1955 г. — *Прим. перев.*

** Возник в 1936 г. — *Прим. перев.*

*** Основан Джоном Льюисом. — *Прим. перев.*

ных профсоюзов, таких как ОРАП, не способствуют внутренней демократии и масштабному участию в их работе рядовых членов, однопартийная структура была создана; на это ушло более двух десятилетий, и процесс не закончился до сих пор.

ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ

413

В любой организации, если в ней нет демократической системы замещения лидеров либо формально предписанной системы продвижения по службе или выборов, проблема преемственности провоцирует кризис. Смерть лидера однопартийной структуры неизбежно нарушает равновесие власти. Чем больше властная структура сконцентрирована вокруг личной преданности лидеру, тем более вероятно, что его смерть или отставка приведут к значительному внутреннему конфликту¹⁵.

С уходом лидера диктаторского профсоюза в последнем в значительной мере создается или воссоздается ситуация, которая существует в профсоюзе, сформированном в результате слияния автономных групп. Когда с вершины пирамиды исчезает личность, каждый лидер, находящийся ниже, может немедленно потребовать некоторых прав преемственности. Как в более ранней ситуации, профсоюз может столкнуться с проблемой создания властной иерархии из равных претендентов. Каждый из них обладает репутацией, опытом профсоюзной политики и источниками контроля за одним из секторов организации.

Эту модель иллюстрирует ситуация, недавно случившаяся в профсоюзе «Объединенные рабочие сталелитейной промышленности». В 1950 г. Филип Мюррей серьезно заболел, и никто не думал, что он выживет. Во время его долгого пребывания в больнице некоторые члены Межнационального исполнительного комитета начали подготовку к борьбе за преемство. Монолитный, как казалось, характер профсоюза был разрушен. По возвращении из больницы Мюррей, узнав об этой борьбе, попытался переустроить внутреннюю иерархию власти, с тем чтобы предотвратить конфликт преемственности. Известно, что Мюррей умер, не успев завершить начатые им внутренние преобразования. Никакого открытого конфликта сразу после этого не случилось, поскольку секретарь-казначей Дэвид Макдональд занял пост президента до того, как его оппоненты смогли объединиться против него. Однако некоторым из высших лидеров

¹⁵ Прекрасное эмпирическое исследование последствий кризиса преемственности на фабрике см.: A. W. Gouldner, *Patterns of Industrial Bureaucracy*. Glencoe: The Free Press, 1954.

профсоюзу не нравился захват власти Макдональдом, и близкие к союзу наблюдатели предсказывали, что открытый фракционный конфликт будет развиваться, — это предсказание подтвердилось¹⁶.

Интересно, что проблема преемственности в профсоюзе «Объединенные рабочие сталелитейной промышленности» имеет некоторое сходство с ситуацией, которая развивалась в СССР в 1923–1924 гг. во время болезни и затем смерти Ленина. Когда Ленин — как и Мюррей — заболел, некоторые члены Центрального Комитета тут же начали бороться за преемственность. Ленин знал об этом и пытался исключить Сталина как кандидата, но, как показывает история, ему это не удалось. После смерти Ленина началась довольно ожесточенная внутренняя борьба за преемство, в которой по крайней мере пять членов Центрального Комитета пытались занять его должность.

В профсоюзном движении были случаи, когда смерть сильных лидеров-диктаторов не приводила к кризису преемственности. Например, смерть президента Объединенного профсоюза рабочих швейной промышленности Сидни Хиллмена не повлекла за собой открытого внутреннего раскола. Это кажущееся исключение из правил случилось, однако, не вследствие слабости конфликта среди заместителей Хиллмена. Внутри профсоюза есть две главные группы, возглавляемые Хайменом Блумбергом и Франком Розенблумом. Каждый из них весьма влиятелен благодаря поддержке в разных регионах страны. Власть Блумберга опирается на Восток, власть Розенблума — на Средний Запад и другие районы. Однако открытого конфликта за контроль над профсоюзом в целом между ними не произошло; вместо этого президентом был назначен бывший секретарь-казначей Джейкоб Потофский, хотя его собственная поддержка была мала. Важно, что в этом профсоюзе, где сильному президенту не наследовал сильный лидер, старого лидера, Хиллмена, боготворят. Профсоюз постоянно возводит ему разного рода памятники, и имя его используется для того, чтобы придать легитимность настоящим действиям. Существование же региональных блоков может вести к постоянному разделу власти, как это время от времени случалось в государствах. Такое распределение власти содержит в себе семена раскола.

¹⁶ Анализ проблем преемственности в Профсоюзе сталелитейных рабочих и в других профсоюзах см.: Daniel Bell, «The Next American Labor Movement», *Fortune*, April 1953), p. 120–123, 201–206; и «Labor's News Men of Power», *Fortune*, June 1953), p. 148–152, 155–162.

415 _____
Касаясь проблемы преемственности в связи с другим вопросом, Макс Вебер заметил, что после смерти харизматичного лидера (такого, которому его приверженцы приписывают выдающиеся личные качества) борьба за преемственность способна привести к тому, что положение его команды и его последователей, чья власть не имеет под собой никакого традиционного или легитимного основания, может оказаться страшно ненадежным¹⁷. Он полагал, что одним из решений проблемы является бюрократизация структуры, однако не сформулировал ясно метода, посредством которого преемственность могла бы привести к росту бюрократизации. Современные исследователи расширили его анализ, показывая, что сопротивление власти нового лидера со стороны сохраняющейся команды прежнего лидера заставляет первого демонстрировать преданность рационализированным правилам, т.е. усиливать бюрократизацию. Исходя из этого, можно предположить, что, когда передача власти профсоюзного лидера, обладающего харизматическими качествами, происходит без конфликта, как в случае Хиллмена, профсоюз становится более бюрократическим, и можно допустить, что именно так и произошло в случае Объединенного профсоюза рабочих швейной промышленности. В подобной ситуации потенциальные возможности демократии будут скорее ограничены, чем расширены. Но справедливость этой гипотезы все же недостаточно очевидна.

Видимо, существуют профсоюзы, в которых процесс бюрократизации сводит проблему преемственности к проблеме продвижения по официальной лестнице. Можно, по крайней мере, поставить ряд вопросов — даже если имеющиеся данные пока не позволяют дать на них ответ, — которые связывают аспекты организационной структуры с преемственностью при смене руководства. При каких условиях кризис преемственности приводит к тому, что рядовые члены союза получают некоторое право голоса в выборе нового лидера? При каких условиях лидеры профсоюзной иерархии чувствуют, что они принуждены продолжать борьбу внутри самой иерархии? Когда кризис преемственности предоставляет возможность сражаться за лидерство в профсоюзе для новых и независимых групп? При каких условиях этот процесс становится процессом продвижения внутри иерархии?

416 _____
Тем, кто изучает профсоюзные организации, кризис преемственности позволяет проверить многие из гипотез, выдвинутых в этой главе. Условия, которые определяют изменения в моделях преем-

¹⁷ Max Weber, *The Theory of Social and Economic Organization*, trans. by A. M. Henderson and Talcott Parsons. New York: Oxford University Press, 1947, p. 363–373.

ственности, могут быть теми же самыми, что были предположены здесь как условия, определяющие изменения в профсоюзной политической структуре. Изучение большого числа случаев преемственности не только даст нам возможность пролить свет на сам процесс осуществления преемственности, — это, может быть, лучший способ проверки гипотез относительно факторов, отражающих различные степени контроля со стороны руководства и различные степени олигархии.

Кризисные ситуации

Профсоюзы, как и большинство человеческих группировок, время от времени переживают изменения или сталкиваются с угрозами стабильности существующей структуре. В таких кризисных ситуациях некоторые источники контроля выходят из строя и открывается путь к формированию политических разногласий. Невозможно перечислить все причины, способные расстроить стабильность профсоюза, но к наиболее важным из них относятся только что упомянутый кризис преемственности; изменения промышленного цикла, приводящие к сокращению зарплаты и ослаблению организации, поскольку многие ее члены становятся безработными; забастовки или локауты, особенно пролонгированные и проигранные; новые технологические методы, приводящие к сокращению надобности в навыках его членов; изменения в законодательстве, ослабляющие переговорную позицию профсоюза; судебная тяжба с другими профсоюзами.

Любая из этих ситуаций может потребовать от руководства профсоюза принятия важных политических решений и изменения установленного порядка. Последствием может быть потеря соответствующей позиции или привилегированного положения одной секции профсоюза по сравнению с другой либо, возможно, потеря экономической позиции профсоюза в целом. Существенный сдвиг в политике лидера может лишить его поддержки со стороны рядовых членов или со стороны групп профсоюзных функционеров.

Любой подрыв установленных внутренних отношений или оснований для поддержки со стороны членов профсоюза может позволить низшим лидерам надеяться, будто они могут принять на себя руководство организацией и разрешить кризис новыми методами. При такой фракционной борьбе самой распространенной формой организованной внутренней оппозиции является ха-
417

никшие из источников власти, открывшихся во время кризисных ситуаций, бросают вызов законному руководству или друг другу. Источники их власти и статуса, мощные и стихийные, находятся скорее среди рядовых членов профсоюза, чем в управленческом аппарате, связаны с конкретной кризисной ситуацией и недолговечны. Если человек, претендующий на роль лидера, не способен институционализировать свою власть и свой статус, подключив их к единственному постоянному источнику власти и статуса в профсоюзе — к самой управленческой иерархии, он, вероятно, обнаружит, что сила, которую он обрел в рядах рядовых членов, не переживет кризиса, в который родилась.

Однако конкретные результаты кризиса какого-нибудь профсоюза или другой организации на основании простого знания того, что данное равновесие было нарушено, предсказать невозможно. Кризис может закончиться совершенным расколом среди высших лидеров организации, или, наоборот, лидер получит возможность ужесточить свой собственный контроль. Обеспокоенные рядовые члены союза, столкнувшиеся с тяжелыми жизненными проблемами и желающие, чтобы все было «сделано и сделано быстро», могут согласиться предоставить значительную власть человеку или группе, которые кажутся готовыми и способными выполнить эту задачу. Профсоюзное руководство часто добивалось согласия рядовых членов на увеличение степени секретности в отношении политики формирования или распределения фондов, используя это как средство усиления профсоюза против нанимателя во время кризиса. И эти же меры могут в свою очередь стать средством усиления внутренней власти профсоюзной администрации.

Какие факторы являются детерминантами различных ответов, даваемых профсоюзами на организационные кризисы, можно определить только посредством анализа вариантов организационных структур и типов кризисов. Хотя я не могу предпринять здесь такого рода анализ, важно признать, что в любом конкретном случае внешние факторы могут модифицировать модель поведения, ожидаемую, если исходить из анализа внутренней ситуации.

ХАРАКТЕР ЛИДЕРА

До сих пор мы не рассматривали черт характера и ценностных установок самих лидеров. Хотя личные качества людей, которые руководят профсоюзами и контролируют их, не являются главными факторами, обуславливающими деятельность и структуру профсоюзов, как хотят доказать некоторые исследователи, в их анализе — безот-

носителю к исторической теории «великого человека»* — тем не менее есть некоторая польза. Изучение поведения различных лидеров профсоюзов, которые находятся примерно в одинаковой сложности ситуации, выявляет существенные различия с точки зрения персональной честности и приверженности демократическим ценностям.

Люди, которым хорошо известны черты характера многих рабочих лидеров, указывали на Филипа Мюррея, Дэвида Дубински и Уолтера Реутера как на тех, кто предпринимал особые усилия, чтобы минимизировать наиболее очевидные негативные последствия бюрократизма и олигархии в своих профсоюзах. Трудно установить конкретные различия между этими и другими лидерами, но одно из них проявляется как основное — это различие между теми функционерами, для кого профессия лидера профсоюза есть в некотором роде призвание, и теми, для кого на первом месте забота о средствах к существованию и достижение личных целей. В первом случае лидер видит в профсоюзе нечто такое, чему он может посвятить самого себя. Его мотивация обычно происходит от некоторого идеологического основания, хотя и не нуждается в каком-либо особенно важном политическом содержании: главной заботой лидера может быть скорее сам профсоюз и благосостояние рабочих, чем более далеко идущая политическая цель. Для этого типа людей материальное вознаграждение за исполнение должности, по крайней мере вначале, находится в тени идеализма. Таких людей отличают твердая вера и чувство ответственности.

Другая крайность — лидер, который к своей работе функционера относится как к делу, дающему возможность продвинуться. Это человек, у которого, может быть, были для этого и другие возможности, но они оказались для него заблокированы, и он решил войти в профсоюзную иерархию с откровенным намерением поднять свой статус и уровень жизни. Среди таких «карьеристов», или бюрократов, может оказаться лидер, которого один исследователь профсоюзного движения назвал «случайным». Часто это один из тех, кто умеет красиво говорить и имеет представительную внешность, кто выступает на митингах или избирается товарищами по работе на незначительную профсоюзную должность в цехе и кого профсоюзное руководство признаёт потенциально ценным своим кандидатом

* Имеется в виду теория лидерства, или лидерских черт, созданная в 1954 г. Е. Боргаттом и его коллегами, согласно которой человек становится лидером благодаря уникальному набору личностных качеств, приобретенных при рождении. — *Прим. перев.*

и кооптирует в комитет. Многие из таких индивидуумов могут считать ученичество на более низких ступенях профсоюзной иерархии нестоящим делом, но те, кто находят его таковым, могут в скором времени стать сознательно мотивированными профсоюзными карьеристами. Для этих людей денежное вознаграждение, связанное со статусом и должностью внутри профсоюза, — постоянная мотивация к сохранению и расширению соответствующего положения.

Конечно, как всякая концептуализация, эта классификация лидеров является обобщением гораздо более сложной реальности. Хотя ни один из лидеров не является вполне примером одного из рассмотренных типов, допустимо предположить, что в континууме «совершенный карьерист»¹⁸ можно найти место любому конкретному лидеру.

В связи с этим возникают два вопроса: при каких условиях вероятнее обнаружить тот или другой тип и каковы будут последствия для профсоюзного поведения при существовании такого различия? Эти условия, видимо, больше, чем ситуации, обсужденные выше, должны быть связаны с факторами времени. Лидеры по призванию обычно находятся среди тех, кто помогает создавать профсоюз, кто приходит к власти в результате принятия участия во внутренней «революции» против окопавшейся диктаторской олигархии, а в рабочее движение — вследствие приверженности политической идеологии, рассматривающей это движение в качестве инструмента, который должен быть использован для завоевания желаемой социальной цели. Исторически, участвуя в формировании нового профсоюза или в «бунте» против окопавшегося руководства, новые лидеры сталкивались с огромными трудностями. Организаторы новых профсоюзов часто рисковали потерять работу и быть занесенными в черный список своей отрасли, иногда их могли посадить в тюрьму или расправиться с ними физически. Денежное вознаграждение обычно бывало сначала незначительным или его не было вообще. Новый лидер может быть наделен статусом своими товарищами-рабочими, но если он создает новую группу, то может подвергаться личным нападкам за свой характер и в связи с этим ему могут выражать неодобрение лидеры более крупных организаций или всей отрасли. У людей, готовых к таким рискам, должна быть более существенная мотивация, чем желание получить высокую зарплату или достигнуть положения белого воротничка. Во многих случаях на начальных стадиях создания орга-

¹⁸ «Заинтересованность», возможно, играет свою роль в мотивации всех профсоюзных лидеров. Чтобы эффективно выполнять роль рабочих лидеров, они должны до некоторой степени верить, что служат интересам рабочих. См.: Ely Chinoy, *Op. cit.*

низации мало гарантий того, что эти вознаграждения будут получены, даже если организационный успех будет достигнут. Такой же риск, как и на начальной стадии создания организации, часто несет с собой и участие в бунте против окопавшейся олигархии.

Таким образом, лидеры новых профсоюзов или внутренних политических групп должны быть людьми, имеющими призвание. Без таких людей не могут начинаться революционные движения (а организация профсоюза часто похожа на революционную деятельность). Санкциям, которые сопутствуют деятельности в такой группе, может противостоять только преданность долгу, — вот почему коммунисты и социалисты играют несоизмеримо большую роль в создании многих, если не большинства, американских профсоюзов. Как упоминалось выше, Джон Льюис, когда создавался КПП, был вынужден использовать в качестве организаторов молодых коммунистов, потому что они были единственными, кто обладал необходимыми навыками и был готов идти на риск, включая низкую зарплату. Два из трех главных профсоюзов в старом КПП—ОРАП и Союз рабочих электропромышленности, как и большинство более мелких, были организованы в основном коммунистами или левыми демократами. Одно важное исключение — профсоюз «Объединенные рабочие сталелитейной промышленности», который был создан профессиональными организаторами из профсоюза горнорабочих*, но даже в этом случае Льюис использовал многих из тех, кто состоял в левой оппозиции к нему в ОГА. Сопrotивление контролю Джозефа Райана над Профсоюзом докеров, которое в итоге завершилось созданием независимого Профсоюза Западного берега, возглавляли по большей части коммунисты. Такие люди, как Сэмюэл Гомперс, Сидни Хиллмен, Дэвид Дубински, Джон Митчелл и многие другие, в период, когда они помогали формировать свои профсоюзы, все имели некоторое отношение к социалистическому движению.

Преданность долгу, которой, вероятно, обладали многие из тех, кто стали первыми профсоюзными лидерами, была в значительной степени сведена на нет под давлением должностных обязанностей. Однако последующая активность этих лидеров, свидетельствующая, по-видимому, о том, что они больше не заняты решением своих первоначальных ценностных задач, может затемнить тот факт, что для самого конкретного лидера долг и призвание все еще могут оставаться не пустым звуком. Дело не в личной слабости индивидуума и не

* Профсоюз «Объединенные горнорабочие Америки» (ОГА); основан в 1890 г. в г. Колумбусе, шт. Огайо, в результате слияния нескольких профсоюзных организаций. — *Прим. перев.*

в его сознательном отказе от прошлых принципов — скорее давление структуры, в рамках которой он действует, принуждает его к поступкам, которые кажутся ориентированными на простое сохранение должности или могут быть недемократическими и, притом что противоречат демократии, могут быть объективно представлены как цели профсоюза. Как указывал Михельс, в огромном числе случаев, несмотря на наличие у лидеров первоначально чувства долга или призвания, некоторые виды давления — часть из них мы уже попытались проанализировать — приводят к тому, что лидеры начинают приравнивать защиту своего собственного положения к лучшим средствам достижения целей профсоюза.

По-видимому, лидера «карьериста» скорее можно найти в профсоюзах, основанных долгое время назад. Вступление в иерархию стабилизированного бюрократического профсоюза несет с собой много преимуществ и мало ответственности. В устойчивой организации личность, держащаяся своих идеологических принципов, в своем стремлении к должности будет, вероятно, находиться скорее в невыгодном положении. Приверженность утопии или идеологически предписанным целям обычно приводит таких людей к конфликту с повседневной прагматической политикой профсоюза — даже если это профсоюз, возглавляемый людьми, которые продолжают думать, что придерживаются этих ценностей. По-видимому, руководители профсоюзных бюрократий считают людей «с призванием» безответственными и предпочитают выбирать тех, кто будет работать в рамках целей организации, определенных лидерами. Рассуждение Вебера о бюрократизации харизмы относится к такой ситуации в профсоюзном движении, когда люди «с призванием» заменяются «бюрократами».

Смена людей «призвания» на «бюрократию» не происходит в прямой временной последовательности. Если считать все другие факторы постоянными, то можно предположить, что чем старше профсоюз, тем больше вероятности, что его лидеры встали на путь бюрократизации власти. Но этот процесс может быть приостановлен или замедлен из-за кризиса, в ходе которого теряется завоеванное лидерство. Он может также подвергаться воздействию, если лидеры профсоюза остаются организационно связанными с внешней группой вроде Коммунистической или Социалистической партии и рекрутируют своих последователей из этих организаций. Однако в контексте американского рабочего движения непрекращающаяся связь с такими группами означала постоянное создание элементов напряженности. Принципы таких внешних групп и партий значи-

тельно разошлись с теми принципами, которые диктовала ситуация в профсоюзах. Вследствие этого профсоюзные лидеры были вынуждены покинуть партии, когда последние требовали, чтобы профсоюзы следовали принципам, которые могли подорвать их внутреннее равновесие или стабильность, либо когда партии влияли на смену лидеров профсоюзов посредством перевыборов. В некоторых профсоюзах, там, где Коммунистическая партия сохранила фракции, лояльные по отношению к ней самой, а не к конкретным профсоюзным лидерам, она отчасти была способна воспрепятствовать этой ситуации.

Еще один фактор, определяющий различие между поведением лидера с «призванием» и поведением «бюрократа», – возможное изменение в группах «второй половины», уважение которых ценится¹⁹. Хотя люди, становящиеся профсоюзными лидерами, меняют свой статус и избавляются от многих старых друзей и связей, мало кто может совершенно отделаться от своего прошлого. Те, кто вступили в профсоюзное движение, чтобы служить делу, являются личностями более привлекательными, чем те, кто укреплял бюрократическую иерархию, чтобы иметь в качестве критерия для своих собственных достижений авторитетное мнение других людей, также веривших в дело. Многие бывшие социалисты, являющиеся сегодня профсоюзными лидерами, до сих пор пытаются объяснить и оправдать многие свои действия как последовательно согласующиеся с социалистической или левodemократической целью, и это влияет на их поведение таким образом, который не может быть понят только с точки зрения объективной ситуации в профсоюзе.

Некоторые различия между схожими на вид крупными олигархическими и бюрократизированными профсоюзами объясняются тем, что одни из этих профсоюзов возглавляют люди, которые до сих пор относятся к своей позиции как к призванию, тогда как другие возглавляются карьеристами. Профсоюзы первой группы на практике, может быть, не более демократичны, но они часто более доступны для членства, более энергичны в своей тактике, больше заняты вопросами нарушения профсоюзной этики при обслуживании рядовых членов и в них больше личной неприкосновенности. Социалистическое или другое радикальное прошлое, очевидно, скорее соотносится с таким поведением, чем прошлое коммунистическое.

423

¹⁹ Более полное рассмотрение соотношения поведения лидера тред-юниона и поведения референтных групп членов и лидеров см.: S. M. Lipset and Martin Trow, «Reference Group Analysis and Trade Union Wage Policy», in Mirra Komarovsky, ed., *Common Frontiers in the Social Sciences* (Glencoe: The Free Press, 1957), p. 391–411.

Очевидно также, что «призванный» лидер, чьи ценности являются демократическими, больше занят формами демократии, чем лидер «бюрократический».

Кроме того, трудно постулировать гипотезы о соотношении между «призванием» как ориентацией руководства и условиями, действующими усилению демократии внутри профсоюза. Вероятно, различием «призваний», приводящих людей в рабочее движение, в существенной степени определяется различие типов поведения. Бывший коммунист, например, выйдя из партии, может продолжать использовать эффективный диктаторский аппарат, и, поскольку его поведение может отличаться большей воинственностью и честностью по сравнению с поведением лидеров, которые вступили на «бюрократический» путь, при использовании для удержания власти организационного механизма он может быть гораздо более безжалостным. С «призванием» может быть также связана беспощадность, с которой удерживает власть «демократический» рабочий лидер. Чувство справедливости и преданность «делу», которые обычно ассоциируются с политическим или религиозным призванием, часто приводят к действиям, которые могут удивить наблюдателей разительным несоответствием предполагаемым ценностям и целям того, кто эти действия совершает. «Призванный» лидер, который «знает», что он служит «правому делу», видит в оппонентах сознательных или невольных агентов врага, определяется ли этот враг как работодатель, капиталистическая система или коммунистическая партия.

С другой стороны, «призванным» лидерам, хотя они часто безжалостны, когда дело касается оппозиции, по-видимому, весьма хочется — что вытекает из их «призвания» — верить, что рядовые члены одобряют их действия, и они стремятся обратить в свою веру и приблизить к себе как можно больше членов. Вероятно, заинтересованное отношение к «образованию» рядовых членов профсоюза скорее можно найти в профсоюзах, возглавляемых лидерами «по призванию», чем в тех, что возглавляются «карьеристами». Однако попытка построить аппарат профсоюза на последовательной идеологии, так же как и на более типичной основе взаимосоответствия денежного вознаграждения и долга, часто угрожает стабильности бюрократии. Новые ситуации, требующие установления новых принципов, могут вызвать неприятие со стороны людей, которые серьезно относятся к собственной идеологии. Довольно общего характера модель фракционных разногласий и расколов в левых политических группах, по-видимому, отражает более глубокое осознание служения праведному делу, которого эти движения требуют от своих лидеров и членов по

сравнению с более консервативными группами. В Америке в профсоюзах, где власть принадлежала левым, внутренние разногласия отмечались чаще, чем в профсоюзах, которые следовали беспартийным принципам Гомперца.

СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ

В этом анализе, таким образом, по большей части проигнорировано влияние на профсоюзную организацию системы ценностей всего общества (и в особенности систем ценностей различных слоев рабочих, принадлежащих профсоюзу), равно как и очевидных целей различных профсоюзов.

Можно было бы ожидать, что, если структурные и временные факторы постоянны, участники профсоюза, неважно лидеры или рядовые члены, будут вести себя по-разному в рамках разных систем ценностей, характеризующих разные социальные структуры. Американский профсоюз, действующий в рамках американской социальной структуры, где придается особое значение личному успеху, праву каждого на равноправие с другими и нормам демократии, будет вести себя иначе, нежели немецкий профсоюз, работающий в контексте более строгой статусной системы, где больше значения придается социальному происхождению, чем успеху, больше стремление к лидерской роли, меньше заботы о праве индивидуума в сравнении с группой и, вероятно, меньше подчеркивается значение нормы демократического контроля. Аналогичным образом поведение двух американских профсоюзов должно отличаться от поведения общего объединения их членов в той степени, в какой различие в составе членов отражается в различии значимости и распределении ключевых норм относительно власти и демократии.

Чем крепче данная группа держится демократической антиэлитистской системы ценностей, тем труднее институционализировать олигархию. Исходя из сравнения социальной структуры, немецким профсоюзным лидерам, должно быть, легче сохранять олигархическую структуру, чем лидерам американских профсоюзов. Немецкие рабочие должны легче относиться к постоянному пребыванию в должности одних и тех же руководителей, к недостаточному количеству принципиальных споров и к отсутствию оппозиции. Можно предположить, что — при всех равных условиях — американские рабочие должны больше сопротивляться иерархическому контролю. Притом что рабочие лидеры в обеих странах стремятся обеспечить себе длительный срок пребывания в должности, американские лидеры в гораздо большей степени чувствуют необходимость форма-

лизовать диктаторский аппарат, чтобы предотвратить возможность своего ниспровержения. Или, говоря по-другому, поскольку ценности, присущие американскому обществу, делают американских профсоюзных функционеров более уязвимыми, чем их немецких коллег, они, чтобы укрепить свой статус, должны действовать более энергично, решительно и по-диктаторски.

Внутри самого американского рабочего движения есть некоторые примеры подобного рода. В ряде американских профсоюзов высоко ставятся участие и контроль рядовых членов организации, в других эти ценности поддерживаются слабее. Часто отмечалось, что степень участия в государственной политике зависит от позиции в обществе; аналогичным образом мы здесь предположили, что чем выше статус рабочего, тем, вероятно, скорее он должен требовать права участия в принятии решения. Если наши допущения эмпирически обоснованны, то указанные ценности в соединении с более значительными возможностями политического участия, существующими у рабочих высокого статуса, создают дополнительные возможности для развития демократии в профсоюзе. Существуют два организационных ответа на это условие. Один — это модель институционализированной демократии, которую мы находим в Межнациональном типографском союзе, в Актерской ассоциации за справедливость и в подобных им профсоюзах. Другой — более жесткое использование диктаторского аппарата лидерами, позиция которых уязвима. Профсоюз музыкантов демонстрирует обе эти тенденции сразу: некоторые местные его отделения являются такими же демократическими, как профсоюз актеров, в то время как другие его местные отделения и сам межнациональный профсоюз являются диктаторски-олигархическими.

Другим адаптивным механизмом, делающим совместимыми олигархию и американские демократические ценности, является идеология, которая подчеркивает особые функции профсоюза. Чем уже определяет организация свои функции как удовлетворение ограниченных и конкретных нужд, тем, вероятно, в меньшей степени ее член чувствует надобность принимать участие в ее деятельности и влиять на ее принципы. Люди могут принадлежать ко многим организациям вроде Американской автомобильной ассоциации, местного потребительского кооператива, медицинской страховой компании, команды по боулингу или Национального клуба филателистов, совершенно не чувствуя себя обязанными принимать активное участие во внутренней деятельности группы и не испытывая чувства ущемленности вследствие того, что решения принимаются

без обсуждения с ними. В огромной степени о каждой из различных добровольных ассоциаций, к которой они принадлежат, люди судят исходя из возможности этих ассоциаций удовлетворить ограниченную потребность. Наоборот, чем разнообразнее функции группы или организации, тем, вероятно, у индивидуума находится больше поводов для несогласия с ней и принятия активного участия в ее деятельности.

Профсоюз, который работает просто как «деловой союз», относится к категории специальных однофункциональных организаций. За пределами цеховой организации, где обыкновенно имеет место самое большое участие рабочих, единственной главной задачей «делового союза» являются коллективные переговоры, которые происходят не чаще одного раза в год, а во многих профсоюзах только раз в каждые два или три года. Повседневное управление профсоюзными делами требует от среднего члена не больше усилий, чем повседневные действия по выполнению медицинского плана. Конечно, верно, что профсоюз имеет дело с индивидуумом в его профессиональной роли, и можно думать, что человек больше заинтересован в участии в нем, чем в других добровольных организациях, ориентированных на его менее важные роли. Но все познается в сравнении. В таких профсоюзах, как Межнациональный типографский союз и Актерская ассоциация за справедливость, выполняющих многие функции, связанные со статусом и досугом своих членов, уровень членства и участия последних высокий.

Таким образом, наиболее привлекательная идеология для профсоюза, стремящегося к ограничению своих функций, — это идеология делового тред-юнионизма, самая распространенная в американских профсоюзах. Утверждая, что профсоюз должен заниматься только традиционной профсоюзной деятельностью — ведением коллективных переговоров, защитой рабочих и заботой о благосостоянии членов организации, — его лидеры объявляют также, что не хотят, чтобы на них воздействовали другие, далекие от профсоюзных интересов, ценности.

Деловой тред-юнионизм как комплекс идей, оправдывающих самое узкое определение роли профсоюза в обществе и сводящих сферу его обслуживания к членам организации, не поощряет последних к широкому участию и легитимизирует олигархическое руководство. Однако соединение делового тред-юнионизма как идеологии с олигархией как властной структурой никоим образом не объясняет широкого распространения делового тред-юнионизма. Дело здесь просто в том, что, каковы бы ни были другие факторы, связанные

с принятием идеологии, одним из последствий этого является ослабление тисков вечно сохраняющейся олигархии в организации, члены которой держатся демократических ценностей.

Никто не пытался провести ни качественный, ни количественный анализ соотношения между идеологиями широкого политического или специального «делового профсоюза» и наличием либо отсутствием политического конфликта внутри профсоюзов. Но можно сделать предположение общего характера, что чем менее определена идеология профсоюза, тем более велика вероятность внутренней фракционности. Европейские профсоюзы, которые гораздо более политизированы, чем американские, гораздо больше предрасположены к внутреннему расколу. Но американские исследователи европейского профсоюзного движения обратили внимание на то, что в Европе существует длительная тенденция движения в направлении делового тред-юнионизма. Данное обстоятельство использовалось как подтверждение гипотезы о том, что соответствующая профсоюзам функция — это именно деловой тред-юнионизм и что рабочие союзы сразу после своего создания стремятся избавиться от ненужных политических идеологий. Наиболее яркие доводы в пользу этого тезиса представил специалист по экономике труда из Висконсина Селиг Перлман в книге «Теория рабочего движения».

428

Подход, при котором профсоюз рассматривается как коллективное тело и не проводится различия между нуждами профсоюзной бюрократии и рядовых членов, ведет к игнорированию того, что тенденция к ограничению функций и целей профсоюзов скорее может быть адаптивным механизмом руководства, стремящегося к обеспечению своей безопасности, чем (как предполагает Перлман) следствием установок, соответствующих социальному положению рабочих. Обязательство, например, поддерживать социалистическую партию или главные социалистические цели неизбежно предусматривает поощрение дискуссий о разногласиях в политике. В прошлом многие собрания английских тред-юнионов потратили уйму времени, обсуждая раскол между Анейрином Биваном и руководством Лейбористской партии и Конгрессом тред-юнионов*.

Предположение о том, что ограничение функций профсоюзов способствует стабильности бюрократии, не подразумевает, что чле-

* Британский конгресс тред-юнионов, БКТ — создан в 1968 г., включает в себя большинство британских профсоюзов; представляет профсоюзное движение в отношениях с государством и определяет политику движения в целом; не выступает в качестве стороны коллективных переговоров, однако может участвовать в некоторых трудовых спорах. — *Прим. перев.*

ны большинства или любых профсоюзов склонны поддержать широкое определение профсоюзных целей. Фактически, как видно из приведенного выше исследования, большинство людей апатичны и, возможно, более консервативны, чем их профсоюзные функционеры. Однако это не опровергает общего правила, согласно которому любой фактор вроде идеологии «делового профсоюза», служащий сокращению возможностей для внутреннего раскола, способствует также уменьшению потенциального влияния, которое члены организации могут иметь на ее принципы.

Выводы

Анализ, предпринятый в этой главе, со всей очевидностью предполагает некоторые пессимистические заключения относительно долгосрочности шансов для демократии в профсоюзах. Перечислим главные моменты.

1. Структура крупной организации по самой своей сути требует развития бюрократических моделей поведения. Условия, содействующие институционализации бюрократии и демократической смене руководства, в значительной степени несовместимы друг с другом, причем степень несовместимости меняется в зависимости от степени бюрократизации, навязанной необходимостью приходиться к прочным соглашениям с другими бюрократизированными институтами в профсоюзном окружении.

2. Структура крупной организации дает действующей администрации весьма большую власть и преимущество относительно рядовых членов или даже организованной оппозиции. Это преимущество выражается в таких формах, как контроль над финансовыми источниками и внутренними средствами информации, большая перманентно создаваемая политическая машина, претензия на легитимность и монополия на политические навыки.

3. Насколько легко олигархия может контролировать большую организацию, зависит от степени участия членов последней в ее деятельности. Чем более важное значение придается членству и чем существеннее участие, тем труднее олигархии навязывать принципы и действия, противоречащие ценностям или нуждам рядовых членов. Концепция делового тред-юнионизма, согласно которой профсоюз выполняет только одну главную функцию — обеспечение своих членов лучшими из возможных контрактов, помогает сохранить неизменной внутреннюю политику и предотвратить конфликт, а также поощряет только ограниченное участие со стороны членов

профсоюза. Любая концепция функций профсоюза, способствующая вовлечению в организацию новых членов и расширению их участия в ее деятельности, увеличивает риск потенциального демократического конфликта.

4. О нестабильности, присущей демократии, свидетельствуют в профсоюзе результаты его функционирования как механизма, определяющего статус:

а) функциональное требование руководящей роли состоит в том, что ей должен быть приписан более высокий статус, т.е. она должна считаться более высоким достижением по сравнению с другими ролями;

б) доминирование ценности достижения объясняется тем, что вертикальная мобильность является культурной целью;

в) ключевой признак демократической политической структуры — возможность циркуляции, или ротации, руководства. Это означает, что олигархического управления можно избежать, только если есть механизм, посредством которого лидеры могут быть отправлены в отставку;

г) в обществе в целом политические лидеры могут оставить свой пост и занять равноценную или более высокую по статусу должность. В профсоюзном движении лидер, потерпевший поражение, если и остается внутри профсоюза, то передвигается с высокостатусной позиции на более низкую;

д) институционализация движения от высокого статуса к низкому — что и означало бы в профсоюзах демократию для лидеров — была бы существенным отклонением от главной ценности успеха;

е) выполнение этих несовместимых между собой норм может привести к *anomie** для лидеров и является психологически невозможной ситуацией.

Очевидный вывод из данного анализа состоит в том, что в большинстве профсоюзов отсутствуют функциональные требования относительно демократии. Например, конфликт между демократическими нормами и нормами успеха означает, что демократия может существовать как стабильная система только в тех профсоюзах, где статусная дифференциация между лидерами и нижестоящими очень незначительна. Этим, возможно, объясняется тот факт, что демократия наличествует по преимуществу в местных профсоюзах и в профсоюзах, отличающихся высоким статусом. В противовес мнению, будто власть коррумпируется в любых ситуациях, данный анализ предполагает, что такая «коррупция» является следствием особых

* Беззаконие (греч.). — Прим. перев.

социальных структур, где следование одной норме предполагает нарушение другой.

Тем не менее общее положение, согласно которому профсоюзы, подобно многим другим организациям с внутренним олигархическим устройством, помогают поддерживать политическую демократию в более крупном политическом теле, никем до сих пор не подвергается сомнению. Как выяснил американский политолог Франц Нойман, многие такие «диктаторские» сообщества функционируют, чтобы защищать интересы своих членов, сдерживая посягательства других групп²⁰. Даже самый что ни на есть диктаторский профсоюз лучше защищает экономические интересы рабочих и политическую демократию в обществе, чем если бы профсоюза не было вообще, при условии что он не является инструментом ни государства, ни работодателя. Коллективистское общество, которое развивается в большинстве стран, только в том случае будет демократическим, если профсоюзы, хотя они и являются приверженцами социалистических устремлений, будут сохранять свою независимость от государства. Тактика тред-юнионов в Британии и Скандинавских странах действительно свидетельствует о том, что подобная модель возможна.

Необходимо также помнить о том, что даже самые властные лидеры профсоюза должны так или иначе отзываться на экономические нужды его рядовых членов. В противном случае профсоюзная олигархия может вдруг обнаружить, что последние исчезают, как это обнаружил Джон Льюис в 1920-х годах. Будучи тогда профсоюзным – и одновременно политическим – консерватором, он почти потерял Объединенный союз шахтеров. Только после принятия на вооружение воинственной тактики, благодаря которой Льюис известен сегодня, он сумел восстановить профсоюз. Профсоюз, который не является организацией по защите экономических интересов, не имеет функции и на сцене долго не останется. Но тот факт, что большинство профсоюзов должны представлять интересы своих членов, не следует путать с проблемой внутренней демократии, поскольку, как указывали Хау и Уидик, «существует одно решающее доказательство демократии в профсоюзе (или в любом другом институте): оппозиционеры имеют право свободно организовываться в “партии”, создавать фракционный аппарат, распространять рекламу и вести пропаганду среди членов. <...> Присутствие оппозиции... есть лучшая гарантия того, что демократическая структура профсоюза будет

²⁰ Franz L. Neumann, «Approaches to the Study of Political Power», *Political Science Quarterly*, 65 (1950), p. 161–180.

сохранена. <...> Защищать право фракций на существование совсем не означает одобрять ту или другую фракцию. Но это верх (стоящий того, чтобы за него хорошо заплатить!) демократии: когда могут формироваться группы, которые, как считается, наносят вред интересам профсоюза. Альтернативой этому является диктатура»²¹.

Последнее замечание: институционализируемая демократия внутри частных правительств не является необходимым условием для демократии в более крупных обществах и может время от времени ослаблять демократический процесс внутри гражданского общества. Разного рода независимые от государства вторичные ассоциации, которые Токвиль считал необходимым условием существования демократической нации, и в его дни, и сегодня являются в огромной степени однопартийными олигархиями. Несмотря на это, они облегчили политическое воспитание и противостояние посредством обучения новых лидеров, систематизации и распространения мнений, представления своих членов другим группам и государствам. Многие такие группы приобретают обученных лидеров, которые, даже не являясь освобожденными функционерами, лучше информированы в том, что касается проблем организации и способов служения ее членам, чем менее образованные и менее осведомленные рядовые члены.

Организация, находящаяся под непосредственным контролем самих ее членов, может стать безответственной, начав руководствоваться собственной либо общественной выгодой. Члены организации могут стремиться к достижению своих «эгоистичных» целей, даже если это способно нанести ущерб другим или подвергнуть опасности организацию. Работодатели хорошо знают, что чем более демократическим является профсоюз, — т.е. чем сильнее в нем оппозиция действующему руководству, чем больше фракций, чем чаще меняются функционеры, — тем больше степень его безответственности. Исследование отношения к гражданским свободам, проведенное в группе американцев, показало, что даже лидеры организаций наподобие Дочерей американской революции* или Американского легиона, вероятно, больше верили в гражданские свободы для ком-

²¹ Irving Howe and B. J. Widick, *op. cit.*, p. 262–263. Одно из недавних исследований и подробная библиография на эту тему представлены в специальном номере *American Journal of Sociology*, 61 (May 1956), посвященном «демократии и бюрократии в рабочих профсоюзах».

* Патриотическое женское общество, участницы которого ведут свое происхождение от тех, кто сражался за Независимость; создано в 1890 г. — *Прим. перев.*

мунистов и других непопулярных политических девиантных групп, чем рядовые члены их организаций²².

Стоит отметить, что рассмотренные на с. 442–445 обстоятельства, которые, по-видимому, самым непосредственным образом связаны с участием членов профсоюзов и, следовательно, с внутренней демократией в последних, равно как и в других добровольных организациях, — это те же самые обстоятельства, которые очевидным образом ослабляют демократию внутри более крупных обществ. А именно насколько тесными являются взаимоотношения членов ассоциации с организацией, насколько значимая часть жизни проживается ими под ее непосредственным влиянием и насколько велико взаимодействие самих членов друг с другом — настолько же велика вероятность того, что уровень заинтересованности и участия окажется высоким. Но эти же самые факторы изолируют членов группы от противоречивых воздействий и соприкосновений с иными ценностями и влияниями и — как мы уже видели на примере таких представителей «изолированных» отраслей, как шахтеры или портовые грузчики, — увеличивают силу их политических убеждений. Это опять ставит перед нами дилемму. Интеграция членов внутри профсоюза, политической партии, фермерской организации или профессионального сообщества может повысить вероятность того, что члены таких организаций будут активны в своей группе и будут иметь больше возможностей контролировать ее принципы. Но расширение функций таких организаций с целью интегрирования их членов может представлять угрозу для более крупной политической системы, потому что ослабляет действенность сил, способствующих компромиссу и взаимопониманию между конфликтующими группами. Профсоюзы шахтеров или печатников и им подобные, характеризующиеся высокой степенью участия и преданности своих членов, обусловленной в огромной степени тем, что они существуют как «профессиональные» сообщества, проявляют меньше интереса к ценностям других частей сообщества, чем профсоюзы, члены которых в меньшей степени изолированы и, следовательно, меньше привержены принципам собственной организации.

Я, разумеется, не защищаю диктатуру в частных организациях. Но необходимо признать, что многие из них не могут иным способом обеспечить условия для прочной внутренней демократии и что они до сих пор, существенным образом содействуя демократиче-

²² Samuel A. Stouffer, *Communism, Conformity and Civil Liberties* (New York: Doubleday & Co., Inc., 1955), p. 26–46.

скому процессу в обществе в целом посредством обеспечения надежного основания для фракционности и подлинных законных интересов, в то же время ограничивают личную свободу внутри себя и допускают такую степень самостоятельности действий — как для лидеров, так и для рядовых членов, — которая может подорвать другие социальные ценности. Это еще один пример несовместимости имеющих противоречивые последствия ценностей. Простого способа разрешить эти проблемы демократии в современном обществе не существует.

Методологическое дополнение

В ответ на каждое из положений, выдвинутых в этой главе, специалисты в области рабочего движения могут представить более важные возражения. Очевидно, что в отношении рассматриваемых организаций или индивидуумов невозможно абстрагировать какую бы то ни было одну переменную величину и сделать ее единственным или даже основным детерминантом данной поведенческой модели. Вопрос, как подходить к рассмотрению многосторонних детерминантов особых поведенческих моделей, является основным в общественных науках. Когда аналитики имеют дело с индивидуумами, они способны отчасти избежать этой проблемы, отбирая данные из большого числа случаев, что позволяет выделить влияние особых факторов посредством количественных методик. Анализ организаций мешает, однако, то обстоятельство, что сравнительные данные часто собираются лишь для небольшого числа случаев. Тщательное изучение даже одной крупной организации может стоить столько же, сколько изучение данных, собранных относительно огромного числа частных примеров.

Метод, которым пользуется большинство аналитиков при исследовании факторов, определяющих данную модель поведения (таких как воинственность олигархов или рядовых членов внутри рассматриваемых профсоюзов), сводится к ссылке на те явления в организации, которые, видимо, имеют отношение к рассматриваемой поведенческой проблеме. По существу, это подход *post factum**, если единственный случай, на примере которого рассматривается заданная модель важных переменных факторов, и является объектом наблюдения. Аналитик редко имеет возможность установить какой-либо контроль за явлением или провести сравнение. Этого за-

* После факта, т.е. после того, как событие совершилось (лат.). — Прим. перев.

труднения часто пытаются избежать, приводя из других случаев иллюстративный материал, который, очевидно, должен служить обоснованием гипотезы. Такие иллюстративные данные не разрешают методологической проблемы обоснования и обычно служат только тому, чтобы дать читателю ложное чувство общей обоснованности данной интерпретации.

Поэтому чрезвычайно важно, чтобы те, кто изучает организационное поведение, обратились к проблеме верификации гипотез. Сегодня можно потратить уйму времени на знакомство с огромным числом исследований, посвященных отдельным профсоюзам или другим крупным организациям, и при этом оказаться не в состоянии обосновать хотя бы одно предположение об организационном поведении. Данные, собранные в таких – по случаю – исследованиях, не годятся для повторного анализа с целью проверки гипотез, поскольку их авторы редко фокусируют результаты своих наблюдений с точки зрения какого-либо комплекса ясно сформулированных гипотез.

В виде эксперимента можно предложить три метода в качестве способов, с помощью которых можно достичь в этой сфере большего прогресса: сбор количественных данных о достаточно большом числе организаций, исследование клинических случаев и анализ девиантных случаев. Первый – количественный – метод иллюстрируется следующим примером. С помощью данных, собранных при изучении достаточно большого числа международных и национальных профсоюзов, можно проверить предположение о том, что чем больше статусная дифференциация между функционерами и остальными членами профсоюза, тем более вероятно, что такая организация будет иметь диктаторскую политическую структуру. Такое достаточно трудное исследование может быть усовершенствовано, если разработать примерные списки статусов, которые позволили бы обозревателю развивать подход к определению размера статусного дифференциала между членами и функционерами различных групп. Таким же образом могут быть проверены и гипотезы о соотношении рынка товаров и профсоюзных структур.

Можно использовать и другой метод, аналогичный клинической процедуре в биологических науках, когда прогнозы делаются на основе теоретического анализа. Например, можно предположить, как будет вести себя организация в будущих критических обстоятельствах, которые потребуют перемен. Оптимальная ситуация для такого исследования – кризис преемственности руководства – дает дополнительные преимущества для исследования, поскольку это

ситуация повторяющаяся. В рабочем движении известны буквально тысячи случаев преемственности, когда лидеры умирали или уходили в отставку. Изучение вариантов последствий преемственности позволило бы проверить гипотезы относительно факторов, которые стимулируют или подавляют внутренние конфликты в организациях.

Третий возможный метод решения методологически сложной проблемы — анализ *девиантных случаев* в рабочем движении, особенно в тех организациях, которые характеризуются высоким уровнем демократизации или активности рядовых членов либо и тем и другим вместе. Если известно, что такая модель поведения, как олигархия, является общей почти для всех крупных профсоюзов, то многократное изучение олигархических групп принесет мало новых догадок о сути тех возможных изменений, которые могут оказать влияние на внутренние политические структуры²³. Пол Лазарсфельд указывал, что «анализ девиантного случая скорее может и должен играть *положительную* роль в эмпирических исследованиях, чем быть просто процессом, “приводящим в порядок”, посредством которого исключения из эмпирического правила получают некоторое правдоподобие и таким образом отбрасываются». Существование девиантного случая (например, высокодемократическая политическая система Межнационального типографского союза) всегда подразумевает, что теоретическая структура — в данном случае теория, относящаяся к области «железного закона олигархии» Михельса, — является чрезмерным упрощением и дает основание предположить «необходимость введения дальнейших изменений в... предсказывающие схемы»²⁴.

436

²³ Прекрасное описание контроля за олигархией в британских профсоюзах см. в: Joseph Goldstein, *The Government of British Trade Unions* (London: Allen and Unwin, 1952). Это исследование, однако, мало что добавляет к классическому анализу Михельса, разве что приводит больше фактов по сравнению с ним.

²⁴ См.: Patricia Kendall and Katherine M. Wolf, «The Analysis of Deviant Cases in Communications Research», in Paul F. Lazarsfeld and Frank Stanton, eds., *Communications Research, 1948–1949* (New York: Harper & Bros., 1949), p. 153–154. Подход к МТС как к девиантному случаю был центральным в уже цитировавшемся исследовании «Union Democracy».

ЧАСТЬ V

**ЛИЧНЫЙ
ПОСТСКРИПТУМ**

ГЛАВА 13

КОНЕЦ ИДЕОЛОГИИ?¹

439

Отправное положение всей этой книги состоит в том, что демократия не только и даже не столько средство, позволяющее различным группам добиваться своих целей или стремиться к совершенному обществу: она и есть совершенное общество в действии. Только взаимные уступки, достигаемые в процессе внутренней борьбы в свободном обществе, дают некоторую гарантию того, что произведенное обществом не будет сосредоточено в руках немногих власть имущих и люди смогут развиваться и воспитывать детей, не боясь преследования. Как мы видели, наряду с институтами, поддерживающими легитимность и консенсус, для демократии требуются институты, поддерживающие конфликты и разномыслие. Однако в последние годы демократия в западном мире претерпевает некоторые важные изменения, так как серьезные идейные разногласия между группами, представляющими разные ценности, резко пошли на убыль.

Результаты этой перемены, пожалуй, лучше всего проиллюстрирует описание того, что происходило на Всемирном конгрессе интеллектуалов «Будущее свободы», состоявшемся в Милане в сентябре 1955 г. В конференции² участвовали 150 писателей, журналистов, университетских профессоров, общественных деятелей и политиков из многих демократических стран; это были люди, занимающие далеко не одинаковые позиции, — от социалистов до правых консерваторов. В число делегатов от Великобритании, например, входили социалисты Хью

440

¹ Название главы я взял из превосходного доклада Эдварда Шилза на конференции «Будущее свободы», состоявшейся в Италии, в Милане, в сентябре 1955 г. стараниями «Конгресса за свободу культуры». См. его статью: Edward Shils, «The End of Ideology?», *Encounter*, 5 (November 1955), p. 52–58. Тонкий анализ сущности и причин упадка идеологии см. в: Herbert Tingsten, «Stability and Vitality in Swedish Democracy», *The Political Quarterly*, 2 (1955), p. 140–151; Otto Brunner, «Der Zeitalter der Ideologien», in *Neue Wege der Sozialgeschichte* (Göttingen: Van den Hoeck and Ruprecht, 1956), S. 194–219. Предсказание, что «век идеологии» подходит к концу, см. у Льюиса Фейера: Lewis S. Feuer, «Beyond Ideology», *Psychoanalysis and Ethics* (Springfield: Charles C. Thomas, 1955), p. 126–130. Многие из этих вопросов подробно обсуждаются Дэниелом Беллом: Daniel Bell, *The End of Ideology* (Glencoe: The Free Press, 1960) и Ральфом Дарендорфом: Ralf Darendorf, *Class and Class Conflict* (Stanford: Stanford University Press, 1959).

² Текст моего собственного доклада на этой конференции был опубликован под заглавием «The State of Democratic Politics», *Canadian Forum*, 35 (November 1955), p. 170–171. Интересно отметить сходство наблюдений в моем докладе и докладе Эдварда Шилза (*op. cit.*).

Гейтскелл и Ричард Кроссман и консерваторы Майкл Поланьи и Колин Кларк. Из США прибыли тогдашний заместитель председателя Союза за демократический социализм Сидни Хук, Артур Шлезингер-мл. от организации «Американцы за демократические действия» и архиконсервативный экономист Фридрих Хайек. Французская делегация включала левосоциалистического лидера Андре Филипа, Реймона Арона — в свое время активного участника голлистского движения, и консервативного философа Бертрана де Жувенеля. Столь же очевидные расхождения в политических взглядах существовали и между делегатами от Скандинавии, Германии, Италии и других стран.

Казалось бы, конференция, на которой было представлено так много значительных политических и духовных лидеров социалистов, либералов и консерваторов, не могла не возбудить острые политические дебаты. На самом деле ничего подобного не произошло. Жаркие споры возникали только в тех случаях, когда кто-то служил «суррогатным коммунистом», говоря нечто такое, что можно было расценить как слишком благоприятное для России.

В последний день конференции, длившейся неделю, произошло интересное событие. Профессор Хайек в заключительной речи подверг делегатов резкой критике, заявив, что они собираются похоронить свободу, вместо того чтобы спасти ее. Он единственный был возмущен общим настроением. Его беспокоило независимое от политических убеждений общее мнение всех делегатов, что традиционные вопросы, размежевавшие левых и правых, отступили на второй план, стали сравнительно несущественными. Действительно, все были согласны с тем, что усиление государственного контроля, отмечаемое

441 во многих странах, не приведет к ограничению демократической свободы. Социалисты больше не защищали социализм; их, так же как и консерваторов, волновала опасность всемогущего государства. Идеологические вопросы, разделяющие левых и правых, сводились теперь к несколько большим или несколько меньшим размерам государственной собственности и несколько большей или несколько меньшей степени государственного экономического планирования. Похоже, никто уже не видел большой разницы в том, какая политическая партия определяет внутреннюю политику отдельных наций. Хайек, искренне убежденный, что вмешательство государства является злом и, по существу, носит тоталитарный характер, оказался в меньшинстве вместе с небольшой группой тех, кто все еще принимал всерьез расхождения внутри демократического лагеря.

Лидер левых британских интеллектуалов Ричард Кроссман констатировал, что социализм ныне сознательно рассматривается боль-

шинством европейских социалистических лидеров как «утопический миф... часто далекий от реалий повседневной политики»³. Немного найдется социалистических партий, желающих продолжить национализацию промышленности. От этой цели в основном отказались социалистические партии промышленно более развитых стран, таких как государства Скандинавии, Великобритания и Германия. Принадлежащий к Лейбористской партии премьер-министр австралийского штата Квинсленд, отстаивая на партийном съезде 1950 г. сохранение в программе партии национализации как цели, недвусмысленно признал ее значение почти полностью ритуальным: «Я подчеркиваю, что есть серьезные результаты, так или иначе изменяющие нашу платформу и цели. Прежде всего, не стоит бросаться в атаку, если ее можно избежать, но, думаю, нам не надо увертываться и делать вид, будто мы не хотим обобществления промышленности. Это отдаленная цель лейбористского движения, точно так же как есть отдаленная цель и у христианского движения. Люди, принявшие христианство, боролись две тысячи лет и не достигли цели»⁴.

Разумное основание для того, чтобы сохранять отдаленные цели, даже те, которых не достигнуть и за две тысячи лет, удачно сформулировано Ричардом Кроссманом: «Демократическую партию очень редко можно убедить отказаться от одного из ее главных принципов и вообще невозможно заставить выбросить за ненадобностью ее главный миф. Консерваторы должны защищать свободное предпринимательство, даже когда в действительности они вводят государственное планирование. Лейбористское правительство должно защищать как истинный социализм политику, у которой с ним очень мало общего. Работа партийных лидеров нередко состоит в том, чтобы убеждать их сторонников, что все еще проводится традиционная политика, даже когда это явная неправда»⁵.

442

³ Richard Crossman, «On Political Neurosis», *Encounter*, 3 (May 1954), p. 66.

⁴ Цит. по: Т. С. Truman, *The Pressure Groups, Parties and Politics of the Australian Labor Movement* (unpublished M.A. thesis, Department of Political Science, University of Queensland, 1953), Chap. II, p. 82.

⁵ Richard Crossman, *op. cit.*, p. 67 (курсив мой. — М. Л.). Герберт Тингстен описывает ситуацию в Швеции: «Таким образом, во всех случаях были устранены крупные трудовые конфликты. В результате слова-символы и стереотипы изменились или вовсе исчезли. <...> Либерализм в прежнем смысле умер — и у консерваторов, и в либеральной партии... и ярлык «социализм», применяемый для какой-то особой цели или какой-то особой реформы, вряд ли обозначает что-либо иное помимо факта, что цель или реформа, о которых идет речь, признается привлекательной. Современные слова «социализм» или «либерализм» скоро станут просто почетными наименованиями, полезными в связи с выборами и политическими праздниками» (Tingsten, *op. cit.*, p. 145).

Тот факт, что различия между левыми и правыми в западных демократиях утратили глубину, не означает, что уже не осталось места для партийной полемики. Но, как сказал мне однажды издатель одной из ведущих шведских газет, «политика сейчас скучна. Ее исключительные заботы — следует ли платить рабочим металлургических предприятий на пять центов в час больше, следует ли повышать цену на молоко, нужно ли увеличить пенсии по старости». Вот важные вопросы, составляющие подлинную суть внутренней борьбы в стабильно демократических государствах, но вопросы эти едва ли способны воодушевить интеллектуалов или создать стимул для молодежи, которая ищет в политике способ выразить свои мечты.

Такая перемена в западной политической жизни отражает тот факт, что коренные политические проблемы промышленной революции уже решены: рабочие добились гражданства в промышленной и политической сферах; консерваторы приняли государство всеобщего благоденствия; а левые демократы признали, что возрастание всеобъемлющей государственной власти влечет за собой больше опасностей для свободы, чем решений экономических проблем. Эта истинная победа демократической социальной революции на Западе закрывает путь во внутреннюю политику тем интеллектуалам, которые нуждаются в идеологии или утопии, чтобы иметь мотивацию к политической деятельности.

В западной демократии истощение источников серьезных политических разногласий даже побудило некоторых поставить вопрос о том, продолжатся ли столь необходимые для демократии конфликты. Социолог из Гарвардского университета Баррингтон Мур-мл. выражает опасение: «...сокращая экономическое неравенство и привилегии, мы можем тем самым уничтожить источники контрастов и недовольства, придающих силу собственно политическим альтернативам. Сегодня в США трудно найти какую-то часть населения (за исключением негров), проявляющую материальную заинтересованность в свободе. <...> Думаю, утверждение, что свобода, для того чтобы возрасти и крепнуть, требует существования угнетенной группы, не просто диалектические словеса. Быть может, это трагедия свободы, равно как и ее слава. Когда идеал достигнут или хотя бы близок к воплощению в жизнь, движущая сила недовольства исчезает и общество на время успокаивается, апатично принимая все как есть. Нечто подобное, очевидно, происходит и с США»⁶. А Дэвид Рисмен высказывает мысль, что «вследствие общего роста богатства

⁶ Barrington Moore, Jr., *Political Power and Social Theory* (Cambridge: Harvard University Press, 1958), p. 183.

и сопутствующего этому сглаживания различий трудно сохранять мэдисоновские [экономические] основы политического многообразия* и рекрутировать политиков, выражающих интересы остаточных угнетенных слоев общества»⁷. Тезис о том, что конфликт сторонников разных партий, базирующийся на классовых различиях и расхождениях между левыми и правыми, подходит к концу, основывается на посылке, что «экономическая классовая система исчезает... перераспределение богатства и доходов... положило конец политической значимости экономического неравенства»⁸.

Однако не путают ли эти интеллектуалы упадок идеологии во внутренней политике западного общества с окончанием классового конфликта, поддерживавшего демократические разногласия? Как показывают многочисленные данные о типах голосования в США и других странах, избиратели в целом не усматривают конца внутренней классовой борьбы, рисуящегося воображению многих интеллектуалов. Опросы американского населения, систематически проводившиеся в период с 1930-х по 1950-е годы, свидетельствуют: большинство людей считают, что республиканцы стараются сделать больше для богатых и для предпринимателей и работников умственного труда, а демократы — для бедных и для квалифицированных и неквалифицированных рабочих⁹. Аналогичные сведения были получены и в Великобритании.

Эти мнения не просто выражают аргументы поддерживающих ту или иную партию. Ведь сторонники и левых и правых согласны в отношении тех классов, которые в основном представляет каждая партия, — что означает не признание острой классовой борьбы, а скорее согласие относительно представительских функций политических партий, подобное общему согласию в том, что профсоюзы представляют рабочих, а Торговая палата — предпринимателей. Продолжающийся классовый раскол общества не влечет за собой каких-либо деструктивных следствий для системы; как я отмечал в одной

* Джеймс Мэдисон (1751–1836), 4-й президент США (1809–1817), — один из авторов проекта Конституции 1787 г. Согласно концепции Мэдисона, общество состоит из классов и групп с различными, часто вступающими в конфликт интересами и главная цель законодательства — регулирование этих разнородных и противоречивых интересов. — *Прим. nefes.*

⁷ David Riesman, «Introduction» to *Stimson Bullitt. To Be a Politician* (New York: Doubleday & Co., Inc., 1959), p. 20.

⁸ S. Bullitt, *ibid.*, p. 177.

⁹ См.: Harold Orlans, *Opinion Polls on National Leaders* (Philadelphia: Institute for Research in Human Relations, 1953), p. 70–73. В этой монографии содержится подробный отчет о результатах многочисленных опросов, проведенных различными американскими организациями, осуществляющими анкетирование, в 1935–1953 гг.

из предыдущих глав, стабильная демократия требует консенсуса относительно сущности политической борьбы, а это включает предположение, что разным группам лучше служат разные партии.

Предсказания конца классовой политики в «обществе изобилия» не учитывают относительного характера всякой классовой системы. Уменьшение числа объективно малоимущих — тех, кто получает низкие доходы, испытывает неуверенность, недоедает, — как мы видели, снижает степень потенциальной напряженности в обществе. Но пока у некоторых больший престиж, чем у других, или более высокое положение в статусной структуре общества, люди будут чувствовать себя *относительно* малоимущими. США — богатейшая страна мира; к жизненному уровню ее рабочего класса стремится большая часть среднего класса остальных стран; тем не менее подробный отчет о результатах различных опросов общественного мнения в Америке констатирует: «Доминирующее мнение, выявленное опросами в довоенное время, в период войны и в послевоенные годы, — что заработная плата руководителей корпораций слишком высока и правительство должно ее понизить». Это суждение, преобладающее даже среди людей, добившихся успеха, находит все большую поддержку по мере того, как мы спускаемся вниз по экономической лестнице¹⁰.

Демократическая классовая борьба продолжится, но уже без идеологии, без красных флагов, без первомайских демонстраций. Это, естественно, огорчает многих интеллектуалов, которые могут участвовать в ней только в качестве идеологов или главных критиков статус-кво. Британский социалистический еженедельник «The New Statesman» в 1958—1959 гг. опубликовал серию заметок под общим заглавием «Должны ли мы помочь г-ну Гейтскеллу?» («Shall We Help Mr. Gaitskell?»). Как видно из названия, эти заметки писали различные британские интеллектуалы, обеспокоенные тем, что Лейбористская партия перестала быть идеологически радикальной, а превратилась просто в организацию, отстаивающую интересы рабочих и тред-юнионов.

Упадок политической идеологии в Америке затронул многих интеллектуалов, которые, как я отмечал в главе 10, должны функционировать как критики общества, чтобы оправдать свое представление о себе самих. А поскольку внутренняя политика, даже либеральная и социалистическая, больше не может служить объектом для серьезной критики слева, основной интерес многих интеллектуалов пере-

¹⁰ *Ibid.*, p. 149. Исключение составляют лишь самые бедные: они выказывают несколько меньшую нетерпимость к высокой оплате труда руководящего звена, чем те, кто располагается непосредственно над ними.

ключился с политической и экономической систем на критику других частей базовой культуры американского общества, в особенности тех ее элементов, политический подход к которым невозможен. Эти интеллектуалы указывают на заметный рост озабоченности статусом («жить не хуже людей»), на соответственный рост влияния рекламы и СМИ как властителей массового вкуса, на очевидность того, что американцы стали отличаться чрезмерным конформизмом — другая сторона стремления жить не хуже людей. Таким образом, те критические работы, посвященные американскому обществу последних десятилетий, которые оказались в центре внимания, носят скорее социологический, чем политический, характер. Это такие книги, как «Одинокая толпа» («The Lonely Crowd») Дэвида Рисмена, «Человек организации» («The Organization Man») Уильяма Уайта, «Американская цивилизация» («America as a Civilization») Макса Лернера и «В погоне за статусом» («The Status Seekers») Вэнса Паккарда.

Однако многие непривлекательные аспекты американского общества, ныне рассматриваемые как следствия общества изобилия и его бюрократизированности, возможно, являются рекуррентными элементами, неизбежными в эгалитарном и демократическом обществе. Эти аспекты и американской, и социалистической идеологии, всегда с наибольшей полнотой выраженные в США, делают заботу о статусе и конформизм постоянными чертами общества.

Образцы статусных различий, описанные у Ллойда Уорнера, Вэнса Паккарда и других, существовали на протяжении всей истории Америки, как ясно показывают отзывы различных иностранных путешественников XIX века. Приезжие в целом считали, что американцы *более* чувствительны к статусу, нежели европейцы, что нуворишу легче быть принятым в Англии, чем в Америке. Большой снобизм в этой стране они объясняли тем, что самый дух демократии и эгалитаризма в Америке, недостаточно четко определенная структура уважаемой части общества, отсутствие социального ранжирования побуждают состоятельных американцев придавать большее значение статусному уровню и статусной символике по сравнению с европейцами. «Может показаться парадоксом, что в Англии для миллионера открывается лучшее и более легкое общественное поприще, чем в Америке... В Америке, если у него дурной характер, если он низок, откровенно аморален, вульгарен или бесчестен, высшее общество может закрыть перед ним двери. В Англии крупное состояние, употребляемое с толком, быстрее заставит эти двери открыться. Потому что в Англии, обладая крупным состоянием, можно с помощью правильно подобранных рычагов практически

447 купить ранг у тех, кто их раздает. <...> Существование системы приобретаемых рангов в Европе позволяет поставить пробу на неблагородном металле, чего нельзя сделать в полностью республиканском государстве»¹¹.

Особый интерес к семейной биографии (каким поколениемжиты деньги?), который, как показали многие наблюдатели — от Гарриет Мартино (писательницы, ставшей одним из самых тонких знатоков американской жизни в 1820-х годах) до современного американского социолога Ллойда Уорнера, — характерен для значительной части американского общества, может быть реакцией людей на чувство неуверенности в своем социальном положении, порождаемое в обществе, чьи базовые ценности исключают приращенное право кого бы то ни было претендовать на более высокий статус, чем у окружающих. Социолог Говард Броц, сравнивая статусную систему Британии и США, заметил: «В демократическом государстве снобизм может быть гораздо более порочным, чем в аристократическом. Не имея того естественного подтверждения превосходства, которое дает только политическая власть, богатый, и в особенности недавно разбогатевший, ощущает угрозу уже просто при контакте с нижестоящими. Эта тенденция, пожалуй, достигла апогея в конце XIX века в Такседо-Парк, поселке для избранных, где проживают богатые нью-йоркские бизнесмены, которые, не довольствуясь железной оградой, поставили в воротах сторожа, чтобы не впускать чужих. Для английского лорда, живущего в деревне не в окружении других пэров, а среди своих арендаторов, нет ничего более странного. Его положение таково, что он чувствует себя непринужденно в присутствии членов низших классов и объединяется с ними на отдыхе. К примеру, фермеры [т.е. арендаторы] участвуют в охоте с собаками. Именно это “демократичное” отношение в первую очередь способствует открытости к социальным связям с евреями. Человек не может быть, так сказать, деклассирован развлечениями»¹².

448 Проблема конформности, столь волнующая сегодня многих американцев, отмечалась, как важнейший аспект американской культу-

¹¹ James Bryce, *The American Commonwealth*, Vol. II (New York: Macmillan, 1910), p. 815. Ср.: D. W. Brogan, *U.S.A.* (London: Oxford University Press, 1941), p. 116 ff. См.: Robert W. Smuts, *European Impressions of the American Worker* (New York: King's Crown Press, 1953), где подытожены суждения многих людей, посетивших США в 1900-х и в 1950-х годах и рассказывавших, что «общественная и экономическая демократия в Америке не смягчила соперничество в борьбе за социальный статус, а, наоборот, усилила его» (p. 13).

¹² Howard Broth, «The Position of the Jews in English Society», *The Jewish Journal of Sociology*, 1 (1959), p. 97.

ры, от Токвиля в 1830-х годах до Рисмена в 1950-х. Аналитики неоднократно подчеркивали, до какой степени американцы (в сравнении с другими народами) чувствительны к суждениям других. Неуверенные в собственном статусе, они озабочены «общественным мнением» так, как нет нужды быть озабоченными элитам в более аристократическом и статусно несвободном обществе. Еще в XIX веке иностранные наблюдатели поразились свойственной американцам «ориентированностью другими»* и объясняли ее характером классовой системы. Этот образ американцев как «ориентированных другими» можно найти, отмечает Рисмен, в сочинениях «Токвиля и других удивленных любознательных гостей из Европы»¹³. Созданный Гарриет Мартино портрет американца 1830-х годов почти совпадает с описанием современного «ориентированного другими» человека у Рисмена: «Путешествуя по свету, американцы могут не найти второго такого общества, как их собственное, — скованного постоянной настороженностью и оглядкой на мнения других. Они могут объехать весь свет и не найти второй такой страны, как у них, — где даже дети опасаются ввязываться в драки и толкуют о том, какое впечатление производят на людей поступки; где молодежь молчаливо решает, какие мнения надо высказывать при всех, а в каких признаваться только в семейном кругу; где женщины почти повсеместно пишут скупые письма, ибо принято считать, что рискованно доверяться бумаге; где пожилые люди, кажется, почти повсеместно лишены той веры в принципы, которая побуждает свободно выражать их когда угодно и где угодно»¹⁴.

449

Можно утверждать, что в открытом демократическом обществе, где у людей есть стимул бороться за продвижение вверх, но нет формальных критериев, позволяющих убедиться в осуществлении желаемого, и успех в достижении статуса обусловлен хорошим мнением других, особого рода осмотрительность и напряженное внимание к мнению других людей, описанные Мартино, вполне естественны. Как и Рисмен в наши дни, она отмечает, что этот «ориентированный другими» тип чаще всего встречается в городах, у среднего и высшего классов, члены которых живут в «постоянной настороженности». Нигде нет «такой снедающей сердце заботы [о суждени-

* «Other-directedness» — термин Д. Рисмена, выделившего несколько типов личности: «традиционно ориентированный», «изнутри-ориентированный», «извне-ориентированный» (на русский язык передается и как «ориентированный другими»), а также «автономная личность». — *Прим. перев.*

¹³ David Riesman et al., *The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character* (New Haven: Yale University Press, 1950), p. 19–20.

¹⁴ Harriet Martineau, *Society in America*, Vol. II (New York: Saunders and Otley, 1837), p. 158–159.

ях других], такой болезненной тревоги, как среди обитателей городов северных штатов Америки»¹⁵. Макс Вебер, побывавший в США в начале 1900-х годов, тоже отметил высокую степень «подчинения моде в Америке, неизвестную в Германии», истолковав это как естественный атрибут демократического общества без наследуемого классового статуса¹⁶.

Общество, которое придает огромное значение достижениям, которое отрицает статус, основанный на происхождении и даже на личных достижениях в отдаленном прошлом, с необходимостью должно быть обществом, где люди чутко улавливают отношение к ним других, где (если воспользоваться аналогией Рисмена), чтобы удерживать свое социальное равновесие, применяют радиолокатор. И поскольку наш образ мышления становится более эгалитарным, поскольку низшие слои добиваются гражданства, поскольку все больше людей могут участвовать в погоне за статусом, постольку мы, как и другие народы, становимся более озабоченными мнениями других и, следовательно, более демократичными и в большей мере «американцами» в токвилевском смысле.

450 Политика демократии — это обязательно в какой-то степени и политика конформизма для элиты общества. Коль скоро массы получают доступ в элиту, коль скоро людям, принадлежащим к элите, приходится в своих действиях учитывать реакцию масс, свобода элиты (будь то политической или творческой) ограничивается. Как отмечал Токвиль, «главное, в чем можно упрекнуть демократические республики, — это то, что в них получает широкое распространение придворный дух», который «проникает во все классы общества». «Думаю, — писал он, — что незначительное число крупных деятелей на политической арене современных США объясняется прежде всего постоянно растущим деспотизмом большинства»¹⁷.

¹⁵ *Ibid.*, p. 160–161.

¹⁶ Max Weber, *Essays in Sociology* (New York: Oxford University Press, 1946), p. 188.

¹⁷ Alexis de Tocqueville, *Democracy in America*, Vol. I (New York: Vintage Books, 1954), p. 276, 277. [См.: А. де Токвиль. Демократия в Америке. С. 201.] На это же, без сомнения, обратил внимание Платон 2500 лет назад. Он утверждал, что в демократическом государстве отец «привыкает уподобляться ребенку и страшиться своих сыновей, а сын — вести себя наподобие отца; там не станут почитать и бояться родителей (все под предлогом свободы!). <...> Учитель боится школьников и заискивает перед ними... Старшие, приспосабливаясь к молодым и подражая им, то и дело острят и балагурят. <...> Если собрать все это вместе, самым главным будет, как ты понимаешь, то, что душа граждан делается крайне чувствительной, даже по мелочам» (*The Republic of Plato*, ed. Ernest Rhys, London: J. M. Dent and Co., 1935), p. 200–226). [Платон. Государство, VIII, 562e–563d // Платон. Собр. соч. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 351. Пер. А. Н. Егунова.]

То же самое подчеркивалось в главе 10 при обсуждении негативных следствий массовой культуры. Возросшая доступность культурного рынка для массы населения неизбежно оборачивается ограниченностью культурного вкуса по сравнению с тем временем, когда культура в стране была доступна лишь обеспеченным и хорошо образованным.

Нынешние дебаты об образовании отражают ту же дилемму. Многие из тех, кто верит в демократию и эгалитаризм, хотели бы сохранить и некоторые атрибуты элитаристского общества. В Англии, где единая «общеобразовательная» школа рассматривается как прогрессивная реформа, аргумент в ее пользу базируется на такой посылке: благосостоянию общества лучше всего служит то, что является наилучшим для наибольшего числа. Этот аргумент был использован в нашей стране, когда либеральные педагоги-теоретики убеждали всех, что особое обращение с одаренным ребенком служит упрочению неравенства, поощряя детей из лучших семей и лучшей классовой среды в ущерб детям из более бедных социальных слоев. В современной Британии педагоги настойчиво утверждают, что отдельные школы для более способных детей (так называемые классические школы) — источник психологического наказания для менее одаренных. Многие из нас забыли, что либералы в нашей стране не так давно разделяли подобные мнения и, например, мэр Нью-Йорка Фьорелло Лагуардиа закрыл Таунсенд Харрис Хай Скул — специальную школу для одаренных мальчиков, в которой школьную программу четырех лет проходили за три года, — на том основании, что само существование такой школы антидемократично, поскольку она дает особые привилегии меньшинству.

Я всего лишь хочу сказать, что нельзя совместить несовместимое. Невозможно соединить преимущества аристократического и демократического общества; невозможно обособить элитные школы в обществе, исповедующем равенство; не может быть культурной элиты, создающей свою продукцию без учета массового вкуса, в обществе, признающем суждения народа. Кроме того, не может быть низкого процента разводов и твердо установленной дифференциации половых ролей, и нельзя ожидать спокойных подростков в культуре, которая не предлагает заранее определенного пути взросления.

Я вовсе не говорю, что демократическое общество бессильно что-либо предпринять для ослабления конформизма или для возрастания творческой активности. Имеется немало фактов, указывающих на то, что высшее образование, большая материальная обеспеченность и более высокие стандарты жизни повышают уровень

культуры и укрепляют демократическую свободу. Рынок хороших книг, хорошей живописи и хорошей музыки в настоящий момент американской истории находится на высоте¹⁸. Факты свидетельствуют о том, что толерантность к этническим меньшинствам также стала большей, чем в прошлом. Сейчас в Америке хорошее образование получает больше людей, чем когда-либо прежде, и, несмотря на многие слабые места системы образования, чем более человек образован, тем удовлетворительнее его ценности и его структура потребления с точки зрения либерально настроенного и озабоченного состоянием культуры интеллектуала.

452

Есть еще одно соображение о предполагаемом возрастании конформизма и упадке идеологии, высказанное различными аналитиками, которые вполне оправданно опасаются неизбежных конформистских аспектов популистской демократии. Они утверждают, что рост крупных бюрократических организаций – эндемический аспект современного индустриального общества, будь то капиталистического или социалистического, – сужает сферу личной свободы, так как «человек организации», чтобы достичь успеха, должен подчиняться правилам. Это соображение иногда связывают с ослаблением политического конфликта, полагая, что, когда менеджер и специалист берут на себя управление обществом, а не только бизнесом, политика превращается в администрирование. От «Революции менеджеров» («*Managerial Revolution*») Джеймса Бернхейма до новых формулировок этого тезиса Питером Друкером и другими тенденция эта иногда приветствовалась, но в последние годы она чаще вызывает сожаление.

Однако рост крупных организаций в действительности может иметь более важные следствия – в виде новых источников ненарушаемой свободы и большей возможности инноваций. Бюрократизация означает (помимо всего прочего) сокращение дискреционных полномочий лиц, облеченных властью. Устанавливая нормы честного и справедливого отношения к людям и сужая неограниченную власть лидеров многих небюрократических организаций, бюрократия может означать не большую, а меньшую необходимость соотноситься с вышестоящими. Думаю, мало у кого есть сомнения, что, несмотря на введение проверок на благонадежность, человек сегодня с гораздо меньшей вероятностью будет уволен с работы за

¹⁸ См.: Daniel Bell, «The Theory of Mass Society», *Commentary*, 22 (1956), p. 82; Clyde Kluckhohn, «Shifts in American Values», *World Politics*, 11 (1959), p. 250–261. Здесь приводятся факты, говорящие не об упадке, а скорее о возрастании «подлинной индивидуальности в США».

свои взгляды и поведение, чем пятьдесят или даже двадцать пять лет назад. Всякий, кто сравнит положение рабочего или руководящего работника в семейной корпорации вроде «Форд мотор компани», когда бразды правления держал ее основатель, с положением людей приблизительно такого же ранга в «Дженерал моторс» или в сегодняшней «Форд мотор компани», вряд ли станет утверждать, что бюрократизация означала большее давление, заставляющее принимать все как должное на каком бы то ни было уровне производства. Профсоюзы в точности отражают желания своих членов, когда движутся в направлении большей бюрократизации, добиваясь, например, установления правил старшинства при приеме на работу, увольнении и продвижении по службе или заключения неизменяемых трехгодичных договоров с подробными пунктами о порядке рассмотрения жалоб. В условиях крупной организации возрастает сплоченность профсоюзов как работников физического труда, так и белых воротничков; это способствует освобождению рабочего или служащего от подчинения сравнительно неконтролируемой власти. Те, кто опасается подчинения работников власти профсоюзных организаций, по большей части игнорируют альтернативу, а именно дискреционную власть администрации предприятия. По многим показателям наемный работник крупной корпорации, который является объектом трудовых споров между двумя гигантскими организациями — компанией и профсоюзом, имеет гораздо более высокую степень свободы, чем тот, кто не работает в крупной организации.

Хотя разного рода давление, толкающее к конформизму, в демократическом и бюрократизированном обществе служит для западных интеллектуалов вполне понятным источником серьезной озабоченности, мое толкование исторических фактов говорит о том, что эта проблема сегодня не так остра и не носит столь угрожающего характера, как в прошлом, если мы ограничим свой анализ внутренними угрозами системе. Есть основание надеяться, что стабильные демократические институты, при которых политическая свобода личности велика и даже продолжает возрастать (как, например, в Британии или Швеции), по-прежнему будут отличать зрелые индустриальные западные общества.

Дискуссии относительно творческой активности в культуре и конформизма отражают общую тенденцию, обсуждаемую в начале главы, — сдвиг от идеологии к социологии. Само развитие социологии как некоей неакадемической интеллектуальной силы во многих западных государствах обязано в первую очередь не глубине социологического анализа, а потере интереса к политическому исследова-

нию. Поэтому может показаться странным, что социолог под конец выражает озабоченность такой тенденцией. Но, я полагаю, еще есть реальная необходимость в политическом анализе, идеологии и разногласиях если не внутри западных демократий, то внутри мирового сообщества. В более широком смысле внутренние разногласия в развитых демократических странах теперь сравнимы с борьбой внутри американских партий на первичных выборах. Как и во всяком состязании, при выдвижении кандидатов борются за то, чтобы определить, кто возглавит партию, в данном случае демократический лагерь, в широкомасштабном политическом сражении — во всем мире, вместе с его голосующими маргиналами, слабо развитыми государствами. Интеллектуалы должны перенести свои политические интересы с особого рода местных выборов — выборов, определяющих, кто будет руководить национальным правительством, — на это более широкое состязание.

454

Эта более широкая борьба делает политику в различных слабо развитых странах гораздо более сложной, чем внутри западных демократий. В таких странах по-прежнему есть необходимость в острых политических спорах и в идеологии. Проблемы индустриализации, места религии в обществе, характера политических институтов еще не решены, и аргументы, выдвигаемые при их обсуждении, оказались тесно связанными с борьбой международного масштаба. Прошлые политические отношения между бывшими колониями и Западом, между цветными и белыми народами еще больше усложняют задачу. Нельзя не признать, что наши союзники в слабо развитых странах должны быть радикалами, возможно социалистами, потому что только партии, которые обещают улучшить положение масс путем широких реформ и которые проводят переоценку ценностей и придерживаются эгалитаризма, могут надеяться на то, чтобы соперничать с коммунистами. Социалистические движения Азии и Африки, даже там, где они привержены политической демократии (а, к сожалению, не все они таковы и не все могут быть таковыми, даже если стремятся к этому), часто должны выражать враждебность по отношению ко многим экономическим, политическим и религиозным институтам Запада.

Там, где у власти радикалы, — в Индии, Гане, Цейлоне, Бирме и других странах — они должны взять на себя ответственность за экономическое развитие страны и, следовательно, выдержать всю тяжесть возмущения, вызванного индустриализацией, быстрой урбанизацией, низкокачественным жилищным строительством и крайней бедностью. Демократическому левому лидеру нужно найти для

этих зол козла отпущения: свои капиталисты, иностранные инвесторы или происки ушедших империалистов. В противном случае он утратит влияние на массы, нуждающиеся в подспудной надежде на революционное хилиастическое учение — надежде, которую коммунисты готовы поддержать. Таким образом, социалист у власти в слаборазвитой стране должен по-прежнему возглавлять революционную борьбу против капитализма, против западных империалистов и, в возрастающей степени, против христианства как наиболее влиятельного института, оставшегося от иноземной власти. Если он принимает аргументы западных социалистов относительно того, что Запад изменился, что полный социализм опасен, что марксизм — устаревшая доктрина, он становится в своем обществе консерватором, но в такой роли ему не сохранить доверие народа.

Левый интеллектуал, профсоюзный лидер и политик-социалист на Западе должны сыграть важную роль в этой политической борьбе. Все еще представляя в своих странах традицию социализма и эгалитаризма, они имеют возможность найти аудиторию среди некоммунистических левых лидеров в тех государствах, где социализм и тред-юнионизм не могут быть консервативными и даже градуалистскими. Требовать, чтобы такие лидеры приспособляли свою политику к западным понятиям об ответственном поведении, — значит забывать, что многие западные профсоюзы, социалистические партии и отдельные интеллектуалы на ранних стадиях своего развития равным образом проявляли «безответственность и демагогию». Сегодня, когда западные лидеры признают как факт, что серьезные идеологические споры в их странах закончились, им предстоит общаться и работать с революционерами-некоммунистами на Востоке и в Африке.

Желание выявить в этой книге условия демократического строя отражает мое, возможно слишком рационалистическое, убеждение в том, что более полное понимание различных условий, при которых существовала демократия, может помочь людям сформировать ее там, где ее сейчас не существует. Хотя мы заключили, что основополагающая догадка Аристотеля о связи демократии с преобладанием в классовой структуре общества «средних» граждан (обсуждаемая в начале главы 2) до сих пор остается в силе, это не внушает политического оптимизма, поскольку отсюда следует, что политическая деятельность должна быть направлена в первую очередь на обеспечение экономического развития. Однако не надо впадать в неоправданный пессимизм. Демократия существовала в самых разных обстоятельствах, даже если она, как правило, поддерживалась ограниченной

456 совокупностью условий. Конечно, ее нельзя достичь только актами воли, но воля многих людей, претворенная в действие, способна создавать такие институты и вызывать такие события, которые сокращают либо увеличивают шансы на формирование и сохранение демократии. Идеология и энтузиазм, может быть, уже не нужны, чтобы поддерживать классовую борьбу в стабильных и богатых демократических государствах, но, без сомнения, необходимы в международном стремлении сформировать свободные политические и экономические институты в остальной части мира. Заканчивается лишь идеологическая классовая борьба на Западе. Идеологические конфликты, связанные с уровнями экономического развития и проблемами экономики и соответствующих политических институтов у различных наций, будут продолжаться после нас еще долгое время, и люди, приверженные демократии, могут игнорировать их только на свой страх и риск. Изучая функционирование американского общества в 1830 г., Токвиль в определенной мере ставил целью помочь усилиям приблизить демократию в тогдашней абсолютистской Европе. Прояснение того, как функционирует западная демократия в середине XX в., может содействовать политической борьбе в Азии и Африке.

ГЛАВА 14

УТОЧНЕНИЕ ПОЗИЦИЙ И НОВЫЕ ВЫВОДЫ

459

В «Политическом человеке» ядром аналитической структуры является аристотелевский подход, возрожденный в XVI в. Макиавелли и видоизмененный — для изучения индустриального общества — посредством аполитического марксистского анализа. В последних словах я имею в виду принятие некоторых марксистских теоретических и методологических предположений без признания Марксова вывода о том, что следствием капитализма неизбежно и преимущественно является социализм. Как заметил 60 лет назад Роберт Михельс — когда анализ привел его к убеждению, что классовые конфликты, свойственные капитализму, необязательно должны приводить к возникновению социалистического общества, — его методология «не противоречит существенному содержанию марксизма, если его рассматривать не как... догму, а как философию истории»¹.

В своей рецензии на «Политического человека» Толкотт Парсонс отметил, что «точкой отсчета» здесь является «недогматическая марксистская система референции», а центральную тему книги он определил как «отношение социальной стратификации к политической структуре и к политическому процессу, к распределению власти и условиям ее использования»². В другой статье, написанной вскоре после этой рецензии, Парсонс находил «замечательным тот факт, что *главные* направления в рассматриваемой области имеют в последние годы всевозрастающую тенденцию к поляризации между недогматической и неполитической “марксистской” позицией и позицией, которая в самом широком смысле может быть названа той или иной версией теории действия» — последняя является его собственным подходом³.

460

¹ Robert Michels, *Political Parties* (New York: Free Press, 1962), p. 354.

² Talcott Parsons, «Social Structure and Political Orientation», *World Politics* 13 (October 1960): 113–114.

³ Talcott Parsons, «The Point of View of the Author», in Max Black, ed., *The Social Theories of Talcott Parsons* (Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1961), p. 362.

Экономический и классовый анализ

Аристотель, Макиавелли и Маркс одинаково полагали, что изменения и внутренние конфликты в политических системах надо анализировать с точки зрения социально-классовой структуры самих систем. Мыслители различались в том, что касается нормативных оснований. Хотя каждый из них подчеркивал ценность демократии, все они — поскольку находились в весьма различающихся социальных условиях — придерживались разных концепций свободного общества и сосредоточивались на разных его сторонах. Аристотель и Макиавелли больше занимались политическими формами, тогда как Маркс придавал особое значение контролю над производственными отношениями. Однако различие ценностного подхода не умаляло эмпирической обоснованности выдвигавшихся ими предложений.

Из анализа социальных требований в отношении демократии, проведенного в главе 2, следует, что устойчивые демократии скорее возникают в наиболее развитых и богатых государствах и что условием для институционализации демократической политики взаимных уступок является изобилие. Как видно из высказываний Аристотеля, приведенных в начале данной книги, философ утверждал, что наилучший государственный строй возникает там, где «средние представлены в большем количестве... <и необходимо,> чтобы граждане обладали собственностью средней, но достаточной; а в тех случаях, когда одни владеют слишком многим, а другие же ничего не имеют, возникает тирания. <...> Демократии в свою очередь пользуются большей в сравнении с олигархиями безопасностью; существование их более долговечно благодаря наличию в них средних граждан (их больше, и они более причастны к почетным правам в демократиях, нежели в олигархиях). Но когда за отсутствием средних граждан неимущие подавляют своей многочисленностью, государство оказывается в злополучном состоянии и быстро идет к гибели»*.

Аристотель также подчеркивал, что виды государственного строя в различных обществах различаются потому, что «каждое государство состоит из многих элементов... и среди многочисленных граждан некоторые должны быть богатыми, некоторые бедными, а некоторые находиться посередине между теми и другими... Помимо отличий, обусловленных богатством, существуют также отличия

* Политика 1295 b 26 – 1296 a18; пер. С. А. Жебелева. – *Прим. перев.*

по происхождению и по добродетели»*. А система правления — «это организация исполнения функций... распределенных... соответственно власти, которой обладают разные классы»**.

Будучи автором IV в. до н.э., он замечал: «Что касается настроения людей, подготовляющих государственный переворот, то причиной должно вообще считать по преимуществу ту, о которой нам уже приходилось упоминать. А именно: одни... стремятся к равноправию, основываясь на том, что они, по их мнению, обделены правами, хотя равны с теми, кто их имеет в изобилии; другие, напротив, стремятся к неравенству и превосходству... когда, по их убеждению, они, будучи неравны с остальными, не пользуются сравнительно с ними какими-либо преимуществами, но имеют равное с ними или даже меньше»***.

Анализируя в своих «Рассуждениях»**** разные виды государственного строя, Макиавелли тоже указывал на «преимущества народного правления» над автократией⁴. Описывая условия, способствующие демократическому правлению, он подчеркивал, что здесь важно учитывать классовую структуру: чем более эгалитарным является общество, тем больше возможностей для его свободного государственного устройства. И делал вывод: «Итак, пусть основывают республику, где господствует или может быть установлено полнейшее равенство; а где существует полнейшее неравенство, там, наоборот, монархию. Иначе государство будет лишено внутренней гармонии и окажется недолговечным»⁵.

Карл Маркс, дитя Просвещения и очевидец последствий социальной напряженности, сопровождающей индустриализацию и рост в XIX веке нового класса, пролетариата, также подчеркивает, что на форму правления влияет различие классовых структур. Переворот в технологии ведет к изменению профессиональной структуры общества, и в результате социальная среда, связанная с профессиями, создает различные классовые культуры.

В Марксовой теории социальных изменений центральное место занимает концепция исторического материализма. Согласно этой

* См.: Политика 1289 б 26 — 1290 а 1; 1295 б 1—3 и др. — *Прим. перев.*

** См.: Политика 1282 а 13, 1278 б 8, 1290 а 7 и др. — *Прим. перев.*

*** Политика 1302 а 22—28. — *Прим. перев.*

**** Имеются в виду «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия», 1513 г., опубл. в 1531 г. — *Прим. перев.*

⁴ *The Discourses of Niccolo Machiavelli*, trans. W. Stark (London: Routledge & Kegan Paul, 1950), p. 338—345.

⁵ *Ibid.*, p. 337. [Ср.: *Макиавелли. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М.: Мысль, 1996. С. 214.*]

концепции первичными — «базисом» — в обществе являются экономические и технологические силы, а политика и ценности суть функционально производная «надстройка». Исходя из этого постулата, Маркс полагал, что с ростом капиталистической индустриализации будет развиваться социалистическое движение, которое в конечном итоге приведет к пролетарской революции. Благодаря общему опыту экономической эксплуатации рабочие обретут классовое сознание и поймут, что им надо объединиться для того, чтобы свергнуть капитализм. Предположение о неизбежности социализма покоилось также на допущении, что в индустриальном обществе рабочие станут подавляющим большинством и это большинство, став классово сознательным, обязательно победит. Данный аргумент подкреплялся Марксовой теорией экономики, в которой утверждалось, что капитализм как экономическая система потерпит неудачу, поскольку ведет общество ко все более возрастающему уровню индустриализации.

Следуя этой логике, Маркс пришел к заключению, что самое развитое общество будет иметь самую развитую систему классовых и политических отношений. Как сказано в «Капитале», «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»⁶.

Если согласиться с логикой, подразумеваемой в аполитическом социологическом марксизме и в утверждении, что самая развитая страна показывает менее развитым образ их собственного будущего, то отсюда должно следовать, что социальные, политические и идеологические отношения, которые действительно возникли в наиболее индустриально развитом обществе, могут показать другим странам, как они будут развиваться.

В конце XIX и в начале XX в. это утверждение означало, что социализм как движение и тем более как социальная система вернее всего должен был возникнуть и прежде всего победить в самой развитой капиталистической стране, которой с конца XIX столетия были США.

Поэтому, несмотря на бросающуюся в глаза слабость социалистических партий в США, многие марксисты часто смотрели на Америку как на страну, которая должна показать другим путь к социализму. Они, как указывает Говард Квинт, «были убеждены, что из всех стран мира США в наибольшей степени созрели для социализма не только в свете марксистского закона об экономическом развитии, но и

⁶ Karl Marx, *Capital*, Vol. I (New York: International Publishers, 1933), p. 8–9. [К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 9.]

согласно прямо выраженному мнению Фридриха Энгельса»⁷. Карл Каутский, считавшийся ведущим теоретиком марксизма в Социал-демократической партии Германии, объявил в 1902 г., что «Америка — настолько, насколько одна страна может раскрыть это всем остальным, — показывает нам наше будущее». Он развивал этот взгляд в 1910 г., предсказывая, что в Америке произойдет «обострение классовых противоречий более сильное», чем где-либо еще. Британский марксист Х. М. Хайндман заметил в 1904 г., что «поскольку Северная Америка является сегодня экономически и социально самой развитой страной, она будет первой, в которой социализм получит свободное и законное выражение»⁸. Вернер Зомбарт подчеркивал эту мысль в своей классической книге об американском социализме, написанной в 1906 г.: «Современный социализм выступает как неизбежная реакция на капитализм; самая передовая с точки зрения капиталистического развития страна, а именно США, должна быть в то же время классическим примером социализма, а ее рабочий класс должен быть привержен самому радикальному из социалистических движений»⁹.

Максим Горький, который поддерживал большевиков с 1903 г., в 1906 г. высказывал убеждение, что «социализм должен быть осуществлен в США раньше, чем в какой-либо другой стране мира»¹⁰. Политический лидер немецких социал-демократов Август Бебель в 1907 г. в интервью американской социалистической газете «Appeal to Reason» определенно утверждал: «Вы, американцы, будете первыми, кто создаст социалистическую республику». Его уверенность — в то время, когда его партия была уже массовой и многие ее члены были избраны в рейхстаг, а Американская социалистическая партия добилась только около двух процентов голосов, — была основана на том факте, что США были «далеко впереди Германии в индустриальном развитии». В интервью 1912 г., когда расхождение в силе движений в двух странах было даже еще более значительным, он повторил это свое мнение, заявив, что Америка будет «первой страной, которая провозгласит кооперативное государство»¹¹. Фран-

464

⁷ Howard Quint, *The Forging of American Socialism: Origins of the Modern Movement* (Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1953), p. 380.

⁸ R. L. Moore, *European Socialists and the American Promised Land* (New York: Oxford University Press, 1970), p. 58, 77, 102.

⁹ Werner Sombart, *Why Is There No Socialism in the United States?* (White Plains, N. Y.: International Arts and Sciences Press, 1976), p. 15.

¹⁰ Jane Elizabeth Good, «Strangers in a Strange Land: Five Russian Radicals Visit the United States, 1890–1908» (Ph. D. dissertation, Department of History, American University, 1979), p. 231.

¹¹ Moore, *European Socialists*, p. 78–79.

цузский социалист Поль Лафарг, зять Маркса, пользуясь словами последнего, написал на форзаце своей книги об Америке, что «самая индустриально развитая страна показывает тем, кто следует за ней по индустриальной лестнице, образ их собственного будущего».

Американские марксисты — хотя, вероятно, они лучше, чем их европейские товарищи, знали о проблемах, с которыми сталкивалось их движение, — тоже признавали, что, согласно положениям исторического материализма, США должны занимать положение лидера. Поэтому на Амстердамском конгрессе 1904 г., где присутствовали представители гораздо более сильных европейских партий, лидер <американской> Социалистической рабочей партии Дэниел Де Леон (которого Ленин считал одним из творческих американских теоретиков марксизма) утверждал, что «если принять во внимание хотя бы некоторые основные принципы, нельзя не прийти к выводу, что Америка — это тот театр, на сцене которого меч социализма отсечет голову капитализму»¹². Короткое время спустя Де Леон заявил на собрании «Индустриальных рабочих мира» (ИРМ): «Если мое понимание истории верно, пророчество Маркса осуществится и Америка возвестит об окончательной гибели капитализма в мире»¹³.

Желание видеть подтверждение своих теоретических предчувствий заставляло марксистов делать воодушевляющие, но неизбежно преувеличенные заключения об окончательном пробуждении американских рабочих и о том, что массовое социалистическое движение идет по предначертанному ему пути. Тем не менее эти ожидания ни к чему не привели. Макс Бир, который за время своей 50-летней карьеры в международном социализме был членом австрийской, германской и британской партий, так описывал беспокойство и замешательство, вызванные слабостью социализма в Америке перед Первой мировой войной: «Позиция Американской партии труда, казалось, прямо противоречила положению марксистской теории о том, что концентрация капиталистического производства и сопровождающая его пролетаризация масс с необходимостью ведут к классовой борьбе и к формированию независимого рабочего движения, имеющего социалистические цели и результаты. <...> Был ли этот вывод ошибочным или действовали какие-то силы, которые сводили его на нет?»¹⁴

¹² Daniel De Leon, *Flashlights of the Amsterdam Congress* (New York: New York Labor News Co., 1904), p. 133.

¹³ James D. Young, «Daniel De Leon and Anglo-American Socialism», *Labor History* 17 (Summer 1976): 344.

¹⁴ Max Beer, *Fifty Years of International Socialism* (London: Allen & Unwin, 1935), p. 109–110.

Проблема, сформулированная Биром, существует до сих пор, хотя после 1917 г. и русской революции вопрос о том, какое значение слабость социализма в США имеет для марксистской теории, обсуждался мало. В сущности, современные марксисты предпочли просто игнорировать очевидные следствия исторического материализма. Единственным исключением был Лев Троцкий, который в 1939 г. в эссе о марксизме, написанном для американской аудитории, открыто поставил этот вопрос. Прочитывая положение Маркса о том, что самая развитая страна «только показывает менее развитым образ их собственного будущего», он далее писал: «Ни при каких условиях эту мысль нельзя воспринимать буквально». Марксисты же, как мы видели, и в самом деле до 1917 г. воспринимали ее буквально¹⁵.

С точки зрения аполитичного марксизма американскую политику отнюдь нельзя считать отсталой и в чем-то уступающей европейской; напротив, ее следует признать более передовой. Скорее другие страны, становясь индустриализованными и богатыми, должны начинать походить на США, нежели Америка — принимать форму менее промышленно развитых и более бедных стран.

Здесь не место углубляться в анализ того, почему в США нет социализма; этой темы я касаюсь в других работах¹⁶. Однако стоит отметить, что свидетельства и аргументы, представленные огромным числом ученых, наводят на мысль, что социалистическая классовая политика, как она развивалась в Европе, была продуктом не столько *капиталистических* социальных отношений, сколько доиндустриального, *феодалного*, общества, которое в явном виде структурировало отношения, в соответствии с установившимися, чуть ли не наследственными, общественными классами. Как следствие, формирующийся рабочий класс реагировал на политический мир в заданных рамках. Уолтер Бернхем удачно сформулировал в этой связи общий тезис: «Нет феодализма — нет социализма: этими четырьмя словами можно подвести итог базовым социокультурным реальностям, лежащим в основе американской электоральной политики в индустриальную эру»¹⁷.

¹⁵ Leon Trotsky, *The Living Thoughts of Karl Marx* (New York: Longmans, Green, 1939), p. 38–39.

¹⁶ Seymour Martin Lipset, «Radicalism in North America: A Comparative View of the Party Systems in Canada and the United States», *Transactions of the Royal Society of Canada*, series 4, 14 (1976): 19–55; Lipset, «Why No Socialism in the United States?» in Seweryn Bialer and Sophia Sluzar, eds., *Sources of Contemporary Radicalism* (Boulder, Colo.: Westview Press, 1977), p. 31–149, 346–363; Lipset, *Why No Socialism in the United States?* (New Brunswick, N. J.: Transaction Books, forthcoming).

¹⁷ Walter Dean Burnham, «The United States: The Politics of Heterogeneity», in Richard Rose, ed., *Electoral Behavior* (New York: Free Press, 1974), p. 718.

Политическая активность рабочего класса возникла в результате сильного социального напряжения на ранних этапах быстрой индустриализации в обществах, где феномен класса считали само собой разумеющимся. Как замечали Ленин, Каутский и другие, многие европейские партии рабочего класса возникли в борьбе за демократию — фактор, отсутствующий в случае Америки, где рабочие пользовались преимуществом «свободного права голосования»¹⁸.

467 По мере повышения благосостояния в промышленно развитых странах, особенно после Второй мировой войны, в большей части Европы жесткие социально-классовые границы доиндустриального общества постепенно разрушались. Этот процесс не только ослаблял взаимосвязь между классовой позицией и партийной приверженностью, но и вел к снижению политической напряженности, о чем свидетельствовало уменьшение силы или идеологического влияния крайних политических движений (см. ниже, с. 527–529). Из них правые почти все уже исчезли, в то время как левые, главным образом коммунисты, теперь, по-видимому, либо меньше отождествляются с доктринерскими идеологиями, как в случае с Итальянской коммунистической партией, либо находятся в стагнации.

Политическая демократия в том смысле, в каком она определяется и анализируется в этой книге, получила особенное распространение в послевоенный период. С ростом индустриализации и изобилия мы видим не только то, что демократические режимы в государствах, бывших до войны фашистскими, выдержали испытание временем, но и то, что диктатуры в Южной Европе — в Греции, Испании и Португалии — стали выборными демократиями.

Такое развитие полностью соответствует положениям Аристотеля, Макиавелли и аполитического Маркса. Поскольку классовая структура западного общества изменилась, так что в ней теперь представлены возросший средний класс и более богатый и обеспеченный рабочий класс, условия, характеризуемые здесь как способствующие демократической политике, а именно связанные с экономическим развитием, привели к ожидаемому результату.

Как подчеркивал немецко-американский марксист Герберт Маркузе, выступивший со своими работами в середине 1960-х годов, история свидетельствует, что богатый капитализм уничтожил

¹⁸ V. I. Lenin, *On Britain* (Moscow: Foreign Languages Publishing House, n.d.), p. 51; John R. Commons, «American Labour History. Introduction», in John R. Commons et al., *History of Labour in the United States*, vol. 1 (New York: Macmillan, 1926), p. 5; Selig Perlman, *A Theory of the Labor Movement* (New York: Macmillan, 1928), p. 167–168; Moore, *European Socialists*, p. 110; Lipset, «Why No Socialism?», p. 58–59.

всякую, даже самую слабую, возможность радикального протеста рабочего класса. Автор пояснял, что хотя «в капиталистическом мире они [капиталисты и рабочие] по-прежнему остаются основными классами... но всепобеждающий интерес в сохранении и улучшении промышленного status quo объединяет прежних антагонистов в наиболее развитых областях современного общества»¹⁹.

Французские марксисты Люсьен Гольдман и Анри Лефевр критиковали Маркузе, утверждая, что его интерпретация «неверна, если иметь в виду европейские страны, но... что, возможно, его анализ во многом верен в отношении Америки». Маркузе отвечал с позиции классического марксистского исторического материализма, «что, поскольку США экономически более развиты, чем европейские страны, недалеко то время, когда указанные явления... распространятся в Западную Европу»²⁰.

Коммунистические революции, конечно, имели успех, но неизменно в доиндустриальных, аграрных, обществах: в царской России, в Китае, во Вьетнаме. В Европе крупные коммунистические партии укоренились первоначально на юге, в экономически более отсталых государствах, в частности во Франции и Италии. В индустриально более развитых странах Северной Европы марксизм по большей части явно потерпел поражение или был отвергнут.

В истории не было сыграно более злой шутки, и ни одна из теорий не была дискредитирована больше, чем теория марксизма, ставшая знаменем движений в преимущественно аграрных обществах. Как подчеркивал в 1969 г. Маркузе, в индустриально развитых западных государствах «революция не стоит на повестке дня», в то время как необходимое соединение «субъективного фактора» (политическое сознание) и «объективного фактора» («поддержка и участие класса, составляющего основу процесса производства») происходит исключительно «в обширных районах “третьего мира”»²¹. Самая главная марксистская гипотеза была полностью опровергнута историей. Режимы, признаваемые в качестве социалистических или коммунистических, пришли к власти на плечах крестьян бедных неразвитых экономик. Социалистические революции совершились – но они не были Марксовыми революциями.

¹⁹ Herbert Marcuse, *One-Dimensional Man* (Boston: Beacon Press, 1964), p. xii–xiii. [Г. Маркузе. Одномерный человек. М.: Refl-book, 1994. С. XV.]

²⁰ Serge Mallet, *Essays on the New Working Class* (St. Louis: Telos Press, 1975), p. 48.

²¹ Herbert Marcuse, *An Essay on Liberation* (Boston: Beacon Press, 1969), p. 56. [Г. Маркузе. Очерк об освобождении. М.: Прогресс, 1970. С. 51.]

Следует отметить, что Аристотель и Маркс (и многие другие) были, конечно, правы, когда предполагали, что главным фактором политической ориентации и классового конфликта является *профессиональное положение*. Во всех демократических странах, включая США (как отмечено в главах с 8-й по 10-ю), существовало соответствие между социально-экономическим статусом, политическими убеждениями и голосованием. Партии, выступавшие за большее равенство и защиту от тисков экономики свободного предпринимательства посредством государственного вмешательства, находили поддержку у малоимущих слоев общества. Во всех промышленно развитых странах набрали силу профсоюзы. Государство стало более могущественным и использовало свою власть для перераспределения богатства и дохода. Но такая политика не является марксистской политикой. Присутствие в демократической политике партий и профсоюзов, представляющих менее привилегированные слои, послужило стабилизации этих обществ и действительно помогло завоевать доверие пролетариата к их государственным системам. Повторяя парафраз Дизраэли, рабочие стали «мраморными ангелами» — скорее будущими столпами, чем «могильщиками капитализма»*.

Социальные предпосылки демократии

Связь между демократией и экономическим развитием рассматривалась в главе 2. В ней содержится ясный тезис: «Чем зажиточнее страна, тем больше шансов, что в ней будет поддерживаться демократия. Со времен Аристотеля и вплоть до наших дней люди утверждали, что только в процветающем обществе, где в состоянии подлинной бедности живут лишь относительно немногие из граждан, может сложиться ситуация, при которой основная масса населения разумно участвует в политической жизни и вырабатывает в себе сдержанность и умение самоограничиваться, необходимые для того, чтобы избегать искушений и не поддаваться призывам безответственных демагогов. Общество, где существует разделение на многочисленные обездоленные массы и немногочисленную привилегированную элиту, заканчивает в результате либо олигархией (диктаторским правлением небольшого верхнего слоя), либо тиранией (диктатурой, опирающейся на народ). Если навесить на две указанные политические

* Парафраз Дизраэли строится на известном высказывании авторов «Манифеста Коммунистической партии». См.: *К. Маркс, Ф. Энгельс*. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 436. — *Прим. перес.*

формы современные ярлыки, то сегодня лицом тирании является коммунизм или перонизм, тогда как олигархия проявляет себя в виде тех традиционалистских диктатур, которые можно найти в разных частях Латинской Америки, а также в Таиланде, Испании или Португалии» (с. 55–56).

Факты, собранные в конце 1950-х годов и представленные выше (с. 55–68), обнаружили связь между стабильной демократией и показателями национального богатства, средствами коммуникации, уровнем индустриализации, образования и урбанизации. Недавно Роберт Даль сообщил о наличии похожей зависимости для более чем 100 стран. Разделив государства на пять категорий по показателю богатства на душу населения, он обнаружил, что пропорция, классифицируемая как демократическая, возрастает от 0% в наиболее бедном квинтиле до 7% во втором по бедности, до 36% во втором по уровню богатства и до 100% в наиболее богатом квинтиле. Только две из 29 демократических стран не были представлены в двух более высоких квинтилях. В моих более ранних исследованиях различие между демократическими и недемократическими странами проводилось с точки зрения среднего уровня их грамотности, образования и индустриализации²².

Некоторые социологи, в том числе Филлипс Катрайт, Марвин Олсен, Дональд Маккроун, Чарльз Кнудд, Гилберт Уинхэм и Ларри Даймонд, продолжили работу в этом направлении и, применяя более совершенные статистические методы, также нашли очевидную взаимосвязь между экономическим развитием и демократией; хотя следует отметить, что их экономические показатели и определения демократии различаются между собой²³. Катрайт и Олсен сообщили о наличии полной множественной корреляции между различными показателями экономического развития и демократией

²² Robert Dahl, *Polyarchy: Participation and Opposition* (New Haven: Yale University Press, 1971), Chapter 5. Выявлением условий демократии я занимался также в работе: S. M. Lipset, *The First New Nation: The United States in Historical and Comparative Perspective* (New York: W. W. Norton, 1979, расширенное издание в бумажной обложке), особенно часть 3, «Democracy in Comparative Perspective», p. 205–348.

²³ Phillips Cutright, «National Political Development: Measure and Analysis», *American Sociological Review* 28 (April 1963): 253–264; Marvin E. Olsen, «Multivariate Analysis of National Political Development», *American Sociological Review* 33 (October 1968): 699–712; Donald J. McCrone and Charles F. Cnudde, «Toward a Communications Theory of Democratic Political Development: A Causal Model», *American Political Science Review* 61 (March 1967): 72–79; Gilbert R. Winham, «Political Development: A Causal Model», *American Political Science Review* 64 (September 1970): 810–818; Larry J. Diamond, «The Social Foundations of Democracy: The Case of Nigeria» (Ph. D. dissertation, Department of Sociology, Stanford University, 1980).

471 с коэффициентами 0,84 и 0,82 соответственно²⁴. Маккроун и Кнудд, а также Уинхэм попробовали внедрить эти переменные в причинно-следственные модели и пришли к заключению, что самое большое воздействие на демократизацию оказывает развитие средств коммуникации, стимулируемое ростом образования.

Таблица I

Связь между демократией и ВВП на душу населения*

<i>Категория благосостояния</i>	<i>Число стран</i>	<i>Уровень ВВП на душу населения, долл.</i>	<i>Число демократий</i>	<i>Всего, %</i>
Наиболее богатые	25	7870 – 2380	19	76
Вторые по богатству	25	2320 – 740	8	32
Третьи по богатству	24	730 – 410	2	8
Вторые по бедности	25	390 – 160	0	0
Наиболее бедные	24	150 – 70	2	8
	123		31	100
Общая доля демократий:				25%

* Показатели ВВП на душу населения взяты из «World Bank Atlas» за 1976 г. и относятся к 1974 г. Демократические государства ранжированы по степени наличия в них свободы согласно критериям Раймонда Гастила (см. его «The Comparative Survey of Freedom VIII», Freedom at Issue, No. 44 (January–February 1978), p. 3–19).

Источник: Larry J. Diamond, «The Social Foundation of Democracy: The Case of Nigeria» (Ph. D. dissertation, Department of Sociology, Stanford University, 1980), p. 91.

472 В самом свежем исследовании, которое принадлежит Даймонду, применяется методология Даля – разделение наций на квинтили соответственно их богатству на душу населения, но привлекаются более новые данные. Результаты (см. табл. I) подтверждают выводы предыдущей работы: «Три четверти из 25 самых богатых наций являются демократическими. Другие представляют собой нефтяные государства или коммунистические диктатуры. Треть стран во второй категории являются демократическими; из других в этой категории многие представляют собой латиноамериканские авторитарные режимы. Помимо этих 50 самых богатых наций, среди оставшихся 73 наций есть только четыре демократии (примерно 5%)»²⁵.

²⁴ Cutright, «National Political Development», p. 260; Olsen, «Multivariate Analysis», p. 706.

²⁵ Diamond, «The Social Foundations», p. 90–91.

Здесь, конечно, имеют место и несоответствия — некоторые бедные демократические государства или богатые автократии. Но, как заметил Даймонд, ряд этих аномалий исчез в последние годы: «Через 15 лет ежегодного прироста благосостояния на душу населения в среднем на $7\frac{1}{2}\%$ диктатура в Португалии в 1974 г. потерпела крах, и теперь это демократическая страна, хотя и слабая. На Филиппинах, которые Даль в 1969 г. мог классифицировать как демократию, политическая система с тех пор пришла в упадок, что произошло из-за относительной бедности этой страны. Несответствия, которые Даль отметил в Латинской Америке, почти исчезли: с 1969 г. Чили и Уругвай оказались в списке недемократий в дополнение к Аргентине и Кубе (действительно, Аргентина всего за несколько лет совершила движение по кругу, сначала от недемократической группы, а затем назад к ней)»²⁶.

Рафаэль Лопес-Пинтор в докладе под названием «Переход к демократии в Испании» высказывает мысль о том, что благодаря ошутимому росту богатства, индустриализации и урбанизации создается все большая возможность для институционализации и принятия демократии всеми основными слоями испанского общества. Доход на душу населения «вырос примерно с 500 долларов в начале 1960-х годов до более чем 3000 в начале 1970-х годов». Занятость в сельском хозяйстве уменьшилась с почти 50% в 1959 г. до менее чем 20% к концу 1970-х годов²⁷.

В результате «расширения в экономике промышленного сектора и сферы услуг средние слои общества стали большинством населения», и в Испании «неравенства теперь меньше, чем когда-либо в современной истории». И в соответствии с умозаключениями Аристотеля и Макиавелли Лопес-Пинтор отмечает, что «по-видимому, демократия более успешно устанавливается... при таких условиях»²⁸.

Конечно, случаи отклонения все еще существуют. В основном, как уже отмечено, это богатые нефтью, но при этом менее развитые и основанные на сильном неравенстве государства Среднего Востока или более промышленно развитые коммунистические режимы. Но следует заметить, что в Латинской Америке «мы находим демократическую Венесуэлу, тогда как столь же развитая Аргентина

²⁶ *Ibid.*, p. 90.

²⁷ Rafael Lopez-Pintor, «Transition toward Democracy in Spain: Opinion, Mood, and Elite Behavior» (unpublished paper, Centro de Investigaciones Sociologicas, Madrid, October, 1980), p. 11–12.

²⁸ Lopez-Pintor, «Transition toward Democracy», p. 11.

демократией не является; демократическую Колумбию, но столь же бедные Парагвай и Эквадор являются диктаторскими»²⁹.

Алекс Инкельс и Дэвид Смит углубили анализ, обратившись к связи модернизации и политики. Исследуя на материале шести государств установки и личностные качества людей, они установили набор личностных качеств, связанных с возросшим образованием, опытом работы на заводах и фабриках, и с подверженностью влиянию средств массовой информации³⁰. Эти качества, по-видимому, также должны иметь функциональное отношение к требованиям, предъявляемым к демократическим системам.

В недавнем обзоре научных выводов ряда сравнительных исследований, посвященных национальным установкам и ценностям, Инкельс и Даймонд представили важные данные в поддержку гипотезы о том, что уровень экономического развития страны независимо от других показателей оказывает влияние на склонность ее граждан к демократии. Они указывают, что между величиной валового внутреннего продукта на душу населения и такими характеристиками, как личная удовлетворенность, личная эффективность, антиавторитаризм и доверие, существует устойчивая взаимосвязь. Средние числовые соотношения (внутри социально-экономических групп) между ВВП на душу населения и указанных характеристик следующие: 0,76 для антиавторитаризма, 0,85 для доверия, 0,55 для эффективности и 0,60 для удовлетворенности³¹. Таким образом, утверждают ученые, «как показывает широкий круг исследований, в которых приводятся разные примеры и используются все способы сопоставления групп стран, существует устойчивая тенденция обратно пропорционального отношения антиавторитаризма и его родственных проявлений к уровню национального развития»³²:

«Уровень национального развития оказывает существенное независимое влияние на формирование установок и ценностей граждан, и это воздействие является в целом постоянным на всех уровнях стандартной внутренней социально-экономической иерархии, базирующейся на образовании или профессии.

В целом направление этого воздействия большинство авторов обычно определяли как “положительное”. Жизнь в более вы-

²⁹ Diamond, «The Social Foundations», p. 90.

³⁰ Alex Inkeles and David Smith, *Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1974).

³¹ Alex Inkeles and Larry J. Diamond, «Personal Development and National Development: A Cross-National Perspective», in Alexander Szalai and Frank M. Andrews, eds., *The Quality of Life: Comparative Studies* (London: Sage Publications, 1980), p. 73–109.

³² Inkeles and Diamond, «Personal Development», p. 83.

сокоразвитой стране которая, по-видимому, повышает ощущение собственного “я” — она дает индивидуумам более сильное чувство личного достоинства, ощущение большей удовлетворенности и компетентности, что, помимо прочего, можно прогнозировать, исходя из знания только их образования и профессии. Кроме того, чем экономически более развитой является страна, тем, по-видимому, у большего числа индивидуумов — в других отношениях одинаковых в своем статусе — развиваются качества, способствующие формированию устойчивых политических убеждений и эффективного экономического поведения, потому что такие индивидуумы больше доверяют другим, более толерантны и более уверены в своих собственных способностях»³³.

В недавно вышедшей работе, развивая начатое мной в главе 3 рассмотрение вопроса о роли легитимности и эффективности в поддержании политических систем, Даймонд подчеркнул:

«Помимо совершенно очевидной связи между демократическими ценностями и национальным богатством в современном веке существует всевозрастающая неизменная связь между социально-экономическим развитием и верой в легитимность и эффективность режима. С каждым десятилетием достижения более богатых наций, демонстрируемые всему миру, получают все большее распространение и становятся все более неотразимыми, а народные чаяния, связанные с действием правительства, все более усиливаются. Только наиболее авторитарные нации смогли построить, хотя бы в принципе, демократию на основе устойчивой бедности, и в быстро съеживающемся мире такие нации почти исчезли. Поэтому сегодня трудно себе представить, как может выжить какая-либо демократия без хотя бы некоторого осязаемого прогресса в направлении модернизации»³⁴.

Тезис о том, что экономическое развитие имеет для демократии решающее значение, был оспорен Дэнкворт Растоу, который указывает на исторический факт существования демократии в странах, находившихся на относительно низком уровне экономического развития, например в США в 1820 г., во Франции в 1870 г. и в Швеции в 1890 г.³⁵ Однако у этих и других ранних демократий имелось историческое преимущество: их политические институты сформировались до появления всемирных систем передачи информации, которые

475

³³ *Ibid.*, p. 103–104.

³⁴ Diamond, «The Social Foundations», p. 106.

³⁵ Dankwart Rustow, «Transitions to Democracy», *Comparative Politics* 2 (April 1970): 352.

могли бы сообщить о существовании намного более богатых стран, и до возникновения массовых народных движений, требовавших более равного распределения земных благ. Форма правления является устойчивой при условии, что уровень народных ожиданий соответствует экономическому уровню общества, — такая модель была характерна для этих ранних демократий. Однако сегодня менее развитые страны в уровне своих ожиданий ориентируются на более развитые нации и в культурном отношении зависят от них³⁶. Демократические страны XIX в. не сталкивались также с накладывающимися друг на друга политическими кризисами, характерными для современных стран с недостаточно развитыми демократическими институтами, где нужно добиваться легитимности «в условиях, когда массы одновременно требуют и участия, и распределения, что приводит к краху представительных институтов в одной развивающейся стране за другой, и когда среди их политических элит распространяется убеждение, что существующая в системе власть в условиях, когда многочисленные кризисы, с которыми она сталкивается, требуют разрешения, должна быть предельно сконцентрирована. Таким образом, в эпоху, начавшуюся после Второй мировой войны, развивающиеся страны находятся в невыгодном положении, будучи лишены роскоши медленного, обдуманного, последовательного преодоления тех кризисов, через которые прошли многие европейские страны»³⁷.

476

Поддержка авторитаризма рабочим классом

Представленное в главе 4 описание факторов, способствующих формированию авторитаризма рабочего класса, вызвало серьезную полемику и стало поводом к проведению ряда исследований с целью проверить обоснованность базового тезиса. Некоторые ученые сочли, что акцент на авторитарных наклонностях рабочего класса оскорбителен для их веры в прогрессивную роль, или потенциал, промышленного пролетариата.

Часть критики возникла из-за резкости, с которой я обозначил предмет обсуждения, прикрепив к феномену ярлык «рабочий класс».

³⁶ Samuel P. Huntington, *Political Order in Changing Societies* (New Haven: Yale University Press, 1968), p. 46.

³⁷ Diamond, «The Social Foundations», p. 122. Он опирается на работу: Joseph LaPalombara and Myron Weiner, «The Origin and Development of Political Parties», in LaPalombara and Weiner, eds., *Political Parties and Political Development* (Princeton University Press, 1966), p. 14–18. См. также: Huntington, *Political Order*, p. 46.

Фактически в главе 4 утверждается, что вследствие существования целого ряда неблагоприятных или ущемляющих социальных условий, связанных с более низким социально-экономическим статусом или классовым положением, для тех, кто в этих условиях оказывается, сокращается возможность развивать сложный космополитический взгляд на общество и политику. Как замечено на с. 129–130, «низкий уровень образования, слабое участие в политических или добровольных организациях любого типа, малый объем чтения, профессия, которая способствует изоляции, экономическая незащищенность и авторитарные семейные модели» – вот некоторые из самых важных факторов, способствующих предрасположенности к авторитаризму. В частности, теснее всего с этой установкой, а также с расовым и религиозным фанатизмом связано образование.

В прежнем издании я также утверждал, что «вторым и не менее важным фактором, предрасполагающим низшие классы к авторитаризму, является относительная нехватка у их представителей чувства экономической и психологической безопасности» (с. 135). Я цитировал заключение Женевиэвы Напфер, что «экономическая бедность – это психологическая бедность: привычка к подчинению, ограниченный доступ к источникам информации, бедная речь» (с. 133). Как я подчеркивал:

«Принятие норм демократии требует высокого уровня интеллектуального развития, а также надежной защищенности эго. Чем менее искушен и стабилен индивид, тем больше вероятность того, что он будет отдавать предпочтение упрощенному представлению о политике, проявлять неспособность к пониманию логических оснований, лежащих в основе терпимости по отношению к тем, с кем он не согласен, и испытывать трудности в понимании картины постепенных политических изменений или в проявлении в этом должного терпения. <...>

Подводя итог сказанному, выходец из низшего класса с раннего детства скорее всего подвергался наказаниям, ему не хватало любви, и он рос в основном в атмосфере напряженности и агрессии, – а все такого рода испытания ведут к возникновению глубоко укорененной враждебности ко всему на свете, которая потом выражается в этнических предубеждениях, политическом авторитаризме и в переоцениваемой хилиастской религии. <...>

Все эти характерные особенности порождают тенденцию к рассмотрению политических и личных отношений в черно-белых краках, а также жажду немедленного действия, раздражение по отношению к разговорам и дискуссиям, отсутствие интереса к организациям,

ориентированным на долговременную перспективу, и готовность следовать за лидерами, предлагающими демонологическую интерпретацию сил зла — как религиозных, так и политических, — вступающих в тайный сговор против человека» (с. 137, 144—145).

Марксисты в особенности возражали против этих заключений, но по большей части игнорировали мое замечание о том, что «Ленин видел характер низших классов и задачи тех, кто должен вести их за собой, отчасти следующим образом. Он определял в качестве главной задачи коммунистических партий руководство широкими массами, которые являются «спящими, апатичными, косными, инертными и пассивными». Эти массы, говорил Ленин, должны быть построены «для последнего и решительного боя» (термин, напоминающий об Армагеддоне), и сделать это может только партия, которая способна представить бескомпромиссную и единую картину мира и безотлагательную программу социальных изменений» (с. 115).

478 Хотя в контексте анализа в главе 4 привлекается целый ряд исторических, религиозных и организационных сведений, основная часть исследований, относящихся к предмету, связана с изучением данных общественного мнения. Некоторые положения этих работ противоречивы, но в научной литературе, основанной на добросовестных и длительных исследованиях, документально подтверждается взаимосвязь между низким уровнем образования и наличием расовых и религиозных предрассудков, неприятием равных прав для женщин и поддержкой — а также вовлеченностью в них — фундаменталистских религиозных групп³⁸. Анализируя данные, полученные в результате исследования, проведенного Британской радиовещательной корпорацией, Г. Айзенк обнаружил, что представители рабочего класса были большими «националистами... даже шовинистами, ксенофобами, антисемитами, расистами... ограниченными моралистами в вопросах пола», чем представители среднего класса³⁹. Результаты национальных исследований взрослого населения в Ве-

³⁸ Mildred Schwartz, *Trends in White Attitudes toward Negroes* (Chicago: National Opinion Research Center, 1967); Angus Campbell, *White Attitudes toward Black People* (Ann Arbor: Institute for Social Research, 1971); James M. Jones, *Prejudice and Racism* (Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1972); Thomas Pettigrew, *Racial Discrimination in the United States* (New York: Harper and Row, 1975); Harold E. Quinley and Charles Y. Glock, *Anti-Semitism in America* (New York: Free Press, 1979); Nancy Henley and Fred Pincus, «Interrelationship of Sexist, Racist, and Anti-Homosexual Attitudes», *Psychological Reports* 42 (1978): 83—90; John Harding, Harold Proshansky, Bernard Kunter, and Isidor Chein, «Prejudice and Ethnic Relations», in Gardner Lindzey and Elliot Aronson, eds., *The Handbook of Social Psychology*, vol. 5 (Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1969), p. 27—29.

³⁹ H. J. Eysenck, «Social Attitudes and Social Class», *British Journal of Social and Clinical Psychology* 10 (September 1971): 205.

ликобритании, Западной Германии, Австрии, Финляндии, Нидерландах, Швейцарии, Италии и США свидетельствуют об устойчивой взаимосвязи между уровнем образования и выступлением против «закона о запрещении всех демонстраций общественного протеста». Очевидно, что в каждой из этих стран такой закон больше поддерживают люди менее образованные⁴⁰.

На психологическом уровне, по словам Леонарда Пирлина и Мелвина Кона, «в Италии и в США в семьях, принадлежащих к среднему классу, родители больше заботятся о том, чтобы их ребенок был самостоятельным, а в рабочих семьях — о том, чтобы ребенок подчинялся внешним предписаниям»⁴¹. Кон и Карми Скулер в своем исследовании американцев находят, что «чем выше их классовое положение, тем больше они ценят самостоятельность... чем ниже их социально-классовое положение, тем больше они ценят подчинение... самостоятельность — главная ценность для людей, занимающих более высокое классовое положение, которые считают себя полноправными членами доброго по своей сути общества. Подчинение — главная ценность для людей, занимающих более низкое классовое положение, которые считают себя не совсем полноправными членами индифферентного или угрожающего по своей сути общества»⁴². Брюс Доренвенд и Эдвин Чин-Шонг сообщают, что «группы более низкого статуса менее толерантны» к девиантному психологическому поведению, чем группы высокого статуса. Авторы подчеркивают, что «позиция групп низкого статуса в отношении того, что сами эти группы определяют как серьезное психическое расстройство, полностью согласуется с тем, что мы находим в большинстве исследований, показывающих их позицию в отношении гражданских прав, политического инакомыслия и необычных социальных групп — <к психическим расстройствам они относят> раздражающие их поведение и обычаи или внешние проявления, отклоняющиеся от их собственных норм»⁴³.

Некоторые из критиков пытаются оспорить тезис об авторитаризме рабочего класса, приводя данные отчетов, свидетельствующие

⁴⁰ Edward N. Muller, Pertti Pesonen, and Thomas O. Jukam, «Support for Freedom of Assembly in Western Democracies», *European Journal of Political Research* 8 (September 1980): 265–288.

⁴¹ Leonard I. Pearlin and Melvin L. Kohn, «Social Class, Occupation, and Parental Values: A Cross-National Study», *American Sociological Review* 31 (August 1966): 478.

⁴² Melvin L. Kohn and Carmi Schooler, «Class, Occupation, and Orientation», *American Sociological Review* 34 (October 1969): 676.

⁴³ Bruce P. Dohrenwend and Edwin Chin-Shong, «Social Status and Attitude toward Psychological Disorder: The Problem of Tolerance of Deviance», *American Sociological Review* 34 (October 1969): 433.

480 щие о том, что проявления авторитаризма в основе своей скорее связаны с образованием, чем с классом или профессией⁴⁴. Но, как замечено выше, я изначально подчеркивал, что образование является самой важной переменной, способствующей формированию авторитарного поведения у менее привилегированных слоев населения. Не так давно Хауард Гейбеннеш заметил: «Возможно, самый неоспоримый вывод, к которому должно прийти поколение исследователей авторитаризма, этноцентризма и неэкономического консерватизма, состоит в констатации негативной связи между этими феноменами и переменными, которые представляют интеллектуальное развитие»⁴⁵. Эти переменные в свою очередь связаны с социально-экономическим статусом.

Выводы некоторых других критиков также скорее согласуются с моим анализом, чем ему противоречат. Так, Б. Г. Стейси и Р. Т. Грин в кратком заключении в статье, посвященной исследованию «консерватизма рабочего класса» Великобритании, говорят, что «некоторые свидетельства», которые они представляют, по-видимому, опровергают мой анализ. Однако самое значимое их утверждение (в необсуждаемой части исследования) состоит в том, что «эгоизм, соединенный с твердостью убеждения и упрямством» коррелирует (0,31) с более низким профессиональным положением⁴⁶.

481 Критические отзывы других исследователей дают основание обвинять их в упрощении ситуации. Так, Ричард Гамильтон показывает, что во время Корейской и Вьетнамской войн средний класс был более склонен поддерживать политику интервенции, чем рабочие, — этот факт, утверждает он, не согласуется с моими выводами⁴⁷. (Между прочим, я не обсуждал варианты классового отношения к внешней политике как пример авторитаризма рабочего класса.) Но выводы Гамильтона были оспорены Мартином Патченом, кото-

⁴⁴ Lewis Lipsitz, «Working-class Authoritarianism: A Reevaluation», *American Sociological Review* 34 (February 1965): 103–109; Gary B. Rush, «Status Consistency and Right-Wing Extremism», *American Sociological Review* 32 (February 1967): 86–92; Maurice Zeitlin, «Revolutionary Workers and Individual Liberties», *American Journal of Sociology* 72 (March 1967): 619–632.

⁴⁵ Howard Gabennesch, «Authoritarianism as World View», *American Journal of Sociology* 77 (March 1972): 857. Впечатляющая попытка объяснить взаимосвязь между образованием и более космополитическим воззрением на авторитаризм (и при этом предполагается тенденция к «реификации» среди менее образованных слоев как переходный механизм) представлена на с. 857–875.

⁴⁶ B. G. Stacey and R. T. Green, «Working-class Conservatism: A Review and Empirical Study», *British Journal of Social and Clinical Psychology* 10 (February 1971): 21, 24.

⁴⁷ Richard Hamilton, «A Research Note on the Mass Support for “Tough” Military Initiatives», *American Sociological Review* 34 (June 1968): 439–445.

рый считает, что в оппозиции рабочего класса этим войнам отразились не столько пацифистские настроения, сколько консервативные изоляционистские чувства. По сравнению с представителями более привилегированных классов, представители низших классов были более склонны противостоять как улучшению отношений с коммунистическими странами, так и Корейской или Вьетнамской войнам. Согласно Патчену, и та и другая позиция одинаково «привлекательны для людей более низких классов... не вовлеченных в иностранные дела. Такое предположение согласуется и со многими другими данными, которые показывают, что люди более низких классов, по всей видимости, больше расположены к тому, чтобы поддерживать невмешательство США в иностранные “затруднения”»⁴⁸. Он пишет далее: «...желание сохранять обособленность от нетрадиционных групп полностью согласуется с идеологическим синдромом, на который был наклеен ярлык авторитаризма. Первые исследования авторитаризма показали, что эта идеология... тесно связана с этноцентризмом и действительно служит его предиктором. Одним из возможных проявлений этноцентризма является, конечно, попытка остаться в стороне от влияния иностранцев, или изоляционизм. В соответствии с этой точкой зрения в некоторых исследованиях были определены основания той меры авторитаризма (шкала F), которая связывается с изоляционизмом. <...> Таким образом, если типичная позиция в отношении иностранной политики у людей, принадлежащих к более низким классам, является отражением авторитаризма, мы не должны удивляться, обнаруживая, что они (больше, чем другие) поддерживают вывод войск из Кореи или Вьетнама... так же как и поддерживают невмешательство в мировые дела»⁴⁹.

Еще одно — в дополнение к заключению Патчена — подтверждение того, что протест менее образованных и относительно малоимущих слоев населения против Вьетнамской войны не ставит под сомнение основной тезис, выдвинутый в «Политическом человеке», можно найти в результатах трех общенациональных и ряда локальных опросов, проведенных в США, и одного опроса, проведенного в Швеции, в которых выяснялось отношение к антивоенным демонстрациям студентов, а в ряде случаев также черного населения, в период Вьетнамской войны⁵⁰. Все опросы показали, что это отно-

⁴⁸ Martin Patchen, «Social Class and Dimensions of Foreign Policy Attitudes», *Social Science Quarterly* 51 (December 1970): 662.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 663.

⁵⁰ Marvin Olsen, «Perceived Legitimacy of Social Protest Actions», *Social Problems* 15 (Winter 1968): 297–310; Joe Spaeth, «Public Reactions to College Student Protests», *Sociology of Education* 42 (Spring 1969): 199–206; John Robinson, «Public Reaction to

шение в значительной степени определялось образованием. Более образованные люди относились к таким действиям более терпимо. В противоположность тому, что в большинстве случаев сильнейшим фактором было образование, низкие социально-экономический статус и доход были связаны с неприятием протестных акций. В двух американских городах, Индианаполисе и Гэри, а также в Голе, в Швеции, отношение к социальному протесту было в значительной степени связано с профессией⁵¹. В своем исследовании опроса выборки, состоявшей из белых, — с целью выяснения их отношения к «протесту студентов и чернокожих», происходившему в конце 1969 — начале 1970-х годов в Лос-Анджелесе, — Эдвард Рансфорд сообщает, что «производственные рабочие — “синие воротнички” проявляют больше солидарности в неприятии протеста студентов и чернокожих безотносительно к уровню своего образования»; а люди, занятые умственным трудом, «проявляют более разнородное мировоззрение соответственно своему образовательному уровню»⁵².

В самой последней публикации, посвященной попытке оценить тезис об авторитаризме рабочего класса, — в анализе Эдварда Грабба данных общего соцопроса, произведенного Национальным центром изучения общественного мнения в 1976 г., — также подтверждается первоначальная формулировка. Основываясь на статистическом анализе, который автор определяет как «первую попытку исследовать тезис Липсета и некоторые из его гипотез, одновременно действующих в многовариантной модели», Грабб заключает:

«Мы нашли обоснование тому аспекту аргумента Липсета, который связан с толерантным отношением к нестандартным группам. Рабочие действительно больше, чем представители среднего класса, готовы ограничивать права членов таких групп. Тем не менее, как предположил Липсет, эта особенность рабочего класса обусловлена такими факторами, как более низкое образование, более низкий доход, меньшая экономическая защищенность и гораздо более сильное чувство недоверия или цинизм по отношению к жизни и к другим

Political Protest: Chicago 1968», *Public Opinion Quarterly* 34 (Spring 1970): 1–9; William Gamson and James McEvoy, «Public Violence and Its Public Support», in James Short and Marvin Wolfgang, eds., *Collective Violence in the United States* (Chicago: Aldine, Atherton, 1972), p. 329–342; H. Edward Ransford, «Blue Collar Anger: Reactions to Student and Black Protest», *American Sociological Review* 37 (June 1972): 333–346; Marvin Olsen and Mary Baden, «Legitimacy of Social Protest Actions in the United States and Sweden», *Journal of Military and Political Sociology* 2 (Fall 1974): 173–189; Robert Hall and Saul Rosenthal, «Education and Antagonism to Protest» (unpublished paper, University of Illinois at Chicago Circle, August 1980).

⁵¹ Olsen and Baden, «Legitimacy of Social Protest Actions», p. 184.

⁵² Ransford, «Blue Collar Anger», p. 345.

людям. <...> Очевидно, что образование является лучшим предиктором толерантности по сравнению с цинизмом и тем более с доходом. Как можно предположить, образование, доход и профессиональный статус связаны самым непосредственным образом, даже принимая в расчет другие факторы. Тем не менее более высокий уровень образования, больший доход и более значительный профессиональный статус — все это ведет к относительно более низким проявлениям цинизма и недоверия.

В итоге каждое из трех выдвинутых Липсетом объяснений, которые мы имели возможность рассмотреть, подтверждается результатами исследования. А именно: более низкий уровень образования, меньшая экономическая защищенность (исходя из размера семейного дохода) и более циничная или сомнительная перспектива жизни, по-видимому, объясняют связь между принадлежностью к рабочему классу и нетолерантностью в отношении к нестандартным группам»⁵³.

Надо признать, что критика моего анализа Уолтером Корпи, основанная главным образом на исследовании установок и классового происхождения сторонников коммунистов в северных европейских странах, внесла полезные коррективы. Корпи возражает на мое заключение, что более значительная поддержка, получаемая малыми — по сравнению с крупными — коммунистическими партиями от более привилегированных страт, свидетельствует о гораздо большей сложности политического мировоззрения, существующего в малых низовых движениях. Он заявляет, что «соответствующие различия — которые, как считает Липсет, подтверждают его теорию — между странами с большими и малыми коммунистическими партиями являются, вероятно, ложными и отражают демографические различия. Причина здесь во взаимосвязи между общим числом голосов, подаваемых за коммунистов, и долей населения в первичных секторах (сельское хозяйство, лесоводство и рыболовство), а также в том, что крупным коммунистическим партиям свойственно стремление к привлечению сторонников из сельскохозяйственного сектора в большей степени, чем малым коммунистическим партиям, связанным, как правило, с более низкими доходами сельского населения»⁵⁴.

С другой стороны, то, что Корпи ссылается на некоторые исследования, авторы которых хотят показать, что приверженцы комму-

⁵³ Edward G. Grabb, «Working-class Authoritarianism and Tolerance of Outgroups: A Reassessment», *Public Opinion Quarterly* 34 (Spring 1979): 45, 44.

⁵⁴ Walter Korpi, «Working-class Communism in Western Europe: Rational or Nonrational», *American Sociological Review* 37 (December 1971): 978.

нистов меньше — или по крайней мере не сильнее — поддерживают авторитаризм, чем сторонники других партий, не является само по себе убедительным опровержением возможной связи между поддержкой авторитаризма и привлекательностью коммунизма. Коммунистическая идеология в западных странах откровенно авторитарна, и ее преданные сторонники, видимо, отвечают интервьюерам в полном соответствии с партийной доктриной. Опрос мнений в Швеции и Норвегии, который показывает, что коммунисты больше других сопротивлялись ограничению их политических прав, едва ли служит доказательством приверженности коммунистов свободе⁵⁵.

Некоторые из критиков моего первоначального рассмотрения, пытаясь опровергнуть заключения, сделанные на основе данных массовых опросов, ссылались на то, что во многих странах лидеры профсоюзов, а также рабочих и социал-демократических партий сыграли в институционализации демократии, в сопротивлении политическим репрессиям и в поддержании принципов, способствующих увеличению прав меньшинств, более важную роль, чем лидеры групп среднего класса. Сидни Пек, например, ссылается на тот факт, что лидеры американских профсоюзов более низкого уровня и руководители заводских организаций поддерживают демократические нормы и практики⁵⁶. Но, как отмечалось в главе 4, чем более развитыми являются индивидуумы в результате получения образования или сложного политического опыта, тем менее «авторитарными» они должны быть. По словам Роберта Патнэма, «члены элиты идеологически более опытни, чем обычные граждане, и, значит, вероятно, лучше видят связь между каким-либо широко одобряемым принципом, вроде “свободы слова”, и конкретным приложением этого принципа вроде “разрешения коммунистам говорить здесь”»⁵⁷. Следовательно, можно предполагать, что лидеры профсоюзов и рабочих партий, включая управляющих цехами, будут демонстрировать в меньшей степени предрассудки, чем рядовые рабочие.

В главе 4 я отмечаю, что социалистическое и рабочее движение в целом, вероятно, меньше поддерживает этническую нетерпимость и антидемократические политические практики, чем их консервативные оппоненты. Я выступаю против психологического детерминизма и стараюсь показать, что преданность одной системе ценно-

⁵⁵ *Ibid.*, p. 976.

⁵⁶ Sidney M. Peck, «Ideology and Political Sociology: The Conservative Bias of Lipset's “Political Man”», *American Catholic Sociological Review* 23 (Summer 1962): 128–155.

⁵⁷ Robert D. Puthnam, *The Comparative Study of Elites* (Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1976), p. 116.

стей или определенной организации может заставить людей вести себя таким образом, какой нельзя предсказать, если исходить из их конкретных убеждений. В этой связи я привожу в пример австралийских католиков, которые в большинстве своем являлись членами профсоюза и сторонниками Лейбористской партии и, следуя совету своих профсоюза и партии, голосовали *против* предложения референдума об объявлении Коммунистической партии вне закона. Однако когда их спрашивали, действительно ли они этого хотели — безотносительно к позиции, занимаемой профсоюзами или Рабочей партией, — подавляющее большинство католиков одобряли соответствующий закон. Точно так же американский Юг — согласно опросам общественного мнения, самая нетерпимая и авторитарная часть страны — был в то же время сильнее всех настроен против отца Коглина и Джозефа Маккарти, что, возможно, скорее было отражением влияния антикатолических или местных предубеждений, чем свидетельствовало о преданности Демократической партии.

В главе 4 я утверждаю, что рабочие поддерживают профсоюзы и левые партии, потому что такие организации *внеценностны*, поддерживая бедных против богатых, или же классово ориентированы, и что, будучи преданны классовым или экономическим основаниям, рабочие могут воспринять неэкономическую либеральную идеологию, представленную такими организациями, по вопросам, включающим демократические права для меньшинств. По-видимому, некоторые критики не согласны с утверждением, что организация, которая является одновременно и антиэлитистской и авторитарной или тенденциозной, обладает идеологией, более соответствующей положению рабочего класса, чем организация, которая является антиэлитистской и противостоит тенденциозности. В действительности я настаиваю на том, что левое классовое сознание свойственно более низким общественным стратам, тогда как терпимость протекает из среды экономически более обеспеченных и лучше образованных людей. Многие левые движения, в силу большого влияния в них демократических интеллектуалов, во неэкономических вопросах отражали ценности именно такого рода лидеров. Принципиальная же причина того, что рабочие поддерживают левые партии или профсоюзы, — это программа данных организаций по экономическим вопросам, а не их позиция в отношении иностранной политики, гражданских свобод или гражданских прав.

Другой подход к критике тезиса об авторитарности рабочего класса демонстрируют С. М. Миллер и Фрэнк Риссен, которые признают, что «рабочие обладают некоторыми потенциально автори-

тарными чертами». Однако они осуждают мой подход к проблеме в главе 4 — как за игнорирование других более позитивных и ценных качеств рабочего класса, так и за кажущуюся предвзятость в отношении рабочих и предпочтение средних классов.

Чтобы подчеркнуть предполагаемое отличие своей позиции от моей, Миллер и Рисмен выделяют текст курсивом: «*Ни средний, ни рабочий класс, по нашему убеждению, не являются авторитарными, но у обоих классов имеются ценности, которые при определенных условиях могут быть повернуты в направлении авторитаризма*»⁵⁸. Авторы указывают, что благодаря некоторым своим чертам рабочие могут легко становиться «авторитарными и антидемократическими, но это скорее потенциальная, чем фактическая, данность». Должен сказать, в главе 4 я утверждаю следующее: «Было бы ошибкой на основании приведенных здесь данных заключать, будто авторитарные наклонности низших классов обязательно представляют угрозу демократической общественной системе; в равной мере не следует делать аналогичных выводов и об антидемократических аспектах консерватизма. Действительно ли тот или иной класс поддерживает ограничения свободы, зависит от обширной совокупности разнообразных факторов, из которых обсужденные здесь составляют лишь часть» (с. 155). И я призываю обратить внимание на тот факт, что в разных странах именно партии, опирающиеся на рабочий класс, такие как социалисты и Американские демократы, функционируют «в качестве заметно лучших защитников и распространителей демократических ценностей, чем партии, опирающиеся на средний класс» (с. 154).

Как бы то ни было, глава «Авторитаризм рабочего класса» — лишь одна из глав в книге, первое издание которой насчитывало более 400 страниц. В следующей главе уже начинается анализ источников поддержки фашизма, и на ее первой странице (с. 157) можно встретить утверждение, что все классы, «рабочие, высший и средний класс», имеют «как демократические, так и экстремистские проявления». В большей части этой главы рассматривается поддержка авторитарного и тоталитарного движений средним и высшим классами. Удивительно, но, пытаясь доказать, что антидемократическая политика не является свойственной только рабочему классу, Миллер и Рисмен, как и большинство других критиков, не упоминают этот мой анализ, в котором привлечен богатый материал из многих стран.

В стремлении понять, вследствие каких характерных особенностей рабочего класса некоторые его члены поддерживают тотали-

⁵⁸ S. M. Miller and Frank Riessman, «Working-class Authoritarianism, A Critique of Lipset», *British Journal of Sociology* 12 (September 1961): 272.

тарные движения, я представил собранные психологами данные, позволяющие определить, каким образом конкретные черты личности согласуются с экстремистскими формами политических выступлений. Большая часть книги, однако, как и основная часть обсуждаемой здесь главы 4, посвящена, как признают мимоходом Миллер и Рисмен, определению специфики социологических условий, связанных с демократией и с разными политическими альтернативами. Как социолог, я попытался показать, что «невозможно спрогнозировать, какова будет особая склонность тех или иных социальных страт к поддержке экстремистских либо демократических политических партий, исходя из знания психологических предрасположенностей этих страт или их позиции, о которой можно судить по данным опроса» (с. 120).

Главная тема главы 4 не установление или исследование черт демократического или авторитарного человека на основании какого бы то ни было строгого определения или выводов из различных психологических исследований; скорее, тема главы 4 — факт несоизмеримо большой поддержки рабочим классом коммунистической партии. Ссылки на различные психологические исследования позиций, убеждений или черт характера приводятся в основном не в качестве подтверждения авторитаризма, но представлены также как дополнительные данные или, в более общем смысле, как попытки объяснения авторитарной предрасположенности. Политически авторитаризм рабочего класса — это коммунизм и в меньшей степени перонизм, так же как авторитаризм среднего класса — это фашизм. Задача главы 4 — описать те из оснований положения рабочего класса, которые позволяют его членам при определенных условиях полагать, что политика коммунизма отвечает их социальным и психологическим потребностям. Когда я писал, как указывают Миллер и Рисмен, что вопросы экономического эгалитаризма и политического либерализма больше не являются столь тесно взаимосвязанными, как перед Первой мировой войной, я в основном имел в виду одно движение — коммунизм. В более широком смысле глава 4 посвящена социальной основе коммунизма, так же как в главе 5 в целом рассматривается социальная основа фашизма.

Фашизм и бунт против современности

Центральная задача главы 5 — определение конкретных социальных и экономических условий, при которых различные социальные классы, особенно средний класс, становятся источником форм политиче-

ского авторитаризма, называемого фашизмом⁵⁹. Самое откровенное выражение экстремизма среднего класса — европейский фашизм. Фашистские партии нашли несоразмерно большую поддержку со стороны тех сегментов среднего класса, которые почувствовали угрозу своему положению вследствие возникновения крупной централизованной промышленности и роста силы и повышения статуса организованного труда. Сокрушаемые мощным развитием современного общества, мелкие предприниматели, фермеры и другие незащищенные члены среднего слоя общества были особенно предрасположены к вступлению в ряды фашистских движений, противостоящих как большому труду, так и большому капиталу. Эти движения отчасти представляли собой восстание против современности. Как указывалось выше, «сопротивление крупным организациям и рост государственной власти бросает вызов некоторым из фундаментальных характеристик существующего ныне общества, поскольку для стабильной модернизированной общественной структуры необходимы крупная промышленность, равно как и сильное и легитимное рабочее движение, а неизбежным сопутствующим обстоятельством всего этого представляется регулирование со стороны правительства и очень высокие налоги». В этой связи продолжается дискуссия о том, как толковать тезис Толкотта Парсонса, развитый в статье о фашизме, согласно которому «в идеологии фашизма основным и даже принципиальным аспектом является реакция против “идеологии” рационалистического обоснования нынешнего общественного устройства» (с. 163, 164).

В недавних работах особо отмечается, в какой степени правые европейские движения, особенно перед Второй мировой войной, противодействовали изменениям, отождествляемым с Французской революцией, рационализмом, равенством и возникновением капитализма. По большей части эти движения были ностальгически обращены в прошлое, к идеальному образу высокосплоченного и стабильного доиндустриального общества, для которого был характерен союз трона и алтаря, государства и церкви и в котором социальный статус определялся посредством комплекса взаимосвязанных ролей, а государство, церковь и аристократия воплощали ценности принципа *noblesse oblige** и брали на себя ответственность за благосостояние среднего человека.

⁵⁹ Всесторонний анализ источников поддержки правых экстремистских движений в США можно найти в книге: Seymour Martin Lipset and Earl Raab, *The Politics of Unreason: Right-Wing Extremism in America, 1790–1977* (Chicago: University of Chicago Press, 1977).

* Положение обязывает (франц.). — Прим. перев.

Фриц Стерн в своем исследовании культурных корней фашизма показал, что фашистское восстание разжигалось посредством «идеологической атаки на современность, на комплекс идей и институтов, которые характеризуют нашу либеральную, секуляризованную и индустриальную цивилизацию»⁶⁰. В том же духе Питер Гэй определял «великий страх» националистически настроенных веймарских интеллектуалов как «страх перед современностью», который, по его утверждению, был направлен против «бесчеловечной машины, капиталистического материализма, безбожного рационализма, беспочвенного общества, космополитических евреев и великого всепоглощающего чудовища — города»⁶¹. Генри Тёрнер представил нацистскую этику как «бегство от современного мира», а Джордж Мосс проанализировал, каким образом усиление немецкого *Volk*, традиционной трансцендентальной сущности народа, стало сердцевинной антимодернистской идеологией⁶².

С тех пор как вышел «Политический человек», появилось большое число эмпирических исследований, посвященных выяснению того, действительно ли европейские фашистские партии, особенно немецкая нацистская партия, нашли несоизмеримо большую поддержку со стороны средних слоев общества. Так, Вольфганг Сауер настаивает на том, что «фашизм можно охарактеризовать как восстание тех, кто проигрывал — прямо или косвенно, временно или постоянно — из-за индустриализации. Фашизм — это восстание *declasses**. Рабочие и промышленники не подпадают под это определение; оно приложимо главным образом к большинству нижнего среднего класса... к крестьянам, которые были против промышленной урбанизации; к мелким бизнесменам и к тем, кто занимался традиционными ремеслом и торговлей и были против механизации или концентрации производства; к «белым воротничкам» (по крайней мере, когда они чувствовали потерю экономической независимости); к представителям профессий более низкого уровня, в особенности профессий обучающихся, выступающим против изменения социальных ценностей; и так далее»⁶³.

⁶⁰ Fritz Stern, *The Politics of Cultural Despair: A Study in the Rise of the Germanic Ideology* (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1961), p. xviii–xix.

⁶¹ Peter Gay, *Weimar Culture: The Outsider as Insider* (New York: Harper Torchbooks, 1968), p. 96.

⁶² Henry Ashby Turner, Jr., «Fascism and Modernization», *World Politics* 24 (July 1972): 550; George L. Mosse, *The Crisis of German Ideology: Intellectual Origins of the Third Reich* (New York: Grosset & Dunlap, 1964), p. 4.

* Деклассированных (франц.). — Прим. перев.

⁶³ Wolfgang Sauer, «National Socialism: Totalitarianism or Fascism?», *American Historical Review* 37 (December 1967): 417.

Представленный Хуаном Линцем полный обзор имеющихся данных относительно социального происхождения представителей фашистской верхушки, а также голосовавших за них избирателей в 16 странах с очевидностью подтверждает заключения главы 5. Хотя в верхнем эшелоне нацистского руководства служащие не представляли большинства, почти четвертая часть лидеров второго уровня были из служащих, что соответствует, говоря словами Линца, «образу партии как выразительницы недовольства нижнего слоя среднего класса, отрицающего идентификацию его с пролетариатом»⁶⁴. На основании пересмотра автобиографических эссе членов нацистской партии, собранных Теодором Абелем в 1934 г., Питер Меркл выступил против выводов «Политического человека»: «В то время данная группа, а возможно и нацистская партия в целом, не настолько сильно была подчинена ясно определенным интересам нижнего слоя среднего класса, чтобы быть охарактеризованной как партия «бунта низшего среднего класса». Существует любопытный круговорот в аргументах, представленных защитниками тезиса о «восстании низшего класса», которые часто готовы сравнивать данные нацистов с данными социал-демократов или, в большинстве случаев, с данными либеральных (НДП и ННП)* либо региональных партий, чьи голоса НСДАП**, видимо, унаследовала к концу Веймарской республики. Однако существовали и другие сильные буржуазные партии, Партия католического центра и протестантские немецкие националисты (НННП***), которые выжили, сохранившись более или менее невредимыми, до середины 1933 г. Притом что существовали и эти буржуазные партии, относительно высокий буржуазный компонент или низкий компонент среднего класса в НСДАП мало что доказывает»⁶⁵. Фактически единственным нерабочим движением, сохранявшим широкую поддержку, была Партия католического центра, в то время как небольшая НННП потеряла свыше двух пятых своих

⁶⁴ Juan Linz, «Some Notes toward a Comparative Study of Fascism in Historical Perspective», in Walter Laqueur, ed., *Fascism: A Reader's Guide* (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1976), p. 56.

* Немецкая демократическая партия (DDP) и Немецкая народная партия (DVP) – соответственно либеральная и национал-либеральная партии периода Веймарской республики (1919–1933). См. выше главу 5. – *Прим. перев.*

** Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (NSDAP) – нацистская партия, существовавшая с 1920 по 1945 г. См. выше главу 5. – *Прим. перев.*

*** Немецкая национальная народная партия (DNVP); главная националистическая партия в Германии до возникновения НСДАП. См. выше главу 5. – *Прим. перев.*

⁶⁵ Peter H. Merkl, *Political Violence under the Swastika: 581 Early Nazis* (Princeton University Press, 1975), p. 66.

голосов (я отметил это в главе 5, с. 169). Как указал Линц, там, где религиозные партии «развивались в ответ на напряженность современного общества, возникающую в процессе либеральной демократизации, и на секуляристские принципы либералов и социалистов» и где эти партии вовлекали в число своих последователей «большую часть населения, особенно неиндустриальных отраслей», фашисты «столкнулись с серьезным соперником, который уже захватил значительную часть... их политического пространства»⁶⁶.

Тезис о том, что нацистская партия завоевала непропорционально высокую поддержку со стороны более низких слоев среднего класса, подтверждается «уточнением» Абеля его собственного приведенного выше примера. Он находит, что эта поддержка со стороны более низких слоев среднего класса составляла 51%. На основе несколько отличающейся модели Меркл отдает 32,2% среднему классу, а 21,3% — военно-гражданским служащим⁶⁷.

Джеймс Родс в своей последней книге спорит со мной по нескольким пунктам. Во-первых, он утверждает, что «из-за априорного допущения, будто политическое поведение управляется главным образом экономическими интересами, [тезис Липсета] упускает из виду значимость других важных факторов и серьезно упрощает революционные мотивы коричневорубашечников». Во-вторых, он спрашивает: «Если НСДАП была по своему существу оружием буржуазии, направленным против пролетариата, то почему третью часть ее членов составляли рабочие?». В-третьих, он указывает, что «если классовый конфликт и размывание мелкой буржуазии в капиталистическом обществе постоянны, они не могут считаться причиной внезапного отхода среднего класса от демократической политики к экстремизму. Чтобы объяснить такие изменения, необходимо постулировать дополнительные, еще не установленные, переменные»⁶⁸.

Что касается последнего замечания, то желание Родса точно определить момент, когда фашистское движение обретает поддержку, заслуживает внимания. Но моя цель не в этом. Я хочу объяснить предрасположенность среднего слоя общества к поддержке экстремистского политического движения определенного рода, а именно классического фашизма. В какой степени эта потенциальная воз-

492

493

⁶⁶ Linz, «Some Notes toward a Comparative Study», p. 26–27.

⁶⁷ Theodore Abel, *The Nazi Movement* (New York: Atherton, 1965), p. 5, цит. по: Merkl, *Political Violence*, p. 63.

⁶⁸ James M. Rhodes, *The Hitler Movement: A Modern Millenarian Revolution* (Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1980), p. 9–10.

возможность находит выражение в действительной поддержке, зависит от некоторых факторов, которые я обсуждаю в главе 5, например от уровня развития промышленности и степени размывания средних слоев общества, и от других, которые я в ней не рассматриваю, таких как тяжесть и природа кризисов, с которыми сталкиваются демократические институты. Что касается первого замечания Роудса, то я никогда не утверждал, что экстремизм среднего класса является главным образом выражением их экономических интересов. Конечно, экономическая незащищенность некоторых групп среднего класса, особенно мелких предпринимателей и фермеров, является, как это показывает ряд исследований, важным фактором, способствующим их обращению к экстремистским политическим решениям. Но я обращаю также внимание на недостаток политической искушенности некоторых групп среднего класса (см. с. 167), на понижение их статуса, на растущую угрозу их ценностям и на степень их интегрированности в демократические политические институты. Наконец, утверждение Роудса, что факт поддержки нацистов рабочими лишает законной силы тезис, представленный в «Политическом человеке», ошибочно. Некоторые рабочие, по правде говоря, поддерживали нацистов, и Питер Меркл и другие показали, что это были в основном выходцы из мастеровых, работавших на небольших производствах, — группа, которая традиционно имела мелкобуржуазные антимодернистские ценности⁶⁹. И поскольку, как я замечаю несколько раз, «фашистские политики были в высшей степени оппортунистическими в своих усилиях по обеспечению себе поддержки, такие движения часто включали в себя группы, обладающие несовместимыми интересами и ценностями, даже когда они в первую очередь выражали нужды одной конкретной страты» (с. 167).

494 Фашистские движения, как я подчеркивал ранее, «обращаются на любом уровне общества к тем, кто раздражен и психологически бесприютен, к людям, потерпевшим личные неудачи, социально изолированным, лишенным экономической безопасности, необразованным, простодушным и авторитарным» (с. 211). Поэтому нет ничего удивительного в том, что, по признанию различных авторов, мы не можем просто свести всю поддержку фашистских партий к одному-единственному основанию. Воля к власти побуждала фашистское движение привлекать в свои ряды последователей самого разного рода. В одном из ранних исследований, осуществлен-

⁶⁹ Merkl, *Political Violence*, p. 63.

ном в 1923 г. немецким коммунистическим лидером Кларой Цеткин, в противоположность поздней коммунистической литературе отмечалось, что фашизм был обращен к тем, кто был социально вытеснен из всех страт: «Он стал прибежищем для всех разочарованных и лишенных существования»⁷⁰. В Италии, как указывал Джино Джермани, «фашисты воспринимались как *sprostatì*, буквально вытесненные люди»⁷¹.

Возможно, наиболее интересный вклад в изучение корней фашизма сделан в тех последних исследованиях, где подчеркивается, что фашизм был реакцией со стороны непромышленных слоев общества на напряженность модернизации в Европе, — этот тезис согласуется с тем, что я говорю относительно того, каким образом нацисты получили почти *en masse** поддержку немецких региональных независимых партий, которые противились объединению Германии. Как я заметил в главе 5, «в большой мере они выражали то недовольство, которое испытывали сельские и городские средние классы провинциальных территорий из-за растущей бюрократизации современного индустриального общества; в связи с чем им хотелось бы перевести стрелки часов назад, децентрализовав правительственную власть. На первый взгляд кажется, что децентрализаторские устремления партий региональной автономии и восхваление государства, неотъемлемо присущее фашизму или нацизму, отражают абсолютно несовпадающие потребности и чувства. Но в реальности и идеология «прав отдельных земель», которую исповедовали регионалисты, и идеологический антагонизм нацистов по отношению к «крупным» силам индустриального общества были обращены к одной и той же страте населения — к тем людям, которые ощущали себя лишенными корней или ущербными. В своей экономической идеологии региональные партии выражали чувства, сходные с теми, которые нацисты выражали еще перед тем, как обрели полную силу» 495 (с. 173–174).

В своей недавней работе, анализируя этот феномен в сравнительном европейском контексте, Вольфганг Сауер замечает, что слабее всего фашизм был в странах, где «процесс индустриализации протекал относительно мягко, как в государствах Западной Европы, чей политический подъем с конца Средних веков совпадал

⁷⁰ Clara Zetkin, «Der Kampf gegen den Faschismus», protocol of the Enlarged Executive of Communist International, цит. по: Francis L. Carsten, «Interpretations of Fascism», in Laqueur, ed., *Fascism*, p. 418.

⁷¹ Gino Germani, *Authoritarianism, Fascism and National Populism* (New Brunswick, N. Y.: Transaction Books, 1978), p. 47.

* Полную (франц.). — Прим. перев.

с подъемом современной цивилизации». А «сильнее всего он был в странах Средиземноморья и Центральной Европы, где были стойкими предшествовавшие Новому времени традиции Древнего Рима и средневековой Германии и Османской империи. <...> Другими словами, фашизм возник там, где существовали наиболее сильные доиндустриальные традиции, которые в то же время были наиболее чуждыми индустриализации, т.е. там, где подъем последней вел к кардинальному разрыву с прошлыми и к существенным потерям непромышленных классов»⁷². Франсис Карстен обращает внимание на аналогичное утверждение Эрнеста Нолта, предположившего, что «общества, подвергавшиеся быстрому социальному и экономическому преобразованию от доиндустриального состояния к индустриальному, оказывались благодатной почвой для фашистских движений... что период резкого перехода был самым трудным: когда процесс индустриализации был более или менее закончен, устанавливалось новое равновесие». Карстен приводит свидетельство Нолта в подтверждение существования обратного соотношения между уровнем индустриализации и силой фашистских движений: «Сельское население... в Албании и Югославии около 1930 г. составляло почти 80% от общего числа жителей этих стран, но в Англии эта цифра едва ли составляла более 10%. Очевидно, можно полагать, что в первой группе социальные предпосылки фашизма еще не существовали, в то время как в последней они больше не существовали, и только в центре Центральной Европы фашизм нашел предпосылки для полного развития»⁷³.

496

А Ханс Роггер так подытоживает выводы серии исследований, посвященных радикальному правому движению в одиннадцати странах:

«Именно в тех странах, где напряжение, создаваемое индустриализацией, социальным протестом, новизной политической борьбы или поражением в войне, еще не было практически или психологически преодолено, правое движение нашло свое характерное выражение. <...> Там, где старое и новое – парламентские принципы и патерналистская социальная структура, современная промышленность и феодальное или почти феодальное сельское хозяйство – с трудом уживались друг с другом, правое движение возникло, чтобы дать ответы на вопросы, с которыми новые институ-

⁷² Sauer, «National Socialism», p. 420.

⁷³ Ernst Nolte, *Die faschistischen Bewegungen* (Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1966), p. 189–190; см. также: Carsten, «Interpretations of Fascism», p. 426–427.

ты и процессы еще не были, а старые больше не были способны эффективно справляться. <...>

В конечном счете... несмотря на некоторую проницательность в оценке современного мира, правое движение демонстрирует... нигилистическую враждебность по отношению к современности, страх перед непривычным и инфантильную тоску по защите (со стороны нации, расы, безграничной власти или бесцельного активизма) от темных и непонятных сил, которые тайно угрожают со всех сторон»⁷⁴.

Тезис о том, что фашизм и нацизм были антимодернистскими движениями, разбивается об очевидность того факта, что, оказавшись у власти, они стремились к дальнейшей индустриализации своих обществ, чтобы увеличить их военный потенциал⁷⁵. Однако действительное поведение фашистских и нацистских партий в качестве правительств никак не проливает свет на природу их привлекательности; оно не помогает объяснить, каким образом они обеспечивали себе массу последователей. Как было замечено ранее, исследования социальной базы этих партий и в Италии, и в Германии показывают, что их сторонники по большей части происходили из доиндустриальных слоев — это были фермеры, ремесленники и представители малого бизнеса.

При любой попытке обобщения относительно опоры или даже идеологии фашистских движений должно признаваться, что эти факторы так или иначе различались от страны к стране. Основой фашизма везде был национализм. Каждое движение было отчасти выражением ощущения конкретной нацией того, что она лишается своего собственного места под солнцем и что силы ее подорваны влиянием буржуазного материализма, либеральных ценностей и интернациональной классовой политики марксизма. Таким образом, как указал Линц, нет ничего случайного в том, что «фашизм добился самых больших успехов и возник раньше всего в странах, потерпевших поражение, или, как Италия, считавших себя обманутыми со стороны победивших сил, — в Италии, Германии, Венгрии, Австрии»⁷⁶.

⁷⁴ Hans Rogger, «Afterthoughts», in Hans Rogger and Eugene Weber, eds., *The European Right: A Historical Profile* (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1965), p. 577, 578–588.

⁷⁵ A. J. Gregor, «Fascism and Modernization: Some Addenda», *World Politics* 26 (April 1974): 370–385.

⁷⁶ Linz, «Some Notes toward a Comparative Study», p. 15.

В современную эпоху фашизм в западных обществах, по видимому, исчез как жизнеспособное политическое движение. Знание причин, по которым это происходит, проливает некоторый свет на более ранние источники силы фашизма.

Связь правого экстремизма и ведущих консервативных, настроенных против модернизма интеллектуалов с дискредитированным фашизмом и нацизмом, несомненно, играет главную роль в ослаблении возможностей возрождения радикального правого движения. Неофашистские партии, где бы они ни пытались выставить своих кандидатов, везде потерпели поражение; исключение отчасти составляет Италия, где неофашистские и монархические группы в начале 1950-х годов оказались способными обеспечить себе около десятой доли голосов. Во Франции оппозиция – правое движение, возглавляемое Пьером Пужадом, имела некоторый успех на выборах в 1950-е годы, хотя эта партия оказалась нестабильной и быстро сошла со сцены. Как отмечалось в главе 5, пужадисты, которые были открытыми критиками демократической электоральной системы, обращались к доиндустриальным стратам, к мелким буржуа, ремесленникам и крестьянам и страстно нападали на ужасные последствия современного индустриального общества (с. 187–194). Они решительно солидаризировались с религиозными ценностями. Атаки на крупный бизнес, левые партии и союзы сочетались у них с критикой евреев и националистической защитой колониализма. Пужадисты делали упор на популистских настроениях, подчеркивая идею о том, что правительство должно контролироваться не партиями, а народом.

Слабость современных неофашистских и популистских движений, может быть, удивляет и глубоко оскорбляет тех, кто поддерживал фашизм перед Второй мировой войной. Изменения, произошедшие в обществе с середины 1960-х годов, стали моральным вызовом традиционной религии и патриотизму. Права меньшинств, женщин, гомосексуалистов были расширены, а понятия этики, в той мере, в какой они определяют сексуальное поведение, брак, аборт, отношения между поколениями, обращение с преступниками, использование наркотиков, дресс-код и манеры, а также нетрадиционное поведение, в целом решительно изменились.

Тенденции, конечно, не новые. Они напоминают изменения, которые отождествлялись с модернизмом и оскорбляли традиционалистов и правых экстремистов в первые десятилетия XX века. Однако теперь все это распространяется и доминирует гораздо сильнее, чем в предшествующую эпоху.

Неудивительно, что политической реакцией на эти изменения стала бóльшая поддержка избирателями консервативных партий. Кроме того, с целью сопротивления социальным переменам создавались группы, выступавшие против участия в Общем рынке, возникли «популистские» группы вроде Финской сельской партии* или пужадистской выступающей против подоходного налога Партии прогресса в Дании**, в различных странах организовывались протесты против широкого притока иностранных рабочих. Самое яркое выражение этот протест получил в 1970-х годах в Швейцарии, где местные организации провели по данному вопросу четыре референдума, на которых избиратели проголосовали против – от 46 до 29% – иммигрантского труда и были сформированы две антииммигрантские партии, Национального действия и Республиканцев⁷⁷. Однако ни одна из указанных групп не играет важной роли в политике своей страны.

Анализ общей природы недавних «популистских» протестных движений в контексте дискуссии о Финской сельской партии и пужадистском движении во Франции показывает, что этим движениям свойственно сопротивление «результатам модернизации во Франции, а именно урбанизации и индустриализации... упор на религиозность... ярко выраженный примитивизм... изоляционизм, особенно в вопросах внешней политики и... местный патриотизм наряду с уважением к внутренней политике». В небольших поселениях поддержку им оказывают «главным образом мелкие фермеры и бизнесмены», а в городах – люди, «которые жили там только короткое время»⁷⁸. Самая крупная из этих партий, Прогрессистская партия Дании, количество избирателей которой на выборах 1973, 1975 и 1977 гг. составляло около 15% всех голосов, а в 1979 г. упало до 11%, также поддерживается в основном теми, кто живет в сельских районах и провинциальных городах, людьми менее образованными, обслуживающими свое собственное предприятие, и фермерами⁷⁹.

499

* Создана в 1959 г. – *Прим. перев.*

** Создана в 1972 г. – *Прим. перев.*

⁷⁷ J. L. R. Martin, «Swiss Policy on Immigrant Workers and the *überfremdung* Initiatives: A Study in Consociational Democracy and Direct Democracy» (Ph. D. dissertation, Department of Political Science, Yale University, 1979).

⁷⁸ Risto Sankiahio, «A Model of the Rise of Populism and Support for Finnish Rural Party», *Scandinavian Political Studies* 6 (1971): 41.

⁷⁹ Mogens N. Pedersen, «Denmark: The Breakdown of Working Multiparty System» (unpublished paper, Odense University, Odense, Denmark, 1979), p. 51.

Исследование состава сторонников антииммигрантских партий в Швейцарии приводит к тем же выводам. Дэвид Швейцер подчеркивает их сходство с теми, кто поддерживал малые ультраправые послевоенные движения в других местах. «В Швейцарии Национальное действие и Республиканское движение, совсем как их коллеги в других странах, апеллируют главным образом к маргинальным незащищенным группам населения, сопротивляющимся современному большому бизнесу, большому правительству, большим организациям и растущей сложности социального порядка, которую они слабо, если вообще понимают»⁸⁰.

Изучение поведения избирателей на референдуме 1970 г. показало существование тесной связи между размером населенного пункта, в котором люди выросли — ферма, деревня, большой город или пригород, — и тем, как они голосовали. Противники иммиграции были склонны согласиться с вопросами, сгруппированными под категориями «традиционализм» и «моральный ригоризм», и противостоять социальным изменениям⁸¹. Как заключает Джанет Мартин, «для этих консервативных швейцарцев рабочие-иммигранты, по-видимому, символизировали тенденцию к экономической и социальной модернизации, тенденцию, которой они боялись и которую надеялись повернуть вспять посредством прекращения иммиграции»⁸².

Италия — единственная страна в Европе, в которой неонацистская партия, Итальянское социальное движение (ИСД)*, имеет очевидную поддержку электората около 5%. Но это значительно ниже того уровня поддержки, которого она вместе с Монархической партией**, — последнюю ИСД поглотила в 1972 г. — достигла в первое послевоенное десятилетие (12,7% в 1953 г.). Лидеры ИСД отрицают «материализм, как в американском, так и в русском варианте, в пользу «духовных ценностей»»⁸³.

Обзор данных относительно характера поддержки политических тенденций в Италии и Франции в середине 1960-х годов показывает, «что по крайней мере на электоральном уровне неонацизм, пужадиизм и “активизм” крайне правых — таких как немецкий нацизм,

⁸⁰ David R. Schweitzer, «Status Politics and Conservative Ideology: A French-Swiss Case in National and Comparative Perspective», *European Journal of Political Research* 5 (September 1977): 398.

⁸¹ Martin, «Swiss Policy», p. 338–144.

⁸² Martin, «Swiss Policy», Abstract, third page.

* Неонацистская и постфашистская партия (MSI), созданная в 1946 г. бывшими сторонниками Муссолини. — *Прим. перев.*

** Создана в 1946 г. — *Прим. перев.*

⁸³ «Gollum and Friends», *Economist*, October 11, 1980), p. 56.

бельгийский рексизм*, французский *Croire de Feu*** , румынская Железная гвардия*** 1930-х годов — выражают интересы мелкой буржуазии». Мэтти Догэн продолжает эту мысль, подчеркивая, что «изучение самых разнообразных проблем — экономических, социально-культурных, религиозных и моральных — показывает, что [главные приверженцы этих движений], так называемые независимые буржуазные партии, провозглашают более узкие, более «дремучие» [антиинновационные] мнения, чем средняя буржуазия, которая в свою очередь кажется чем-то менее либеральным и толерантным, чем более высокий слой буржуазии». Это справедливо не только для Франции и Италии, но и для многих других стран⁸⁴.

Такую же модель мы находим в Германии, где популярность неонацизма в лице Национал-демократической партии с высокого уровня почти в 5% голосов на парламентских выборах 1969 г. упала до 1% в 1980 г. Анализ состава ее приверженцев в государственных и национальных выборах конца 1960-х годов показывает, что «правая Национал-демократическая партия имела сторонников главным образом в маленьких городах среди людей более старшего возраста, низкого образовательного уровня и занятых в традиционных для среднего класса профессиях»⁸⁵.

Если говорить о правых движениях в Европе и США в последние десять лет, то здесь самое поразительное не сам факт их существования, но их слабость, особенно если вспомнить, насколько сильны были у этих движений электоральная поддержка и активность членов в период между Первой и Второй мировыми войнами. Конечно, стимулы для этих движений налицо. Угроза статусу, власти и культурному влиянию традиционных элементов существует большая.

* Фашистское движение в Бельгии, существовавшее с 1930 по 1945 г. Название происходит от латинского выражения «Christus Rex» («Царь Христос»), бывшего также названием консервативного католического журнала. — *Прим. перев.*

** «Огненные кресты», или «Боевые кресты», — одна из праворадикальных группировок (1927–1936), опиравшаяся сначала на бывших участников Первой мировой войны, награжденных «военным крестом». Впоследствии членство было открыто для всех ветеранов и членов их семей. «Огненные кресты» участвовали в фашистском мятеже 6 февраля 1934 г. в Париже, в 1936 г. декретом правительства Народного фронта организация была распущена. — *Прим. перев.*

*** Националистическая организация в Румынии, известная также как «Легион Михаила Архангела», была основана в 1938 г. — *Прим. перев.*

⁸⁴ Mattei Dogan, «Political Cleavage and Social Stratification in France and Italy», in S. M. Lipset and Stein Rokkan, eds., *Party System and Voter Alignments* (New York: Free Press, 1967), p. 159.

⁸⁵ Gerhard Loewenberg, «The Development of German Party System», in Karl Cerny, ed., *Germany at the Polls: The Bundestag Election of 1976* (Washington, D. C.: American Institution for Public Policy Research, 1978), p. 23.

Урбанизация и индустриализация продолжают быстрым темпом. После Второй мировой войны власть во многих странах завоевали левые политики. В большинстве государств было узаконено давление власти на частный бизнес посредством национализации и правительственного регулирования. Коммунизм продолжил свое распространение на международном уровне. С середины 1960-х годов произошла настоящая культурная революция в отношениях между полами и поколениями. Поведение, которое правые в период между Первой и Второй мировыми войнами характеризовали как «безнравственное», сегодня является гораздо более распространенным, чем когда-либо раньше.

Тем не менее экстремистские движения, нацеленные на противостояние такому развитию событий, получили сравнительно малую поддержку. Проблема состоит, таким образом, в том, чтобы объяснить причину скорее не того, почему не происходит возрождения мощной реакционной правой политики, а того, почему эта политика терпит поражение. Очевидная политическая слабость правых сил объясняется, кажется, тем, что их социальная основа оказалась подорванной произошедшими структурными изменениями. Доля населения, остающегося занятым в сельском хозяйстве, значительно уменьшилась, как и доля населения, живущего в малых городах. С другой стороны, происходит быстрый рост числа людей, занятых в профессиях, требующих продвинутого образования, и пределы этого роста определяются профессиональными и образовательными тенденциями, вызванными возникновением постиндустриального общества. Эти же тенденции привели к уменьшению доли населения, вовлеченного в религиозную деятельность, особенно ортодоксального или фундаменталистского толка, что подвигнуло традиционалистов к протестным моралистическим движениям и в то же время препятствовало тому, чтобы они играли важную политическую роль⁸⁶. По-видимому, усилия по возрождению правых экстремистских движений наталкиваются на серьезные трудности, поскольку пришла в упадок их традиционная социальная база.

Отсутствие воинственного протеста может быть также связано с общим процветанием в послевоенные годы. В течение 35 лет после Второй мировой войны засвидетельствован самый долгий пери-

⁸⁶ См. мою статью «The Revolt against Modernity» в готовящейся сейчас к печати книге «Modernization versus Traditional Values» (под редакцией Ирвинга Луиса Горовитца), в которой подробно рассматриваются религиозные и другие протестные движения. См. также: S. M. Lipset and Earl Rabb, «The Election and the Evangelicals», *Commentary* 71 (March 1981): 25–31.

од существования мира без серьезной депрессии со времени начала промышленной революции. В большинстве западных индустриальных стран (Англия здесь явное исключение) это было время устойчивого роста, который привел к значительному увеличению национального дохода на душу населения и к расширению возможностей для вертикальной социальной мобильности. Периоды спадов и инфляции, конечно, были, но по сравнению с аналогичными периодами перед последней войной менее острые и более кратковременные. И хотя многие люди пострадали от экономических неудач, эти неудачи были не столь серьезными или не столь широко распространенными, как в предшествующие эпохи. Таким образом, экономическое недовольство не способствовало разжиганию огня воинственной политической агитации. Следует заметить, что возникновение в Швейцарии крупномасштабного нативистского протеста против присутствия иностранных рабочих произошло в 1970-х годах во время тяжелой экономической рецессии.

Кажется маловероятным, чтобы в условиях, когда отсутствуют серьезные экономические кризисы или главные международные вызовы национальной безопасности, в развитых странах снова возникли правые экстремистские партии в качестве основной угрозы демократическому процессу. Повторимся, что наиболее замечательной чертой подобных попыток начиная с 1960-х годов является невозможность мобилизовать влиятельных последователей. Экстремистские движения редко обеспечивают себе более 5% голосов. Как бы ни оценивалась политика различных новых правых, их приверженцев, несмотря на существование малых групп неофашистов и террористов, редко можно обвинить в приверженности к экстремистской тактике. По большей части они встречают мощное моралистическое противодействие внутри консервативных или религиозных партий и церквей.

Голосование и демократическая классовая борьба в постиндустриальном обществе

В представленном выше анализе поведения избирателей при голосовании подчеркивается, что «в каждой современной демократии конфликт между различными группами выражается через политические партии, которые в основном и обеспечивают “демократическое воплощение классовой борьбы”» (с. 265). В подтверждение этого тезиса в главах 7, 8 и 9 обсуждаются различные данные из многих

стран, включая США. Важную роль в определении социального состава сторонников партии и ее членов играют также и многие другие структурные элементы, такие как религия, регион, расовая принадлежность и факторы, относящиеся к определенному поколению⁸⁷.

Однако с тех пор, как вышла настоящая книга, это общее положение стало менее значащим. Исследование поведения избирателей в Швеции – стране, в которой голосование сильнее, чем где бы то ни было, связано с классовым положением избирателей, обнаруживает общее для большинства западных стран направление движения. Как отмечает Джон Стивенс, «некоторые из шведских исследований массового политического поведения раскрыли долговременную тенденцию, начиная с 1964 г., к ослаблению социально-классового влияния на политическое поведение, а... один исследователь обнаружил также долговременную тенденцию к растущей нестабильности электората»⁸⁸.

504

По-видимому, существовавшие ранее в Европе наиболее явные формы классового сознания идут на убыль, а класс в развитом индустриальном обществе имеет гораздо меньшее, чем когда-то, значение в качестве источника политической борьбы. На рис. 1 показана тенденция в классовом голосовании в Швеции, Германии, Англии и Америке с 1952 по 1980 г. Используемый здесь Индекс Олфорда определяет разницу между долями рабочих ручного и машинного труда, голосующих за левую партию⁸⁹. Чем больше число избирателей, тем, следовательно, сильнее связь между классовыми и партийными предпочтениями. Как видно из рис. 1, в ряде промышленно развитых стран произошел заметный спад голосования на основе классовой принадлежности.

В промышленно развитых обществах изменения в сфере классовых и политических отношений могут быть проанализированы в рамках аполитичного марксизма, т.е. исходя из допущения, что формы этих отношений будут определяться уровнем технологии. Некоторые современные исследователи считают, что классовая политика идет на убыль потому, что политические системы переходят в новую стадию, которую, за неимением лучшего имени, они называют постиндустриальной.

⁸⁷ Более позднюю попытку классификации факторов, оказывающих влияние на группы избирателей, см.: Seymour Martin Lipset and Stein Rokkan, «Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction», in Lipset and Rokkan, eds., *Party System and Voter Alignments*, p. 1–64.

⁸⁸ John D. Stephens, «The Changing Swedish Electorate: Class Voting, Contextual Effects, and Voter Volatility», *Comparative Political Studies* 14 (July 1981).

⁸⁹ Robert Alford, *Party and Society: The Anglo-American Democracies* (Chicago: Rand McNally, 1963).

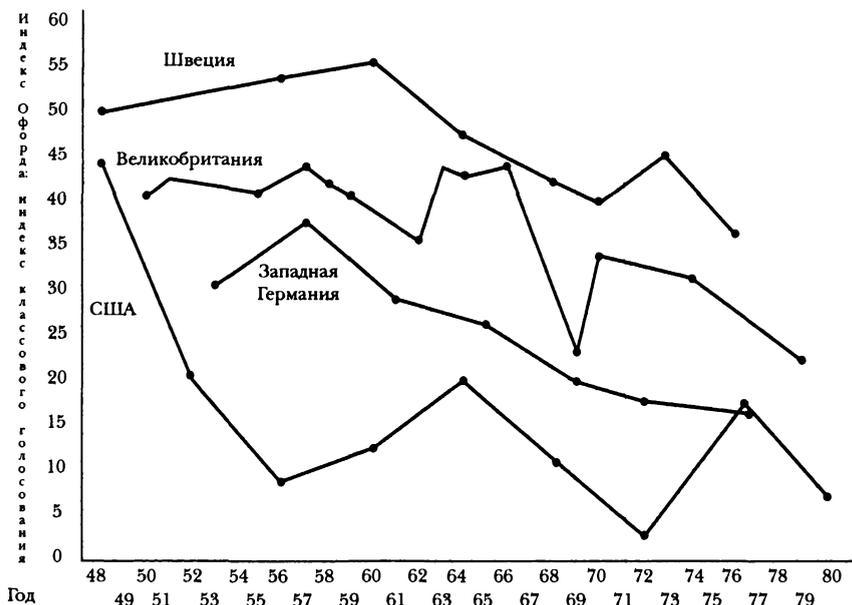

Рис 1. Тенденции в классовом голосовании в четырех западных демократиях, 1948–1980

Источники:

Английские данные, 1950–1970: John W. Books and J. B. Reynolds, «A Note on Class Voting in Great Britain and in the United States», *Comparative Political Studies* 8 (October 1975), p. 360–375. Данные за 1974 и 1979 гг. взяты из книги: Samuel E. Finer, *The Changing British Party System, 1945–1979* (Washington, D. C.: American Enterprise Institute, 1980).

Шведские данные: John D. Stephens, «The Changing Swedish Electorate: Class Voting, Contextual Effects, and Voter Volatility», *Comparative Political Studies* 13 (July 1981).

Немецкие данные: Kai Hildebrandt and Russel J. Dalton «The New Politics: Political Change or Sunshine Politics?» in Max Kaase and Klaus von Beyme, eds., *Elections and Parties: Sociopolitical Change and Participation in the West German Federal Election of 1976* (Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1978), p. 69–96.

Американские данные, 1948–1972: Paul R. Abramson, «Class Voting in the 1976 Election», *Journal of Politics* 40 (January 1978), p. 1066–1072. Данные за 1976–1980 гг. взяты из CBS – *New York Times* Exit Polls.

Эти общества являются постиндустриальными, потому что тенденции, проанализированные Марксом, – расширение участия рабочих в управлении промышленным производством, рост фабрик, крупных ферм и т.д. – завершились. Третичная занятость в сфере услуг растет быстрее, чем рабочие места в промышленности. Доля (а в некоторых странах абсолютное число) рабочих ручного труда идет

506

на убыль. Все больше становится белых воротничков, и распространение получают такие профессии, как технический, специальный или научный персонал и сфера обслуживания. Классовая структура стала теперь гораздо больше походить на раздувшееся посередине ромбовидное образование, чем на пирамиду. Для такой экономики необходим высокий уровень образования, и число студентов университетов возросло многократно. Образование, наука и интеллектуальная деятельность приобрели более важное, чем раньше, значение.

507

И западные (Дэниел Белл, Збигнев Бжезинский, Джон Кеннет Гэлбрейт и Ален Турен), и восточные (Радован Рихта и его коллеги в Чехословацкой академии наук и советские теоретики, такие как П. Н. Федосеев, В. Косолапов и В. Г. Афанасьев) ученые подчеркивают тот факт, что главным источником социальных и экономических изменений стало *теоретическое* и *научное* знание, оказывающее непосредственное влияние на социальную структуру, ценности и нравы, и что поэтому научные и технологические элиты обладают сегодня значительным престижем и властью. Советские ученые и политические лидеры выдвигают концепцию научно-технической революции, схожую с концепцией постиндустриального общества⁹⁰. По словам русского социолога Петра Федосеева, «всеохватывающее качественное преобразование производительных сил как результат науки создает главный фактор в развитии социального производства»⁹¹. Рихта и другие отмечали в 1968 г., что «значение науки как ведущей переменной в национальной экономике возрастает. <...> Налицо признаки роста нового типа, с новой динамикой, являющейся результатом непрерывных структурных изменений в производительных силах, так что величина средств производства и человеческой силы становятся менее важными показателями, чем их изменяющееся качество и степень использования»⁹². Далее они указывают на

⁹⁰ Daniel Bell, *The Coming of Post-Industrial Society* (New York: Basic Books, 1973); Alain Touraine, *The Post-Industrial Society: Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts, and Culture in the Programmed Society* (New York: Random House, 1971); J. Gurshun, *After Industrial Society? The Emerging Self-service Economy* (London: Macmillan, 1978); Piotr N. Fedoseev, «The Social Significance of the Scientific and Technological Revolution», *International Social Science Journal* 27 (June 1975): 152 [П. Н. Федосеев. Социальное значение научно-технической революции // Вопросы философии. 1974. № 7]; Ferkiss, «Daniel Bell's Concept», p. 97; см. также: V. G. Afanasyev, *The Scientific and Technological Revolution: Its Impact on Management and Education* (Moscow: Progress Publishers, 1975).

⁹¹ Fedoseev, «The Social Significance», p. 152 [Федосеев П. Н. Социальное значение научно-технической революции].

⁹² Radovan Richta et al. *Civilization at the Crossroads: Social and Human Implications of the Scientific and Technological Revolution* (White Plains, N. Y.: International Arts and Humanities Press, 1969), p. 39.

«относительное снижение количества труда, поглощаемого промышленностью и связанными с ней видами деятельности» и на перспективу того, что «в грядущие десятилетия в промышленных странах в сектор сферы услуг будет привлечено от 40 до 60% национальной рабочей силы, как это уже произошло в США»⁹³. Турен, который все еще является сторонником левых движений во Франции, тем не менее предполагает, что в результате рассмотренных тенденций основа политической власти на Западе изменилась: «Если раньше принадлежность к господствующему классу определялась размером собственности, то теперь принадлежность к господствующему классу определяется знанием и конкретным уровнем образования»⁹⁴.

В значительной части исследований постиндустриального общества можно видеть совпадение с марксистской установкой — или отклонение от нее — на исторический материализм, в основании которого в конечном итоге лежит методологическое предположение, что главный определяющий фактор социального развития — это изменение в технологической структуре и что культурные и политические «надстройки» отличаются соответственно базисным уровням технологии. Это неудивительно, поскольку ряд ведущих авторов этого подхода, такие как Дэниел Белл, Джон Кеннет Гэлбрейт, Ален Турен и Радован Рихта, были социалистами или неомарксистами. Возникающие страты постиндустриализма, корни которых находятся в университете, в научном и интеллектуальном мире, и которые весомо представлены в общественном секторе и в свободных профессиях, создали свои собственные особенные ценности. Согласно Рональду Инглхарту, эти ценности, которые он определяет как «постматериалистические» (или «постбуржуазные»), связаны с конкретными потребностями «самореализации» и проявляются в стремлении к менее безликому, более упорядоченному, более культурному обществу, к более свободной личной жизни и к демократизации политической работы и общественной жизни. Все это идет вразрез с интересами, доминирующими среди традиционных классов индустриального общества, которые больше озабочены материальными потребностями,

508

⁹³ Richta et al. *Civilization at the Crossroads*, p. 120–124; David R. Cameron, «Postindustrial Change and Secular Realignment» (Ph. D. dissertation, Department of Political Science, University of Michigan, 1976), p. 17–47; Todd La Porte and C. J. Abrams, «Alternative Patterns of Postindustrialism: The California Experience», in Leon N. Lindberg, ed., *Politics and the Future of Industrial Society* (New York: David McKay, 1976); Alvin W. Gouldner, *The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class* (New York: Seabury, 1979), p. 15; Sidney Pollard, «The Rise of the Service Industries and White-Collar Employment», in Bo Gustafsson, ed., *Post-Industrial Society* (New York: St. Martin's, 1979), p. 17–47.

⁹⁴ Touraine, *The Post-Industrial Society*, p. 51; Gouldner, *The Future of Intellectuals*, p. 83.

т.е. средствами к существованию и безопасности. Для людей, имеющих такие цели, на первом месте стремление к высокому уровню жизни, стабильная экономика, экономический рост, прочная семья, уничтожение преступности и сохранение порядка⁹⁵.

Другой исследователь изменений, происходящих в ценностях, Скот Флэнеген, переосмыслил и расширил соответствующие определения. Он предположил, что развитая технология привела к тому, что традиционное сознание стало меняться на либертарианское, сдвигаясь «в четырех измерениях: к умеренности в отличие от поворота своим желанием; к пиетизму в отличие от секуляризма; к конформизму в отличие от независимости и к доверию к власти в отличие от отстаивания собственных прав»⁹⁶. Инглхарт также отметил, что это изменение ценностей связано с общей атмосферой достатка и с отсутствием крупных войн. Поколения, достигшие совершеннолетия в период после Второй мировой войны, придерживались ценностей, весьма отличных от ценностей предшествующих когорт, которые выросли в условиях экономического дефицита и пережили ужасные депрессии и международные конфликты. Несмотря на то что постбуржуазные ценности принадлежат определенному поколению, они, конечно, в гораздо большей степени распространены среди наиболее образованных и богатых индивидов.

Эти утверждения важны, хотя некоторые из предположений относительно снижения значения материальных проблем можно поставить под вопрос. Алан Марш, анализируя английские данные, находит, что сами «постматериалисты» не являются людьми антиматериальными. Его исследование показывает, что если речь идет о «недостатке денег, или о финансовом долге, или о необходимости сверхдохода», то здесь разницы между материалистами и постбуржуа не существует. Эти группы различаются не отношением к материализму, а просто своими политическими идеологиями. «Группы постбуржуа, — заметил Марш, — отличаются от Стяжателей своей относительной юностью, здоровьем и образованием, а также отношением к идеологии»⁹⁷.

⁹⁵ Ronald Inglehart, «The Silent Revolution in Europe: International Change in Post-Industrial Societies», *American Political Science Review* 65 (December 1971): 991–1017; idem., *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics* (Princeton University Press, 1977); idem., «Value Priorities and Socioeconomic Change» in Samuel H. Barnes et al., eds., *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies* (Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1979) p. 305–343.

⁹⁶ Scott C. Flanagan, «Value Change and Partisan Change in Japan: The Silent Revolution Revisited», *Comparative Politics* 11 (April 1979): 274.

⁹⁷ Alan Marsh, «The Silent Revolution, Value Priorities, and the Quality of Life in Britain», *American Political Science Review* 61 (March 1975): 28.

Как бы мы ни называли это изменение в ценностной ориентации, оно имело глубокое воздействие на политическую сферу. Как заявил Инглхарт, «важны политические смыслы этих гипотез. Во-первых, в них содержится мысль о том, что растущее процветание не может положить конец политическому конфликту, как это, казалось, обещал тезис о “конце идеологии”, даже если этот тезис был отчасти верен, — растущее процветание, очевидно, привело к упадку традиционных форм социального классового конфликта. Однако из-за приверженности этому тезису мы не сумели предвидеть, что, как только выдвигаются новые цели, появляются новые поводы для конфликта»⁹⁸. Основа политического разделения индустриального общества была материалистической, включая борьбу за распределение богатства и доходов наряду с продолжающимися бок о бок с ней существовать религиозными, этническими и региональными конфликтами, сохраняющимися со времен доиндустриального мира. Но постиндустриальная политика все больше занята неэкономическими, или социальными, проблемами — незагрязнение окружающей среды, улучшение культуры, равное положение для женщин и меньшинств, качество образования, международные отношения, большая демократизация и более терпимая мораль, особенно в вопросах, касающихся семьи и отношения полов.

Эти проблемы породили новые основания для политического раскола, отличные от тех, что были характерны для индустриального общества, и привели к возникновению множества протестных движений «по единственной проблеме». Поскольку существующим политическим партиям было трудно увязать позиции по новым вопросам со своими традиционными социально-экономическими основаниями, во многих странах уменьшились партийная преданность и даже показатели участия в голосовании. Из-за перекрестного давления несхожих позиций в отношении экономических и социальных ценностей фактически уменьшилась значимость верности партиям, ранее связанным со структурными источниками раскола в индустриальном обществе.

Элементы реформ, касающиеся постматериалистических или социальных проблем, в значительной степени получают поддержку со стороны не рабочих или менее привилегированных слоев, составляющих в индустриальном обществе социальную базу левых сил, а со стороны хорошо образованной богатой части общества, от студентов, ученых, журналистов, лиц свободных профессий и госслужащих. «Новые левые», «Новая политика», «Партии зеленых» — все

⁹⁸ Inglehart, «Value Priorities», p. 210–211.

они поддерживаются этими слоями. Большинство рабочих, с другой стороны, остаются занятыми материальными вопросами. Менее образованные, менее космополитичные, менее богатые, менее защищенные люди — это также люди более традиционные, более консервативные по своим социальным взглядам.

Таким образом, левых сейчас двое — «материалист» и «постматериалист», и поддержку они находят в разных классах. Между ними возник конфликт интересов в отношении результатов мер экономической политики, влияющих на рост экономики. Материалиста заботит рост постоянно увеличивающегося пирога, поскольку он хочет, чтобы менее привилегированные слои могли иметь все больше, тогда как постматериалиста больше интересует качество жизни. Как заявляет чернокожий политолог Уиллард Джонсон, левые постматериалисты «виновны в том, что подходят к обсуждению проблемы с ценностной точки зрения, которая, при всей ее гуманности, игнорирует проблемы бедности. <...> Несомненно, их отношение продиктовано тем, что качество жизни действительно важно, но они, как мне кажется, ошибаются относительно вклада, который могут сделать в это материальные блага»⁹⁹. Или, как недавно утверждал Энтони Кросленд (член кабинета в нескольких лейбористских правительствах), те, кто стремится ограничить развитие, с тем чтобы сохранить окружающую среду, являются «добрыми и преданными своему делу людьми. Но они богаты и, по сути, хотя, конечно, неосознанно, хотят обрушить лестницу позади себя»¹⁰⁰.

И те и другие левые часто состоят в одной и той же партии (Демократической, Социал-демократической или даже Коммунистической, как в Италии), но имеют разные взгляды и интересы. Один из комментаторов усматривает параллель между этими двумя видами левых и противоречием между Марксом и утопическими социалистами, исходя из того, что и в том и в другом случае обе стороны выступают за социальное равенство, но расходятся во мнениях относительно роли, которую играет в его достижении развитие экономики¹⁰¹. Интеллигенция, приверженная Новой политике, не любит профсоюзы, считая, что они, как и бизнес, являются скорее «материалистическими», чем «общественно заинтересованными». В результате некоторые рабочие движутся вправо, в сторону более

⁹⁹ Willard R. Johnson, «Should the Poor Buy No Growth?», *Daedalus* 102 (Fall 1973): 174.

¹⁰⁰ Anthony Crosland, *Socialism Now* (London: Jonathan Cape, 1974), p. 77–78.

¹⁰¹ Watts, «Post-Material Values and Political Change: Hypotheses for Comparative Research» (доклад, представленный на втором ежегодном собрании Международного общества политической психологии в Вашингтоне (D. C.), в 1979 г.).

консервативных группировок, которые поддерживают развитие, выступают за конкурентное мобильное общество и сохраняют веру в традиционные социальные ценности. Левые, однако, получают поддержку со стороны растущей армии интеллигенции. Таким образом, взаимосвязь между классовым и партийным голосованием стала менее тесной.

В соответствии с классической логикой исторического материализма США, как самое развитое государство, должны одними из первых продемонстрировать характерную политику постиндустриализма. Похоже, факты подтверждают это предположение. Как указал в 1971 г. Жан-Франсуа Ревель, «одна из самых поразительных черт последнего десятилетия состоит в том, что все новые революционные движения в мире возникли в США. <...> Я имею в виду комплекс новых оппозиционных явлений, обозначенных термином «инакомыслие»¹⁰². Критически настроенная интеллигенция, опирающаяся на новый средний класс, возникла на заре 1950-х годов в ходе формирования движения за «реформы» внутри Демократической партии и положила начало тому, что впоследствии получило название «Новая политика». «Политические обозреватели отметили, что в Нью-Йорке, Калифорнии, Висконсине, Миссури и других местах, в городских и провинциальных клубах, занятых вопросами реформы, появилось значительное число университетски образованных, социально мобильных, хорошо ориентирующихся в проблеме избирателей»¹⁰³.

В 1960-е годы Новая политика достигла расцвета, получив свое выражение в оппозиции Вьетнамской войне, в борьбе за гражданские права, за права женщин и свободу геев, в движении в защиту окружающей среды, а также в возникновении новых стилей жизни. Как подчеркивает Джейн Киркпатрик, «обычной чертой нашей политики стало вовлечение базовых культурных символов в политическую сферу. Благодаря росту числа студентов колледжей, а также электронным средствам массовой информации и популярным журналам получила распространение *avant garde* культура, и вследствие этого антибуржуазные отношения... стали основой антиистеблишментной политики 1960-х годов. <...> Сегодня очевидно, что нападки на традиционную культуру инициировались молодыми и не столь молодыми представителями относительно привилегированных классов, в то время как базовые институты общества защищались

512

¹⁰² Jean-François Revel, *Without Marx or Jesus* (Garden City, N. Y.: Doubleday, 1971), p. 6.

¹⁰³ Jeane Kirkpatrick, «Politics and the New Class», in Barry Bruce-Briggs, ed., *The New Class?* (New Brunswick, N. J.: Transaction Books, 1979), p. 43.

менее процветающими, менее образованными гражданами, занимающими более низкое социальное положение»¹⁰⁴.

Внутри Демократической партии между левыми Новой политики и традиционными левыми, опирающимися на рабочий класс, возникло серьезное противоречие. Можно сказать, что поражение партии на президентских выборах 1968 и 1972 гг. отчасти произошло из-за раскола между старыми и новыми левыми. Как видно на рис. 1, кривая классового голосования в Америке упала в 1952 и 1956 гг., поднялась в 1960 и 1964 гг., опустилась почти до ничтожного уровня в 1968 и 1972 гг., повысилась в 1976 г. и опять упала в 1980 г. С 1952 г. демократы побеждали на всех выборах, где росло классовое голосование. В 1952 и 1956 гг. потерпел поражение демократический кандидат в президенты Эдлай Стивенсон, которого в Америке часто называли инициатором феномена новой политики. Он сознательно стремился избегать проблем Нового курса, связанных с экономикой и классовыми конфликтами, делая акцент на культурных и социальных вопросах.

Некоторый подъем классового голосования в 1960 г. произошел в значительной степени в ответ на особое обращение Джона Кеннеди к малоимущим этническим группам, исповедующим католицизм. Оно резко возросло в 1964 г., когда сенатор Барри Голдуотер, кандидат от Республиканской партии, выступал за отказ от многих принципов государства благосостояния и профсоюзов, в то время как Линдон Джонсон делал упор на реформаторские меры Нового курса. В 1968 г. сторонник Нового курса Губерт Хамфри был кандидатом в президенты от Демократической партии, но он потерял голоса и левых и правых из-за остроты неэкономических проблем. Многие избиратели из числа синих воротничков поддерживали Джорджа Уоллеса, выступавшего против позиции Хамфри относительно гражданских прав, в то время как левые Новой политики, сторонники которых во время праймериз голосовали за Юджина Маккарти или Бобби Кеннеди, отказывались поддерживать Хамфри из-за его отказа положить конец войне во Вьетнаме и связей со старой политикой.

Эти факторы продолжали определять электоральное поведение в последующее десятилетие. В 1972 г. левая Новая политика добилась выдвижения от Демократической партии своего кандидата — Джорджа Макговерна, но на всеобщих выборах он потерпел сокрушительное поражение. Макговерн был первым с 1920-х гг. демократическим кандидатом в президенты, не получившим поддержки рабочего движения (АФТ—КПП), в результате многие избиратели из синих

¹⁰⁴ Kirkpatrick, «Politics and the New Class», p. 44–45.

воротничков отвернулись от демократов и предпочли голосовать за Ричарда Никсона, который в ходе своей предвыборной кампании ратовал за традиционные ценности и за закон и порядок. О расколе между левыми в Демократической партии можно судить по выражению, имевшему хождение в том крыле партии, к которому принадлежал Хамфри и которое опиралось на поддержку профсоюзов: здесь Макговерна изображали как кандидата «амнистии, аборта и ЛСД». Однако четыре года спустя демократы оказались способными вновь завоевать Белый дом, когда оба кандидата от главных партий были определены как социальные консерваторы. Таким образом, многие рабочие, ранее голосовавшие за Никсона или Уоллеса, вернулись к демократическому курсу, чтобы поддержать Джимми Картера.

Предвыборная борьба Демократической партии в 1980 г. привела к прямой конфронтации между Джимми Картером, неофициально считавшимся социальным консерватором, и Эдвардом Кеннеди — неофициально либеральным кандидатом Новой политики. Последний также старался по экономическим вопросам апеллировать к рабочим и меньшинствам. Опросы общественного мнения, однако, свидетельствовали о стойкой взаимосвязи между социально-экономическим статусом избирателей и их предпочтениями в отношении кандидатов: менее привилегированные и более старшие по возрасту избиратели поддерживали действующего президента, а более богатые, лучше образованные и более молодые люди поддерживали его оппонента.

Ни тот ни другой из двух главных партийных номинантов, ни Рейган, ни Картер не устраивал сторонников постматериалистических ценностей. Поэтому в период избирательной кампании 1980 г. они поддерживали в основном независимого альтернативного кандидата — Джона Андерсона, в программе которого делался упор на просвещенный социальный либерализм. В «Нью-Йорк таймс» от 27 июня 1980 г. организаторы кампании Андерсона заняли целую полосу призывами к поддержке этого кандидата за его программу, включавшую пять вопросов: защита окружающей среды, гражданские права, поправка к статье о равных правах*, предоставление бедным средств для абортных из федеральных фондов и сокращение чрезмерного числа правительственных постановлений. Опросы общественного мнения показали, что опору Андерсона (около 22% на пике его популярности в июле) составляли главным образом более

* Имеется в виду поправка к статье американской Конституции, гарантирующая равные права женщин; впервые она была представлена Конгрессу в 1923 г. и окончательно ратифицирована в 1982 г. — *Прим. перев.*

богатые люди, выпускники колледжей, представители свободных профессий, евреи и те, кто называли себя либералами. Его 300-страничное «программное» заявление, вышедшее в августе, было относительно консервативным в сфере экономических вопросов и весьма либеральным в вопросах социальной и внешней политики. Данные опроса также показали, что сторонники Андерсона были гораздо более социально либеральными, богатыми и лучше образованными, чем сторонники Картера. Профсоюзы решительно выступали против Андерсона и отдавали предпочтение демократическому кандидату.

515 В самих выборах 1980 г. классовые факторы опять отошли на второй план. Поддержка Андерсона быстро таяла — вполне типичная ситуация в США, когда дело идет о кандидатах третьей партии. Теперь более важными, чем в 1976 г., были различия партийных позиций в отношении социальных проблем. Республиканцы открыто отвергали многие социальные программы Новой политики, поправку к статье о равных правах, правительственное финансирование абортов для бедных людей и такие меры, как перевозка школьников с целью стимулирования расовой интеграции. Рональд Рейган объединил усилия своей кампании с усилиями высокоморалистических евангелических религиозных групп, которые противостояли политикам, поощрявшим новую социальную вседозволенность.

Хотя Джимми Картер старался возражать, когда его отождествляли с социальными политиками, которых поддерживало в его партии крыло Новой политики, он не мог открыто отречься от них и надеялся сохранить их поддержку. Таким образом, в 1980 г. социальные вопросы в гораздо большей степени определяли результаты выборов, чем четыре года до этого.

В течение 1960-х годов, как подчеркнул Жан-Франсуа Ревель, «новый стиль» американского активизма — движения, стремящиеся к решению одной-единственной проблемы, — и радикальная культурная политика распространяются в других частях развитого мира, вступающих в стадию постиндустриализации. Во всех европейских странах возникло протестное студенческое движение. Сильные левые тенденции укоренились в новых группах среднего класса, которые бросали вызов умеренному руководству социалистических партий, опирающемуся на профсоюзы. Но эти движения «копировали американский образец или являлись его продолжением, следовали за ним. <...> Европейские инакомыслящие, которые представляют единственную силу, способную пробудить как левых, так и правых,

как Восток, так и Запад от их академической беспристрастности, являются учениками американских движений»¹⁰⁵.

В Швеции социал-демократы, активно отстаивавшие меры, ведущие к экономическому росту, в качестве наиболее верных способов достижения «лучшего, более справедливого мира», были ослаблены дискуссией об атомной энергии. В конце 1970-х годов, в то время как большинство интеллектуалов и студентов внутри Социал-демократической партии занимали антиядерную позицию, профсоюзы решительно выступали за расширение строительства заводов, работающих на ядерной энергии. Это разделение серьезно препятствовало электоральным усилиям партии, создавая предпосылки для ее первого поражения за сорок четыре года. Главной победой с точки зрения завоевания электората было создание Партии Центра*, наиболее активной антиядерной партии, выступавшей также за нулевой экономический рост. Один из исследователей так сформулировал проблему ядерной энергии, стоявшую перед социал-демократами: «Шведским избирателям было трудно совместить вопрос об атомной энергии с привычными для них политическими моделями мышления. Молодые левые решили, что позиция Партии Центра в отношении атомной энергии является более левой, чем политика социал-демократов. Обычная расстановка левых и правых сил между партиями утратила свое значение, столкнувшись с проблемой атомной энергии: Партия Центра заняла левую позицию, а Социал-демократическая — более правую»¹⁰⁶.

Этот конфликт должен уже стихнуть. Социал-демократы оставались разделенными, пока шла кампания референдума по ядерной энергии в марте 1980 г. Некоторые из ведущих партийных интеллектуалов открыто поддерживали на голосовании самую крайнюю антиядерную альтернативу, примыкая к Партии Центра. Это разделение внутри левых нанесло в целом ущерб поддержке, оказываемой им со стороны рабочего движения. Согласно данным национального опроса, всеобщую забастовку, созванную рабочей федерацией (ЛО**) в мае 1980 г., поддержали только 25% опрошенных, хотя обычно

¹⁰⁵ Revel, *Without Marx*, p. 6–7.

* Либеральная партия в Швеции, основана в 1913 г., до 1958 г. называлась «Фермерский союз», по итогам парламентских выборов 2010 года получила 6,6% голосов и 22 депутатских места. — *Прим. перев.*

¹⁰⁶ Hans Zetterberg, «The Swedish Election of 1976» (доклад, представленный на IX Международном социологическом конгрессе в Упсале, в Швеции, в августе 1970 г.), p. 36.

** Федерация производственных рабочих (ЛО), самая большая профсоюзная организация Швеции. — *Прим. перев.*

количество голосов за социал-демократов и коммунистов близко к 50%. По мнению политических обозревателей, на отношение к забастовке повлияла проядерная позиция, которую занимало рабочее движение в дебатах во время референдума. На пике забастовки один из ведущих левых интеллектуалов и борец за окружающую среду опубликовал в главной газете страны статью с критикой профсоюзного движения за его грубый материализм, упрекая его в том, что оно занято «лишь тем, что борется за более высокий уровень жизни в стране, и без того уже гордящейся одним из самых высоких уровней»¹⁰⁷.

Во Франции различие между двумя видами левых во многом определило провал Union de la Gauche и его Programme Commune* в 1970-х годах. Вначале конфликты из-за постматериалистических проблем затрудняли формирование коалиции левых партий. Социалисты и союз ФДКТ**, завоевавшие много сторонников среди нового среднего класса, чрезвычайно критично относились к коммунистам и к Совместной программе. Они расходились в понимании будущего развития. «Programme Commune, согласно ФДКТ, базировалась на той же логике, что и модель экономического роста, предложенная теоретиками капитализма: единственно на критериях высокого уровня производства и выгоды. Теперь, начиная с 1970 г., ФДКТ выступает в поддержку “нового типа роста”, который является скорее качественным, чем количественным»¹⁰⁸.

Несмотря на то что до выборов в 1978 г. непростой альянс социалистов и коммунистов сохранялся, возникшие различия оказались для Союза левых*** фатальными. Жан-Луи Муане (секретарь ВКТ****, в котором доминировала компартия) считал, что пораже-

¹⁰⁷ D. Noble, «Sweden Struggles to End Crippling Strike», *Guardian* (London), May 9, 1980), p. 1.

* *Union de la gauche socialiste*, UGS — Союз левых социалистов, был основан в 1957 г., впоследствии к нему присоединились коммунистическая и социалистическая партии Франции. *Programme commun de gouvernement des forces de gauche* — Совместная правительственная программа левых сил, была принята в июне 1972 г. и предусматривала проведение ряда демократических мероприятий в случае победы левых сил на демократических выборах. — *Прим. перев.*

** Французская демократическая конфедерация труда: профсоюз, объединяющий рабочих-католиков, основан в 1964 г., один из пяти самых крупных французских профсоюзов. — *Прим. перев.*

¹⁰⁸ G. Lavau, «The Changing Relations between Trade Unions and Working-class Parties in France», *Government and Opposition* 13 (Autumn 1978): 453.

*** Основанная в 1957 г. крайне левая коалиция социал-демократических и социал-либеральных политических партий во Франции под главенством Социалистической партии. — *Прим. перев.*

**** CGT, Confédération générale du travail — Всеобщая конфедерация труда, старейший профессиональный союз во Франции, основан в 1895 г. — *Прим. перев.*

ние коммунистов на выборах проистекало «из упрямства и бескомпромиссности коммунистов и ВКГ в том, что касалось минимальной заработной платы и национализации, тогда как к таким вопросам, как права женщин, экология, ядерная угроза и образование, они даже не проявляли интереса»¹⁰⁹. Французский коммунист и историк Жан Элленштейн также утверждал в 1978 г., что его партия потеряла поддержку, потому что не сумела оценить значение этих социальных вопросов. Он заметил, что потенциальным сторонникам «никогда не импонировал “пролетарский” стиль, практиковавшийся Коммунистической партией в период ее электоральной кампании. <...> Они все больше и больше интереса проявляли к качественным проблемам, хотя некоторые количественные проблемы и продолжали существовать»¹¹⁰.

Те же черты можно наблюдать в поведении немецких избирателей. В период Веймарской республики и в Западной Германии 1950-х годов традиционное разделение на классы определяло поддержку левых или правых партий, пока «вопросы, по которым обнаруживалось разногласие этих групп, были в основном связаны с экономикой и защищенностью». Начиная с 1960-х годов в новом среднем классе, включая госслужащих и наемных работников, формировалась «либеральная позиция относительно социальных вопросов Новой политики», в то время как старый средний класс, обслуживающий собственное предприятие, оставался консервативно приверженным «как Новой, так и Старой [материалистической] политике». Рабочие, однако, начали «двигаться в направлении, противоположном тому, которым следовал новый средний класс: с левой позиции в конфликтах старой политики к более консервативной позиции относительно вопросов Новой политики». Некоторые обозреватели предсказывают, что «поскольку в политике начинают преобладать постматериалистические проблемы и ценности, которые становятся все более привлекательными для все большей части немецкого электората, степень важности и очевидности традиционного разделения на пролетариат и буржуазию будет продолжаться снижаться»¹¹¹.

Похожие процессы происходят в Японии, которая быстрее, чем другие страны, продвинулась от доиндустриального к индустриаль-

¹⁰⁹ Lavau, «The Changing Relations», p. 451.

¹¹⁰ «Editorial», *Government and Opposition* 13 (Autumn 1978): 264.

¹¹¹ Kai Hildebrandt and Russell J. Dolton, «The New Politics: Political Change or Sunshine Politics?» in Max Kaas and Klaus von Beyme, eds., *Elections and Parties: Socio-Political Change and Participation in the West German Federal Election of 1976* (Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1978), p. 87–89.

ному и постиндустриальному обществу. Многих японцев, хотя они и ощущают на собственном опыте преимущества быстрого экономического роста, все больше беспокоит их социальная цена. В 1971 г., например, «в Японии зафиксировано семь случаев выступлений большого количества людей, считавших первоочередной задачей государства борьбу с загрязнением окружающей среды, и столько же выступлений тех, кто считал самым важным национальным делом дальнейший экономический рост. Между 1962 и 1970 гг. число протестов потребителей... увеличилось в 27 раз, а количество протестов и петиций относительно загрязнения окружающей среды в течение последнего трехлетнего периода удвоилось»¹¹².

519 На основе данных о настроениях японского электората один из аналитиков заключает, что «возрастание важности ценностных проблем отчасти оказывается причиной ослабления связи между принадлежностью к какому-либо классу и поведением при голосовании. Поскольку экономические и ценностные расхождения переплетаются, для более адекватного предсказания предпочтений избирателей было необходимо третье измерение, определяющее сравнительную важность ценностных проблем. Я показал, что избиратели, которые испытывают перекрестное давление своих ценностных предпочтений и профессиональных классовых интересов, будут склонны голосовать в соответствии со своими ценностными предпочтениями, если придадут большее значение нематериальным приоритетам и ценностным проблемам, и в соответствии со своими профессиональными классовыми интересами, если придадут большее значение материальным и экономическим проблемам»¹¹³.

Что касается упадка классово связанной политики, то, как это ни удивительно, прототипической страной в данном случае оказалась Дания. Здесь «относительное число рабочих, голосующих за социал-демократов, с 80% в 1957 г. упало до 39% в 1973 г., а консерваторы, которых в 1957 г. поддерживало 39% всех рабочих... в 1973 г. имели только 9% их голосов»¹¹⁴. Поддержка двух незначительных по размеру новых левых социалистических партий «сегодня не... характеризуется тесной связью с рабочим классом. Избиратели, голосующие за эти партии, — более молодые и они лучше образованы, чем предыдущий избиратель; довольно многие из них тем не менее продолжают

¹¹² Taketsugu Tsurutani, «Japan as a Postindustrial Society», in Lindberg, ed., *Politics and the Future*, p. 105.

¹¹³ Flanagan, «Value Change», p. 201–202.

¹¹⁴ Pedersen, «Denmark». См. также: Ole Borre, «The Social Bases of Danish Electoral Behavior», in Richard Rose, ed., *Electoral Participation: A Comparative Analysis* (Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1980), p. 256–260.

образование, с тем чтобы иметь возможность занимать академические и полуакадемические должности»¹¹⁵. Как подчеркивает Могенс Педерсен, «в сравнительной перспективе может быть доказано, что данный ход развития, основной чертой которого является распад традиционной — классовой в своей основе — партийной системы, не отличается от хода развития других европейских партийных систем, по крайней мере в отношении характера и направления изменения. Везде социальный класс постепенно теряет значение»¹¹⁶.

Что же предвещают эти тенденции относительно влияния рабочего класса в грядущие десятилетия? Ответ отчасти зависит от того, является ли постматериалистическая политика кратковременным или долговременным феноменом. Если среди возникающих новых ценностей самой важной переменной является процветание, то можно ожидать, что в условиях, когда экономика переживает серьезные трудности, эти ценности придут в упадок. Тем не менее то, что мы видим в Западной Германии, наводит на мысль, что даже при экономическом спаде 1970-х Новая политика имеет твердое основание. Макс Каас и Сэмюел Барнес доказали, что постматериализм «демонстрирует слишком много структурных компонентов и, следовательно, устойчивость, чтобы его можно было рассматривать только как прихоть молодости. <...> Будущая политика будет становиться все более и более постматериалистической. <...> Это... не означает, что материальные ценности не важны; они всегда будут оставаться таковыми. Суть в том, что относительно более важными становятся постматериалистические ценности, и именно в этом нам видятся потенциальные источники напряжения для постиндустриальных обществ»¹¹⁷. Если постматериалистическая политика является структурным феноменом, связанным со сдвигом профессиональной структуры, поддержка Новой политики будет расти, поскольку растет число видов работ, находящихся за пределами индустриального сектора, и принадлежащие к нему люди будут, вероятно, все больше стремиться противостоять этому росту.

Факторы, которые привели к ослаблению взаимосвязи между классом и партией, способствовали не только возникновению значительного постиндустриального Нового левого движения в среде хорошо образованных богатых людей. Изменение, как было отмечено, затронуло также растущее число людей из менее привилегиро-

¹¹⁵ Pedersen, «Denmark», p. 49.

¹¹⁶ *Ibid.*, p. 44.

¹¹⁷ Max Kaase and Samuel H. Barnes, «In Conclusion: The Future of Political Protest in Western Democracies», in Barnes, ed., *Political Action*, p. 524–525.

ванных слоев, включая многих рабочих, которые голосуют за более консервативные партии. Некоторые исследователи данного феномена предположили, что в нем отражается тот факт, что в результате возросшего богатства рабочий класс попал в социальную изоляцию. Многие рабочие живут теперь почти как представители среднего класса и восприняли соответствующий стиль потребления. Как указано выше (с. 532), расширение возможностей получения лучшего образования и общая модернизация профессиональной структуры в целом изменили конфигурацию классовой структуры. В результате у многих людей, по рождению имеющих относительно низкий статус, появляются шансы подняться по социальной лестнице. Факторы вроде этих, по-видимому, привели к тому, что политические взгляды многих рабочих стали более консервативными.

521 Можно тем не менее утверждать, что культурные изменения, вызванные постиндустриализмом, стали также причиной сдвига в партийной приверженности менее образованных и менее привилегированных людей. Как замечено в главе 4, менее образованные люди склонны к большему консерватизму относительно социальных или неэкономических вопросов. По-видимому, они больше верят в традиционные ценности относительно семьи, норм сексуального поведения, патриотизма, закона и порядка, так же как и больше предубеждены в отношении признания статуса групп меньшинств. Поэтому многих из них сильно раздражали ценности и поведение, сформированные постиндустриальной интеллигенцией. Поскольку во многих странах указанные изменения отождествлялись с политикой левых, в то время как более консервативные партии в целом поддерживали традиционные ценности, включение постиндустриальных вопросов в политику способствовало движению менее привилегированных слоев вправо. И если постматериалистические тенденции привели к возникновению новых источников поддержки для левых со стороны сегмента более богатых и лучше образованных слоев, то ответный социальный консерватизм способствовал формированию поддержки для правых-от-центра партий со стороны менее привилегированных и менее образованных слоев общества.

Хотя взаимосвязи, свойственные классическому политическому разделению индустриального общества, значительно ослабли, важно отметить, что в определении приверженцев, оказывающих поддержку партиям, это разделение все еще доминирует. Электорат левых в основном составляют представители рабочего класса и малоимущих слоев, в то время как консервативные партии до сих пор в огромной степени базируются на более богатых слоях. Кроме того,

в ряде развитых индустриальных обществ профсоюзы получили новый источник влияния благодаря усилению своего участия в процессе экономического планирования. Многие элиты в этих странах в настоящее время понимают экономическое развитие как основу, для поддержания которой необходим организованный труд. В любом случае рабочий класс будет продолжать сохранять социально-экономические рычаги, с помощью которых была пробуждена его «способность к разрушению».

Заключение

Наконец, я бы хотел повторить заключительную часть введения к изданию «Политического человека» в бумажной обложке, вышедшему в издательстве «Ансог» в 1963 г. Там я отвечал левым критикам, которые не одобряли того, что я уделяю особое внимание условиям демократического порядка, считая мой подход скорее наивным рассмотрением политических форм, тогда как более важен <анализ> лежащей в основании экономической структуры.

Парадокс в том, что многие интеллектуалы, считающие себя марксистами, знают об истории социализма так мало, что полагают, будто интерес к политической демократии должен свидетельствовать о наивности представлений относительно реальности экономического могущества и социального изменения и проблемы демократии интересны только «буржуазным интеллектуалам». При внимательном чтении Маркса и Энгельса, как и почти всех других главных европейских марксистов, становится очевидным, что с 1860-х годов до Русской революции такого понимания социализма, которое бы не подразумевало продолжения или расширения политической демократии, у них не было. Так, Фридрих Энгельс, великий соратник Маркса, писал в 1891 г.: «Если что и не подлежит никакому сомнению, так это то, что наша партия и рабочий класс могут прийти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Последняя даже является специфической формой для диктатуры пролетариата...»¹¹⁸ Если кто-нибудь думает, что это утверждение было выдернуто из контекста или что Энгельс сделал его в состоянии старческого слабоумия, то можно сослаться на авторитет самого Сталина, который также свидетельствует о том, что политическая демократия была интегральным аспектом социализма, защищавшимся всеми марксистами, пока Ленин не пересмо-

¹¹⁸ Karl Marx and Friedrich Engels, *Correspondence, 1846–1895* (New York International Publishers, 1935), p. 486. [К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 16. Ч. II. С. 236.]

трел и не изменил кардинально значение марксизма и социализма. В известной «Истории Коммунистической партии Советского Союза», написанной под непосредственным контролем Сталина и позже прямо приписанной ему, читаем следующее:

«Перед второй русской революцией [октябрь 1917 г.] марксисты всех стран пришли к выводу, что парламентские демократические республики являются самой подходящей формой политической организации в переходный период от капитализма к социализму... Авторитетное заявление Энгельса в его критике проекта Эрфуртской программы 1891 г., а именно что “демократическая республика... является... специфической формой для диктатуры пролетариата”, не оставляет сомнений, что марксисты продолжали считать демократическую республику политической формой диктатуры пролетариата. <...>

Что бы произошло с партией, с нашей революцией, с марксизмом, если бы Ленин благоговейно держался буквы марксизма и не имел бы мужества заменить одно из старых положений марксизма... новым положением относительно республики Советов...»¹¹⁹

Когда современные демократические социалисты и другие левые и либералы отрицают меры государственного вмешательства, потому что недавняя история различных тоталитарных государств дает основание полагать, что эти принципы несовместимы с целью свободы, они действуют прямо в традиции левых демократов XIX в., среди которых ведущую роль играли Маркс, Энгельс и большинство социалистов. Те люди и те политические партии, которые стараются расширить демократию и ограничить карательные аспекты стратификации, являются современными законными наследниками демократических и социалистических революционеров прошлого века.

¹¹⁹ A Commission of the Central Committee of the C. P. S. U. (B), *History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks)* (New York: International Publishers, 1939), p. 356–357.

ГЛАВА 15

«КОНЕЦ ИДЕОЛОГИИ»: ПОНЯТИЕ И ЕГО ИСТОРИЯ

524

Мнение, что развитое индустриальное и постиндустриальное общества характеризуются «упадком» — или даже «концом» — идеологии, высказываемое на протяжении 1950-х и в начале 1960-х годов авторами многих работ, в конце 1960-х — начале 1970-х годов подверглось острой критике. На первый взгляд, восстановление левого фланга в политике в виде разного рода «новых левых» и рост массовых движений, социальной базой которых являются исключаемые элементы общества (этнические меньшинства, учащиеся женщины), составляют *prima facie** свидетельство того, что писавшие о «конце идеологии» были неправы. Множество левых интеллектуалов подчеркивали это «заблуждение», чтобы дискредитировать «плюралистический» политический анализ. Принципиальную неудовлетворительность такого анализа, утверждали они, продемонстрировал тот факт, что некоторые из его наиболее известных сторонников, в частности Реймон Арон, Дэниел Белл, Эдвард Шилз и Сеймур Мартин Липсет, ошибочно предсказывали «конец идеологии»¹. Для подобной критики были

525

* Здесь: очевидное (лат.). — Прим. перев.

¹ Приведу соответствующие работы этой группы: Raymond Aron, «Fin de l'âge idéologique?», in Theodor W. Adorno, Walter Dirks, eds., *Sociologica* (Frankfurt: Europäisch Verlagsanstalt, 1955), S. 219–233, Engl. trans. in Aron, *The Opium of the Intellectuals*, trans. Terence Kilmartin (New York: W. W. Norton, 1962), p. 305–324 [см.: P. Арон. Опий для интеллигенции. С. 221–234]; «Nations and Ideologies», *Encounter* 4 (January 1955): 23–33; «The End of Ideology and the Renaissance of Ideas», in *The Industrial Society* (New York: Praeger, 1967), p. 92–183; Daniel Bell, *Marxism-Leninism: A Doctrine of the Defensive: The «End of Ideology» in the Soviet Union* (New York: Columbia University Research Institute on Communist Affairs, 1955); *The End of Ideology*, rev. ed. (New York: Collier Books, 1962); D. Bell, Henry D. Aiken, «Ideology — A Debate», *Commentary* 37 (October 1964): 69–76; «Ideology and Soviet Politics», *Slavic Review* 24 (December 1965): 591–603; *The Coming of Post-Industrial Society* (New York: Basic Books, 1973); S. M. Lipset, «The State of Democratic Politics», *Canadian Forum* 35 (November 1955): 170–171; «Socialism — Left and Right — East and West», *Confluence* 7 (Summer 1958): 173–192; «The End of Ideology?», in *Political Man*, 1st ed., 1960), p. 403–417; «The Changing Class Structure and Contemporary European Politics», *Daedalus* 93 (Winter 1964): 271–303, reprint. and revised form in Lipset, *Revolution and Counterrevolution*, rev. ed. (Garden City, N.Y.: Doubleday Anchor Books, 1970), p. 267–304; «Some Further Comments on “The End of Ideology”», *American Political Science Review* 60 (1966): 17–19; Edward Shils, «The End of Ideology?», *Encounter* 5 (November 1955): 52–58; «Ideology and Civility: On the Politics of the Intellectuals», *Seawave Review* 66 (July–September 1958): 450–480; «The Concept and Function of Ideology», in the *International Encyclopedia*

типичны комментарии из помещенной в «Times Literary Supplement» рецензии на одну книгу, посвященную идеологии: «Не так давно Реймон Арон, Дэниел Белл, Сеймур Мартин Липсет и другие уверенно предсказали ослабление накала идеологической борьбы в западных промышленно развитых странах... Само это предсказание, конечно же, было идеологией – идеологией, бесспорно, неявной, но тем не менее поддерживавшей существующую систему и придававшей ей видимость рациональности... На самом деле приверженцы идеи упадка идеологии говорили, если выразиться словами Манхейма, о смерти утопии... Это было неверно... последние два десятилетия характеризовались ростом и распространением тотальных идеологий»². Американский преподаватель Кеннет Кенистон, сторонник студенческого активизма 1960-х годов, также критиковал положение «Дэниела Белла, Сеймура Мартина Липсета и Эдварда Шилза о том, что эпоха идеологии закончилась» как очевидно ошибочное. Он утверждал, что их «исторически ограниченная» либеральная ориентация не позволила им «обнаружить, а тем более понять, что назревало среди возрастающего меньшинства молодежи в течение 1960-х годов»³.

526

Российский ученый Л. Н. Москвичев, заместитель заведующего кафедрой марксистско-ленинской философии Академии общественных наук при Центральном комитете Коммунистической партии Советского Союза, выделил написанное на эту тему Реймоном Ароном, Эдвардом Шилзом, Дэниелом Беллом и Липсетом. Москвичев отметил, что теория конца идеологии «стала своеобразным знаменем правых лидеров социал-демократии и современных ревизионистов. В известной степени она послужила основой для всевозможных суждений о “либеральном” социализме, “социализме с человеческим лицом”, о различных “моделях” социалистического общества»⁴.

Хотя в этой главе я сосредоточу внимание на левых критиках, следует признать, что, как отмечает Москвичев, «имеется немало авторов, стоящих на позициях, близких к правому экстремизму... для которых теория Белла, Липсета и других есть не что иное, как без-

of the Social Sciences, ed. David L. Sills, 17 vols (New York: Macmillan and Free Press, 1968), 7: 66–76. Последние две статьи перепечатаны в несколько измененном виде в кн.: Shils, *The Intellectuals and the Powers and Other Essays* (Chicago: University of Chicago Press, 1972).

² «We're All Totalitarians», *Times Literary Supplement* (London), 5 May 1972, p. 507.

³ Kenneth Keniston, «Revolution or Counterrevolution?», in R. J. Lifton, E. Olson, eds., *Explorations in Psycho-history: The Wellfleet Papers* (New York: Simon & Schuster, 1974), p. 293–294.

⁴ L. N. Moskvichov, *The End of Ideology Theory: Illusions and Reality* (Moscow: Progress Publishers, 1974), p. 8, 11–12. [Л. Н. Москвичев. Теория «деидеологизации»: иллюзии и действительность. М.: Мысль, 1971. С. 4.]

ответственная интеллигентская болтовня, которая ведет к идейному разоружению Запада перед лицом “мирового коммунизма”»⁵.

Критика слева основывается на имплицитной посылке, что альтернативную, и более правильную, оценку названной теории дают радикальные мыслители, предвидевшие возрождение революционных политических взглядов на Западе. Обычно большинство ведущих эту полемику излагают свою точку зрения, осмеивая тот вариант «конца идеологии», которого не предлагал никто из под-
вергаемых критике⁶. Однако для тех, кого интересует социология
знания — или этика спора, или даже избирательный идеологический
характер памяти — более существенный предмет исследования со-
ставляет другой феномен, а именно то, как удобно для себя эти кри-
тики игнорируют меняющийся идеологический фон дискуссий об
упадке идеологии и ослаблении политического конфликта в годы,
предшествующие появлению «новых левых». Пожалуй, стоит для яс-
ности напомнить кое-что из истории вопроса.

527

Происхождение понятия конца идеологии

Как и многие другие «политически актуальные» понятия, это понятие, получившее широкое распространение, впервые появилось в работе классика марксизма Фридриха Энгельса о Фейербахе. Эн-

⁵ *Ibid.*, p. 181–182. [Там же. С. 223.]

⁶ В число работ, содержащих критику школы «конца идеологии», входят: Henry D. Aiken, «The Revolt against Ideology», *Commentary* 37 (April 1964): 29–39; Norman Birnbaum, «The Sociological Study of Ideology (1940–1960)», *Current Sociology* 9 (1960), в особенности p. 115–117; William Connolly, *Political Science and Ideology* (New York: Atherton Press, 1967), в особенности p. 51–53; R. Alan Haber, «The End of Ideology as Ideology», *Our Generation*, November 1966), p. 51–68; Nigel Harris, *Beliefs in Society: The Problem of Ideology* (London: C. A. Watts, 1968), p. 10–12; Joseph La-Palombara, «Decline of Ideology: A Dissent and an Interpretation», *American Political Science Review* 60 (March 1966): 5–16; Ralph Miliband, «Mills and Politics», in I. L. Horowitz, ed., *The New Sociology* (New York: Oxford University Press, 1964), p. 86–87; Stephen W. Rousseas, James Farganis, «American Politics and the End of Ideology», in Horowitz, ed., *The New Sociology*, p. 268–289; Dusky Lee Smith, «The Sunshine Boys: Toward a Sociology of Happiness», in Larry T. Reynolds, Janice M. Reynolds, eds., *The Sociology of Sociology* (New York: David McKay, 1970), p. 371–387; C. H. Anderson, *Toward a New Sociology* (Homewood, Ill.: Dorsey Press, 1971), p. 38; Giuseppe Di Palma, *The Study of Conflict in Western Society: A Critique of the End of Ideology* (Morristown, N.J.: General Learning Press, 1973); Dennis H. Wrong, «Reflections on the End of Ideology», *Dissent* 7 (Summer 1960): 286–291; Michael Harrington, «The Anti-Ideology Ideologues», in C. I. Waxman, ed., *The End of Ideology Debate* (New York: Funk & Wagnalls, 1968), p. 342–351; Donald Clark Hodges, «The End of The End of Ideology», *American Journal of Economics and Sociology* 26 (April 1967): 135–146; Peter Clecak, *Radical Paradoxes* (New York: Harper & Row, 1974), p. 238–239.

528 гельс утверждал, что, если бы лежащие в основе всякой идеологии материальные интересы не оставались неизбежно неосознанными, «пришел бы конец всей идеологии»⁷. Иными словами, коль скоро существовало бы истинное сознание и люди уяснили бы свои подлинные интересы, идеология, т.е. формирование ложного сознания, потеряла бы смысл. Как отметил Льюис Фейер, «устаревание этической идеологии – следствие исторического материализма, примененного к надстройке социалистического общества»⁸.

Макс Вебер (другой источник идей в политической социологии) указал на секуляризацию и упадок тотальных идеологий, объяснив его тем, что с течением времени в обществах произошел существенный сдвиг – от *Wertrationalität*, или «содержательно-смысловой (substantive) рациональности», включающей ориентацию на высшие ценности, к *Zweckrationalität*, или «функциональной рациональности», связанной с переносом внимания на эффективные средства достижения целей⁹. Твердая приверженность абсолютным целям, по сути, должна потерпеть крах. Уильям Делейни заметил: «Что для западных религиозных институтов, капитализма, музыки, бюрократии и политических идеологий характерны постоянная рационализация, демифологизация и сопряженное с ними освобождение от иллюзий – это, конечно, главная тема творчества “мудреца из Гейдельберга”»¹⁰.

529 Вместе с тем, опираясь на труд российского ученого Моисея Острогорского и ссылаясь конкретно на современную им политиче-

⁷ Friedrich Engels, «Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy» (1886), in K. Marx and F. Engels, *On Religion* (Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1957), p. 263. [Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 313.]

⁸ Lewis Feuer, «Ethical Theories and Historical Materialism», *Science and Society* 6 (Summer 1942): 269.

⁹ См.: *From Max Weber: Essays in Sociology*, eds. H. H. Gerth, C. Wright Mills (New York: Oxford University Press, 1946), p. 155–156. [См.: М. Вебер. Наука как призвание и профессия // М. Вебер. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. С. 545–546.] Основную концептуализацию см. в кн.: Max Weber, *Economy and Society*, trans. Ephraim Fischhoff et al. (Totowa, N.J.: Bedminster Press, 1968), p. 24–26; *The Theory of Social and Economic Organization*, trans. A. M. Henderson and Talcott Parsons (New York: Oxford University Press, 1947), p. 115–118. Подробное обсуждение этих идей в приложении их к анализу изменений в современном обществе см. в: S. M. Lipset, «Social Structure and Social Change», in Peter Blau, ed., *Approaches to the Study of Social Structure* (New York: Free Press, 1975), p. 172–209.

* Макс Вебер в 1896–1898 и 1902–1919 гг. преподавал в Гейдельбергском университете. – Прим. перев.

¹⁰ William Delany, «The Role of Ideology: A Summation», in Waxman, ed., *The End of Ideology Debate*, p. 304.

скую жизнь, Вебер утверждал, что в условиях всеобщего избирательного права неизбежно стирание идеологических различий между политическими партиями. В 1906 г. в письме Роберту Михельсу, обсуждая Социал-демократическую партию Германии, Вебер предрекал: хотя у партии все еще есть «некое *Weltanschauung**», то, что она принимает логику политической демократии, приведет ее к частичному отказу от своих идеологических убеждений в пользу более прагматической ориентации¹¹.

Первая четкая формулировка тезиса о конце или упадке идеологии также принадлежит немецкому ученому. В конце 1920-х годов Карл Манхейм, работавший в то время в Институте социальных исследований при Университете во Франкфурте-на-Майне, в книге «Идеология и утопия», которая сделала идеологию важнейшим предметом изучения, рассмотрел условия, порождающие «упадок идеологии» и «отказ от утопий», с тех пор как всеобъемлющие учения (*Weltanschauungen*) стали сводиться к частичным прагматическим доктринам¹². Внутренняя логика анализа Манхейма в основных чертах повторяла предположения Вебера относительно перехода от содержательно-смысловой рациональности к функциональной как закономерного результата развития бюрократического индустриального общества. Особое внимание Манхейм уделял тому, каким образом логика политики сводит на нет идеологические убеждения; он отмечал, что, когда движение, связанное с утопическими доктринами, завоевывает исполнительную или законодательную власть, «оно все больше отдаляется от своих первоначальных утопических побуждений, а с ними и от своей широкой точки зрения...»¹³.

Анализируя следствия, но не политическую суть предположения Энгельса о том, что с прекращением угнетения масс идеология приходит в упадок, Манхейм высказывал мысль, что такая перемена может произойти без победы социализма. Он предугадывал, что побуждения низших «слоев, еще не достигнувших успеха в борьбе за социализм и коммунизм», ослабнут, когда обществу «удастся... достигнуть такой совершенной формы индустриализации, которая будет обладать достаточной гибкостью и предоставит низшим слоям относительное благосостояние... (с этой точки зрения без-

* Мировоззрение (нем.). — Прим. перев.

¹¹ Цит. по: Guenther Roth, *The Social Democrats in Imperial Germany* (Totowa, N.J.: Bedminster Press, 1963), p. 252.

¹² Karl Mannheim, *Ideology and Utopia*, trans. Louis Wirth, Edward Shils (1929) (New York: Harcourt, Brace, 1949), p. 222–236. [См.: К. Манхейм. Идеология и утопия. Ч. 2. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 65–82.]

¹³ *Ibid.*, p. 235. [См.: Там же. С. 77, 82.]

различно, сложится ли эта более совершенная форма социальной организации вследствие подъема низших слоев в рамках капиталистического общества, оказавшегося достаточно гибким, чтобы предоставить им относительное благосостояние, или в обществе, где капитализм еще до этого преобразовался в коммунизм». Подобные изменения в политической сфере, утверждал Манхейм, с необходимостью отражаются в различных формах интеллектуальной жизни:

«Этот процесс полной деструкции всех духовных элементов как в утопии, так и в идеологии находит свою параллель в формах нашей современной жизни и в соответствующих им направлениях в искусстве.

Разве в том, что в искусстве исчезла гуманистическая тенденция, что в эротике выступает на первый план своеобразный “реализм”, что в спорте все более заметны проявления инстинкта, не следует видеть симптом исчезновения утопического и идеологического элемента в сознании утверждающихся в современном обществе слоев? Разве постепенное сведение политики к экономике (тенденция к этому, во всяком случае, наблюдается), сознательный отказ от прошлого и от исторического времени, сознательное оттеснение любого “культурного идеала” не должно быть истолковано как изгнание утопического сознания во всех его формах даже с политической арены?»¹⁴

Тенденции, отмеченные Манхеймом в 1929 г., похоже, стали реальностью в два десятилетия, последовавшие после Второй мировой войны, когда вера в различные формы харизматической *Wertrationalität* в религиозной, экономической и политической областях потерпела крах — отчасти потому, что разного рода идеологии и утопии оказались несостоятельными или же стали повседневными реалиями, выполняющими определенные функции. Протестантизм и католицизм, фашизм, капитализм, коммунизм и социал-демократия потеряли способность вдохновлять западного человека на усердный труд, на жизнь по законам нравственности или на изменение мира к лучшему. Идеологические формы легитимизации обществ или политических сил в возрастающей степени выражались в секулярных понятиях *Zweckrationalität*, т.е. идеологически оправданными считались эффективно работающие социальные системы или политические силы, представляющие интересы различных групп.

¹⁴ *Ibid.*, p. 230. [Там же. С. 76; 74–75.]

Современные формулировки

Эти явления привели многих политических аналитиков к утверждению об упадке идеологии, в особенности в связи с характером левого и рабочего движений после Второй мировой войны. Так, в 1946 г. Альбер Камю в статье, написанной для левой парижской ежедневной газеты «Combat», заметил: социалисты, отказываясь от марксизма как «целостной философии и ограничиваясь сохранением его критического аспекта... демонстрируют, что наша эпоха знаменует конец идеологий»¹⁵. В 1949 г. британский социолог Т. Х. Маршалл (социалист) предложил общее объяснение появления и упадка тотальных идеологий. Последние, писал ученый, возникли с появлением новых социальных слоев, таких как буржуазия или рабочий класс, поскольку они добивались прав гражданства, т.е. требовали полноправного участия в общественной и политической жизни. Пока им отказывали в таких правах, эти слои в лице многих своих представителей поддерживали революционные идеологии (или утопии). В свою очередь, давно существующие слои общества и социальные институты, стремясь сохранить свою монополию на власть и высокий статус, способствовали развитию крайне консервативных доктрин. С такой точки зрения причина упадка тотальных идеологий в демократических странах заключается в окончательной интеграции этих групп в общество и участии их в государственном управлении¹⁶.

Другой британский ученый, Исайя Берлин, исследуя развитие политических представлений в XX столетии, в 1950 г. пришел к аналогичным заключениям, хотя смотрел на факты с другой идеологической и теоретической точки зрения – с точки зрения консервативного политического мыслителя. Берлин утверждал, что в результате проводимой во всем послевоенном мире «политики сглаживания конфликтов и борьбы с бедностью» посредством коллективистской деятельности государства установился порядок, «общая тенденция которого... – свести все вопросы к техническим проблемам большей или меньшей сложности». «В Западной Европе эта тенденция приняла... форму переключения внимания с расхождения в политиче-

¹⁵ Цит. по: Roy Pierce, «Anti-Ideological Thought in France», in M. Rejay, ed., *Decline of Ideology?* (Chicago: Aldine/Atherton, 1971), p. 287; см. также: Albert Camus, *Resistance, Rebellion, and Death* (London: Hamish Hamilton, 1969), p. 197–198.

¹⁶ Этот тезис представлен Т. Х. Маршаллом в его теперь уже классической работе «Citizenship and Social Class», in T. H. Marshall, *Citizenship and Social Class and Other Essays* (Cambridge: At the University Press, 1950), p. 1–85, reprinted in Marshall, *Class, Citizenship, and Social Development* (Garden City, N.Y.: Doubleday, 1964), p. 65–122.

ских принципах (и с борьбы между партиями, обусловленной подлинными различиями в моральных и духовных воззрениях) на расхождения относительно методов, в конечном счете технические... Отсюда все более заметное отсутствие интереса к политическим вопросам, которые могут быть решены лишь в отдаленной перспективе, — в противоположность повседневному экономическим или социальным проблемам»¹⁷.

В США первое подробное научное исследование «конца политической идеологии» было опубликовано весной 1951 г. историком Стюартом Хьюзом. Хотя в анализе Хьюза содержались все основные элементы, разработанные последующими комментаторами, критики тезиса о конце идеологии намеренно игнорировали его труд. Они деликатно не замечали его, возможно, потому, что Хьюз был сторонником левых социалистов (например, поддерживал Генри Уоллеса во время президентской кампании 1948 г., а также содействовал SANE, TOCSIN* и другим группам, борющимся за мир) и в 1962 г. баллотировался в сенаторы США против Эдварда Кеннеди как выступающий за мир левый кандидат от третьей партии: такая позиция могла помешать попыткам внести в понятие конца идеологии идеологический смысл. Описание, данное Хьюзом в первый год 1950-х, очень похоже на другие, появившиеся позднее в том же десятилетии:

«Процесс разложения идеологии, начавшийся тридцать лет назад с первыми успехами итальянского фашизма и заметно ускорившийся из-за разочарований, вызванных Второй мировой войной, теперь, кажется, достиг своего логического завершения...

Как нетрудно было предвидеть, по левому лагерю был нанесен тяжелейший удар. Левые, с их громогласно объявляемой приверженностью идеологии и доктринам, были более уязвимы для такого рода медленной коррозии, нежели правые, которые в результате своих поражений в последнем столетии научились скептицизму и приобрели умение приспособливаться. В сущности, конец *мистики* левых — самый ясный знак того, что произошло...

От социализма как политической веры почти что отреклись... При нынешних обстоятельствах партия, взявшая курс на участие в государственном управлении, вряд ли может избежать определен-

¹⁷ Isaiah Berlin, «Political Ideas in the Twentieth Century», *Foreign Affairs* 28 (April 1950): 376–377.

* SANE (Citizens' Organization for a Sane World) — Организация граждан за разумный мир (СЭЙН), основанная в 1957 г. группой пацифистов, выступавших за полное запрещение ядерного оружия. TOCSIN — гарвардское отделение Студенческого союза за мир (Student Peace Union, SPU, 1959–1964). — *Прим. перее.*

ной степени консерватизма, отрицания идеологии, в наше время связанных с политической властью.

В том же процессе пересмотра понятий слово «фашизм» утратило большую часть своего ужасающего значения. В консервативных кругах многие вообще избегают этого термина...

Даже слово «демократия» утрачивает свой священный характер... Из двух главных частей наиболее общего современного определения понятия «демократический» — свобода личности и управление государством через всеобщее избирательное право — только первая часть сохранила способность вызывать энтузиазм и подвигать на самопожертвование. <...>

Что действительно потускнело, так это обещание социального равенства. В 1950 г. большинство культурных европейцев могут наблюдать один-единственный вид равенства: повышение или снижение до уровня принимаемого низшим и средним классом стандарта респектабельной грязи — род повседневной жизни, с такой пугающей наглядностью изображенный Джорджем Оруэллом в романе «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый»; представление о нем дала нам также исполненная самоуважения Британия при лейбористском правительстве. «Это не то понятие равенства, которое когда-то побуждало людей умирать на баррикадах и посвящать жизнь революции... Простой человек утратил ореол святости. Те, кто десять лет назад говорили о столетии простого человека, наверное, просто ошиблись на сто лет: это столетие кончалось, а не начиналось у них на глазах»¹⁸.

В 1955 г., опять-таки не без содействия Франкфуртского института, рассматриваемый нами тезис получил еще одно значимое выражение. В одном из выпущенных институтом трудов Реймон Арон опубликовал свою работу «Fin de l'âge idéologique?»*¹⁹. Хотя основные представители «критической теории»** не соглашались со своими «гостями», Манхеймом и Ароном, им пришлось в различных работах выдвинуть собственные версии «конца идеологии». Как отмечает историк Франкфуртского института Мартин Джей, «принадлежащая Франкфуртской школе версия конца идеологии вы-

¹⁸ H. Stuart Hughes, «The End of Political Ideology», *Measure* 2 (Spring 1951): 150, 151, 154–155.

* «Конец эпохи идеологии?» (франц.). — Прим. перев.

¹⁹ Aron, «Fin de l'âge idéologique?», in Adorno, Dirks, eds., *Sociologica*.

** «Критическая теория» («критическая теория общества») — разработанная в 1930-х годах философско-социологическая концепция Франкфуртской школы, сочетавшая элементы критического подхода К. Маркса к буржуазной культуре с гегельянскими и фрейдистскими идеями. — Прим. перев.

росла из убеждения, что либеральное общество вытесняется почти полностью “управляемым миром”, в котором идеологические оправдания больше не нужны”²⁰. Теодор Адорно в статье, опубликованной в 1951 г., заключил, что «идеологий в подлинном смысле — как ложного сознания — больше нет»²¹. Авторы вышедшего в 1956 г. коллективного труда, представленного как работа Института в целом, привлекли внимание читателей к «ослаблению» идеологии начиная с высшей точки, достигнутой «около 1910 г.»:

«Об идеологии можно осмысленно говорить лишь в той мере, в какой вследствие происходящих в обществе процессов возникает нечто духовное как нечто независимое, субстанциальное, со своими собственными притязаниями... Сегодня для идеологий гораздо более характерно отсутствие такой независимости, чем их иллюзорные притязания. <...>

Итак, от идеологии не остается ничего, кроме того, что само об-
ладает существованием, а именно моделей поведения, которое под-
535 чиняется неодолимой власти существующих условий... Идеология и реальность сходятся конвергируют таким образом потому, что реальность, за отсутствием какой-либо иной убедительной идеологии, становится сама себе идеологией»²².

Попытки более детально объяснить упадок идеологии в западном обществе были предприняты двумя представителями Франкфуртской школы, которые после того, как основной состав Института вернулся по окончании войны в Германию, остались в США: Отто Киркхаймер и Гербертом Маркузе.

Киркхаймер в трех статьях, содержащих глубокий анализ, утверждал: идеологии, связанные с партийной приверженностью, пришли в упадок потому, что основывающаяся на идеологии «партия сплочения масс, продукт эпохи с более жестким классовым делением и более резко выступающими конфессиональными структурами, трансформируется в неопределенную “партию народа”... Ныне, когда все большее распространение получает нерелигиозная и массовая ориентация на потребление, когда границы между классами смещаются и становятся более размытыми, партии обоих типов — и массовые партии классовой борьбы, и массовые конфессио-

²⁰ Martin Jay, «The Frankfurt School’s Critique of Karl Mannheim and the Sociology of Knowledge», *Telos*, no. 20 (Summer 1974), p. 84.

²¹ Theodor W. Adorno, *Prismen* (Berlin: Suhrkamp, 1955), S. 30.

²² Frankfurt Institute for Social Research, *Aspects of Sociology* (Boston: Beacon Press, 1972), p. 199, 202–203.

нальные партии — под давлением сложившихся условий стремятся к тому, чтобы стать партиями, охватывающими всех людей»²³.

Кроме того, согласно Киркхаймеру, «современное государство всеобщего благоденствия теперь может решить проблемы многих социальных групп. Это ослабляет прежние столкновения жизненных интересов и превращает их просто в конфликты из-за первенства в очередности удовлетворения... Такая ситуация позволяет... определять [партийную] политику, исходя из тактических требований текущего момента и отодвигая на задний план идеологически определенные долгосрочные цели»²⁴.

Многочисленные утверждения Герберта Маркузе об упадке идеологии в современном обществе вызвали критику со стороны французского социолога-марксиста Люсьена Гольдмана, который объединил в одну группу «Арона, Маркузе, Белла, Рисмена», высказывающих «убеждение в том, что западное общество теперь настолько стабильно, что в нем невозможно найти никакой серьезной оппозиции»²⁵. В своих сочинениях и публичных лекциях Маркузе, как отмечалось в предыдущей главе, снова и снова выражал убеждение, что развитое индустриальное общество, будучи способным поддерживать изобилие и массовую культуру, уже не оставляет основания для сознательной пролетарской классовой политики²⁶.

О разочаровании Маркузе в революционном потенциале рабочего класса, конечно же, хорошо известно. Гораздо менее известен другой факт: он настолько пессимистически смотрел на роль чернокожих и студентов, что открыто возражал против участия первых в политическом процессе, а вторых в управлении университетом — по той причине, что система способна соблазнить и тех и других, побудив их в основном принять статус-кво. На симпозиуме, состоявшемся в 1965 г. в Университете Ратджерса, Маркузе заявил, что после устроенной неграм в американском обществе «промывки

²³ Otto Kirchheimer, «The Transformation of the Western Party Systems», in Joseph LaPalombara, Myron Weiner, eds., *Political Parties and Political Development* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1966), p. 184, 190.

²⁴ Otto Kirchheimer, «Germany: The Vanishing Opposition», in Robert Dahl, ed., *Political Oppositions in Western Democracies* (New Haven: Yale University Press, 1966), p. 247. См. также: Otto Kirchheimer, «The Waning of Opposition in Parliamentary Regimes», *Social Research* 24 (Summer 1957): 128–156. В одном из примечаний к своей статье «Германию...» Киркхаймер указывает на то, что эти вопросы обсуждаются и многими другими, в частности Гербертом Тингстеном, Манфредом Фридрихом, Карлом Брахе-ром и Липсетом. См.: «Germany...», p. 247.

²⁵ Lucien Goldmann, «Understanding Marcuse», *Partisan Review* 38 (1971): 258.

²⁶ Herbert Marcuse, *One-Dimensional Man*. Boston: Beacon Press, 1964), p. xii–xiii. [Г. Маркузе. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. С. XIV–XV.]

мозгов» они в своем политическом поведении следуют нормам среднего класса. «Когда его спросили, какое положение, на его взгляд, предпочтительнее – то, при котором негры лишены гражданских прав, включая и право голоса, или то, при котором они свободно осуществляют гражданские права и выбирают “ценности среднего класса”, Маркузе ответил: “Раз уж я вступил на опасный путь, надо пройти его до конца: я предпочту, чтобы у них не было права ошибочного выбора”»²⁷.

537 Когда до начала «событий» мая 1968 г. во Франции оставалось меньше месяца, Маркузе в интервью газете «Le Monde» сказал: «...повсюду и во все времена подавляющее большинство студентов настроено консервативно и даже реакционно. Так что демократическая студенческая власть была бы консервативной или даже реакционной»²⁸.

Реакции на студенческие волнения

К 1969 г. Маркузе, как и многие другие, понял, что заблуждался. В «Очерке об освобождении» он определил американское «население гетто» и студенческую оппозицию как важнейшие разрушительные силы. Однако, как отмечалось в главе 14, он не отказался от вывода, что освободительная революция «еще не стоит на повестке дня» западных промышленно развитых государств; что соединение необходимого «субъективного фактора» (политического сознания) и «объективного фактора» («поддержки и участия класса, составляющего человеческую базу процесса производства») возможно только «в обширных областях третьего мира»²⁹.

С аналогичными идеями выступил Баррингтон Мур-мл., ученый, который ближе, чем какой-либо другой из важнейших представителей современной американской социологии, подошел к марксистскому анализу. Впоследствии он совместно с Маркузе и Робертом Вольфом написал радикальное для конца 60-х годов сочинение «Критика чистой толерантности» («A Critique of Pure Tolérance»). В одной из работ 50-х годов Мур заметил: «...сокращая экономическое неравенство и привилегии, мы можем тем самым уничтожить

²⁷ Leo Rosten, *A Trumpet for Reason* (Garden City, N.Y.: Doubleday, 1970), p. 64–65.

²⁸ Это интервью, опубликованное в «Le Monde» 11 апреля 1968 г., приводится в «Upsurge of the Youth Movement in Capitalist Countries», *World Marxist Review* 11 (July 1968): 8.

²⁹ Herbert Marcuse, *An Essay on Liberation* (Boston: Beacon Press, 1969), p. 56. [См.: Г. Маркузе. Очерк об освобождении. М.: Прогресс, 1970. С. 51.]

источники контрастов и недовольства, придающих силу собственно политическим альтернативам... Думаю, утверждение, что для возрастания и упрочения свободы требуется существование угнетенной группы, — не просто диалектические словеса... Когда идеал достигнут или хотя бы близок к воплощению в жизнь, движущая сила недовольства исчезает и общество на время успокаивается, апатично принимая все как есть. Нечто подобное, по-видимому, происходит и в США»³⁰.

Примерно в это же время Т. Б. Боттомор, который в середине 70-х годов станет основным представителем марксизма среди британских социологов старшего поколения и в качестве кандидата от левых сил будет избран на пост президента Международной ассоциации социологов, озвучил аналогичные суждения относительно направленности изменений в западном обществе в целом. Боттомор расценил ослабление идеологического конфликта в послевоенном мире как отражение существенного сдвига в классовых отношениях. В 1955 г. в книге «Классы в современном обществе» он писал: «Хотя демократические правительства всё еще имеют классовый характер, это уже не является их главной чертой, как часто бывало в XIX веке. <...> Следует также заметить, что в большинстве современных демократических государств существует широкая и постоянно растущая область социальной политики, с которой согласны основные партии. Степень их согласия относительно интересов всего сообщества — это мера ослабления острых классовых антагонизмов. Это в особенности мера того, в каком объеме привилегированные группы отказались от своих привилегий и от преследования чисто эгоистических интересов, и, таким образом, мера реального сглаживания классовых различий»³¹.

Спустя десять лет, во втором издании книги, Боттомор, реагируя на возникшие вновь острые идеологические разногласия среди западной интеллигенции, язвительно критиковал других сторонников тезиса о «конце идеологии» за непонимание того, что при капитализме по-прежнему сохраняются основные источники притягательной силы радикализма³². В этом пересмотренном издании нет ни малейшего намека на то, что сам Боттомор раньше отстаивал

³⁰ Barrington Moore, Jr., *Political Power and Social Theory* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1958), p. 183.

³¹ T. B. Bottomore, *Classes in Modern Society* (London: Ampersand, 1955), p. 52–53.

³² T. B. Bottomore, *Classes in Modern Society*, 2d rev. ed. (New York: Pantheon Books, 1966), p. 95–96. [См.: Т. Б. Боттомор. Классы в современном обществе. М.: Прогресс, 1966. С. 67–69. Русский перевод выполнен по 2-му, пересмотренному изданию этой книги. — Перев.]

539

крайнюю версию данного тезиса и в своем социальном оптимизме шел намного дальше таких авторов, как Арон, Белл, Шилз и я. Он попросту убрал содержащееся в тексте 1955 г. высказывание, что идеологический конфликт потерял остроту, так как «собственники в промышленно развитых демократических государствах перестали быть правящим классом в смысле способности поддерживать или улучшать свое положение в обществе или сопротивляться растущему движению за равенство условий... Орудия производства больше не могут использоваться без учета интересов рабочего; их использование сопряжено с ограничениями, налагаемыми демократическими правительствами. Собственность уже не может автоматически обеспечивать ее владельцу преимущественное участие в политических делах общества. Власть в современных демократических обществах распределена между многочисленными социальными группами, работодателями, профсоюзами и разного рода добровольными объединениями; все они оказывают влияние на политику правительства»³³.

Возможно, в связи с тем, что ему указали на расхождение в позициях в первом и втором изданиях книги, Боттомор в 1967 г., высказавшись о «конце идеологии» как о «выражении, которое звучит странно», далее, однако, заметил: «Если под этим подразумевается то, что в крупнейших идеологиях XIX века, разделявших общества изнутри, образовались трещины и они, по-видимому, разрушаются, а также то, что у них уже нет прежней власти над умами критиков общества, тогда эта характеристика может быть принята как правдоподобная»³⁴.

540

Три года спустя, в 1970 г., Боттомор в статье, помещенной в журнале «New York Review of Books», в то время сочувствовавшем «новым левым», еще раз сменил направление и подверг суровой критике как явно «дискредитированные взгляды» «пресловутые доктрины, провозглашающие “конец идеологии” и достижение “стабильной демократии” в западных индустриальных государствах»³⁵. И опять-таки в этой статье — где предполагается, что обострение политического конфликта в конце 60-х годов служит самоочевидным опровержением критикуемых взглядов, — нет ни намека на то, что ее автор выдвинул многие из тех аргументов, которые он теперь вычитывал в работах других. Так, ранее при сопоставлении СССР с «западными демокра-

³³ Bottomore, *Classes in Modern Society*, 1st ed., p. 52.

³⁴ T. B. Bottomore, *Critics of Society: Radical Thought in North America* (London: Allen & Unwin, 1967), p. 19.

³⁵ T. B. Bottomore, «Conservative Man», *New York Review of Books*, October 8, 1970, p. 20.

тиями» он высказывал мысль, что «объединение элит... характерное для всех коммунистических стран» привело к «формированию нового правящего класса, консолидации входящих в него привилегированных лиц и упрочению его власти над остальной частью общества», тогда как западные страны «отличаются тем, что в них власть одной группы ограничена властью других независимых групп — политических партий, работодателей, профсоюзов и множеством других влиятельных групп. Это очень важное различие, так как возникновение единой элиты означает конец и свободы, и равенства»³⁶.

Боттомор причислял к «пресловутым доктринам», связанным с «концом идеологии», концепцию стабильных демократий, явно забывая то, что подчеркивал раньше: «...всеобщее избирательное право для взрослых создало возможность мирными средствами обуздать власть собственников и изменить характер государственного управления... Свобода личности в обществе может быть обеспечена только политическими средствами, благодаря институтам, которые должны как минимум исключать однопартийную систему и поддерживать разногласия, защищая группы меньшинства»³⁷.

Как и другие левые критики социологической «школы конца идеологии», Боттомор, воодушевленный появлением в конце 60-х годов радикального активизма среди студентов и части интеллигенции, в 1970 г. с чувством собственного превосходства утверждал: «причиной этой ошибки <названной школы> был неисторический характер ее самой... она поддерживала склонность рассматривать скоротечное настоящее как вечный порядок»³⁸. Ввиду событий, последовавших в 1970-х годах, странно, что Боттомор привел как пример этой ошибки данную мной в 1967 г. оценку, согласно которой возродившееся движение, вероятно, станет «одной из многих безуспешных попыток... создать радикальное движение в бесплодной, по существу, среде», принимая во внимание исторические условия, а именно что «в США, с их относительно стабильной социальной системой и довольно долгой традицией политического спокойствия, радикальные общественные движения любого рода испытывают трудности с самоутверждением»³⁹. Боттомор был бы более состоятелен как прогнозист, если бы придерживался своего собственного пессимистического комментария 1967 г. относительно политиче-

³⁶ Bottomore, *Classes in Modern Society*, 1st ed., p. 46–48.

³⁷ *Ibid.*, p. 53–55.

³⁸ Bottomore, «Conservative Man», p. 21.

³⁹ Цит. по: *Ibid.*, p. 22. Цитата взята Боттомором из работы: S. M. Lipset, Philip Altbach, «Student Politics and Higher Education in the United States», in S. M. Lipset, ed., *Student Politics* (New York: Basic Books, 1967), p. 244.

ских взглядов студентов. Тогда он отмечал: возможность того, что «новый радикализм... [продлится дольше, чем предыдущие кратковременные волны], определяется тем, сможет ли новый радикализм найти в обществе какую-то основу, не столь эфемерную, как студенческое движение»⁴⁰.

Около 1971 г. в статье, оценивающей уже очевидный к тому времени спад студенческого движения, Боттомор писал, что «трудно предсказать развитие широкого радикального движения» в США. Он не возлагал надежд на радикализацию рабочего класса «в условиях распространяющегося процветания и переживающего упадок профсоюзного движения»⁴¹.

Участники волны студенческого активизма 60-х годов и их сторонники среди преподавателей сумели найти лишь слова глубокого презрения к тем, кто, подобно Дэвиду Рисмену и мне, пытались привлечь внимание к исторической схеме периодического подъема и быстрого спада студенческих движений⁴². Однако через несколько лет подобные обобщения морально поддержали радикалов, угнетенных явным ослаблением протеста. Беттина Аптекер, марксистский лидер студенческого бунта в Беркли в 1964–1965 гг., в 1973 г. воспрянула духом оттого, что «все социальные движения носят волнообразный характер. Невозможно поддерживать один и тот же уровень напряженности в течение неопределенного времени... Если этот анализ верен, движение возникнет вновь»⁴³.

В начале 60-х годов предположение, что основные структурные тенденции в западном обществе резко сократили число факторов, способствующих напряженному идеологическому конфликту, высказал конкретно по отношению к перспективам студенческого активизма ученый левой ориентации Кеннет Кенистон, который позднее, во второй половине десятилетия, когда студенческий протест достиг высшей точки, стал наиболее значимой фигурой среди сочувствующих американским студентам. Кенистон первый заговорил об «упадке утопии» и «спокойствии» в студенческой среде. Комментируя в середине 70-х годов «взгляд на современный период как на период “упадка утопии” и “конца идеологии”», Джозеф Гасфилд выделил работы Кенистона как главные труды, в которых сформу-

⁴⁰ Bottomore, *Critics of Society*, p. 133.

⁴¹ T. B. Bottomore, «The Prospect for Radicalism», in Bernard Landis, Edward S. Tauber, eds., *In the Name of Life: Essays in Honor of Erich Fromm* (New York: Rinehart & Winston, 1971), p. 319.

⁴² S. M. Lipset, *Rebellion in the University* (Boston: Little, Brown, 1972), p. 195.

⁴³ Цит. по: Beverly Stephen, «Veterans of the Student Revolution», *San Francisco Chronicle*, 31 October 1973.

лирован такой подход⁴⁴. Убеждение Кенистона в том, что американская молодежь, по сути, «в большинстве своем аполитична», в 1963 г. побудило его в названии статьи, в которой обсуждались «признаки возрастающей политической активности во многих кампусах», поставить слова «политическое возрождение» в кавычки и посвятить большую часть статьи анализу постоянных структурных источников «апатии»⁴⁵. «Практически очевидно, — писал он, — что недостаток и образование оказывают негативное влияние на участие в политической жизни, по крайней мере в Америке». Это заключение ему предстояло через несколько лет изменить на противоположное.

Но тот же Кеннет Кенистон выбрал для высмеивания работы Дэниела Белла, Сеймура Мартина Липсета и Эдварда Шилза о конце идеологии. Исходя из посылки, что эта группа «либеральных» теоретиков «предрекала прямо противоположное тому, что произошло в действительности», Кенистон заключил: «...уже один этот факт должен побудить нас поставить под сомнение и пересмотреть отправные положения либерализма»⁴⁶. Когда читаешь эти слова специалиста, исследующего поведение молодежи, который даже *после* начала молодежных волнений 60-х годов утверждал, что они, вероятно, не могут преодолеть основные силы, содействующие аполитичности и апатии у студентов, позволительно выразить удивление — тем более что слова его направлены против группы ученых, которые в своих работах о конце идеологии определенно предугадали возрождение идеологической или утопической политики, делающей ставку на «мятежное юное поколение» (Шилз), на «молодого интеллектуала» (Белл) и «интеллектуалов» (Липсет)⁴⁷.

Мои ссылки на труды ряда ученых, чьи имена связывают с марксизмом или в чьих научных работах содержится одобрение различных форм левого активизма, в качестве сторонников крайнего варианта тезиса о «конце идеологии» — положения о «конце конфликта» — не означают, что, по моему мнению, их труды придают этому тезису специфически левую идеологическую окраску. Но, учитывая

⁴⁴ Joseph R. Gusfield, *Utopian Myths and Movements in Modern Societies* (Morristown, N.J.: General Learning Press, 1973), p. 1.

⁴⁵ См., в частности, его книгу: Kenneth Keniston, *The Uncommitted* (New York: Harcourt, Brace, 1965) и его статьи: «Alienation and the Decline of Utopia», *American Scholar* 29 (Spring 1960): 1–10; «American Students and the “Political Revival”», *American Scholar* 32 (Winter 1963): 40–64. Обе статьи включены в сборник работ Кенистона: *Youth and Dissent* (New York: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1971), в котором он дает читателям возможность проследить изменения в его оценках, происходящие с течением времени.

⁴⁶ Kenneth Keniston, «Revolution or Counterrevolution?», p. 293–294.

⁴⁷ См. обсуждение и цитаты на с. 568–571.

полемический контекст обсуждения, важно отметить, что эту идею по-своему поддержали люди различных политических взглядов. Помимо обсуждаемых ранее, к упомянутым ученым относятся два выдающихся американских социолога, Дэвид Рисмен и Толкотт Парсонс; Герберт Тингстен, в течение долгого времени бессменный издатель ведущей шведской либеральной газеты «Dagens Nyheter»; Гуннар Мюрдаль, известный экономист и лидер шведских социалистов; Ральф Дарендорф, возможно, самый известный из современных немецких социологов, в середине 1950-х годов еще активный социалист; Стейн Роккан, бывший президент Международной ассоциации политической науки; Джордж Лихтхейм, историк и теоретик социализма; Льюис Фейер, современный сторонник психоаналитического подхода к анализу общества; Мишель Крозье и Ален Турен, французские социологи в корне различных направлений; Марк Абрамс, британский социолог, специализирующийся на опросах общественного мнения; Роберт Лейн из Йельского университета, изучающий политическое поведение, в прошлом студенческий лидер, в настоящее время активный участник социалистического движения; Джудит Шклар, профессор Гарвардского университета, освещающая изменения в области идеологии с точки зрения политической теории; Томас Мольнар, консервативный политолог. Можно было бы сослаться и на многих других⁴⁸.

545

⁴⁸ Вот список репрезентативной литературы, представляющей различные варианты рассматриваемого тезиса и не приведенной где-либо в этом разделе: Herbert Tingsten, «Stability and Vitality in Swedish Democracy», *Political Quarterly* 26 (April–June 1955): 140–151; Lewis Feuer, *Psychoanalysis and Ethics* (Springfield, Ill.: Charles C. Thomas, 1955), p. 126–130; Stein Rokkan, *Sammenlignende Politiskisologi* (Bergen: Chr. Michelsens Institutt, 1958); Ralf Darendorf, *Class and Class Conflict in Industrial Society* (Stanford: Stanford University Press, 1959), особенно p. 241–318; Gunnar Myrdal, *Beyond the Welfare State* (New Haven: Yale University Press, 1960); George Lichtheim, *The New Europe* (New York: Praeger, 1963), особенно p. 175–215; Robert E. Lane, «The Politics of Consensus in an Age of Affluence», *American Political Science Review* 59 (1965): 874–895; Robert E. Lane, «The Decline of Politics and Ideology in a Knowledgeable Society», *American Sociological Review* 31 (1966): 649–662; Robert Tucker, «The Deradicalization of Marxist Movements», *American Political Science Review* 61 (1967): 343–358; Mark Abrams, «Social Trends and Electoral Behavior», *British Journal of Sociology* 13 (1962): 228–241; Manfred Friedrich, *Opposition ohne Alternative* (Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1962); Judith Schklar, *After Utopia: The Decline of Political Faith* (Princeton: Princeton University Press, 1957); Talcott Parsons, «An Approach to the Sociology of Knowledge», *Transactions of the Fourth World Congress of Sociology* (Louvain International Sociological Association, 1959), 4: 25–49; Thomas Molnar, *The Decline of the Intellectual* (Cleveland: Meridian Books, 1961), особенно p. 199–222; Stephen R. Graubard, ed., *A New Europe?* (Boston: Houghton Mifflin, 1964) – в особенности работы Эрнста Б. Хааса (Haas), Карла Дитриха Брахера (Bracher), Ральфа Дарендорфа, С. М. Липсета, Алена Турина (Touraine), Эрика Вейля (Weil) и Мишеля Крозье (Crosier); David Riesman, Introduction to Stimson Bullitt, *To Be a Politician* (New York: Doubleday, 1959), особенно p. 20.

Формулировка Кеннеди

Хотя Джон Кеннеди пользовался доверием некоторых граждан потому, что он положил конец политической неподвижности «безмолвных 50-х» в США, вновь озвучив идеологическую приверженность эгалитарным целям страны и таким образом оживив студенческий политический активизм, сам Кеннеди в публичном дискурсе принимал одну из версий тезиса о «конце идеологии», высказывая положения, первые варианты которых приписывались Артуру Шлезингеру-мл. Так, в мае 1962 г. Кеннеди провозгласил, что идеологическое разделение общества по основным вопросам преодолено; что больше нет необходимости в «крупных “пассионарных движениях”, так часто будораживших нашу страну в прошлом». Месяцем позже, в речи на церемонии вручения дипломов в Йельском университете молодой президент заключил, что «важнейшие внутренние проблемы нашего времени не столь просты и требуют более тонкого подхода. Они относятся не к фундаментальным расхождениям в философии и идеологии, а к путям и средствам достижения общих целей»⁴⁹.

Посылки, лежащие в основе высказанных президентом положений, — что первостепенные экономические проблемы, т.е. проблемы занятости, социального обеспечения и неравенства, в целом решены — были сформулированы в конце 50-х годов двумя либералами, ставшими впоследствии главными интеллектуальными выразителями эпохи Кеннеди: Артуром Шлезингером-мл. и Джоном Кеннетом Гэлбрейтом, в то время профессорами Гарварда. В 1957 г. первый писал: «...хотя не все еще сделано в области экономического управления и регулирования, главные проблемы экономической структуры, как мне представляется, решены; немногие либералы всерьез хотели бы сегодня изменить структуру нашей смешанной экономики... Более того, нынешнее консервативное правительство в значительной степени разделяет, по крайней мере номинально, цели, поставленные Новым курсом... Как сказал Артур Ларсон, все мы теперь сторонники Нового курса»⁵⁰.

Пять лет спустя Шлезингер развил эти взгляды до глобального масштаба. Возникновение государства всеобщего благоденствия, или «смешанного общества», отмечал он, «показало, что классический капитализм и классический социализм — доктрины XIX в.... Теперь очевидно, например, что выбор между частными и обще-

546

⁴⁹ Цит. по: Rousseas, Farganis, «American Politics and the End of Ideology», p. 284.

⁵⁰ Arthur Schlesinger, Jr., «Where Does the Liberal Go from Here?», *New York Times Magazine*, 4 August 1957), p. 7, 36.

ственными средствами... не вопрос религиозного принципа... Это всего лишь практический вопрос о том, какие средства лучше подходят для достижения желаемой цели... Более того, я сказал бы, что слова “капитализм” и “социализм” вполне можно изгнать из интеллектуального дискурса»⁵¹.

Университетский коллега Шлезингера, Гэлбрейт, позднее сотрудник администрации Кеннеди, активный приверженец Новой политики 1970-х годов, ныне провозгласивший себя социалистом, выразил аналогичные взгляды:

«...экономическая и социальная проблема неравенства потеряла свою актуальность... Производство устранило наиболее острые противоречия, связанные с неравенством. И консерваторам, и либералам стало ясно, что альтернативой перераспределения или даже уничтожения неравенства является растущий совокупный объем производства. Старейший социальный вопрос, всегда вызывавший величайший накал страстей, если не решен, то по крайней мере отложен; вместо него спорящие сосредоточили внимание на такой цели, как рост производительности труда...

Прежние заботы экономической жизни – равенство, социальное обеспечение и производительность труда – теперь сузились до заботы о производительности труда и производстве. Производство стало средством разрешения противоречий, в прошлом связанных с неравенством, и спасением от трудностей, тревог и лишений, связанных с экономической необеспеченностью»⁵².

547

Предвосхищения Новой политики

Исходящая от левых критика тезиса о конце идеологии была в значительной мере сосредоточена на работах социологов так называемой плюралистической школы – Арона, Белла, Шилза и Липсета. Оппоненты делали упор на предполагаемую несостоятельность нашей гипотезы с учетом активности «новых левых» в 1960-х годах, социальную базу которой составляли преимущественно студенты, исключаемые меньшинства и интеллигенция. Каждый из нас, однако, предугадывал, что политический протест продолжится и будет широко поддержан этими слоями общества. Так, в 1955 г. Эдвард Шилз в своей оригинальной статье в журнале «Encounter», упо-

⁵¹ Arthur Schlesinger, Jr., «Epilogue: The One against the Many», in A. M. Schlesinger, Jr., Morton White, eds., *Paths of American Thought* (Boston: Houghton Mifflin, 1963), p. 536.

⁵² John Kenneth Galbraith, *The Affluent Society* (Boston: Houghton Mifflin, 1958), p. 97, 119.

минавшейся ранее*, предсказывал, что если западное общество не возьмет на себя «важные задачи» в социальной сфере, то «идеология» в смысле крайних, или революционных, доктрин «проберется через черный ход или, конкретнее, проникнет через бунтующее молодое поколение»⁵³. Далее, в статье, опубликованной в 1958 г. и представляющей собой наиболее подробную разработку им тезиса о конце идеологии, Шилз подчеркивал «склонность интеллектуалов в современных западных странах, а позднее и в странах Азии и Африки к идеологической политике... [поскольку] традиции современных интеллектуалов, очевидно, в большинстве своем располагают их к идеологическому мировоззрению. Оно, можно сказать, предопределяется их тяготением к символам, выходящим за рамки повседневной жизни и ее обязанностей»⁵⁴.

Реймон Арон в заключении своего очерка 1955 г. «Конец эпохи идеологии?», помещенного также в конце его книги об интеллектуалах, недвусмысленно отрицал ослабление приверженности к социальным реформам и переменам: «Люди не перестают любить Бога, когда они отказываются обращать силой оружия язычников или иудеев в новую веру и повторять: “Вне церкви нет спасения”. Перестанут ли они желать не столь несправедливого общества или не столь жестокой общей судьбы, если они откажутся поклоняться только одному классу, только одной технике действий, только одной идеологической системе?»⁵⁵

Через десять лет, возвращаясь к этой теме в работе, само название которой указывает на расстановку акцентов, — «Конец идеологии и ренессанс идей» («The End of Ideology and the Renaissance of Ideas») Арон повторил, что он предугадывал не конец политических взглядов или попыток реформировать общество, а ослабление притягательной силы тотальных, или всеохватывающих, идеологий на Западе. Распад идеологических общих построений, отметил он, не ведет к унылому прагматизму и не уменьшает ценность интеллектуальных разногласий»⁵⁶. Объясняя свою позицию, Арон описал источники «антиидеологической» позиции умеренных левых: «Настроенность умеренных левых в нынешних обстоятельствах действительно является антиидеологической в точном и узком смысле слова: в каждой конкретной ситуации они стараются примирить

548

* См. выше, с. 473. — *Прим. перев.*

⁵³ Shils, «The End of Ideology?», p. 57.

⁵⁴ Shils, *The Intellectuals and the Powers*, p. 55.

⁵⁵ Aron, *The Opium of the Intellectuals*, p. 323. [*Р. Арон. Опиум для интеллигенции. С. 234.*]

⁵⁶ Aron, *The Industrial Society*, p. 169.

наилучшим, или наиболее удовлетворительным, образом свободу личности, демократическую легитимность, экономический прогресс и уменьшение социального неравенства. Именно потому, что полное согласование [всех этих целей в рамках одной логически последовательной идеологии] невозможно, разве только как отдаленный идеал разума, умеренные левые объявляют себя “противниками идеологии” и подчеркивают разнообразие политических ситуаций и непрочность широких обобщений. Именно потому, что развитые общества добиваются по крайней мере частичных успехов в таком согласовании, умеренные левые не могут или не хотят создавать какой-либо идеологический синтез»⁵⁷.

Мое собственное исследование упадка идеологии (глава 13), впервые опубликованное в 1960 г., было представлено в контексте *опровержения* тезисов Баррингтона Мура и других ученых из *левого* лагеря, подчеркивавших роль произошедших изменений в ослаблении классовой борьбы. Как я заметил в своем тогдашнем обсуждении, охарактеризованном Москвичевым как обсуждение, «в котором тезис о “сумерках идеологии” получил наиболее полный, исчерпывающий анализ», я ставил под сомнение, «не путают ли эти интеллектуалы упадок идеологии во внутренней политике западного общества с окончанием классового конфликта, поддерживающего демократические разногласия. Как показывают многочисленные данные о типах голосования в США и других странах, избиратели в целом не усматривают конца внутренней классовой борьбы, рисуящегося воображению многих интеллектуалов. <...> Предсказания конца классовой политики в “обществе изобилия” не учитывают относительного характера всякой классовой системы» (с. 477, 478).

Конкретизируя факторы, лежащие в основе упадка тотальных идеологий левых партий, я развивал тему, первоначально предложенную Т. Х. Маршаллом (она обсуждалась выше): поскольку революционная массовая политика в раннем индустриальном обществе была преимущественно порождением рабочего класса, борющегося за гражданские права, его идеологические убеждения стали разрушаться, когда «рабочие... добились гражданства в промышленной и политической сферах, [а] консерваторы... приняли государство всеобщего благоденствия». Но в предположении, что «включение» уменьшает необходимость в тотальных идеологиях для прежде исключавшихся групп, содержится неявное признание того, что «этнические, расовые или религиозные группы, такие как американские чернокожие или ольстерские католики, которые все еще не стали полноправны-

⁵⁷ *Ibid.*, p. 161.

ми гражданами, по-прежнему будут находить применение экстремистским тактическим приемам, а порой и идеологиям»⁵⁸.

Обсуждая в первом издании этой книги упадок левых убеждений у американских интеллектуалов в 1950-х годах, я усомнился в том, что происходит «постоянный процесс изменения [враждебного] отношения американского интеллектуала к своему обществу». Несмотря на могучие силы, влекущие его к консерватизму, интеллектуал все еще сохраняет внутреннюю склонность быть в оппозиции к статус-кво. <...> Всякий статус-кво воплощает в себе косность и догматизм; интеллектуалы обладают неотъемлемым правом подвергать их критике, будь то с точки зрения движения назад к традиционным ценностям или же движения вперед к осуществлению эгалитарной мечты» (с. 407).

К аналогичным выводам — о сохраняющемся интересе интеллектуалов, в особенности молодых, к критическим идеологиям — пришел Дэниел Белл в своей книге «Конец идеологии»:

«Новое поколение [интеллектуалов]... ищет новых целей в системе политического сообщества, которое отвергло, выражаясь интеллектуальным языком, старые апокалиптические и хилястические представления. За поисками “дела” кроется глубинный, безысходный, едва ли не вызывающий жалость гнев... В США... идет неустанный поиск нового интеллектуального радикализма... Для тех, кто ищет “дел”, ирония... заключается в том, что рабочие, чье недовольство прежде было движущей силой социальных изменений, более удовлетворены обществом, чем интеллектуалы. Рабочие не воплотили в жизнь утопию, но их ожидания были меньше, чем ожидания интеллектуалов, и соответственно бóльшим оказался и выигрыш.

Молодой интеллектуал несчастен, потому что “средний путь” — для людей среднего возраста, а не для него; бесстрашие этого пути его убивает. Ему органически нужна идеология, которая по природе своей категорична: всё или ничего»⁵⁹.

Несмотря на другой тон и совершенно иной идеологический акцент его работ, Райт Миллс, глубоко изучив сочинения Вебера и Манхейма, пришел почти к таким же выводам, как и Белл и я сам. Так, в своем известном «Письме к “новым левым”» (опубликованном в 1960 г.) он утверждал: «...в целом представляется, что только

⁵⁸ Lipset, *Revolution and Counterrevolution*, p. 268–270. Толкотт Парсонс также экстраполировал анализ Маршалла, распространив его в особенности на положение негров в Америке (см.: Parsons, *Politics and Social Structure* (New York: Free Press, 1969), p. 252, 257–259, 261, 277).

⁵⁹ Bell, *The End of Ideology*, p. 404.

на определенных [более ранних] стадиях индустриализации, в политической обстановке автократии и т.д. наемные рабочие стремятся стать классом-для-себя и т.д.». Веру некоторых радикалов в революционную роль рабочего класса в «развитых капиталистических обществах» он охарактеризовал как «противоречащую поистине впечатляющим историческим фактам, которые сейчас не дают никакого повода для такой надежды... наследие викторианского марксизма ныне совершенно неприемлемо»⁶⁰. Миллс тоже говорил, что социальная группа, которая, учитывая ее положение в структуре общества, с наибольшей вероятностью должна быть источником постоянной борьбы с истеблишментом, — это интеллектуалы: «Размышляя над проблемой действующего начала [изменений], я вот уже несколько лет изучаю орудие культуры, интеллектуалов — как возможное, непосредственное, радикальное действующее начало изменений... теперь, весной 1960 г., оказалось, что это, пожалуй, и в самом деле весьма актуальная идея»⁶¹.

Аналогичные взгляды выразил Джон Кеннет Гэлбрейт в 1967 г., подтвердив суждения, впервые высказанные им десятью годами ранее. По его мнению, современная индустриальная система опровергла расчеты Маркса в силу своей способности — сопутствующей экономическому богатству — выдержать классовое противоборство и резко сократить споры относительно «целей самого общества». Однако Гэлбрейт, как и Миллс, отметил появление «недовольства общепринятыми и санкционированными общественными взглядами, которое, хотя и не опирается на четкую платформу, особенно заметно среди студентов и интеллектуалов»⁶². Подобное недовольство и потенциальная возможность конфликта с доминирующими экономическими слоями у части членов «педагогического и научного сословия, а также более широкого интеллектуального сообщества», согласно Гэлбрейту, заложены в резко различающихся ценностных ориентациях, связанных со структурным положением двух главных внеправительственных элит.

В начале 60-х годов, подчеркивая роль интеллектуалов как потенциального очага возобновления протеста, Белл, Миллс и я были не согласны с предположениями Маркузе и Боттомора. Последний, например, даже в 1964 г. утверждал: «...в настоящее время... возмож-

⁶⁰ C. Wright Mills, *Power, Politics, and People* (New York Ballantine Books, 1963), p. 256.

⁶¹ *Ibid.*, p. 256–257.

⁶² John Kenneth Galbraith, *The New Industrial State* (New York Signet Books, 1968), p. 330–331. [См.: Дж. К. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. С. 379, 380; 348.]

но, дело обстоит так, что большинство интеллектуалов в западноевропейских странах и в США принадлежат к правым»⁶³.

Дэниел Белл обсудил идеологические следствия «конца хилиастических надежд, миллениаризма, апокалиптического мышления», т.е. конца того, что он подразумевает под идеологией, когда использует широко известное выражение. И, в отличие от многих более пессимистически настроенных левых, принявших собственные версии данного понятия, Белл усматривал «конец идеологии» в политике, впервые сделавшей возможными трезвые обсуждения утопии: «Конец идеологии — это не конец утопии, так быть не должно. Во всяком случае, заново начать обсуждение утопии можно только осознав, какую ловушку представляет собой идеология»⁶⁴.

В последние десять лет в своих исследованиях, посвященных возникновению постиндустриального общества, Белл подчеркивал особую склонность интеллектуалов к парадоксальным идеологическим воззрениям, которые, появляясь у творцов культуры вновь и вновь, отражают их стремление свести к минимуму или вообще устранить ограничения, чтобы «достичь какой-нибудь формы экстаза». Такие воззрения противоречат ориентации на повседневность, «на экономику, технологию и систему профессий... [которая] коренится в функциональной рациональности и эффективности... обусловленных принципом расчета, рационализации труда и времени и линейным восприятием прогресса»⁶⁵. С конца 50-х годов я также в разных своих работах обращал внимание на то, до какой степени «полярная культура» интеллектуалов, их постоянная оппозиция базовым ценностям и институтам собственников и тех, кто контролирует промышленность и политику в капиталистическом и посткапиталистическом обществах, связана с самой природой их труда, в котором главное — творчество, оригинальность и «достижения»⁶⁶.

Макс Вебер, с его пророческим даром, в сочинениях, написанных вскоре после окончания Первой мировой войны, предвосхитил эти взгляды, отметив стремление многих интеллектуалов найти

⁶³ T. B. Bottomore, *Elites and Society* (London C. A. Watts, 1964), p. 70.

⁶⁴ Bell, *The End of Ideology*, p. 405.

⁶⁵ Bell, *The Coming of Post-Industrial Society*, p. 477–478.

⁶⁶ S. M. Lipset, Richard Dobson, «The Intellectual as Critic and Rebel: With Special Reference to the United States and the Soviet Union», *Daedalus* 101 (Summer 1972): 137–198; S. M. Lipset, «Academia and Politics in America», in T. J. Nossiter et al., eds., *Imagination and Precision in the Social Sciences* (London: Faber, 1972), p. 211–289; E. C. Ladd, Jr., S. M. Lipset. *The Divided Academy: Professors and Politics* (New York: Norton, 1976), особенно p. 125–148; S. M. Lipset, Asoke Basu, «Intellectual Types and Political Roles», in Lewis Coser, ed., *The Idea of Social Structure* (New York: Harcourt, Brace, 1975), p. 433–470.

какую-либо форму «экстаза» в эпоху, характеризующуюся «рационализацией... и прежде всего «расколдованием мира»». В условиях «расколдования», отсутствия харизматических тотальных идеологий некоторые перенесут высшие ценности «или в потустороннее царство мистической жизни, или в братскую близость непосредственных отношений отдельных индивидов друг к другу». Они, возможно, попытаются «ввести религиозные новообразования без нового, истинного пророчества»; но такие религии могут породить лишь нечто жалкое и безобразное. «И пророчество с кафедры создает в конце концов только секты фанатиков, но никогда не создаст подлинной общности». По Веберу, лучшая нравственная реакция для тех интеллектуалов, «кто не может мужественно вынести... этой судьбы эпохи», — вернуться к традиционной религии. «Та позиция <принесение в жертву интеллекта ради безусловной преданности религии> представляется мне более высокой, чем кафедральное пророчество, не дающее себе отчета в том, что в стенах аудитории не имеет значения никакая добродетель, кроме одной: простой интеллектуальной честности»⁶⁷.

Несколькими годами позже Карл Манхейм в той же работе, в которой он предугадал упадок идеологии и утопии, отметил, что интеллектуалам трудно жить «в полном соответствии с действительностью такого рода, где совершенно отсутствует какая бы то ни было трансцендентность, будь то в форме утопии или идеологии». Он предсказал центральную роль «“подлинности” и “искренности” вместо старых идеалов»⁶⁸. И, так же как до него Вебер, Манхейм предрекал, что именно «интеллектуалы... даже в большей мере, чем теперь, рекрутируемые из всех, а не только из привилегированных социальных слоев», оказавшись не в состоянии приспособиться к условиям отсутствия идеологического конфликта, будут стремиться «изменить ситуацию, создав напряженность»⁶⁹.

554

Возвращаясь к этой теме в конце 1930-х годов, Манхейм как будто описывает интеллигенцию «новых левых» 1960-х, когда отмечает, что интеллектуальные критики развитого либерально-демократического общества «не намерены предлагать ни малейших решений на будущее»: «Считается верхом мудрости не говорить ничего определенного, пренебрегать применением разума для постро-

⁶⁷ *From Max Weber: Essays in Sociology*, p. 155. [См.: М. Вебер. Наука как призвание и профессия // М. Вебер. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. С. 545–546.]

⁶⁸ Mannheim, *Ideology and Utopia*, p. 230–231. [См.: К. Манхейм. Идеология и утопия. Ч. 2. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 75.]

⁶⁹ *Ibid.*, p. 232–233. [См.: Там же. С. 78.]

ения будущего и не требовать ничего, кроме слепой веры. При этом пользуются двояким преимуществом, применяя разум только для критики оппонентов и в то же время без ограничения мобилизуя ради своих целей все отрицательные эмоции ненависти и возмущения, которые — согласно сформулированному Г. Зиммелем принципу «негативного характера коллективного поведения» — могут объединить значительную массу людей легче, чем любая позитивная программа»⁷⁰.

Стоит отметить, что, комментируя сочинения Дэниела Белла и мои, касающиеся «конца идеологии», Джеймс Дэвис высказывает такую мысль: в наших сочинениях чувствуется глубокая обеспокоенность тем, что «капиталистическая и социалистическая системы... неспособны дать удовлетворительные критерии или удовлетворительные средства развития индивидов и целых культур, превосходящего уровень материального изобилия»⁷¹.

Идеология конца идеологии

Особой критике понятие конца идеологии подверглось со стороны ряда радикалов, которые, допуская совместимость эмпирического взгляда с их собственной оценкой уменьшения идеологических разногласий между приверженцами главных партий в западных демократических странах, вместе с тем утверждают, что провозгласившие «конец идеологии» не распознали в этом консервативное идеологическое понятие, препятствующее усилиям добиться радикальных изменений. Так, Стивен Руссеас и Джеймс Фарганис писали: «...не приходится сомневаться, что... аргументы [Белла] и Липсета относительно упадка, если не конца, идеологии как действующей силы в западном мире основываются по большей части на фактах», но, продолжали они, «Райт Миллс согласился бы с тем, что “конец идеологии” составляет фетиш эмпиризма и сам по себе влечет за собой некую идеологию — идеологию политической самоуспокоенности, оправдания существующего порядка вещей»⁷². Однако очевидно, что такой аргумент всего лишь воспроизводит одно из логических звеньев анализа, который они критикуют. В 1963 г. я попытался всесторонне рассмотреть причины и следствия «упадка идеологии»:

⁷⁰ Karl Mannheim, *Man and Society in an Age of Reconstruction*, trans. Edward Shils (New York: Harcourt, Brace, 1950), p. 110.

⁷¹ James C. Davis, *Ideology: Its Causes and a Partial Cure* (Morristown, N.J.: General Learning Press, 1974), p. 3.

⁷² Rousseas, Farganis, «American Politics and the End of Ideology», p. 274.

«Классовые конфликты в вопросах, связанных с разделом совокупного экономического богатства, влиянием на различные институты, символическим статусом и возможностями, продолжаются и при отсутствии *Weltanschauungen*... Более того, упадок тотальных идеологий не означает конца идеологии. Безусловно, приверженность политике прагматизма, признание правил игры коллективного торга, надежда на постепенные изменения в направлении, намеченном будь то левыми или правыми, неприятие будь то всемогущего централизованного государства или принципа *laissez faire** являются составными частями идеологии. “Согласие относительно основ”, политический консенсус в западном обществе теперь все чаще включает и позицию по вопросам, прежде разделявшим левых и правых. И это идеологическое согласие, которое лучше всего можно охарактеризовать как “консервативный социализм”, стало *идеологией* главных партий в развитых государствах Европы и в Америке»⁷³.

556

В этих утверждениях я только повторял аргумент, выдвинутый Стюартом Хьюзом в заключении книги «Конец политической идеологии», где он заметил: «Различные кредо “прогресса” — либерализм, демократия, социализм — заключили мир с тем, что осталось от традиционного консерватизма... Стоит ли удивляться, что новый консерватизм 1950 г. ...должен был привести все идеологии к компромиссному соглашению, в котором единственный ясный пункт — это “свобода”?»⁷⁴

Справедливости ради надо отметить следующее. Критик-коммунист Л. Н. Москвичев признает, что в основном корпусе сочи-

* *Laissez faire* — доктрина, утверждающая ненужность государственного вмешательства в экономику, и практическая политика по минимизации участия правительства в экономических делах. Выражение, давшее название доктрине, долгое время приписывалась французскому экономисту XVIII в. Винсенту де Гурне, однако Онкен показал, что это было ошибкой. Скорее всего, эта фраза восходит к ответу фабриканта Легона главе администрации Людовика XIV Ж. Б. Кольберу, спросившему, что он может сделать для поощрения торгово-промышленной деятельности («*Laissez nous faire*», или «Оставьте нас в покое»). Среди вариантов происхождения названия фигурирует ответ бывшего министра Людовика XV Д'Аржансона этому королю. Вне зависимости от особенностей происхождения этого выражения, сама доктрина возникла естественным образом к рубежу XVII—XVIII вв. как протест против избыточного административного регулирования торговли и промышленности. Влияние *laissez faire* усиливалось в течение XIX века и достигло апогея к началу 1870-х годов, после чего общественно-политический климат стал сдвигаться в направлении усиления государственного вмешательства, протекционизма, милитаризма, наделения специальными привилегиями групп предпринимателей и иных форм внеэкономического давления на рынки труда, капитала и товаров. К началу XX века доктрина получила статус устаревшей. Обращение к принципам *laissez faire* частично было осуществлено в некоторых странах после Второй мировой войны и затем в конце 1980-х годов. — *Прим. ред.*

⁷³ Lipset, *Revolution and Counterrevolution*, p. 303.

⁷⁴ Hughes, «The End of Political Ideology», p. 158.

нений о «конце идеологии» «закат идеологии» в промышленно развитых странах Запада вовсе не означает отмирания всякой идеологии или отсутствия здесь каких-либо политических или идеологических различий. Фраза «конец идеологии», по замыслу ее создателей и сторонников, имеет лишь то значение, что 1) так называемые универсальные идеологии больше не служат руководством для массовых политических действий и это относится прежде всего к марксизму-ленинизму; 2) в развитых капиталистических странах острые идеологические и политические конфликты сведены к минимуму»⁷⁵.

Из ссылок на некоторые сочинения Арона, Шилза, Белла и Липсета должно быть ясно, что в тех работах, в которых мы обсуждали «конец» или «упадок» идеологии, мы, как и большинство других авторов, писавших на эту тему, отнюдь не подразумевали конец систем всеохватывающих политических понятий, утопического мышления или классового конфликта и соответствующих им политических позиций, занимаемых представителями различных классов или других групп с общими политическими интересами. Мы говорили о другом: о том, что пассионарная связь совокупности революционных доктрин с направленной против системы борьбой рабочего класса — и последовательные контрреволюционные доктрины ряда их противников — переживают упадок; что всеобъемлющие революционные доктрины, выражаясь словами Райта Миллса, — «наследие викторианского марксизма». Они не возникнут вновь в развитых индустриальных или «постиндустриальных» обществах, хотя и продолжают существовать в менее развитых странах, где социальная структура и процессы изменения похожи на те, которые происходили в Европе в период промышленной революции. Идеология — это не понятие здравого смысла, означающее политическое мышление *любого* рода, как, очевидно, думают некоторые из наших радикальных критиков. Один социолог-радикал, Франц Шурман, даже утверждает, что, с марксистской точки зрения, понятие революционной идеологии бессмысленно. «Идеология — коварное слово. Для Маркса идеологией было ложное сознание». Далее Шурман задается вопросом (приводящим на память более раннее рассуждение Белла о последствиях возникновения постиндустриального общества для политического мышления): «Есть ли в “конце идеологии” зачатки нового морально-политического строя?»⁷⁶.

⁷⁵ Moskvichov, *The End of Ideology Theory*, p. 28. [Л. Н. Москвичев. Указ. соч. С. 32.]

⁷⁶ Franz Schurmann. «System, Contradictions, and Revolutions in America», in Roderick Ayn, Norman Miller, eds., *The New American Revolution* (New York: Free Press, 1971), p. 61.

(Заметим в скобках, что советский ученый Л. Н. Москвичев оспаривает такие интерпретации Маркса, как у Шурмана. Он приводит множество выдержек из Маркса и Энгельса, где об идеологии говорится как об охватывающей «политические, правовые взгляды, философию, религию», так что этому термину не придается отрицательное значение. «Маркс и Энгельс подчеркивали классовую сущность идеологии в обществе, разделенном на антагонистические классы». Ленин, продолжает Москвичев, писал о необходимости «пропагандировать... пролетарскую идеологию – учение научного социализма».)⁷⁷

Любопытно, что другой социолог-радикал, Элвин Гоулднер, отдал величайшую дань уважения широте интересов «академических социологов», придерживающихся «плюралистической» точки зрения. В 1970 г. Гоулднер заметил, что группа ученых, чью позицию он связывает с подходом Толкотта Парсонса, «сосредоточила внимание на некоторых новых источниках и новых сферах социальных изменений в современном социальном мире»: «Например, на зависть многим, не марксисты, а Толкотт Парсонс и другие функционалисты рано поняли важность возникающей “молодежной культуры”, по крайней мере выделили ее как объект, требующий внимания. Не марксисты, а академические социологи в США существенно помогли в создании первой конкретной картины того, как живут чернокожие и другие угнетенные группы, и способствовали таким практическим политическим достижениям, как десегрегационное решение Верховного суда*. Этнографические исследования обычных академических социологов дали нам также лучшую картину возникающих психоделической и наркотической культуры, углубляющих разделение и конфликт поколений»⁷⁸.

Дискуссии относительно обоснованности (validity) теорий конца идеологии в значительной мере вращались вокруг различных значений термина «идеология». Критики, к удовлетворению своему, сумели доказать, что идеологии по-прежнему существуют – что с прекращением холодной войны настроенность интеллектуалов,

⁷⁷ Moskvichov, *The End of Ideology Theory*, p. 62–66. [Л. Н. Москвичев. Указ. соч. С. 75, 76].

* Речь идет о решении Верховного суда США по делу «Браун против Совета по образованию г. Топики, штат Канзас» (1954). В постановлении Суда указывалось, что расовая сегрегация в государственных школах нарушает Четырнадцатую поправку к Конституции США (согласно этой поправке, принятой в 1868 г., ни один из штатов не должен издавать законы, ограничивающие привилегии и льготы граждан США). После данного решения Суда были признаны неконституционными и другие виды сегрегации; получило широкое распространение движение в защиту гражданских прав. – *Прим. перев.*

⁷⁸ Alvin W. Gouldner, «Toward a Radical Reconstruction of Sociology», *Social Policy* 1 (May–June 1970): 21.

интеллигенции и образованной молодежи против истеблишмента еще больше усилилась. В статье «Идеология», написанной для «Международной энциклопедии общественных наук» («International Encyclopedia of the Social Sciences», 1968), Эдвард Шилз со всей определенностью заявил: ни он, ни другие сторонники тезиса о конце идеологии отнюдь не подразумевали, что «в человеческом обществе уже не нужны или невозможны идеалы, этические нормы, общие или всесторонние социальные и политические взгляды». В своей недавно вышедшей книге Шилз особо отмечает:

«Очевидно, что ни одно общество не может существовать без когнитивной, моральной и экспрессивной культуры. В структуре человеческого действия обязательно присутствуют критерии истины, блага, красоты. Культура, порожденная когнитивными, моральными и экспрессивными потребностями, передаваемая и поддерживаемая традицией, является частью самого устройства общества. Таким образом, во всяком обществе, обладающем культурой, имеется сложная система ориентаций относительно человека, общества и мира; в нее входят этические и метафизические положения, эстетические суждения и научное знание. Они формируют и определяющие, и более частные взгляды общества. Следовательно, никогда не может быть “конца” определяющих или более частных взглядов. Такое мнение возникло из-за отождествления их с идеологией в том смысле, в каком она здесь понимается. <...>

Более того, сторонники теорий “конца идеологии” не утверждали и не думали, что человечество достигло такого состояния или этапа развития, когда уже не могут появляться идеологии. Потенциальная возможность идеологии — по-видимому, неотъемлемая часть духовного строя человека. В условиях кризиса, когда преобладавшие донныне элиты терпят крах и дискредитируют себя, когда основные институты и культура, с которой они себя связывают, кажутся неспособными найти верное направление деятельности, склонность к идеологическим построениям усиливается. Потребность в прямом контакте с источниками сил созидания и легитимности и во всесторонней организации жизни, определяемой этими силами, является временной, периодически возникающей потребностью у большинства людей и устойчивой непреодолимой потребностью у немногих. Сочетание такой потребности, возникшей у первых, и наличия ее у последних порождает и усиливает идеологические ориентации. Пока человеческие общества страдают от кризисов и пока человек испытывает потребность в прямом контакте с чем-то священным, идеологические элементы традиции, содержащейся в современном

западном мировоззрении, практически гарантируют постоянную потенциальную возможность идеологии»⁷⁹.

Эмпирический анализ

560 Ясно, что споры, касающиеся понятия конца идеологии, во многом обусловлены идеологическими расхождениями. Однако идея эта в ее современном виде была выдвинута рядом социологов и историков как эмпирическая гипотеза относительно влияния общественного развития на характер классово-ориентированной партийной полемики. Радикальные критики по большей части игнорировали вопрос обоснованности этой гипотезы; обычно они принимали ее ложность как *prima facie*, как самоочевидную — ведь политические страсти и радикальные протестные движения продолжают существовать. Но, в то время как одни были поглощены полемикой, немногие другие фактически пытались оценить обоснованность этого предположения. Есть немало работ, в том числе и применяющих методы количественного анализа, авторы которых попробовали сопоставить глубину идеологических разногласий в различных обществах или исследовать изменения, произошедшие внутри государств с течением времени. Три политолога (Реджей, Мейсон и Беллер, прежде не участвовавшие в спорах) изучили в корне различные исследования такого рода и пришли к заключению, что рассматриваемая гипотеза подтверждается: «Итак, гипотеза о конце идеологии породила в последнее десятилетие большое количество научных трудов. В общем и целом эта гипотеза устанавливает обратное соотношение между степенью экономического развития и силой политической идеологии в данной стране. Гипотезу убедительно подтверждают эмпирические исследования в ряде развитых индустриальных обществ»⁸⁰.

Другой политолог, Джон Клейтон Томас, систематизировал позицию по десяти вопросам, занимаемую пятьюдесятью четырьмя партиями в двенадцати промышленно развитых странах за семь пятилетних периодов с 1870-х по 1960-е годы. Томас сообщает о «значимых примерах конвергенции (т.е. уменьшения средних от-

⁷⁹ Shils, *The Intellectuals and the Powers*, p. 40—41.

⁸⁰ M. Rejai, W. L. Mason, D. C. Beller, «Empirical Relevance of the Hypothesis of Decline», in Rejai, ed., *Decline of Ideology*, p. 274—275. См. также: Paul R. Abramson, «Social Class and Political Change in Western Europe», *Comparative Political Studies* 4 (July 1971), особенно p. 146—147; David R. Schweitzer, *Status Frustration and Conservatism in Comparative Perspective: The Swiss Case* (Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1974), p. 17—21.

клонений) с 1910-х по 1960-е и с 1930-х по 1960-е годы»⁸¹. Партии, не принадлежащие к левому лагерю, т.е. консервативные, либеральные и христианско-демократические партии, «между 1890-ми и 1960-ми годами неизменно, и порой совершая резкие переходы, двигались влево»⁸². Аналогичным образом «исследование среднего объема пропаганды социальных изменений, проводимой Лейбористской, Социалистической/социал-демократической и Коммунистической партиями в Великобритании... [обнаружило] ошутимое последовательное ослабление их радикализма почти во всех вопросах. Во многих случаях степень дерадикализации сопоставима с высокой степенью деполаризации нелейбористских партий»⁸³.

Позднее Томас довел свой анализ до периода 1971–1976 гг. включительно. Он находит, что с 1960-х по 1970-е годы в девяти из десяти промышленно развитых стран (единственное исключение составляют США) среднее расхождение в позициях партий по социально-экономическим вопросам сократилось. «Партийные расхождения по различным вопросам, — отмечает он, — сократились в 1960-е — 1970-е годы во всех партийных системах (исключая США), независимо от того, ограничивалось ли сопоставление двумя основными партийными блоками или распространялось на все партии с пятипроцентной долей голосов избирателей»⁸⁴. Исключение, составляемое Америкой, озадачивает, в особенности потому, что общие идеологические расхождения в Америке представляются меньшими, чем в государствах с социалистическими и консервативными партиями. По мнению Томаса, это исключение — более резкие различия в политических позициях, — возможно, отражает «слабость американских партий в претворении своих политических позиций в жизнь». Иными словами, именно потому, что у американских партий меньше жесткая структура и менее строгая дисциплина, чем у партий в Европе и Японии, в США партии в ходе избирательных кампаний имеют возможность больше подчеркивать расхождения между ними, чем в тех странах, где партийные организации могут быть ответственными за политику⁸⁵.

⁸¹ John Clayton Thomas, *The Decline of Ideology in Western Political Parties: A Study of Changing Policy Orientations* (Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1974), p. 13.

⁸² *Ibid.*, p. 26.

⁸³ *Ibid.*, p. 44.

⁸⁴ John Clayton Thomas, «The Changing Nature of Partisan Divisions in the West: Trends in Domestic Policy Orientations in Ten Party Systems», *European Journal of Political Research* 7 (December 1979): 403–405.

⁸⁵ *Ibid.*, p. 406.

Хотя труд Томаса в целом содержит наиболее полную проверку и очевидное подтверждение исходных посылок работ о конце идеологии, важно отметить в нем одно существенное отличие. Томас находит, что партии, не относящиеся к левым, изменили свои политические позиции более резко, чем партии лейбористской ориентации, хотя большинство писавших о конце идеологии акцентировали сдвиг левых партий и преуменьшали важность перемен, происходивших у других групп. Причина перенесения акцентов, как полагает Томас, возможно, состоит в том, что сам статус-кво в индустриально развитом обществе сместился влево, т.е. к обществу благосостояния и планирования. Поэтому «позиция партии может измениться, но изменение будет незаметно, если статус-кво изменится в том же направлении. Это могло бы объяснить невнимание к массовой деполаризации нелейбористских партий. Во-вторых, позиция партии может не измениться, но тем не менее создается видимость изменения, если изменится статус-кво. Это могло бы объяснить преувеличение степени деполаризации Лейбористской партии»⁸⁶.

Расхождения в оценке тезиса о конце идеологии – между теми, кто старался подвергнуть его тщательной проверке, и полемизирующими критиками – побудили Реджея и его коллег искать объяснение тому, как можно было прийти к таким разным заключениям. Объяснение они нашли в том факте, что большинство критиков демонстрируют «явную готовность игнорировать эмпирическое значение рассматриваемой гипотезы и ставить во главу угла ее семантическую оправданность». Критики способны оспаривать ее потому, что «принимают определения идеологии, имеющие серьезные недостатки... определения столь расплывчатые, столь общие и широкие, что их пригодность для эмпирического исследования минимальна»⁸⁷.

На данный момент остаются доминирующими системы с наличием политических партий, располагающие институтами улаживания конфликтов современного общества, идеологически сдерживаемые, как отметил Боттомор, функционированием демократических избирательных систем. Количественный анализ типов голосования в «западных партийных системах начиная с 1915 г.», проведенный политологами из Стратклайда Ричардом Роузом и Дерекком Эруином, обнаружил мало изменений в относительной силе политических партий, поведение которых соответствовало прогнозам Вебе-

⁸⁶ Thomas, *The Decline of Ideology*, p. 45–46.

⁸⁷ Rejai, Mason, Beller, «Empirical Relevance of the Hypothesis of Decline», in Rejai, ed., *Decline of Ideology*, p. 275.

ра: «Какой бы показатель изменений ни использовался — степень выраженности тенденций или степень некоторых колебаний, — получается одна и та же картина: после войны электоральный успех большинства партий в западных странах от выборов до выборов, из десятилетия в десятилетие или в течение жизни одного поколения изменялся очень мало. <...> Коротко говоря, первая из приоритетных задач обществоведов, изучающих развитие партий и партийных систем с 1945 г., — объяснить отсутствие изменений в далеко не статичный период политической истории»⁸⁸.

563

Заключение

В 1981 г. в статье, опубликованной в «New York Review of Books», один из ведущих представителей Новой политики, Джон Кеннет Гэлбрейт, повторил свое озвученное ранее заключение, что «после Второй мировой войны в индустриальных странах установилось согласие относительно целого ряда понятий и политических принципов». «В США, — отмечает Гэлбрейт, — существует широкий консенсус, распространяющийся и на большинство республиканцев, и на большинство демократов. То же наблюдается и в отношениях между христианскими демократами и социал-демократами в Германии и Австрии, Лейбористской партией и тори в Британии, Либеральной и Прогрессивно-консервативной партиями в Канаде. Политические взгляды во Франции, Италии, Швейцарии и скандинавских странах в общем трансформируются» по этому типу⁸⁹.

В полном соответствии с эмпирическим заключением Томаса, что консенсус предполагает скорее приспособление правых к политике, отстаиваемой левыми, нежели обратное, Гэлбрейт считает, что согласие между главными политическими партиями предполагает принятие «широких обязательств в области макроэкономики, общественных услуг и социального благосостояния», требует экономической политики планирования, благосостояния и регулирования, формирующей «консенсус... величайшей важности для граждан с низкими доходами». Поэтому, по его мнению, самые серьезные вызовы консенсусу исходят не слева, а от консерваторов; недавно такие вызовы прозвучали в критических оценках государства планирования и благосостояния, высказанных Маргарет

⁸⁸ Richard Rose, Derek W. Urwin, «Persistence and Change in Western Party Systems since 1945», *Political Studies* 18 (September 1970): 295.

⁸⁹ John Kenneth Galbraith, «The Conservative Onslaught», *New York Review of Books* 27 (22 January 1981): 30.

564

Тэтчер в Британии и Рональдом Рейганом в США. Но Гэлбрейт не признает, что их победы на выборах означают «подлинный сдвиг в общественном мнении», и утверждает, что, управляя государством, они не способны будут коренным образом изменить политику, лежащую в основе консенсуса. Будучи социалистом, Гэлбрейт, однако, ставит довольно умеренные политические цели перед теми своими единомышленниками, которые в случае успеха вряд ли существенно изменят описанный тип сближения политических взглядов: «Итак, о задаче. Консенсус, конечно, следует защищать и там, где у него сейчас сильные позиции. Но здесь помогут обстоятельства. Главная же задача — внести в него коррективы и новые элементы и выстроить его по-иному в тех его пунктах, в которых он сейчас терпит неудачу»⁹⁰.

Повторим: возрождение тотальных идеологий у части интеллектуалов и студенчества в различных западных странах в конце 1960-х годов само по себе не опровергает тезисы, выдвинутые теми, кто писал об упадке идеологии в массовых общественных движениях западных стран. Как отмечалось ранее, в этих работах интеллектуалы и студенты зачастую *открыто* исключались из обобщений.

Попытки найти массовую социальную базу за пределами безусловного меньшинства интеллигенции, предпринятые группами «новых левых», которые отвергали существующие социал-демократические, коммунистические и демократические партии, всецело ориентированные на избирательную систему, очень скоро потерпели поражение в столь различных странах, как Франция, Германия, Италия, государства Северной Европы и США. Значительное большинство американских «новых левых», в том числе и некоторые из их наиболее выдающихся представителей, присоединились к Демократической партии, найдя достаточную идеологическую пищу в либеральных и популистских позициях, связываемых с именами Джорджа Макговерна и Эдварда Кеннеди.

565

Эмпирическое содержание, заключенное в понятии «конец идеологии», привлекло к себе внимание ученых с весьма различными политическими убеждениями. Однако некоторых из тех, кто его разрабатывал, избирательно выделили как якобы отрицающих, что острая форма идеологических разногласий, появившаяся в 1960-х годах, будет когда-либо возможна. Эти выпады иллюстрируют, до какой степени идеологические оценки подспудных мотивов смешивают с обоснованностью. Ричард Симпсон, отмечая распространение

⁹⁰ *Ibid.*, p. 36.

подобных видов критики в социологии, предостерегал: «Главная мысль... состоит в том, что, когда мы навешиваем на какую-либо теорию идеологический ярлык... мы высказываем нечто касающееся ее обоснованности. Такое представление внушает тревогу, поскольку оно может превратить социологию в низкопробную моральную философию, в которой вызывающие резонанс мнения заменяют разум и наблюдение как основу для построения теорий и для объективного суждения о них»⁹¹.

⁹¹ Richard Simpson, «System and Humanism in Social Science», *Science* 173 (May 1971): 664.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Австралия, 124п, 231, 247, 256, 265-66, 485
- Австрия, 69, 75, 130, 152 ф., 478, 479
- Авторитарность: в ср. с экстремизмом, 91-92; и консерватизм, 124-25; и невротизм, 96; и незащищенность, 106; коммунистическое лидерство, 115; консервативный и либеральный, 87-126, 165-66; религиозные и политические установки, 99-100, 178-79; связанные с нею установки, 114-16, 124п. *См. тж* Коммунизм; Фашизм; Нацизм; Перонизм; Политический экстремизм
- Авторитетные лидеры, 203
- Аграрный радикализм, 244, 295; политика в сельской местности, 70п, 89, 105, 129-30, 135-36п, 141, 145
- Азия, 83-84. *См. тж отдельные страны*
- Албания, 495
- Американская медицинская ассоциация, 21
- Американская политика, 303-31; внутренние усовершенствования, 382-83; вопросы внешней политики, 313-15, 325; запрещение продажи спиртных напитков, 314-15; изоляционизм, 316-17; классовые проблемы, 309-11, 329-31; натовизм, 314-15; национализация, 324 ф.; неэкономические вопросы, 327; привлекательность Эйзенхауэра, 327; проблемы морали, 314-15; рабство, 314, 372-73; регионализм, 324-25; социальная база, 327-31; теория чередования у власти двух партий-близнецов, 329-30; третьи партии, 320-21, 324; характеристики кандидатов, 328-29; этническая принадлежность, 313-18; южный тип, 372-84
- Анализ «идеально-типического» подхода, 58-59
- Анализ референтной группы, 47-49, 132-33, 218-19, 280, 351 ф., 408, 421-23, 444-45
- Анархизм, 45-47, 55, 199
- Антиинтеллектуализм, 113-14, 159, 335-36; и американские ценности, 363 ф.; антиэлитарность, 125-26, 366-67; атмосфера в средней школе, 354-55; в социалистических движениях, 306-67. *См. тж* Нувориши
- Антиклерикализм, 129, 152, 156, 158-60, 162, 165-66, 260
- Апатия, 103-4, 115-16; интерпретации, 226-28; и партийная идентификация, 293-94; и перекрестное давление, 13. *См. тж* Авторитарность; Консенсус; Выборы, неучастие в; Выборы, участие в
- Аргентина, 173-75, 472, 473. *См. тж* Перонизм
- Африка, 83-84. *См. тж отдельные страны*
- Бедность и политика, 47-48, 50-52, 104-5, 125-26
- Безопасность, 106-7. *См. тж* Голосование за левых; Политический экстремизм
- Безработица: и выборы, участие в, 192-93, 205п; и политический

* В указателе сохранены номера страниц по английскому оригиналу; начало страницы указано на внешних полях под чертой. В английском оригинале приведен предметный указатель для издания 1960 г., в котором еще отсутствовали главы 14 и 15, появившиеся только в издании 1981 г. В настоящем издании предметный указатель охватывает также главы 14 и 15.

- экстремизм, 48п, 106, 116п, 117-18, 148п. *См. тж* Голосование за левых; Партия, выбор
- Бельгия, 510
- Бизнесмены. *См.* Партия, выбор; Политический экстремизм; Политика, крупного бизнеса, малого бизнеса
- Ближний Восток, 41-43
- Бразилия, 175-76
- Британская медицинская ассоциация, 21
- Бюрократия: и власть, 10-11; и ответственность власти, 114-16; концепция, 59; крушение идеалов, 19; нейтральность, 19; необходимое предварительное условие для индустриализации, 10; ослабление демократии, 10, 19; функции, 9-10, 452-53. *См. тж* Профсоюзы; Добровольческие организации
- Великобритания, 69, 72-73, 90, 209п, 247, 255, 450-51, 478, 495; и демократические ценности, 94; политические партии, 13-15, 116-17, 231, 234, 295-97
- Вена, 204, 216п, 256
- Венгрия, 497
- Венесуэла, 473
- Власть, 6-8, 42
- Внушаемость, 108-9
- Возраст: консерватизм, 282-86; озаченность статусом; пожилые люди, 284-86; политические установки, 280; сопутствующие факторы, 279-80. *См. тж* Голосующие впервые; Голосование за левых; Выборы, участие в; Партия, выбор
- Временные перспективы, 108-12, 150-52
- Выборы, 291п, 292-93, 324; русские, 15. *См. тж* Голосование за левых; Выборы, участие в; Партия, выбор; Политический экстремизм; Голосование
- Выборы, участие в: в Германии, 148 ff.; и перекрестное давление, 13, 223; и стабильность системы, 14, 185; характеристики людей, не участвующих в выборах, 14п, 102-3, 116п, 227-29
- Выборы, участие в: в однопартийных системах, 183, 210, 225; доля в разных группах, 185-229; и возраст, 187-89, 210, 219-21, 225; и грамотность, 41-45; и групповое давление, 189, 207 ff., 224-25; и группы с особыми интересами, 200-2; и демократия, 13-15, 184, 226-29; и динамика, 189, 225; и досуг, 205-7, 224-25; и доход, 188-89, 194, 224; и классовая позиция, 206-7, 213-15, 220; и классовые проблемы, 194; и коммуникации, 189, 196-207, 217, 224-25; и мобильность, 209, 217-19, 225; и моральные аспекты, 193-94, 208; и национальный кризис, 189, 194-96; и образование, 187-89, 197; и однородность социальной среды, 199-201, 213, 215-16, 219-20; и перекрестное давление, 13, 189, 211-26; и пол, 187-89, 193-94, 206-7, 210, 216-17, 222п, 225; и профессиональная занятость, 188-89, 198-201, 224; и профсоюзы, 202-3, 209, 406-10, 425-27; и религия, 193, 203п, 225; и семейное положение, 187-89, 221-22, 223; и традиционализм, 207-11; и экономическая незащищенность, 192, 205п; и экономическое развитие, 41-42; различия между городом и деревней, 187, 189-91; релевантность правительственной политики для отраслей, 190-95; специфика и расплывчатость, 427; членство в добровольческих организациях, 103
- «Вытесненные классы». *См.* Инду-

- стриализация; Политический экстремизм
 Вьетнам, 468
- Гаити, 39
 Гана, 84
- Германия, 40, 45-46, 55, 77, 188, 195, 202, 210, 246, 248-49, 252-54, 259n, 263-65, 272, 279-81, 463, 478, 497, 500, 520; Бавария, 142n, 212-13; Берлин, 144, 204, 219-21; раскол, 14-16; легитимность, 28, 66-71, 82
- Германия, политические партии: *Bauern und Mittelstandsbund* (Союза крестьян и среднего сословия), 143; *Deutsch-Hannoverschen Partei* (Германско-ганноверская партия), 143; *Landespartei* (партия земель), 141; *Wirtschaftspartei* (Экономическая партия), 138, 143; Баварские фермеры, 212-13; Национал-социалистическая рабочая партия Германии (НСДАП), 139; Национальная народная партия (в Германии), 140; Партия католического центра, 140; Социал-демократическая, 212; федералисты, 142-43; Христианские демократы, 203n, 212-13, 259, 265
- Голлизм, 154 ff.
- Голосование за левых, 242 ff. *См. тж* Интеллектуаль; добровольческие организации, 262; каналы коммуникаций, 261-67, 277; профессиональное сообщество, 263; профсоюзы, 262; размер города, 263, 267; размер предприятия, 263
- Голосование за левых, корреляты: безработица, 242, 247-48; гарантия получения дохода, 243-49, 276; группы меньшинств как, 255-61; доход, 251, 253; классовая идентификация, 251-53; навыки, 242, 248-49, 253; неудовлетворенность работой, 243, 248-49, 276; перекрестное давление, 259-61; пол, 242, 275-76; профессиональная занятость, 242-49, 251-52, 276, 338-40, 342-43; размер города, 242, 249, 276; размер предприятия, 242, 249, 276; религия, 255-57; социально-экономический статус, 259-61; статусная система, 252-55; стремление к более высокому статусу, 243, 249-61, 276; участие в религиозной жизни, 257-60; этническая принадлежность, 242
- Голосование за левых, мобильность: возможности индивидуальной мобильности, 267-73, 277; источники веры в, 267-68; коллективная мобильность, 267; неграмотность, 274; отсталые районы, 273-78; различия между городами и пригородами, 270; распределение доходов, 268-69; система ценностей, 268-69; традиционализм, 273-78, 277
- Голосование: и консенсус, 12 ff.; ограничения, 185n; панельные исследования, 287; партийная идентификация, 288-91; половые различия, 140; стабильность в округе, 287-88. *См. тж* Голосующие впервые; Голосование за левых; Выборы, участие в; Партия, выбор; Политические партии
- Голосующие впервые, 148-50, 219-22
- Градуализм: подход к реформе, 45
- Гражданская война, 372
- Гражданственность, 71-75, 82-83; и урбанизация, 34n
- Грамотность и урбанизация, 38-45, 183, 198. *См. тж* Образование; Выборы, участие в
- Греция, 46n, 56n
- Группы, принадлежность ко многим. *См.* Перекрестное давление
- Дания, 54-55, 498, 499
- Демократическая партия (США), 13, 230, 289, 290, 304, 373-75, 382-

- 84, 512-13; Южные демократы и Маккарти, 91п. *См. тж* Американская политика
- Демократия 467; и богатство, 460, 469-76; и капитализм, 28, 57-58; и коммунизм, 6; и марксизм, 522-23; и неимущие, 460; и общественное мнение, 15-16; и средний класс, 460; как баланс сил, 4; классификация стран, 32; классовая система, 31; конфликты и политические партии, 503; объединения, 431-32; определение, 27-28; отношение к ценностям, 92, 95; «правила игры», 30, 297-99; самоуправление, 33п; социальные предпосылки, 469-76; стремление лидеров сохранить свое положение, 402-3; условия для, 1-2, 11-14, 30-33, 41-43, 108, 439-56. *См. тж* Бюрократия; Экономическое развитие; Образование; Индустриализация; Урбанизация
- Диктатуры, традиционалистские, 31
- Добровольческие организации: в разных странах, 53п; демократия в, 20-21; и авторитарность, 103; и выборы, участие в, 103; политика в, 388-436; разная степень участия в, 102-3, 201-2, 406; функции, 7, 52-53, 81. *См. тж* Голосование за левых; Олигархия; Выборы, участие в; Профсоюзы
- Докеры. *См.* Голосование за левых
- Досуг. *См.* Выборы, участие в
- Евреи, 13, 122п, 152-54, 193, 256-57, 261, 307-9. *См. тж* Голосование за левых; Выборы, участие в; Партия, выбор; Религия
- Европа 467, 468, 501, 504, 532. *См. тж отдельные страны*
- Египет, 42-45
- Идеология: авторитаризма, 87-88; как ложное сознание, 528, 534; конец, 528, 524-65; консерватизма, 123-25, 155-56, 177-78; упадок, 82-83; экстремизма, 129; функции, 122п; деление на левых и правых, 88-89, 91-92, 123-24, 128-30, 176-77; как миф, 441-43; регионализма, 142-43; смысл по Марксу и Энгельсу, 557; тотальные, их упадок, 525-26, 528, 531, 549. *См. тж* Конец идеологии; Эгалитаризм
- Избирательное право, 73, 123; борьба за, 73, 122-23. *См. тж* Гражданственность; ограничения, 297п
- Изоляция, 103, 114, 137, 178-79; низших слоев, 114-16, 205-6, 214-15; работников некоторых профессий, 76, 104-5, 125, 136-37, 199-201, 214-15, 263, 265-66, 408, 433
- Индия, 119-21
- Индустриализация: и демократия, 34; быстрая, 54-58, 83-85, 134-36, 174-75. *См. тж* Экономическое развитие; Политический экстремизм
- Интеграция. *См.* Политические партии
- Интеллектуалы: в Канаде, 357-58; в тоталитарных странах, 333-35; воспринимаемый статус, 347-49; голосование за левых, 338-41; доход, 359-61, 360п; европейские, 351-55; журналисты как, 342п; и бизнесмены, 335-37, 341-43; и эгалитаризм, 353-55; из Фабианского общества, 366п; изоляция и децентрализация, 355-59; интеллектуальный эмигрант, 354; катедерсоциализм, 366п; определение, 333; отчуждение, 332-33; политическая мощь, 358-59; политическая роль, 23, 87, 113-14, 358-59, 361 ff.; политические убеждения, 337-38; распределение по видам

- трудовой занятости, 335-37; религиозные убеждения, 336-37; сдвиг вправо, 567 ff.; смелость либералов, 369-71; статус, 344, 346-47, 351п; ученые-обществоведы, 342-43, 349-50; фактический статус, 347 ff.; численность в разных странах, 353п, 355 ff.
- Исландия, 245
- Испания, 69, 469, 472
- Исторический анализ, 28-29, 57, 58п, 64-68, 70-73, 88-89, 121-23, 135-37, 377-78, 411-12
- Исторический материализм 461 ff., 507, 511
- Италия, 27, 66, 165 ff., 468, 478, 497, 500, 511; политические партии, 165-67, 234, 237, 264
- Канада, 45, 331; Британская Колумбия, 245; Квебек, 246; Саскачеван, 200
- Капитализм, 28, 57-58, 133-34
- Католицизм: и участие, 193, 203п; партия, выбор, 145, 155-56, 161-62, 257-59, 281-82; политические установки, 66, 71-72, 75, 161-62. *См. тж* Выборы, участие в; Партия, выбор; Религия
- Китай 468
- Классовая система, 31-33, 47-52, 84-86
- Классовые различия: в религиозных убеждениях, 97-100; временная перспектива, 108-16; организация семьи, 111-12; отложенное вознаграждение, 112; партия, выбор, 174-75; паттерны мышления, 108-16; подходы к воспитанию детей, 107; преуменьшенное значение в партийной идеологии, 94-95. *См. тж* Выборы, участие в; Партия, выбор; Ценности
- Классовый анализ, 31-33, 127, 179п, 460 ff.
- Классовый конфликт, 45-54, 134, 230-78; и консенсус, 444; в марксизме, 4-7, 9, 127-28; и политические партии, 230-78, 443-44. *См. тж* Раскол
- Классы. *См.* Голосование за левых; Выборы, участие в; Партия, выбор; Политический экстремизм Колумбия, 473
- Коммунизм: и американские профсоюзы, 398-99, 420-21; и религия, 71-73; и экономическое развитие, 31-32, 45-47; лидеры, 112-14; общество, 4-5, 210; партии, принадлежащие к этому направлению, 46п, 82, 85-90; профсоюзы, 48п, 183-84, 413-14; факторы поддержки, 45-46, 112-14, 116-21, 125-26; хилиастическая философия, 126. *См. тж* Голосование за левых, Политический экстремизм
- Коммуникации: и политический экстремизм, 48-49, 75-77, 102; в профсоюзах, 394-96; сетевые функции, 204; и степень сложности, 104. *См. тж* Изоляционизм; Выборы, участие в; Политические партии, при интеграции; Профсоюзы
- Конец идеологии: возникновение в 1950-60-х гг., 524, 527-31; и интеллектуалы, 550 ff.; и повестка партийной полемики, 559-63; и предвосхищение Новой политики, 547-54; и студенческие волнения, 537-45; как идеология, 554-59; смысл, 556, 558; современные формулировки, 531-37; формулировка Джона Кеннеди, 545-46
- Консенсус: и апатия, 8, 226; в капиталистическом обществе, 5; и конфликт, 2; показатели, 15-16; условия для, 2-9. *См. тж* Добровольческие организации
- Консерватизм: и большой бизнес, 171-72; и дети как факторы со-

- циализации, 283-84; идеология, 177-78; историки, 342п; опасение демократии, 124-25, 128, 296-97. *См. тж* Возраст; Авторитарность; Эгалитаризм
- Конфликт между государством и обществом, 2-4
- Конфликт, 64-86; легитимность и, 70-79; необходимость, 7-8; проблема, 2-5; и религия, 23. *См. тж* Классовый конфликт
- Кооперативы, 337-38
- Кризис «вхождения в политическую жизнь», 66-67
- Ксенофобия, 102-3, 169
- Ку-клукс-клан, 169-70
- Куба, 472
- Латинская Америка, 85-86, 469, 472, 473; корреляты политических систем, 30-39, 70-71, 135-37. *См. тж отдельные страны*
- Левые: в постиндустриальном обществе, 510-11
- Левые и правые проблемы. *См.* Американская политика; Идеология
- Легитимность, 64-79, 298, 475; условия для, 79, 84-85; вхождение в политическую жизнь, 66-67; и политический экстремизм, 66-67; и стабильность институтов, 68-71, 154; переход, 65-66; и ценности, 64; государства, 2-3; демократия, 22, 27, 82-83
- Лесорубы, 242-44, 246-47
- Либерализм, 129-30, 134; высший класс, 318 ff.; неэкономические проблемы, 92-93, 103-4, 123-24, 346-47; средний класс, 132-34; экономические аспекты, 92. *См. тж* Тори радикальные в США
- Ливан, 41-42, 91п
- Личность, 114-15, 124п-25п; требования демократии, 44п, 105п. *См. тж* Авторитарность
- Лондонская школа экономики, 371
- Маккартизм, 169 ff.; козлы отпущения, 170, 369-70; источники поддержки, 18, 171-72, 317, 365-66
- Марксизм, 1, 15-16, 83-86, 199, 298, 459, 461-62, 467, 468, 469, 504, 505, 522-23, 531
- Массовое общество, 6-8, 44п, 51-52, 449-51. *См. тж* Добровольческие организации
- Мексика, 84-85
- Местные лидеры, 432-33
- Методологические проблемы и методы: анализ девятичных случаев, 435-36; аполитичный марксистский анализ, 459, 461-62, 467, 504; аристотелевский подход, 459, 460-61, 465, 467; аристотелизм
- Макиавелли, 459, 460, 461, 467; вариабельность результатов в зависимости от выборки и опроса, 168п; идеальный тип, 58-59, 61п; индексы экономического развития, 35-38; классификация стран по индексам демократии, 27-30; клинический метод в обществоведении, 434-35; количественный метод, 435; критерии для европейских демократий, 29-31; критерии для латиноамериканских демократий, 30-31; многофакторный анализ, 59-62; панельный метод, 211-12, 378; плюралистический политический анализ, 524; проблемы правомерности, 33-34; экологический метод, 380-81
- Милленаризм, 67, 97-98, 115-16
- Многомерный анализ, 59-62
- Монархизм, 65-66, 130, 155, 166-68
- Нативизм: в США, 314-15; в Швейцарии, 502
- Нацизм: и либерализм, 130, 138-41, 144-45, 177-78; источники поддержки, 130 ff., 146-48; рост, 138
- Национализм, 83-84, 130, 140, 172-

- 76
 Национальный доход, 40, 45-53, 71, 360-61
 Негры, 13, 189, 208-9, 211, 261, 295-96, 314
 Непотизм, 52
 Нидерланды, 99, 257-58, 259н, 478; Амстердам, 216н, 256
 Новая политика, 510, 512, 520, 547-54
 Новые левые, 510, 520
 Новый курс, 513
 Норвегия, 55-56, 193н, 222н, 223, 251; партийная поддержка, 119н-20н
 Нувориши, 319-21, 363-65, 446
- Образование, 108-9, 162, 164; и демократия, 37, 38-44, 92; и политические ценности, 84-86, 318-19, 324-36; политические проблемы перед Гражданской войной, 309; система ориентиров, 108; толерантность, 101-3. *См. тж* Партия, выбор; Политический экстремизм
- Олигархия, 10, 11-12, 20-22, 460, 469
 Отклонение от нормы, 12-14
 Относительная депривация, 48-49
- Пакистан, 85н
 Парагвай, 473
 Партии рабочих. *См.* Рабочие партии
- Партия «ничегонезнаек», 374
 Партия вигов (США), 230, 311-12, 373-75, 380-84
 Партия, выбор (party choice): в сельской местности и в городах, 232; и безработица, 148н; и возраст, 156, 166-67, 231-32; и доход, 119; и наличие в собственности рабов, 376-81; и образование, 120-21, 156, 160, 172; и партийная идентификация, 322-24; и поколения, 279-80; и пол, 156, 163, 166, 231; и профессиональное занятие, 117-18, 156-57, 163, 235-38, 304-9, 324-25, 337-41; и размер города, 165-67, 172; и разница в статусе, 239-41; и регион, 231; и религия, 156, 161-62, 166, 231, 281-82, 307-9; и самостоятельная профессиональная занятость, 160-61, 167-68; и семейные ценности, 161-02, 164, 222; и соседство, 324-25; и социальный класс, 41н, 120, 230-31, 297-99, 304-5, 312-13; и экономический эгоизм, 239; и этническая принадлежность, 231, 309, 315-17, 380н. *См. тж* Голосование за левых; Политика; Безработица
- Перекрестное давление: и «девиантное» голосование, 13-14, 91; и межпартийный дрейф избирателей, 75, 259, 267-73; и ослабление влияния, 13, 50, 77-78; и участие в выборах, 14, 211-26. *См. тж* Голосование за левых; Выборы, участие в
- Перонизм, 129-30, 165, 173 ff.
- Печатники, 198-99. *См. тж* Голосование за левых; Профсоюзы, Международный типографский профсоюз
- Плюрализм, 7-8, 51-52
- Пол. *См.* Раскол; Голосование за левых; Выборы, участие в; Партия, выбор; Религия
- Политика. *См. тж* Американская политика; Изоляция; Партия, выбор – заключения коллективных договоров, 82, 393; и критика с позиций культуры, 444-46; – интеллектуалов, 331, 335-36; левые и правые проблемы, 88-89, 127-28, 177-78, 299-300, 313 ff. – крупного бизнеса, 147-48, 304-5, 312, 321-22 – малого бизнеса, 57, 105, 131-34, 43-46, 171-72, 321-22 – среднего класса, 105, 131 ff.,

- 165; военная поддержка, 175-76; имидж партий, 305-6; классовые и неклассовые проблемы, 327-28; провинциализм, 105, 136-37, 161-63, 166-70, 172-73, 321-22; сельская, 70n, 89, 105, 129-30, 135-36n, 141, 145; старинные семейства, 319 ff.
- Политическая идентификация:** главный фактор, 468; профессия, 468; социально-экономический статус и, 469, 481
- Политические партии: интеграции,** 74-76, 204, 215; и консенсус, 7; лидеры, 306-7; неоднозначность проблем, 293-95; потребность в диверсифицированной поддержке, 15-16; представительства, 74; региональные, 141-44; создание группировок, 292; статус меньшинства, 290-92. *См. тж отдельные страны;* Партия, выбор; Политический экстремизм
- Политические роли:** высшего класса, 51; пролетариата, 51; служащих, 252; среднего класса, 51, 135-36
- Политические системы:** и постиндустриальное общество, 504, 504
- Политические циклы,** 294-96
- Политический экстремизм,** 127-79; и быстрое экономическое развитие, 53-56; голлизм, 154 ff.; источники поддержки, 48n, 91-92, 105-6, 138 ff., 178-79; консервативный, 129-30, 137-39; нацизм. *См. Нацизм;* поставка продуктов питания, 47-48; психологические установки, 112-13; пужадизм, 1546.; социализм. *См. Социализм;* условия для, 45 ff., 54-57, 76-77, 114-18, 134 ff.; фашизм, 57, 131 ff. *См. тж* Голосование за левых; Легитимность; Религиозный экстремизм
- Польша,** 238-39
- Популизм:** источники поддержки, 18, 52-54, 172, 177-78, 366n; козлы отпущения, 169-70. *См. тж* Коммунизм; Фашизм; Маккартизм; Пужадизм
- Португалия,** 130, 469, 472
- Постиндустриальное общество:** голосование, 503-21; демократия, 503-21; и политические системы, 504, 505; классовая борьба, 503-21; классовая структура, 506; культурные изменения и партийная приверженность, 521; левые силы, 510; политика, 509-10; роль рабочих, 510-11; социальная база реформ, 510; ценности, 508, 509
- Преемственность власти.** *См. Бюрократия;* Коммунизм, профсоюзы; Профсоюзы
- Прогрессивное движение,** 319. *См. тж* Американская политика; Политика
- Промышленная революция,** 2, 9
- Промышленные рабочие.** *См. Голосование за левых;* Выборы, участие в; Партия, выбор
- Протестантизм и демократия,** 57-58
- Протестанты,** 203n, 259-00, 281-82. *См. тж* Религия
- Профессионалы.** *См. Интеллектуалы;* Партия, выбор; Политика
- Профессиональные занятия,** 204-6. *См. тж* Изоляция; Голосование за левых; Выборы, участие в
- Профсоюзы в США:** Актерская ассоциация за справедливость, 340, 398, 405, 425-26; Американская газетная гильдия, 339, 405; Американская федерация труда – Конгресс производственных профсоюзов (АФТ–КПП), 412, 513; Конгресс производственных профсоюзов (КПП), 399, 420; Международный союз докеров и складских работников, 410n-11n, 420; Международный типографский профсоюз, 392, 405, 425-26, 436; Межнациональный проф-

- союз дамских портных, 409; Объединенные горнорабочие Америки, 21, 420, 431; Объединенные рабочие сталелитейной промышленности, 412-13; Объединенный профсоюз рабочих швейной промышленности, 414-15; Профсоюз работников автомобильной промышленности, 392, 401, 403, 406-7, 409, 412, 420; Союз рабочих электропромышленности, 420
- Профсоюзы: апатия, 392-93, 406-7; борьба за политическую свободу, 83-84, 121-23; бюрократия, 389-94, 428; в Азии и Африке, 83-84; внутреннее управление, 21; временные факторы, 411; выборы, участие в, 202-3, 209, 405-11, 425-27; «деловой тред-юнионизм», 426-28, 429; демократический vs. «ответственный», 391; демократия, 2, 404, 429-31; идеология, 123, 427-28; коммуникации, 394-96; кризисные ситуации, 416-17; лидерство, 390-92, 399-405, 412-16, 417-24, 428; местная автономия, 391-93; модели организации, 411-12; образовательные виды деятельности, 409; однопартийные системы, 388-89; партия, выбор, 174-75; перекрестное давление, 432-33; политический экстремизм, 73-75; политическое мастерство, 396-99; профессиональное сообщество, 407-8, 432-33; раскол, 21-24; системы социальных ценностей, 424-28; социальная мобильность, 397, 418-19, 429; статус профессиональной занятости, 404-5, 409-10; харизматическая бюрократизация, 421. *См. тж* Голосование за левых
- Пруссия, 73
- Пужадизм, 155 ff., 497
- Пуэрто-Рико, 91n
- Работники физического труда. *См.* Голосование за левых; Выборы, участие в; Партия, выбор
- Рабочие партии, 303 ff.; Австралия, 124n; Бразилия, 175-76; Великобритания, 17-18, 122n; Норвегия, 119n. *См. тж* Социализм
- Рабочие судоверфей. *См.* Голосование за левых
- Рабочий класс: политическая активность, 466, 467; поддержка авторитаризма, 476-88
- Размер предприятия, 215, 215n. *См. тж* Голосование за левых; Партия, выбор
- Размеры общин, 144-45, 167, 263-67
- Раскол, 4, 230-78, 292; деление на левых и правых, 232-34; потребность в демократии, 1-4, 27-28, 433, 443. *См. тж* Классовый конфликт; Конфликт
- Расовые предрассудки, 94, 114, 169
- Распределение доходов, 47-50
- Революционные традиционалисты в США, 344-46
- Регионализм. *См.* Идеология
- Религиозные секты: и политический экстремизм, 98-100; Свидетели Иеговы, 98-99
- Религиозный экстремизм, 97 ff., 119n
- Религия: голосование и религиозные обряды, 256-59, 278n ; и интеллектуалы, 336-37; и консенсус, 8-9, 22-23; и конфликт, 71-76; и политическая подготовка, 397-99; и политические установки, 90-92, 144n, 145n; и профсоюзы, 395-96; и экстремизм, 97-100, 116-17. *См. тж* Голосование за левых; Выборы, участие в; Партия, выбор
- Республиканская партия (США), 13, 230, 289, 311-12, 325-27, 373-77, 383-84
- Рождаемость, контроль за, во Франции, 162

- Россия: выборы, 15; революция, 6-7, 15-16; религия и политика в, 99
- Румыния, 500
- Рыбаки, 242-45
- Самоубийства, 195-96
- «Секулярная политическая культура», 68
- Сельскохозяйственный труд. См. Аграрный радикализм; Голосование за левых; Выборы, участие в; Партия, выбор
- Семейное положение. См. Голосование за левых; Выборы, участие в; Партия, выбор
- Советы белых граждан, 87
- Социал-демократическая партия (Германия), 13, 20-21, 56, 70-75; сторонники в 1930 г., 148n
- Социализм, 75, 90; и демократические ценности, 123-24; и расовые предрассудки, 121n-22n; и американские профсоюзы, 399; почему в США нет социалистической партии, 45, 346-47, 461, 465, 466; и олигархия, 10-12; и феодализм, 466. См. *тж* Политический экстремизм
- Социальная мобильность, 267-73; и политическая перспектива, 282-84; в профсоюзах, 402-5. См. *тж* Голосование за левых; Выборы, участие в; Партия, выбор
- Социология политики, 3-5
- Сплоченность и религия, 22-23
- Сравнение демократических стран: по благосостоянию, 35-36; по образованию, 37; по стабильности, 32; по степени индустриализации, 36; по степени урбанизации, 37-38
- Средства массовой информации, 43-44. См. *тж* Коммуникации; Грамотность
- Статусные системы, 348n, 352-53. См. *тж* Голосование за левых; Профсоюзы
- Стригали, 76, 104, 247, 263
- США, 462, 463, 465, 468, 478, 501, 503, 512-15, 532; повестка президентских выборов 1952-1980 гг., 512-15
- Таиланд, 70, 469
- Такседо-Парк, 447
- Таунсенд Харрис Хай Скул, 451
- Таунсенда план, 285
- Тирания, 460, 469
- Толерантность, 22-23, 73-7, 77, 94-95, 101-3, 123-24
- Тори радикальные в США, 319-22. См. *тж* Либерализм, высший класс
- Тори, специфический социализм, 241, 299
- Традиционализм, 10-12, 368-69. См. *тж* Эгалитаризм; Выборы, участие в
- Тунис, 84-85
- Турция, 41-43
- Урбанизация, 37-38, 34-38. См. *тж* размеры общин; Грамотность; Выборы, участие в
- Ученые, 338-40; обществоведы, 342-43, 348-50
- Фашизм, 57, 131 ff.; авторитаризм среднего класса, 488-89, 490, 493; в Западной и Центральной Европе, 495, 497; доиндустриальное общество как идеал, 489; и общественный статус, 489; и сильные доиндустриальные традиции, 495; как антимодернистское движение, 488-503; классовый состав сторонников, 490-92, 493-94
- Федералистская партия (США), 16, 230, 311-12
- Фермеры: голосование за левых, 242-44; фермеры, специализирующиеся на выращивании пшеницы, 200, 224, 232. См. *тж* Аграрный

- радикализм; Выборы, участие в;
 Партия, выбор
 Филиппины, 41, 472
 Финляндия, 99, 117-18, 207, 216, 218,
 218п, 248, 272-73, 478, 498, 499
 Франкфуртская школа, 557
 Франция, 27-28, 40, 66, 67-69, 72,
 73, 82, 155 ff., 195-96, 217, 220—21,
 245, 246, 248, 257-58, 259п, 468,
 497, 499, 500, 516-18
- Уругвай, 472
- Харизма, 421. *См. тж* Бюрократия;
 Профсоюзы
- Цейлон, 41п
- Ценности: и демократия, 27-28; и
 политический климат, 280-81;
 крупного бизнеса vs. творческих
 людей, 341-42; нижних слоев,
 878; системы ценностей, 268-69;
 среднего класса, 208; студентов-
 медиков, 350
- Чартистское движение, 198
- Частные школы, 364
- Чили, 246, 472
- Шахтеры: голосование за левых,
 242, 245-46; «изолированная» от-
 расль, 104, 201, 408; и участие в
 выборах, 192, 224;
- Швейцария, 216п, 478, 498, 499-500,
 502
- Швеция, 18, 55, 69, 73, 99-100, 119,
 187-88, 246, 503-4, 515-16
- Эгалитаризм: последствия, 344-47,
 446-55; стремление к повышению
 статуса, 445-47; традиционализм и
 другие направления, 448-55; уста-
 новки, 239, 352п, 444-45
- Эквадор, 473
- Экономическая незащищенность.
См. Авторитарность; Голосование
 за левых; Выборы, участие в; Пар-
 тия, выбор
- Экономическое развитие, 31-33, 53
 ff., 79, 83-84; индексы, 35-38; и экс-
 тремизм, 134-37
- Электоральные системы, 79-81, 123-
 24; одна главная партия большин-
 ства vs. многопартийность, 80-81,
 93-94; однопартийная система,
 322 ff.; пропорциональное пред-
 ставительство, 80-81; федерализм,
 81
- Этнические группы. *См.* Изоляцио-
 низм; Голосование за левых; Вы-
 боры, участие в; Партия, выбор
- Эффективность, 27-28, 64-71; и
 стабильность институтов, 68-71,
 82-83
- Югославия 495
- Южная Африка, 126
- Япония, 41, 518
- Canadian Forum* («Канадский форум»,
 журнал), 371
- Facts Forum* (газета «Форум фактов»),
 335
- Forward* (газета «Вперед»), 395
- Social Register* (ежегодник «Светский
 альманах»), 364

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Адамс, Генри (Adams, Henry) 320n, 363, 365
- Адамс, Чарльз (Adams, Charles Francis) 320n
- Адорно, Теодор (Adorno, Theodore) 96n, 534
- Айзенк, Ганс (Eysenck, H. J.) 94, 94n, 255n, 478, 478n
- Александр, Роберт (Alexander, Robert J.) 85n, 174, 174n
- Алларт, Эрик (Allardt, Erik) xi, 116n, 187n, 202n, 207n, 210n, 216n, 218n, 248n, 273n
- Алмонд, Габриэль (Almond, Gabriel) 68n, 97n, 106n, 112-14, 112n, 114n, 179n
- Андерсон, Джон (Anderson, John) 514
- Андерсон, Дьюи (Anderson, H. Dewey) 191n, 230n, 306n, 338n
- Анжельби, Луи (Angelby, Louis) xi, 164
- Аптекер, Беттина (Aptheker, Bettina) 541
- Аристотель vii, 31, 455, 460, 467, 468, 473
- Арон, Реймон (Aron, Raymond) 351n, 359n-60n, 440, 524, 525, 526, 534, 536, 539, 547, 548, 556
- Афанасьев, В. Г. 506
- Балцелл, Дигби (Baltzell, E. Digby) 313n, 321n, 322, 322n, 364, 365n, 375n
- Барнз, Сэмюэл (Barnes, Samuel H.) 520
- Бартон, Аллен (Barton, Allen H.) xi, xii, 117n, 251
- Бибель, Август (Bebel, August) 463
- Беван, Анейрин (Bevan, Aneurin) 428
- Белл, Дэниел (Bell, Daniel) xi, 18n, 48n, 92n, 170n, 172n, 317n, 335n, 340n, 373, 374, 375, 376n, 377, 379, 381, 413n, 439n, 451n, 506, 508, 524, 525, 526, 536, 539, 543, 547, 549, 550, 552, 554, 555, 556
- Беллер, Д. (Beller, D. C.) 560
- Бендикс, Рейнхард (Bendix, Reinhard) x, 1n 11n, 17n 149, 149n, 150, 179n, 199n, 218n, 250n, 268n, 271, 272n, 273n, 283n, 347n, 348n, 349n
- Бенсон, Ли (Benson, Lee) 311n
- Бергер, Морроу (Berger, Morroe) xiii
- Бёрк, Эдмунд (Burke, Edmund) 18, 368
- Берлин, Исайя (Berlin, Isaiah) 532
- Бернхем, Уолтер (Bunham, Walter Dean) 465, 465n
- Бернстайн, Базиль (Bernstein, Basil) 109n, 111-12, 111n
- Бжезински, Збигнев (Brzezinski, Zbigniew) 506
- Бигл, Аллен (Beegle, J. Allen) 145, 145n, 150n, 244n
- Бир, Макс (Beer, Max) 465, 465n
- Бирд, Чарльз (Beard, Charles) 305-6, 331n
- Бисмарк, Отто фон (Bismarck, Otto von) 123
- Блонер, Роберт (Blauner, Robert) xiv, 249n
- Блумберг, Хаймен (Blumberg,

* В указателе сохранены номера страниц по английскому оригиналу (см. прим на с. 586); начало страницы указано на внешних полях под чертой. Если лицо упоминается лишь в библиографической ссылке на цитируемый источник, его имя и фамилия даются только по-английски без перевода на русский. В указатель имен не включены лица, упоминаемые в главах 14 и 15 только в библиографических ссылках на цитируемые источники и рекомендованную литературу.

- Нуман) 414
 Боден, Жан (Bodin, Jean) 3
 Бональд, Луи (Bonald, Louis) 18
 Бонем, Джон (Bonham, John) 16n, 238n, 295n, 325n, 326n
 Боттомор, Томас (Bottomore, Thomas) 53n, 538, 539, 551, 562
 Брайант, Уильям (Bryant, William Cullen) 320n
 Брайс, Джеймс (Bruce, James) 39, 39n, 136n, 351n, 352n, 447n
 Брандейс, Луис (Brandeis, Louis D.) 322
 Брекенридж, Джон (Breckenridge, John C.) 373, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381
 Бриджес, Гарри (Bridges, Harry) 388, 388n
 Бротц, Говард (Brotz, Howard) 447, 448n
 Брюкберже, Р. Л. (Bruckberger, R. L.) 352n, 368n
 Буланже, Жорж (Boulanger, Georges) 196
 Бэдджот, Уолтер (Bagehot, Walter) 352

 Валлэндигам, Клемент (Vallandigham, Clement L.) 330n
 Ван Бюрен, Мартин (Van Buren, Martin) 375, 375n
 Варгас, Жетулио (Vargas, Getulio) 136, 175-76, 176n
 Вебер, Макс (Weber, Max) 9-12, 10n, 19-20, 27, 27n, 28, 28n, 34n, 57, 58n, 59, 59n, 61n, 133, 204, 204n, 402, 403n, 414-15, 415n, 421, 449, 449n, 550, 552
 Веблен, Торнстейн (Veblen, Thorstein) 364
 Вильсон, Вудро (Wilson, Woodrow) 314, 315-17, 365, 369n
 Вольф, Роберт (Wolff, Robert) 537
 Галенсон, Уолтер (Galenson, Walter) 29n, 54, 54n, 263n
 Гамильтон, Александр (Hamilton, Alexander) 16
 Гамильтон, Ричард (Hamilton, Richard) 480, 480n, 481
 Гардинг, Уоррен (Harding, Warren G.) 316
 Гарриман, Аверелл (Harriman, W. Averell) 13, 321, 328
 Гастиль, Раймонд (Gastil, Raymond) 471
 Гастингс, Филип (Hastings, Philip K.) 228, 229n
 Гасфилд, Джозеф (Gusfield, Joseph R.) 1n, 542
 Гегель, Георг (Hegel, Georg W. F.) 3
 Гейбеннеш, Хауард (Gabennesch, Howard) 480, 480n
 Гейджер, Теодор (Geiger, Theodore) 24n, 149n, 150, 248n, 252n, 342, 343n
 Гейс, Филлис (Geiss, Phyllis) 284, 284n
 Гейтскел, Хью (Gaitskell, Hugh) 440, 445
 Гитлер, Адольф (Hitler, Adolf) 130, 137, 138, 141, 151, 151n, 153, 173n, 279, 281
 Глок, Чарльз (Glock, Charles Y.) xiii
 Гоббс, Томас (Hobbes, Thomas) 3
 Голдуотер, Барри (Goldwater, Barry) 513
 Голь, Шарль де (Gaulle, Charles de) 127, 130, 155, 156, 159, 163
 Гольдман, Люсьен (Goldmann, Lucien) 467, 536
 Гомперс, Сэмюэл (Gompers, Samuel) 420, 424
 Гордон, Маргарет (Gordon, Margaret S.) xiii
 Горький, Максим 463
 Гоудден, Клинтон (Golden, Clinton S.) 391, 391n
 Грабб, Эдвард (Grabbs, Edward) 482, 483n
 Грин, Р. Т. (Green, R. T.) 480, 480n
 Грюнинг, Эрнест (Gruening, Ernest) 363

- Гувер, Герберт (Hoover, Herbert) ххv, 312n, 332
- Гугенхейм, Саймон (Guggenheim, Simon) 364
- Гэй, Питер (Gay, Peter) 490, 490n
- Гэлбрейт, Джон Кеннет (Galbraith, John Kenneth) 506, 508, 545, 546, 551, 563, 564
- Гэллуп, Джордж (Gallup, George) 25n, 304
- Даймонд, Ларри (Diamond, Larry J.) 470, 470n, 471, 472, 472n, 473, 473n, 474, 474n, 475n, 476n
- Даль, Роберт (Dahl, Robert A.) xi, 17n, 29n, 78, 78n, 470, 470n, 471, 472
- Дарендорф, Ральф (Dahrendorf, Ralf) 440n, 543
- Дауэр, Мэннинг (Dauer, Manning) 16, 16n, 311n, 326n
- Де Леон, Дэниел (De Leon, Daniel) 464, 464n
- Дебре, Мишель (Debre, Michel) 163
- Джей, Мартин (Jay, Martin) 534
- Джексон, Эндрю (Jackson, Andrew) 313, 375n, 376, 381, 382n
- Джермани, Джино (Germani, Gino) 137n, 174, 174n, 494
- Джефферсон, Томас (Jefferson, Thomas) 16, 311, 313
- Джонсон, Линдон (Johnson, Lyndon) 362n, 538
- Джонсон, Уиллард (Johnson, Willard) 510
- Дизраэли, Бенджамин (Disraeli, Benjamin) 123, 292, 297-98, 299, 321, 469
- Дикс, Артур (Dix, Arthur) 252n, 281, 281n
- Дилворт, Ричардсон (Dilworth, Richardson) 13
- Доган, Маттей (Dogan, Mattei) 113n, 167n, 194n, 206n
- Дольфус, Энгельберт (Dollfuss, Engelbert) 130
- Дональд, Дэвид (Donald, David) 319, 319n
- Доренруден, Брюс (Dohrenwend, Bruce P.) 479, 479n
- Дрейфус, Альфред (Dreyfus, Alfred) 196
- Друкер, Питер (Drucker, Peter) 199, 199n, 452
- Дубински, Дэвид (Dubinsky, David) 418, 420
- Дуглас, Пол (Douglas, Paul) 363
- Дуглас, Стивен (Douglas, Stephen A.) 314n, 373, 375, 376n, 379
- Дьюи, Джон (Dewey, John) 39n, 40n
- Дьюи, Томас (Dewey, Thomas E.) 328
- Дэвидс, Энтони (Davids, Anthony) 96, 96n
- Дэвидсон, Перси (Davidson, Percy E.) 191n, 230n, 306n, 338n
- Дэвидсон, Филлипс (Davison, W. Phillips) 100n, 106n
- Дэвис, Джеймс (Davies, James C.) 554
- Дэвис, Эллисон (Davis, Allison) 107n
- Дюверже, Морис (Duverger, Maurice) 113n, 140n-41n, 157n, 158n, 159n, 160n, 188n, 206n-7n, 217n, 221n, 233n
- Дюпе, Жорж (Dupeux, Georges) 163-65, 191n
- Жирар, Ален (Girard, Alain) xi, 160n, 162n, 235n
- Жувенель, Бертран (Jouvenal, Bertrand de) 341, 341n, 440
- Зигфрид, Андре (Siegfried, André) 131n-32n, 195, 195n, 244n, 245, 274n, 292n
- Зиммель, Георг (Simmel, Georg) 77n, 81, 81n, 212n
- Зомбарт, Вернер (Sombart, Werner) 463, 463n

- Инглхарт, Рональд (Inglehart, Ronald) 508, 509
- Инкельс, Алекс (Inkeles, Alex) xi, 348n, 473, 473n, 474n
- Истон, Дэвид (Easton, David) 17n, 29n
- Каазе, Макс (Kaase, Max) 520
- Кабберли, Эллвуд (Cubberley, Ellwood P.) 309, 309n, 310n
- Канлиф, Маркус (Cunliffe, Marcus) 365, 365n
- Кантрил, Хадли (Cantril, Hadley) 47n, 106n, 108, 108n, 118n, 194n, 243n, 285n, 304n
- Карнеги, Эндрю (Carnegie, Andrew) 364, 364n
- Карстен, Франсис (Carsten, Francis) 495
- Картер, Джимми (Carter, Jimmy) 514, 515
- Катрайт, Филлипс (Cutright, Phillips) 470, 470n, 471, 471n
- Каунтс, Джордж (Counts, George) 341
- Каутский, Карл (Kautsky, Karl) 463, 466
- Кацнельсон, Рена (Katznelson, Rena) xiv
- Квинт, Говард (Quint, Howard) 462, 463n
- Кей-мл., В. О. (Key, V. O., Jr.) 185, 185n, 195n, 209n, 226, 227n, 244n, 287-88, 288n, 289n, 291n, 306n, 307, 322n, 324n, 372n
- Кенистон, Кеннет (Keniston, Kenneth) 525, 542
- Кеннеди, Джон (Kennedy, John F.) 321, 362, 538, 545
- Кеннеди, Роберт (Kennedy, Robert) 513
- Кеннеди, Эдвард (Kennedy, Edward) 514, 564
- Керти, Мерл (Curti, Merle) 351n, 365, 365n
- Кинси, Альфред (Kinsey, Alfred C.) 208, 208n
- Киркпатрик, Джин (Kirkpatrick, Jeane) 512
- Киркхаймер, Отто (Kirchheimer, Otto) 535, 536n
- Кларк, Джозеф (Clark, Joseph Sill) 321
- Кларк, Колин (Clark, Colin) 56n, 79n, 440
- Кларк, Элмер (Clark, Elmer T.) 23n, 97-98, 98n
- Клей, Генри (Clay, Henry) 330
- Кливленд, Гровер (Cleveland, Grover) 313, 315, 329n-30n
- Кнудд, Чарльз (Cnudde, Charles F.) 470, 470n
- Коглин (Coughlin) 485
- Комаровски, Мирра (Komarovsky, Mirra) 103n, 202n, 410n, 422n
- Кон, Мелвин (Kohn, Melvin L.) 478-479, 479n
- Корнхаузер, Уильям (Kornhauser, William) xi, xiiin, 52n
- Корпи, Уолтер (Korpi, Walter) 483, 484, 484n
- Косолапов, В. 506
- Коттрелл, Леонард (Cottrell, Leonard) xii
- Коулман, Джеймс (Coleman, James S.) xi, 8n, 22n, 199n, 203n, 249n, 405n
- Криппс, Стаффорд (Cripps, Stafford) 13
- Кристол, Ирвинг (Kristol, Irving) 357n, 358, 358n
- Крозье, Мишель (Crozier, Michel) 544
- Кросленд, Уиллард (Crosland, Anthony) 511
- Кроссман, Ричард (Crossman, Richard) 440, 441-42, 441n, 442n
- Круйтбош, Карлос (Kruytbosch, Carlos) xiv
- Лагюардиа, Фьорелло (La Guardia, Fiorello) 451

- Лазарсфельд, Пауль (Lazarsfeld, Paul F.) x, xi, xii, 13n, 16n, 59-60, 60n, 78n, 197n, 203n, 210n, 212n, 220n, 222n, 260n, 262, 262n, 281n, 282n, 287n, 294n, 308n, 337, 337n, 347n, 349, 350n, 358, 358n, 361n, 370, 370n, 394n, 435, 436n
- Ларсон, Артур (Larson, Arthur) 359, 545
- Лассуэлл, Гарольд (Lasswell, Harold) 132, 132n
- Лафарг, Поль (Lefargue, Paul) 464
- Лафоллет-ср., Роберт (La Follette, Robert M., Sr.) 291, 359n
- Лейба, Джеймс (Leuba, James) 336, 337n
- Лейн, Роберт (Lane, Robert E.) 1n, 14n, 125n, 187n, 194n, 207, 207n, 210n, 212n, 279n, 544
- Ленин, В. И. 115, 115n, 414, 464, 466, 466n, 477, 557
- Лернер, Дэниел (Lerner, Daniel) 41-44, 42n, 44n, 275n
- Лернер, Макс (Lerner, Max) 446
- Лефевр, Анри (Lefebvre, Henri) 467
- Линд, Роберт (Lynd, Robert S.) x, 207, 207n, 217
- Линд, Эллен (Lynd, Helen M.) 207, 207n, 217
- Линдзи, Гарднер (Lindzey, Gardner) xi, xii
- Линкольн, Авраам (Lincoln, Abraham) 68, 124, 281, 314n, 373, 375, 377
- Линц, Хуан (Linz, Juan) x, xi, xii, 77n, 188n, 190n, 202n, 259n, 260n, 263n, 264n, 491, 491n, 492
- Липпман, Уолтер (Lippman, Walter) 65n
- Липсет, С. М. (Lipset, S. M.) 1n, 8n, 17n, 22n, 29n, 76n, 92n, 121n, 149n, 172n, 192n, 199n, 200n, 203n, 218n, 244n, 249n, 250n, 268n, 269n, 270n, 271, 272n, 273n, 283n, 295n, 317n, 335n, 337n, 349n, 352n, 405n, 422n, 466, 470, 483n, 489n, 524, 525, 526, 536n, 543, 547, 550, 554, 555, 556
- Липсон, Лесли (Lipson, Leslie) 176n
- Лихтгейм, Джордж (Lichtheim, George) 544
- Лодж, Генри (Lodge, Henry Cabot) 320n
- Локард, Дуэйн (Lockard, Duane) 290n, 324n
- Локк, Джон (Locke, John) 3
- Лонг, Хьюи (Long, Huey) 170
- Лопес-Пинтор, Рафаэль (Lopez-Pintor, Rafael) 472, 472n
- Лумис, Чарльз (Loomis, Charles P.) 145, 145n, 150n, 244n
- Льюис, Джон (Lewis, John L.) 21, 388n, 399, 404, 420, 431
- Люти, Герберт (Luethy, Herbert) 68, 68n
- Макговерн, Джордж (McGovern, George) 513, 564
- Макдоналд, Дуайт (Macdonald, Dwight) 358, 358n
- Макдоналд, Дэвид (McDonald, David) 413
- Макиавелли, Никколо (Machiavelli) 459, 460, 461, 467, 473
- Макивер, Роберт (MacIver, Robert M.) 232, 232n
- Маккарти, Джозеф (McCarthy, Joseph) 18, 91n, 125, 170-73, 317, 335, 485
- Маккарти, Юджин (McCarthy, Eugene) 513
- Маккроун, Дональд (McCrone, Donald J.) 470, 470n, 471
- Малевский, Анджей (Malewski, Andrzej) 238, 239n
- Манджер, Франк (Munger, Frank) 287-88, 288n, 307
- Манро, У. Б. (Munro, W. B.) 228, 228n
- Мангейм (Мангейм), Карл (Mannheim, Karl) 24n, 39n, 52n, 280, 280n, 344n, 525, 526, 530, 534, 550, 553, 554

- Мао, Цзедун (Mao Tse-tung) 85
 Маркс, Карл (Marx, Karl) 1, 3, 4-7, 5n, 6n, 8, 9-10, 12, 48, 48n, 51, 97n, 122n, 133n, 179n, 199, 199n, 343, 346, 365, 366, 306n, 460, 461, 462, 465, 467, 468, 505, 511, 522, 523, 557
 Маркузе, Герберт (Marcuse, Herbert) 467, 467n, 468n, 535, 536, 537, 551
 Мартин, Джанет (Martin, Janet L. R.) 500
 Марш, Алан (Marsh, Alan) 509
 Маршалл, Томас (Marshall, Thomas H.), 82n, 549, 550n
 Мейсон, У. (Mason, W. L.) 560
 Меркл, Питер (Merkl, Peter) 491, 492, 493
 Мертон, Роберт (Merton, Robert K.) x, xi, 147, 200, 200n, 208n, 263n, 394n
 Местр, Жозеф де (Maistre, Joseph de) 18
 Миллер, Дэниел (Miller, Daniel R.) xi
 Миллер, С. (Miller, S. M.) 486-488, 486n
 Миллс, Райт (Mills, C. Wright) 10n, 204n, 248n, 403n, 550, 551, 555, 556
 Митчелл, Джон (Mitchell, John) 420
 Михельс, Роберт (Michels, Robert) 4, 9-12, 11n, 13, 13n, 20, 21, 198n, 256n, 343n, 389, 389n, 421, 435n, 436, 526
 Морган, Рой (Morgan, Roy) xi
 Морселл, Джон (Morsell, John A.) 261n, 281, 281n
 Москвичев, Л. Н. 550, 556, 557
 Мосс, Джордж (Mosse, George) 490, 490n
 Муане, Жан-Луи (Moynet, Jean-Louis) 517
 Мур-мл., Баррингтон (Moore, Barrington, Jr.) 443, 443n, 537, 548
 Муссолини, Бенито (Mussolini, Benito) 166, 173, 173n
 Мюрдаль, Гуннар (Myrdal, Gunnar) 49n, 209n, 211n, 214, 215n, 543
 Мюррей, Филип (Murray, Philip) 412, 413-14, 418
 Наполеон III (Napoleon III) 196, 298n
 Напфер, Женевьева (Knupfer, Genevieve) 104, 104n, 205, 206n, 476
 Нейбергер, Ричард (Neuberger, Richard) 362-63
 Николас, А. Г. (Nicholas, A. G.) 352, 353n, 357, 357n, 359n
 Никсон, Ричард (Nixon, Richard) 513, 514
 Нойман, Зигмунд (Neumann, Sigmund) 70n, 74, 74n, 139n, 280n
 Нойман, Франц (Neumann, Franz L.), 430, 430n
 Нольте, Эрнст (Nolte, Ernst) 522
 Норт, Сесил (North, Cecil C.) 114, 114n, 401n
 Ньюкомер, Мейбел (Newcomer, Mabel) 312, 312n
 Олсен, Марвин (Olsen, Marvin E.) 470, 470n, 482n, 482n
 Олфорд, Роберт (Alford, Robert) 504
 Оруэлл, Джордж (Orwell, George) 533
 Паккард, Вэнс (Packard, Vance) 446
 Парсонс, Толкотт (Parsons, Talcott) 3, 4n, 10, 14n, 23n, 78, 78n, 81n, 133, 133n, 232n-33n, 342n, 415n, 459, 460, 489, 543, 550n
 Пастернак, Борис (Pasternak, Boris) 334
 Патнем, Роберт (Putnam, Robert D.) 485
 Патчен, Мартин (Patchen, Martin) 481, 481n
 Педерсен, Могенс (Pedersen, Mogens) 519
 Перлмен, Селиг (Perlman, Selig)

- 427-28, 467n
 Перон, Хуан (Peron, Juan) 87, 136, 173-76, 173n, 174n, 175n, 177n
 Петен, Анри (Pétin, Henri) 159
 Пирлин, Леонард (Pearlin, Leonard) 478, 479n
 Пламенац, Джон (Plamenatz, John P.) 27n
 Платон ххii, 450n
 Плеснер, Хельмут (Plessner, Helmut) 343, 343n
 Поляны, Майкл (Polanyi, Michael) 440
 Поллок, Джеймс (Pollock, James K.) 150n, 245n, 247n
 Потофский, Джейкоб (Potofsky, Jacob) 414
 Прагг, Сэмюэл (Pratt, Samuel) 118n, 139, 144n, 146, 146n, 148n, 248n, 249n, 252n, 264n, 286, 286n
 Прудон, Жозеф (Proudhon, Pierre Joseph) 3
 Пужад, Пьер (Poujade, Pierre) 155, 157-58, 159-60, 161n, 163, 164, 497
 Радклифф-Браун (Radcliffe-Brown, A. R.) 58n
 Райан, Джозеф (Ryan, Joseph) 420
 Райгротски, Эрих (Reigrotzki, Erich) xi, 53n, 188n
 Райс, Стюарт (Rice, Stuart A.) 230n, 244n, 260n
 Рамни, Майкл (Rumney, Michael) 121n-22n
 Рансфорд, Эдвард (Ransford, H. Edward) 482, 482n
 Раствоу, Дэнкуорт (Rustow, Dankwart) 475, 475n
 Раусис, Стивен (Rousseas, Stephen) 555
 Ревель, Жан-Франсуа (Revel, Jean-Francois) 511, 515
 Реджей, М. (Rejai, M.) 560, 562
 Рейган, Рональд (Reagan, Rjnald) 514, 515, 563
 Реутер, Уолтер (Reuther, Walter) 401n, 418
 Риденфелт, Свен (Rydenfelt, Sven) 100, 100n, 106n
 Рисмен, Дэвид (Riesman, David) 186, 186n, 187n, 226, 226n, 228, 228n, 346n, 355, 355n, 367, 367n, 443, 443n, 446, 448-49, 448n, 536, 541, 543
 Риссен, Фрэнк (Riessman, Frank) 486-488, 486n
 Рихта, Радован (Richta, Radovan) 506, 508
 Роггер, Ханс (Rogger, Hans) 496
 Рогоу, Арнольд (Rogow, Arnold A.) 87n
 Розенблюм, Франк (Rosenblum, Frank) 414
 Роккан, Стейн (Rokkan, Stein) xii, 78n, 192n, 214n, 543
 Рокфеллер, Джон (Rockefeller, John D.) 364, 364n
 Рокфеллер, миссис Нельсон (Rockefeller, Mrs. Nelson) 321
 Рокфеллер, Нельсон (Rockefeller, Nelson) 321
 Росс, Артур (Ross, Arthur) xiii, 105n
 Росси, Мавио (Rossi, Mavio) 167, 167n
 Росси, Питер (Rossi, Peter) 348n
 Роудз, Джеймс (Rhodes, James M.) 492, 493
 Роуз, ричард (Rose, Richard) 562
 Рузвельт, Теодор (Roosevelt, Theodore) 68, 320, 329n
 Рузвельт, Франклин (Roosevelt, Franklin D.) 247, 281, 295, 314, 316, 316n, 317, 321, 325, 339, 340, 346, 383
 Руссо, Жан-Жак (Rousseau, Jean Jacques) 3
 Рутенберг, Гарольд (Ruttenberg, Harold) 391, 391n
 Сал, Морт (Sahl, Mort) 326n
 Салазар, Антонио (Salazar, Antonio) 87, 130

- Сапосс, Дэвид (Saposs, David J.) 131, 131n
- Сартр, Жан-Поль (Sartre, Jean-Paul) 351n
- Сауэр, Вольфганг (Sauer, Wolfgang) 490, 490n, 495
- Селзник, Филип (Selznick, Philip) xi, 20n, 52n, 285n
- Сен-Симон, Анри Saint-Simon, Henri) 3
- Сигал, Клэнси (Sigal, Clancy) 88n
- Симпсон, Ричард (Simpson, Richard) 565
- Скулер, Карми (Schooler, Carmi) 478, 479n
- Смит, Дж. (Smith, G. H.) 40n, 92n, 103n
- Смит, Дэвид (Smith, David) 473, 473n
- Смит, Эл (Smith, Alfred E.) 315n, 325, 332n
- Солоу, Роберт (Solow, Robert) 49n-50n
- Сталин, И. В. 346, 522
- Стейпел, Иэн (Stapel, Jan) xii
- Стейси Б. (Stacey, B. G.) 480, 480n
- Стерн, Фриц (Stem, Fritz) 489, 489n
- Стивенс, Джон (Stephens, John D.) 503
- Стивенсон, Эдлай (Stevenson, Adlai) 125n, 223, 303, 321, 333, 337, 340, 361-62, 362n, 513
- Стоццель, Жан (Stoetzel, Jean) xi, 156n, 160n, 161n, 164n, 204n, 236n
- Стоуффер, Сэмюэл (Stouffer, Samuel A.) 14n, 18n, 23n, 40n, 76n, 95, 95n, 101, 101n, 103n, 116n, 432n
- Стэнфорд, Лиланд (Stanford, Leland) 364
- Сэмсон, Лион (Samson, Leon) 346, 346n
- Тауни, Р. (Tawney, R. H.) 123n
- Тафт, Филип (Taft, Philip) 388n
- Тейлор, Закари (Taylor, Zachary) 330
- Тёрнер, Генри (Turner, Henry Ashby) 490, 490n
- Тиленс-мл., Вагнер (Thielans, Wagner, Jr.) 337, 337n, 347n, 349, 350n, 358, 358n, 361n, 370, 370n
- Тингстен, Герберт (Tingsten, Herbert) 14n, 126n, 141n, 187n, 191n, 193n, 195n, 204n, 206, 206n, 209n, 212n, 214n, 216n, 227, 227n, 229, 278n, 439n, 442n, 536n, 543
- Токвиль, Алексис де (Tocqueville, Alexis de) 4, 7-9, 7n-8n, 11, 12, 21, 22, 24, 51, 51n, 52, 65, 65n, 81, 310, 310n, 331, 431, 448, 450, 450n, 456
- Томас, Джон (Thomas, John Clayton) 560, 561
- Томас, Норман (Thomas, Norman) 341
- Трилинг, Лайонел (Trilling, Lionel) 355n
- Троу, Мартин (Trow, Martin) xi, 8n, 22n, 40n, 134, 134n, 171-72, 17m, 199n, 203n, 249n, 405n, 422n
- Троцкий, Лев (Trotsky, Leon) 56, 99, 465, 465n
- Трумэн, Гарри (Truman, Harry S.) 282, 325, 328, 383
- Трумэн, Дэвид (Truman, David) xi, xiii, 77n, 215n
- Турен, Ален (Touraine, Alain) 506, 507, 508, 544
- Тэтчер, Маргарет (Thatcher, Margaret) 563
- Уайт, Уильям (White, William Allen) 320
- Уидик, Б. Дж. (Widick, B. J.) 401, 401n, 431, 43m
- Уилки, Уэнделл (Willkie, Wendell) 317-18, 320, 328
- Уилсон, Брайан (Wilson, Bryan) 98n
- Уилсон, Фрэнсис (Wilson, Francis G.) 227, 227n
- Уильямс, Меннен (Williams, G. Mennen) 321
- Уинхэм, Гилберт (Winham, Gilbert R.) 470, 470n

- Уоллес, Генри (Wallace, Henry A.) 328
- Уоллес, Джордж (Wallace, George) 513, 514
- Уорнер, Ллойд (Warner, W. Lloyd) 202, 202n, 206, 207n, 446, 447
- Фарганис, Джеймс (Farganis, James) 555
- Фаррел, Джеймс (Farrell, James T.) 341
- Фегиз, Луццатто (Fegiz, P. Luzzatto) xi, 167n, 168n
- Федосеев, П. Н. 506
- Фейер, Льюис (Feuer, Lewis S.) xx, xxn, 126n, 334n, 439n, 544
- Филд, Х. Г. (Field, H. H.) 14n, 103n, 110n, 190n, 197n
- Филип, Андре (Philip, Andre) 440
- Филмор, Миллард (Fillmore, Millard) 374
- Фишер, Джон (Fischer, John) 359, 359n, 362n
- Флэнеген, Скот (Flanagan, Scott) 508
- Фокс, Диксон (Fox, Dixon Ryan) 311, 312n, 314n
- Франко, Франциско (Franco, Francisco) 46, 137, 177
- Франц, Гюнтер (Franz, Günther) 141, 141n, 142n, 143n, 145n, 149n
- Фрейд, Загмунд (Freud, Sigmund) 305
- Фридгуд, Энни (Freedgood, Anne) xi
- Фридрих, Манфред (Friedrich, Manfred) 536n
- Хайдман, Х. М. (Hyndman, H. M.) 463
- Хайек, Фридрих (Hayek, Friedrich) 341n, 440, 441
- Хаймен, Герберт (Human, Herbert) xi, xiii, xiiin, 53n, 60n, 103, 103n, 202n, 215n, 279n, 303n
- Хальбвакс, Морис (Halbwachs, Maurice) 195-96, 196n
- Хамфри, Губерт (Humphrey, Hubert) 363, 513
- Хеберле, Рудольф (Heberle, Rudolf) 17n, 55n, 105n, 140, 140n, 141, 141n, 142n, 143n, 144, 144n, 145, 145n, 178, 178n, 244n, 245n, 280n
- Хоггарт, Ричард (Hoggart, Richard) 90n, 108-10, 109n, 110, 110n
- Холкомб, Артур (Holcombe, Arthur) 306, 306n
- Хофстедтер, Ричард (Hofstadter, Richard) xi, xiii, 169n, 319n, 322, 322n, 359n, 365n, 366n
- Хук, Сидни (Hook, Sidney) 341, 440
- Хьюз, Стюарт (Hughes, H. Stuart) 555
- Цеткин, Клара (Zetkin, Clara) 494
- Чин-Шонг (Chin-Shong, Edwin) 479, 479n
- Швейцер, Дэвид (Schweitzer, David) 499
- Шеннон, Лайл (Shannon, Lyle W.) 33n, 42n
- Шилз, Эдвард (Shils, Edward A.) 18n, 233n, 371, 37m, 439n, 440n, 524, 425, 526, 539, 543, 547, 556
- Шитсли, Пол (Sheatsley, Paul), 103, 103n, 303n
- Шклар, Джудит (Shklar, Judith) 544
- Шлезингер-мл., Артур (Schlesinger, Arthur, Jr.) 344n, 440, 545, 546
- Шобер, Ханнс (Schober, Hanns) 152-53
- Шпрангер, Эдвард (Spranger, Edward) 280, 280n
- Штейн, Лоренц фон (Stein, Lorenz von) 3
- Шумпетер, Йозеф (Schumpeter, Joseph) 24n, 27, 27n, 286-87, 287n
- Шурман, Франц (Schurmann, Franz) 557
- Эбрамс, Марк (Abrams, Mark) 296, 297n, 544

- Эйзенхауэр, Дуайт (Eisenhower, Dwight D.) 125n, 211n, 223, 271n, 282, 303, 303n, 304, 318, 318n, 325, 327, 328, 337, 340, 359, 360
- Эймс, Джозеф (Aymes, Joseph) 411n
- Эленштейн, Жан (Ellenstein, Jean) 517
- Эмерсон, Ральф Уолдо (Emerson, Ralph Waldo) 331n
- Энгельс, Фридрих (Engels, Friedrich) 54, 56, 56n, 97, 97n, 106n, 113, 178, 179n, 199, 199n, 366, 366n, 463, 522, 523, 557
- Эпстайн, Леон (Epstein, Leon) 266n, 307n, 316n
- Эрвин, Дерек (Urwin, Derek) 562
- Эриксен, Чарльз (Eriksen, Charles W.) 96, 96n
- Этциони, Амитай (Etzioni, Amitai) xiv
- Ягода, Мария (Jahoda, Marie) 192, 192n, 200n
- Яновиц, Моррис (Janowitz, Morris) 1n, 16n, 29n, 102n, 103n, 197n, 222, 223n
- Abel, Theodore xiii, 491, 492
- Abemethy, Thomas P. 376n
- Adoratsky, V. 7n
- Alford, Robert xi
- Allinsmith, Beverly 308n
- Allinsmith, Wesley 308n
- Antoni, Carlo 10n
- Apter, David 52n, 84n
- Arendt, Hannah 52n
- Argyle, Michael 255n, 278n
- Arneson, B. C. 209n
- Bakke, E. W. 116n, 193, 193n
- Banfield, Edward 53n, 205n, 274n
- Barber, Bernard 404n, 406n, 410n
- Barrett, W. 312n
- Bean, Louis 15n
- Beard, Mary 331n
- Beckerath, Erwin von 166n
- Behrendt, R. 280n
- Belden, A. D. 198n, 398n
- Benney, Mark 13n-14n, 197n, 209n, 212n, 213n, 255n, 263n, 284, 284n
- Benson, E. G. 251n
- Berelson, Bernard 13n, 16n, 78n, 187n, 197n, 203n, 210n, 212n, 220n, 221, 222n, 260n, 262n, 281n, 282n, 287n, 294n, 308n
- Berthoff, Rowland T. 315n
- Biaden, Charles S. 99n
- Binkley, Wilfred E. 314n, 331n
- Birch, A. H. 210n, 255n
- Bisele, Rudolph L. 380n
- Blankstein, George I. 177n
- Blau, Peter 18n
- Bowman, Claude C. 364n
- Bracher, Karl D. 138n, 139, 141n, 144n, 536n
- Bremme, Gabriele 141n, 188n, 206n, 207n, 222n
- Bricker, John W. 328
- Brinton, Crane 342n, 345n
- Brissenden, Paul F. 104n
- Brodbeck, Arthur 14n, 78n, 233n, 288n
- Brogan, Denis W. 447n
- Bronfenbrenner, Urie 107n
- Brown, F. J. 209n
- Bruce, A. A. 291n
- Bruner, Jerome S. 208n
- Brunner, Otto 439n
- Bruun, Kjetil 187n, 207n, 210n, 216n, 218n
- Bryan, Alice I. 339n
- Bryson, Lyman 352n, 394n
- Buchanan, William 47n
- Bull, E. 245n
- Bullitt, Stimson 443n, 444n
- Burdick, Eugene 14n, 78n, 233n, 288n
- Burks, R. V. 273n
- Burnham, James 389n, 452
- Butler, David E. 192n, 216n

- Cadert, Jacques 198n
 Calvin, John 122n
 Campbell, Angus 187n, 193n, 197n,
 209n, 260n, 262n, 288n, 304n,
 305n, 308n, 318n
 Campbell, John D. 348n
 Campbell, Peter 158, 159n, 262n
 Caprariis, Vittorio de 167n
 Centers, Richard 96n, 247n, 252n,
 265n, 348n
 Chinoy, Eli 410n, 419n
 Christie, Richard 94n, 96n, 233n
 Cleland, Sherrill 265n
 Cogley, John 340n
 Cohn, Werner 115n, 308n
 Coke, Ricardo Cruz 246n
 Cole, A. C. 382n
 Combs, J. W., Jr. 284n
 Compagna, Francesco 167n
 Connelly, G. M. 103n, 116n, 100n,
 197n
 Cook, Peggy 96n
 Cooper, H. C. 209n
 Coser, Lewis 340n
 Coser, Rose Laub 56n
- Davis, Kingsley 72n, 284n
 Derber, M. 285n
 Deutscher, Issac 99n
 Dittmann, W. 352n
 Doan, E.N. 291n
 Dollard, John 211n
 Donnison, D. 262n
 Dorman, Lewy 376n
 Dreyfuss, Carl 263n
 Dubin, Robert 105n
 Duncan, Otis D. 381n
 Durkheim, Emile 23n, 47n
 Dutte, R. Palme 147n
- Eckstein, Harry H. 21n
 Egbert, Donald 340n
 Eldersveld, Samuel J. 1n, 245n, 247n
 Engelhardt, Viktor 113n
 Eulau, Heinz 1n
- Fans, Robert E. L. 196n
 Fenton, John H. 316n
 Ferkiss, Victor C. 169n
 Feuer, Kathryn 334n
 Finer, Herman 228n
 Fisher, Louis H. 285n
 Fitzgibbon, Russell H. 31n
 Flechtheim, Ossip K. 56n, 104n, 246n
 Fletcher, Mildred 287n, 289n
 Fletcher, Ralph 287n, 289n
 Fogarty, Michael P. 243n, 246n, 257n,
 260n
 Ford, Henry 364
 Freedman, Morris 370n
 Friedrich, Carl J. 76n-77n, 105n
 Fuchs, Lawrence H. 308n
- Gallagher, O. R. 53n
 Gamson, William 482n
 Garceau, Oliver 21n
 Gaston, H. G. 29 m
 Gaudet, Hazel 187n, 197n, 203n,
 210n, 212n, 262n, 281n, 287n, 308n
 George, Wilma 248n
 Gerth, Hans 10n, 147, 204n, 281n,
 403n
 Girod, Roger 200n, 210n, 216n
 Gittler, Joseph B. 1n
 Gladstone, P. 245n
 Glantz, Oscar 308n, 327, 327n
 Glass, David V. 53n
 Glazer, Nathan xi, 92n, 186, 186n,
 187n
 Gleicher, David B. 210n
 Goguel, Francois 104n, 128n, 159n,
 289n
 Goldhamer, Herbert 410n
 Goldstein, Joseph 435n
 Goodman, Leo A. 381n
 Gordon, Joan 218n
 Gorlitz, Walter 147n
 Gosnell, Harold F. 104n, 187n, 195n,
 209n, 228n, 246n, 247n, 292n, 308n
 Gouldner, Alvin W. 186n, 464n, 410n,
 413n
 Gray, A. P. 14n, 197n, 209n, 212n,

- 213n, 255n, 263n
Greenstein, Fred L. 270n
Gulick, Charles A. 69n, 75n, 154n
Gurin, Gerald 187n, 260n, 262n,
304n, 305n, 308n, 318n
Gurland, A. R. L. 204n, 216n, 221
Gurvitch, Georges 5n
Guterman, Norbert 18n
- Hafland, Arild 148n
Hagman, Meinrad 142n
Hamilton, Thomas 310n
Handlin, O. 284n
Harding, J. 194n
Hardman, J. B. S. 389n
Harlan, H. H. 95n
Harris, Louis 193n, 194n, 25m, 282,
282n, 286n, 295n, 308n, 318n, 325n
Harrison, Leopold H. 334n
Harrison, S. S. 261n
Hartley, Eugene L. 107n
Hartmann, George W. 268n, 338n
Hartz, Louis 344n
Hass, Eric 388n
Hassner, Pierre 160n, 161n
Hastad, Elis 118, 253n
Hatt, Paul K. 401n
Havard, William C. 371n
Havemann, Ernest 338n
Heard, Alexander 289n, 290, 291n,
372n
Heckscher, Gunnar 53n
Heinrichsbauer, August 148n
Henderson, A. M. 415n
Hermens, F. A. 143n
Hicks, Granville 228n
Hicks, John D. 244n, 353n
Hillman, Sidney 414, 415, 420
Himmelfarb, Gertrude 345n
Hoffman, Stanley 158n, 159n
Hogan, D. N. 227n
Høgh, E. 117n
Horkheimer, Max 52n
Howard, Perry H. 170n, 384n
Howe, Irving 340n, 401, 401n, 431,
431n
- Jacobs, Paul 285n
Jamieson, Stuart 245n
Janson, Carl-Gunnar 214n
Jartti, P. 202n
Johnson, John J. 135n, 176n
Jones, W. H. Morris 14n, 227n
Jong, J. J. de 243n, 259n, 286n
Jowett, Benjamin vii
Jyrkila, F. 202n
- Kahn, R. L. 187n, 193n, 197n
Kapitsa, I. 334
Kefauver, Estes 328
Kendall, Patricia 436
Kerr, Clark 105n
Kido, Kotaro 40n, 94n, 105n
Kitt, Alice 210n
Kluckhohn, Clyde 451n
Kolb, William A. 401n
Kopald, Sylvia 389n
Korakas, Manolis 46n
Korchin, S. J. 193n, 197n, 208n, 212n,
281n, 308n
Kornhauser, Arthur W. 102n, 10n,
268n, 337n, 338n
Kornhauser, Ruth 262n
Kremer, Willy 198n
Kriesberg, Louis 20n
Kriesberg, Martin 212n
Kruglak, Theodore E. 340n, 342n
Kruijt, J. P. 256n
- Lambert, Jacques 176n
Langer, P. 261n
Laski, Harold J. 34n
Lauwerys, J. A. 214n
Lavan, Georges 157n
Lebedz, Leopold 239n
Lederer, Emil 52n
Leger, B. 245n
Leibenstein, Harvey 43n
Lelau, Claude 161n
Leuchtenburg, William E. 365n
Levinson, Daniel J. 95n
Lewis, Roy 342n

- Litchfield, E. H. 209n, 295n
 Littunen, Y. 302n
 Lochner, Louis P. 148n
 Lorwin, Val R. 56n
 Lowenthal, Leo xi, 18n
 Lubell, Samuel 271n, 306n, 316n,
 324n
 Ludeke, H. 320n
 Lukacs, Georg 6n
 Lunt, Paul S. 202n, 206, 207n
- Maccoby, Eleanor E. 107n
 Maccoby, Herbert 53n
 Mackenzie, H. C. 206n, 214n, 262n,
 270n
 MacPherson, C. B. 244n
 MacRae, Donald G. 123n
 MacRae, Duncan, Jr. 306n
 Manis, Jerome G. 271n
 Marack, Dwame 16n-17n, 29n, 102n,
 103n, 197n, 222, 223n
 Marks, Ely 215n
 Martin, James G. 95n,
 Martin, Roscoe C. 191n
 Martin, C. E. 208n
 Martineau, Harriet 310n, 447, 448-49,
 449n
 Masters, N. A. 266n
 Mattes, W. 205n
 Maude, Angus 342n
 Mayer, A. J. 102n
 Mayer, J. P. 1xn
 McCarthy, P. 215n
 McCloskey, Herbert 344n
 McKeon, Richard viiIn, 27n
 McKinnon, W. J. 96n
 McPhee, William N. 13n, 16n, 78n,
 187n, 212n, 260n, 262n, 205n, 281n,
 282n, 287n, 294n, 308n
 Meinecke, F. 298n
 Melikian, Levon 91n
 Merriam, Charles E. 187n, 209n
 Meyer, Maximilian 204n, 216n
 Meyers, Marvin 314n
 Meynaud, Jean 158n
 Micaud, Charles 70n
- Miller, H. A., 284n
 Miller, Warren E. 187n, 260n, 362n,
 288n, 304n, 305n, 308n, 318n, 323n
 Milne, R. S. 206n, 214n, 263n, 270n
 Mitrany, David 198n
 Moos, Malcolm 246n, 329n, 359
 Mosteller, Fred 215n
 Mueller, Henry R. 330n
 Munke, Stephanie 204n, 216n, 221
 Munro, Katherine 69n
 Muste, A. J. 389n, 404n
- Narbonne, Jacques, 206n
 Naumann, F. 298n
 Neisser, Hans 148n
 Newcomb, Theodore M. 268n, 338n
 Nicholas, Herbert G. 104n, 201n,
 245n, 248n, 286n
 Niebuhr, Reinhold 57n
 Nilson, S. S. 134n, 244n, 246n
 Nisbet, Robert 8n
 Novsiainen, Jaako 100n
 Nu, U 85n
- Ogbum, W. F. 308n, 315n
 Orleans, Harold 444n
 Ortega y Gasset Jose 52n
 Overacker, Louise 256n, 340n
- Padgett, L. V. 84n
 Padover, Saul 355n
 Page, Charles xiii
 Park, Robert E. 284n
 Parker, Alton 329n
 Pear, R. H. 14n, 197n, 209n, 212n,
 213n, 255n, 263n
 Pesonen, Pertti 118n, 478n
 Peterson, Edward Norman 148n
 Phillips, Ulrich B. 376n
 Pier, Arthur S. 313n
 Pinner, Frank A. 285n
 Polanyi, Karl 133n
 Pollak, Otto 285n
 Pomeroy, W. B. 208n
 Pool, Ithiel de Sola xii
 Pope, Listen 97n

- Potter, A. 362n
Powell, Inge B. 187n
Prothro, E. T. 90n-91n
- Quint, Herbert 147n
- Raditsa, Bogdan 354n
Radkey, Oliver 15n
Rainwater, Percy Lee 376n
Reznick, Samuel 330n
Rhys, Ernest 450n
Robb, James H. 125n
Robinson, T. A. 29 m
Robinson, William S. 381n
Rogoff, Natalie 269n
Roper, Elmo 187n, 268n, 318n
Rose, Arnold W. 53n, 94n
Rosenberg, Morris 60n, 229n, 350n
Ross, J. F. S. 245n
Rossiter, Clinton 344n
Rosten, Leo 339n, 342n
Roucek, J. S. 209n
Rustow, Dankwart A. 188n, 373n
- Samuel, Raul 162n
Sanford, F. H. 14n, 103n
Sanford, R. Nevitt 95n
Schachtner, R. 213n
Schafer, Joseph 314n
Schepis, G. 273n
Schmahl, Eugen 142n
Schnore, Leo 43n
Schoenfeld, Ed 357n
Schram, Stuart R. 257n
Scott, J. C., Jr. 53n
Seeman, Melvin 346n
Seipel, Wilhelm 142n
Sellers, Charles G. 382n
Sevrin, Jean-Louis 312n
Shanks, Henry T. 376n
Shannon, David A. 121n
Shannon, J. B. 372n
Shawcross, Hartley 13
Shepard, Herbert A. 410n
Sheppard, A. L. 102n
Shister, Joseph 390n
- Siegel, Abraham 105n
Siegel, Saul M. 107n
Silberner, E. 121n
Simao, A. 117n, 176n
Simon, Walter B. 153, 153n, 154n,
246n, 256n
Sindler, Allan P. 384n
Sitterson, Joseph Carlyle, 376n
Sklare, Marshall 308n
Smuts, Robert W. 447n
Socha, Zeigniew 239n
Soustelle, Jacques 163
Spargo, John 366n
Spinley, B. M. 109n
Standing, W. H. 29 m
Stanton, Frank 436n
Stanwood, Arthur 375n
Stephan, W. 252n
Stine, Leo C. 271n
Stokes, Donald E. 288n
Striefler, Heinrich 141n, 149n
Sugi, Masataka 40n, 94n, 105n
Svalastoga, K. 239n
Swanson, Guy E. 107n
Swearingen, R. 261n
- Taft, Robert A. 328, 330
Talbot, N. S. 308n, 315n
Thyssen, Fritz 147n
Titus, Charles H. 210n
Tobin, Daniel 388n
Torsvik, Per, 78n, 214n
Townley, A. C. 291
Towster, Julian 210n
Troeltsch, Ernst 98, 98n
Truman, Thomas C. 247n, 441n
Tumin, Melvin M. 95n
- Wallerstein, Immanuel 172n
Webb, Leicester 124n, 256n
Webb, Sidney 198n
Weil, Felix J. 177n
Wells, Henry 91n
West, Patricia S. 200n, 338n
Westerstahl, Jorgen 214n

Westie, Frank R. 95n
Whitaker, Arthur P. 30n, 175n
White, Hayden V. 10n
Whyte, William H. 271n, 446
Wicoff, Evelyn 251n
Williams, Philip 156n, 157n
Wilson, Logan 401n
Wolf, Katherine M. 436n

Wolfinger, Raymond E. 270n
Woodward, Julius L. 187n
Wright, Charles L. 53n, 104n, 202n
Wright, D. S. 266n
Wyckoff, Theodore 176n

Zeisel, Hans 192, 192n
Zetterberg, Hans L. 250n, 270n, 271

В Москве книги издательства «Мысль»
можно купить в магазине:

«Фаланстер»

Пн–Вс 11⁰⁰—20⁰⁰

м. Тверская, Пушкинская, Чеховская
Малый Гнездниковский пер., 12/27

Вход в арке, над аркой вывеска "КНИГИ", 2-й этаж.

Тел.: (495) 749-57-21

Мартин ЛИПСЕТ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК
Социальные основания политики

Подписано в печать 21.08.2015. Формат 60×90/16

Бумага офсетная № 1.

Объем 38,5 п.л. Тираж 1000 экз. Заказ № 4966.

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т. 8(499)270-73-59

Мартин Липсет (1922—2006) — один из крупнейших политических социологов США. Всемирную известность ему принесли работы по сравнительной политологии и социологии демократии, а также теория связи между уровнем экономического развития и демократией, заложившая помимо прочего основы теории модернизации.

«Политический человек» — классическое и одно из наиболее цитируемых сочинений по политической социологии, переведенное на 20 языков. Центральная тема книги — социальные основы демократии и авторитаризма (в том числе разных форм фашизма) — исследуется не только на примере политики и выборов, но применительно к случаю «частного правительства» — профсоюзов. Отдельная глава посвящена роли интеллектуалов в демократическом обществе.

* * *

«Желание выявить в этой книге условия демократического строя отражает мое, возможно слишком рационалистическое, убеждение в том, что более полное понимание различных условий, при которых существовала демократия, может помочь людям сформировать ее там, где ее сейчас не существует».

«Политика демократии — это неизбежно в какой-то степени и политика конформизма для элиты общества. Коль скоро массы получают доступ в элиту, коль скоро людям, принадлежащим к элите, приходится в своих действиях учитывать реакцию масс, свобода элиты (будь то политической или творческой) ограничивается».

